38640

Проп. 50

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ
на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ
РУССКАЯ МЫСЛЬ,
(годъ изданія 32-й).

Поправки.

Въ мартовской книгѣ на стр. 182 въ заглавіи стихотворенія *Allegro*

Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
осенній холодъ	огненный холодъ

Въ статьѣ *В. Я. Богучарскаго* „Изъ исторіи политической борьбы въ 80-хъ годахъ“ на стр. 67, 6 и 7 строка сверху,

Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
„министровъ“	„легистовъ“
На стр. 69, 14 строка сверху: политическое плутовство	политическое шутовство

Въ апрѣльской книгѣ пропущено, что „матеріалы“ о „Бездninскомъ бунтѣ“ (см. стр. 103) сообщены *А. А. Островскимъ*.

подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе **20** числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. № 3, въ книжныхъ магазинахъ „Звено“, „Образованіе“, М. О. Вольфа и Н. П. Карбасникова, въ конторѣ Н. Печковской; въ Спб.—въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и кн. скл. „Право“; въ Вильнѣ и Варшавѣ—въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ—въ книжн. магаз. Н. Я. Оглобина „Трудъ“; въ Одессѣ—въ книжн. магаз. „Трудъ“ и „Одесскія Новости“; въ Саратовѣ—въ книжн. магаз. „Новаго Времени“; въ Харьковѣ—въ кн. магаз. Дредеръ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ,

(годъ изданія 32-й).

Издается подъ редакціей **П. Б. Струве**,

при постоянномъ сотрудничествѣ: **К. Д. Бальмонта, А. Н. Бенуа, Н. А. Бердяева, В. Я. Брюсова, С. Н. Булгакова, Андрея Бѣлаго, В. И. Вернадскаго, Л. И. Гальберштадта, М. О. Гершензона, В. Ф. Гефдинга, З. Н. Гиппіусъ, Л. Я. Гуревичъ, И. М. Гревса, Д. Е. Жуковскаго, А. С. Изгоева, А. А. Кауфмана, А. А. Кизеветтера, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, С. В. Лурье, В. А. Маклакова, Д. С. Мережковскаго, В. Д. Набокова, П. И. Новгородцева, А. М. Ремизова, А. М. Рыкачева, Ѳ. Сологуба, кн. Е. Н. Трубецкого, кн. Гр. Н. Трубецкого, Д. В. Философова, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.**

Въ литературно-критическомъ отдѣлѣ ближайшее участіе принимаетъ **В. Я. Брюсовъ.**

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ дост. и перес. въ Россіи . . .	**15** р.	**11** р. **25** к.	**7** р. **50** к.	**3** р. **75** к.
За границу . . .	**17** „	**12** „ **75** „	**8** „ **50** „	**4** „ **25** „

На одинъ мѣсяцъ только для иногородн. внутри Россіи **1** р. **25** к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1** р. **50** к.

За перемѣну адреса взимается **25** коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается **50** коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе **20** числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. № 3, въ книжныхъ магазинахъ „Звено“, „Образованіе“, М. О. Вольфа и Н. П. Карбасникова, въ конторѣ Н. Печковской; въ Спб.—въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и кн. скл. „Право“; въ Вильнѣ и Варшавѣ—въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ—въ книжн. магаз. Н. Я. Оглобина „Трудъ“; въ Одессѣ—въ книжн. магаз. „Трудъ“ и „Одесскія Новости“; въ Саратовѣ—въ книжн. магаз. „Новаго Времени“; въ Харьковѣ—въ кн. магаз. Дредеръ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ПЕТРА СТРУВЕ

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ.

Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 г.).

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе.

I ОТДѢЛЪ. Политика.

Скорѣе за дѣло!—Наканунѣ новаго (1906) года.—Русская идейная интеллигенція на распутьѣ.—Черносотенный соціализмъ.—Памяти М. Я. Герценштейна.—Изъ размышленій о русской революціи. I. „Современность“ и „элементарность“ русской революціи.—II. Консерватизмъ интеллигентской мысли.—Двѣ потери. I. В. Ю. Скалонъ. II.—Графъ П. А. Гейденъ.—Легенда и трагедія. По поводу смерти генерала Трепова.—Тактика или идеи? Изъ размышленій о русской революціи.—Памяти А. А. Бакунина и П. А. Корсакова.—Великая Россія. Изъ размышленій о проблемѣ русскаго могущества.—Отрывки о государствѣ.—Споръ съ Д. С. Мережковскимъ.—Современное международное положеніе подъ историческимъ угломъ зрѣнія.—Культура и дисциплина. Вродѣ новогодняго размышленія.—Поверхъ текущаго момента.—Неестественный режимъ.—Экономическія программы и „неестественный режимъ“.—Гипнозъ страха и политическій шантажъ.—Клевета и на предковъ, и на конституцію.—„Профессоръ“ Шварцъ и „курраторъ“ Мелиссино.—Русскій шантажистъ и нѣмецкій патріотъ.—За султана и Кесаря.—Тревога и безголовье.—Униженіе Россіи.—Размышленія на политическія темы. I—XIV.—Физіологія одного превращенія. „Незнакомецъ“ и „Новое Время“.—Официальное (?) разъясненіе о дѣлѣ Азефа.—17-го октября 1909 г. А. И. Гучковъ и П. А. Столыпинъ.—Что такое государственный человѣкъ?—Политика внутренняя и политика внѣшняя. Соотношеніе между политикой внутренней и внѣшней.—Угрожающіе признаки государственнаго безсилія.—Рождающаяся отсюда патріотическая тревога.—Два націонализма. Противорѣчія официальнаго націонализма.—Онъ является либо творцомъ, либо пѣстуномъ національныхъ сознаній и притязаній угнетаемыхъ народностей.—Два націонализма: открытый или завоевательный и замкнутый или оборонительный.—Какая національная политика можетъ создать Великую Россію?—Нѣкоторыя черты нашего времени. Общественная безчувственность и общественная безформенность.—Безчувственность не есть настоящее успокоеніе.

II ОТДѢЛЪ. Культура, религія, соціализмъ.

Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія.—Интеллигенція и революція.—Интеллигенція и народное хозяйство.—Интеллигенція и національное лицо.—Полемическіе зигзаги и несвоевременная правда.—Слабонервность или игра на слабыхъ нервахъ?—На разныя темы. I—IX.—Герценъ.—Левъ Толстой. I. Смыслъ жизни.—II. Смыслъ смерти.—Роковые вопросы. По поводу статьи Л. Н. Толстого „Неизбѣжный переворотъ“.—Индивидуализмъ и соціализмъ. Отрывокъ.—Facies hippocratica. Къ характеристикѣ кризиса въ современномъ соціализмѣ.—Религія и соціализмъ.—Памяти Людвига Гумпловича.

Томъ въ 619 стр.

Изданіе Д. Е. ЖУКОВСКАГО.

Цѣна 3 рубля.

Складъ изданія въ книжномъ складѣ „Русской Мысли“ и въ Спб. т-во „Обществ. Польза“, Невскій, 40.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга:

Петръ Струве.

На разныя темы.

(1893—1901 гг.)

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

Содержаніе: 1) Моимъ критикамъ. 2) Наши утописты. 3) Г. Чичеринъ и его обращеніе къ прошлому. 4) „Мужики“ г. Чехова. 5) „Мужики“ Чехова и г. Михайловскій. 6) Замѣчательная книга („Памфлеты“ П. Л. Курье). 7) Miscellanea. 8) Философія идеальнаго добра или апологія реальнаго зла? 9) Памяти Владиміра Соловьева. 10) Романтика противъ казенщины (о В. В. Розановѣ). 11) Новая книга по русской исторіи и литературѣ. 12) Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Оболенскаго „Новый расколъ въ нашей интеллигенціи“. 13) Марксъ о Гёте. 14) Ф. Лассаль. 15) Еще о Лассалѣ. 16) Замѣтки о Гауптманѣ и Нитцше. 17) Противъ ортодоксальной нетерпимости—pro domo sua. 18) Памяти Н. В. Шелгунова. 19) Австрійское крестьянство и его бытописатель. 20) Соціально-экономическая подкладка нѣмецкаго вопроса въ Австріи. 21) Международный конгрессъ по вопросамъ законодательной охраны рабочихъ. 22) „Экономическіе этюды“ Н. В. Водовозова. 23) Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности. 24) Научная исторія русской крупной промышленности (о книгѣ М. И. Туганъ-Барановскаго). 25) Изъ лѣтнихъ наблюденій. 26) Свобода и историческая необходимость. 27) Къ вопросу о морали. 28) Право и права. 29) Въ чемъ же истинный національнизмъ?

Томъ въ 555 страницъ.

Цѣна 3 рубля.

С.-Петербургъ, 1901 годъ.

Складъ въ книгоиздательствѣ О. Н. Поповой, С.-Петербургъ, Невскій, 54.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°".

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

Новости, поступившія на складъ.

Архитектура. Краткій курсъ построенія частей зданій, читанный въ Императорск. техническ. училищѣ адъюнктъ-профессоромъ В. Г. Залѣсскимъ. Изд. 2-е, испр. и допол. Ц. въ перепл. 6 руб.

Руководство теоретической (раціональной) механики. Павла Аппель (Paul Appell). Т. I. Статика.—Динамика точки. Переводъ съ послѣдняго (3-го) французск. изд. (1909 г.) А. Безрукова. Ц. 6 руб.

Зимній ремонтъ желѣзнодорожнаго пути и сооруженій, защита ихъ отъ снѣжныхъ заносовъ и весеннихъ водъ.—Веденіе метеорологическихъ наблюденій въ цѣляхъ предугаданія приближенія циклоновъ. Инженера Д. И. Шпилева. Руководство для линейныхъ агентовъ службы ремонта пути. Ц. 2 руб. 25 коп.

Разсчетъ арокъ и сводовъ.—Руководство къ аналитическому и графическому разсчету арочныхъ и сводчатыхъ перекрытій. Инженера путей сообщенія Н. К. Лахтина. Ц. 7 руб. 50 коп.

Изданія, состоящія на складѣ Товарищества.

Гуси Россіи. С. Н. Алфераки. Съ 25 таблицами въ краскахъ. Цѣна въ изящн. коленкоров. перепл. съ золот. тисненіемъ 12 руб.

Растительный міръ. Гастона Бонье, члена института, проф. въ Сорбоннѣ. Съ 230 фигурами въ текстѣ, переводъ Н. Н. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.

Наслѣдственность у растеній, Вильморенъ, Г. Лекція, съ предисловіемъ профессора К. А. Тимирязева. Ц. 25 к.

Практическое примѣненіе навоза и искусственныхъ удобреній. Р. Гейнриха, проф., д-ра. Перев. съ нѣмецк. Л. Ф. Альттаузена. Ц. 1 р. 50 к.

Происхожденіе человѣка. Э. Геккеля. Рѣчь, произнесенная на международномъ конгрессѣ въ Кэмбриджѣ. Перев. Г. Г. Оршанскаго. Ц. 30 к.

Ученіе о происхожденіи видовъ и дарвинизмъ. Рихарда Гессе, проф. зоологіи въ Тюбингенѣ. Переводъ съ 3-го изд. Н. Маракуева. Съ 37 фигурами въ текстѣ. Ц. 1 р.

Европейская Россія. Антропогеографическій этюдъ. А. Геттнера. Съ 21 картой въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. Л. Синицкаго. Ц. 1 р.

По Азіатской и Европейской Турціи. Гуго Гроте. Перев. О. Романовой, подъ редакц. С. Григорьева. Со многими рисунк. и картой. Ц. 1 р.

Начатки ботаники (изъ серіи начальныхъ курсовъ). Гукера. Перев. С. М. Переяславцевой. Съ 73 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к.

Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика.) Э. Дебо. Съ приложеніемъ главы: „Опыты безъ приборовъ". 505 рисун. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Общая ботаника. Л. Жерардена. Дополненная О. Томе. Перев. съ 23 изд. „Книги природы". Съ 68 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Улучшенная культура картофеля (практическія наставленія). Эме Жирара. Пер. В. Н. Маракуева. Ц. 20 к.

Ботаника для садовниковъ и огородниковъ. Л. А. Золотарева. Пособіе для практиковъ, любителей, учителей народныхъ школъ и учениковъ школъ садоводства. Часть первая. Съ 101 рис. въ текстѣ. Ц. 70 к.

Что нужно дѣлать въ садахъ, чтобы не было червивыхъ яблокъ? Его же. 3-е изд., исправл. и дополн. Ц. 10 к.

Когда и какъ нужно поливать сады и огороды. Его же. Издан. 3-е, исправленное и дополненное. Ц. 20 к.

Борьба съ весенними заморозками въ садоводствѣ и огородничествѣ. Его же. Съ 2 рисунками. Ц. 30 к.

Самообразованіе сельскихъ хозяевъ. Его же. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Ц. 30 к.

Сорныя травы на поляхъ и ихъ истребленіе. Его же. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р.

Какъ растетъ хлѣбъ въ полѣ. Общедоступный очеркъ жизни хлѣбныхъ злаковъ. Его же. Съ 12 рис. Ц. 10 к.

Уничтоженіе сорныхъ травъ при помощи сѣвооборотовъ и культуры. Карбе. Ц. 20 к.

Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Э. Э. Керна. Съ 38 рис. въ текстѣ и 8 таблиц. на отдѣльн. лист. Изд. 4-е, исправл. и дополненное. Ц. 75 к.

Растенія и среда. (Приспособленіе.—Эволюція.) Ж. Константена. Перев. съ франц. Подъ редакц. К. Тимирязева. Ц. 1 р. 50 к.

Хлѣбный вопросъ и особенно вопросъ о производствѣ и о потребленіи пшеницы. Вил. Крукса. Перев. со 2 изд. Н. Маракуева при участіи В. Маракуева. Ц. 1 р.

Изъ жизни растеній. А. Курочкина. Вып. I. Какъ питается растеніе. Вып. II. Какъ размножается растеніе. Движеніе у растеній. Ц. 60 к.

Посадка деревьевъ въ средней полосѣ Россіи. В. Лясковскаго. Ц. 20 к.

Научно-популярные очерки. Эр. Маха, проф. Вып. II. Этюды по естествознанію. Перев. съ нѣмецк. А. Мейера. Подъ редакціей П. Энгельмейера. Съ приложеніемъ 3 таблицъ рисунковъ и портретомъ автора. Ц. 1 р. 20 к.

Охотничьи и промысловыя птицы Европейской Россіи и Кавказа. М. А. Мензбира, профессора Императорскаго московскаго университета. Описаніе географическаго распространенія, способовъ охоты и добыванія всѣхъ охотничьихъ и промысловыхъ птицъ Европ. Россіи и Кавказа (133 вида), съ 140 художественно-исполненными хромолитографированными рисунками. 2 тома текста и 1 томъ рисунковъ. Ц. 25 руб., въ трехъ роскошн. съ золот. тиснен. перепл.—30 р.

Антропологія. (Естественная исторія человѣка.) Нолля, проф. Съ дополненіями по Тайлору и др. Съ 109 рис. въ текстѣ. Ц. 85 к.

Основы біологіи или наукѣ о живыхъ существахъ. І. Нусбаума, проф. Пер. съ польск. В. И. М. Съ 38 рис. въ текстѣ. Ц. 80 к.

Три царства природы. Книга для чтенія по естествовѣдѣнію. А. Павлова. Съ 384 рисунк. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Самоучитель земледѣлія. І. И. Пашкова. Богатство землевладѣльца не въ землѣ, а въ зернѣ. Какъ увеличить влажность воздуха, безъ чего успѣхъ сельскаго хозяйства немыслимъ, и какъ достигнуть: возвышенія урожаевъ, увеличенія покосовъ, уменьшенія труда, сокращенія расхода, увеличенія дохода. Изложеніе автора по своимъ наблюденіямъ надъ жизнью растеній. Ц. 30 к.

Живая природа (животныя). С. К. Пересональнаго. Природовѣдѣніе (пособ. для сред. учеб. завед.). Ц. 60 к.

Границы естественно-научнаго образованія и понятій. Г. Риккерта. Перев. съ нѣмецк. А. Водена. 615 стр. Ц. 3 р.

Устройство Никольской лѣсной дачи владѣнія т-ва Вознесенской мануфактуры. Г. Сычева. Ц. 1 р. 75 к.

Земледѣліе и физіологія растеній. К. Тимирязева, проф. 2 вып. 1-й. Борьба растеній съ засухой. Ц. 50 к. 2-й. Происхожденіе азота растеній. Ц. 50 к.

Насущныя задачи современнаго естествознанія. Его же. Публичныя рѣчи. 3-е дополненное изданіе. Ц. 2 р.

Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Его же. Издан. 6-е. Съ приложеніемъ: „Наши антидарвинисты“. Ц. 1 р. 50 к.

Земледѣліе и физіологія растеній. Его же. Сборникъ общедоступныхъ лекцій, съ фигурами въ текстѣ. Содержаніе: Предисловіе.—Наука и земледѣлецъ.—Ж. Б. Буссенго.—Ленъ.—Полевка опытныхъ станцій.—Экономическое значеніе электрическаго свѣта для культуры растеній.—Борьба растенія съ засухой.—Происхожденіе азота растеній.—Опытная станція на выставкѣ въ Н.-Новгородѣ.—

Физіологія растеній, какъ основа разумнаго земледѣлія.—Точно ли человѣчеству грозитъ близкая гибель? Ц. 1 р. 50 к.

Таблицы для таксаціи лѣса. М. К. Турскаго. Изд. 7-е, съ добавленіями. Ц. 1 р.

Сборникъ статей по лѣсоразведенію. Его же. Изд. 2-е, съ 115 рисунками въ текстѣ. Ц. 70 к.

Разведеніе лѣсныхъ деревьевъ. Его же. Издан. 8-е, съ 53 рисунк. въ текстѣ. Ц. 30 к.

Лѣсоводство. Его же. Съ 193 рисунками въ текстѣ и 3 таблицами. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 30 к.

Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. М. Турскаго и Л. Яшнова. Изд. 3-е, съ 55 рисунк. въ текстѣ и 2-мя таблицами рисунковъ, подъ ред. Г. Турскаго. Ц. 1 р. 25 к.

Геологія въ краткомъ изложеніи для школъ и для самообразованія. Э. Фрааса, д-ра. Переводъ (съ измѣненіями и дополненіями) со 2-го изданія Н. Кушенскаго. Съ рисунками и таблицами. Ц. 25 к.

Элементы общаго землевѣдѣнія. Е. М. Чепурковскаго. Со многими рисунками и картами въ текстѣ. Часть I. Ц. 1 р. 50 к.

Очерки изъ жизни растеній. О. Шмейля. Переводъ съ нѣмецкаго (съ измѣненіями и дополненіями) С. Григорьева, Л. Синицкаго и С. Чефранова. 443 стр., съ 40 цвѣтными таблицами и многочисленными рисунками въ текстѣ художн. В. Гейбаха. 2-е переработанное изд. Ц. 3 р., въ изящноаъ, тиснен. въ нѣсколько красокъ перепл. 3 р. 75 к.

О животныхъ и человѣкѣ. Начальная зоологія, изложенная преимущественно съ біологической точки зрѣнія. Его же. Перев. съ нѣмецк. Подъ редакц. и съ дополненіями С. К. Персональнаго. Со многими рисунками. Ц. 70 к.

Борьба съ безкормицей при помощи воздѣлыванія добавочныхъ кормовыхъ растеній. Штеблера и Лауръ. Перев. съ нѣмецк. В. Н. Маракуева. Ц. 20 к.

Къ аграрному вопросу. Л. Штейна, д-ра. Вып. I. (Самостоятельное цѣлое.) Исторія землевладѣнія и позомельнаго права до половины XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецк. Ц. 75 к.

Удобреніе фосфоритомъ. А. П. Яновскаго. Ц. 20 к.

Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Джона Локка. Переводъ А. Н. Савина. Ц. 3 р.

Рѣчи и статьи. (О дѣйствіи на разстояніи. Молекулы. Атомъ. Притяженіе. Эѳиръ.) Д. К. Максуэлля. Переводъ Н. Н. Маракуева. Ц. 80 к.

Элементарная алгебра. Н. Н. Маракуева. Курсъ систематическій, въ двухъ томахъ. Томъ I. Теорія. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Ц. 6 р. Т. II. Задачи. Съ 255 чертежами въ текстѣ. Свыше 3,500 задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями. Ц. 6 р.

Руководство къ рѣшенію задачъ по физикѣ. Его же. Курсъ средней школы. 956 задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями и съ 284 фигурами въ текстѣ. Ц. 3 р.

Изъ исторіи физики XIX столѣтія. Его же. Очерки трудовъ ея выдающихся дѣятелей. Густавъ-Робертъ Кирхгоффъ. Съ портретомъ. Ц. 30 к.

То же. Его же. Михаилъ Фарадей. Съ портретомъ. Ц. 45 к.

То же. Его же. Робертъ Майеръ. Съ портретомъ. Ц. 65 к.

Ньютонъ, его жизнь и труды. Его же. Изданіе 4-е, вновь переработанное, съ портретомъ и чертежами въ текстѣ. Ц. 80 к.

Галилей, его жизнь и ученые труды. Его же. Изданіе 5-е, просмотрѣнное и исправленное, съ портретомъ и фигурами въ текстѣ. Ц. 60 к.

Пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Его же. Задачи на вычисленіе. Ц. 2 р.

Первые уроки географіи. С. Меча. Изд. 13-е. Со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 40 к.

Финляндія. Его же. Изд. 7-е. Ц. 50 к.

Центральная Азія. Его же. Изд. 9-е. Ц. 30 к.

Сахара и Нилъ. Его же. Изд. 8-е. Ц. 30 к.

Россія. Географическій сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ. Его же. Изд. 11-е. Ц. 1 р.

Парижъ. Его же. Публичная лекція. Съ 32 рис. Ц. 50 к.

Уроки географіи Европы. Его же. Изд. 7-е. Ц. 50 к.
Италія. Его же. Съ 40 рисунками. Ц. 50 к.
Палестина и Аравія. Его же. Изд. 8-е. Ц. 30 к.
Гренландія. Его же. Географическій очеркъ страны и разсказъ о путешествіи Ф. Нансена. Съ 11 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к.
Альпы. Его же. Изд. 8-е. Ц. 30 к.
Австралія и Тасманія. Его же. Изд. 7-е. Ц. 50 к.
Швейцарія. Его же. Изд. 3-е. Съ 24 рисунками въ текстѣ. Ц. 30 к.
Географическіе этюды. Семь публичныхъ лекцій по всеобщей географіи. Его же. Со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 70 к.
Россія. Учебникъ отечественной географіи. Его же. Изд. 26-е. Ц. 50 к.
Кавказъ. Его же. Изд. 11-е. Ц. 50 к.
Скандинавія и Данія. Его же. Очеркъ. Съ 30 рисунк. въ текстѣ. Ц. 40 к.
Франція. Его же. Ц. 40 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ СБОРНИКИ.

Азія. Составленный А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. 3-е исправл. и дополн. изданіе. 580 стр. Съ 7 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣльн. листахъ. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

Америка. Ихъ же. 3-е исправл. и дополн. издан. 640 стр. Съ 59 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. Ц. 2 р. 25 к., въ изящн. перепл. 2 р. 85 к.

Европа. Ихъ же. 3-е исправл. и дополн. изданіе. 800 стр. Съ 82 иллюстр. въ текстѣ и 23 на отд. лист. Ц. 2 р. 75 к., въ изящн. перепл. 3 р. 35 к.

Африка. Ихъ же. 3-е исправл. и дополн. изданіе. 536 стр. Съ 54 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

Австралія и Полярныя страны. Ихъ же. 2-е исправл. и дополн. издан. 469 стр. Съ 46 иллюстр. въ текстѣ и 14 на отд. лист. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

Азіатская Россія. Ихъ же. 3-е исправлен. и дополнен. издан. Съ 100 иллюстраціями. Ц. 2 р., въ коленкоровомъ перепл. 2 р. 60 к.

Европейская Россія. Ихъ же. 3-е исправлен. и дополнен. изданіе. 621 стр. Съ 76 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

Какъ я провела свою юность (Backfischchens Leiden und Freuden). Клементины Гельмъ. Приключенія подростка. Разсказъ для юношества. Съ 4 рисунками на отдѣльныхъ листахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Въ изящномъ, съ золотымъ тисненіемъ переплетѣ. Ц. 2 р.

Смѣлые мореплаватели. Р. Киплинга. Повѣсть. Полный переводъ съ англ. А. Каррикъ. Съ 38 иллюстр. Ц. 1 р. 25 к., въ изящн. папкѣ 1 р. 50 к.

Приключенія Фисташки. Жизнеописаніе Петрушки-Маріонетки. Коллоди. Перев. съ итальянск. С. Е. Павловскій. Съ 57 рис. въ текстѣ и 4 на отдѣльн. листахъ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Дѣвочка Лида. Л. Нелидовой. Разсказъ для дѣтей. Съ 7 рисунк. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 20 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Радость. Ея же. Разсказы для дѣтей. Съ 14 рисунками Allegro. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

Полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

НОВАЯ КНИГА:

Анри Бергсонъ.

ВРЕМЯ и СВОБОДА ВОЛИ.

Пер. съ фр. С. І. Гессена.

Стр. 238. Ц. 1 р. 50 к.

Вильямъ Джемсъ. „Многообразіе религіознаго опыта". Перев. В. Г. Малахіевой-Мировичъ, подъ ред. С. В. Лурье. Стр. 517. **Ц. 2 р. 50 к.**

А. А. Корниловъ. „Общественное движеніе въ Россіи въ царствованіе Александра II". Стр. 260. **Ц. 1 р. 25 к.**, въ перепл. **1 р. 50 к.**

А. С. Изгоевъ. „Русское общество и революція". Стр. 273. **Ц. 1 р.**

А. А. Кизеветтеръ. „Мѣстное самоуправленіе въ Россіи". Стр. 154. **Ц. 50 к.**

Изданія журнала „Русская Мысль".

Москва, Ваганьковскій пер., 3.

Изданія Д. Е. Жуковскаго.

Теодоръ Гомперцъ. Греческіе мыслители. Т. I. Перев. съ нѣм. Е. Гердыкъ и Д. Жуковскаго. Стр. 485. Ц. 2 р. 75 к.

С. Л. Франкъ. Философія и жизнь. Сборникъ статей. Стр. 389. Ц. 2 р.

В. Виндельбандъ. Прелюдіи. Философскія статьи и рѣчи. Перев. съ нѣм. С. Л. Франка. Стр. 374. Ц. 1 р. 60 к.

Г. Риккертъ. Философія исторіи. Пер. С. Гессена. Стр. 154. Ц. 75 к.

Шульце-Геверницъ. Марксъ или Кантъ? Пер. съ нѣм. Стр. 87. Ц. 50 к.

Фихте. Назначеніе человѣка. Пер. съ нѣм. Подъ ред. Н. Лосскаго. Стр. 133. Ц. 50 к.

Фихте. Основныя черты современной эпохи. Пер. подъ ред. Н. Лосскаго. Стр. 232. Ц. 75 к.

Шеллингъ. Философскія изслѣдованія о сущности человѣческой свободы. Бруно или о божественномъ и естественномъ началѣ вещей. Пер. съ нѣм. Л. М. Стр. 164. Ц. 1 р.

Жанъ-Жакъ Руссо. Объ общественномъ договорѣ. Пер. съ франц. Л. Неманова. Стр. 247. Ц. 75 к., въ перепл. 1 р.

Ницше. По ту сторону добра и зла. Пер. съ нѣм. Н. Полилова. Стр. 386. Ц. 1 р. 60 к.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи въ 8 томахъ. Пер. съ нѣм. Н. Полилова, С. Франка, Н. Лосскаго, Д. Жуковскаго, О. Апосовой и П. Струве. Т. I. Декартъ. Стр. 459. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Спиноза. Стр. 583. Ц. 3 р. 50 к. Т. III. Лейбницъ. Стр. 735. Ц. 4 р. Т. IV. Кантъ. Ч. I. Стр. 632. Ц. 4 р. Т. V. Кантъ. Ч. II. Стр. 656. Ц. 3 р. 50 к. Т. VI. Фихте. Стр. 733. Ц. 4 р. 50 к. Т. VII. Шеллингъ. Стр. 893. Ц. 5 р. Т. VIII. Гегель. Полут. I. Стр. 760. Ц. 3 р. 50 к. Полут. II. Стр. 463. Ц. 2 р. 50 к.

КУРСЫ
ГАЗЕТНОЙ ТЕХНИКИ.

1-е въ Россіи. Сущ. 6-й годъ Лично и **ЗАОЧНО** подготовл. лицъ обоего пола въ сотрудники. Спец.: фельетоны, статьи, разсказы, корресп., стеногр. и пр. Выд. свид. реком. редакц. Прежн. курс. работ. въ газет. на жалов. Подр. за 7-ми коп. мар. Лекціи и матер. Леонида Андреева, Амфитеатрова, Куприна. Одесса, Преображенская, д. Рус., № 2, Чивонибару.

О-де-Колонъ
ЦИКЛАМЕНЪ
А. Сіу и Ко

ЗОЛОТО, СЕРЕБРО,
ЧАСЫ
СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ
В. ГАБЮ
МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ.
СУЩ. СЪ 1868 Г.

Санаторій „СОКОЛЬНИКИ“
Д-ра Н. В. СОЛОВЬЕВА.
Москва, Сокольники, Поперечный просѣкъ. Телефонъ № 3-84.
Оборудованъ новѣйшими физическими методами для лѣченія болѣзней **нервныхъ внутреннихъ, обмѣна** и т. п. По роскошнымъ удобствамъ и научной постановкѣ не уступаетъ лучшимъ заграничнымъ. Проспекты по требованію.
Справки на мѣстѣ или у владѣльца: Мыльниковъ пер., собств. домъ. Телефонъ № 102-77.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

подъ редакціей проф. А. А. Мануилова.

ОЧЕРКИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

Вып. 1-й. Ц. 1 р. 25 к., вып. 2-й. Ц. 1 р. 75 к.

Имѣются въ продажѣ слѣдующія книги изд. Д. С. Горшкова.

Профес. И. Х. Озеровъ. „Экономическая Россія и ея финансовая политика“. Съ 72 діаграм. Ц. 1 р. 75 к.

Его же. „Изъ жизни труда“. Сборникъ статей по рабочему вопросу. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. „Очерки экономич. и финанс. жизни Россіи и Запада“. Ц. 1 р. 75 к.

В. Зомбартъ. „Современный капитализмъ“. Съ предисл. профес. А. А. Мануилова. I-й т. въ 2-хъ вып. Ц. 2 р. 50 к., II-й т. 2 р.

А. Дамашке. „Задачи городского хозяйства“ съ предисл. проф. И. Х. Озерова. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Вандервельдэ. „Бѣгство изъ деревни“. Съ пред. проф. А. Ф. Фортунатова. Ц. 1 р.

Складъ изданій въ Москвѣ, у т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, въ Петербургѣ, кн. складъ „Право“.

ПОКУПАЯ ГИЛЬЗЫ

не говорите: „Дайте мнѣ коробку хорошихъ гильзъ“, а скажите

ДАЙТЕ ГИЛЬЗЫ КАТЫКА.

Лишь тогда Вы увѣрены, что получили гильзы, которыя не рвутся, не мнутся, тонки и гигіеничны.

ДА, ГИЛЬЗЫ ТОЛЬКО КАТЫКА.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

ПРОВИЗОРА

Г. Ф. ЮРГЕНСЪ.

БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

отъ пота, загара, веснушекъ, угрей, прыщей и желтыхъ пятенъ.

БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

продается вездѣ

1/1 кус. 50 коп., 1/2 кус. 30 коп.

Золотая медаль въ Лондонѣ 1893 года.

Главный складъ у Г. Ф. ЮРГЕНСЪ, Волхонка, Москва.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

КНИГА IV.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ. 1. На сѣверѣ. **Александра Блока.** 2. Завѣтъ.—**Ю. Верховскаго**	1
II. ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ. Романъ.—**О. Миртова**	3
III. ШЕРИДАНЪ. Романъ **Люси Деларю-Мардрюсъ.** Съ французскаго.—Перев. **Нины Петровской.** *Продолженіе*	41
IV. МАРЕВО. Разсказъ.—**Николая Киселева**	70
V. ГОРОДЪ НАДВИГАЕТСЯ. Романъ **Клары Фибихъ.** Съ нѣмецкаго.—Перев. **Ф. О. Ельяшевичъ.** *Продолженіе*	94
VI. ЧЕРТЫХАНЕЦЪ. Разсказъ.—**Алексѣя Ремизова**	138
VII. БОСФОРЪ И ДАРДАНЕЛЫ.—**Бар. Б. Э. Нольде**	1
VIII. ПИСЬМА О НАЦІОНАЛЬНОСТЯХЪ И ОБЛАСТЯХЪ. **Сибирь.—Н. В. Некрасова**	22
IX. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.—**П. А. Тверского**	34
X. ЖОРЖЪ РОДЕНБАХЪ. Критико-біографическія замѣтки. **М. В. Веселовской**	46
XI. СОВРЕМЕННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО И АГРАРНАЯ ЭВОЛЮЦІЯ.—**А. А. Кауфмана**	71
XII. ШЕВЧЕНКО.—**К. И. Чуковскаго**	86
XIII. МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ. I. Неизданное письмо Н. В. Гоголя къ гр. М. Ю. Вьельгорскому. II. Крестьянскій бунтъ въ с. Безднѣ, Спасскаго уѣзда, Казанской губ. въ апрѣлѣ 1861 г. по письмамъ современниковъ. III. Къ біографіи Л. Н. Толстого	102
XIV. МИГРАЦІИ ЖИВОТНЫХЪ ВЪ ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.—**М. А. Мензбира**	111
XV. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАВѢТЫ ТОЛСТОГО. — **Любови Гуревичъ**	127
XVI. ЕЩЕ ОДИНЪ „КРИЗИСЪ“ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЦЕНѢ.—**Петра Струве**	163
XVII. МОСКОВСКІЕ ВЫБОРЫ.—**И.**	166
XVIII. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ	168

Стр.

XIX. ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. 1. Политическая жизнь Россіи. А. С. Изгоева. — 2. Внѣшняя политика младотурокъ. Л. И. Гальберштадта. — 3. „Желѣзный законъ олигархіи". А. М. Рыкачева. II. Литература и искусство. 1. Книги, читатели и писатели. Антона Крайняго.—2. Украинская литература въ 1910 г. Мих. Могилянскаго. — 3. Анри де Ренье. Максимиліана Волошина.— 4. Петербургскіе театры. М. М. Симоновичъ.—5. Изъ петербургской музыкальной жизни. Гр. Н. Тимофеева. III. Философское движеніе. 1. Борьба за „міровоззрѣніе" въ нѣмецкой философіи. С. Л. Франка.—2. Джованни Вайлати. Дж. Амендола. IV. Школа и воспитаніе. 1. Идея вспомогательной школы въ современной педагогической жизни. А. В. Владимірскаго.—2. Книги для дѣтей и юношества. В. Г. Малахіевой-Мировичъ. V. Естествознаніе. Памяти Я. Г. фантъ Гоффа. И. А. Каблукова. VI. Некрологъ: И. А. Зубковъ и др. . 1

XX. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Критико-библіографическій отдѣлъ. I. Книги: Исторія литературы и литературная критика.—Исторія.—Политическая экономія и статистика.—Философія.—Соціологія.—Правовѣдѣніе.—Публицистика.—Педагогика и народное образованіе.—Естествознаніе. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" въ теченіе марта 1911 г. 141

XXI. ОТЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЛИТЕРАТУРН. ОБЩЕСТВА.

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

---

1. Редакція для пріема и выдачи рукописей открыта по средамъ и субботамъ отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ ч. дня. (Москва, Ваганьковскій п., 3.)

2. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

3. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

4. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

5. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

6. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Два стихотворенія.

1.

На сѣверѣ.

Здѣсь духъ мой злобный и упорный
Тревожитъ смѣхомъ тишину;
И, откликаясь, воронъ черный
Качаетъ мертвую сосну.

Внизу клокочутъ водопады,
Точа гранитъ и корни древъ;
И на камняхъ поютъ наяды
Безполый гимнъ безмужнихъ дѣвъ.

И въ этомъ гулѣ водъ холодныхъ,
Въ постыломъ крикѣ воронья,
Подъ рыбьимъ взоромъ дѣвъ безплодныхъ
Тихонько тлѣетъ жизнь моя!

Александръ Блокъ.

2.

Завѣтъ.

Пламеннымъ будь, какъ Языковъ, въ его неудержномъ похмельѣ;
Будь полнозвучнымъ, какъ онъ въ ясныхъ раздумьяхъ своихъ;
Какъ Баратынскій пытливымъ, свѣтло проницающимъ тайны,
Въ думахъ, суровыхъ порой, кроющихъ мощь волшебства;
Стройнымъ, спокойнымъ, простымъ, какъ Дельвигъ, мудро прекрасный,
Радостно-добрый пѣвецъ вѣчно благой красоты.
Пушкина зиждущій духъ тогда воспаритъ надъ тобою.
Такъ осѣнитъ онъ тебя, какъ и друзей обнималъ!

Ю. Верховскій.

ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дѣтство.

I.

Въ полдень, когда садъ звенѣлъ отъ аромата яблонь, отъ солнца, отъ жуковъ и вообще отъ радости, Степа въѣхалъ верхомъ на лошади прямо въ комнаты. Окна и двери были настежь открыты—кто хотѣлъ, могъ въѣзжать, сколько угодно.

Лошадиный хвостъ такъ шумѣлъ въ узкомъ коридорѣ, что Марѳа Ивановна, которая въ кухнѣ лѣпила вареники, не могла не обратить на это обстоятельство особеннаго вниманія.

— Кто тебѣ срубилъ лошадку?—спросила она, аккуратно соединяя краешки тѣста.

Она бросила печально-ласковый взглядъ въ пріоткрытую дверь, но всадникъ уже прослѣдовалъ мимо. Мелькнулъ зеленый хвостъ липовой вѣтки, спустя минуту Степа наскоро что-то отвѣтилъ, стараясь повернуть свою лошадь въ узкомъ коридорѣ, но за шумомъ листьевъ Марѳа Ивановна ничего не разслышала.

А между тѣмъ, Степа могъ бы кое-что разсказать о своей первой побѣдѣ. Пришлось-таки ему повозиться надъ этой сочной, огромнѣйшей вѣткой—въ пять разъ выше его. Терпѣливо, подобно жуку-точильщику, онъ долго подтачивалъ ее, рѣзалъ, ковырялъ кухоннымъ тупымъ ножикомъ—все въ одномъ и томъ же мѣстѣ, пока не искромсалъ до сердцевины, до тоненькой жилочки и, наконецъ, радостно сломалъ. Даже пальцы липкіе стали отъ ея сока. Но Степа не любилъ вступать въ разговоры. А сейчасъ, къ тому же, надо было какъ-нибудь выбраться изъ тѣснаго прохода.

Пришлось слѣзть съ лошади, чтобы поднять ее надъ головой. Не всякій одолѣетъ такую махину! Мученіе было съ ней. Только-что поднимешь до потолка, вдругъ опять съ шумомъ падаетъ на полъ.

Сопѣлъ кругленькій носъ, топорщились волосы на макушкѣ (до того выжженные солнцемъ, что походили на остяки спѣлаго ячменя), уже Степа готовъ былъ ревѣть—мѣшало все, лѣзло! Мягкіе башмаки спотыкались, когда поднимался на цыпочки, рубашка цѣплялась за сучки. Даже почти начинало казаться, что вѣтка тащитъ его вверхъ и толкается.

Появилась кровавая царапинка на влажномъ подбородкѣ, и весь маленькій домикъ наполнился шелестомъ листьевъ...

За окнами, въ саду, деревья стояли, спокойныя, неторопливо наслаждаясь—они, точно, купали свои члены въ гигантской солнечной ваннѣ—такъ хорошо было деревьямъ въ саду!—а эта несчастная вѣтка въ цѣпкихъ и кругленькихъ ручкахъ—упрямая, злая, какъ чувствовалъ ее Степа—билась о стѣны, дрожала, и ничего не было слышно отъ ея крика.

Марѳа Ивановна уже два раза просовывала голову изъ дверей кухни и просила Степу быть тамъ потише—онъ непремѣнно разбудитъ Тусеньку. Марѳа Ивановна кричала шепотомъ, но Степа ничего не слышалъ. И только, когда раздался Тусынъ плачъ, Степа притихъ на секунду, но тотчасъ распахнулъ дверь и поѣхалъ къ сестрѣ.

— Разбудилъ-таки,—сообщила сама себѣ Марѳа Ивановна, но такъ какъ Тусенька сразу же замолчала, а вареники надо было докончить, то Марѳа Ивановна вполнѣ положилась на Степу.

— Ну, вотъ!—обрадовался Степа,—проснулась?... ахъ, ти-жъ, проснулась... мил-и-нькая...

Онъ хотѣлъ заглянуть сквозь кисею, наброшенную на перила кроватки, поднялся было на цыпочки, но лошадь мѣшала. Пришлось поставить ее въ стойло—просунулъ въ рѣшетку ея бѣлую изрубленную голову...

— Ну, вотъ...—проговорилъ онъ тономъ освободившагося человѣка,—что тебѣ теперь, мил-и-нькая?...

Подъ кисеей таинственно розовѣла круглая—величиною съ яблоко—физіономія.

Съ дѣловымъ видомъ онъ принялся отбрасывать кисею, стараясь подражать въ этомъ Марѳѣ Ивановнѣ, т.-е. аккуратненько отогнуть вдвое. Но искусанныя комарами ноги оказались слишкомъ короткими, а кисея путалась и липла къ пальцамъ, кровать на

качалкахъ чуть было не опрокинулась, когда Степа налегъ на нее, лошадь шарахнулась въ сторону, выскочила изъ стойла, упала на полъ... Но теперь ужъ было не до нея!

Необходимо было поскорѣе освободить Тусеньку: онъ зналъ, что Тусенька боится кисеи, и, самъ волнуясь, топчась на мѣстѣ, тянулъ уже ее, какъ попало, и, всю протащивъ по Тусенькиному личику, радостно бросилъ на полъ, какъ что-то живое, противное.

— Ну, вотъ, теперь... охъ, ти-жъ!—сказалъ онъ.

Она еще не совсѣмъ проснулась и лежала, наморщивъ переносицу, красная, потная отъ сна, и смотрѣла на Степу сердитыми, круглыми глазами. Косыночка съѣхала на-бокъ, видно было, какъ загнулось ея ухо, прижатое подушкой. Одну руку вытащила изъ свивальника, и пальчики съ морщинками на сгибахъ тихонечко шевелились, и пахло отъ нея тепленькимъ.

— Ми-и-ли-и-нькая моя!—умилялся Степа, плотно, до ушей, просунувъ свою радостную физіономію въ отверстіе рѣшетки. Чмокалъ языкомъ, пробовалъ прищелкнуть пальцами, но изъ этого ничего не выходило.

— Ну, что тебѣ надо, что?

Онъ чувствовалъ потребность сдѣлать что-нибудь для своей миленькой.

Вдругъ открылся беззубый Тусенькинъ ротъ, морщинки сбѣжали съ переносицы, и ямочки запрыгали у концовъ губъ. Изъ открытыхъ оконъ лился блѣдно-розовый свѣтъ яблонь. Въ избыткѣ чувствъ Степа полѣзъ цѣловаться.

Перегнулся черезъ бортъ, но едва досталъ носомъ тепленькую, пушистую щечку, какъ спеленатая Туська, похожая на толстую морковку, завернутую въ тряпочки, скувырнулась лицомъ въ перекладину.

Никакъ не могъ ее поправить. Ей, какъ-будто, нравилось лежать именно такъ! Или, можетъ быть, ей хотѣлось перекинуться вмѣстѣ съ люлькой?

Положительно ничего не выходило!

Тогда онъ рѣшилъ вытащить ее изъ люльки. Наклонилъ кроватку чуть не до полу и сразу отпустилъ, когда почувствовалъ мокрый Туськинъ ротъ, шныряющій по его лицу.

— Ми-и-ли-и-нькая!—счастливо пробормоталъ Степа и чуть не упалъ подъ тяжестью Туськинаго тѣла.

Она оказалась гораздо тяжелѣе. Она вся навалилась на него, а когда люлька откачнулась назадъ, оставивъ бѣлую полоску на Туськиной ногѣ, и дѣвочка заревѣла—рѣзко, оглушительно—прямо

Степѣ въ ротъ, ему показалось, будто нѣсколько Тусекъ навалилось на него, и нужно было имѣть много самообладанія, чтобы продолжать начатое дѣло.

Онъ потащилъ ее, держа крѣпко за шею обѣими руками, съ намѣреніемъ сѣсть на скамеечку, какъ Марѳа Ивановна. Но миленькая орала съ такой яростью, прямо ему въ ротъ, что у него явилось ощущеніе, будто крикъ вылетаетъ изъ его собственной головы.

Естественно, что теперь онъ ужъ не могъ дѣйствовать такъ планомѣрно, какъ Марѳа Ивановна. Къ тому же и свивальникъ запутался въ ногахъ. Но все обошлось бы прекрасно, если бы не вѣтка, которая тоже очутилась подъ ногами. Степа шлепнулся на нее всей своей удвоенной тяжестью.

Пришлось-таки Марѳѣ Ивановнѣ бросить вареники.

Бѣдная Тусенька отчаянно карабкалась, уткнувшись носомъ въ животъ Степы, хватаясь ручонками за Степины штаны, за холодные, шелестящіе листья, сдвигая въ кучу мокрыя пеленки, голая, вся красная, какъ ошпаренная; освобожденная отъ свивальника, она мотала черной головой, кровью налившейся отъ крика, а Степа, блѣдный, озадаченный, сидѣлъ, покорно положивъ руки на полъ, и смотрѣлъ на „милинькую“, какъ на нѣчто враждебное.

Чего ей было такъ кричать? Вѣдь, не отвалилась же у нея голова... А тутъ еще и Марѳа Ивановна пришла въ ужасъ. Потомъ она говорила, что у нея даже ноги было подкосились.

Наскоро вытеревъ руки, запачканныя тѣстомъ, Марѳа Ивановна принялась освобождать ихъ другъ отъ друга.

У Тусеньки, дѣйствительно, ничего не отвалилось.

Она сладостно засопѣла подъ грудью, какъ только Марѳа Ивановна сѣла на скамеечку. Зато Степа, до тѣхъ поръ совершенно безмолвный, вдругъ, ни съ того, ни съ сего началъ ревѣть, сидя на хвостѣ своей лошади.

— Ты бы могъ убить такъ сестренку... и умерла бы наша Тусенька, прости Господи!—выкрикивала Марѳа Ивановна сквозь крикъ Степы.—Ну, перестань же, прошу тебя, милый Степочка... смотри, какая лошадь!...

Но Степочка тянулъ одну-единственную ноту—самую рѣзкую, какую только способенъ былъ выпустить изъ себя, и, казалось, не будетъ конца этому. Закрылъ плотно глаза, откинулъ голову. Грязные потоки лились изо всѣхъ щелочекъ его распаренной физіономіи, крикъ его заглушалъ всѣ звуки улицы и сада, и нужна была вся кротость Марѳы Ивановны или, можетъ быть, вся робость ея передъ жизнью, чтобы не шлепнуть хотя бы только одинъ разъ „миленькаго Степочку“.

Дѣло, конечно, здѣсь было не въ методѣ воспитанія, а, дѣйствительно, скорѣе только въ робости. И такъ, вѣдь, у нея умерло пятеро дѣтей! Дѣти, впрочемъ, поумирали отъ дифтерита, а не отъ жестокаго обращенія, но если прежде и случалось ей шлепнуть одного изъ семерыхъ, то теперь ужъ это было для нея совершенно невозможно. И когда Степочка предавался подобнаго рода излишествамъ, Марѳа Ивановна только взирала на него съ выраженіемъ испуганной покорности, готовая всячески ублажать его, ожидая малѣйшаго благосклоннаго знака, словно это былъ не сынишка ея, а, по крайней мѣрѣ, деспотъ-супругъ.

Степа ревѣлъ, ревѣлъ, даже странно было, какъ хватаетъ силъ у него. А Тусенька, которая слушала широко-раскрытымъ чернымъ глазомъ, пріостанавливалась на секундочку, тяжело вздыхала и опять радостно захлебывалась молочкомъ. Иногда, откинувшись въ сторону Степы, благодушно смотрѣла на него, точно онъ спеціально для нея устраивалъ этотъ концертъ, но, вспомнивъ о главномъ своемъ наслажденіи, опять скоренько припадала къ соску.

Точно убаюканная однообразнымъ ревомъ, понуривъ красивую, сѣдѣющую голову, Марѳа Ивановна отдалась воспоминаніямъ о пятерыхъ умершихъ дѣтяхъ, о двухъ умершихъ мужьяхъ, объ умершихъ родителяхъ и родственникахъ и, вообще, о всѣхъ своихъ горестяхъ—прошлыхъ и настоящихъ. Но, въ то время, какъ слезы застлали кроткіе глаза ея и капнули на личико сосущей Тусеньки, Марѳа Ивановна безсознательно любовалась тѣмъ, какъ весело Тусенька глотаетъ молочко. И физическое ощущеніе у Марѳы Ивановны было такое, будто вся ея грудь наполняетъ ротъ ребенка, будто отъ всего ея тѣла, отъ живота, отъ ногъ къ груди бѣгутъ теплые токи, и тѣла ихъ—ея и этой маленькой—крѣпко сцѣплены одно съ другимъ, связаны струйкой, которую всасываетъ въ себя тепленькая и радостная Тусенька.

И всегда было такъ радостно это физическое ощущеніе—и съ тѣми другими, умершими, и со Степочкой,—она, какъ-будто, сама пила живительную влагу въ то время, какъ ребенокъ сосалъ ея грудь.

Нѣчто подобное испытываетъ Марѳа Ивановна, когда случается, проходя по лѣсу въ жаркій день, вдохнуть струю воздуха, насыщеннаго запахомъ разогрѣтыхъ сосенъ. Будто вливается въ тѣло этотъ запахъ, проникаетъ насквозь, и отвѣтно радостно дрожитъ душа, и блаженный туманъ окутываетъ вдругъ на мгновеніе всю жизнь.

Глядя сквозь слезы на личико Тусеньки, Марѳа Ивановна бла-

женно улыбалась. Можетъ быть, она думала, что улыбается только для ребенка, но это неправда—Марѳа Ивановна не могла не улыбаться, хотя была грустна, хотя считала себя обиженной судьбою, хотя многое и многихъ потеряла.

У Тусеньки на лѣвой ноздрѣ было родимое пятнышко. Марѳа Ивановна не знала—считается хорошей эта примѣта, или плохой; впрочемъ, у нея были свои примѣты, а чужимъ она не особенно вѣрила.

„Это милое пятнышко,—думала Марѳа Ивановна,—къ старости разрастется въ большое черное пятно, если Тусенька доживетъ".

Степѣ жарко было въ широкой полосѣ солнца, упадавшей изъ открытаго окна. Ослѣпляли и солнце, и слезы, и молочный свѣтъ яблонь—онъ уже совсѣмъ одурѣлъ отъ собственнаго крика; остяки ячменя, на макушкѣ, золотистые, расплавленные солнцемъ, примякли и полегли плашмя, а вѣтка, на которой онъ расположился, будто, наконецъ, удовлетворенная пораженіемъ врага, спокойно увядала.

На минуту Степа притихъ, задумчиво, сквозь слезы взирая на объединенную группу—Марѳы Ивановны съ Тусенькой,—обѣ онѣ казались ему далекими, чужими.

— Ну, пересталъ, слава Богу?—спросила Марѳа Ивановна.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Степа задумчиво,—я отдыхаю,—и продолжалъ ревѣть.

II.

Къ Марѳѣ Ивановнѣ такъ часто подходила смерть, что стала для нея обыденнымъ явленіемъ. Трудно даже повѣрить, сколькихъ она похоронила и, вообще, сколько вокругъ нея умирало—родныхъ и знакомыхъ,—въ городкѣ, густо заросшемъ травою, всѣ были знакомые, она знала всѣхъ рождавшихся и умершихъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ умерла сестра Марѳы Ивановны, затѣмъ утонулъ взрослый и любимый братъ, а вскорѣ послѣ того, какъ она вышла замужъ, умерли и родители. Затѣмъ лично для Марѳы Ивановны наступило затишье, она только издали наблюдала, какъ смерть приходитъ къ другимъ. Наблюдала, безъ роковыхъ размышленій, какъ нѣчто слишкомъ обыденное.

И спокойно, безъ излишней суетни принимая участіе въ жизни, радовалась Марѳа Ивановна, когда рождались, и грустила, когда кто-нибудь умиралъ, и каждаго неизмѣнно провожала слезой и пожеланіемъ царства небеснаго.

Всѣмъ она желала царства небеснаго, враговъ у Марѳы Ивановны не было. И жила неторопливо, сдержанно-грустно, накопляя жизненные соки, безсознательно держа въ рукѣ своей жизненную

нить, кѣмъ-то брошенную ей въ указаніе единой, никому изъ живущихъ невѣдомой, цѣли.

Никому она не мѣшала, никого умышленно не обидѣла, и непонятно, зачѣмъ судьбѣ нужно было преслѣдовать ее? Она словно только и думала о томъ, чѣмъ бы доканать Марѳу Ивановну, которая осмѣливалась съ кротостью принимать міръ и носить въ сердцѣ своемъ благость.

Ея первый мужъ, любимый и ласковый, однажды, переѣзжая рѣку по веснѣ, провалился вмѣстѣ съ санками въ воду и, хотя не утонулъ, но заболѣлъ смертельно и долго болѣлъ. Долго Марѳа Ивановна ухаживала за нимъ и много лила слезъ, такъ много—и во время его болѣзни, и послѣ его смерти—и, вообще, за всю свою жизнь такое количество она пролила слезъ, что если бы можно было собрать ихъ всѣ, то получилась бы узенькая рѣчка, такая же свѣтлая и тихая, какъ та, что пересѣкаетъ ихъ маленькій городъ, и которую куры лѣтомъ переходятъ въ бродъ.

Но какъ собрать человѣческія слезы! Падаютъ онѣ незамѣтно, неизвѣстно куда, всюду, здѣсь и тамъ, часто прямо на землю, исчезая мгновенно, и сколько ихъ, ничѣмъ не отличающихся отъ капель дождя, оросили тихія дорожки сада, въ которомъ жила Марѳа Ивановна!

Съ утратой перваго мужа, на рукахъ у Марѳы Ивановны осталась куча дѣтей—всѣ кругленькія, шумливыя, и надо было, чтобы они оставались такими же кругленькими, и потому Марѳа Ивановна недолго предавалась горю.

— Царство небесное...—сказала она.

И потекла жизнь трудная. Она затянула глубокую рану Марѳы Ивановны плотнымъ рубцомъ, точно мозолью, и долго ныла душа, но...

Каждому нужно было заштопать чулочки, каждаго выкупать, приласкать, каждому улыбнуться—потому душа ныла все рѣже и рѣже. И совсѣмъ уже успокоилась Марѳа Ивановна, какъ вдругъ заболѣли всѣ ея шумливыя, веселенькія дѣти, и смерть какъ бы сомкнула свой кругъ... Всѣ, кромѣ одного, самаго маленькаго—Степы, умерли въ теченіе какой-нибудь недѣли.

Она потеряла ихъ, какъ теряетъ дерево свои листья, она даже не видѣла, какъ унесли ихъ, такъ какъ сама заболѣла горячкой, а когда очнулась—не было и слѣда отъ ея дѣтей, какъ если бы вѣтеръ унесъ ихъ.

И сама она въ то время имѣла видъ засохшаго дерева, передъ которымъ садовникъ колеблется—не срубить ли его до основанія.

Смерть долго стояла надъ нею въ нерѣшительности... Но вѣточка одна оказалась живой. Годовалый Степа, который велъ тогда уединенный образъ жизни и во-время устранился отъ старшенькихъ, Степа остался съ нею жить... Надо было заставить себя улыбаться ничѣмъ неповинному Степѣ.

Вдовѣла Марѳа Ивановна недолго; года черезъ два вышла опять замужъ и, когда забеременѣла, снова расцвѣла, какъ расцвѣтаетъ по веснѣ старая яблоня.

Но судьба продолжала вести какую-то свою линію. Смерть еще разъ сомкнула кругъ, и умеръ второй мужъ—тоже ласковый и, пожалуй, еще больше любимый... Потому что, кромѣ всѣхъ хорошихъ качествъ перваго мужа, у второго были еще и собственныя достоинства. Къ тому же, онъ былъ чахоточный, такъ что съ первой же встрѣчи удовлетворилась основная потребность души Марѳы Ивановны—сострадать и заботиться.

Послѣ его смерти, хотя часто плакала Марѳа Ивановна, но жила... Солнце въ яблоневомъ саду торопилось загладить всѣ царапинки на древесной корѣ... Образовался на душѣ новый рубецъ—душа затянулась предохранительной пленкой—самой плотной, какая только была до сихъ поръ...

Судя по Марѳѣ Ивановнѣ, душа помѣщается чуточку пониже горла. По крайней мѣрѣ, когда ея блѣдныя, плоскія руки безпомощно приникали къ груди, глаза выражали особенную боль; тонкія брови изгибались неровно—въ испуганномъ недоумѣніи, неодинаково—одна ниже, другая растерянно прыгала на приподнятый морщинками лобъ, и слезы, до краевъ заполнявшія впадины глазъ, срывались по щекамъ и, падая на грудь, на сѣренькую кофточку, неизвѣстно куда пропадали—испарялись подъ солнцемъ, просачивались въ землю.

...Душа болитъ, Господи!—шептала Марѳа Ивановна, прижимая руки къ горлу, и морщинки съ каждымъ днемъ все болѣе привыкали къ удобнымъ мѣстечкамъ, укрѣплялись, становились тверже, спокойнѣе, глубже, а къ 35 годамъ ихъ и вовсе нельзя было разогнать...

— Господи! душа болитъ...

Да, это вѣрно—у нея болѣла душа... Но съ каждымъ новымъ горемъ на душѣ ея образовывалось уплотненіе. Потому первая потеря младшей сестренки—то первое явленіе смерти—причинило когда-то нетронутой Марѳинькѣ болѣе глубокую рану, нежели впослѣдствіи смерть любимаго мужа.

И можно сказать съ увѣренностью, что съ каждымъ новымъ

рубцомъ Марѳа Ивановна страдала менѣе остро и, хотя плакала много и даже полюбила плакать, и слезы вошли даже въ привычку, но страдала она все меньше и меньше, точно жизнь и смерть сообща дѣлали ей прививку страданій, какъ бы готовя къ великому таинству, черезъ которое она должна была пройти въ самый послѣдній моментъ.

Приходила неумолимая смерть... А на помощь торопилась—жизнь, такая же требовательная, такая же непреклонная... Она заставляла улыбаться ребенку, она размѣнивала горе на вздохи, на слезы, на мелкія жалобы; она постепенно, по кусочкамъ, вынимала ядро горя, оставляя только его шелуху, только проявленіе, форму; она сурово разрѣшала вволю поплакать только гдѣнибудь тамъ, подъ березой, въ травѣ... Такая же непреклонная, такая суровая...

Посиживая на крылечкѣ въ саду, Марѳа Ивановна иногда осмѣливалась вдругъ задавать себѣ вопросы. Вопросы были туманные, отвѣты—еще туманнѣе, но, робкая, она вдругъ приходила къ безстрашнымъ заключеніямъ, что смерть, напримѣръ, для того и взяла перваго любимаго мужа, чтобы жизнь дала ей второго—еще болѣе любимаго, и что смерть дѣйствовала въ интересахъ жизни. И были они, какъ будто одно цѣлое—Жизнь и Смерть.

Но такъ какъ, подойдя къ таинственной грани, Марѳа Ивановна не въ силахъ была ее преступить, то спѣшно гасила вопросы, какъ пламень водою, всеобъемлющимъ словомъ—Богъ.

— Воля Твоя!—тихо шептала Марѳа Ивановна.

И тихая жизнь—подобно рѣкѣ,—съ привычными слезами, съ тихими, едва замѣтными, радостями, уносила обломки разрушеній и постепенно принимала видъ свѣтлаго озера, гдѣ Марѳа Ивановна все яснѣе различала отраженный ликъ Бога.

III.

Что касается Степы, то онъ, дѣйствительно, купался въ солнцѣ. За какія добродѣтели или за какія будущія страданія?—неизвѣстно!

Онъ росъ въ большомъ саду, густомъ, влажномъ, душистомъ, и этотъ садъ казался ему сначала цѣлымъ міромъ, наполненнымъ жуками, пчелами; затѣмъ—цѣлымъ міромъ, наполненнымъ цвѣтами, фруктами, ящерицами; затѣмъ—обширной территоріей, его собственнымъ царствомъ, съ глухими уголками, съ птичьими

гнѣздами—маленькое царство, ему одному на вѣки вѣчные принадлежащее.

Хорошо было въ саду!

Старыя яблони молодѣли каждую весну и покрывались пышными цвѣтами, такимъ густымъ слоемъ, что заслоняли собой небо, совершенно отдѣляли землю отъ неба бѣло-розовымъ сводомъ. И было душно подъ этимъ сводомъ отъ вкрадчиваго запаха яблонь, и шаги людей по дорожкамъ звучали, какъ въ церкви.

Весною яблони долго стояли въ цвѣту—цѣломудренныя и бесстыдныя въ своемъ сладостномъ актѣ зачатія—эти блѣднорозовые цвѣты яблонь.

Безпрерывно шумѣли, неслышно для человѣческаго уха, лопались, трещали и вырывались изъ тисковъ липкіе молодые листочки, и тихо шевелились, незамѣтно для человѣческаго глаза, милліоны пыльниковъ, желтые, нѣжные.

И симфоніей было въ этомъ храмѣ—жужжаніе пчелъ, отъ котораго вздрагивали вѣтки, и звоны солнечныхъ лучей, и звуки паденія лепестковъ на землю. Они падали медленно, медленно, постепенно, и въ одно чудесное утро оказывалось вдругъ, что они покрыли собою всю землю въ саду.

И, сбросивъ брачный нарядъ, яблони принимались серьезно трудиться надъ жизнью. Такъ же цѣломудренно и бережливо вынашивали онѣ свой плодъ, а осенью, постарѣвшія и усталыя, гнулись къ землѣ подъ тяжестью яблокъ.

Тогда, обыкновенно, приходилъ имъ на помощь ни на что другое ненужный, злой дѣдъ Ѳедя—отставной полковникъ, очень ужъ старый, но сохранившій военную выправку и до самой смерти ни передъ кѣмъ не сгибавшій спины. Онъ ставилъ подпорки яблонямъ. Никто не умѣлъ этого такъ сдѣлать, какъ онъ. И на то время, пока онъ чувствовалъ себя нужнымъ этимъ деревьямъ, онъ переставалъ даже преслѣдовать Степу.

Ближе къ улицѣ, къ наружной оградѣ сада, толпились толстыя, старыя липы, крѣпкія березы и нѣсколько вѣковыхъ сосенъ—гордость рода, на которыхъ никогда не рѣшался подняться топоръ.

Тутъ же, по угламъ, между дикимъ крыжовникомъ и малиной, заброшенныя и безъ вниманія росли на свободѣ низкорослыя вишни, дикій кустарникъ, приносившій въ іюлѣ кислыя, твердыя ягоды. Никогда Степа не давалъ имъ созрѣть. Онъ пробирался въ самую гущу ползкомъ на животѣ и сначала глодалъ ихъ зелеными, потомъ чуть красненькими, и такъ какъ бралъ съ вѣтки

прямо ртомъ, то находилъ въ нихъ особенную прелесть. Къ тому же, такого рода удовольствіе было рискованное: не всегда удавалось провести дѣда Ѳедю, который оказывался не менѣе проворнымъ, нежели самъ Степа.

Богъ его знаетъ, чего онъ такъ злился и чего онъ такъ безпокоился о животѣ Степы?

Только что успѣетъ горьковатая, твердая, какъ косточка, вишня влѣзть въ ротъ, какъ изъ гущины кустарника вылѣзаетъ палка дѣда и начинаетъ шнырять, пока не нащупаетъ.

— Опять жрешь зеленыя вишни, балбесъ!

Самого дѣда Ѳеди не видно за вѣтками, а только палка его, облѣзлая, милліонъ верстъ прошедшая на своемъ вѣку, прибившая сотни собакъ.

И голосъ бѣшеный:

— Опять ты! опять...

Конецъ палки тыкается въ бокъ, въ уши, куда попало; если отодвинуться, она яростно набрасывается на малѣйшую кочку.

— Чего ты тамъ притворяешься, я же чувствую тебя—ты вотъ... ну! вылѣзай!...

Казалось, у дѣда не было другого интереса, другого смысла жизни, какъ выгонять Степу изъ вишняка и, вообще, выгонять отовсюду, вообще, преслѣдовать и заботиться о немъ. Дѣдъ видѣть не могъ равнодушно Степу безъ того, чтобы не позаботиться о немъ. И каждый день онъ открывалъ въ Степѣ какой-нибудь новый порокъ.

Онъ увѣрялъ Марѳиньку, что Степа хитрый мальчишка, лѣнтяй и лежобокъ; онъ увѣрялъ также, что Степа дармоѣдъ; онъ увѣрялъ Марѳу Ивановну, что Степа обжора и дуракъ, что онъ еще ей покажетъ себя, что онъ сожжетъ домъ, убьетъ кого-нибудь, зарѣжетъ, и что каторга ждетъ Степу.

Пока что, онъ проектировалъ выпороть Степу... Но пока что—наступало воскресенье, и дѣдъ Ѳедя отправлялся въ церковь, а возвратившись отъ обѣдни, приносилъ Степѣ медовый пряникъ. Степа всю жизнь потомъ помнилъ эти пряники—толстые, съ темнокоричневой спинкой.

Ни разу Степа не объѣлся, но каждый разъ, отдавая пряникъ, дѣдъ предупреждалъ:

— Не обжирайся!

И скрипучій голосъ его въ этотъ моментъ звучалъ мягче.

Выходки дѣда Ѳеди мало огорчали Степу.

Бывало, дѣдъ въ ярости топчется на мѣстѣ, и палка, воспринимавшая всѣ его настроенія, какъ сумасшедшая, стучитъ въ

землю, а Степа, стоя передъ нимъ, на почтительномъ разстояніи, всегда готовый къ побѣгу, смотритъ внимательно-глубокомысленно, чуточку склонивъ голову, разсматривая дѣда, какъ диковиннаго звѣря, и на кругломъ, мягкомъ лицѣ Степы пролетаетъ мысль—одна за другой.

...Ну, что-жъ! Ну, опрокинулъ кадушку съ дождевой водой... Ну, что-жъ такого?... Вѣдь, еще осталось три полныхъ кадушки... Но почему у дѣда Ѳеди такое лицо, какъ-будто сдѣлано изъ восковыхъ свѣчей? Будто, если очень долго подержать его на солнцѣ, онъ растаетъ...

— Зачѣмъ тебѣ дождевая вода?—невозмутимо спрашиваетъ Степа, безстрашно наблюдая, какъ въ глубинѣ старыхъ глазъ загораются зловѣщія искры—какъ у Полкана, который на цѣпи.

— Ты опять разсуждаешь, нахалъ! а? Зачѣмъ вода!

Огромныя, бѣлыя съ чернотой брови, словно наклеенныя, вотъ-вотъ спрыгнутъ съ воскового лица и въ ярости бросятся... Палкѣ позволено нащупать Степу—за дождевую воду, за нахальство и, вообще, за все. Палка второпяхъ чуть не вырывается изъ рукъ дѣда, но философская задумчивость нахала и лежебока успѣваетъ во-время слетѣть, и на голову убѣгающаго Степы сыплется цѣлый дождь нелѣпыхъ старческихъ ругательствъ.

— Шаталыга, саврасый негодяй...

Но это скользитъ мимо. Многое скользитъ мимо... Изъ всего инцидента съ дождевой водой остается лишь зрительное впечатлѣніе—на всю жизнь прячется куда-то, въ закоулки мозга, драгоцѣнный негативъ—пластинка, еще не проявленная—старикъ съ восковымъ лицомъ, перекошеннымъ непонятной злобой, въ засаленномъ халатѣ, и облѣзлая палка, которая нетерпѣливо стучитъ въ землю, словно оттуда, изъ земли, долженъ явиться кто-нибудь на ея стукъ... Куры кудахчутъ, шарахаются въ стороны, а солнце—и сверху, и снизу, со всѣхъ сторонъ заливаетъ дворъ, притоптанная земля потрескалась и кажется бѣлой отъ солнца.

Изжитый организмъ дѣда психологически не могъ выносить бѣготни, свиста, визга—и все въ здоровомъ мальчикѣ болѣзненно диссонировало съ міромъ его представленій. Потому у дѣда Ѳеди являлась безсознательная потребность создать гармонію между собой и Степой.

Но если бы Степа былъ тихимъ, какъ трава, и не кричалъ, а только попискивалъ; если бы Степа никогда не рвалъ штановъ и не разбивалъ стеколъ; если бы смѣхъ его даже отдаленно не походилъ на ржанье жеребенка—онъ всетаки мучилъ бы дѣда Ѳедю однимъ только соприкосновеніемъ своимъ, потому что нель-

зя создать гармоніи между тѣмъ, чье лицо сдѣлано изъ восковыхъ свѣчей, и тѣмъ, чье лицо все сплошь въ бѣгающихъ веселыхъ ямочкахъ, а въ глазахъ, даже когда они спали, хранилась мозаика неба и сада.

И это былъ ихъ общій крестъ—соприкосновеніе другъ съ другомъ,—крестъ, конечно, больше для бѣдняги дѣда, которому приходилось неутомимо преслѣдовать Степу.

Въ какую бы собачью конуру Степа ни залѣзъ, дѣдъ всегда былъ тутъ, какъ тутъ... Выругать, накричать—это онъ искренно считалъ желаніемъ добра Степѣ, даже методомъ воспитанія. Въ этомъ заключался его долгъ, который въ одно и то же время и оживлялъ полумертваго дѣда, и смертельно утомлялъ его.

Когда Степа отправлялся на улицу играть въ бабки, дѣдъ скучалъ, едва-едва перемогался, да и то благодаря множеству куръ, которыхъ онъ гонялъ палкой отъ одного забора къ другому.

По утрамъ, въ ожиданіи, когда проснется лежебокъ, дѣдъ слонялся подъ окномъ его комнаты, кряхтѣлъ и кашлялъ у дверей, ворчалъ на Марѳу Ивановну за то, что она разлѣниваетъ мальчишку, и увѣрялъ, что, въ интересахъ здоровья, Степа долженъ вставать съ восходомъ солнца и босикомъ бѣгать по росѣ.

Правда, мнѣніе свое онъ отстаивалъ робко и, вообще, робѣлъ передъ Марѳинькой...

— На зарѣ вставать надо,—говорилъ онъ такъ, между прочимъ, и покашливалъ, и не смотрѣлъ въ глаза Марѳинькѣ,—а то, вотъ, сколько позволять дрыхнуть мальчишкѣ!

Но Марѳа Ивановна обладала однимъ очень страннымъ свойствомъ—она органически неспособна была кого-нибудь разбудить, прервать чей-нибудь тихій сонъ, даже если бы это, дѣйствительно, нужно было для какого-нибудь очень важнаго дѣла. Ни разу, кажется, въ своей жизни она добровольно никого не разбудила. Впрочемъ, однажды разбудила Степу, но это произошло въ такой ужасный моментъ,—когда она была сама не своя... Обыкновенно же она восклицала съ горестнымъ недоумѣніемъ:

— Господи! ну какъ разбудить человѣка, когда онъ спитъ...

И просила:

— Не будите его, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Подите лучше,—куры, вотъ, забрались опять въ садъ.

И дѣдъ Ѳедя сердито запахивалъ свой ватный халатъ, ворчалъ по поводу того, что лично ему все равно, что пусть спитъ хоть до завтрашняго дня, а что ей же, Марѳинькѣ, будетъ потомъ плохо, когда вырастетъ сынъ у нея—балбесъ балбесомъ.

Конечно, если бы только онъ не боялся этой кроткой Марѳиньки, какъ онъ ее называлъ—давнымъ бы давно онъ самъ стащилъ Степу съ постели, ого, еще какъ!—И вотъ—удивительно, почему онъ ея боялся!

Выгнать его изъ дому—онъ зналъ, она неспособна; кормить его будетъ всегда, что бы онъ ни натворилъ, онъ тоже это зналъ...

Однако, несомнѣнно, покашливанье дѣда Ѳеди было признакомъ страха, и причины этого страха надо искать глубже въ его сердцѣ, если бы только было время этимъ заниматься.

Такъ или иначе, но коса нашла на камень, и камнемъ была—кротость.

А вотъ къ Тусенькѣ дѣлъ Ѳедя относился несравненно мягче и, слава Богу, воспитаніемъ ея не занимался. Разъ навсегда окрестивъ ее однимъ неприличнымъ словомъ, которое неудобно повторять. Онъ примирился съ ея существованіемъ. И Тусенька отъ дѣда не страдала.

Впрочемъ, и Степа не особенно страдалъ, скорѣе дѣдъ Ѳедя служилъ для него предметомъ размышленій.

Всегда, напримѣръ, бодрствовалъ этотъ дѣдъ! И ни разу, за десять лѣтъ, не видалъ Степа дѣда спящимъ: ложился онъ позже Степы, а вставалъ вмѣстѣ съ курами, когда лежебокъ еще почивалъ.

И когда впервые Степа увидѣлъ дѣда Ѳедю въ постели—за недѣлю до его смерти,—то былъ такъ удивленъ этимъ зрѣлищемъ, что даже и не подумалъ огорчиться.

Молча остановился онъ на порогѣ дѣдиной комнаты, и на его кругломъ лицѣ проползло недоумѣніе, потомъ еще какое-то чувство—не то интереса, не то безсознательной радости, и еще не успѣла оформиться Степина мысль, небезкорыстная—по поводу вишняка, какъ дѣдъ Ѳедя сдѣлалъ движеніе рукой, будто ища свою палку. Но палки не было съ нимъ.

— Теперь ты будешь тамъ безъ меня обжираться...—жалобно пробурчалъ онъ.

Пушистыя рѣсницы Степы хранили задумчивую неподвижность, а взглядъ его глазъ, точно составленныхъ изъ разноцвѣтныхъ камней изумрудныхъ, голубыхъ, янтарныхъ—изъ блесковъ, которые вливались въ открытое окно,—острый, внимательный взглядъ, обращенный на восковое лицо дѣда, искалъ чего-то еще, кромѣ видимаго, кромѣ этихъ злобныхъ искръ, горящихъ подъ грузными бровями, кромѣ темнѣющихъ губъ и жесткой бѣлой щетины на скулахъ...

За нѣсколько дней до болѣзни дѣдъ, въ присутствіи Степы, говорилъ Марѳѣ Ивановнѣ, что подъ рядъ три ночи онъ чувствуетъ

надъ своимъ лицомъ какое-то дуновеніе. Вдругъ какъ-будто кто-то тихонько дунетъ на него въ темнотѣ—такъ, вдругъ, холодкомъ и пронесетъ мимо...

— Скоро смерть моя придетъ,—добавилъ онъ и виновато кашлянулъ, потому что думалъ, что Марѳинька будетъ недовольна на него за такія мысли.

Но Марѳа Ивановна грустно возразила изъ приличія, что „стыдно вамъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, вѣрить въ предразсудки“, и послала его гонять куръ.

Дѣдъ Ѳедя постоялъ тогда нѣкоторое время молча, какъ-будто что-то хотѣлъ еще сказать, но опять кашлянулъ, запахнулъ на плотномъ животѣ халатъ свой, выпрямилъ спину, какъ передъ походомъ, и, бросивъ на Степу свирѣпый взглядъ, пошелъ гонять куръ.

Когда онъ вышелъ, Марѳа Ивановна вздохнула.

И теперь, стоя на порогѣ и разсматривая восковое лицо дѣда, Степа вдругъ вспомнилъ и дуновеніе въ темнотѣ, и этотъ непонятный ему тогда вздохъ матери, и слово, произнесенное дѣдомъ—смерть, которое вдругъ приняло для него особенный смыслъ и остро его заинтересовало—почти до волненія.

— Теперь ты, значитъ, лежишь здѣсь?—вопросительно сказалъ Степа.

У него не было соотвѣтствія мысли со словами. Мысль его пролетала, прежде нежели онъ успѣвалъ выразить ее, и потому часто фразы бывали нелѣпы, выражая только кусочки разныхъ мыслей. Быть можетъ, слово „теперь“ выражало радость, что дѣдъ не увидитъ его въ вишнякѣ, а слово „здѣсь“ относилось къ тому, что никогда прежде Степа не видалъ его въ постели.

Но дѣдъ разсвирѣпѣлъ и закричалъ черезъ силу:

— Здѣсь! не подъ землей же мнѣ лежать... балбесъ... Убирайся вонъ!

Онъ чуть не заплакалъ, почувствовавъ себя страшно обиженнымъ.

— Такъ почему онъ здѣсь лежитъ, я спрашиваю?—допытывался Степа у Марѳы Ивановны, и казалось, что онъ вовсе и не слышалъ окрика дѣда.

— Ну, Господи, Твоя воля! гдѣ же ему лежать? скажи, пожалуйста! Какой ты, въ самомъ дѣлѣ, мальчикъ...

— Нѣтъ,—невозмутимо продолжалъ Степа,—я говорю: почему онъ никогда такъ прежде не лежалъ?

— Ну, прежде не лежалъ, а теперь, вотъ—боленъ и лежитъ... Иди въ садъ, Степочка...

И она, торопясь освободить дѣда отъ Степинаго общества, подталкивала его слегка отъ дверей.

Но Степа не унимался.

— Вотъ это, значитъ, и значитъ, что уже его смерть пришла?— съ оживленіемъ спросилъ онъ, отступая подъ нѣжнымъ натискомъ ея рукъ.

...Да, онъ былъ несносный мальчикъ...

...„И въ кого бы ему такимъ уродиться—безсердечнымъ?“...—подумала обезпокоенная Марѳа Ивановна.

IV.

Яблони значительно пострадали въ ту осень, когда умеръ дѣдъ Ѳедя. Правда, болѣлъ онъ не долго и еще за недѣлю до смерти всячески ухаживалъ за ними—онъ, кажется, одинъ только и зналъ, что имъ тамъ нужно было,—но дни болѣзни, затѣмъ—похороны, а потомъ еще долго Марѳа Ивановна не могла войти въ колею,—въ общей сложности вышло такъ, что какъ разъ въ то время, когда особенно нужно было имъ помочь, никто не пришелъ, и многія вѣтки подломились подъ тяжестью яблокъ, яблоки сморщились преждевременно и были не розовыя, а дряблыя, какъ рахитичныя дѣти.

Особенно пострадала одна большая вѣтка. Она распростерлась надъ дорожкой, такъ что взрослымъ надо было слегка наклонять голову, проходя подъ ней. Подпорку ей успѣлъ еще поставить самъ дѣдъ Ѳедя, но пришлась она совсѣмъ у края дорожки и, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, продержалась бы до тѣхъ поръ, пока снимутъ яблоки, но во время похоронъ кто-то нечаянно повалилъ подпорку, и вѣтка сразу сломалась подъ тяжестью яблокъ.

Связанное съ этимъ происшествіе очень запомнилось Степѣ. Когда проносили гробъ, вѣтка вдругъ упала, прикрывъ собою и живыхъ, и мертваго. Это было настолько неожиданно, и въ напряженно-созданной тишинѣ стукъ отъ удара яблокъ по деревянной крышкѣ гроба былъ такъ непріятно рѣзокъ, что одинъ изъ несшихъ гробъ выпустилъ свой край.

Въ общемъ смятеніи, съ возгласами, со слезами, стали поправлять дѣда; Степа же почему-то бросился подбирать яблоки, раскатившіяся въ ногахъ у людей.

Потомъ благополучно процессія двинулась дальше, а когда смолкли шаги, на дорожкѣ, залитой солнцемъ—какъ слѣдъ отъ ушедшаго навсегда дѣда—осталось нѣсколько красныхъ яблокъ, тутъ же брошенныхъ Степой въ волненіи, и вѣтка, едва прикрѣпленная къ дереву, висѣла безсильная, отягченная плодами...

двери тоже забыли закрыть на крыльцѣ—такъ все и осталось, будто вихрь пронесся здѣсь.

Желтая песочная дорожка, кой-гдѣ поросшая травой, убѣгала къ крылечку и, перескочивъ черезъ него и черезъ темный квадратъ распахнутой двери, прокрадывалась узкимъ коридорчикомъ къ открытому окну на ту сторону сада. Солнце бросало на дорожку, сквозь вѣтки, свѣтло-желтыя теплыя пятна, и тамъ, изъ открытаго окна, съ той стороны сада, тоже видно было солнце, и домикъ, сквозной, казался пустымъ, занятымъ на время только солнцемъ. И весь садъ былъ занятъ только солнцемъ, и какое-то удовлетвореніе чувствовалось во всемъ, особенно въ этихъ отягченныхъ яблоняхъ, отдавшихъ свой послѣдній долгъ умершему.

И не было, казалось, въ мірѣ, подъ голубымъ небомъ, ни горя, ни ненужныхъ событій. Все шло, какъ намѣчено кѣмъ-то, въ порядкѣ, неторопливо, и въ ясномъ, прохладномъ воздухѣ осени ощущалась спокойная увѣренность въ томъ, что придетъ глубокій зимній сонъ, что снова пронесется звенящая радость, безудержная, неразумная, и опять все закружится въ упоеніи.

Степа, въ новыхъ штанахъ и новой, синей рубахѣ, возвращался съ кладбища задумчивый—ни разу онъ тамъ не заплакалъ, на похоронахъ дѣда,—задумчивый и тихій. Мысли у него были неясныя, отрывочныя, ощущенія неуловимыя.

Когда онъ вступилъ на дорожку съ обломанной вѣткой и увидѣлъ издали въ сквозномъ домикѣ открытое окно изъ коридора въ садъ, ему показалось, что такимъ красивымъ и радостнымъ онъ видитъ все это въ первый разъ и что деревья ждали его возвращенія.

Это чувство, что его ждали, было несознанное, но такое неожиданно радостное, что на секунду онъ совершенно забылъ о жуткомъ и странномъ зрѣлищѣ зарыванія человѣка въ землю. Но тотчасъ, съ удвоенной остротой, почувствовалъ происшедшее, какъ-будто сейчасъ только все понялъ и будто въ землю зарыли живого дѣда Ѳедю, который теперь задыхается тамъ...

И стоя на томъ мѣстѣ, гдѣ висѣла сломанная вѣтка, Степа поднялъ руки къ горлу, совсѣмъ, какъ Марѳа Ивановна въ минуты горя, и заплакалъ.

Марѳа Ивановна, шедшая вслѣдъ за руку съ Тусенькой, увидѣвъ, что Степа плачетъ, порадовалась втайнѣ: равнодушіе, до сихъ поръ проявляемое Степой къ смерти дѣда, огорчало ее.

— Не плачь, милый Степочка,—ужъ совсѣмъ противъ совѣсти промолвила она и, сама роняя слезы на дорожку, стала на ходу откалывать траурную шляпу, маленькую, примятую, много лѣтъ

хранимую, какъ необходимую для случая вещь, сшитую къ смерти перваго мужа.

Черненькая Тусенька, принаряженная, будто пришла съ гулянья, въ широкополой шляпѣ, съ обмусленной резинкой на подбородкѣ,—Тусенька заглянула Степѣ въ лицо и стала совать ему въ руки поднятыя съ земли яблоки.

— Ну, что ты мнѣ суешь!—сказалъ онъ,—не надо мнѣ ничего, убирайся...

Но такъ какъ съ каждымъ годомъ онъ чувствовалъ все большую нѣжность къ „милинькой“, то не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже игралъ съ нею, бросая яблоки въ ея подставленный передникъ, а потомъ, сразу тремя яблоками, жонглировалъ въ воздухѣ не хуже любого фокусника—на радость Тусеньки и въ собственное удовольствіе.

Марѳа Ивановна, торопясь приготовить поминальный обѣдъ къ приходу званыхъ гостей, смотрѣла иногда на нихъ изъ открытаго окна и, пробуя вкусъ соуса, думала о томъ, какъ легко дѣти забываютъ горе...

Теперь она чувствовала себя совершенно одинокой со смертью сердитаго дѣда. Кто теперь будетъ брюзжать на нее и слушаться всѣхъ ея приказаній... Господи... Господи... Никто теперь уже никогда не назоветъ ея Марѳинькой...

Въ сумерки, послѣ того, какъ разошлись гости и Тусенька легла спать, а Марѳа Ивановна сидѣла, пригорюнившись, на крылечкѣ, Степа, подойдя случайно къ дверямъ комнаты дѣда Ѳеди, остановился на порогѣ.

Широкая деревянная кровать, на низенькихъ ножкахъ, стояла оголенная, съ однимъ матрацомъ.

— Теперь это уже сняли,—мысленно сказалъ Степа и задумчиво перевелъ взглядъ къ окну.

Тамъ, за силуэтами деревьевъ, все охвачено было расплавленнымъ золотомъ, чистаго, нѣжнаго тона,—такою бываетъ молодая луна на свѣтломъ непогасшемъ небѣ. Стволы, окутанные мракомъ, сгрудились въ безформенную, темную массу, а верхнія вѣтви чеканились на золотомъ фонѣ.

— Можно взять теперь его палку?—спросилъ себя Степа, машинально подходя къ окну.

Быстро потухали краски. Вверху, между вѣтвями, алѣла длинная полоска, на глазахъ у Степы стала фіолетовой и въ сумракѣ пропала.

Облокотившись на подоконникъ и захвативъ щеки ладонями, Степа разсѣянно смотрѣлъ въ глубь деревьевъ, не видя ихъ, а про-

должая видѣть то мучительное и непонятное, чему былъ свидѣтелемъ на кладбищѣ—взрытую землю у краевъ ямы и опущенный въ яму гробъ.

Не представлялъ какъ-то себѣ дѣда Ѳедю въ гробу, а видѣлъ только черную крышку, украшенную серебряной бумагой, слышалъ, словно издали, скрипучій голосъ дьякона—такой же скрипучій, какой былъ у дѣда Ѳеди,—поющаго вѣчную память.

Ощущенія и мысли были опять такія же неясныя, неуловимыя, какъ до того момента, когда онъ вдругъ будто все понялъ тамъ, въ саду, на дорожкѣ.

...Зачѣмъ-то велѣли взять въ руку земли и бросить туда... Какъ-будто пріятно хоронить дѣда Ѳедю... Захотѣлось потомъ еще бросить... И всѣ бросали... Какъ-будто немножко развеселились... Если глубже, еще глубже вырыть яму, то земля, вѣрно, тамъ совсѣмъ холодная и еще мокроватѣе... Почему блестящая серебряная бумага, если гробъ никогда не выроютъ обратно?... Никогда...

Взглядъ, привыкшій къ сумеркамъ, сталъ различать стволы деревьевъ. Одни были темнѣе и ближе, другіе, болѣе свѣтлые, отступали вглубь. Никогда онъ раньше не смотрѣлъ на нихъ такъ изъ окна въ темноту. И вдругъ показалось, что деревья шевелятся.

Въ первую минуту онъ хотѣлъ уйти, но не могъ сразу оторвать взгляда, не могъ вырваться изъ ихъ странной, живой темноты и съ небывалымъ чувствомъ жути, продолжалъ пристально всматриваться, и вскорѣ уже былъ увѣренъ, что деревья, дѣйствительно, шевелятся и что все это не деревья даже, а какія-то особенныя существа, странныя, будто прячущія что-то.

— Какія глупости...—сказалъ онъ себѣ, но руки плотнѣе сжали щеки.

Это были совсѣмъ-совсѣмъ не тѣ знакомыя сосны, яблони, липы, которыхъ днемъ онъ не замѣчалъ, какъ не замѣчаешь своихъ рукъ, и которыя при свѣтѣ солнца были, какъ воздухъ, какъ свое тѣло, какъ что-то свое, неотдѣлимое, близкое. Теперь же онѣ вдругъ показали себя и стали настоящими, даже какъ-будто врагами. Они могли бы надвинуться и задавить своею темнотой—вся ихъ толпа... Вдругъ почувствовалась безотчетно какая-то неуловимая связь у этихъ деревьевъ съ только что закопаннымъ въ землю дѣдомъ Ѳедей, чья кровать стоитъ теперь непокрытая... Будто они знаютъ что-то. Будто онъ теперь перешелъ къ нимъ, и эти сосны и яблони приняли его...

— Я трусишка, просто... Глупости, глупости!...—упрямо шепчетъ Степа.

И выпрямляется, поворачиваетъ голову по направленію къ кровати, потомъ чуточку правѣе — къ двери и застываетъ въ ужасѣ...

— Это просто халатъ... дѣда Ѳеди... просто виситъ въ углу, около печки...

Внутренно срываясь, будто летитъ въ яму, невѣрной походкой идетъ къ двери, но, проходя мимо тѣни въ углу, ясно уже видитъ, что это, дѣйствительно, халатъ, ватный халатъ дѣда Ѳеди, притрогивается къ нему кончиками пальцевъ, къ его засаленной поверхности на груди... И это ощущеніе живой грязи долго носимаго платья, это будничное, это знакомое, неожиданно такъ радуетъ...

— Ну, вотъ... Ну, вотъ!...—произноситъ онъ вслухъ измѣнившимся, умиленнымъ голосомъ, хриплымъ немножко отъ радости, какъ, можетъ быть, произнесъ бы, если-бъ вернулся самъ дѣдъ Ѳедя.

И, прижавъ похолодѣвшія руки къ горлу, медленно выходитъ изъ комнаты.

Когда садится на крылечко рядомъ съ Маріей Ивановной, все еще охваченъ мелкой дрожью.

— Холодно!—говоритъ онъ, передергивая плечами, и прячетъ голову къ ней на колѣни.

Такъ лежитъ неподвижно нѣсколько минутъ. Дрожь постепенно проходитъ, а прикосновеніе щеки къ шершавой матеріи ея чернаго платья, къ ея блѣднымъ, теплымъ рукамъ, къ гладенькимъ пуговицамъ ея кофточки и, особенно, мягкій, ровный стукъ ея сердца вызываетъ въ немъ небывалое наслажденіе, тихій, подавленный восторгъ.

И впервые этотъ восторгъ рождаетъ мысль о преходящемъ, о призрачности всего дорогого, будто сейчасъ только обрѣтеннаго. Впервые является мысль, которая впослѣдствіи становится навязчивой идеей,—мысль о томъ, что всѣ должны умереть, *всѣ*. И мать его, и ее тоже закопаютъ въ землю.

И, какъ бы торопясь закрѣпить въ себѣ ея образъ, онъ смотритъ, поднявъ къ ней поблѣднѣвшее лицо, жадно ловя каждую морщинку, каждую черточку.

...Мама...

Ихъ лица, близко придвинутыя другъ къ другу, бѣлѣютъ двумя смутными расплывчатыми пятнами въ сумеркахъ, сгущенныхъ тѣнью сада.

Марѳа Ивановна находитъ въ этомъ моментѣ источникъ радости...

...За что она Бога гнѣвитъ! Развѣ можно сказать, что она одинока, если есть у нея такой ласковый сынъ...

— Не плачь, Степочка,—говоритъ она, проливая слезы и охвативъ рукою плечи Степы,—слезами не поможешь. Онъ былъ старенькій, ему пора была умереть... Онъ тебя благословилъ передъ смертью, помнишь, погладилъ по головкѣ...

— Да...—задумчиво говоритъ Степа и украдкой, изъ-подъ материнской руки, смотритъ въ глубину деревьевъ, которыя кажутся теперь опять прежними, какъ днемъ, обыкновенными... Вотъ четыре липы у крыльца, небо чуть замѣтно свѣтлитъ ихъ крупные листья. А внизу черная, густая тѣнь...

Онъ хорошо помнитъ, какъ отрубилъ у нихъ давно-давно когда-то огромную вѣтку на лошадь... И, вообще, ему кажется, что все, что произошло сегодня,—только мучительный сонъ.

— А, можетъ быть, онъ вовсе не умеръ?...

— Что ты! Господь съ тобой, Степочка, не живого же мы... Пойдемъ-ка, зажжемъ лампу...

Нѣсколько дней спустя Степа увидѣлъ знакомую палку въ рукахъ Тусеньки. Онъ совсѣмъ какъ-то выпустилъ изъ виду, что она осталась. Даже забылъ о ней. Но это была именно *его* палка—облѣзлая у конца, съ большимъ крючкомъ наверху, но... Въ то же время какая-то совсѣмъ не та, обыкновенная палка, и съ нею, очевидно, можно было дѣлать все, что угодно—тащить, напримѣръ, какъ это дѣлала Тусенька, изломанную жестяную коробку, зацѣпивъ крючкомъ. Она имѣла совершенно безобидный, можно даже сказать, скромный, жалкій видъ, будто со смертью дѣда потеряла свой раздражительный характеръ.

Тѣмъ не менѣе, Степа нашелъ нужнымъ отобрать ее у Тусеньки. Это ему стоило лишь одной царапинкой больше—„милинькая“ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгала именно къ этому средству борьбы.

Поскорѣе онъ отнесъ палку въ пустую комнату, гдѣ все еще висѣлъ на гвоздикѣ халатъ и все еще былъ какой-то такой запахъ—дѣда-Ѳединъ запахъ,—и засунулъ палку подальше за шкапъ, въ темноту и пыль.

V.

— На въ самомъ дѣлѣ, есть Богъ?—спросилъ какъ-то Степа Марѳу Ивановну.

Со дня похоронъ дѣда замѣчалась какая-то тревога въ его настроеніи.

— Господь съ тобой, Степочка! Помолись хорошенько Боженькѣ и проси Его простить тебя...

— Значитъ, есть,—мысленно рѣшилъ Степа,—а почему я никогда Его не видѣлъ? Онъ какъ-будто тоже умеръ, какъ дѣда-Ѳедя и мой папа!?...

Степа говорилъ „мой“ папа, а не просто папа потому, что главное для него было именно это обладаніе отцомъ, хотя бы и умершимъ. Онъ зналъ его только по выцвѣтшей фотографіи, какъ зналъ ликъ Бога только на старыхъ иконахъ.

Напоминаніе о первомъ мужѣ вызвало у Марѳы Ивановны краткій приступъ слезъ. (Ей, впрочемъ, казалось, что его она тоже никогда не забываетъ.)

— Ахъ, только святые видятъ Бога,—разсѣянно произнесла она и рѣшительно вздохнула, какъ бы исчерпавъ вопросъ до конца.—Иди, играй, Степочка.

На этотъ разъ Степа ни о чемъ больше не спрашивалъ, но играть пошелъ не сразу, а по своему обыкновенію постоялъ нѣсколько минутъ, задумчиво-тупо осматривая Марѳу Ивановну.

Видя, какъ отъ слезъ краснѣетъ носъ Марѳы Ивановны и удивительно быстро все лицо становится мокрымъ; какъ неторопливо, даже съ какой-то бережливостью она разворачиваетъ свой чистенькій, всегда готовый платокъ, грустно сморкается съ поникшей головой; слѣдя за всѣми ея тихими, давно извѣстными движеніями, Степа не выказываетъ ни малѣйшаго сочувствія. Наоборотъ, на лицѣ его появляется выраженіе чего-то отстраняющаго, какъ-будто все, что онъ видитъ, только мѣшаетъ самому важному, о чемъ во что бы то ни стало онъ желаетъ знать. Вопросъ—почему *она* не святая и что̀ такое, вообще, святые, и гдѣ они, эти святые—тоже всѣ умерли или живутъ,—вопросы эти пролетаютъ мимо, унося за собою цѣлый рядъ туманныхъ, едва намѣченныхъ лицъ, ни о чемъ, кромѣ собственнаго призрачнаго существованія, не говорящихъ встревоженному сердцу...

Вопросъ, за что онъ самъ долженъ просить прощенія у Бога, задерживается глубже въ закоулкахъ мозга, но въ слова еще не укладывается. Слова у него, вообще, были запрятаны очень далеко, и доставалъ онъ ихъ съ трудомъ, съ лѣнивой развалкой, сплошь и рядомъ совсѣмъ не тѣ, какія нужны были въ данную минуту.

Но дня черезъ два онъ вдругъ ни съ того, ни съ сего приступилъ къ Марѳѣ Ивановнѣ въ самое неподходящее для разговоровъ время, когда она, только что зарѣзавъ курицу, ощипывала ее въ кухнѣ.

— Почему я долженъ прощенія просить, ты сказала?...

Онъ глубокомысленно такъ, со стороны, оглядывалъ курицу съ перерѣзаннымъ горломъ и блѣдныя, запачканныя въ кровь, торопливыя руки Марѳы Ивановны.

Было противно немножко смотрѣть на курицу, но любопытно. Вмѣстѣ съ перьями приподнималась мертвая, вся въ бѣлыхъ пупырышкахъ, кожа и быстро подъ ловкими руками расширялась лысина.

— Почему?—настойчиво и въ то же время разсѣянно повторилъ онъ, намѣчая, между прочимъ, цѣлый рядъ вопросовъ, вродѣ того, напримѣръ, больно теперь куницѣ или не больно?

— Что, Степочка, почему?

— Ты сказала, прощенія просить...

— Господь съ тобой, Степочка! Ты же ничего такого не сдѣлалъ...

— Ну, вотъ! я то же самое тебѣ и говорилъ. А ты говорила... Зачѣмъ же тогда говорить?...

Къ пріятному сознанію, что ему не за что просить прощенія у Бога, присоединилось раздраженіе на Марѳу Ивановну.

— Зачѣмъ?... не понимаю!

Марѳа Ивановна тоже слегка раздражилась—мѣшали ей эти разспросы—какъ разъ не во̀-время.

— Ничего и не думала говорить вовсе... Иди себѣ лучше, пожалуйста, право... Присмотрѣлъ бы за Тусенькой, опять она залѣзетъ въ крапиву...

Степа молчитъ, прислонившись грудью къ столу. Удивительно ловко руки сдираютъ эти пестренькія перья. Щипокъ тамъ, здѣсь—и готово. Курица почти уже голая. Оказалось, что у нея есть плечо, спина и будто согнутое колѣно, какъ у маленькаго человѣчка.

Еще вереница вопросовъ пролетаетъ въ мозгу Степы. Не можетъ онъ съ ними справиться, нѣтъ у него достаточнаго количества словъ, а главное—нѣтъ умѣнья задерживать полеты мыслей и втискивать ихъ въ опредѣленную фразу. Впрочемъ, онъ не думаетъ, а только видитъ, едва успѣваетъ видѣть.

Мимолетные образы нагромождаются, таютъ, вдругъ вспыхиваютъ ярко, и видимое духовными очами—второй парой глазъ—отодвигаетъ на мгновеніе то̀, что̀ закрѣпилось уже въ осязаемыя формы: столъ, чисто выскобленный; блѣдныя, въ крови, торопливыя руки; голая курица съ поджатымъ колѣномъ; горячая плита съ кастрюлями и паръ надъ ними; озабоченное, всегда грустное, а сейчасъ какъ бы совершенно даже довольное лицо матери,—

все это какъ бы задергивается бѣлой кисеей, отступаетъ, будто нарисованное на картинкѣ, и нѣсколько голыхъ маленькихъ не то куриць, не то человѣчковъ, проносятся мимо, нѣсколько десятковъ ножей рѣжутъ человѣчковъ... Человѣчки, можетъ быть, пищатъ... и какъ ихъ можно было бы ѣсть?... и сразу открывается цѣлый рядъ могилъ—одна, двѣ, три... кресты шатаются въ разрытой землѣ, и Богъ съ длинной бородой, нахмуренными бровями, точно наклеенными, какъ у дѣда Ѳеди, поднимаетъ указательный палецъ, а святые—тоже съ лицами изъ восковыхъ свѣчей... и дѣдъ Ѳедя съ ними—лежатъ себѣ смирненько, пока ихъ засыпаютъ землей...

Съ усиліемъ отведя взглядъ отъ курицы, Степа вздыхаетъ и медленно идетъ присматривать за Тусенькой. Но уже въ дверяхъ, сообразивъ что-то, рѣшительно возвращается.

— Да ты же говорила, что у Бога надо прощенія просить,— сказалъ онъ съ ноткой досады.

— Что?... Ахъ, Степа!—горестно восклицаетъ Марѳа Ивановна, наскоро вытирая окровавленныя руки.—Ну, какой ты мальчикъ! Конечно! Вѣчно ты пристаешь! Мнѣ, вѣдь, ужасно некогда. У Боженьки всегда надо прощенія просить—иди, иди!

— Но такъ почему же!? Когда ты говорила... я, вѣдь, не сдѣлалъ ничего такого... это, значитъ, глупости, просто!...

Исплаканные глаза Марѳы Ивановны выражаютъ такой испугъ, такую печаль, что Степа вдругъ какъ-будто начинаетъ понимать вину свою... Зато теперь Марѳа Ивановна ничего не понимаетъ...

...И что только будетъ, когда онъ вырастетъ! Неужели и здѣсь ее ждетъ горе?... Недаромъ она замѣчаетъ въ немъ духъ строптивости...

„...Духъ же цѣломудрія и смиренномудрія даждь ми...“—мысленно наскоро за Степу молится она, и такъ какъ Степа все еще упрямо ждетъ, Марѳа Ивановна произноситъ твердо, чтобы ужъ никакихъ сомнѣній не оставалось у этого мальчика:

— Человѣкъ всегда виноватъ передъ Богомъ. Богъ ему все далъ, заботится о немъ, а человѣкъ не цѣнитъ...

— Я вовсе нѣтъ!...—съ живостью вставляетъ Степа.

— ...и только огорчаетъ Бога своимъ злымъ поведеніемъ...

— А почему...?—хотѣлъ было спросить Степа и, кажется, о чемъ-то очень для себя важномъ. По крайней мѣрѣ, напряженный треугольничекъ образовался между его сѣренькими бровями.

Но мысль, по обыкновенію, не успѣла вложиться въ слова. Онъ схватилъ пока первое попавшееся слово, очень безпокойное для Марѳы Ивановны и самое близкое для себя:

Почему?

Опять это вѣчное „почему“!

На счастье Маѳы Ивановны какъ разъ въ эту минуту Тусенька споткнулась о камень и разбила носъ до крови.

Разговоръ былъ прерванъ и забытъ Маѳой Ивановной. Что же касается Степы, то какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Маѳа Ивановна смывала кровь съ лица Тусеньки, кричавшей на весь садъ, Степа, видя кровь и растерянность матери, самъ перепуганный, рѣшилъ что-то свое безъ долгихъ размышленій, что-то окончательное, относящееся къ прерванному разговору и также имѣющее нѣкоторое отношеніе къ смерти дѣда Ѳеди.

...Что если бы Тусенька убилась по его винѣ! Почему онъ сразу же не пошелъ къ ней!...

Ночью, когда всѣ уже спали, Степа просилъ прощенія у Бога. Теперь онъ ясно чувствовалъ вину свою... Было холодно и больно голымъ колѣнямъ на шершавыхъ доскахъ пола, но какая-то невѣдомая прежде радость снизошла на душу въ этомъ первомъ, сознательномъ и тайномъ обращеніи къ Богу, какъ-будто хотѣлось даже еще большей боли.

Вышло такъ, что добрый, немножко страшный и суровый Богъ, прежде далекій, приблизился вдругъ и, наложивъ это свое наказаніе—лежать на холодномъ полу—сразу же и простилъ, едва произнесены были шепотомъ первыя слова молитвы. И даже какъ-будто уговоръ какой-то состоялся между ними—съ этихъ поръ, онъ зналъ, всегда такъ будетъ: стоитъ хорошенько помолиться,—чтобы, конечно, никто, кромѣ Бога, не видѣлъ,—и Богъ проститъ все и очень нужное все ему пошлетъ, потому что при такой близости другъ къ другу ни въ чемъ не можетъ быть отказа...

Не умеръ бы и дѣдъ Ѳедя, если бы тогда ему пришло въ голову такъ помолиться, если бы онъ раньше такъ сильно этого желалъ...

И смутная идея, что передъ силой желанія отступитъ даже смерть, впервые затеплилась слабымъ огонькомъ въ сознаніи Степы, когда онъ лежалъ въ темнотѣ на полу, голый и озябшій. Съ трепетомъ, какъ въ моментъ откровенія, онъ смотрѣлъ напряженно въ темный уголъ, гдѣ висѣли иконы. Теперь онъ хотѣлъ видѣть лицо Бога... Но тамъ, въ темнотѣ, было совсѣмъ пустое мѣсто. Степа прильнулъ щекой къ полу. Потребность остановиться на какомъ-нибудь обликѣ вырвала изъ цѣлаго ряда лицъ знакомое лицо Христа...

...Это Онъ помогъ ему...

Лунный свѣтъ, упадавшій на полъ сквозь щель ставня, прорѣзалъ бѣлую рубаху на плечѣ, какъ острымъ, длиннымъ мечомъ.

...Развѣ онъ не можетъ тоже стать святымъ, чтобы увидѣть лицо Бога?...

Онъ не сдѣлалъ ничего особенно дурного... Если онъ будетъ молиться и жить, какъ Христосъ... Онъ даже могъ бы уйти въ пустыню, потомъ вернуться и сказать: „меня послалъ къ вамъ Богъ“... Что, если Богъ, дѣйствительно, послалъ его на землю, какъ посылалъ Христа?...

И Степа отдался потоку стремительному, жутко-радостному, странныя, новыя мысли унесли его, онъ не лежалъ въ темнотѣ, прильнувъ щекой къ полу—здѣсь его не было—онъ не чувствовалъ себя, не думалъ ни о чемъ, а только видѣлъ,—безпорядочные, смутные образы овладѣли сознаніемъ, полоска луннаго свѣта обратилась въ лунный потокъ, чьи-то руки тянулись къ нему... Мелькнули чьи-то огромныя, тихо-тихо шумящія крылья, какъ далекій звонъ...

Ему вдругъ показалось, что онъ задремалъ.

Стало такъ холодно, ноги остыли, и показалось страннымъ, что онъ лежитъ на голомъ полу, въ темнотѣ. Всѣ спятъ. Тусенька тихонько посвистываетъ носомъ, слышно изъ другой комнаты, въ горлышкѣ у нея булькаетъ—буль!...

Богъ сталъ далекимъ — даже странно повѣрить, что между ними была какая-то нить...

Богъ—непостоянный—то подойдетъ совсѣмъ близко, даже какъ-будто войдетъ внутрь всего тѣла и чувствуешь толькоЕго—только радость, то вдругъ Его совсѣмъ нѣтъ.

Исполненъ долгъ—теперь пріятно залѣзть подъ одѣяло. Ноги холодныя, какъ ледяшки. Хорошо подъ теплымъ одѣяльцемъ!...

VI.

Прошлое лѣто, когда былъ еще живъ дѣдъ Ѳедя, Степа занимался науками со студентомъ.

Плату студентъ съ Марѳы Ивановны бралъ самую маленькую, входя въ положеніе, и, вообще, былъ доброй души человѣкъ. Что касается занятій — тоже, надо отдать ему справедливость, обладалъ всѣми необходимыми качествами: былъ аккуратенъ, уроковъ, къ сожалѣнію, никогда не пропускалъ, снисходителенъ и въ мѣру строгъ, и положительно никогда не сердился—а Степа хоть кого могъ вывести изъ терпѣнія. Казалось бы—идеальный учитель? И между тѣмъ, если бы Степа позанимался съ нимъ еще одну осень, то, пожалуй, на всю жизнь остался бы идіотомъ.

У студента былъ одинъ странный недостатокъ: онъ такъ кричалъ во время занятій—объясняя что-нибудь или читая вслухъ, нисколько не сердясь при этомъ—такъ отчаянно кричалъ, что первое время Степа совершенно одурѣлъ. Студентъ самъ не замѣчалъ, что кричитъ, и никто его не останавливалъ—ни смущенная, недоумѣвающая Марѳа Ивановна, ни, тѣмъ болѣе, страшно довольный этимъ обстоятельствомъ дѣдъ Ѳедя, ни обалдѣвшій Степа.

Слышно было каждое его слово не только во всѣхъ уголкахъ маленькаго домика, но даже въ саду.

— Студентъ занимается,—такъ уже и знали всѣ, проходившіе мимо забора.

Звуки его голоса дѣйствовали на Степу, какъ удары молоточками по головѣ. Во время занятій Степа имѣлъ совершенно идіотскій видъ: глаза становились мутными, и между приподнятыхъ бровей обозначался треугольничекъ. Съ безотчетно-враждебной миной онъ старался отклониться подальше и сумрачно-тупо разсматривалъ своего учителя. Слѣдилъ за тѣмъ, какъ отъ крика прыгаютъ очки—точно звѣрь, вцѣпившійся въ красное лицо студента, какъ темнѣютъ прыщи на его широкомъ лбу, а глаза, устремленные поверхъ очковъ, становятся похожими на два прозрачныхъ студня.

Пенснэ не держалось на короткомъ носу, потому, несмотря на свою молодость, студентъ носилъ стариковскіе очки въ стальной оправѣ. И въ то время, когда онъ не кричалъ, очки придавали ему симпатичный видъ. Да, и вообще, онъ былъ симпатичный—лобъ имѣлъ умный, манеры скромныя...

Идіотская физіономія Степы нисколько его не смущала, такъ какъ онъ имѣлъ дѣло только съ идіотами, каковыми тотчасъ становились ученики въ его рукахъ. Степу онъ, конечно, тоже отнесъ къ этой категоріи. Въ оглушенномъ же мозгу мальчика, который никогда раньше ни съ кѣмъ не занимался, явилось убѣжденіе, что всѣ учителя кричатъ, что иначе не бываетъ, и студента онъ принялъ на вѣру,—какъ тяжелый крестъ, изъ-подъ котораго не вылѣзешь.

Первое время Марѳа Ивановна горестно простаивала у запертыхъ дверей, сожалѣя Степочку. Она скоро убѣдилась, что студентъ не покрикиваетъ, а просто кричитъ. Очень ужъ онъ добродушенъ. И что она могла сдѣлать!... Какъ сказать человѣку, если у него такая манера? Можетъ быть, онъ и самъ не радъ. Къ тому же, къ студентамъ она имѣла такое же тяготѣніе, какъ и къ священникамъ...

Ѳома Ильичъ былъ такой обходительный—не гордился, какъ,

по ея мнѣнію, могъ бы гордиться съ нею образованный студентъ; охотно даже бесѣдовалъ на разныя темы—о воспитаніи дѣтей и, особенно, о политикѣ, что очень любила Марѳа Ивановна. Послѣ урока, выйдя изъ комнаты, онъ былъ совсѣмъ человѣкъ-человѣкомъ. Разговаривалъ самымъ обыкновеннымъ громкимъ голосомъ, и Марѳа Ивановна только первыя двѣ-три минуты смотрѣла на него какъ-то сбоку, исподлобья, съ обычной своей миной робкаго недовѣрія и не безъ легкой полусознательной иронiи—но вскорѣ и это проходило, и она ласково поила студента кофеемъ.

— Странный онъ, всетаки, человѣкъ...—говорила она Ѳедору Ѳедоровичу, когда учитель уходилъ.—Странный... не могу никакъ понять! И чего онъ такъ кричитъ!

— Человѣкъ, какъ человѣкъ,—рѣшительнымъ тономъ заявлялъ дѣдъ Ѳедя и покашливалъ. — Послушать бы тебѣ, Марѳинька, какъ во время ученья на солдатъ кричатъ...

— Вотъ сравнили то! на солдатъ, а то...

— А по-твоему солдатъ хуже какого-нибудь балбеса? Небось, это у васъ тамъ бабьи нервы, а мальчишку надо пріучать...

— Всетаки, сказать бы ему...

— Что сказать? Что сказать?—горячился Ѳедоръ Ѳедоровичъ.— Будете со всякими этими финтифлюшками да фигли-миглями лѣзть къ человѣку—и вырастетъ сынокъ балбесъ-балбесомъ!...

Этого-то Марѳа Ивановна и боялась пуще всего.

А тутъ, какъ разъ на другой день, самъ студентъ, выйдя вдругъ изъ комнаты, въ которой занимался, прямо такъ и спросилъ:

— Не очень ли я кричу, Марѳа Ивановна?

...Вотъ, значитъ, какъ это его безпокоило, бѣднаго!—и видъ имѣлъ смущенный...

И Марѳа Ивановна покривила душой...

— Что вы!... Ну... Ѳома Ильичъ, у васъ просто... знаете, такой звучный голосъ...

Но, замѣтивъ, какъ моментально измѣнилось выраженіе лица студента, она порадовалась, что отвѣтила именно такъ. И чтобы ужъ не мучился онъ, бѣдненькій, понапрасну (вѣдь, все равно не передѣлаешь!), она добавила тономъ человѣка, повидавшаго на своемъ вѣку всякихъ репетиторовъ:

— У всякаго свой методъ, Ѳома Ильичъ. Развѣ я не понимаю! А, кромѣ того—мальчикъ... У нихъ, знаете, нервы...

Закончила скороговоркой:

— Вотъ къ себѣ-то ужъ я закрываю двери... Извините...

И Марѳа Ивановна мило улыбнулась и даже сразу помоло-

дѣла на нѣсколько лѣтъ подъ ласковымъ и признательнымъ взглядомъ неизбалованнаго студента.

Еще бы: отъ урока не отказывали, какъ въ другихъ мѣстахъ, и даже кофеемъ поятъ. Подумать только—буржуйка, въ сущности, съ головы до ногъ, а какая... Вообще, весь укладъ жизни мелко-буржуазный, а, вѣдь, вотъ—цѣльность какая!

— Нѣтъ, я, дѣйствительно, кричу,—сказалъ онъ довѣрчиво.— Только ничего не могу съ собою подѣлать, честное слово... Это у меня отъ сходокъ, знаете...

И съ удовольствіемъ попивая вкусный кофе, Ѳома Ильичъ бесѣдовалъ о сходкахъ и прочихъ подобныхъ вещахъ, и бывали многозначительные моменты, когда онъ опускалъ голосъ до шопота, такъ что очень заинтересованной Марѳѣ Ивановнѣ приходилось вытягивать шею черезъ столъ. Тогда она думала, несмотря даже на волненіе:

...Ну, чтобы ему такъ и со Степочкой... Странный, всетаки, человѣкъ!...

И Ѳома Ильичъ, искренно благодарный за необычайно предупредительное къ себѣ отношеніе Марѳы Ивановны, напрягалъ старанія, чтобы вбить въ идіотскую башку ея сына первоначальныя правила общепризнанныхъ наукъ. Но, чѣмъ больше онъ кричалъ, тѣмъ меньше Степа усваивалъ. Кончилось тѣмъ, что, попривыкнувъ немного къ этой своеобразной пыткѣ, направленной, главнымъ образомъ, на его барабанную перепонку, Степа, по возможности, предавался, во время уроковъ, своему излюбленному занятію—видѣть невидимое. Благо, излишекъ звуковыхъ волнъ вылеталъ черезъ открытое окно въ садъ. Да, это значительно облегчало!

Что же касается яблонь, млѣвшихъ на солнцѣ, то имъ, конечно, не было никакого дѣла до всякихъ этихъ сказуемыхъ и дополненій, изъ-за которыхъ надрывался студентъ.

Взбудораженный нелѣпымъ крикомъ воздухъ, вылетѣвъ изъ окна, тотчасъ притихалъ на тепло-дышащихъ яблоняхъ... А тамъ, въ просторѣ синевы небесной, и совсѣмъ ничего не было слышно.

Въ общей сложности каждый по-своему былъ доволенъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ смолкалъ крикъ, Степа сонный, отупѣвшій, выходилъ изъ комнатъ и садился на крылечко съ такимъ развалистымъ видомъ, точно прошелъ десять верстъ, не отдыхая. Потомъ, все съ тѣмъ же хмурымъ видомъ, вяло, шелъ въ глубину сада и залѣзалъ въ вишнякъ.

Тамъ, въ тишинѣ травы, въ глубинахъ собственныхъ неясныхъ чувствъ, прильнувъ лицомъ къ землѣ, этотъ маленькій Антей быстро обновлялъ свои силы...

Особенно, если дѣдъ Ѳедя зазѣвается гдѣ-нибудь!...

Лежалъ тамъ, въ вишнякѣ, покусывая стебелекъ, разсматривалъ улитку, которая оставляла на ладони липкій слѣдъ отъ своего неуклюжаго шлейфа,—ловилъ ртомъ вишню или просто бездумно созерцалъ небо—точно спалъ, не засыпая. И когда вылѣзалъ изъ вишняка, весь пропитанный запахомъ земли, то видъ имѣлъ успокоенный, радостный.

Сначала такіе уединенные отдыхи были случайными, инстинктивными, затѣмъ, послѣ смерти дѣда Ѳеди, вошли въ привычку и обратились въ потребность.

VII.

Осенью, незадолго до смерти дѣда Ѳеди, студентъ уѣхалъ.

Марѳа Ивановна прощалась съ нимъ очень трогательно. Благодарила и за себя и за Степочку, просила не забывать и, если въ будущемъ году онъ вернется въ свой городъ, просила приходить запросто.

— А скоро и Тусеньку надо будетъ учить...—прибавила она робко, какъ бы сомнѣваясь, что студентъ согласится еще разъ оказать ей такую честь.

И стояла передъ нимъ, за калиткой, вмѣстѣ съ дѣтьми своими, въ своемъ сѣренькомъ, въ шашечку, платьѣ, ласковая такая, грустно-взволнованная и, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять моложе своихъ 40 лѣтъ.

Студентъ крѣпко жалъ ей руку—много разъ, кланялся безъ конца, въ размашку, всѣмъ тѣломъ, тоже благодарилъ, краснѣлъ отъ смущенія и, улыбаясь, смотрѣлъ на нее поверхъ стариковскихъ очковъ, которыя крѣпко держались за его красныя уши.

Степу онъ просилъ не осрамить его на экзаменахъ.

Степа былъ пріятно оживленъ. Студентъ ему очень вдругъ понравился.

А Марѳа Ивановна чувствовала себя такъ, какъ если бы уѣзжалъ не то сынъ ея, не то родственникъ... или кто-нибудь, вообще, какъ бы старый другъ.

— Спасибо вамъ, Ѳома Ильичъ... Теперь не съ кѣмъ и поговорить будетъ... Не забывайте! до скораго свиданья! всего хорошаго, Богъ...—кричала она ему вслѣдъ.—Съ Тусенькой за-а-нима-а-ться будете!—еще крикнула, уже со слезой въ голосѣ.

Дѣти побѣжали провожать его въ надеждѣ проѣхаться съ нимъ за городъ немножко.

Голосомъ, который вдругъ сталъ очень низкимъ, студентъ ей

тоже на прощанье что-то крикнулъ издали, обернувшись, глядя въ ея сторону поверхъ очковъ. Но за лучами, стлавшимися по землѣ, не видѣлъ Марѳу Ивановну, а Марѳа Ивановна видѣла его во всѣхъ подробностяхъ, два стеклышка очковъ, блестящихъ на солнцѣ, и золотыя пуговицы разстегнутой тужурки... И такъ она была ему благодарна, такъ благодарна, въ точности сама бы не могла сказать, за что,—просто такъ, хорошій человѣкъ...

Но когда шла по дорожкѣ къ дому и украдкой вытирала слезы, то думала (впрочемъ, не вполнѣ такъ опредѣленно, а скорѣе—подумала бы), что плачетъ не о студентѣ, конечно, а просто отъ горя своего неотлучнаго, о мужѣ, о второмъ, и о первомъ, и, вообще, о дѣтяхъ, о тѣхъ умершихъ, и о своей одинокой жизни...

...Вотъ уѣхалъ студентъ... Въ кои вѣки встрѣтишь человѣка на пути своемъ—и нѣтъ его... Мало ли что можетъ съ нимъ приключиться на сходкахъ... Смотри, и не увидишь никогда...

Но не успѣла она еще и дорожки всей пройти до крыльца, между яблонями, какъ уже грусть (о студентѣ) куда-то улетѣла, налетѣла и улетѣла...

Будто яблони и эти честныя, безыскусственныя сосны бережно сняли ее, какъ случайный налетъ... и незамѣтно навѣяли спокойныя мысли...

...Можетъ быть, и пріѣдетъ еще когда-нибудь...

...Если же что и случится съ нимъ такое... Боже мой... на то, вѣдь, онъ и человѣкъ хорошій... И самъ выбираетъ свой путь...

И почти удивилась Марѳа Ивановна, что плакала только что... Но, вѣдь, не о студентѣ! не о студентѣ, конечно, станетъ она плакать—старая женщина... Тамъ ему хорошо,—въ Петербургѣ,—рѣшила она, какъ бы пытаясь найти причину страннаго исчезновенія грусти. И безотчетно, какъ бы въ гипнозѣ, оглянулась на высокія сосны, окинула взглядомъ верхушки, бронзовыя отъ солнца, вздохнула и пошла закрывать ставни.

— Ну? проводили?! — съехидничалъ дѣдъ Ѳедя, отдѣляясь вдругъ отъ тѣни стволовъ.

— Проводили, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, — кротко отвѣтила Марѳа Ивановна изъ глубины темнаго домика.

— Хо!... проводовъ-то сколько, проводовъ! А Степка подралъ?...

VIII.

Въ первую зиму послѣ смерти дѣда Степа началъ ходить въ школу.

Ни вкуса къ наукѣ, ни умѣнья сосредоточивать вниманіе Степа не пріобрѣлъ въ занятіяхъ со студентомъ и съ перваго же

момента, какъ сѣлъ на школьную скамью, началъ предаваться размышленіямъ обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ того, о чемъ говорилъ учитель.

Все занимало его—и устройство каѳедры, и физіономіи мальчиковъ—форма ушей, цвѣтъ волосъ, интонація голосовъ, и пріятная тишина, нарушаемая скрипомъ перьевъ, и строгій голосъ учителя, который представлялъ собою полную противоположность студенту,—имѣлъ болѣзненный видъ и сердился изъ-за каждаго пустяка.

Иногда Степа оборачивался, чтобы посмотрѣть со своего мѣста на „нихъ“. Сидятъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, и пишутъ, склонившись къ бумагѣ.

Но оборачиваться строго воспрещалось.

Пріятно также было смотрѣть, какъ въ широкой полосѣ лучей, между каѳедрой и партами, колеблются пылинки.

„Вѣчно кружатся, почему это?“—думалъ Степа, и, намѣтивъ одну изъ нихъ, слѣдилъ за ея легкими и, какъ будто, веселыми извивами, пока она вдругъ не пропадала, уйдя отъ солнца въ полосу тѣни.

Или являлось у него желаніе основательно изслѣдовать внутренность парты. Но смотрѣть на пылинки и открывать парту строго воспрещалось. Нельзя было разваливаться, нельзя было улыбаться неизвѣстно чему. Надо было слушать, запоминать, повторять...

Но совершенно неинтересно было знать, какъ склоняются мѣстоименія.

— Подлежащее есть такое сказуемое... — съ напряженіемъ произносилъ Степа на радость ученикамъ и къ недоумѣнію учителя.

Взрывъ смѣха онъ встрѣчалъ съ любопытствомъ, и, понявъ свою ошибку, самъ смѣялся.

Этотъ крупный, красивый мальчикъ, на цѣлую голову выше всѣхъ въ классѣ, производилъ странное впечатлѣніе своимъ разсѣяннымъ видомъ.

— И о чемъ ты думаешь, мой другъ? — съ трудомъ сдерживаясь, допрашивалъ учитель.—Ну, отвѣть мнѣ, пожалуйста, о чемъ ты думаешь?

— Я думалъ,—откровенно отвѣтилъ однажды Степа,—гдѣ бываетъ человѣкъ, когда онъ еще не родился...

Этотъ первый точный отвѣтъ, какой далъ Степа въ школѣ, встрѣченъ былъ взрывомъ хохота.

Ему сдѣлали строгій выговоръ.

Здѣсь, въ школѣ, онъ ни о чемъ не долженъ думать... а если онъ не желаетъ учиться и стать образованнымъ человѣкомъ, то можетъ отправляться домой.

— Такъ почему же?... — началъ было Степа, но учитель приказалъ ему замолчать.

Вскорѣ онъ сдѣлался источникомъ веселости всего класса.

Онъ забывалъ тетрадки, опаздывалъ на урокъ, при чемъ самымъ безцеремоннымъ образомъ объяснялъ свое опозданіе какой-нибудь нелѣпой причиной, вродѣ того, напримѣръ, что упала лошадь знакомаго водовоза среди дороги, и онъ помогалъ ее поднимать; или былъ пожаръ у Исаевыхъ, т.-е. думали, что пожаръ, а это просто загорѣлась сажа, и онъ бѣгалъ туда посмотрѣть.

У него даже, какъ-будто, совсѣмъ не было застѣнчивости. Онъ одинаково разговаривалъ съ ученикомъ, и съ учителемъ, и съ батюшкой. Волновался иногда во время разговора, но не смущался нисколько. Даже казался слишкомъ развязнымъ. Часто задавалъ вопросы, совершенно не относящіеся къ дѣлу, и съ трудомъ привыкъ не здороваться за руку. Даже спустя уже много времени послѣ того, какъ поступилъ въ школу, подходилъ вдругъ къ учителю и очень радушно протягивалъ ему руку. Потомъ онъ искренно смѣялся, вмѣстѣ съ другими, надъ самимъ собой, и пріятно было смотрѣть, какъ его широкіе, задумчивые глаза вдругъ превращались въ узенькія щелочки...

Онъ даже къ фамиліи своей не могъ привыкнуть! Проходила довольно длинная пауза, прежде чѣмъ Степа соображалъ, что это вызываютъ его, а не кого-нибудь другого, и сидѣлъ съ самымъ невозмутимымъ видомъ.

Надъ задачами онъ корпѣлъ; плохо обстояло дѣло и съ буквой „ѣ“. И только къ уроку Закона Божьяго относился съ интересомъ, да и то, впрочемъ, лишь первое время, пока не исчерпалъ всего цикла рискованныхъ вопросовъ, повергавшихъ въ сомнѣнія добраго батюшку...

Молитвы онъ зналъ не хуже самого о. Іоанна, но,—сознавался батюшка,—нѣсколько надоѣдалъ требованіемъ точнаго объясненія каждаго слова... Изъ всей же вереницы святыхъ и пророковъ твердо запомнилъ только имя Ильи, да и то потому, что тотъ живымъ былъ взятъ на небо.

Его интересовала сущность дѣяній, а также—причина, почему то или другое лицо удостоилось священнаго ореола. Имена же ихъ онъ отчаянно коверкалъ, на радость всему классу. Но такъ какъ видѣлъ, что батюшка при этомъ омрачается, то много разъ рѣшалъ вызубрить хорошенько всѣхъ пророковъ...

Въ батюшку онъ былъ влюбленъ. Ему казалось, что о. Іоаннъ лицомъ похожъ на Христа. И въ то время, какъ онъ производилъ точный анализъ внѣшнихъ чертъ въ лицѣ батюшки, приближающихъ его къ Христу, — въ классѣ шла своя жизнь, къ которой его то и дѣло насильно притягивали, точно расталкивали отъ пріятнаго сна. Никогда онъ не зналъ, о чемъ только что шла рѣчь!

Но этотъ мальчикъ, очевидно, не устраивалъ никакихъ шалостей. Глаза его, обращенные къ о. Іоанну, были задумчивы. Надъ ними (невольно приходило иногда въ голову поэтичному батюшкѣ), какъ надъ чистой поверхностью сѣрыхъ озерковъ, будто пролетаютъ чьи-то отраженія... И о. Іоаннъ ограничивался укоризненнымъ вопросомъ:

— И о чемъ ты только думаешь, братъ мой?

Но Степа молчалъ. Не могъ онъ повѣдать всѣхъ своихъ неуловимыхъ думъ. И никогда онъ не рѣшился бы теперь, послѣ того, какъ вышла уже исторія съ учителемъ, не рѣшился бы высказать хотя одно свое маленькое соображеніе...

...Если бы батюшка, по окончаніи урока, не бѣжалъ такъ стремительно по коридору, развѣвая полы рясы... а медленно шелъ, съ протянутой впередъ рукой, откинувъ назадъ голову... Онъ былъ бы еще больше тогда похожъ на Христа. У Христа, навѣрное, были такіе же свѣтлые, мягкіе волосы...

Жаль было тоже, что выраженіе лица у батюшки всегда какое-то не такое, скучающее, а не страдающее, какъ у Христа... И сходство совсѣмъ исчезало, когда батюшка вынималъ изъ глубокаго кармана свой сѣрый носовой платокъ, съ черной каймой, и оглушительно сморкался въ него, такъ громко, что, навѣрное, слышно было въ учительской...

Но былъ одинъ искупающій моментъ, когда Степа безсознательно прощалъ батюшкѣ всѣ эти диссонансы, и внутренняя связь между ними росла.

Каждое воскресенье о. Іоаннъ, служа обѣдню, видѣлъ у клироса, у царскихъ вратъ, свѣтлые дѣтскіе глаза и настолько привыкъ и полюбилъ видѣть ихъ во время богослуженія, что, казалось, будто онъ служилъ Богу только ради одного, стоящаго на колѣняхъ ребенка...

Когда онъ шелъ изъ боковыхъ дверей медленно, откинувъ назадъ голову, съ протянутой впередъ рукой, и, повернувшись спиной къ алтарю, поднималъ глаза на молящихся, взглядъ его встрѣчался съ вдохновеннымъ, обожающимъ взглядомъ...

Очень удивился бы о. Іоаннъ, если бы кто-нибудь сказалъ ему, что, не будь этого дѣтскаго лица среди другихъ лицъ, ему теперь, пожалуй, и скучно было бы служить обѣдню. Можетъ быть, это и не такъ, но съ нѣкоторыхъ поръ онъ каждый разъ во время службы бѣгло осматривалъ молящихся черезъ узорную рѣшетку царскихъ вратъ, а когда проходилъ съ кадиломъ по церковкѣ среди колѣнопреклоненныхъ, невольно вдругъ замедлялъ шаги, окутывая мальчика священнымъ облакомъ... Звякали серебряныя цѣпи, серебро чаши съ курящимся ладаномъ чуть не задѣвало свѣтлыхъ волосъ.

Въ торжественный моментъ, когда священникъ раскрывалъ царскія врата, взглядъ его, поднятый сначала къ воображаемому небу, опускался въ глубину двухъ озерковъ на поблѣднѣвшемъ дѣтскомъ лицѣ, и ребенокъ въ странномъ экстазѣ принималъ этотъ взглядъ, и въ безотчетномъ единеніи оба ощущали присутствіе Бога.

Произнося въ установленномъ порядкѣ указанныя слова—одни и тѣ же слова, которыя священникъ привыкъ произносить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—уже машинально, уже не вкладывая въ нихъ никакого содержанія, батюшка вдругъ ловилъ себя на мысли о томъ, что въ сказаніи о любви Іисуса къ дѣтямъ много правды...

Не сомнѣвался онъ и прежде, конечно... но въ то время, какъ Степа, прильнувшій къ церковному полу, теряя представленіе о дѣйствительности, трепетно ждалъ, когда ризы священника мимолетно коснутся плеча—ждалъ, какъ если бы то были одежды Христа, о. Іоаннъ, зараженный экстазомъ ребенка, вкладывалъ въ давно истертыя слова прежній и забытый смыслъ...

...Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ...

И, радуясь, когда солнце изъ верхнихъ оконъ падало на полъ, батюшка почти съ улыбкой на устахъ совершалъ богослуженіе, когда въ церкви былъ Степа...

Но все это относилось къ области безсознательнаго, оставалось надъ жизнью.

Батюшка, вѣроятно, никогда и не вспомнилъ бы о Степѣ, какъ не вспоминалъ ни о комъ изъ толпы молящихся, если бы не видѣлъ этого самаго ребенка въ классѣ. И когда вдругъ замѣчалъ у него за урокомъ такое же выраженіе глазъ, какое видѣлъ въ церкви, на моментъ и самъ задумывался безотчетно, будто и его призывали къ жизни, расталкивали отъ сна, но къ той, другой жизни, отъ которой все окружающее и онъ самъ только и дѣлали, что оттягивали Степу.

Какъ бы очнувшись, онъ ласково-укоризненно покачивалъ головой:

— И о чемъ ты только думаешь, братъ мой?...

Однажды, возвращаясь отъ обѣдни, батюшка увидѣлъ впереди себя знакомую Марѳу Ивановну съ дѣтьми.

Узкій переулокъ, по которому они проходили, почти сплошь оброс кудрявой травой, прилегающей къ землѣ. Въ то время, какъ на поляхъ лежалъ еще мѣстами снѣгъ, здѣсь, въ переулочкѣ, весна уже пріютилась кое-какъ, и куры торопливо скребли подъ окнами влажную землю, отбрасывая ее далеко твердыми лапами, а свинья, высунувъ наполовину изъ-подъ воротъ свое жирное туловище, хрюкала, грѣясь на солнцѣ. Отъ пѣтушинаго крика звенѣло въ ушахъ.

Степа шелъ позади матери въ развалку, безцѣльно болтая красными, почти на четверть отъ кисти оголенными руками. Изъ своей ватной курточки онъ уже давно выросъ. Изъ-подъ курточки виднѣлась синяя рубаха. Икры, туго обтянутыя чулками, были толстыя; торчали огромныя уши отъ башмаковъ.

Марѳа Ивановна имѣла очень смущенный и благодарный видъ по случаю того, что батюшка-законоучитель заговорилъ съ нею, догналъ и заговорилъ.

Она растерялась, не зная, какъ быть, подойти къ батюшкѣ подъ благословеніе здѣсь,— если онъ ихъ догналъ?—или это неудобно... Попыталась было толкнуть ему подъ руку Тусеньку, но изъ этого тоже ничего не вышло.

Марѳа Ивановна была въ старенькой хламидкѣ, порыжѣвшей съ годами, но когда-то шикарной. Ей привезъ ее изъ Москвы въ подарокъ еще первый мужъ. Примятая траурная шляпка, надвинутая на лобъ, сидѣла на головѣ съ какой-то неуловимой претензіей... Можетъ быть, она была кокетливая прежде? Можетъ быть, теперь она поддерживала чувство достоинства Марѳы Ивановны, которой приходилось самой, безъ прислуги, дѣлать черную работу. Марѳа Ивановна никогда не забывала, что она дворянка и что ея покойный свекоръ—Ѳедоръ Ѳедоровичъ—былъ отставнымъ полковникомъ.

А Тусенька преждевременно нарядилась въ свою широкополую соломенную шляпу,—вѣдь, пробивалась уже зеленая трава,— но руки Тусеньки посинѣли отъ холода.

Рядомъ съ этимъ дворянскимъ семействомъ батюшка въ новой драповой рясѣ былъ совсѣмъ франтомъ.

Марѳа Ивановна смотрѣла на батюшку снизу вверхъ, какъ-то исподлобья, съ какой-то смиренной опаской, и отвѣчала съ

улыбкой чуть-чуть заискивающей, боясь, что не сумѣетъ, какъ слѣдуетъ, поддержать разговора, и мучаясь, что вышло какъ-то неловко съ благословеніемъ. Безпокоило ее также, что Степочка не только не подумалъ подойти подъ благословеніе, но даже и шапки не снялъ передъ батюшкой.

— Сними шапку!—произнесла она тихо, скороговоркой, какъ говорятъ на сценѣ—въ сторону—и комично измѣняя выраженіе лица—подобострастное на сердитое.

— Вы бы, батюшка, какъ-нибудь зашли бы къ намъ кофейку попить... Сними шапку!

— Спасибо... ужо соберусь,— ласково такъ, благожелательно отвѣчалъ батюшка и смотрѣлъ на Степу.—Славный мальчикъ,— вдругъ сказалъ онъ, положивъ свою руку на голову Степы, который теперь забылъ надѣть шапку и стоялъ съ непокрытой головой.

Онъ считалъ страшно плохимъ со стороны матери приглашать батюшку пить кофе, какъ самаго обыкновеннаго человѣка, и въ ту минуту, какъ о. Іоаннъ положилъ руку на его волосы, онъ многозначительно посмотрѣлъ на мать.

— Надѣнь, простудишься...

Взявъ шапку изъ рукъ Степы, онъ самъ надѣлъ ему на голову.

Онъ сдерживалъ шаги, чтобы итти рядомъ съ ними.

Нѣсколько утомленный службой и проникнутый еще соотвѣтствующимъ настроеніемъ, онъ произносилъ слова тихимъ голосомъ и не дѣлалъ рѣзкихъ движеній. Его бѣлокурые, мягкіе волосы, прикрытые черной шляпой, обрамлявшіе лицо, слегка развѣвались весеннимъ вѣтеркомъ, глаза смотрѣли на Степу внимательно-ласково, и Степа, забывъ о нетактичности Маріы Ивановны, бережно шелъ рядомъ съ нимъ, точно неся въ рукахъ своихъ свѣчу, зажженную въ храмѣ.

— Все, батюшка, собираюсь васъ спросить, какъ учится мой Степа?

— Хорошо, хорошо,—съ мягкой поспѣшностью отвѣчалъ батюшка.—Учится?... да...—вдругъ запнулся онъ и продолжалъ неопредѣленно:—Господь Богъ, Маріа Ивановна, не всѣмъ одну дорогу назначаетъ... Разные у Бога пути, хотя и одна, казалось бы, цѣль...—И вдругъ, обернувшись къ Степѣ, онъ закончилъ съ улыбкой:—Ты, вѣдь, Степа, въ ученые не мѣтишь?...—И потомъ сказалъ, какъ высказываютъ новую, только что пришедшую въ голову мысль:—Вотъ буду изъ школьниковъ выбирать кой-кого съ голосами для пѣнія на клиросѣ во славу Бога... Ты какъ, хочешь?

Дѣйствительно, мысль набрать пѣвчихъ изъ учениковъ пришла ему только сейчасъ, когда онъ смотрѣлъ на Степу, подъ вліяніемъ какихъ-то неуловимыхъ для него ассоціацій.

Степа ничего не отвѣтилъ, но покраснѣлъ и тотчасъ замѣтно поблѣднѣлъ подъ его взглядомъ.

Онъ въ этомъ вдругъ увидѣлъ знакъ Бога... Что если, дѣйствительно, онъ посланъ на землю? Вотъ уже приглашаютъ его пѣть на клиросѣ...

— Ну, какъ же?—спросилъ батюшка, съ интересомъ наблюдая смѣну эмоцій на его лицѣ.

— Я, можетъ быть, не смогу...—съ трудомъ отвѣтилъ Степа.

— Ну, ну, тамъ посмотримъ... Будьте благополучны, Марѳа Ивановна, вамъ направо, мнѣ налѣво.

— Спасибо, батюшка,—тоже, какъ и Степа, чуть слышно отвѣтила растроганная Марѳа Ивановна.

А когда батюшка завернулъ за уголъ, она прослезилась. Вынула изъ сумочки чистенькій носовой платокъ, аккуратно приглаженный... Дѣти не спросили ея о причинѣ слезъ—это было такъ обыденно!

Степа, впрочемъ, на этотъ разъ и самъ чуть не заплакалъ.

Когда вошли въ садъ, онъ запѣлъ какую-то божественную пѣсню.

Яблони еще стояли совсѣмъ голыя—ни одной почки. Теперь яснѣй было видно, какъ изогнуты и спутаны ихъ корявыя вѣтки. Переплелись всѣ.

Степа стоялъ подъ ними и пѣлъ...

Марѳа Ивановна оглянулась на него съ недоумѣвающей улыбкой.

— Нѣтъ, вѣрно-таки, не придется ему пѣть на клиросѣ!

О. Миртовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ШЕРИДАНЪ. [1])

Романъ Люси Деларю-Мардрюсъ.

Съ французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VII.

Свѣтъ и мракъ.

Приближался сентябрь. Медленно укорачивались дни. Увядала зелень. Но, несмотря на это, были прекрасные золотые дни. Шериданъ продолжалъ жить въ опьянѣніи.

Онъ не потерялъ ничего изъ своей красоты, несмотря на безсонныя ночи и слишкомъ долгіе часы, посвященные волнующей музыкѣ, несмотря на слишкомъ рѣзкое пробужденіе страсти въ его полудѣтскомъ сердцѣ. Только незамѣтно начиналъ мѣняться его голосъ, да свѣтлый пушокъ немного проступалъ на губахъ.

Теперь, если онъ не игралъ на рояли и г-жа Клервиллье почему-либо не пріѣзжала въ замокъ,—онъ пробовалъ писать стихи, посвященные ей. Вкусъ къ поэзіи появился у него съ тѣхъ поръ, какъ онъ открылъ Мюссе, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ полюбилъ. Но онъ рвалъ со стыдомъ эти стихи, едва написавъ ихъ, такъ же, какъ свои первыя музыкальныя сочиненія, посвященныя возлюбленной. Эти бѣдныя попытки были только однимъ изъ способовъ приблизиться къ ней, наполнить ею часы, когда ея не было съ нимъ.

Присутствіе графини нарушало рѣзко мрачную жизнь Отпрэ. Г-нъ Сентанжъ видя, какъ балуетъ его сына эта дама, забывалъ немного свои черныя предчувствія. Г-жѣ Сентанжъ льстила дружба маленькой Аннетъ, и болѣе чѣмъ когда-либо она лелѣяла

---

[1]) *Русская Мысль*, 1911 г., кн. III.

отдаленные свадебные планы. Одна бабушка бѣгала отъ графини. Если она встрѣчала ее случайно, то лишь затѣмъ, чтобы приговорить къ смерти или сдѣлать ей знаки столь же насмѣшливые, какъ и непристойные. Г-жа Клервилльe смѣялась надъ этимъ отъ души. Она такъ же казалась болѣе веселой. Можетъ быть, ожидаемый пріѣздъ доктора Парліе воскрешалъ въ ней чувства молодости, тихо дремавшія въ постоянной грусти.

Однажды утромъ, послѣ трехъ часовъ занятій музыкой, Шериданъ проходилъ мимо огорода, собираясь итти дальше бродить по полямъ. Онъ остановился, отъ нечего дѣлать, чтобы послушать, что говорила бабушка садовнику Гальбадуину. Можно было подумать, что бабушка даетъ урокъ политической экономіи, время отъ времени возвращаясь къ своимъ любимымъ привычнымъ фразамъ: „Я знаю, къ чему это приведетъ!“ или: „Голодъ! чума! война! Это будетъ революція!“ Старый садовникъ съ краснымъ носомъ работалъ надъ кускомъ земли, совсѣмъ согнувшись, и подавалъ отрывистыя реплики, потому что и онъ любилъ поговорить. Въ сущности онъ былъ счастливъ тѣмъ, что старая барыня пускается съ нимъ въ разсужденія и не пренебрегаетъ имъ.

Бабушкѣ, едва она замѣчаетъ Шеридана, приходитъ въ голову новая мысль; она рѣзко обрываетъ свою лекцію и подходитъ къ мальчику.

— Какая жалость, что ты не дѣвочка,—говоритъ она, безнадежно качая головой.—Ты бы былъ у меня первой продавщицей въ магазинѣ.

Потомъ, вынимая изъ кармана клубокъ нитокъ, добавляетъ:

— Я бы научила тебя вязать крючкомъ.

Шериданъ сочувственно улыбается. Великая радость любви побуждаетъ его быть безпрерывно въ добромъ расположеніи духа.

— Но если вамъ угодно...—говоритъ онъ.—Я буду очень счастливъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?—спрашиваетъ бабушка недовѣрчиво.

— Разумѣется. Хоть сейчасъ.

— Тогда иди сюда.

Они располагаются оба подъ деревомъ, въ травѣ, около рѣшетки парка: бабушка сидитъ, Шериданъ стоитъ на колѣняхъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ онъ старается понять, чему учитъ его старуха, великая искусница въ вязаньи... Но слишкомъ увлеченный своимъ усердіемъ, Шериданъ какъ-то неловко подымаетъ локоть и нечаянно толкаетъ руку старухи. Въ ту же минуту, позеленѣвъ отъ гнѣва, она взмахиваетъ крючкомъ и съ размаху ударяетъ Шеридана въ руку. Выступаетъ капля крови.

— Вотъ какъ поступаютъ съ мальчишками, которые бьютъ свою бабушку!—восклицаетъ она, дрожа отъ ярости.

— Бабушка! но вѣдь я же не хотѣлъ васъ ударить.

— Къ смерти!—возглашаетъ она.

Шериданъ, сдержавшись, чтобы не пожать плечами, встаетъ, намѣреваясь удалиться.

— Поди сюда!—приказываетъ бабушка.

Мальчикъ приближается съ предосторожностями, высасывая кровь изъ уколотой руки. Старуха пронизываетъ его взглядомъ.

— Мнѣ не особенно нравится для тебя общество этой графини,—произноситъ она вдругъ.—Опасная связь, мой мальчикъ!

Удивленный Шериданъ становится краснымъ до самыхъ ушей. Но счастье говорить о *ней*, даже съ этой сумасшедшей, заставляетъ его снова сѣсть возлѣ бабушки.

— Почему вы не любите г-жу де Клервилльe, бабушка?—спросилъ онъ ласково.—Это женщина воспитанная, аристократка, милая...

Онъ прибавляетъ почти неслышно:

— Красавица...

Бабушка, не глядя на внука, начинаетъ говорить съ блуждающимъ взглядомъ:

— Говорю тебѣ!... Я видѣла вчера на фермѣ, какъ маленькій пѣтушокъ напалъ на курицу, вдвое себя больше. Я поняла, что пѣтушокъ получитъ побои и больше ничего... Отецъ твой никогда ничего не видалъ у себя подъ носомъ... Твоя мать помѣшана на бракахъ по расчету. Но я знаю, къ чему это приводитъ!

— А г-жа де Клервилльe?—прерываетъ Шериданъ, которому доставляетъ счастье уже произнести это имя.

Бабушка, усѣвшись удобно въ травѣ, подымаетъ свое хитрое лицо и, не глядя, говоритъ словно сама съ собой:

— Она золоченая и скользкая. Не довѣряй ей... У нея видъ кобры,—да, кобры. Она быстро тебя зачаруетъ, птенчикъ!

Тутъ она, наконецъ, бросаетъ взглядъ на Шеридана.

— Вѣдь у тебя страстная кровь, ты знаешь!... Твой дѣдъ...

Здѣсь она вдругъ безумно хохочетъ.

— Твой дѣдъ!... Наконецъ-то!... Его болѣе нѣтъ... Достаточно онъ насъ помучилъ... Но, ш-ш-шъ...

Поблѣднѣвъ, она прикладываетъ палецъ къ губамъ.

Шериданъ приникъ къ бабушкѣ. Не единственное ли она существо, съ кѣмъ онъ можетъ говорить о графинѣ? она—помѣшанная, она не догадается о его тайнѣ. Съ ней можно говорить, какъ съ самимъ собой...

Чтобы вернуть бабушку къ разговору о графинѣ, онъ начинаетъ:

— Г-жа де Клервилльe...

Этого довольно.

— Г-жа де Клервилльe!— восклицаетъ бабушка.—О, эта женщина, видишь ли, въ опасномъ возрастѣ. Во-первыхъ, у нея, конечно, есть любовникъ. И любовникъ, который скоро ее броситъ.

Шериданъ смѣется. Что за нелѣпыя мысли у сумасшедшихъ! Любовникъ у графини! У нея, столь добродѣтельной, столь благородной, столь непреклонной!...

— Онъ ее броситъ!—повторяетъ бабушка.—Что касается тебя,— ты скоро вырастешь. Она замѣтитъ, что ты мужчина и что ты красивъ; тогда...

Злое веселье слышится въ охрипшемъ голосѣ старухи.

— Твоя мать—бѣдняжка! Я говорила о ней англійской королевѣ. Всѣ старыя англичанки таковы: легкомысленныя, холодныя... Это раса дураковъ. Она не понимаетъ ничего.

Бабушка теряется въ длинныхъ разсужденіяхъ о Великой Британіи и объ англо-саксонской политикѣ. Шериданъ напрасно пробуетъ ее остановить.

— А г-жа де Клервилльe?—кричитъ онъ, наконецъ.

— Г-жа де Клервилльe,—говоритъ бабушка, не мѣняя тона,— а! это—совсѣмъ другое. На нее надо смотрѣть такъ со стороны. Только не долго... Вы не соотвѣтствуете другъ другу, и это принесетъ тебѣ несчастье. Бываютъ несчастья и съ мальчиками, какъ съ цѣлыми народами.

Бабушка дѣлаетъ величественный жестъ. Глухимъ отъ старости голосомъ, такъ фальшиво, какъ только можно, она запѣваетъ „карманьолу“. Потомъ восклицаетъ съ трагической гримасой:

— Это будетъ революція! Голодъ, моръ, война!

Безуміе вновь воцаряется въ ея душѣ. Давняя химера вновь владѣетъ ею.

Шериданъ поднимается усталый, ошеломленный. Нѣтъ! невозможно говорить съ этой безумной.

— До свиданья, бабушка,—бросаетъ онъ.

— Берегись,—кричитъ она, грозя пальцемъ.—Берегись, Шериданъ!

Отойдя отъ бабушки, мальчикъ хохочетъ опять. Бѣлокурый, розовый, гордый, со стройнымъ тѣломъ юноши на крѣпкихъ, узкихъ бедрахъ, онъ вновь возвращается къ своей неотступной мечтѣ, къ своей счастливой любви, къ своему молчанію. Но долго

еще въ зелени, освѣщенной солнцемъ, по которой бѣжитъ онъ, его преслѣдуетъ хриплый крикъ старой Кассандры:

— Берегись, Шериданъ! Берегись, Шериданъ! Берегись!

Словно лилія въ лучахъ осенняго солнца, стоялъ, задумавшись, Шериданъ посреди лѣсной луговины.

Вотъ уже два дня, какъ г-жи де Клервиллье не было въ замкѣ. Повторить ли ему свою дерзость и еще разъ поѣхать къ ней на виллу? Онъ такъ боялся заранѣе своей застѣнчивости, своей неловкости маленькаго мальчика, но онъ не въ силахъ былъ дать этому дню пройти и не увидѣть ея, не услыхать ея голоса!

Золотой октябрь царствовалъ въ паркѣ, въ поляхъ, на дорогахъ. И все было вторично позлащено солнцемъ. Природа, истощенная ясными днями и засухой, умирала тихо, въ истомѣ. Въ этомъ первомъ трепетѣ близящейся смерти юноша чувствовалъ въ себѣ особенный приливъ жизни и силъ. Казалось, по всѣмъ его жиламъ струилась радость быть красивымъ, быть юнымъ,— болѣе, чѣмъ юнымъ, ребенкомъ!

Каждый день все болѣе ощутимымъ для него становилось то блаженство, которое давало ему его здоровье: его худыя, но свѣжія щеки, облекавшія изящный очеркъ его лица, его ясные глаза, широко открытые, какъ у младенца, его золотыя, нѣжныя кудри, какъ прозрачная тѣнь окаймлявшія его лобъ,—все его, словно молочное, тѣло съ крѣпкими мускулами, отчетливо обрисованное шерстяной фуфайкой, стройное, подъ простой, деревенской одеждой...

И каждый день все опредѣленнѣе сознавала самое себя его душа. Облагораживающее вліяніе женщины совершало надъ нимъ свое дѣло. Онъ выходилъ изъ круга мальчишескихъ чувствъ и интересовъ: онъ задумывался о своемъ будущемъ. Въ его умѣ возникали первые вопросы: „Что сдѣлаю я со своей жизнью? Кѣмъ я буду?“ И честолюбіе уже пробуждалось въ немъ. Еще смутно, неясно, но онъ уже хотѣлъ быть „чѣмъ-то“. Не задумываясь ничего опредѣленнаго, онъ понималъ, что становится мужчиной, и желалъ, чтобы этотъ мужчина былъ достоинъ женщины, которую онъ любитъ...

Но были ли у него возможности достичь этого?

„Я не былъ въ коллежѣ,—говорилъ онъ самъ себѣ.—Я не знаю ничего изъ того, что знаютъ другіе. У меня нѣтъ ничего, кромѣ моей музыки“... Тутъ безмѣрная надежда загоралась въ немъ, точно два крыла раскрывались въ широкомъ полетѣ. Музыка! Да, въ этомъ смыслъ жизни! Онъ началъ понимать это съ того дня,

какъ Ирэнъ Клервилльe привѣтствовала его отвѣтственнымъ именемъ артиста. Артистъ?... Онъ?...

Вѣянье творчества проносилось въ его душѣ. Да! Творить! Сочинять! Вырвать, вынести къ свѣту все, что кипитъ въ смутной глубинѣ его души, что мучительно живетъ въ немъ, это потаенное сокровище свѣта и мрака, сокровище, быть можетъ, столь же страшное и плѣнительное, какъ то, что дремало въ душѣ ребенка Шумана...

Стыдливая улыбка скользитъ по его губамъ. Ему, маленькому Шеридану, сдѣлаться кѣмъ-нибудь столь же великимъ... Бѣдный мальчикъ! Да есть ли у него даже талантъ, у него, кто осмѣливается мечтать о геніи? Развѣ онъ не просто мальчикъ, полудикій, полукультурный, котораго находятъ милымъ только за его дѣвическое лицо?

Жизнь, о которой онъ никогда не думалъ, встала теперь передъ нимъ, какъ тайна, въ которую онъ шелъ содрогаясь. Ему казалось, что въ темнотѣ онъ теперь только впервые прикоснулся къ ней...

Ахъ, какъ могла бы облегчить ему дорогу нѣжная рука Ирэнъ де Клервилльe! Почему, почему не осмѣливается онъ все сказать ей, объяснить ей все, что начинало волноваться въ его душѣ?...

Сегодня Шериданъ принялъ серьезное рѣшеніе. Онъ поѣдетъ къ графинѣ. Черезъ часъ онъ будетъ у нея. Онъ все скажетъ ей. Онъ превозможетъ то смущеніе, въ которое его приводитъ одинъ ея видъ. Онъ спроситъ у нея, что онъ долженъ дѣлать изъ своей жизни, онъ будетъ умолять ее взять его хотя бы изъ состраданія, направить его жизнь, успокоить его тревогу, укрѣпить его надежду. Сегодня онъ откроетъ ей всю свою душу, онъ отдастъ свое будущее въ ея маленькія руки.

Легкой рысью пони вынесло его на дорогу. „Тѣмъ хуже,— продолжалъ онъ свои мысли,—я спрячу голову у нея на плечѣ, я буду говорить, не глядя на нее и не видя ея взгляда, и такимъ образомъ, я смогу ей сказать все, все!...“ За поворотомъ дороги показалась вилла посреди сада. Шериданъ задержалъ ходъ пони. Страхъ увидѣть снова графиню уже леденилъ его языкъ. За изгородью сада онъ не примѣтилъ Аннэттъ и удивился. Ни гувернантки, ни горничной; никого не было тутъ, чтобы доложить о немъ. Шериданъ вошелъ въ домъ. Тогда изъ подвальнаго этажа, гдѣ находилась кухня, кто-то сказалъ ему:

— Графини здѣсь нѣтъ. (Шериданъ увидѣлъ изъ-за рѣшетки

краснолицую кухарку.) M-elle Аннэттъ уѣхала на автомобилѣ съ miss, съ нѣмкой и двумя горничными.

— А графиня тоже уѣхала?—спросилъ Шериданъ, блѣднѣя.

— Не знаю,—запнулась кухарка.

Двусмысленная, насмѣшливая улыбка промелькнула на ея губахъ.

— Господинъ можетъ пройти въ салонъ...

— Хорошо!—сказалъ Шериданъ.

На шумъ его шаговъ по коридору изъ салона раздался мучительно тревожный крикъ:

— Кто тамъ?

— Это—я!—отвѣтилъ онъ наивно.

Заглушенное восклицаніе, шумъ сдвигаемыхъ стульевъ... Шериданъ, увлекаемый непреодолимой силой, распахнулъ дверь и вошелъ.

И онъ увидѣлъ на маленькомъ диванѣ, подушка съ котораго упала на полъ, г-жу Клервиллье, одну г-жу Клервиллье съ растрепанной прической, съ пылающими щеками. Очень далеко отъ нея, съ трудомъ переводя дыханіе, развалившись на спинкѣ стула, куда онъ сѣлъ второпяхъ,—незнакомый мужчина съ сѣдѣющей бородой.

Окаменѣвшій мальчикъ смотритъ то на одного, то на другого, то на графиню, то на незнакомца. Короткое страшное молчаніе. Потомъ, пробуя улыбнуться, Ирэнъ де Клервиллье слабымъ голосомъ лепечетъ:

— Это вы, господинъ Шериданъ! Какой милый сюрпризъ.

И не глядя на господина, который также обращаетъ лицо къ Шеридану:

— Представляю вамъ господина Сентанжъ д'Отпрэ, о которомъ я вамъ столько разсказывала въ письмахъ...

Она пробуетъ повернуться къ Шеридану:

— Докторъ Парліе... вы знаете... Старый другъ семьи. Докторъ только что пріѣхалъ въ четыре часа. Я получила его телеграмму только за три четверти часа до пріѣзда... Я...

Она не можетъ больше продолжать. Шериданъ, недвижный на своемъ мѣстѣ, не разжимаетъ зубовъ. И его дѣтскіе глаза, его глаза съ ихъ чистымъ взглядомъ продолжаютъ разсматривать этого человѣка и эту женщину, которымъ онъ помѣшалъ въ ихъ соединеніи.

— Ну! Вы не хотите сѣсть?—говоритъ графиня съ усиліемъ.

И видя, что онъ не двигается:

— Ну, мой малютка! Будьте милымъ... Сыграйте намъ что-нибудь. Не угодно ли вамъ?

Шериданъ приблизился на шагъ, потомъ на два. Любовники вперили на него тревожные глаза. Г-жа де Клервилльe протягиваетъ руку и схватываетъ мальчика.

— Сядьте рядомъ со мной.

Она сдѣлалась нѣжной и кокетливой. Ея поза—вся извиненье. Она, конечно, думаетъ, что только застѣнчивость владѣетъ Шериданомъ, что онъ слишкомъ юнъ, чтобы понять что-нибудь. Смѣлая, почти наглая, и нервная, какъ всѣ женщины, она начинаетъ смѣяться.

— Ахъ, Парліе! Онъ любитъ выводить изъ себя. Онъ такъ раздражилъ меня сейчасъ. Мнѣ кажется, я плакала. Вѣроятно, я покраснѣла.

Она проводитъ рукой по волосамъ.

— ...И я вся растрепалась...

Шериданъ, сидя возлѣ нея, повертываетъ голову и смотритъ на нее взоромъ сомнамбулы.

— Гадкій мальчишка! — жеманится графиня. — Вы пріѣхали такъ, не предупредивъ меня. Вы меня испугали. Не правда ли, докторъ?...

— Въ самомъ дѣлѣ! — произноситъ мрачнымъ голосомъ докторъ.

Молчаніе...

— Вы не хотите сыграть?—лепечетъ графиня.

Она не сознаетъ больше, что дѣлаетъ. Она положила свои совсѣмъ голыя руки, выступающія изъ голубоватаго платья, на плечи Шеридана. Онъ чувствуетъ у затылка прикосновеніе ея кожи...

Рѣзкимъ движеніемъ онъ встаетъ.

— Прощайте!—почти рыдаетъ онъ.

И безъ взгляда, безъ поклона, въ вихрѣ золотыхъ волосъ, сверкая голубыми глазами, онъ бросается въ дверь.

VIII.

Безнадежность.

То были дикія рыданія въ ночи, въ низкой ночи, надъ которой нависали тучи, отягченныя дождемъ. Шериданъ, какъ въ первый разъ, выскользнулъ въ паркъ, лишь только въ домѣ заснули. Но сегодня—для того, чтобы остаться наединѣ съ отчаяніемъ.

По возвращеніи изъ виллы онъ сдерживалъ свою душу, всю переполненную крикомъ; и это усиліе было столь безмѣрнымъ, что его скорбь какъ бы исчезала въ немъ. Какъ могъ онъ вернуться въ замокъ, отвѣчать матери, которая безконечно разспрашивала его о поѣздкѣ, обѣдать, разговаривать и ждать въ своей комнатѣ тишины? Теперь, выбившись изъ силъ, онъ упалъ во весь ростъ въ канаву около липовой аллеи, къ которой онъ направился инстинктивно, потому что это былъ самый темный уголъ въ ночи.

Лежа ничкомъ на землѣ и запрятавъ лицо въ сложенныя руки, онъ рыдалъ отъ всей души, съ искренностью маленькихъ дѣтей, когда они огорчены какой-нибудь десятиминутной печалью. И, дѣйствительно, такія слезы давали ему ощущеніе почти сладостное.

Его закрытые, застланные рукавомъ глаза струили во мракѣ слезы черезъ рѣсницы, струили ихъ волнами, какъ кровь изъ раны. Все лицо его было залито слезами. Мало-по-малу взмокла отъ слезъ матерія рукава. Онъ чувствовалъ изступленную необходимость вылить свою скорбь, выбросить ее изъ груди, судорожно сжатой рыданіями. Сухой ароматъ осенней земли окутывалъ его.

Не казалось ли ему, такъ припавшему къ землѣ, такъ отдающемуся конвульсивнымъ рыданіямъ, что онъ роетъ подъ собой свою могилу?

Послѣ часа, проведеннаго въ такомъ изступленіи, Шериданъ поднялъ голову, оперся на локоть, потомъ сѣлъ. Онъ чувствовалъ въ темнотѣ, что его лицо, онѣмѣвшее отъ слезъ, горитъ. Онъ медленно провелъ обѣими руками по своимъ горячимъ волосамъ. Онъ очнулся. Первый порывъ прошелъ. Безуміе скорби стихало. Теперь, истощивъ весь пылъ своей печали, онъ увидѣлъ себя въ ночи съ заледенѣвшимъ сердцемъ, и его разумъ сталъ холодно разсуждать. Но могъ ли понять этотъ ребенокъ то, что съ нимъ случилось?

Онъ старался осмыслить ужасъ своего страданія и проанализировать его. Въ душѣ на первомъ мѣстѣ было изумленіе. Такъ вотъ она, эта человѣческая скорбь, о которой говорятъ книги, такъ вотъ что застыло въ глубинѣ угрюмыхъ взоровъ „большихъ“.

Но почему онъ страдаетъ? Отъ чего онъ страдаетъ? Такъ, раньше всего онъ чувствуетъ себя *униженнымъ*. Чего ждалъ онъ отъ этой женщины? Онъ не подумалъ спросить себя объ этомъ, но у него было ощущеніе, что онъ обманутъ. Онъ обманутъ! Маленькій мальчикъ четырнадцати лѣтъ?...

„Попробуемъ понять,—говорилъ себѣ Шериданъ.—У этой женщины есть любовникъ. Я ее грубо поймалъ съ нимъ тогда... И потомъ... Чѣмъ же это меня касается?“

О, какъ трудно было выявить свои мысли изъ того ужаснаго тумана, въ который онѣ были погружены. Но въ то же время откуда-то возникаетъ горькая иронія, съ которой онъ и разсматриваетъ свои чувства.

Посмотримъ! Что онъ такое? Просто мальчикъ—не болѣе. И почему г-жа де Клервилльe стала бы смотрѣть на него иначе? Онъ былъ для нея въ полномъ смыслѣ слова только милымъ мальчикомъ. Какое отношеніе могла имѣть къ этому подростку, встрѣченному въ глуши отсталой деревни, собственная жизнь ея, любовная жизнь ея, столь полная движенія, жизнь, о которой онъ и не подозрѣвалъ? Онъ представлялъ себѣ, смущаясь, Парижъ, свѣтъ, столицы, о которыхъ она говорила,—все, чего онъ не зналъ; онъ представлялъ себѣ это все какъ царство, закрытое для него, какъ царство, откуда пришла сюда она, навсегда ему чужая, она—со своими прекрасными суровыми губами, полными тайны, съ неподвижными глазами, прикованными къ вѣчной загадкѣ. Такъ вотъ что за тайна была въ ея золотыхъ зрачкахъ! О, бѣдный мальчикъ, съ глупой, дѣтской душой, такъ наивно раскрывшейся передъ этой дамой! О, какая безконечность ихъ раздѣляетъ!

Жестокая усмѣшка искривила въ темнотѣ припухшія губы Шеридана. Онъ поднялся.

Теперь онъ ходилъ по аллеѣ большими порывистыми шагами. Подулъ вѣтеръ, который приподнималъ его короткіе волосы, осушалъ влажность его скорбныхъ глазъ и мало-по-малу обвѣтривалъ его щеки, еще мокрыя отъ недавнихъ слезъ. Онъ слышалъ издали шумъ прибоя и различалъ внизу между деревьями менѣе темное пятно: море.

Да, онъ былъ униженъ, глубоко униженъ!

Но въ немъ—не одинъ стыдъ того, что онъ только ребенокъ. Одной раной самолюбія нельзя объяснить того чувства, которое онъ ощущалъ,—чувства, что все непоправимо разбито...

Шериданъ вдругъ остановился посреди аллеи.

— Г-жа де Клервилльe!..—прошепталъ онъ.

И при этомъ имени его мысль окаменѣла: то счастіе, какое испытывалъ онъ, произнося это имя, превратилось въ безконечную скорбь...

Нѣтъ! онъ не могъ допустить мысли, что у г-жи де Клервилльe есть любовникъ.

Черезъ весь ужасъ невыносимой ревности онъ различалъ еще

нѣчто другое: то было смутное сознаніе, что идеалъ разбитъ, что разрушена прекрасная иллюзія...

Когда передъ нимъ,—ребенкомъ,—предсталъ этотъ господинъ, этотъ „взрослый“, этотъ уже увядшій, сѣдой человѣкъ, этотъ банальный „любовникъ“, которому принадлежала его избранница, его единственное божество, — онъ почувствовалъ, что въ немъ смертельно ранено его глубокое и утонченное мужское благородство. Его инстинктъ не хотѣлъ вѣрить, что этотъ человѣкъ былъ именно тѣмъ орломъ, который способенъ унести такую добычу. И все же Шериданъ понималъ, что изъ-за этого человѣка все его будущее, едва начинавшееся, должно было выскользнуть изъ его безсильныхъ рукъ. А кромѣ того...

И вдругъ истина, во всей полнотѣ, встала передъ Шериданомъ. Графиня де Клервиллье мелькнула въ его жизни только какъ бѣглое видѣніе, которое должно быстро исчезнуть. Приближалась осень. Графиня вернется въ Парижъ и, безъ сомнѣнія, никогда болѣе не пріѣдетъ въ этотъ край, гдѣ живетъ Шериданъ. Какъ же онъ не подумалъ объ этомъ раньше? Какъ же онъ съ такимъ мальчишескимъ безразсудствомъ бросался въ радость!

...Опять пришелъ онъ къ концу липовой аллеи. Теперь отчаяніе поднималось въ немъ, какъ поднимается приливъ, какъ волны, встающія одна за другой, все болѣе высокими, все болѣе сильными. Воистину, воистину это несправедливо! Онъ слишкомъ малъ, чтобы выносить это. Неужели въ его едва раскрытую душу должно низвергаться все это море!...

Но что же дѣлать?... Онъ не зналъ болѣе, что дѣлать, ни духовно, ни физически... Ждать такого же завтра? Онъ остановился во второй разъ въ тѣни. И новое изступленіе скорби охватило его. То было его единственнымъ облегченіемъ. Уже не стараясь болѣе что-нибудь понять, онъ снова началъ рыдать.

Рыдая громко, почти бѣгомъ онъ выбрался изъ аллеи. Противъ воли онъ шелъ черезъ поля къ берегу моря. Передъ крестомъ Сентанжа онъ опять упалъ на землю. И снова онъ позналъ счастіе кататься по травѣ и кричать въ ночи, хватаясь руками за каменное распятіе.

Камень подъ его щекой былъ почти горячимъ, словно на немъ еще оставалось тепло дня. Шериданъ, послѣ второго кризиса рыданій, сѣлъ на самую высокую изъ круговыхъ ступеней и прижался къ кресту, чувствуя необходимость пріютиться около кого-нибудь или чего-нибудь. Потому что боль его души была сильна и невыносима, какъ физическая боль.

Въ первый разъ въ жизни юный, слишкомъ юный, онъ позналъ одиночество. Никогда еще передъ этимъ не сознавалъ онъ, что одинокъ въ мірѣ. Въ какомъ-то оцѣпенѣніи онъ смотрѣлъ, какъ у его ногъ наростало море сумрака, которое, прибывая съ горизонта, заливало камни побережья. И новый стонъ рвался изъ глубины его потрясенной души:

— Друга! Кто-нибудь! Друга, которому пересказать свои жалобы, излить свое горе. Друга! Друга!... Кто-нибудь! Кто-нибудь!...

На мигъ онъ задумался. Кто же? Маленькіе деревенскіе мальчики, забытые товарищи его игръ? Отецъ? Мать? Ахъ, какими суровыми представлялись они ему теперь! Что за темный покровъ былъ простертъ надъ ихъ душами? Что за плѣсень изъѣла имъ обоимъ души!

Онъ прижимался сильнѣе своей сиротливой грудью къ теплому камню. Ему пришелъ на память его дѣдъ—Сентанжъ. Ахъ, какъ посмѣялся бы надъ своимъ внукомъ этотъ отважный и сильный старикъ, передъ которымъ трепетали всѣ.

Продолжая ощупью ласкать камень съ безнадежной нѣжностью, Шериданъ остановился мыслью еще на символѣ креста... Христосъ?... И, погруженный въ свои раздумья, онъ признался себѣ, что уже не вѣруетъ, что не вѣровалъ, въ сущности, никогда. Итакъ, нѣтъ никого, къ кому взывать о помощи. Никого? Ничего?

Руки Шеридана оставили крестъ. Обратившись къ ночному морю, сломленный, онъ, продолжая сидѣть, охвативъ руками свою голову — голову маленькаго мальчика. Нѣтъ никого, кромѣ него самого! У него есть онъ, онъ самъ, и это все!

Онъ самъ... Но онъ не знаетъ себя. Онъ самъ—это товарищъ, съ которымъ онъ не знакомъ. И все же у него не будетъ другого, никогда не будетъ другого.

Онъ самъ!... Да, онъ познакомится!...

Новый порывъ потрясъ его дѣтскую, истерзанную грудь. Беззащитный, безнадежно затерянный въ своей скорби и въ своей любви, прелестный ребенокъ, похожій на падшаго ангела, чувствуя себя покинутымъ среди дождливаго сумрака ночи, вновь отдался слезамъ. Но на этотъ разъ онъ плакалъ сладостно и покорно.

И не было въ мірѣ скорби, большей, чѣмъ его отчаянье, потому что для души неподготовленной, для слишкомъ слабой души четырнадцатилѣтняго мальчика, одинокое страданіе—непосильно и невыносимо.

IX.

Агонія.

Однажды утромъ графиня де Клервиллье покинула свою виллу, увозя съ собой весь штатъ гувернантокъ и прислуги. Въ замкѣ узнали объ этомъ изъ письма, полученнаго въ ту минуту, какъ вставали изъ-за стола.

Г-жа Сентанжъ прочла его сдавленнымъ голосомъ мужу и сыну, собравшимся въ салонѣ около ея кресла-качалки. Графиня въ короткихъ словахъ извинялась и прощалась. Будучи не совсѣмъ здорова въ послѣдніе дни, она не могла выѣхать изъ виллы, чтобы попрощаться со своими очаровательными лѣтними сосѣдями. Далѣе шло нѣсколько формулъ вѣжливости и ничего больше.

Недовольнымъ жестомъ бросила на полъ письмо г-жа Сентанжъ, потомъ выпрямилась въ подушкахъ и скрестила руки. Сентанжъ пожалъ плечами. Онъ избѣгалъ взгляда жены, боясь прочесть въ немъ то же огорченіе, какое живо испытывалъ самъ. Но она уже изливалась въ сварливомъ ворчаніи. Какое сухое и глупое письмо прислала эта женщина, въ концѣ-концовъ, какая-то незнакомка, которую приняли такъ хорошо!... А потомъ еще дурнушка, ея младшая сестра!... Возможно ли было хотя на мгновеніе мечтать объ этомъ гадкомъ маленькомъ выродкѣ, какъ о будущей партіи для Шеридана!...

Г-жа Сентанжъ смотрѣла вокругъ себя вызывающимъ взглядомъ. Ей хотѣлось бы, что кто-нибудь возразилъ ей что-нибудь, что позволило бы ей возложить отвѣтственность за ту печаль, что скрывала она подъ этой бранью, на мужа или на сына. Но, опустивъ голову, молчалъ Сентанжъ. Онъ размышлялъ, теряясь въ догадкахъ. Одинъ Шериданъ догадывался кое о чемъ...

Ирэнъ де Клервиллье, испуганная поведеніемъ юноши въ тотъ день, не осмѣлилась болѣе увидѣться съ людьми, которые, быть можетъ, проникли въ тайну ея жизни. Какое право имѣла она подозрѣвать мальчика въ нескромности? Но она явно боялась, что встрѣтитъ перемѣну въ обращеніи или даже узнаетъ, что двери „замка“ для нея заперты. Она была „женщиной, у которой есть любовникъ“,—такой, передъ которой закрываются двери порядочныхъ домовъ. И она предпочла уѣхать такъ, не зная ничего.

Она уѣхала!

Черезъ нѣсколько секундъ Шериданъ всталъ и вышелъ изъ салона. Онъ пошелъ бродить вокругъ каменнаго креста, какъ бро-

дилъ уже въ теченіе нѣсколькихъ дней. Опустивъ голову и усталыя руки, онъ шелъ по травѣ, не видя ничего.

И онъ спрашивалъ себя: какъ можетъ онъ жить, когда все прежнее уже стало невозможнымъ? Какъ могло наступить „завтра“ для его отчаянія, когда это отчаяніе допускало лишь одинъ выходъ: смерть!

Она уѣхала... Уѣхала навсегда...

Можетъ быть, такъ и лучше. Горькое удовлетвореніе наполняло сердце Шеридана. Въ концѣ-концовъ, о ней ли, о графинѣ ли думалъ Шериданъ, или только о самомъ себѣ?

— О,—повторялъ онъ,—если бы я могъ быть такимъ же, какъ прежде!

Но его вчерашнее дѣтство было уже очень далеко отъ него: душевная катастрофа положила неожиданную грань между сегодняшнимъ днемъ и этимъ прошлымъ.

Бываетъ скорбь настолько сильная, что она отнимаетъ даже мысль о смерти, скорбь, доходящая до такого предѣла, что уже нельзя желать ничего... И мальчикъ бродилъ по пустыннымъ полямъ, погруженный въ свое горе до полнаго безумія. Жить! Зачѣмъ?... Умереть! Зачѣмъ?...

О, безконечное одиночество молодой души, отданной во власть коварству судьбы!...

Шли дни, опять шли дни... Осень опустошала окрестности, срывая съ деревьевъ желтые листья. Ливни размывали дороги. Потомъ были прекрасные дни поздней осени, болѣе безутѣшные, чѣмъ ненастье, когда безполезное солнце нѣжно грѣло оголенныя поля.

Шериданъ проводилъ цѣлые часы, сидя на ступенькахъ креста. Онъ больше не размышлялъ и не разсуждалъ. Взглядомъ, устремленнымъ въ пустоту, онъ созерцалъ г-жу де Клервиллье и заставлялъ себя вѣрить, что этотъ призракъ былъ живымъ. Онъ пробовалъ читать, но понялъ, что боится книгъ: или ихъ печаль слишкомъ походила на его собственную, или въ нихъ были безразличные, ненужные ему разсказы.

Онъ хотѣлъ бы отказаться и отъ музыки. Но въ первые дни, вернувшись въ свою комнату, послѣ долгихъ унылыхъ осеннихъ часовъ, онъ не въ силахъ былъ сопротивляться призыву своего широко-открытаго рояля. Затворившись, не зажигая свѣта, онъ слушалъ себя самъ, мастерски исполняя любимыя мелодіи. Его звалъ къ себѣ Шуманъ, другъ осени и страданія. И Шериданъ игралъ въ одиночествѣ и темнотѣ и, весь отдавшись игрѣ, онъ вспоминалъ обожаемый голосъ:

— Ахъ, этотъ Шуманъ! Какъ могъ онъ жить съ такими звуками въ душѣ?

Шериданъ повторялъ эти слова. Онъ связывалъ ихъ съ музыкальнымъ ритмомъ, возвращался къ нимъ снова, разбивалъ ихъ на части, напѣвалъ ихъ вполголоса, и часто напѣвъ его печальнаго голоса кончался рыданіями, которыя сливались съ безнадежной мелодіей какъ новый, неожиданный мотивъ.

Однажды вечеромъ, когда пальцы Шеридана непроизвольно бѣгали по клавишамъ, бабушка беззвучно вошла въ комнату и, словно желая задушить маленькаго музыканта, набросила свою шаль на его лицо.

Онъ высвободился обѣими руками, повернулся, пристально посмотрѣлъ на смѣшно одѣтую гримасничающую, зловѣщую старуху. Не помѣшается ли онъ, какъ она? Не кровь ли этой сумасшедшей сказывается въ немъ? Почему онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ печаленъ? Вѣдь съ нимъ же не случилось никакого несчастья? И въ ту минуту ему казалось, что та печаль, которую онъ лелѣетъ въ себѣ, только предлогъ, которымъ воспользовалось его сознаніе, рожденное для страданій...

Ноябрь приближался. Послѣдніе слѣды лѣта исчезли вокругъ. Поздно начинавшіеся дни тонули въ безконечныхъ сумеркахъ. Все было сумерками. Даже немногіе листья, остававшіеся на вѣтвяхъ, прежде чѣмъ упасть, покрывались пурпурнымъ налетомъ, точно обрызганные вѣчнымъ закатомъ.

Среди агоніи природы Шериданъ чувствовалъ, какъ душа его разлагается вмѣстѣ съ умирающими листьями. Въ эти дни онъ испытывалъ какой-то экстазъ, какое-то упоеніе музыкой. Какъ пьетъ пьяница, какъ дѣлаетъ себѣ уколы морфиноманъ, онъ возвращался къ своему Шуману, чтобы смертельно имъ опьяняться. Осень извнѣ, отчаяніе въ сердцѣ, — и ничего, ничего, кромѣ Шумана, который увлекалъ его къ гибели... Однако въ тѣ часы, которые онъ проводилъ среди семьи, Шериданъ умѣлъ скрывать какимъ-то послѣднимъ усиліемъ лицемѣрія свою внутреннюю драму подъ спокойствіемъ чертъ и безразличіемъ взгляда...

Былъ вечеръ. Семья собралась въ гостиной. Г-жа Сентанжъ вновь принялась за свои вышивки. Низкая лампа освѣщала ея руки и часть длиннаго вытянутаго тѣла. Сентанжъ-отецъ курилъ трубку возлѣ камина и молча хмурилъ лобъ. Что-то таинственное витало надъ старинной провинціальной мебелью и потертыми драпри. Деревенская тишина за окнами становилась подавляющей, лишь только замолкали голоса.

Шериданъ, сдержанный, благовоспитанный, громко читалъ матери какой-то глупый англійскій романъ, склонившись у лампы. И весь занятый чтеніемъ, онъ не могъ видѣть, что, съежившись въ своемъ углу и какъ будто поглощенный своей хандрой и трубкой, отецъ смотритъ на него. Прекрасный орлиный взоръ Сентанжа странно блестѣлъ изъ-подъ бровей стараго джентельмена. Съ какой душевной страстностью наблюдалъ онъ въ эти минуты за своимъ сыномъ. Онъ внимательно разсматривалъ его бѣлокурую голову, склоненную надъ книгой, и его профиль, трогательный въ своей чистой красотѣ; онъ слушалъ переливы грубоватаго мальчишескаго голоса уже съ оттѣнками приближающейся зрѣлости, которые вопреки всему слышались въ монотонныхъ звукахъ чтенія. И что-то тревожное, подозрительное скользило во внимательномъ взглядѣ Сентанжа. Онъ зналъ отъ фермеровъ, что Шериданъ продолжаетъ сторониться прежнихъ товарищей игръ, что онъ не бѣгаетъ больше по лугамъ, не ѣздитъ верхомъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ и не ходитъ за плугомъ на новыхъ пашняхъ.

„Что съ нимъ?—думалъ отецъ.—Мнѣ кажется также, что онъ уже не такой розовый, какъ былъ прежде, не такой живой... Что останется ему, если онъ не будетъ даже порядочнымъ деревенскимъ парнемъ?“

Давняя мономанія вновь овладѣваетъ имъ:

„Да, это именно то... Это — мертворожденный, дитя старости. Онъ сдѣлается безобразнымъ и идіотомъ. Я уже слышу, что его голосъ мѣняется... Это—дитя старости, и онъ никогда не будетъ мужчиной!...“

Зима пришла. Семья стала собираться въ большой комнатѣ передъ столовой, гдѣ необъятный нормандскій каминъ давалъ нѣсколько больше тепла. То было время года, когда замерзаютъ лужи и когда обувь въ глубинѣ ящиковъ покрывается прозеленью. И казалось, что всеобщая плѣсень усиливала плѣсень душъ. Молчаливъ былъ Сентанжъ, безумнѣе бабушка, болѣзненнѣе хрупкая г-жа Сентанжъ и еще таинственнѣе маленькій Шериданъ съ потемнѣвшими глазами. Мальчикъ, недавно полный здоровья, точно заледенѣлъ вмѣстѣ съ зимой. Онъ вдругъ почти забросилъ музыку. Съ книгой въ рукахъ, чтобы имѣть видъ, будто онъ читаетъ, онъ проводилъ цѣлые дни, примостившись передъ нормандскимъ камиомъ, глядя, какъ смѣняются краски огня. Неподвижный юноша,—тонкій химерическій обликъ,—онъ погружался въ

игру тѣней, которые вытягивались и переплетались на стѣнахъ, какъ черные близнецы огня...

Столько дней и ночей — все она, всегда она, встающая, какъ привидѣніе, лишающая его разсудка! Время отъ времени онъ встряхивалъ головой, проводилъ пальцами по утомленнымъ глазамъ. Но онъ чувствовалъ, что все кончено, что онъ уже не въ силахъ отдѣлаться отъ неотступнаго видѣнія. Онъ мучилъ себя, стараясь точно возсоздать въ воображеніи ея продолговатые, бронзовые зрачки и тонъ ея голоса, но, когда онъ думалъ о ея алыхъ, чистыхъ и жестокихъ губахъ, все его существо содрогалось отъ безнадежныхъ конвульсій. Да, въ эти заколдованные часы онъ думалъ о ней, какъ о мертвой...

И черезъ много-много такихъ дней опять пришла весна, но не отогрѣла его сердца. Лѣтомъ Шериданъ окончательно бросилъ музыку. Его музыкальная комната, всегда запертая, наполнялась въ тиши паутиной и пылью.

Потомъ еще разъ вернулась осень, но Шериданъ вполнѣ созрѣвшій для меланхоліи, одурманенный праздностью и печалью, выросшій, поблѣднѣвшій, похудѣвшій, со взглядомъ, окованнымъ единой мыслью,—Шериданъ былъ только призракомъ.

Между тѣмъ графиня де-Клервиллье не давала о себѣ никакихъ вѣстей.

X.

На смерть.

— Извольте выйти!—говорила г-жа Сентанжъ своимъ наиболѣе „британскимъ“ голосомъ,—выйдите сейчасъ же! Вы приводите меня въ отчаяніе!

Въ первый разъ имъ случилось поговорить крупно, и оба еще были взволнованы. Шериданъ, которому было теперь шестнадцать лѣтъ, сегодня проявилъ внезапно всю грубость манеръ, которую такъ хорошо умѣлъ скрывать до сихъ поръ. Цѣлыхъ полтора часа мать донимала его жестокимъ „спичемъ“, потому что она открыла, наконецъ, обманы сына: онъ не только не занимался по три часа въ день, но уже никогда больше не игралъ на рояли.

Уже давно назрѣвала въ замкѣ эта сцена. Сколько разъ г-жа Сентанжъ и ея мужъ вели разговоръ о тревожащемъ ихъ поведеніи сына.

— Подождемъ!—заключалъ всегда Сентанжъ.—Онъ въ неблагодарномъ возрастѣ. Увидимъ, что будетъ, когда онъ изъ него выйдетъ...

Но въ глубинѣ души онъ попрежнему не ждалъ ничего отъ этого мальчика, съ каждымъ днемъ все болѣе распущеннаго, все болѣе вялаго и скрытнаго, лѣность котораго становится почти скандальной.

„Что дѣлаетъ онъ цѣлые дни въ поляхъ, гдѣ прежде онъ чувствовалъ себя такъ хорошо? Почему съ такой настойчивостью убѣгаетъ онъ изъ дома? И что выражаютъ его впалые глаза, его усталый видъ, его постоянное молчаніе? Не связался ли онъ съ какой-нибудь дѣвчонкой?—спрашивалъ себя отецъ.—Не сдѣлается ли онъ развратникомъ? Этого только и недоставало!“

И вотъ, высокій и худой, немного сутулый, еще слишкомъ узкій въ плечахъ, съ легкой золотой прядью надъ глазомъ, Шериданъ стоялъ посреди осенне-мрачнаго салона, съ какой-то дикостью глядя на мать; онъ оставался тутъ, вопреки ея приказанію выйти вонъ, неподвижный, въ одной рукѣ сжимая шляпу, другой похлопывая хлыстикомъ по концу сапога.

Онѣмѣвшая отъ изумленія, г-жа Сентанжъ разсматривала его съ такимъ видомъ, точно не видала два года.

Неужели это ея Шериданъ, замѣняющій ей дочь, этотъ рослый и вдругъ непослушный юноша, съ жестокимъ взглядомъ, со впалыми щеками, съ пробивающимися усами на утончившихся губахъ. Ей казалось, что она видитъ въ первый разъ это медленно совершавшееся превращеніе. Нѣтъ, воистину это уже не ребенокъ. И, признавъ это, она испытала нѣчто вродѣ страха и въ то же время чувство какого-то досадливаго раздраженія противъ ребенка, который выросъ, который ускользнулъ отъ материнскаго вліянія, который превратился въ странное, законченное и высшее существо—человѣка. Онъ показался ей почти враждебнымъ, въ его уже новой, мужской красотѣ, съ голубыми глазами, полными тайны, съ рѣзко выраженными чертами мужественнаго лица, подъ нѣжной и сіяющей шапкой волосъ, тѣхъ же бѣлокурыхъ волосъ мальчика—единственное, что осталось въ немъ прежняго. Глухое раздраженіе поднималось въ г-жѣ Сентанжъ, вѣчный гнѣвъ женственнаго начала противъ мужского. Ей страстно хотѣлось бранить его, наказать, уничтожить своимъ авторитетомъ, чтобы лучше доказать себѣ самой, что она все еще его мать, его наставница. Да, его мать, его мать самымъ своимъ тѣломъ, которое такъ и не могло оправиться отъ материнства!

Сухой голосъ заставилъ вздрогнуть тишину:

— Я вамъ приказала выйти, Шериданъ!

Она устремила на него враждебный, испытующій взглядъ, который ждалъ, будетъ или нѣтъ повиноваться мальчикъ.

— Но, мама...—началъ онъ.

И вдругъ ея голосъ оборвался въ хрипотѣ:

— Heavens! Небеса! Какъ вы раздражаете меня!—почти кричала г-жа Сентанжъ.—Выйдите вонъ, я вамъ говорю! Я не могу васъ видѣть!

Тогда Шериданъ бросилъ на нее косой взглядъ и молча вышелъ.

И г-жа Сентанжъ, взволнованная въ своемъ креслѣ-качалкѣ, смотрѣла, какъ удалялась его стройная гибкая спина, не зная, что въ переполненную горечью душу своего сына она внесла новую маленькую печаль, каплю пагубной вражды.

Онъ вышелъ изъ дома съ опущенной головой.

„Можно сказать, что она меня ненавидитъ", думалъ онъ.

Эта сцена заставила Шеридана вдругъ почувствовать себя еще болѣе одинокимъ, еще болѣе покинутымъ. Ему представлялось, что весь міръ отвергъ его, потому что онъ несчастенъ... Сухія рыданія подступали къ горлу. И эта сѣрая осень, новая горькая осень, казалась ему такъ похожей на него. Онъ смотрѣлъ на мрачное небо, на безцвѣтный туманъ, заволакивающій деревья неосязаемой паутиной, и не зналъ, куда итти, что дѣлать. Ничего уже не свѣтилось въ его темной душѣ, ничего,—погасло даже воспоминаніе о графинѣ де Клервиллье. За то время, что онъ не видалъ ея, онъ привыкъ къ своему отчаянію. Онъ пережилъ уже пору изумленія, въ которомъ еще было что-то живое. Теперь все въ немъ было мертво.

Машинально Шериданъ направился въ поле. Снова, какъ это онъ дѣлалъ каждый день, онъ сталъ бродить вдоль тѣнистаго берега, у котораго лиманъ плескался по камешкамъ, между камышами. Онъ будетъ опять смотрѣть на унылый, безутѣшный горизонтъ, и мечта его будетъ безконечно повторять одно и то же. И онъ будетъ такъ одинокъ, что въ концѣ-концовъ вновь обрѣтетъ въ этомъ одиночествѣ какое-то мучительное сладострастіе...

Затѣмъ ли, чтобы разувѣрить родителей, или только для того, чтобы его оставили наконецъ въ покоѣ, но на другой день Шериданъ вошелъ въ комнату для музыки. Усталой рукой онъ сталъ перебирать нотныя тетради, съ которыхъ вокругъ него облаками взлетала пыль. Онъ пересматривалъ ихъ одну за другой, думая о постороннемъ, пока маленькій пожелтѣвшій листокъ не попалъ ему подъ руку. То было какое-то старое приложеніе къ большой газетѣ, которая дала своимъ читателямъ, какъ премію, двѣ коротенькія неизданныя пѣсенки Шумана.

Шериданъ вспомнилъ, что разбиралъ ихъ когда-то. И онъ бросилъ на этотъ листокъ разсѣянный взглядъ. Тамъ было только нѣсколько тактовъ. Онъ прочелъ между нотными строчками раздѣленныя на слоги слова, вѣроятно, переводъ съ нѣмецкаго:

Каждый день мечтаю страстно,
Не вернется ли она.
Каждый вечеръ: „Все напрасно!“
Говоритъ мнѣ тишина.

Двигаясь, какъ загипнотизированный, держа въ рукѣ листъ съ нотами, Шериданъ направился къ роялю. Онъ открылъ его и порывисто сѣлъ. И вотъ онъ запѣлъ, подъ мучительный акомпанементъ, который дѣлали еще болѣе мрачнымъ фальшивые звуки разстроеннаго инструмента:

Каждый день мечтаю страстно,
Не вернется ли она.
Каждый вечеръ: „Все напрасно!“
Говоритъ мнѣ тишина.
Ночь придетъ. Въ глухомъ томленьи,
Взоръ, безъ сна, вперяю въ тѣнь...
Такъ, тая въ душѣ видѣнья,
Я влачусь за днями день...

Было видно черезъ затуманенныя стекла, какъ падали съ деревьевъ послѣдніе рыжіе и желтые листья. Молчаніе осени наполняло комнату. Только глухой голосъ, подъ невѣрный аккомпанементъ разбитаго рояля, разрывалъ сердце:

Каждый день мечтаю страстно,
Не вернется ли она?..

Шериданъ внезапно выпрямился за роялью, высоко поднявъ обычнымъ жестомъ музыканта свою голову Апполона, и во второй разъ началъ пьесу. Билось тяжелыми ударами сердце. Безумная, мрачная радость бушевала въ немъ. Безнадежная, но близкая его душѣ музыка Шумана, *его* Шумана воскрешала его, оживляя въ немъ страсть первыхъ рыданій. И сколько разъ, со слезами въ глазахъ, съ поднимающейся грудью, начиналъ онъ снова эту маленькую дорогую страницу?

И вотъ, какъ когда-то прежде, онъ бросился въ паркъ, опьяненный, одержимый звуками. Вотъ онъ бѣжитъ, онъ, ребенокъ, который могъ бы быть прекраснымъ и тихо развиваться въ радости, а вмѣсто того умираетъ отъ горя! Ребенокъ, которому первое

любовное приключеніе слишкомъ быстро разбило его отъ рожденья скорбную душу; онъ бѣжитъ, неся въ себѣ всю сложную противорѣчивость человѣческаго существа.

Меланхолическая юность, разочарованіе, пришедшее раньше молодости, утреннія сумерки, какъ бываютъ сумерки вечернія: страданія старости...

Онъ бѣжалъ около рощи, по сосѣдству съ замкомъ. И какую-то безумную смѣлость ощутилъ онъ въ себѣ. „Пора съ этимъ покончить!“... кричало все его существо. Какія-то уснувшія силы пробуждались въ душѣ его, увлекая къ стремительному концу. И безумный вопросъ зазвучалъ на его устахъ:

— Я, я, который началъ пробуждаться для человѣческаго существованія, я, читавшій поэтовъ, я, который такъ безумно страдалъ отъ музыки, я, который уже творилъ, я, который готовъ былъ родиться,—могу ли я жить? Или лучше...?

Разбитый голосъ прозвучалъ изъ рощи:

— На смерть!

Шериданъ внезапно остановился. Тутъ прячется бабушка, охваченная странной причудой,—старая пророчица, которую никто не хочетъ выслушать и понять.

— На смерть!—сказала она. А!... Такъ... на этотъ разъ Шериданъ ее понялъ!...

Вотъ почему на другой день послѣ завтрака Сентанжъ вошелъ въ салонъ, потирая руки. И когда жена сказала ему:

— Что же случилось, дорогой другъ, что вы такъ веселы?

Онъ отвѣтилъ:

— Наша проповѣдь все же имѣла успѣхъ, моя дорогая. Вчера мы слышали, какъ Шериданъ пѣлъ за роялью; сегодня я только что видѣлъ его въ полѣ, онъ не видалъ меня. Онъ стащилъ огромное двуствольное ружье, и я понялъ, что желая чѣмъ-нибудь заняться, онъ пошелъ охотиться за дроздами въ заросли у плетня!...

XI.

Бредъ.

Когда фермеръ беззвучно открылъ стеклянную дверь уже полутемнаго салона, гдѣ г-жа Сентанжъ дремала на своихъ подушкахъ, а Сентанжъ провѣрялъ счета, въ большой старомодной комнатѣ уже носилось что-то похожее на дуновеніе несчастія. Войдя, этотъ человѣкъ съ растерянным взглядомъ сталъ дрожать,

не произнося ни слова. Потомъ онъ съ усиліемъ искалъ слова и, наконецъ, сразу сказалъ:

— Шеридана нашли у плетня большого луга съ грудью, прострѣленной пулей, а ружье лежало рядомъ...

Что же произошло въ салонѣ? Сентанжъ бросился въ дверь и уже бѣжалъ по деревнѣ. Фермеръ за нимъ. Это былъ вихрь движеній. Г-жа Сентанжъ, оставшись одна, выпрямилась, сидя въ подушкахъ, и вновь упала на нихъ безъ чувствъ. Тишина царствовала среди мрачной мебели. Легкій вѣтеръ качалъ за окнами осеннія вѣтви. Два мертвые листка тихо летали туда и сюда въ сгущавшихся сумеркахъ вечера. Сова испустила свой первый хищный крикъ.

Такъ прошло много времени надъ неподвижной г-жей Сентанжъ; быть можетъ, три четверти часа. Знала ли она сама, черезъ сколько времени она очнулась? За окнами слышался шумъ. Сквозь стекла въ туманныхъ сумеркахъ она видитъ проходящій черезъ лугъ таинственный кортежъ. Шли въ музыкальную комнату. Никто не думалъ о ней, оставшейся вполнѣ одинокой. Мучительное любопытство заставило ее приподнять шею, чтобы лучше видѣть. Впереди Сентанжъ, профиль котораго отчетливо вырисовываютъ его бѣлые волосы и борода,—его лицо мгновенно осунулось, щеки ввалились, глаза запали въ орбитахъ. У него видъ столѣтняго старика. Дальше смущенная толпа людей, которые слѣдуютъ, перешептываясь между собой; два парня съ фермы несутъ Шеридана, одинъ подъ руки, другой подъ колѣнями. Г-жа Сентанжъ различаетъ очень отчетливо одну изъ повисшихъ ногъ, въ грязномъ сапогѣ. Вотъ голова,—неопредѣленная, мертвая, склонившаяся на грудь. Блѣдный отблескъ внезапно освѣтилъ бѣлокурыя кудри. Это вѣтеръ пробѣжалъ между ними. Болтается рука... Кровь...

Г-жа Сентанжъ, лежавшая шестнадцать лѣтъ, выпрямилась прямо на ногахъ. Въ теченіе сколькихъ-то секундъ, пока она оставалась такъ, съ расширенными глазами, ея мысль съ ужасающей быстротой воскресила всю жизнь. Вотъ Шериданъ дитя, вотъ онъ десяти лѣтъ, четырнадцати, и Шериданъ теперь. О, этотъ голосъ, что кричитъ въ ней такъ быстро-быстро: „Я была больна, я не могла имъ заниматься, я была занята лишь собой, всегда собой... Однако я научила его играть на рояли... Но его сердце? Его сердце? Искала ли я его? Понимала ли я его? Вчера или позавчера, я не знаю больше, я выгнала его изъ салона. Я такъ на него сердилась за то, что онъ мнѣ грубо отвѣтилъ. Я еще вижу его гибкую и печальную удаляющуюся спину. И теперь онъ вы-

стрѣлилъ себѣ въ грудь изъ ружья, нарочно, я это знаю. И онъ застрѣлился изъ-за меня, изъ-за меня!"

Голосъ кричитъ все громче и громче... Прислонившись къ своему креслу, стоя, г-жа Сентанжъ, хрупкая, увядшая, бѣлокурая, такъ похожая на англичанку въ полусвѣтѣ вечера, инстинктивнымъ жестомъ пораженной на смерть сжимаетъ обѣими руками свою больную грудь. Обезумѣвшими руками она сжимаетъ свою внутреннюю боль и ея чрево сотрясается, какъ въ день родовъ.

Шериданъ, Шериданъ, этотъ Шериданъ, котораго несутъ за окнами, съ его золотыми волосами Адониса, развѣвающимися отъ вѣтра, неужели это дѣйствительно онъ?

Шествіе повернуло и исчезло изъ глазъ. Г-жа Сентанжъ хочетъ сдѣлать шагъ къ двери... „Развѣ онъ... Развѣ онъ умеръ?" Ея ротъ открылся для крика, который не прозвучалъ. И съ легкимъ шелестомъ платья, съ глухимъ стукомъ головы, она упала навзничь во всю длину тѣла на полу пустыннаго салона.

Сентанжъ одичало уединился въ своей комнатѣ въ продолженіе скорбнаго дня. Монахиня, привезенная докторомъ изъ города, ухаживала за Шериданомъ. Бабушка также исчезла, быть можетъ чувствуя, что ея присутствіе возлѣ смерти и несчастья было бы только мучительно и несносно. Но спустя нѣсколько дней послѣ похоронъ невѣстки она пробралась на свѣжую могилу маленькаго фамильнаго кладбища, чтобы взять себѣ прекрасный вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, положенный тамъ среди букетовъ изъ живыхъ, и, совершенно растрепавъ его, воспользоваться имъ, какъ отдѣлкой для новой шляпы.

Теперь Шериданъ отдыхаетъ, погрузившись въ подушку головой, пассивный, съ руками, сложенными на груди. Спущены ставни, полутьма, пламя камина играетъ на аптечныхъ пузырькахъ. Бѣлый силуэтъ сестры-доминиканки въ больничномъ одѣяньи. Минутами лихорадка пробуждаетъ умирающаго мальчика, вытянутаго, съ лицомъ блѣднѣе простыни. Онъ пробуетъ встать и подняться. Голубые глаза расширяются, что-то шепчутъ губы. Быстро приблизившись, наклоняется къ нему сестра своимъ безстрастнымъ, привыкшимъ къ драмамъ болѣзни, лицомъ. Прекрасно и правильно это восковое замкнутое лицо, освѣщенное большими сѣрыми глазами съ тяжелыми вѣками.

— Это вы?—говоритъ раненый ребенокъ съ улыбкой неизъяснимаго экстаза.—Наконецъ-то вы пріѣхали! Я васъ жду такъ давно! Такъ давно!...

— Молчите, monsieur,—нѣжно говоритъ сестра.—Усните! Вамъ вредно волноваться.

Введенный въ заблужденье, одну секунду смотритъ на нее Шериданъ, потомъ опять тяжело падаетъ его голова. И вотъ крупныя слезы струятся по его неподвижному лицу. Не двигаясь, тихимъ, точно вернувшимся голосомъ онъ напѣваетъ:

Каждый день мечтаю страстно,
Не вернется ли она!

Безконечныя рыданья поднимаютъ его прострѣленную грудь, которую палитъ внутренній жаръ. И снова опершись на локоть, весь склоненный къ сестрѣ, которая старается его уложить, и глядя на нее взоромъ ясновидящаго, онъ бредитъ:

— О, скажите! скажите... г-жа де Клервилльe... Скажите!... Ваши губы... Еще одинъ разъ! Одинъ только разъ! Чтобы я могъ умереть!...

Было нѣсколько трудныхъ ночей. Нервно хватаясь за нагрудникъ сестры, Шериданъ старался склонить ее къ себѣ, и его глаза, затуманенные агоніей, безмолвно умоляли ее о чемъ-то. Стремительно лилась его рѣчь. Его отчаяніе, такъ долго таившееся въ молчаніи, волнами рвалось съ его устъ, мѣшаясь съ рыданіями и звуками пѣсенки, къ которой онъ возвращался постоянно.

Такъ въ отрывистыхъ и непонятныхъ фразахъ онъ разсказывалъ о своихъ радостяхъ, надеждахъ и разочарованіи, о своей медленной смерти въ одиночествѣ. И терпѣливая, выдержанная доминиканка, привыкшая къ лихорадочному бреду, не понимала, что узнаетъ всю тайну этой души. А, можетъ быть, она и догадывалась въ концѣ-концовъ кое о чемъ.

Была одна ночь, когда послѣ рыданій и долгаго пѣнія Шериданъ вдругъ посмотрѣлъ на нее взглядомъ нормальнаго человѣка.

— Сестра моя,—сказалъ онъ, первый разъ называя ее такъ,—думаете ли вы, что это несчастная случайность?

Печальная улыбка слабо скользнула по ея проникновенному лицу.

И думая безъ сомнѣнія о той моральной катастрофѣ, гдѣ разбилась его юность, онъ сказалъ:

— Былъ день, сестра моя, когда я упалъ съ лошади. Я уже не встану больше никогда... больше никогда...

Другой разъ, вновь охваченный лихорадкой, съ глазами обращенными къ тѣнямъ, которыя огонь отбрасывалъ на стѣны, онъ бредилъ такъ:

— Вмѣстѣ съ нами въ комнатѣ заключенъ ангелъ. Я вижу его минутами, парящаго въ углахъ. Онъ ужасенъ. У него два необъятныхъ крыла и нѣтъ головы. Онъ можетъ летать, но не можетъ избирать направленія. Это ангелъ безумія. Онъ въ нашей семьѣ.

Потомъ его снова охватила утраченная жажда поцѣлуевъ, и онъ боролся съ доминиканкой, упорно ища ея отворачивающихся губъ.

— О, дорогая! дорогая! Еще одинъ разъ, одинъ разъ, чтобы я могъ умереть!

Сквозь полуоткрытые ставни проникалъ угасающій свѣтъ декабрьскаго дня. Ярко трещали въ каминѣ дрова. Юноша, слабый и трогательный въ своей мягкой рубашкѣ, съ свѣтлымъ нимбомъ волосъ вокругъ еще болѣе идеальнаго ангельскаго лица, повернулся къ сестрѣ. Одинъ мигъ наблюдали за ней украдкой его широко открытые, чистые, голубые глаза:

— Сестра моя! забудьте все, что я говорилъ, если можете.

Сестра вздрогнула, склоненная надъ столомъ съ аптечными пузырьками. Ея сѣрые глаза съ тяжелыми вѣками пристально посмотрѣли на мальчика.

— Да, monsieur,—сказала она просто.

И уже можно было сказать, что тайна Шеридана погреблась навѣки въ складкахъ непорочнаго чепца сестры.

Но потому ли, что вопреки всему и даже подъ непроницаемой маской церковной святости она осталась женщиной или, быть можетъ, потому, что эта драма напомнила ей что-то,—доминиканка плакала.

...Однажды утромъ вновь появился Сентанжъ. Старый, худой, измѣнившійся, онъ на цыпочкахъ вошелъ въ комнату сына. Монахиня незамѣтно удалилась.

— Малютка мой!—сдавленнымъ голосомъ воскликнулъ отецъ, упавъ на кресло у постели Шеридана.

Онъ взялъ за руку сына.

— А мама?—спросилъ мальчикъ.

— Она еще довольно сильно больна,—сказалъ старый Сентанжъ, сурово кусая губы. И прибавилъ очень тихо:—Дитя мое, мое бѣдное дитя, для чего, *для кого* ты хотѣлъ себя убить?

И юноша глубокомысленно отвѣтилъ:

— Убиваютъ себя всегда для себя.

— О,—вновь воскликнулъ, волнуясь, старикъ.—Скажи мнѣ все, скажи мнѣ все! Ты знаешь, что я люблю тебя... Ты это знаешь?...

Выразительный взглядъ Шеридана отвѣтилъ:

— Я этого не зналъ...

Долгое молчаніе. Старикъ сжимаетъ зубы, чтобы удержать слезы.

Наконецъ, прорывается сомнѣніе, которое мучитъ его уже пятнадцать дней. Не душа ли это дѣдушки Сентанжа, эта страстная, позорная, преступная душа...

— Быть можетъ, у тебя былъ долгъ... денежный?...—вздыхаетъ старикъ. Потомъ тихо:—Долгъ чести?

Шериданъ, который уже устремился къ отцу, чувствуя, какъ наступаетъ какое-то взаимное пониманіе, вновь опустился въ подушки.

Его глаза закрываются и цѣломудріе непонятой тайны вновь овладѣваетъ душой. Усталымъ, охрипшимъ голосомъ онъ говоритъ:

— Нѣтъ... ничего, папа. Я не знаю, почему. Я не знаю.

XII.

Отъѣздъ.

Внезапная смерть г-жи Сентанжъ не была воспринята во всемъ своемъ значеніи за домашней суматохой. Сентанжъ, едва освободившійся отъ столькихъ кошмаровъ, еще не могъ ощутить горести и ужаса такого конца до тѣхъ поръ, пока выздоравливающій Шериданъ не сдѣлалъ первыхъ шаговъ по комнатѣ.

Было непремѣнно нужно сказать мальчику правду. И только увидѣвъ рыдающаго сына, отецъ понялъ дѣйствительно, что жена его умерла.

Еще болѣе старый и сѣдой, въ одеждѣ вдовца, ходилъ онъ взадъ и впередъ по салону, гдѣ потертое кресло-качалка, покрытое старыми подушками, казалось, хранило въ каждомъ своемъ углу легкій отпечатокъ тѣла и теплоту г-жи Сентанжъ.

Хрупкій исчезнувшій обликъ, навѣки угасшее пятно бѣлокураго сіянія и двѣ голубыя капли англо-саксонскихъ глазъ—вернулись въ небытіе свѣжей земли. Да, здѣсь, въ углу салона не стало теперь души, полной неопредѣленнаго романтизма, болѣзненныхъ требованій, минутной ироніи, души нерѣшительной, трогательной и увядшей, какъ ея волосы состарившейся блондинки.

Огонь игралъ и трещалъ въ каминѣ, подъ шляпой кардинала, заключенной въ пыльный футляръ. Черезъ оголенныя деревья проникалъ ясный и чистый свѣтъ. Сентанжъ продолжалъ свои прогулки между мебелью. И каждый разъ, когда горящій страдальческій взоръ его падалъ на кресло жены, онъ говорилъ себѣ:

— Какъ могли мы проводить нашу жизнь въ спорахъ? Она была здѣсь, живая, и столько дней протекло для насъ двоихъ, а мы не находили сказать другъ другу ничего, кромѣ непріятнаго... Зачѣмъ?... Зачѣмъ?... Ахъ, бѣдная крошка! Если бы вернулась она сейчасъ! Какія слова нашелъ бы я для нея!

И только счастье отъ сознанья, что Шериданъ спасенъ, поддерживало его и не давало упасть слезамъ съ воспаленныхъ вѣкъ.

Еще грудь его вздымалась отъ печали, а онъ, какъ дитя, взбирался по лѣстницѣ, чтобы только увѣриться, что выздоравливающій, охраняемый Людивиномъ Гальбадуиномъ, здѣсь, въ своей комнатѣ, погруженный въ кресло возлѣ огня, съ головой повернутой къ окну, въ которое стучала приближающаяся зима.

На что смотрѣлъ туда непроницаемый Шериданъ? Его прекрасныя прозрачныя руки лежали сбоку на ручкахъ креселъ. Длинный, точно вытянутый, похудѣвшій, поблѣднѣвшій, коронованный золотомъ волосъ, онъ былъ здѣсь, полный граціи и молчанія, и чувствовалось, что никакое признаніе не сорвется никогда съ этихъ прекрасныхъ замкнутыхъ губъ.

Душа отца страдальчески искала отвѣта. Это не инстинктъ матери, которая тотчасъ находитъ не ища, все, что нужно узнать о ребенкѣ. Онъ, отецъ, онъ, наоборотъ, ищетъ. Вся его мужская сообразительность дѣлала непомѣрное усиліе, чтобы замѣстить немедленную, природную, тѣлесную догадливость матери, которая чудесна въ минуты опасности. Если бы не умерла г-жа Сентанжъ, она навѣрно узнала бы все и заставила бы мальчика говорить. Потрясеніе ужаснаго событія разбудило бы ея дремавшую чуткость. Но она только и могла умереть, сраженная той пулей, которая попала въ ея сына. И теперь Сентанжъ чувствовалъ, что онъ совершенно одинокъ передъ тайной ребенка, и что этотъ сирота самъ рѣшитъ свою судьбу.

Однажды утромъ почтальонъ принесъ письмо отъ Ирэнъ де Клервиллье. Но Сентанжъ не показалъ его Шеридану. Въ „маленькихъ извѣстіяхъ“ какой-то газеты графиня прочла о несчастномъ случаѣ съ Шериданомъ на охотѣ и о смерти г-жи Сентанжъ, послѣдовавшей отъ слишкомъ сильнаго волненія. Черезъ красивыя фразы соболѣзнованій все время проходило слово: „молодой артистъ“.

„Молодой артистъ“?...

А потомъ послѣдовало смущающее пророчество Сентанжъ-матери.

То было за столомъ, два дня спустя послѣ письма. Старуха-мать и старикъ-сынъ завтракали вмѣстѣ.

Держа одну ногу у огня, вилку въ воздухѣ, со шляпой на боку, толстая старуха, привыкшая къ тому, чтобы ее не слушали, говоритъ сама съ собой:

— Вотъ ты безъ жены... Она привязывала насъ къ этому берегу. Но она, наконецъ, умерла. Теперь нужно въ Парижъ...

Сентанжъ пересталъ ѣсть, метнувъ на мать огненный взглядъ.

— Что это ты говоришь, мамаша?

Равнодушная, не глядя на него, всегда въ тонѣ раздумья, она продолжаетъ съ полнымъ ртомъ и громкимъ голосомъ:

— Тебѣ нѣтъ нужды заботиться обо мнѣ, потому что я должна покинуть замокъ и ѣхать въ городъ основывать магазинъ дамскихъ рукодѣлій. Двери запрутъ и снаружи повѣсятъ замки. Фермеры будутъ охранять владѣнія. Нужно итти за своимъ временемъ. Ему шестнадцать лѣтъ, нужно, чтобы онъ жилъ въ молодости. Намъ же нужно только „немножко святой воды“... Но онъ, онъ долженъ посѣщать общество въ Парижѣ. Онъ будетъ ѣздить на автомобиляхъ и возьметъ себѣ любовницъ.

Она кокетливо улыбается, глядя куда-то мимо, точно погружаясь взоромъ въ воспоминаніе.

— Когда я была первый разъ въ Парижѣ, мнѣ было шестнадцать лѣтъ.—Высокая, тонкая, полъ-локтя въ таліи, такая хорошенькая!... Чтобы на меня посмотрѣть, вокругъ дилижанса собралась толпа.

Она тотчасъ принимаетъ равнодушный видъ.

— Ты—ты женишься еще разъ. Я тоже. Мэръ Руена далъ мнѣ понять, что хочетъ на мнѣ жениться. Нужно будетъ сдѣлать одну свадьбу для насъ обоихъ. Что же касается Шеридана,—мы сдѣлаемъ изъ него артиста.

Сентанжъ содрогается.

— Артиста!—повторяетъ бабушка.

Она наливаетъ себѣ воды, кашляетъ и говоритъ, обращаясь къ графину:

— Паганини... Паганини... Паганини... Въ данное время онъ въ трагическомъ возрастѣ, но это пройдетъ. Невозможно же оставить его уличнымъ мальчишкой, съ его фамильнымъ волненьемъ въ крови, наединѣ съ матерью-природой или носъ въ рояль. Ему нужны профессора, товарищи, ему нуженъ Парижъ, ему нужна жизнь.

Она протягиваетъ руку, мокаетъ ломоть баранины въ блюдо и, оставляя течь соусъ на скатерть, повторяетъ:

— Паганини, Паганини, Паганини!

Теперь Сентанжъ въ свою очередь бродитъ по полямъ, какъ добыча ужаснаго внутренняго терзанія. Его сапоги промокли въ бѣлой обмерзшей травѣ.

Отлившее море оголило весь каменистый и илистый берегъ, гдѣ, точно эмалевыя, сверкали лужи въ ясномъ солнцѣ холоднаго дня.

— Артистъ!... Артистъ!...—бормочетъ онъ сквозь зубы.

Его видятъ — онъ ходитъ большими шагами, руки въ карманахъ, голова впередъ, борода безпорядочно растрепана морскимъ вѣтромъ.

И вдругъ онъ встрѣчаетъ каменистый крестъ, да, онъ встрѣчаетъ его, какъ человѣка. Онъ встаетъ здѣсь передъ Сентанжемъ, чтобы загородить ему дорогу, — знакъ искупленія, позорный каменный столбъ, который наложилъ свою печать на все семейство.

Суевѣрный, экзальтированный, носящій въ груди всю страсть Сентанжей, старый сеньоръ смотритъ въ лицо этому вѣчному врагу и кощунственныя слова бушуютъ въ его мозгу.

— Ну да! Это такъ! Нечего повторять мнѣ это! Я знаю!—Дѣдъ убилъ, внукъ застрѣлился. Это воздаяніе судьбы, расплата кровью. Ребенокъ за ребенка.

Горькій смѣхъ потрясаетъ бѣлую бороду Сентанжа.

— По крайней мѣрѣ, у нихъ были поступки, у дѣда, у внука. Одинъ я, тусклый, дряблый, конченный до начала, и теперь старый и вдовый. И вотъ теперь меня вырываютъ изъ моей норы, хотятъ заставить меня жить!

Возмущенный, онъ стучитъ палкой по ступенькамъ.

— Какъ! Мнѣ, мнѣ! Ѣхать въ Парижъ мнѣ? Вернуться въ тотъ городъ, гдѣ никто меня не понялъ?... А моя застарѣлая злоба? Что же они сдѣлаютъ съ ней? Ей воспользуются другіе? Потому что, если я туда ѣду, то только для моего сына, для мертворожденнаго.

Онъ пожимаетъ плечами, но становятся нѣжными его глаза.

— Мой сынъ...

Усталый старикъ Сентанжъ почти падаетъ, садясь на ступеньки. Онъ беретъ въ руки сѣдую голову и думаетъ:

„Нѣтъ, онъ не убьетъ своего сына. Онъ перемѣнитъ ради него свою жизнь. Онъ посвятитъ ему себя, онъ поѣдетъ въ Парижъ. Нужно, чтобы мальчикъ жилъ. Это судьба“.

Онъ поднимаетъ голову.

— Да,—ворчитъ онъ,—тѣнь этого креста давитъ всѣхъ насъ. Мы—проклятая семья.

Перев. **Нина Петровская.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МАРЕВО.

Разсказъ.

Ивану Константиновичу давно уже нужно было ѣхать въ городъ, но какъ-то все не удавалось. Съ вечера вчерашняго дня онъ собрался было окончательно. Но утромъ пришелъ кучеръ Игнатъ и сказалъ, что лошадь захромала. Ивана Константиновича это раздражило, и въ раздраженіи онъ всетаки рѣшилъ ѣхать.

Жена сегодня встала поздно, только къ завтраку. На столѣ, весь въ поту, шумный и гнѣвный, выходилъ изъ себя самоваръ. Отъ пара его стекла въ столовой густо запотѣли.

Жена наливала чай, а Иванъ Константиновичъ сощурился и смотрѣлъ на эфектную прическу ея и думалъ, что прическа эта сдѣлана съ большимъ стараніемъ и расчетомъ на красивость.

„Тоже еще, старается быть красивой! — съ раздраженіемъ думалось Ивану Константиновичу про жену.—Да нѣтъ, матушка, здѣсь не для кого“.

Вчера Ивану Константиновичу сдѣлалъ визитъ одинъ изъ видныхъ писателей, имя котораго было славно въ русской литературѣ. Писатель еще лѣтомъ купилъ неподалеку отъ Ивана Константиновича имѣньице. Жена отнеслась къ визиту совершенно равнодушно, но Иванъ Константиновичъ очень имъ гордился. И главное было въ томъ, что весь вечеръ проговорили о тайнѣ пола, и писатель почти во всемъ соглашался. И еще сегодня утромъ, лежа въ постели, Иванъ Константиновичъ улыбался, съ удовольствіемъ вспоминая по нѣскольку разъ особенно удачныя слова свои, морщился на неудачныхъ и съ досадой думалъ о нихъ:

„Экъ, какъ я тутъ нехорошо сказалъ! Вотъ не надо бы тутъ этого!“

Теперь за чаемъ Ивану Константиновичу очень хотѣлось

поговорить съ кѣмъ-нибудь о вчерашнемъ разговорѣ. Но онъ зналъ, что женѣ это неинтересно, и долго молчалъ. А потомъ всетаки наперекоръ всему сказалъ:

— Признаться, я не ожидалъ, чтобы онъ былъ такъ средне уменъ. Для писателя можно бы быть и умнѣе.

Послѣ этого Иванъ Константиновичъ подождалъ вопроса съ ея стороны и, не дождавшись, опять хотѣлъ что-то сказать. Но тутъ жена улыбнулась и сказала, немного краснѣя:

— А я нашему будущему маленькому свивальникъ шью.

Иванъ Константиновичъ и ротъ раскрылъ, такъ это было неподходяще къ тому хорошему, что было въ немъ. Онъ видѣлъ, что жена долго таила въ себѣ эти думы, потому что, какъ только сказала, очень смутилась. Видѣлъ еще, что ей страшно хотѣлось подѣлиться счастьемъ и гордостью материнства съ тѣмъ, кто бы тоже обрадовался. Но все это Ивану Константиновичу показалось такимъ пустячнымъ, что его покоробило. И онъ сказалъ съ оттѣнкомъ колкой кротости:

— Здрасте! Ахъ, Аличка, какъ ты, ей-Богу, ничего-ничего не понимаешь!

Она встревожилась.

— А что?

— А то! Съ тобой хочется поговорить по-человѣчески, а ты о свивальникахъ да о пеленкахъ, да чортъ знаетъ еще о чемъ!

Послѣ этихъ словъ Александра Васильевна сказала такъ же колко, ядовито и кротко:

— Да я и жду, когда ты со мной заговоришь по-человѣчески. Ты и о ребенкѣ-то говоришь, какъ о чуркѣ. Да что, чурка! Потвоему, онъ просто чортъ знаетъ что!

Иванъ Константиновичъ увидалъ, что его послѣднюю фразу жена нарочно исказила и нарочно придала ей другой смыслъ. Это было такъ нагло, такъ безстыдно. Иванъ Канстантиновичъ закричалъ:

— Лжешь, безсовѣстно лжешь! Ты всегда лжешь!

Ему хотѣлось еще сказать что-нибудь очень обидное, побольнѣе уколоть и уязвить жену, но такого слова не находилось. И вдругъ онъ вспомнилъ, что Александра Васильевна была изъ духовнаго званія, и когда Иванъ Константиновичъ женился на ней, его родные были страшно противъ этого. Послѣ этого и сама Александра Васильевна почему-то стала стыдиться своего званія. Иванъ Константиновичъ это зналъ, теперь вдругъ вспомнилъ и закричалъ:

— А понимаешь ли ты, несчастный человѣкъ, понимаешь ли

ты, что мнѣ стыдно показать тебя куда-либо со всѣми твоими поповскими манерами?

У Александры Васильевны часто-часто задергалось лѣвое вѣко. Лицо исказилось и стало старушечьимъ. Голова затряслась, и отъ этого эфектная прическа съѣхала набокъ и растрепалась. Она закричала:

— А ты, счастливый человѣкъ, понимаешь ли, что у тебя совсѣмъ-совсѣмъ нѣтъ отцовскаго чувства? Ты—чудовище, уродъ! Ты довелъ меня до болѣзни, до полусумасшествія!

Послѣ этихъ ужасныхъ словъ, отъ страшной ненависти, отъ страшной злобы и яда Иванъ Константиновичъ какъ-то вдругъ пересталъ помнить себя и, вздрагивая отъ злобы, придвинулся къ лицу жены и сказалъ:

— Дрянь!

И тутъ еще, затаивая дыханіе и вкладывая въ голосъ весь ядъ души и хитро намекая на что-то темное, ужасно позорное, сказалъ Иванъ Константиновичъ омерзительное слово, столь ужасное для матери. Въ то же время онъ почувствовалъ острую боль подъ сердцемъ и, не помня себя, еще разъ повторилъ его.

Что было дальше, не припоминалось. Но вплотную сейчасъ же вслѣдъ за этимъ увидалъ Иванъ Константиновичъ, что онъ вовсе не въ столовой, гдѣ жена и самоваръ въ дымныхъ клубахъ, а просто ходитъ у себя въ кабинетѣ, то ухмыляется, то хмуритъ лицо и о чемъ-то время отъ времени безсмысленно поговариваетъ. Впрочемъ, какъ онъ сюда попалъ и давно ли здѣсь, Иванъ Константиновичъ не думалъ. Мозгъ самъ собою сохранилъ послѣднія впечатлѣнія — маленькій кусочекъ голубыхъ обоевъ, слезящееся стекло въ окнѣ, женщину, осунувшуюся, какъ пустой мѣшокъ, и всю дергающуюся, словно картонный паяцъ, клочокъ бѣлой двери съ мѣдной ручкой. Еще сохранились чьи-то слова, должно быть, горничной, что у барыни истерика. Тутъ Иванъ Константиновичъ обернулся, чтобы спросить ее, давно ли началось. Но вмѣсто горничной увидалъ бородатое лицо у толстаго человѣка, на котораго было навернуто много всякой одежи. Человѣкъ настойчиво, должно быть, ужъ въ который разъ говорилъ:

— Стало быть, пока что, отпрячь?

Когда Иванъ Константиновичъ понялъ, что передъ нимъ Игнатъ, и вспомнилъ, что онъ сегодня собирался ѣхать, онъ такъ и бросился къ нему.

— Какъ же, какъ же, Игнатушка,—залепеталъ онъ невпопадъ.— Запрягай, запрягай, Игнатушка.

Игнатъ поглядѣлъ во всѣ глаза и сказалъ:

— Да оно запряжено.

Иванъ Константиновичъ началъ одѣваться быстро, кое-какъ. Игнатъ понялъ это по-своему и радостно прибавилъ:

— А вамъ и невдомекъ? Какъ же, давно запряжено!

Потомъ Игнатъ взялъ чемоданъ Ивана Константиновича и понесъ его—не такъ, какъ всѣ носятъ, не въ рукахъ, а на головѣ. Онъ шелъ сзади и, весь полный приготовленіями къ дальней поѣздкѣ, говорилъ словоохотливо:

— Оно, конечно, лѣвая передняя будетъ маленько съ хромотцой, да и то сказать—двадцать верстъ, не сто верстъ.

Иванъ Константиновичъ слушалъ и думалъ о томъ, что въ сущности какъ все это вышло у него съ женой дико. Радости былъ полонъ каждый, и каждый хотѣлъ порадовать другого, а вмѣсто всего этого радости обоихъ такъ внезапно превратились въ печали.

— Нѣтъ, никакъ не могутъ два человѣка жить вмѣстѣ постоянно,—повторилъ себѣ Иванъ Константиновичъ свою любимую давнишнюю мысль и подумалъ еще, что ужъ эта сцена, должно быть, никогда-никогда не изгладится безслѣдно.

Лошадь почуяла знакомый пріятный запахъ Игнатова полушубка и весело заржала.

Игнатъ желтыми дублеными рукавицами перебралъ синія вожжи. Сани взвизгнули и, отлетая въ сторону, вынеслись за ворота.

На улицѣ было ясно и очень морозно. Въ дымной синей мглѣ стояло на небѣ низкое, громадное солнце, словно шитый золотомъ и страшно тяжелый червленый стягъ. Сизый дымъ изъ трубъ стоялъ надъ крышами, недвижимый и съ затѣйливыми раструбами на концахъ.

День былъ праздничный. На селѣ было очень весело. На заваленкахъ сидѣли дѣвки и парни въ яркихъ полушубкахъ, то желтыхъ, то бѣлыхъ, какъ кипень, и въ коричневыхъ валенкахъ, только что обновленныхъ. Одинъ парень сейчасъ только вышелъ изъ трактира, горячій, выпившій и веселый, и теперь шелъ по улицѣ, тихо и нѣжно игралъ на гармоніи и пѣлъ о веселой метели словами:

Какъ по улицѣ метелица мететъ,
За метелицей мой миленькій идетъ.

Когда выѣхали изъ воротъ, сначала проѣхали четкую, малень-

кую часовенку, бѣлую отъ снѣга и съ розовыми отъ солнца окошечками, потомъ избу сапожника съ вывѣской, на которой самодѣльно нарисованъ былъ ангелъ, несущій въ рукахъ сапоги. Послѣ этого надо было проѣзжать мимо трактира среди густой праздничной толпы. И вотъ тутъ, какъ на грѣхъ, случилась одна неловкая и неожиданная вещь. Какъ разъ противъ трактира хомутъ разскочился въ стороны, и легкая крашеная дуга вылетѣла изъ праваго гужа. Игнатъ мигомъ скатился съ облучка и сердито закричалъ на Ивана Константиновича:

— Супонь разсупонилась!

Онъ сталъ засупонивать супонь, та не засупонивалась. Собралась веселая толпа, обрадовавшись тому, что можно похлопотать. Игнатъ расталкивалъ мужиковъ, бранилъ ихъ, командовалъ ими и вообще чувствовалъ себя героемъ несчастія и оттого совершенно счастливымъ. А Ивану Константиновичу было неловко, стыдно, особенно когда его вмѣстѣ съ санями мужики поволокли опять на его дворъ, ибо супонь оказалась оборванной. Приладили другую, и тогда уже снова выѣхали. И еще стыднѣе было проѣзжать во второй разъ тѣ же дома и толпу.

Во второй разъ уже не случилось ничего. На концѣ села сухимъ шопотомъ и торопливыми поклонами встрѣтило вороного развѣшенное на веревкѣ мокрое бѣлье. Вороной покосился, но не испугался. Игнатъ въ послѣдній разъ хвостнулъ кнутомъ увязавшуюся собачонку, крикнулъ на крошечную дѣвочку въ большомъ бабьемъ платкѣ и съ ведеркой въ рукѣ и повернулъ за уголъ. Село осталось позади. Завилась по полю, уходя далеко-далеко, яркая дорога. Игнатъ какъ-то по-особенному внимательно и дѣловито перебралъ вожжами и даже оглянулся вокругъ саней. Вороной, несмотря на хромоту, пошелъ убористой рысцой.

Было очень морозно, такъ морозно, что къ закату по бокамъ солнца встали два огненные столба, какъ бываетъ въ очень сильные морозы, когда и птицы не вылетаютъ изъ гнѣздъ. Столбы собрались въ пламенно-багровыя пятна, и вмѣсто одного солнца стало три, и всѣ три въ дымно сіяющемъ свѣтѣ, и оттого трудно было различить, которое изъ нихъ настоящее.

Когда выѣхали за село, былъ ужъ часъ третій. Если бы не провозились съ супонью, было бы всего-на-всего часъ съ небольшимъ.

Иванъ Константиновичъ продолжалъ думать о женѣ. Онъ хотя и зналъ, что никакіе два человѣка не могутъ всю жизнь пройти вмѣстѣ, но всетаки думалъ, что жена особенно зла, придирчива и сварлива, и удивлялся себѣ, какъ это онъ могъ прожить съ ней

такой длинный рядъ лѣтъ. И разъ онъ такъ живо представилъ себѣ послѣднюю сцену, что ему даже дико стало.

— Да неужели, неужели,—съ изумленіемъ спросилъ онъ себя,—неужели же могло быть когда-либо по-другому?

Онъ зналъ, что не только могло, а и на самомъ дѣлѣ было, но сейчасъ этого никакъ нельзя было себѣ представить. Въ память водвинулся даже одинъ случай изъ жизни, такъ маленькій пустячокъ. Лѣтъ восемь тому назадъ, когда Иванъ Константиновичъ былъ еще бѣднымъ и думалъ, что высшее счастье на свѣтѣ, это—деньги, жена, тогда еще совсѣмъ молоденькая Русая-косичка, купила себѣ къ празднику на какіе-то гроши модненькую накидочку—безобразную, потертую, но модненькую. Потомъ на одно старое платье, чтобы подновить его, нашила два голубыхъ банта. И накидочка эта, и банты были смѣшны и нелѣпы. Но было въ нихъ что-то такое, что было и ужасно трогательно, и умилительно, и жалостливо, до того, что Иванъ Константиновичъ, бывало, безъ слезъ даже смотрѣть не могъ на нихъ. Въ то время, когда это было, онъ даже зналъ, что именно было тамъ такого трогательнаго. Но теперь забылъ и не могъ вспомнить, и ему никакъ не представлялось, какъ это у него могло быть къ женѣ что-либо, кромѣ злости и раздраженія.

Игнату, несмотря на морозъ, было тепло. Одѣлся онъ очень толсто и хитро. Сначала онъ снялъ съ себя старый пиджакъ и надѣлъ новый, чтобы новый и грѣлъ, и не изнашивался. На пиджакъ надѣлъ поддевку, на поддевку еще халатъ. Такъ что когда онъ совсѣмъ одѣлся, оказалось, что надѣта была вся одежа, какая только у него была—и новая, и старая. Послѣ этого онъ еще туго подпоясался кушакомъ—не подпоясавшись, Игнатъ никуда не ѣздилъ.

Отъ тепла и веселыхъ думъ Игнатъ былъ непосѣдливъ. У него уже давно не было своего хозяйства, и ему любо было перебирать руками тугія вожжи, ѣхать въ легкихъ, бойко слаженныхъ санкахъ, смотрѣть на ловко гнутыя, бочковатыя оглобельки. На облучкѣ старался онъ сидѣть лихо, по-ямщицки, бокомъ и съ молодецки выпущенной наружу одной ногой. Но скоро онъ задремалъ и пересталъ заниматься собой.

Ѣхали большой дорогой. По обѣимъ сторонамъ—неоглядныя поля, обведенныя Богъ знаетъ гдѣ, по самому краю кругозора, тонкой ниткой чернаго лѣса. Изрѣдка перебѣжитъ по полю хрупкій, стыдливый березничекъ или нахмуренный ельникъ, или сами по себѣ два одинокихъ можжевеловыхъ куста, а то такъ и просто

три какія-нибудь кочки, до того высокія, что ихъ никогда и снѣгъ не заносилъ. Надъ головой — всюду одно бѣлое небо, да высоко-высоко въ немъ галки, словно мошкара. Навстрѣчу тянется все такое утомительное, однообразное—баба съ мужикомъ въ розвальняхъ, солдатъ верхомъ, три странника гуськомъ...

Разъ какъ-то вороной споткнулся и такъ жестоко, что сразу осѣлъ на всѣ четыре ноги, рванулся, опять упалъ и только за второй разъ поднялся. Сани дернулись. Но Игната не разбудили. Иванъ Константиновичъ очнулся и оглядѣлся. Уже давно, должно быть, зашло солнце. Стемнѣло. Мгла стала совсѣмъ сѣдой. Надъ полемъ, какъ постоянно зимой къ ночи, потянулъ рѣзкій вѣтеръ. Поле стало вскипать холодными снѣжными волнами. Иванъ Константиновичъ увидѣлъ, что Игнатъ повѣсилъ голову, и толкнулъ его въ спину.

— Игнатъ! Что-жъ ты? — крикнулъ онъ ему.—Трогай! Поди, ужъ часъ пятый.

— Поспѣемъ,—сказалъ Игнатъ.

Но самъ онъ видѣлъ, что былъ какое ужъ тамъ пятый часъ. Онъ сталъ погонять лошадь. Та же сильно хромала, спотыкалась безпрестанно и шла досадно тихо.

Такъ что когда пріѣхали на станцію, оказалось, что былъ уже не пятый часъ, а седьмой, и поѣздъ ушелъ. На станціи никого не было. Только молодой, толстый купецъ, тоже запоздавшій, вслухъ пилъ чай съ коньякомъ. Ивану Константиновичу было ужасно досадно, что ушелъ поѣздъ, и онъ подумалъ про купца брезгливо:

— Свиная котлета!

Потомъ сталъ рѣзко выговаривать Игнату. Игнатъ сказалъ, что ничего, что поѣздъ не послѣдній. Это чисто животное спокойствіе Игната до того взорвало Ивана Константиновича, что онъ раскричался на него. А потомъ съ больно бьющимся сердцемъ долго сидѣлъ на лавкѣ и трудно дышалъ.

На станціи ночевать было негдѣ. Надо было ѣхать верстъ за пять въ село. Сильно захромавшаго вороного пришлось оставить съ Игнатомъ на ночь откармливаться и нанять мужика, который прямо спросилъ рупь-цѣлковый. Лошадь была костистая. Ямщикъ сидѣлъ мѣшокъ-мѣшкомъ. Иванъ Константиновичъ спросилъ:

— Довезешь?

— Довезу, батюшка,—сказалъ ямщикъ, но въ голосѣ его такъ и слышалось: гдѣ ужъ тутъ!

Иванъ Константиновичъ непріятно удивился. Да и по голосу слышно было, что это старикъ, а онъ думалъ, что молодой. Въ этомъ тоже не было ничего хорошаго.

Какъ только выѣхали за ворота ямщицкаго двора, налетѣлъ вѣтеръ и сильно затрепалъ у лошади гриву. Скоро Ивану Константиновичу пришлось еще болѣе непріятно удивиться. Лишь отъѣхали отъ станціи съ версту, какъ старикъ остановилъ лошадь и вылѣзъ изъ саней.

— Дорогу, что ли, потерялъ?—крикнулъ ему Иванъ Константиновичъ.

Старикъ что-то сказалъ, чего не было слышно за вѣтромъ, и пошелъ мелкимъ, дробнымъ, но очень быстрымъ шагомъ въ глубь дымящагося поля и скоро пропалъ. Ивану Константиновичу стало очень на него досадно, такъ что, когда минутъ черезъ пятнадцать мужикъ пришелъ назадъ, онъ спросилъ, не сдерживая раздраженія:

— Ослѣпъ, что ли, ты, прости Господи! Ну, нашелъ?

Старикъ сѣлъ, зачмокалъ губами и задергалъ локтями.

— Нѣтути, гдѣ найти,—сказалъ онъ, долго помолчавъ.—Такъ и свиститъ, такъ и свиститъ!

— Такъ куда же ты ѣдешь?—съ сердцемъ крикнулъ Иванъ Константиновичъ.

— Да вѣдь куда не то надо,—сказалъ старикъ.—Такъ и свиститъ, такъ и свиститъ!—повторилъ онъ прежнія слова, почему-то удивленный не метелью, а свистомъ ея.

— Стой!—крикнулъ Иванъ Константиновичъ.—Вотъ я самъ.

Старикъ покорно дернулъ назадъ острыми локтями. Лошадь охотно остановилась. Иванъ Константиновичъ вылѣзъ изъ саней и сразу ушелъ въ снѣгъ по колѣна. Оказалось, что итти по заносамъ было очень тяжело. Да и въ саняхъ за задкомъ ихъ и за воротникомъ шубы думалось, что въ полѣ довольно тихо, невѣтрено. Но теперь видно было, какъ силенъ вѣтеръ. Онъ просто валилъ съ ногъ. А снѣгъ слѣпилъ глаза и больно хлесталъ по лицу.

Ничего не найдя, Иванъ Константиновичъ торопливо вернулся назадъ и какъ-то ужъ очень скоро вдругъ наткнулся вплотную на сани. Это его удивило. Онъ думалъ, что ушелъ отъ саней далеко.

— Ну, поѣзжай,—сказалъ онъ старику,—можетъ быть, куда-нибудь и въ самомъ дѣлѣ выѣдемъ.

Лошаденка снова нудно замоталась по снѣгу то туда, то сюда. Иванъ Константиновичъ чувствовалъ, что онъ очень озябъ, и досадовалъ на то, что нужно же было всему этому случиться какъ разъ въ тотъ день, когда онъ такъ нехорошо разстался съ женой и изъ-за этого не одѣлся хорошенько. Онъ вспомнилъ, что

озябъ еще тогда, когда ѣхалъ на станцію, и тогда еще позавидовалъ Игнату, какъ тому тепло. Особенно холодно было колѣнямъ. Полы шубы постоянно распахивались, и ничего съ ними нельзя было сдѣлать.

„Тутъ еще провозишься, пожалуй, часа два, пока выберешься,—съ тоской и досадой думалъ Иванъ Константиновичъ.—До поѣзда и выспаться-то не успѣешь!“

Онъ поглядѣлъ на старика. Тотъ дергалъ локтями и помахивалъ кнутикомъ.

„Ишь ты апостолъ какой!—зло подумалось про него Ивану Константиновичу.—Ему и нужды нѣтъ“.

Сухой снѣгъ сыпалъ, какъ изъ жолоба на мельницѣ. Вѣтеръ посвистывалъ гдѣ-то близко не то въ передкѣ саней, не то въ оглобляхъ.

Постоянно торчащая передъ глазами спина ямщика, согнутая крючкомъ, и оглобли, колыхающіяся толчками то вверхъ, то внизъ, скоро очень утомили Ивана Константиновича. Онъ закрылъ глаза. Ему показалось, что они поѣхали назадъ, и почти сейчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ уже пересталъ помнить, долго ли еще моталась изъ стороны въ сторону лошаденка. Онъ не спалъ, а былъ въ легкой полудремотѣ, полузабытьи. Послѣ еще онъ помнилъ, что въ это время онъ даже думалъ, и думалъ опять о женѣ, и мысль помимо его воли теперь перевернулась такъ, что это онъ несправедливъ былъ къ ней, а не она къ нему, и противъ этого онъ теперь вдругъ пересталъ находить возраженія. Отъ этого безсилія мысли стало очень непріятно. Но тутъ прилетѣла назойливая муха и начала садиться на лицо. Онъ отмахнулся отъ нея и будто бы обо что-то сильно ударился рукой и размозжилъ руку. Отъ испугу онъ открылъ глаза, увидалъ снѣгъ и подумалъ:

„Снѣгъ садился“.

Но тутъ вдругъ замѣтилъ, что они вовсе не ѣдутъ, а стоятъ Ему стало досадно. Онъ привыкъ къ ѣздѣ—ѣзда такъ славно. успокаивала его.

— Ну, чего же сталъ?—крикнулъ онъ ямщику.

— Да не по что ѣхать, батюшка,— сказалъ старикъ.—Надо оглобли подымать.

Ивану Константиновичу было непріятно. Сначала онъ хотѣлъ было сказать старику, чтобы тотъ всетаки ѣхалъ. Но потомъ, взглянувъ, какъ поле течетъ подъ нимъ потоками и крутится все, и дѣлится, какъ снѣгъ прыгаетъ передъ глазами, почувство-

валъ, что и самъ онъ сильно утомился отъ этой длинной и пустой ночи съ одними полями въ пепельно-зеленоватой полутьмѣ.

„Нѣтъ, надо опять поскорѣе закрыть глаза“, подумалъ онъ.

И опять впалъ въ полузабытье. И вдругъ онъ увидалъ широкую, просторную дорогу. Дорогу освѣщали полыхающіе огни зловѣще краснаго цвѣта, такіе, какъ бываютъ отъ сильно коптящихъ лампъ. По ней шелъ высокій, сухощавый человѣкъ въ очень плотно обтянутыхъ брюкахъ. Лица его нельзя было разобрать. Оно было неясно и какъ-то все мерцало, словно свѣчка. Высокій человѣкъ шелъ по просторной дорогѣ, помахивалъ обомшалой тросточкой и совсѣмъ не обращалъ вниманія на Ивана Константиновича. Но Иванъ Константиновичъ зналъ, что тотъ непремѣнно съ нимъ что-то сдѣлаетъ. Но не зналъ что, и очень этимъ тревожился. Наконецъ, онъ не выдержалъ и закричалъ тоскливо:

— Да говори же, наконецъ!

Сухощавый человѣкъ улыбнулся мглистою улыбкой, указалъ рукою на праздничное село и на веселаго парня съ гармоніей и сказалъ:

— Вонъ дѣти. Они радуются.

Иванъ Константиновичъ сталъ думать о томъ, что сказалъ человѣкъ съ мерцающимъ лицомъ, а тотъ прибавилъ:

— Нагимъ пришелъ ты сюда и нагимъ уйдешь отсюда.

И тутъ Иванъ Константиновичъ увидалъ, что въ самомъ дѣлѣ онъ нагой. Ему стало стыдно, и онъ сказалъ:

— Да, я знаю. Я объ этомъ сейчасъ думалъ. Только я не могу быть маленькимъ. Я жилъ.

Неясный человѣкъ, соглашаясь, кивнулъ головой. Но Иванъ Константиновичъ прекрасно зналъ, что онъ съ нимъ не согласенъ, и опять съ тревогой сталъ ждать, что тотъ вдругъ скажетъ такое, отъ чего станетъ больно и совсѣмъ растеряешься. И вотъ неясный человѣкъ внезапно наклонился до земли и посмотрѣлъ на Ивана Константиновича снизу вверхъ перевернутымъ взглядомъ. Тутъ былъ какой-то темный и очень тревожный намекъ, и какъ разъ въ этомъ перевернутомъ взглядѣ. Но что это былъ за намекъ, Иванъ Константиновичъ не зналъ, мучительно старался догадаться и пугался все болѣе.

— Не можешь такъ?—спросилъ неясный.

— Не могу,—печально сказалъ Иванъ Константиновичъ, и весь похолодѣлъ отъ испуга.—Что же дѣлать?—хотѣлъ было спросить онъ, но не успѣлъ.

Сухощавый человѣкъ раньше его сказалъ:

— Это тайна тайнъ. Ея еще никто не знаетъ. Но тебѣ я открою, первому и послѣднему и одному единственному во всей вселенной. Главное не „какъ“, а „куда“ и „зачѣмъ“. И вотъ за видимою призрачностью и безцѣльностью жизни ты увидишь сейчасъ истинный, удивительно ясный смыслъ и изумишься, такъ это просто, и въ изумленіи спросишь себя, какъ это самому тебѣ не пришло въ голову. Я тебѣ скажу одно только слово, и даже слово знакомое тебѣ, и даже не очень значительное. Но въ этомъ словѣ вся тайна мірозданія и жизни, и того, что будетъ послѣ смерти. Можешь ли ты вмѣстить? Приготовься—вотъ это слово.

Неясный человѣкъ на минуту остановился. Иванъ Константиновичъ притаилъ дыханіе. Стало тихо-тихо. И сказалъ неясный:

— Это слово—Микромегасъ.

— Микро-ме-гасъ?!—протянулъ Иванъ Константиновичъ.

Онъ такъ удивился, что просто не зналъ, что и подумать. Сухощавый человѣкъ важно кивнулъ головой, зашелъ Ивану Константиновичу за спину и пересталъ быть.

Стало темно. На душѣ Ивана Константиновича сдѣлалось пусто, и все смутно, сумбурно. Потомъ ужасный свѣтъ коптящихъ лампъ освѣтилъ коридоръ безъ конца, который шелъ зигзагами. Это было невыносимо страшно. Иванъ Константиновичъ проснулся.

Теперь снѣгъ шелъ такъ густо, что кругомъ было совсѣмъ тупо и слѣпо, и оттого казалось, что на самомъ глазу бѣльмо. Снѣгъ сильно засыпалъ сани, лошадь и ямщика. Вокругъ саней стали уже образовываться угрожающіе сугробы. Даже у ногъ лошади начало наносить наметы.

Проснувшись, Иванъ Константиновичъ долго не могъ успокоиться отъ сновидѣнія.

„Вотъ еще умные сны выпирать начали,—съ досадой подумалъ онъ и прибавилъ тоскливо:—Хоть бы ѣхать, что ли“.

Онъ поглядѣлъ на старика. Тотъ спокойно что-то дѣлалъ около саней. Ивана Константиновича раздражилъ этотъ спокойный видъ, и онъ жестко сказалъ ему:

— Ну, постояли и будетъ. Надо дорогу искать.

Старикъ безпрекословно подтянулъ отвязанный поводъ, сѣлъ и задергалъ вожжами. Лошадь вытащила сани изъ заноса, провезла ихъ цѣлиной съ версту и остановилась. Старикъ хвостнулъ ее. Она опять качнулась, прошла еще нѣсколько шаговъ и уже стала совсѣмъ.

— Вымоталась сердечная,—сказалъ старикъ, оборачиваясь къ Ивану Константиновичу и словно извиняясь передъ нимъ.

Немного успокоенный ѣздой, Иванъ Константиновичъ легъ на дно саней. Онъ чувствовалъ, что очень озябъ. Пальцы окоченѣли, и когда онъ хотѣлъ застегнуть пуговицу шубы, они не слушались, и пуговица такъ и осталась не застегнутой. Онъ сталъ дышать для тепла въ воротникъ шубы. Это его начало согрѣвать, и онъ закрылъ глаза.

Теперь сани остановились такъ, что вѣтеръ дулъ имъ въ плетеный задокъ. Онъ жалобно запѣлъ на разные голоса, то потоньше, то потолще, и голоса равномѣрно то ослабѣвали, то дѣлались сильнѣе. Иванъ Константиновичъ сталъ прислушиваться къ этому хору. Въ воображеніи его встала церковь. И стоитъ онъ маленькій въ этой церкви и восхищенными глазами смотритъ на мутныя золотыя пятна свѣчъ, на благоуханный дымокъ синій, что вьется и не развивается да такъ и остается въ воздухѣ, на коричневыя лица иконы Деисуса. И славно ему такъ, хорошо, радостно, а отчего—непонятно. А на клиросѣ такъ плачевно и кристально поютъ мальчики милыми дѣтскими голосами, то тоненькими, то потолще.

Иванъ Константиновичъ уловилъ даже цѣлый напѣвъ, однообразный, очень печальный и какъ-то странно и непріятно знакомый. Онъ сталъ вслушиваться въ него и съ удивленіемъ началъ различать, что хоръ все повторяетъ какія-то два неизмѣнныя слова, неясныя такія, смутныя. Пропоетъ одно, остановится и пропоетъ другое. Долго слушалъ ихъ Иванъ Константиновичъ, долго дивился и вдругъ со страхомъ услыхалъ, что хоръ поетъ такъ внятно-внятно:

„Вѣчная память! вѣчная память!“

Это было до того неожиданно, до того жутко и непріятно, что Иванъ Константиновичъ просто не зналъ, куда дѣваться. Нужно было непремѣнно чѣмъ-нибудь заняться. Онъ сѣлъ въ саняхъ и сталъ натягивать на ноги веретье. Отъ этого движенія снѣгъ съ шапки досадно засыпался за воротникъ. Иванъ Константиновичъ бросилъ веретье и снова повалился на дно саней.

„Господи ты, Господи,— съ тоскою сказалъ онъ себѣ.— Да скоро ли же все это кончится?“

И вдругъ его разомъ колыхнуло всего. Онъ до боли напрягъ слухъ и самъ весь насторожился. Какъ сквозь густую дремоту, далеко-далеко почудился ему гдѣ-то звонъ колокольчика, такой тихій, такой неясный, словно былъ онъ съ того міра. Но это было только одно мгновеніе. Послѣ опять уже ничего не было слышно. Иванъ Константиновичъ тяжело вздохнулъ, и снова все приподнятое внутри безнадежно опустилось. Онъ плотно закрылъ

глаза, рѣшился ни о чемъ не думать и, должно быть, уже сталъ засыпать, потому что что-то радужное всплеснуло въ мозгу. Какъ внезапно надъ самыми ушами его оглушительно звякнули бубенцы, разсмѣялись среди слѣпого поля, и тройка гуськомъ, распаленная бѣгомъ, вся въ пару и въ инеѣ, съ лихимъ ямщикомъ, сидѣвшимъ на самомъ краешкѣ облучка, пролетѣла мимо, постукивая по мерзлякамъ коваными полозьями. Отвалясь назадъ, весь горячій, веселый и хмельной, сидѣлъ въ саняхъ тотъ самый купецъ, который пилъ на станціи чай съ коньякомъ. Иванъ Константиновичъ оцѣпенѣлъ. Оказывалось, что они собирались ночевать и, можетъ быть, замерзнуть у самой дороги. Нужно было сейчасъ же броситься за тройкой, пока вьюга не успѣла замести слѣдовъ ея. И тутъ Иванъ Константиновичъ съ ужасомъ увидалъ, что хотя лошадь и не выведена изъ оглобель, но совсѣмъ распряжена. Задыхаясь, онъ закричалъ старику:

— Запрягай, запрягай скорѣе!

И даже самъ бросился было помогать, но увидалъ, что только мѣшается.

Скоро старикъ завертѣлъ веревочнымъ кнутомъ надъ головой лошаденки и что есть мочи задергалъ вожжами. Та изъ послѣднихъ силъ понеслась вскачь. И первое время довольно ясно видны были свѣжія колеи, какъ двѣ сѣрыя полоски. Колокольцы звенѣли впереди и, казалось, дѣлались ближе. Отъ радости и счастья, и нетерпѣливаго ожиданія Иванъ Константиновичъ едва переводилъ духъ. Онъ вспомнилъ, какъ досаденъ былъ ему этотъ купецъ на станціи, и удивился на себя—такъ пріятенъ былъ онъ ему теперь. Но скоро онъ замѣтилъ, что колокольцы вовсе не дѣлаются ближе. Даже, напротивъ, затихаютъ. Должно быть, передній ямщикъ тоже не переставая гналъ лошадей. Держась за передокъ, Иванъ Константиновичъ всталъ въ саняхъ и началъ было кричать ему, чтобы остановился. Но огромный вѣтеръ затыкалъ ротъ и дальше саней ничего не было слышно. Иванъ Константиновичъ страшно испугался и затолкалъ въ спину старика.

— Гони, гони!—закричалъ онъ ему.

Старикъ обернулся, поглядѣлъ на него, но ничего не сказалъ и снова замахалъ кнутомъ надъ лошаденкой. Но тутъ къ отчаянію Ивана Константиновича лошаденка вмѣсто того, чтобы прибавить шагу, вдругъ перестала бѣжать вскачь и снова замоталась изъ стороны въ сторону жалкой разбитой трусцой. Это привело Ивана Константиновича въ такое озлобленіе, что онъ выхватилъ кнутъ у старика и самъ сталъ нещадно сѣчь костистую спину

лошади, захлестывая для боли подъ животъ. Но отъ этого лучше не стало. Раза два та принималась скакать, но скоро, несмотря на побои, уже совсѣмъ пошла шагомъ. Это совершенно остервенило Ивана Константиновича. Онъ началъ колотить ее прямо кнутовищемъ и отъ остервенѣнія долго не понималъ, что дѣлаетъ.

Уже далеко-далеко и какъ изъ-подъ пуховой подушки, перекликались между собою бубенцы. Потомъ вырвался изъ-за метелицы еще разъ тонкій посвистъ ямщика. И снова все погасло, и снова ничего не было.

Иванъ Константиновичъ рухнулъ на дно саней. Онъ до того растерялся, что почти ничего не понималъ. Такую растерянность онъ испыталъ въ жизни еще одинъ только разъ. Это было тогда, когда Иванъ Константиновичъ однажды понялъ, что ни на землѣ, ни на небѣ нѣтъ надъ нимъ власти, кромѣ его собственной, что ему все дано, и нѣтъ такого ужаснаго злодѣянія, за которое онъ былъ бы духовно наказуемъ. Понявъ это, онъ тогда подумалъ, что его жизнь станетъ съ этого времени совсѣмъ свободной и очень счастливой. А она осталась такой же тягучей, неинтересной, опутанной мелочами и женитьбой, и ничто не измѣнилось въ ней. Онъ думалъ, что будетъ хорошо, а осталось то же. И хотя и послѣ продолжалъ онъ думать попрежнему, но въ ту минуту ужасно и жалко растерялся и такъ запутался, что ничего не понималъ. Вотъ такъ же запутался и ничего не понималъ онъ и теперь.

Лошадь скоро опять остановилась. Она совсѣмъ выбилась изъ силъ. Да и слѣдовъ дороги,—успѣло ли ихъ занести снѣгомъ, или сами они потеряли ихъ,—только уже совсѣмъ не было видно. Старикъ поглядѣлъ на Ивана Константиновича и сказалъ:

— Да что-жъ, баринъ-батюшка, поди и они собьются. Гдѣ ужъ тутъ—такъ и свиститъ, такъ и свиститъ.

Иванъ Константиновичъ опомнился и выскочилъ изъ саней.

— Какъ же, какъ же это!—вскрикнулъ онъ въ отчаяніи.— Значитъ, такъ и остаться? Нѣтъ, надо найти. Непремѣнно надо найти.

И позабывъ о томъ, какъ ему трудно было искать дорогу въ первый разъ, пошелъ онъ, охваченный клокочущимъ снѣгомъ, туда, гдѣ, думалось ему, была дорога. Долго ничего не было, кромѣ наметовъ около высокихъ кочекъ. Но потомъ влѣво отъ себя и, казалось, не очень далеко Иванъ Константиновичъ всетаки разсмотрѣлъ прямую, выбитую копытами ложбинку дороги. Онъ обрадовался и почти побѣжалъ къ ней. Но сколько ни бѣжалъ,

не видѣлъ ея. Богъ вѣсть, что онъ за нее принялъ. Ему еще долго не хотѣлось вѣрить, что онъ ошибся, и онъ долго ходилъ во всѣ стороны и еще много разъ ошибался. Но потомъ, страшно усталый, задохшійся и озябшій, несмотря на ходьбу, въ отчаяніи всталъ среди бушующаго поля.

— Какой я бѣдный,—съ большой жалостью къ себѣ сказалъ онъ,—бѣдный, бѣдный.

И подумалъ тутъ еще Иванъ Константиновичъ, что вѣдь нужно же было всему этому случиться именно сегодня, когда захромалъ вороной, когда изъ-за ссоры съ женой онъ даже не одѣлся тепло, когда оборвалась какая-то глупая супонь, и оттого онъ не попалъ на поѣздъ, и изъ-за этой ременной веревки ему придется, можетъ быть, умереть. Потомъ стали припоминаться многія несправедливости и обиды, какія попадались въ жизни, и то, что только похоже было на обиды. И опять показался самому себѣ Иванъ Константиновичъ такимъ несчастнымъ, и снова такъ жалко-жалко стало ему себя.

— И за что это, за что все такъ противъ меня?—съ горестнымъ недоумѣніемъ опять сказалъ себѣ Иванъ Константиновичъ.

Слезы выжались было на глазахъ, но онъ застыдился ихъ и скрылъ отъ себя. Онъ пошелъ назадъ къ лошади. Сначала шелъ наискосокъ туда, гдѣ, казалось ему, онъ оставилъ сани. Прошелъ онъ шаговъ двѣсти, и думалось, что давно бы уже пора быть лошади съ ямщикомъ. Онъ вглядѣлся во мглу, но, кромѣ буйнаго снѣга, не увидѣлъ ничего. Тогда онъ подумалъ, что немного сбился и зашелъ слишкомъ вправо. Онъ взялъ лѣвѣе. Но сколько ни шелъ влѣво, опять ничего не было. Онъ испугался и побѣжалъ вправо. И тутъ не было ничего.

„Что такое?“—со страхомъ подумалъ онъ и снова побѣжалъ къ прежнему мѣсту.

Но все равно лошади не было нигдѣ. Иванъ Константиновичъ такъ испугался, что у него даже задрожали руки.

— Нѣтъ, надо будетъ по слѣдамъ,—сказалъ онъ себѣ.

Онъ принялся разглядывать слѣды, но тутъ оказалось, что теперь тѣ были такъ спутаны и истоптаны, что никакъ нельзя было узнать, который изъ нихъ первый, который послѣдній, и даже какой куда шелъ.

До сихъ поръ Ивану Константиновичу и въ голову не приходило, что онъ можетъ остаться одинъ-одинешенекъ среди поля. Онъ зналъ, что это почти вѣрная смерть. Одного его непремѣнно занесетъ такъ, что и не откопать послѣ. Онъ видѣлъ, что съ нимъ творится что-то небывалое, что-то такое, чего еще ни разу не слу-

чалось въ жизни и отъ чего нужно сейчасъ же спасаться, не то будетъ поздно. Но онъ не зналъ, что дѣлать, метался, думалъ и, неразумный, безпомощный, ничего придумать не могъ. Онъ видѣлъ, что двигается къ гибели, а каждая попытка его избѣжать ея только все хуже и хуже запутываетъ его, и не могъ догадаться, въ чемъ дѣло.

И въ это время среди ужаса и смятенія увидалъ Иванъ Константиновичъ совсѣмъ нечаянно своего старика-ямщика. Старичокъ покачивался такъ, какъ будто бы спѣшилъ къ нему, евангельски-спокойный. Только словно бы не видѣлъ Ивана Константиновича, потому что забиралъ правѣе. Иванъ Константиновичъ закричалъ ему и, замирая отъ радости, побѣжалъ къ нему.

И вотъ тутъ случилась самая удивительная странность, какая была въ эту ночь. Это былъ вовсе не ямщикъ. Это былъ совсѣмъ маленькій кустикъ можжевельника. Вѣтеръ налегалъ на него всей своей тяжестью, стараясь сломить его упрямое, упругое тѣло. Но можжевельникъ только трепался во всѣ стороны. Иванъ Константиновичъ былъ такъ потрясенъ, что въ первыя минуты никакъ не могъ опомниться. Потомъ онъ поднялъ руки къ головѣ, которая сильно затряслась, и пощупалъ свой лобъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ себѣ,—нѣтъ, нельзя такъ. Такъ можно съ ума сойти. Надо подумать, сообразить.

Но о чемъ надо подумать и что сообразить, онъ не зналъ и, безсмысленно постоявъ немного, опять побѣжалъ, уже куда попало, нелѣпо спѣша, увязая въ снѣгу, задыхаясь и страшно злясь на себя за это. И долго еще не хотѣлъ онъ вѣрить, что дѣйствительно остался одинъ, безо всякой надежды найти кого-нибудь, и тамъ, откуда можно было выбраться только чудомъ. И долго еще, трепеща отъ ужаса и нетерпѣнія, рвался онъ по снѣгу во всѣ стороны. Наконецъ, обезсилѣвъ, сѣлъ прямо въ снѣгъ и помутнѣвшими глазами обвелъ кругомъ...

— Какъ же?—безсмысленно спросилъ онъ самого себя.

Вѣтеръ засвистѣлъ въ уши ему хоромъ милыхъ дѣтскихъ голосовъ и сталъ напѣвать торжественно и уныло:

„Вѣчная память! Вѣчная память!“

И метелица сейчасъ же принялась заживо хоронить его въ снѣжной могилѣ. Въ минуту засыпала она серебряной землей своей ноги его и, страшно торопясь, начала набрасывать снѣгъ на полы шубы.

Когда, немного придя въ себя, увидалъ Иванъ Константиновичъ эти засыпанныя снѣгомъ жалкія ноги свои, онъ ужаснулся

такъ, какъ еще ни разу не ужасался въ эту сумасшедшую ночь. Тогда онъ вскочилъ и совсѣмъ глупо прокричалъ два раза:

— Спасите! Спасите!—словно кто-нибудь могъ его услышать.

А потомъ, изнемогая, опять побрелъ куда-то. И вотъ внезапно въ мозгу его всталъ весь сегодняшній день, всталъ удивительно ясно, съ самыми ничтожными мелочами. Увидалъ Иванъ Константиновичъ Игната съ его неизмѣннымъ кушакомъ, вороного, рыдающую жену, купца на станціи, увидалъ, какъ самъ онъ одѣвался, ѣхалъ, увидалъ, какъ искренне и не хитро веселились въ селѣ мужики. И весь этотъ день показался ему восхитительнымъ лучомъ незнаемаго солнца, внезапно возженнаго въ предвѣчномъ полумракѣ этой ночи. Теперь Иванъ Константиновичъ совершенно не понималъ, какъ онъ могъ тогда на кого-либо злобствовать, даже быть чѣмъ-либо недовольнымъ. Всѣ образы, всѣ лица были полны такого обаянія, такой тихой, неразсказанной прелести, что, очарованный, воскликнулъ Иванъ Константиновичъ въ великомъ умиленіи:

— Милые мои, милые! Хорошіе мои!

Но роскошный лучъ невѣдомаго солнца вновь покрылся полутьмой ночи—и ночь эта, казалось, потеряла гдѣ-то свой конецъ. Иванъ Константиновичъ опять побрелъ шагъ за шагомъ, спотыкаясь и понемногу обезсилѣвая. Онъ ни о чемъ не думалъ, плохо понималъ и сознавалъ, что дѣлается съ нимъ, и только разъ, взглянувъ на разошедшіяся полы шубы, вспомнилъ, что у него пуговица разстегнута, что онъ ее такъ тогда въ саняхъ и не застегнулъ, и подумалъ дѣловито:

„Такъ нельзя, надо застегнуть".

Но тутъ же и позабылъ о ней.

И въ послѣднія минуты случилось съ нимъ еще одно. Разъ ему почудилось, что онъ пришелъ къ деревнѣ. Деревня была длинная и въ одну слободу. Сдерживая радость, чтобы не очень больно разочароваться при ошибкѣ, онъ пошелъ къ ней. Около нея за домами сразу стало тише, и вѣтеръ грозно и жалостно гудѣлъ только уже гдѣ-то высоко-высоко надъ ними. У околицы стояла цѣлая толпа мужиковъ и все время торопливо кланялась. Уже отъ одной этой странности снова тоскливое и жуткое сомнѣніе зародилось въ Иванѣ Константиновичѣ. А когда онъ подошелъ къ деревнѣ вплотную, съ удивленіемъ наткнулся на одно дерево, ухнулъ въ сугробъ и наткнулся на другое, потомъ на третье. И деревья стали передъ нимъ сплошной стѣной. Очевидно, бродя по полю, онъ набрелъ на лѣсъ. За деревьями было тихо,

и кустики, качаясь отъ вѣтра, который немного залеталъ къ нимъ, были похожи на кланяющуюся толпу мужиковъ.

Это было хуже всего—одному ночью и въ лѣсу. И это было уже не просто несчастная случайность. Это было уже какое-то издѣвательство, издѣвательство мрачное и злобное, надъ нимъ, несчастнымъ и слабосильнымъ. Его обманывали и обманывали, съ ума сводили ложью и конца не было лжи. И черезчуръ уже ясно стало, что его ведутъ къ предѣлу отчаянія и не стараются даже ничѣмъ прикрыть наглое и безстыдное упорство свое. Отъ изступленія разсудокъ Ивана Константиновича до того помутился, что онъ даже не пошелъ прочь отъ лѣса, а сѣлъ тутъ же, опять на снѣгъ. Ничего не понимающій, долго онъ сидѣлъ такъ и водилъ кругомъ глазами. Потомъ сердце его ужасно заныло. Онъ сталъ раскачиваться, какъ отъ зубной боли, и приговаривать:

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ахъ ты, Господи, Господи!

И страшное горестное изумленіе вновь охватило его.

— Да за что же, за что же это?—крикнулъ онъ.—Что же я кому сдѣлалъ?

Тутъ онъ еще разъ ощутилъ въ себѣ прежній прекрасный свѣтъ. И вотъ снова встали передъ его глазами прежніе образы, невыразимо плѣнительные, полные высшей прелести и очарованія. И теперь уже такъ жалко-жалко стало всѣхъ ихъ Ивану Константиновичу, и такъ захотѣлось въ чемъ-то просить прощенія у всѣхъ.

— Милые мои, милые!—опять сказалъ онъ, тоскуя.—Простите меня. О, если бы мнѣ вернуть васъ. Спасите меня!

И тутъ еще совсѣмъ неожиданно для себя онъ дернулся впередъ и, покрывая себя послѣднимъ, отчаяннымъ и несмываемымъ во вѣки позоромъ, упалъ на колѣни и что есть силы закричалъ въ ужасающей тоскѣ:

— Господь мой, Господь мой! Спаси меня, спаси!

Потомъ повалился на снѣгъ. Метель живо принялась хоронить его. Вѣтеръ торжественно и страшно въ этой торжественности запѣлъ надъ нимъ вѣчную память.

Долго ли такъ лежалъ онъ, онъ не помнилъ, но еще одинъ разъ очнулся. Тогда онъ снова увидалъ, что его заноситъ снѣгомъ, а онъ лежитъ и не можетъ встать, и что это уже конецъ концовъ всего, и надо умирать, и безъ словъ заплакалъ скупыми маленькими слезками, и уже не стыдился этого. Чего стыдиться, когда все равно не увидишь больше ни міра, ни людей?

И это была уже послѣдняя вспышка. Больше Иванъ Константиновичъ не помнилъ ничего. Благодатное чувство покоя и тихой радости стало согрѣвать грудь. Онъ началъ глубоко засыпать.

И вотъ подходитъ къ нему прежній сухощавый человѣкъ и попрежнему дѣлаетъ неясно и смутно на душѣ у него и говоритъ ему:

— Вѣчная память!

— Такъ ужъ пора умирать?—удивляется Иванъ Константиновичъ.

— Тогда проснись,—говоритъ ему неясный и повторяетъ:—Проснись.

Но Ивану Константиновичу очень хорошо и тепло лежать, и не хочется вставать, и онъ думаетъ, еще крѣпче засыпая:

„Ну ничего, можетъ быть, какъ-нибудь...“

— Проснись,—громко и настойчиво говоритъ опять сухощавый.

И Иванъ Константиновичъ понимаетъ, что нельзя не проснуться.

— Ну, сейчасъ. Одну минуточку,—отвѣчаетъ онъ соннымъ, лѣнивымъ голосомъ.

Онъ гонитъ отъ себя дремоту и въ самомъ дѣлѣ просыпается. Но просыпается въ другой сонъ. И вотъ видитъ въ этомъ другомъ снѣ Иванъ Константиновичъ, что въ черной безднѣ пространства, тысячи тысячъ верстъ подъ нимъ лежитъ въ знойныхъ слѣпительныхъ лучахъ бѣлое смѣющееся пятно. Иванъ Константиновичъ вглядывается въ него и замѣчаетъ, что пятно это—не то лужокъ, не то полянка въ лѣсу, горячая, блестящая, словно вся выкованная изъ одного свѣта. На этой полянкѣ сверкаютъ и стрекочутъ, и потѣшаются каждый по-своему милліарды насѣкомыхъ. Золотые трогательные дни съ солнцемъ, радостью и цвѣтами, проходя изъ одной черной двери въ другую, любятъ постоять въ коридорѣ-лужайкѣ. И вотъ видитъ Иванъ Константиновичъ, что стало разъ смеркаться. Палъ на землю грузный, пыльный туманъ. Уходившій далеко въ небо тонкій шестъ сухого дерева, нѣкогда сожженнаго молніей, потерялся концомъ во мракѣ. На низкомъ засырѣвшемъ горизонтѣ осталась лишь длинная, узенькая полоска, немигающая и багрово-кровавая. И вдругъ полоска эта вмѣсто того, чтобы совсѣмъ потухнуть, стала дѣлаться шире, разгораться. Разгорается полоска и становится свѣтлѣе. И вотъ солнце возвращается, всходитъ съ запада, и среди ночи настаетъ день.

Вѣтеръ, безшумный и горячій, пригнулъ къ землѣ травы и тростинки. Это чудовищно, страшно и зловѣще-грозно. И вотъ изъ мрака и глубины пространствъ шествуетъ къ пятну исполинская лучезарная нога вся въ трепетномъ свѣтѣ и дыму. Все вокругъ нея ликуетъ, все исполнено торжествомъ и громомъ зву-

ковъ, все носится въ грозномъ пожарѣ славы и величія. А свѣтозарная нога шагаетъ и шагаетъ, то становясь на пятку, то упираясь на пальцы. И съ трепетомъ замѣчаетъ Иванъ Константиновичъ, что шагаетъ она прямо къ лужайкѣ. И вотъ уже идетъ по самой травѣ и ступней надавливаетъ на притаившихся насѣкомыхъ, и они раздавливаются, не доживъ своего мимолетнаго вѣка. Но тѣ, которыя приходятся съ краю и попадаютъ подъ выгибъ ступни, остаются цѣлы. И вотъ еще видитъ Иванъ Константиновичъ, уже съ ужасомъ и отчаяніемъ видитъ, что и самъ онъ—кузнечикъ, и сидитъ, притаившись, за стебелькомъ. И сидитъ онъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сейчасъ пройдетъ нога. Отъ страха и боли ожиданія онъ не выдерживаетъ и рвется съ этого мѣста. И тутъ въ послѣднемъ отчаяніи чувствуетъ, что сколько ни взлетаетъ онъ и ни трепыхаетъ крылышками, какимъ-то несчастнымъ образомъ вновь и вновь возвращается туда же.

— „Это бываетъ во снѣ,—со стороны думаетъ Иванъ Константиновичъ.—Надо бѣжать, а ноги не бѣгутъ. Бываетъ! Ну, еще разъ!“

Онъ напрягается изъ послѣднихъ силъ, но все равно ничего не выходитъ. И вотъ нога опускается надъ нимъ и начинаетъ надавливать на него страшно и больно. Онъ изо всѣхъ силъ сопротивляется и кричитъ въ мученіяхъ:

— За что? за что? что я кому сдѣлалъ?

А его надавливаютъ и надавливаютъ, все страшнѣе и мучительнѣе, и онъ начинаетъ понимать, что не поможетъ никакое сопротивленіе, и его все равно раздавятъ. И тутъ онъ совсѣмъ обезсилѣваетъ, покоряется и дѣлается довѣрчивъ, какъ ребенокъ, и думаетъ о ногѣ:

— Ну, какъ знаешь.

И вотъ чувствуетъ, что хотя нога и попрежнему придавливаетъ его, безвольнаго, и хотя ему и больно, но уже много-много меньше. И видитъ еще онъ, что попадаетъ какимъ-то удивительнымъ случаемъ подъ выгибъ лапости. Это совершается такъ непостижимо и неожиданно, что Иванъ Константиновичъ совсѣмъ теряется.

Вмѣстѣ съ шагающей ногой все снова удаляется въ глубину временъ, и скоро все исчезаетъ въ трепетномъ дыму и свѣтѣ, въ грозномъ пожарѣ славы и величія. А Иванъ Константиновичъ остается одинъ, растерянный, смущенный, и ничего не понимаетъ.

— Ну дѣла!—съ удивленіемъ говоритъ онъ себѣ.—Вотъ вѣдь какой сонъ.

А въ это время въ темнотѣ выговариваетъ кто-то другому серьезно и строго:

— Да какъ же тебѣ не совѣстно было такъ дѣлать?

Иванъ Константиновичъ прислушивается къ этимъ словамъ, пугается ихъ и блѣднѣетъ и, пугаясь все больше, будто бы лепечетъ растерянно во снѣ:

— Какъ же теперь быть?

Но тутъ видитъ, какъ дѣлаются сумерки, какъ темнѣетъ все кругомъ, какъ на площади зажигаютъ фонари, какъ люди ложатся спать, и наступаетъ ночь.

— Ночь наступаетъ,—думаетъ онъ, уже опять сонно и лѣниво.—Спать пора, спать пора. До поѣзда и выспаться-то не успѣешь.

И вотъ будто бы въ третій разъ засыпаетъ онъ. Ему дѣлается все лучше, лучше. И зарождается въ немъ какое-то тихое, удивительное и еще ни разу не извѣданное чувство. Это какая-то дѣтская безпечность и довѣріе къ жизни, благословенная покорность ей. Онъ увидалъ, что сразу пересталъ мучить себя раздумьемъ надъ неизбѣжнымъ и случайнымъ и злобой къ нему. И еще увидалъ онъ одну странную, поразительную вещь. Онъ не понималъ, да, впрочемъ, и не раздумывалъ надъ тѣмъ, какимъ образомъ связывалось чувство это съ жизнью другихъ. Не понималъ онъ этого никогда и послѣ. Но теперь ему ясно было, что тѣ несправедливости и обиды, которыми такъ тягостно волновали его люди, перестали для него имѣть значеніе и, какъ раньше радости постоянно превращались въ печали, такъ теперь многія-многія печали сразу стали радостью. Такъ любовь, помрачающая умъ, дѣлаетъ счастіемъ жертвы. Такъ великая скорбь дѣлаетъ незамѣтными мелкіе жизненные вывихи.

Все было смутно, и все было неопредѣленно, и все такъ скоро-скоро потускнѣло потомъ. Но въ то время, когда это было, Иванъ Константиновичъ ярко чувствовалъ внутреннюю стройность во всемъ этомъ, разумность, независимую отъ разума, свою плѣнительную тайну, и твердо былъ убѣжденъ, что это непреложно такъ.

Тутъ въ третій разъ видитъ онъ плачущую жену, вспоминаетъ, какъ онъ говорилъ тогда, что не могутъ два человѣка все время жить вмѣстѣ и что эта ссора никогда-никогда не пройдетъ безслѣдно, и думаетъ:

— Дѣти ссорятся и тутъ же не помнятъ объ этомъ.

И еще въ третій разъ видитъ Игната, старика, купца на станціи, и такъ ему хочется сейчасъ же сказать каждому что-нибудь хорошее.

— Славные мои, любимые,—шепчетъ онъ во снѣ.—Ну, ничего, вотъ я пріѣду, я вамъ все-все скажу.

И вотъ мѣдный глаголъ сотрясаетъ душу до самой тайной глубины ея. Радость съ пѣніемъ необузданно вторгается въ нее. И радость переходитъ въ восторгъ, и восторгъ растетъ, и вотъ уже граничитъ съ ужасной болью тѣла, и вотъ его уже трудно вынести. Ему начали вывихивать пальцы.

Неестественнымъ усиліемъ воли Иванъ Константиновичъ открываетъ вѣки, такія тяжелыя, словно сомкнуты они желѣзомъ, и видитъ, что вокругъ него люди. Они что-то дѣлаютъ, и онъ понимаетъ, что они это дѣлаютъ надъ нимъ. И тутъ видитъ еще, что его тѣло нагое, вспоминаетъ и говоритъ вслухъ:

— Да, это вполнѣ вѣрно. Нагимъ пришелъ, и нагимъ уйдешь.

Потомъ видитъ, что его трутъ снѣгомъ, и отъ этого ему очень больно. Но онъ все же хорошенько не понимаетъ, во снѣ это или наяву, глубоко вздыхаетъ, опять закрываетъ глаза и говоритъ людямъ:

— Вотъ пріѣду, такъ имъ все-все скажу!

Когда Иванъ Константиновичъ выскочилъ изъ саней послѣ того, какъ они не догнали тройку, и крикнулъ старику, что нельзя же оставаться такъ въ полѣ, старикъ за вѣтромъ не разслышалъ, что сказалъ тотъ и, постоявъ немного, подумалъ, что Иванъ Константиновичъ велѣлъ ему ѣхать за нимъ. Онъ и поѣхалъ— прямо въ ту сторону, куда пошелъ и Иванъ Константиновичъ, и если бы тотъ не метался по полю, они, вѣроятно, встрѣтились бы. Ничего нигдѣ не видя, старикъ скоро опять остановился, распрягъ лошадь и подбросилъ ей сѣнца. Потомъ поднялъ кверху оглобли, а самъ легъ подъ сани. Начиналась сильная оттепель. Снѣгъ уже давно шелъ не сухой и мелкій, а большими хлопьями и совсѣмъ мокрый. Былъ очень близко разсвѣтъ. Не больше, какъ черезъ часъ, уже настолько сильно забрезжило, что можно было разсмотрѣть мѣсто, гдѣ они стояли. Это была небольшая полянка. Справа невдалекѣ пролегала дорога, а съ трехъ другихъ сторонъ шелъ мелкій березнячекъ, который Ивану Константиновичу показался цѣлымъ лѣсомъ. Съ дороги они сбились влѣво.

Къ утру шелъ по дорогѣ обозъ. Возчики увидали поднятыя оглобли и сразу догадались, въ чемъ дѣло. Сани занесены были лишь по кузовъ. Старика скоро растолкали. Онъ былъ живъ. Только ноги у него, какъ говорилъ онъ, не володали. Поѣхали въ деревню, созвали мужиковъ и принялись искать Ивана Константиновича.

Когда его нашли, снѣгъ у него на лицѣ ужъ пересталъ таять, и тѣло окоченѣло. Но оттого, что за кустами было много тише,

чѣмъ въ полѣ, и что въ это утро настала сильная оттепель, онъ не успѣлъ замерзнуть совсѣмъ. Его оттерли въ холодномъ сараѣ. Когда онъ очнулся, его перенесли въ нетопленую горницу и стали отливать водой. Потомъ влили въ ротъ чашку водки, закутали полушубками и повели въ избу. Онъ смѣялся тому, что ноги его отъ слабости шагаютъ въ разныя стороны, а мужики объясняютъ ему, что это отъ вина и бываетъ нерѣдко. Тутъ онъ увидалъ и своего ямщика. Онъ впервые видѣлъ ясно его лицо и очень разочаровался, ибо никакъ не предполагалъ, чтобы бородка у него была такая маленькая, хвостикомъ, а не широкой лопатой. Потомъ часамъ къ тремъ пріѣхалъ Игнатъ на ворономъ. Онъ совсѣмъ не придалъ значенія тому, что Иванъ Константиновичъ раскричался на него на станціи, когда они опоздали на поѣздъ. Онъ долго и весело поздравлялъ его со спасеніемъ и съ какимъ-то наступающимъ праздникомъ. Затѣмъ подсадилъ его въ сани и повезъ домой.

— Ты еще не заморозь!—крикнулъ простодушно вдогонку Игнату старикъ.

Всѣ подняли старика на смѣхъ.

— Испугался, дѣдушка!—кричали въ толпѣ.

Старикъ смутился и отошелъ въ сторону.

Уже тѣни стали прокладываться среди посинѣвшаго къ вечеру оттепельнаго дня. Медленно тянулись поля и мокрыя деревья. Вороны уныло висли на плетняхъ. Далеко-далеко за курганомъ плакалъ и стоналъ и щемилъ сердце вечерній колоколъ. Гдѣ-то вдали затянули пѣсню. Она долго дрожала въ воздухѣ и дѣлалась все тише—должно быть, тотъ, кто пѣлъ ее, уходилъ далеко-далеко—и потомъ погасла, недопѣтая. Всѣ поля туманомъ прикрылися, всѣ поля сырыя, одинокія...

Но Ивану Константиновичу было пріятно смотрѣть на этотъ печальный кругозоръ. Онъ только очень боялся, какъ бы не открылась у него въ пальцахъ гангрена. Два пальца плохо ощущались. Но было тепло, а Ивану Константиновичу, закутанному, даже жарко, и отъ этого онъ думалъ, что все пройдетъ.

Мысли его перешли на то, что случилось съ нимъ ночью въ самое послѣднее время. Стало вспоминаться, что тамъ было что-то очень хорошее, ужасно важное, даже рѣшающее жизнь. Но тутъ Иванъ Константиновичъ съ удивленіемъ увидалъ, что, кромѣ смутнаго ощущенія этого прекраснаго, онъ не понимаетъ больше ничего, ни одного слова, ни одной мысли. Всѣ слова стерлись, потеряли свою важность и значеніе, и безсмысленными стали тѣ мысли. Разъ было даже вспомнилось, что было тогда что-то по-

дѣтски довѣрчивое, но что все это значило, разгадать стало невозможнымъ. А что вспоминалось, то все было совсѣмъ неприложимо къ жизни, ни для чего не нужно и просто глупо. Иванъ Константиновичъ думалъ-думалъ, но потомъ это ему надоѣло, и онъ съ усмѣшкой сказалъ самому себѣ:

— Не про насъ писано. Мы люди земные, а не небесные.

И особенно удивительно было ему теперь, что тогда плѣнительными казались ему люди и любилъ онъ ихъ. Припомнилось, какъ пріятенъ ему былъ тогда Игнатъ. Иванъ Константиновичъ нарочно долго и пристально вглядывался въ него и, вглядѣвшись, разсмѣялся:

„Хорошъ!—подумалось ему.—Нѣтъ, видно славны бубны за горами!“

Одинъ разъ припомнился было даже и сонъ о полянкѣ. Но это уже была такая безсмыслица, что о ней и думать не хотѣлось.

— Это ужъ сплошной Микромегасъ какой-то,—подумалъ Иванъ Константиновичъ.

Пока ѣхали, Иванъ Константиновичъ понемножку сталъ чувствовать ознобъ и сильное недомоганіе. Болѣла голова, а по временамъ все кругомъ начинало казаться не стоящимъ никакого вниманія, случайнымъ. Тогда въ виски гулко стучало словами:

— Бубны, бубны...

И въ мозгу сквозь чадъ угара вставала огненная и безалаберная фраза въ царскомъ одѣяніи и кричала:

— Король самъ-бубенъ! Король самъ-бубенъ!

Когда Ивана Константиновича привезли домой, все его тѣло уже было въ пузыряхъ, и самъ онъ былъ въ бреду. Его положили въ постель. Тутъ онъ увидалъ сквозь одурь испуганную жену и вновь взволновался отвращеніемъ къ ней и раздраженіемъ.

Николай Киселевъ.

ГОРОДЪ НАДВИГАЕТСЯ. [1])

Романъ **Клары Фибихъ.**

Съ нѣмецкаго.

(Die vor den Toren. Roman von C. Viebig. Berlin, 1910.)

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вся душа Рики Ленгникъ возставала противъ „чужой“ дѣвушки, но сдѣлать она ничего не могла. Съ милліонершей Маріанной все уже такъ хорошо налаживалось. По приказанію матери сынъ поѣхалъ въ Брицъ; часа два и даже больше просидѣлъ онъ тамъ. Мать хорошо понимала, что онъ еще не умѣлъ подойти къ дѣлу, но Маріанна была съ нимъ, повидимому, очень мила.

Кабы знала старуха, что ея Пауль молчалъ все время, какъ рыба! Его мысли были далеко, и тщетно пыталась Маріанна Бадекова послѣ обычнаго обмѣна любезностями завязать разговоръ. Онъ говорилъ только „да“ или „о, да“, и „нѣтъ“. Маріанна была веселая женщина, несмотря на все, что ей уже пришлось пережить; ямочки на ея круглыхъ щекахъ углублялись все больше и больше. Наконецъ, она не могла удерживаться дольше отъ смѣха и ушла въ кухню, оставивъ его одного въ комнатѣ. Это было самое пріятное, что она могла ему сдѣлать. На жадный вопросъ матери: „Ну, какъ она была?“ онъ отвѣтилъ честно и убѣжденно: „*Очень мила!*“

Многообѣщающимъ планамъ суждено было рухнуть.

Это было вечеромъ того дня, когда Пауль сидѣлъ съ мистеромъ Броуномъ въ трактирѣ. На обратномъ пути онъ прошелъ еще немного съ англичаниномъ; мистеръ Броунъ оживленно бесѣдовалъ и подъ конецъ взялъ молодого человѣка подъ руку.

---

[1]) *Русская Мысль*, кн. III, 1911 г.

Медленно возвращался потомъ Пауль, заложивъ руки въ карманы штановъ. Онъ тихо насвистывалъ какую-то мелодію. Сумеречное поле, одиноко разстилавшееся въ осиротѣлой безконечности, эта сѣрая даль, по которой осенніе туманы гуляли, какъ привидѣнія, не казались печальными и страшными урожденному темпльгофцу. Счастливая улыбка облагораживала его простое лицо. Сознаніе собственнаго достоинства, которое превращаетъ мальчика въ мужчину, проснулось въ немъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, красивая Этель относится къ нему благосклонно?! Мистеръ Броунъ только что разсказалъ Паулю, какъ хорошо отзывается о немъ его дочь.

„Этель!“ Не помня себя отъ счастія молодой человѣкъ взмахнулъ обѣими руками по воздуху и пошелъ быстрѣе: настало время сказать все матери!

Мѣсяцъ свѣтилъ тускло, когда Пауль вошелъ въ сѣни къ матери. Старуха не зажигала еще лампы; и въ такихъ пустякахъ не мѣшаетъ экономить. Она вѣдь только чистила картофель на завтра, а это можно дѣлать въ темнотѣ. Передъ ней стояло большое ведро съ водой, быстро падали въ него одна картофелина за другой.

— Мать,—сказалъ Пауль, запыхавшись,—завтра мистеръ Броунъ пріѣдетъ къ намъ къ обѣду. Свари что-нибудь хорошее, матушка, прошу тебя!

— Что? Онъ будетъ у насъ обѣдать?

Сынъ утвердительно кивнулъ головой; онъ былъ счастливъ.

— Да! Онъ хотѣлъ пріѣхать пораньше, чтобы Этель могла осмотрѣть все хорошенько. Тогда я сказалъ: пріѣзжайте къ обѣду. Что ты приготовишь, мать? Они привыкли къ хорошему столу!

— Этель—съ какихъ поръ ты называешь Этель эту англійскую дѣвушку?

Рика Ленгникъ внимательно посмотрѣла на сына; она видѣла ясно, несмотря на тусклый свѣтъ луны. И она все поняла.

— Что тебѣ за дѣло до чужой дѣвушки?

— Матушка!—Ему нехватало воздуха. Но потомъ онъ прибавилъ быстро, не давая себѣ времени остановиться:—Я такъ люблю ее, матушка!

— Ну,—она коротко засмѣялась,—это не важно. Посмотримъ сначала, что скажетъ старикъ. Ты пробылъ сегодня съ нимъ такъ долго вмѣстѣ—ну?

Она нетерпѣливо бросила картофелину въ ведро, такъ что вода кругомъ расплескалась.

— Ну? Отвѣчай же, дурья голова!

Сто разъ называла она сына дурьей головой, онъ всегда молчалъ; но сегодня—вспылилъ.

— Что мнѣ за дѣло до твоихъ расчетовъ! Пусть англичанинъ покупаетъ или нѣтъ, мнѣ на это плевать. И я не дурья голова!

— Ты разиня, вотъ кто!

Это былъ ужъ настоящій окрикъ.

— Мнѣ не наплевать,—понялъ? Онъ долженъ купить у меня землю. Ты съ нимъ вѣчно бѣгаешь, такъ можешь сказать: послушайте, господинъ мистеръ Браунъ. Вотъ у моей матери нѣсколько прекрасныхъ, великолѣпныхъ участковъ, но она хочетъ ихъ вамъ продать, потому что они лежатъ прямо около вашихъ владѣній—изъ дружбы хочетъ вамъ продать. Иначе она ихъ не продала бы. Ну?! Она смотрѣла на него выжидательно.

Онъ покачалъ головой:

— Этого я не могу сказать!

— Скажите на милость, почему же нѣтъ?

— Потому что... не хочу!—Онъ сказалъ это съ упорствомъ.

— Не хочу, не хочу!—она насмѣшливо передразнила его.—Смотри, чтобы я не спустила тебѣ штанишки! Если хочу я, ты долженъ хотѣть!

— А я не хочу!

Онъ разсвирѣпѣлъ. Вся кровь бросилась ему въ голову. Онъ такъ толкнулъ ногой ведро, что вода широкимъ потокомъ разлилась по досчатому полу и картофелины затанцовали по всѣмъ угламъ. Онъ топалъ ногами, сжималъ кулаки и потрясалъ ими передъ лицомъ матери:

— Ты не смѣешь обращаться со мной, какъ съ глупымъ мальчикомъ! Я этого больше не потерплю.

Сначала она пыталась разсмѣяться, презрительно разсмѣяться, но улыбка замерла на ея губахъ. Пѣна выступила у него изо рта. Его нельзя было раздражать, когда онъ такъ ворочалъ глазами.

— Ну, Пауль,—сказала она вкрадчиво,—зачѣмъ же сразу такъ сердиться. Я же ничего не говорю!

Онъ оглядывалъ ее съ головы до ногъ своими выкаченными глазами, какъ быкъ, который намѣревается броситься.

— Мой Пауль!—она схватила его грозно поднятые кулаки и пригнула ихъ книзу.—Ты же не подымешь руки на свою мать, Пауль?

Онъ не спускалъ съ нея глазъ. Онъ задыхался, грудь его сильно работала. Потомъ вѣки на секунду опустились на его

остановившіеся глаза, онъ закрылъ ихъ рукой, какъ бы не желая ничего видѣть, и прошепталъ хрипло:

— Я не потерплю этого. Я знаю хорошо, чего хочу. Я уже взрослый. Я хочу жениться на Этель Броунъ. Ты не должна такъ говорить, ты не должна такъ говорить!

— Что я не должна говорить? Я ничего не говорю, мой сынъ!

— Я не знаю,—пробормоталъ онъ. Потомъ глубоко вздохнулъ:— я не вынесу этого. Мнѣ совсѣмъ нехорошо.

— Поди лягъ въ постель. Ложись, мой сынъ! Много ли ты сегодня выпилъ? Охъ, охъ! Я приду къ тебѣ. Я посижу немного около тебя!

Она нагнулась и начала поднимать картофелины; онъ тоже механически нагнулся и сталъ ей помогать. Потомъ онъ вышелъ изъ комнаты, но походка у него была, какъ у пьянаго; онъ шатался.

Она смотрѣла ему вслѣдъ, качая головой; озабоченное выраженіе смягчило ея лицо: что такое съ Паулемъ? Ребенкомъ онъ часто становился синимъ отъ ярости, а если ему отказывали въ чемъ-нибудь, онъ лежалъ неподвижно, какъ въ припадкѣ. Но теперь это уже давно не повторялось.

Руками, менѣе увѣренными, чѣмъ всегда, старуха зажгла лампочку и стала на четверенькахъ ползать по полу, выискивая въ скудно освѣщенной комнатѣ закатившіяся по всѣмъ угламъ картофелины. Долго сидѣла она на корточкахъ на холодномъ, сыромъ полу съ картофелиной въ рукѣ, погруженная въ свои мысли. А что, если придется уступить ему?! Она почувствовала во рту вкусъ горечи. Тогда прощай вдова съ милліонами!

Лампа коптѣла. Старуха не замѣчала ничего. Въ низкихъ сѣняхъ стоялъ чадъ, лампа коптѣла и коптѣла, красноватый дымъ подымался къ потолку; запахло гарью.

Рика Ленгникъ встала, лицо ея было землистаго цвѣта: да, она сядетъ у его постели и будетъ его уговаривать. Какъ знать, пусть только англичанинъ пойдетъ на приманку, а тамъ ужъ видно будетъ, какъ быть съ дочерью!

. . . . . .

Они хорошо пообѣдали. Старуха Ленгникъ постаралась; это былъ обѣдъ точно на сговорѣ. Все, чего она не могла второпяхъ приготовить сама, привезъ ей изъ лучшаго гастрономическаго магазина въ Берлинѣ посланный туда верховой. На столѣ были устрицы и даже бутылка шампанскаго. Она самодовольно смѣялась: вотъ какъ ѣли въ Темпльгофѣ!

Пауль былъ сначала повергнутъ въ полное изумленіе, но потомъ страшно обрадовался. Его глаза пріобрѣли глубокій блескъ и сіяли счастьемъ, когда онъ подымалъ ихъ отъ своей до верху наложенной тарелки на сидѣвшую противъ него за парадным круглымъ столомъ дѣвушку.

Старуха Ленгникъ не подавала виду, какъ тяжело было ей видѣть это сіяніе—ахъ, еслибъ тутъ сидѣла Маріанна, настоящая женщина, женщина съ милліонами, вмѣсто этой слабенькой, жалкой куклы! Она не понимала, какъ Пауль могъ находить красивой эту дѣвушку. Лицо такое узкое, что его можно было прикрыть рукой, фигура, какъ у подростка! Только глаза даже Рика Ленгникъ находила красивыми; они были большіе и нѣжные, цвѣта синей фіалки, и ихъ отѣняли длинныя рѣсницы.

Боже, какъ онъ втюрился! Онъ ѣлъ и пилъ машинально, проглатывалъ куски, ничего не чувствуя, и только смотрѣлъ, не спуская глазъ, на англійскую дѣвушку. Въ груди у Рики закипало, но она сдерживалась: спокойствіе, терпѣніе! Повидимому, англичане были не бѣдны, на дѣвушкѣ было много украшеній, въ ушахъ—брилліантовыя сережки! Полнаго довѣрія старуха однако не чувствовала, сколько ни разсказывалъ англичанинъ о своихъ предпріятіяхъ, о своихъ путешествіяхъ—онъ побывалъ всюду—о своихъ лошадяхъ. Онъ не держалъ теперь скаковыхъ лошадей, такъ какъ не имѣлъ времени заниматься ими. Не привиралъ ли онъ? Но когда онъ дошелъ до своихъ темпльгофскихъ плановъ, проницательный глазъ крестьянки сталъ близорукимъ. Она не видѣла ничего дальше своихъ полей.

Ей не терпѣлось больше. Если онъ не начинаетъ, она сама начнетъ. Она подняла свой стаканъ:

— Господинъ мистеръ Браунъ, я желаю, чтобы вамъ понравилось у насъ и,—она бросила на тихо сидѣвшую дѣвушку взглядъ, который долженъ былъ выражать благоволеніе,—и вашей дочери тоже!

Всѣ чокнулись, но настоящаго звона не получилось. Это былъ не хрусталь, въ домѣ употребляли простое стекло. Но мистеръ Броунъ, повидимому, и такъ былъ доволенъ.

А Ленгникъ продолжала тѣмъ же вкрадчивымъ тономъ, который такъ не вязался съ ея глухимъ голосомъ:

— Ну, а какъ обстоятъ наши дѣла?—Она не дождалась отвѣта.—Я думаю, вы купите у меня что-нибудь?—Она остановилась.

Онъ ковырялъ въ зубахъ.

— Гмъ,—сказалъ онъ и качнулъ головой.

Теперь она не знала: хочетъ ли онъ купить, или изъ этого

ничего не выйдетъ. Нетерпѣніе подталкивало ее: неужели все пропадетъ даромъ, и тонкій обѣдъ, и дорогое шампанское?!

— Послушайте, вы водите меня за носъ,—вырвалось у нея. Страсть къ наживѣ преодолѣла хитрость. Горящими глазами смотрѣла она на него:—все вы осматриваете, всюду суете свой носъ, Пауль всюду долженъ васъ водить, а потомъ вы ничего не купите. Купите вы еще земли или нѣтъ?—Это должно было звучать вопросомъ, но звучало угрозой.

— Почему же нѣтъ,—небрежно сказалъ онъ.

— Такъ—ну, такъ пойдемте послѣ обѣда со мной, я васъ поведу. Я сама. А потомъ вы мнѣ скажете, найдутся ли болѣе подходящіе участки во всемъ Темпльгофѣ. Около самаго имѣнія, которое вы уже пріобрѣли. И прямо около шоссе, которое ведетъ изъ Маріендорфа мимо моей земли въ Берлинъ. Я продамъ вамъ дешево, потому что это для васъ,—заключила она слащаво, понижая голосъ, и потомъ чокнулась съ дочкой:—За ваше здоровье, милая барышня!

Онъ принялъ ужасно удивленный видъ: какъ, эти поля она дѣйствительно хочетъ продать? Онъ не думалъ этого серьезно. Правда, они были теперь разрознены; когда компанія начнетъ строить, они окажутся стиснутыми между фабрикой и шоссе. Да, конечно, теперь они уже не имѣютъ большой цѣны.

— Какъ, не имѣютъ большой цѣны?!—Рика вспыхнула. Она чуть не дала волю своему гнѣву—этотъ хитрый пройдоха!—но закусила губу. Ея пальцы крѣпко обхватили стаканъ и рѣзко поставили его на столъ.—Мнѣ рѣшительно все равно, кто купитъ землю, вы или кто-нибудь другой. Я подумала только, что это останется тогда въ семьѣ.

Она не докончила и покосилась на парочку, которая встала уже изъ-за стола.

Молодая англичанка подошла къ низкому окну. Она стояла спиной къ комнатѣ и смотрѣла на тихую деревенскую улицу. Ея хорошенькая головка съ массой золотисто-каштановыхъ волосъ выдѣлялась свѣтлымъ пятномъ въ царящихъ въ комнатѣ сумеркахъ. Пауль стоялъ близко къ ней, онъ не отрывалъ глазъ отъ ея бѣлой шеи. Его голова казалась еще толще, красныя оттопыренныя уши горѣли.

Еще лукавѣе подмигнула Рика; она отлично все видѣла. Мистеръ Броунъ тоже видѣлъ и тоже улыбался лукаво. Положивъ на столъ свою нервную руку, онъ шепнулъ, улыбаясь:

— All right, мистриссъ Ленгникъ. Я вижу; мы сойдемся.

— Аккуратъ около проѣзжей дороги, лучшее мѣсто, можетъ принести вамъ милліонную прибыль,—усердно увѣряла она.

— И вамъ также,—сказалъ онъ прищуриваясь.

Она подтолкнула его въ бокъ:

— Ахъ, оставьте ваши шутки! Нельзя же задаромъ отдать такую землю. Ну, что же, пойдемъ?!

Молодая парочка осталась одна въ старой комнатѣ, въ которой пахло заплѣсневѣлой сыростью. На улицѣ съ липъ опадали листья. Неожиданный порывъ вѣтра погналъ эти листья, желтые и сухіе, въ быстромъ вихрѣ мимо окна; а тѣ, которые оставались еще на деревьяхъ, были тяжелаго ядовитаго цвѣта, совсѣмъ иного, чѣмъ свѣтлая лѣтняя зелень.

— Скоро наступитъ зима,—сказала Этель Броунъ и прислонилась лбомъ къ неровному стеклу. Она вздохнула:—гдѣ мы тогда будемъ?

Радостный ужасъ пробѣжалъ по немъ: какъ она вздохнула! Ахъ, да, ея отецъ вѣдь тоже говорилъ, что ей здѣсь нравится!

— Вы не должны уѣзжать,—шепнулъ онъ поспѣшно.—Нѣтъ вы *никогда* не должны уѣзжать отсюда. Я не вынесъ бы, если бы вы уѣхали!

Она улыбнулась; ея улыбка была немного грустная.

— Это хорошо, что вы такъ говорите. Я вамъ благодарна, но,—она снова вздохнула,—все же я должна уѣхать. Когда не имѣешь матери, надо итти туда, куда хочетъ отецъ!

Ея брови болѣзненно сдвинулись, она подняла руку, точно указывая въ пространство. Вѣки опустились на прекрасные глаза, она сказала трогательнымъ дѣтскимъ голосомъ:

— Мнѣ грустно, что я не имѣю родины!

Такъ она съ нимъ никогда еще не говорила. Молодой человѣкъ почувствовалъ вдругъ стѣсненіе въ груди. Они еще никогда не оставались одни, всегда съ ними былъ мистеръ Броунъ въ качествѣ третьяго, а она при отцѣ была очень молчалива.

Вихрь, гнавшій листья, вѣроятно привелъ ее въ печальное настроеніе. Пауль смотрѣлъ на нее съ нѣжностью. И то, чего онъ никогда не позволилъ бы себѣ раньше, покуда она была для него только изящной барышней, дамой, импонировавшей ему, теперь онъ это сдѣлалъ: онъ схватилъ ея руку, опиравшуюся на подоконникъ, и сказалъ со всей сердечностью, которую внушала ему его любовь:

— Вы должны остаться у меня, фрейлейнъ! Наступитъ зима, но это ничего. У васъ будетъ родина—здѣсь! У меня!

Онъ сказалъ это горячо.

Большіе глаза боязливо скользнули по темной низкой комнатѣ и остановились на листьяхъ, гонимыхъ осеннимъ вѣтромъ. Верхушки деревьевъ качались, небо висѣло тяжелое, крупныя капли застучали по окнамъ. Ее охватилъ ужасъ, и она прислонилась головой къ его груди.

— Я вамъ благодарна!

Онъ привлекъ ее къ себѣ, дико, какъ несдержанный мальчикъ. Онъ цѣловалъ ее, цѣловалъ вволю.

Это было счастье, огромное счастье! Изящная, милая, прекрасная англійская дѣвушка — его невѣста! Мать не посмѣетъ перечить! Ни одного слова не посмѣетъ она сказать, иначе... Въ его глазахъ забѣгали безпокойные огоньки, лицо нервно передернулось. Онъ заключилъ Этель въ свои объятія, ея нѣжная фигурка совершенно исчезла въ нихъ: онъ ее никому не отдастъ, никогда, никому!...

Когда старуха Ленгникъ и мистеръ Броунъ вернулись черезъ полчаса, промокшіе и растрепанные, все уже было совершенно готово, какъ выразился шутя мистеръ Броунъ. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ, сейчасъ же заключилъ въ свои сильныя объятія милаго мистера Ленгника, перешелъ съ нимъ на ты и назвалъ своимъ милымъ зятемъ. Онъ говорилъ такъ много, что Рика не могла вставить ни одного слова.

— Скажите-ка мнѣ, — неоднократно начинала она, но всякій разъ мистеру Броуну надо было сказать что-нибудь еще болѣе спѣшное.

Свадьба будетъ скоро, разумѣется, черезъ мѣсяцъ! Зачѣмъ же дѣтямъ откладывать на долго свое счастье? Кромѣ того, черезъ четыре недѣли онъ долженъ вернуться въ Лондонъ. Тамъ съѣзжаются компаніоны, день засѣданія уже назначенъ, онъ не можетъ отсутствовать, а оттуда нельзя такъ скоро вернуться. На свадьбѣ же своей единственной дочери онъ непремѣнно хочетъ присутствовать. Онъ обнялъ Этель.

Лицо Рики вытянулось: какъ, уже такъ скоро? Это было не принято въ Темпльгофѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда по нѣкоторымъ причинамъ надо было торопиться. И вообще,—нѣтъ, она совсѣмъ не согласна, она хочетъ раньше посмотрѣть!

Но Пауль обхватилъ ее и сталъ цѣловать такъ горячо, что у нея захватило дыханіе. Злобно оттолкнула она сына: онъ сошелъ съ ума? Но и сама она казалась себѣ обезумѣвшей; она не могла соображать такъ ясно, какъ обыкновенно: навѣрно ли она знала, что англичанинъ купитъ ея участокъ около шоссе, или не навѣрно?

Разумѣется, онъ внесетъ это предложеніе, само собой разумѣется, и будетъ горячо стоять за покупку. Свои девяносто тысячъ талеровъ она, конечно, получитъ! Мистеръ Броунъ увѣрялъ, что онъ отлично понимаетъ, почему она такъ дорожится. И онъ пожималъ ей руку.

Только послѣ отъѣзда Броуновъ, когда Пауль отправился съ ними провожать въ Берлинъ свою невѣсту, въ старой ленгниковской коляскѣ, употреблявшейся въ очень рѣдкихъ случаяхъ, Рика пришла въ себя. Чувство тоски, подозрѣнія и стыда овладѣло ею: не дала ли она себя провести? Не лучше ли было вести линію съ вдовой-милліонершей, чѣмъ отдать сына этой англійской куклѣ за сдѣлку, окончательно даже еще не заключенную?!

На улицѣ завывалъ вѣтеръ, лилъ дождь. Она стояла въ темныхъ сѣняхъ, подавленная, прислонясь къ стѣнѣ. Какъ она была глупа! Старуха выпрямилась, сѣдые волосы, за которые она ухватилась въ смятеніи, космами свисали вдоль костляваго лица. Она дернула дверь такъ, что вѣтеръ залетѣлъ въ комнаты. Стоя на порогѣ, она сжала кулаки и угрожающе потрясала ими въ томъ направленіи, куда исчезли Броуны. Если мистеръ не купитъ землю! Не поздоровится тогда этой куклѣ!

Съ шумомъ захлопнула Рика Ленгникъ дверь своего дома и заперла ее на всѣ засовы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Предстояли двѣ свадьбы, о которыхъ не снилось ни одному темпльгофцу. Какъ, старуха Ленгникъ согласилась, чтобы ея Пауль женился на дѣвушкѣ со стороны? На дѣвушкѣ, которая ходила съ распущенными волосами, какъ наѣздница въ циркѣ? На дѣвушкѣ, семью которой не знали отъ перваго до послѣдняго ея члена?! Большое недоумѣніе царило въ деревнѣ. Правда, отецъ англичанки имѣлъ состояніе; Рика навѣрно все разузнала, она никогда не сдѣлаетъ невыгоднаго гешефта. Но что приключилось съ Бадековой?! Она отдаетъ свою Густу за сигарнаго молодца?! Развѣ нельзя было устроить болѣе солидной партіи, найти, наконецъ, вдовца или вообще болѣе пожилого человѣка!

Августа Бадекова была счастлива. Такъ счастлива, что стала даже красивой. Недовольная складка у рта исчезла, поблекшія щеки порозовѣли, тусклые глаза пріобрѣли блескъ. Каждый день приходилъ женихъ.

— Глаза бы мои не глядѣли на весь этотъ вздоръ и суету,— говорилъ Іоганнъ своей Гретѣ.

Онъ былъ не въ духѣ. Неохотно соглашался онъ на бракъ своей сестры съ Юліусомъ Пашке. Что за партія, комми-вояжеръ сигарной фабрики! Но это еще не главное — Пашке можетъ открыть самостоятельное дѣло на деньги Августы, — Іоганну онъ не нравился какъ человѣкъ. Откровенно бесѣдовалъ онъ со своимъ шуриномъ Литцовымъ.

— Готфридъ, у тебя хорошее чутье, что ты думаешь о немъ?

— Прохвостъ,—только и сказалъ Готфридъ, присвистнувъ.

Фрау Лена тоже была не въ восторгѣ.

— Къ добру ли все это!

Она не скрыла отъ матери своего отрицательнаго отношенія къ жениху.

— Точно *мнѣ* онъ нравится?!, — отвѣчала Ганна Бадекова. — Но я говорю себѣ: мужчина, который каждое воскресенье бѣгаетъ въ церковь, плохъ; мужчина, который каждый день бѣгаетъ въ трактиръ, еще хуже. Пашке не ходитъ въ церковь, но онъ и не бѣгаетъ въ трактиръ. А гдѣ же мнѣ достать другого для Густы? Она вѣдь и немного кривая, говорить нечего. А коли она зашла съ нимъ такъ далеко, здѣсь нечего останавливаться. Стиснуть зубы, и все. Ничего ужъ не поможетъ!

Она была права. Сопротивляться дольше не было смысла. Это сказала себѣ Ганна Бадекова въ ту минуту, когда къ ней въ комнату вошелъ Іоганнъ, весь красный и въ такомъ необычайномъ волненіи, которое вообще было ему несвойственно.

Онъ рѣшилъ послѣдить за Августой; *слишкомъ* часто ѣздила она на уроки музыки въ Берлинъ и оставалась тамъ слишкомъ долго: Іоганнъ сговорился съ Литцовымъ; Готфридъ былъ не только его шуриномъ, мать Готфрида—урожденная Бадекова, и, слѣдовательно, отъ него можно было не таиться. Въ три часа отходилъ омнибусъ; къ этому же времени вышла Августа, неся въ рукѣ папку для нотъ.

— Замѣтилъ? — смѣясь шепталъ Готфридъ, тихонько пробираясь за ней, — точно щитъ держитъ она свою „музыку“ передъ животомъ. Золотыми буквами написано, да большими, чтобы всякій могъ прочитать!

Іоганнъ не смѣялся, онъ стыдился своей роли; ему было непріятно, что они выслѣживали сестру, какъ гончія собаки.

Августа сѣла въ омнибусъ. Когда она благополучно усѣлась, оба соглядатая влѣзли по боковой лѣстницѣ на верхушку. Это былъ удобный пунктъ для наблюденій.

— Она насъ не видитъ, она совсѣмъ потеряла голову,—сказалъ Готфридъ.

Тряскій экипажъ везъ ихъ безконечные полчаса по шоссе. Іоганнъ злился, что они такъ медленно тащатся, но Готфридъ утѣшалъ его:

— Ну, ну, терпѣніе, успѣешь еще насладиться сюрпризомъ!

Нехорошо, что шуринъ шутилъ. Іоганнъ становился все сумрачнѣе.

На Бельальянсплацъ Августа вышла изъ омнибуса и свернула направо. Куда же она направлялась? Учительница жила налѣво, на Вильгельмштрассе.

— У нея съ нимъ гдѣ-нибудь назначена встрѣча,— шепталъ Готфридъ.

Торопливо слѣзли они съ верхушки. Іоганнъ чуть не упалъ, ноги его дрожали, онъ стоялъ нетвердо. Это отъ проклятой тряски по скверной мостовой! Но ноги его дрожали и потомъ, когда они отправились слѣдомъ за Августой. Предосторожности никакой не требовалось, она шла не оглядываясь.

— Она бѣжитъ, какъ оголтѣлая,— жаловался Готфридъ; они совсѣмъ запыхались.

Дѣвушка завернула на Линденштрассе.

— Чортъ возьми!—Іоганнъ схватилъ Готфрида за руку,—тамъ живетъ этотъ молодецъ. Линденштрассе, 104! Вотъ и номеръ!

Августа остановилась. Она юркнула въ домъ. Она взбѣжала наверхъ, на третій этажъ.

На второй площадкѣ преслѣдователи остановились. Они поднялись дальше, только когда замолчалъ хриплый звонокъ, и стукнула дверь. Августа вошла въ квартиру.

— Такъ *вотъ* гдѣ она играетъ на рояли!—сказалъ Готфридъ.

— Молчи!

Іоганнъ былъ блѣденъ. Они стали разсматривать вывѣски. Слѣва жилъ „Примъ, мужской портной“, но здѣсь, направо: „Аманда Шульце“—и сверху визитная карточка, прикрѣпленная кнопками:

Юліусъ Пашке.

Послѣ этого они позвонили и вызвали ее. Положеніе было ужасное. Готфридъ бросилъ Пашке въ лицо нѣсколько крѣпкихъ словъ; но Пашке принялъ ихъ съ спокойствіемъ, которое привело Готфрида въ еще большую ярость. Разумѣется, онъ отлично понимаетъ, что господамъ родственникамъ непріятно встрѣтить у него барышню, но онъ можетъ ихъ увѣрить,— онъ даетъ свое честное слово,— что ничего не случилось,— совершенно ничего.

Для этого онъ слишкомъ высоко цѣнитъ свою невѣсту, фрейлейнъ Августу Бадекову.

— Наглецъ!—закричалъ на него Литцовъ,—попридержите свой языкъ.

Но потомъ онъ уже не зналъ, что еще сказать: дѣйствительно, оказались они въ глупомъ положеніи. Что же дальше?!

На Іоганна нечего было разсчитывать, онъ не произнесъ ни одного слова. Онъ стоялъ, какъ ошпаренный; слишкомъ глубоко былъ онъ задѣтъ: его сестра, Бадекова изъ Темпльгофа, бѣгала къ мужчинѣ! Молча увелъ онъ плачущую Августу. Ему самому хотѣлось плакать. Весь длинный путь обратно онъ крѣпко держалъ ее за руку.

Готфридъ несъ за ними папку для нотъ. Она лежала на полу, онъ ее подобралъ, не оставлять же ее тамъ.

Но теперь все было забыто или, по крайней мѣрѣ, казалось забытымъ. Августа торжествовала: она поставила на своемъ, она завоевала своего Юліуса. И какъ романтически все это произошло. Романтичнѣе навѣрно не бывало даже въ тѣ времена, когда Темплеръ, гордый рыцарь, встрѣчался на Кларензее съ темпльгофской деревенской дѣвушкой. Въ своихъ мечтахъ она проводила параллели: ахъ, развѣ ея Юліусъ не похожъ на рыцаря! Совершенно ослѣпленная имъ, она отказалась отъ своей воли, униженно подчиняясь ему во всемъ.

Мать говорила съ ней серьезно, но она ничему не внимала. Ганна Бадекова, правда, не подозрѣвала Пашке въ чемъ-нибудь дурномъ, въ глубинѣ своего сердца онъ добрый человѣкъ и, Боже мой, это еще не такъ ужасно, если ему захотѣлось устроить самостоятельное дѣло. Но все же у нея было тяжело на душѣ: она боялась его легкомыслія. Доказательствъ, правда, не было; какъ ни разнюхивали Іоганнъ и Готфридъ и даже пустили на свѣжій слѣдъ Якова въ Берлинѣ, всюду имъ отвѣчали одно:

— Славный малый...

Ганна Бадекова молилась немного, но въ тотъ день, когда она увидѣла въ старой деревенской церкви, въ которой сама стояла невѣстою передъ алтаремъ и гдѣ вѣнчались двѣ ея старшія дочери, свою третью дочь въ миртовомъ вѣнкѣ, она стала молиться, подчиняясь неопредѣленному сердечному побужденію.

Она подняла глаза: справа отъ алтаря висѣла поминальная доска съ лавровой вѣтвью, обвивающей крестъ:

Геройской смертью за короля и отечество умеръ
Вильгельмъ Карлъ Бадековъ,
родился 14 мая 1850 года,
палъ при Марсъ-ла-Турѣ 18 августа 1870 года.

Ахъ, да, Вильгельмъ! Внутри ея точно звучалъ чей-то голосъ: не за тѣхъ дѣтей, которыя умерли, приходится больше всего скорбѣть—какъ рѣшилась Августа нанести матери такой ударъ—бѣгать къ чужому мужчинѣ! Если бы кто-нибудь зналъ объ этомъ!

Устрашенная этой мыслью, Бадекова осматривалась кругомъ. Церковь была полна, всѣ женщины и дѣвушки Темпльгофа хотѣли видѣть Августу Бадекову въ свадебномъ уборѣ. Мать видѣла много любопытства на лицахъ, но—слава Богу!—злорадства она не видѣла.

Теперь священникъ надѣвалъ имъ кольца; слава Богу,—отнынѣ Августа замужняя женщина!

Съ удовлетвореніемъ сложила Бадекова свои полныя руки надъ жесткимъ, круглымъ, какъ кринолинъ, платьемъ. Оно было лиловаго шелка, съ вотканными лиловыми бархатными цвѣтами. Дѣти иначе не соглашались, сегодня мать не должна быть въ черномъ. На чепчикѣ золотыя кружева.

Собралось нарядное свадебное общество. Милліонерша Маріанна, въ сторону которой поворачивались всѣ головы, красовалась въ платьѣ такого васильковаго цвѣта, такомъ яркомъ, что оно почти слѣпило глаза. На таліи и рукавахъ оно было оторочено розовымъ. На юбкѣ, отдѣланной восемью воланами, обшитыми кружевами, высоко подымался сзади тюникъ; на бѣломъ кружевномъ вырѣзѣ сердечкомъ, на толстой золотой цѣпочкѣ, висѣлъ золотой медальонъ не менѣе четверти фунта вѣсомъ.

Столь же торжественна была Лена Литцова въ своемъ изумрудно - зеленомъ платьѣ, а на женѣ Іоганна, краснощекой Гретѣ, было пунцовое платье, еще болѣе оттѣняющее яркія краски ея щекъ.

Всѣ въ шелку. Невѣста тоже; длинный, тяжелый шлейфъ лежалъ на протоптанныхъ каменныхъ ступеняхъ алтаря. Вѣнчальный уборъ не шелъ къ Августѣ; молочно-бѣлый цвѣтъ жесткаго платья придавалъ ей сѣроватый оттѣнокъ. Кромѣ того, портниха изъ Берлина, которая все умѣла, причесала ее не къ лицу; она выглядѣла старой, вѣнчальная фата лежала на ея головѣ точно чепчикъ.

Пашке во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ, напротивъ, былъ очень эфектенъ. Шопотъ изумленія относился къ нему: настоящій военный въ гражданскомъ платьѣ! Повезло, однако, Августѣ! Она, повидимому, сознавала свое счастіе; обычно невѣсты плачутъ, хотя бы ради приличія, она же сіяла во все лицо.

За ней первой дружкой сіяла Мика. Наконецъ-то на ней было розовое платье, о которомъ она такъ мечтала, и даже розоваго

шелка. Сзади оно колоссально оттопыривалось. Можно было сѣсть на него. Молодые парни, смотрѣвшіе съ хоръ, не мало потѣшались надъ ней.

Мика подняла глаза, точно чувствуя, что ее разсматриваютъ. Она обнаружила рядъ широкихъ зубовъ: о, да, она сегодня необычайно великолѣпна! Изъ того, что говорилъ проповѣдникъ въ длинной и хорошо составленной рѣчи, какъ это приличествуетъ, когда вѣнчается дѣвушка изъ такого дома, она не поняла ни одного слова. Не все ли ей равно, какъ встрѣчаются два сердца и соединяются двѣ души! Она смѣялась мужскимъ лицамъ, которыя смотрѣли на нее сверху, и радовалась своему великолѣпному наряду. На волосахъ, гладко зачесанныхъ съ лица, лежалъ вѣнокъ изъ искусственныхъ розъ.

Единственный человѣкъ, плакавшій здѣсь, была Маріанна. Милліонерша чувствовала уколъ въ сердце. Тутъ стояла Августа, блѣдная, невзрачная сестра, тоже уже не молодая, и вотъ у нея былъ мужъ, о какомъ она мечтала для себя. Почему именно она? Маріанна тихо всхлипнула: конечно, она желала Августѣ счастія, но что-то сдавливало ей горло.

Вѣнчаніе кончилось, органъ игралъ заключительную мелодію. На улицѣ, послѣ дождливыхъ ноябрьскихъ дней, въ первый разъ свѣтило яркое, почти смѣющееся солнце. Зрители стояли на сухой землѣ и могли глазѣть вволю.

Сначала вышли дѣти. Ага, это парочка Готфрида Литцова, Фрицъ, весь въ веснушкахъ, и маленькая Іоганна! Шаловливый, какъ всегда, мальчикъ выхватилъ изъ корзиночки, которую они оба несли, цвѣты и бросалъ ихъ полной горстью направо и налѣво. Потомъ шли близнецы Бадековы: прелестные мальчуганы, какъ двѣ капли воды похожіе другъ на друга, съ льняными волосиками и красными щечками. Потомъ двое маленькихъ Шелльнаковъ изъ Гретиной родни, дѣти, похожіе на всѣхъ дѣтей: въ новыхъ платьяхъ, мальчики въ бархатныхъ курточкахъ и напомаженные, дѣвочки съ завитыми волосами. Всѣ они разбрасывали цвѣты. Потомъ вышли молодые. За ними, по очереди, торжественно шествовали гости парами отъ церковныхъ дверей до выходной калитки.

Направо могилы, налѣво могилы. Здѣсь, передъ церковью, лежали они, Шелльнаки, Литцовы, Людеки, Ленгники, Бадековы— всѣ старые роды. Длинные шлейфы праздничныхъ шелковыхъ платьевъ наметали гравій и песокъ на обвитые плющемъ холмики.

Погода стояла хорошая, дорога до дома Бадековыхъ не даль-

няя. Можно было отлично пройти пѣшкомъ, но всѣ сѣли въ поданные экипажи. Молодой супругъ усаживалъ свою жену, запутавшуюся въ шлейфѣ. Онъ не замѣтилъ Иды Литцовой, стоявшей въ числѣ зрителей впереди у самаго кладбищенскаго забора и не сводившей съ него своихъ жадныхъ глазъ.

Она была также внутри церкви. На свадьбу ее не пригласили, да и какое ей дѣло до Августы и всей ея родни? Но посмотрѣть на всю эту компанію ей всетаки хотѣлось. Она строго критиковала невѣсту. Если бы взгляды могли прожигать платье, то взгляды Иды сдѣлали бы это. Тяжелый шелкъ прикрывалъ однѣ кости, ну, большого удовольствія женихъ тутъ не получитъ! Какъ можно жениться только изъ-за денегъ? Онъ себя продалъ! Жесткая улыбка скривила ротъ Иды. Отъ Пашке она этого не ожидала. Онъ, вѣроятно, чувствовалъ, что нуждается въ оправданіи. На-дняхъ онъ явился къ ней въ сумерки, когда она была одна въ магазинѣ. Они не видѣлись съ того вечера, когда войска совершали свой въѣздъ—съ тѣхъ поръ прошло много мѣсяцевъ—удивительно, что онъ вообще еще помнилъ о ней!

Вызывающе сложила она руки на высоко вздымавшейся груди и облокотилась спиной къ полкѣ. Что ему здѣсь надо? Сигары ея мужу не требовались; здѣсь продавали ихъ очень мало, по копейкѣ штука. Такими пустяками не станетъ заниматься теперь господинъ Пашке!

Съ какой горечью она говорила! Но все ея существо дышало желаніемъ. Въ полутемной комнатѣ эти глаза привлекали, какъ пламя. Ея сопротивленіе возбуждало мужчину. Она совсѣмъ на него не сердилась, она была только оскорблена, что онъ не обращалъ на нее вниманія. Эта пышная женщина, для которой маленькій магазинчикъ казался слишкомъ тѣснымъ, дѣйствительно очень пикантна. Онъ облокотился на столъ, гдѣ былъ разлитъ керосинъ и разсолъ отъ селедокъ, и смотрѣлъ на нее съ укоромъ: почему она не дала о себѣ никакой вѣсточки? Его адресъ она знала. Она даже не поздравила его, когда онъ сталъ женихомъ—онъ вздохнулъ при этомъ,—навѣрно же она слышала эту новость. Въ Темпльгофѣ все извѣстно. Хоть бы одинъ разокъ она дала ему доказательство своей дружбы.

— Я?!—вспыхнула она. Ея глаза засверкали:—Я—дать вамъ доказательства дружбы? Я не такъ глупа! Я приличная женщина; что приходитъ вамъ въ голову?!

Улыбаясь, взялъ онъ ее за руку, она не вырывала ея, но въ это время кто-то осторожно скрипнулъ маленькой стеклянной дверью, завѣшанной гардинами съ красными точечками. Послы-

шалось царапанье, визгъ, дверь слегка открылась, маленькая дѣвочка просунула темную, гладко причесанную головку; два черныхъ глаза, робкіе и быстрые, какъ у любопытной мышки, оглядѣли незнакомца.

— Что тебѣ надо?—строго сказала женщина.

Ребенокъ ничего не отвѣтилъ. Онъ удалился, но нехотя, какъ будто ему хотѣлось еще поглядѣть.

— Убирайся!—закричала женщина.

Темная, гладкая головка исчезла. Но щелка осталась. Ида грубо закрыла дверь.

— Это ваша дочка?—спросилъ Пашке.—Красивый ребенокъ!

Онъ не находилъ этого, но хотѣлъ сказать матери пріятное.

— Мой!?—Ида звонко разсмѣялась.—Да нѣтъ же, у меня не можетъ быть такой большой дѣвочки. Она отъ первой жены!—Гнѣвное выраженіе обезобразило ея красивое лицо.—Что ей тутъ надо подсматривать?

— Да, у нея хитрый видъ,—поторопился увѣрить Пашке.

Ида ничего не отвѣтила; она стояла и кусала нижнюю губу. Ея настроеніе еще болѣе испортилось. Къ тому же изъ пивной, расположенной противъ магазина по другую сторону темныхъ сѣней, появился мужъ. У него было красное, одутловатое лицо. Не обращая вниманія на гостя, онъ сердито спросилъ, гдѣ ключи отъ погреба: куда она ихъ всегда дѣваетъ?

Ида пожала плечами. Другимъ отвѣтомъ она его не удостоила. Пашке откланялся: онъ зайдетъ въ другой разъ, когда это будетъ болѣе кстати. За спиной Карла Литцова они обмѣнялись быстрымъ взглядомъ; Пашке унесъ съ собой воспоминаніе о многозначительномъ выраженіи ея глазъ.

Снаружи, въ палисадникѣ, гдѣ торчалъ голый кустъ сирени и одно единственное деревцо, стояла дѣвочка. Она точно поджидала его. И какъ на стражѣ стояла справа отъ нея кривоногая, черная такса и слѣва другая. Ребенокъ молча смотрѣлъ на Пашке своими большими глазами; этотъ взглядъ смущалъ его. У Пашке было неопредѣленное чувство, что съ нею надо подружиться, хотя таксы зарычали на него.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ.

— Гульда!

— Гульдочка, сколько тебѣ лѣтъ?

Онъ погладилъ ее по щекѣ.

Она позволила гладить себя, но улыбка не освѣтила ея личика, оно оставалось серьезнымъ.

— Девять лѣтъ,—сказала она своимъ тоненькимъ голоскомъ.

Онъ звучалъ, какъ пискъ мышенка; ребенокъ рѣшительно производилъ непріятное, даже жуткое впечатлѣніе своимъ старческимъ личикомъ. Пашке поторопился уйти, таксы вцѣпились ему въ штаны...

Послѣ этого онъ не видался съ Идой Литцовой до сегодняшняго дня. Онъ ее отлично замѣтилъ, когда помогалъ своей суженой передъ церковной рѣшеткой сѣсть въ экипажъ. И почувствовалъ горячій блескъ ея глазъ. Чортъ возьми, да, если бы сегодня вечеромъ онъ могъ держать ее въ своихъ объятіяхъ, это было бы совсѣмъ не то, что Августа Бадекова!

Съ легкимъ вздохомъ покорился Юліусъ Пашке своей судьбѣ.

Черезъ два дня послѣ Августы Бадековой вѣнчался Пауль Ленгникъ. Двѣ знаменательныя свадьбы въ такое короткое время—событіе для Темпльгофа. Первая свадьба была пышнѣе; у Ленгниковъ не было такой большой родни, но на второй невѣста была красивѣе.

Въ темной, низкой комнатѣ Рика Ленгникъ убирали невѣсту. Здѣсь же должны были жить молодые, пока не будетъ готова вилла, которую собирался выстроить Пауль рядомъ во дворѣ. Лѣтомъ, можетъ быть, новое гнѣздышко уже будетъ готово, но до тѣхъ поръ ей придется примириться съ старымъ ленгниковскимъ домомъ. Мать предоставила имъ свой домъ и сама перебралась въ пристройку во дворѣ, гдѣ помѣщались прачечная и всевозможныя кладовыя.

Юной невѣстѣ, не имѣвшей ни матери, ни сестры, ни подруги, Рика Ленгникъ сама надѣла свадебный вѣнокъ. По обычаю, портниха, работавшая на весь Темпльгофъ, должна была причесать невѣсту, но Этель пришла въ ужасъ. Она знала, что прошло время носить распущенными свои прекрасные волосы, они разсыпались у нея по плечамъ, какъ золотая грива, но она хотѣла сама заплести себѣ косу и положить ее гладкой короной вокругъ головы. Корона была такая тяжелая! Она опустила голову. Сверху надѣли еще вѣнокъ. Онъ не былъ изъ свѣжей зелени, въ Темпльгофѣ свадебные вѣнки сохраняли за стекломъ и рамкой надъ диваномъ въ парадной комнатѣ. Тяжелая рука старухи Ленгникъ положила искусственные листья, искусственные цвѣты и тяжелыя толстыя почки изъ вощеной матеріи на опущенную головку. Невѣста была очаровательна, это сегодня признавала даже Рика.

Вчера, наконецъ, все было оформлено: англійская компанія прикупила ея примыкающія къ ихъ владѣнію поля. Она полу-

чила девяносто тысячъ талеровъ, которые запросила. Это было выгодное дѣло! Цѣлую ночь она пролежала въ лихорадкѣ; передъ ея глазами катились талеры, въ ушахъ шуршали бумажныя деньги. Такъ блестяще никто не продавалъ земли въ Темпльгофѣ и никогда больше не продастъ! За это можно примириться съ невѣсткой. Къ тому же она доброе, кроткое существо, ничего вообще не понимающее. Она, Рика Ленгникъ, попрежнему останется командиршей, хотя и будетъ жить въ заднемъ домѣ, а молодая въ переднемъ.

Съ сострадательной улыбкой смотрѣла свекровь на Этель: ради выгодной продажи земли она простить ей полное, совершенно полное отсутствіе приданаго.

Мистеръ Броунъ былъ очень изумленъ, когда Рика спросила: „а, ну, что же вы за нею даете?“ Въ Англіи такой обычай, что женихъ заботится обо всемъ. Можетъ быть, такъ и было на самомъ дѣлѣ, но что Пауль долженъ былъ покупать постельное бѣлье, рубашки и панталоны для своей невѣсты—это ужъ слишкомъ. Еслибъ не украшенія, брилліантовыя сережки, которыя носила Этель Броунъ въ ушахъ, золотыя цѣпочки, жемчужныя ожерелья и множество браслетовъ, можно было подумать, что мистеръ Броунъ ничего не имѣетъ.

Рика Ленгникъ затаила свое разочарованіе. Только ничего не говорить, а то всѣ будутъ злорадствовать! Сознаніе, что многіе въ деревнѣ относятся къ ней недоброжелательно, всегда придавало ей силу высоко держать голову. Такъ шла она тогда за гробомъ своего мужа, ведя маленькаго Пауля за руку. Мальчикъ плакалъ отъ страха передъ чернымъ экипажемъ, передъ черными людьми, унесшими отца изъ дому; но вдова крѣпко сжала своей рукой холодную, дрожащую ручку ребенка, и это было единственнымъ признакомъ ея волненія. Покойный Ленгникъ выпивалъ; онъ полѣзъ на сѣновалъ, чтобы проспать тамъ свой хмель, но упалъ внизъ головой и сломалъ себѣ шею; она никому объ этомъ не сказала. Бѣдный Ленгникъ, его поразилъ ударъ, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ влѣзалъ по лѣстницѣ, чтобы снять сѣно для скота! Онъ всегда былъ такъ неутомимъ въ работѣ!

Глаза Ленгникъ не моргнули и сегодня. Она ясно видѣла каждаго отдѣльнаго человѣка въ церкви, отъ нея не укрылся ни одинъ изъ глазѣвшихъ. Она радовалась. Она видѣла, какъ всѣ любовались невѣстой. Ея острый слухъ улавливалъ всѣ восклицанія восхищенной публики. Это была ея невѣстка, жена ея Пауля!...

Свадебное пиршество справляли не въ своемъ домѣ, какъ у Бадековыхъ; Пауль находилъ, что у нихъ недостаточно красиво. Мистеръ Броунъ предложилъ Гиллера въ Берлинѣ Подъ Липами, но противъ этого энергично протестовала Рика, и женихъ не хотѣлъ пировать внѣ Темпльгофа. Сговорились на Кикебушѣ. Тамъ былъ залъ, украсить который пригласили декоратора. Закопченыя стѣны задрапировали красной матеріей, перевили гирляндами и на потолкѣ повѣсили пестрые фонарики. Столъ былъ украшенъ букетами изъ искусственныхъ цвѣтовъ; питья и яствъ заготовлено множество.

Праздникъ тѣмъ не менѣе вышелъ не очень многолюднымъ; участники потерялись въ большомъ залѣ. Изъ Брица и Маріендорфа пріѣхали родственники Ленгниковъ; были здѣсь, какъ и у Бадековыхъ, Шелльнаки, Людеки и Ганеманы. Изъ Бадековской родни пригласили только Готфрида Литцова.

— Онъ всегда такой веселый!—сказалъ Пауль.

Не то чтобы Ганна и Рика были въ ссорѣ, онѣ посылали другъ другу свадебные пироги, но для каждой было облегченіемъ, что благодаря близости обѣихъ свадьбъ можно было сказать: „я тебя не приглашаю потому, что ты сама устраиваешь свадьбу“.

Лена Литцова хотѣла отказаться отъ приглашенія, но Готфридъ настаивалъ:

— Знаешь что, я думаю Паулю тошно отъ его родни; мы пойдемъ!

И Лена въ своемъ изумрудно-зеленомъ платьѣ красовалась и на этой свадьбѣ. У нея еще кружилась голова отъ недавняго пиршества, а тутъ опять предстояла выпивка. Но къ этому привыкли въ Темпльгофѣ,—что за свадьба, которая не давала бы себя чувствовать въ теченіе нѣсколькихъ дней спустя.

Ленгники, медленные и чванные, были люди не словъ, а стакановъ. Готфридъ шепнулъ тайкомъ своей женѣ:

— Ленушка, держи меня, когда пойдемъ домой. Съ меня и теперь уже больше, чѣмъ достаточно!

А празднество было еще далеко не кончено. Строго слѣдила старуха Ленгникъ, чтобы къ каждому блюду разливали другія вина; въ концѣ подали ликеры, потомъ жженку и пиво.

Отецъ невѣсты былъ очень доволенъ, онъ подружился съ Литцовымъ; чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ становился откровеннѣе. Оба сидѣли въ углу, рука объ руку, щека къ щекѣ.

— Видите ли, знаете ли—надо тебѣ сказать, сынъ мой,—англичанинъ вдругъ заговорилъ на берлинскомъ діалектѣ,—я только секретарь у мистера Генри Даніеля Дависа. *Это онъ* ворочаетъ

всѣмъ. Но онъ плохо знаетъ по-нѣмецки, и поэтому я здѣсь. Примѣчаешь?!—Онъ давился отъ смѣха и вина.—Я изъ Шпительмаркта. Я ужъ бывалъ здѣсь,—онъ блеснулъ глазами,—да, здѣсь, на этомъ полѣ я ѣздилъ—девяноста фунтовъ вѣсу. Красный съ голубымъ и бѣлымъ—англійскій жокей, ха-ха-ха-ха! Да, я сдѣлалъ карьеру. Здорово мнѣ повезло съ богатымъ зятемъ, что?!

Пошатываясь, мистеръ Броунъ подошелъ къ жениху. Онъ чокнулся съ нимъ:—Да здравствуетъ Темпльгофъ! А, ну, Пауликъ, каково тебѣ нравится твой тестюшка?

Пауль ничего не сказалъ. Тесть казался ему сегодня нѣсколько страннымъ, но онъ не обращалъ на него вниманія. Во все время долгаго, нѣсколько часовъ длящагося свадебнаго обѣда, его правая рука крѣпко держала руку Этель; онъ ѣлъ лѣвой. Она была его женой, его женой, которую онъ любилъ, какъ онъ еще никогда ничего не любилъ! Ребенкомъ у него былъ бѣлый какъ снѣгъ кроликъ, драгуномъ онъ любилъ свою лошадь—но развѣ все это могло итти въ сравненіе съ тѣмъ, что онъ теперь чувствовалъ!? Каждый разъ его лѣвая рука подносила къ губамъ стаканъ, который онъ опрокидывалъ въ блаженномъ опьянѣніи.

— Пауль, Пауль,—тихо шепнула невѣста,—ахъ, я прошу тебя, не пей такъ много. Мнѣ очень страшно!

Онъ чуть не раздавилъ ей руку своимъ пожатіемъ и смотрѣлъ на нее глазами, полными нѣжности.

— Если ты не хочешь, чтобы я пилъ, я не буду пить. Смотри!

Онъ бросилъ свой стаканъ и громко разсмѣялся.

Всѣ оглянулись на него: вотъ влюбленный женихъ! Онъ пожиралъ ее глазами. Онъ не могъ дождаться. Онъ уже бросилъ стаканъ отъ нетерпѣнія! Раздавались обычныя шутки. Въ Темпльгофѣ не отличались деликатностью.

Этель блѣднѣла и краснѣла и снова блѣднѣла; она не все понимала, но чувствовала, что была объектомъ этихъ взоровъ, взоровъ, которые наслаждались ея смущеніемъ, этихъ шутокъ, надъ которыми женщины хихикали, а мужчины громко хохотали. Умоляющими глазами смотрѣла она на свою свекровь.

Но старая женщина не понимала взглядовъ молодой женщины. Правда, она не смѣялась вмѣстѣ со всѣми—такія шутки Рика Ленгникъ всегда пропускала мимо ушей,—но смотрѣла равнодушно мимо невѣстки: тамъ сзади, въ залѣ, стоялъ англичанинъ и громко болталъ съ Готфридомъ Литцовымъ.

Черезъ весь залъ раздавался звучный голосъ мистера Броуна:

— Девяносто тысячъ талеровъ—девяносто тысячъ талеровъ!

Рика прислушивалась, ея острое лицо пріобрѣлоястребиное вы-

раженіе. Уже не объ *ея* ли девяноста тысячахъ талеровъ шла рѣчь? Какое лицо сдѣлаетъ Литцовъ, когда узнаетъ, что она получила за свои поля девяносто тысячъ?! Она встала: на это надо посмотрѣть! Быстрыми шагами подошла она къ обоимъ.

Какъ разъ въ эту минуту мистеръ Броунъ говорилъ съ самымъ лукавымъ смѣхомъ:

— Ой, ой, если бы она все знала! Еслибъ она знала, что...— онъ быстро прикусилъ губу, увидѣвъ ее передъ собой:—ст!— Настолько пьянымъ онъ еще не былъ.—Well,—сказалъ онъ только и весело подмигнулъ Готфриду.

— Что вы только что говорили?—напала она на него. Она замѣтила, что отъ нея что-то скрываютъ.

— Я?!—Мистеръ Броунъ овладѣлъ собой, ея рѣзкій тонъ протрезвилъ его. Онъ сдѣлалъ невинную физіономію.—Я ровно ничего не говорилъ! А когда она настаивала:— Я ясно слышала: девяносто тысячъ талеровъ! И почему вы сказали: еслибъ она все знала?!—онъ вдругъ опять опьянѣлъ. Схвативъ ее за талію, онъ сталъ съ нею вертѣться, преодолѣвая ея сопротивленіе столь настойчиво, что ей ничего не оставалось, какъ протанцовать съ нимъ черезъ весь залъ. При этомъ онъ пѣлъ сиплымъ голосомъ:

„Denkste denn, denkste denn,
Tempelhofer Flanze,
Denkste denn, ich liebe Dir,
Weil ich mit dir danze?“

Это былъ сигналъ. Съ этого момента свадьба стала похожа на всѣ свадьбы. Ленгники основательно перепились и пріобрѣли способность говорить. Всѣ трещали, хохотали, горланили; большой залъ, передъ тѣмъ казавшійся пустымъ, сталъ теперь слишкомъ тѣснымъ. Каждый гость точно увеличился вдвое и кричалъ за двоихъ.

Теперь уже невѣста тихо сказала жениху:

— Пойдемъ!

Дрожащая рука Этель прижималась къ рукѣ Пауля.

Не такъ-то легко было ему подняться. Онъ не могъ не пить съ тѣми, кто съ нимъ чокался, хотя бы даже совсѣмъ маленькими глотками. Но онъ всегда будетъ поступать такъ, какъ она захочетъ,—всегда, какъ она захочетъ, всегда, всегда! Съ трудомъ поднялся онъ съ мѣста.

Ея дрожащія руки поддерживали его и вывели изъ зала.

Они вышли незамѣченными. И потомъ пошли по улицѣ рука объ руку подъ оголенными липами навстрѣчу своей будущей жизни.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Черезъ Темпльгофское поле съ шумомъ ѣхалъ омнибусъ по направленію къ городу. Лошади вспотѣли, онѣ были совершенно мокрыя. Кучеръ на высокихъ козлахъ отгонялъ кнутомъ оводовъ, которые впивались въ всклокоченную гнѣдую шерсть лошадей. На открытомъ мѣстѣ была палящая жара; бѣлесоватый, мерцающій свѣтъ слѣпилъ глаза, а тонкій песокъ, подымаемый сухимъ вѣтромъ, забивался въ ротъ и въ носъ.

Надвигалась уже осень, а было еще такъ жарко! Седанское торжество, которое отпраздновали уже второй разъ, во вторую годовщину взятія въ плѣнъ Наполеона, было нѣсколько недѣль тому назадъ, послѣдній овесъ лежалъ уже въ овинахъ. Немного еще, и начнется сборъ картофеля!

Ганна Бадекова, сидѣвшая одна въ послѣобѣденномъ омнибусѣ, выглянула изъ-за занавѣски, долженствующей защищать отъ дождя и солнца. Ухъ! Было еще ужасно жарко! Она развязала широкія, черныя шелковыя ленты своей круглой соломенной шляпы и вытерла влажную шею. Въ Берлинѣ будетъ еще жарче. Но ничего не подѣлаешь, ѣхать надо. Она не могла быть спокойна. У Якова родился седьмой ребенокъ, а только въ прошломъ ноябрѣ, какъ разъ на свадьбѣ Августы они отсутствовали, потому что жена Якова болѣла вслѣдствіе преждевременныхъ родовъ. Лучше бы у Августы что-нибудь было!

Слегка сморщивъ лобъ, смотрѣла старуха Бадекова прямо передъ собой въ поле. Вблизи и вдали оно лежало, какъ мертвое. Старая женщина вздохнула: дурной знакъ, что Августа такъ рѣдко приходитъ къ матери. Развѣ у нея совсѣмъ нѣтъ потребности побывать дома? Ахъ, конечно есть, но—но! Ганна не додумала до конца.

Громкій окрикъ испугалъ плетущихся съ опущенными головами лошадей, онѣ рванули въ сторону, задремавшій кучеръ чуть не упалъ съ козелъ. Экипажъ подбросило.

Посреди дороги стоялъ мужчина:

— Пустите меня сѣсть!

Кучеръ выругался, а потомъ разсмѣялся. Проклятый бродяга всегда такъ дѣлаетъ, когда ему лѣнь итти въ Берлинъ пѣшкомъ.

— Чтобъ у меня завшивѣлъ экипажъ—какъ бы не такъ! Если тебѣ нужна водка, можешь сходить пѣшкомъ!

— Мои родители умерли, моя жена только что родила,—скрипѣлъ бродяга.

— Съ дороги!

Старикъ прыгнулъ въ сторону, но всетаки успѣлъ получить ударъ бичемъ; грязная полоса отъ кнута обозначилась по его щекѣ отъ уха до небритаго подбородка.

— Пустите его, я за него заплачу,—воскликнула Бадекова.— Ей было жаль старика. А когда кучеръ не слыхалъ или не хотѣлъ слышать, она закричала нищему, который смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся экипажу, держась за щеку.—Заходите ко мнѣ, дѣдушка, когда вамъ захочется поѣсть. Къ старой Бадековой на деревенской улицѣ!

— Онъ не стоитъ вашего состраданія, госпожа Бадекова!—Кучеръ едва не свернулся съ козелъ, стараясь кричать въ боковое окно омнибуса.—Скверный бродяга!—Онъ укоризненно покачалъ головой.—Онъ еще пуститъ вамъ въ концѣ-концовъ краснаго пѣтуха!

Но теперь *она* не слышала. Старикъ изъ Риксдорфа, которому она позволяла присаживаться сзади, когда ѣхала на базаръ, такъ страшно состарился! Боже милостивый, какой онъ старый и жалкій! У нея зарябило въ глазахъ, все показалось ей вдругъ такимъ печальнымъ: сѣрое поле, сѣрое, несмотря на солнечный свѣтъ, сѣрый человѣкъ—развѣ не всегда такъ было! Конечно, но Берлинъ еще не придвинулся тогда такъ близко со своими высокими домами; не такъ бросалась въ глаза разница между живымъ городомъ и мертвымъ полемъ. Ей вдругъ стало ясно: оно было дѣйствительно мертво. А отдѣльные участки, которые оставались еще здѣсь, лежали отрѣзанные отъ остальныхъ владѣній; чужія земли раздѣляли ихъ теперь. Они утратили цѣнность, какъ поля, и всетаки стоили больше—гораздо больше.—Но нѣтъ! Старая женщина быстро отдернула высунутую голову, сѣла прямо и завязала подъ подбородкомъ ленты отъ шляпы: на это она не пойдетъ. Она принадлежитъ къ старому поколѣнію, она любитъ то, что повелось изстари. И дѣти ея, надо надѣяться, будутъ разсуждать такъ же!

Омнибусъ стучалъ теперь по мостовой. На Бельальянсштрассе воздвигали много домовъ, налѣво и направо; въ четыре, пять этажей вышиной, большіе, какъ казармы. Вверху еще достраивали, а внизу уже селились люди. Телѣги съ пескомъ, кирпичами, плитняками, съ глиной и цементомъ, со всевозможнымъ строительнымъ матеріаломъ, медленно, съ трудомъ продвигаются. Здѣсь сваленъ соръ, тамъ варятъ известь. Берегись! Подмастерье каменщикъ, насвистывая, мѣшалъ дымящуюся известь. Подбадривающіе крики и удары кнутомъ; покрытыя пѣной лошади медленно двигаются. Толстыя доски скрипятъ, оконныя стекла

звенятъ, подмостки качаются, слышатся проклятія: что же лошади не везутъ бодрѣе! Брръ! Стучатъ падающіе камни, съ грохотомъ опрокидываются тачки. Какой здѣсь шумъ!

А вотъ ѣдетъ открытая извозчичья карета перваго класса. Двое сидятъ на переднемъ сидѣньи, двое на заднемъ, въ обрызганныхъ известкой штанахъ на бархатныхъ подушкахъ. Шапки заломлены на затылокъ; одинъ изъ нихъ держитъ въ рукѣ бутылку, большую и пузатую, съ серебрянымъ горлышкомъ. Это каменщики, пріѣхавшіе на постройку; они завтракали до обѣденнаго времени, и теперь послѣ обѣда принимались неспѣша за работу. Они привезли съ собой шампанское; безъ хлопанья шампанскаго, бѣлое пиво казалось уже не вкуснымъ, денегъ у нихъ было достаточно. Дома, и опять дома, дома вездѣ; не успѣвали строить достаточно домовъ. Каменщики были теперь первымъ сословіемъ, людьми, за которыми больше всего ухаживали.

Громко горланили они охрипшими отъ вина голосами:

„Als ich achtzehnhundertsiebzig
Bin nach Frankreich rinnmarschirt,
Hat Napoljum mit Petroljum
Sich de Stiebeln injeschmiert“.

Главный крикунъ, державшій бутылку, сдѣлалъ большой глотокъ, потомъ поднялъ ее надъ головой, привѣтствуя своихъ товарищей на постройкѣ.

Старая женщина крѣпче завернулась въ свою мантилью, ее охватилъ ознобъ, несмотря на жару. Такъ вотъ каково было новое время!

— Упаси насъ Боже!—громко сказала она себѣ. У Галльскихъ воротъ она сошла, держа въ своихъ еще сильныхъ рукахъ тяжелую корзину, которая стояла у ея ногъ въ омнибусѣ.

Въ корзинѣ были положены: изъ своего огорода розовый картофель, который такъ охотно ѣлъ ея второй сынъ, потомъ, фунтикъ собственноручно сбитаго масла для родильницы, полтора десятка свѣжихъ яицъ, вареная курица, нѣсколько голубей, груши и сливы для дѣтей, и сладкая баба сверхъ всего. Внизу нѣсколько фунтовъ мяса недавно зарѣзаннаго ягненка для Августы на воскресенье, еще мѣра картофеля и немного яблокъ для мусса. Это она снесетъ потомъ дочери, когда уйдетъ отъ сына.

Корзина вѣсила порядочно, и по Фридрихштрассе итти пришлось довольно долго. Когда старуха остановилась передъ магазиномъ Якова, стараясь заглянуть внутрь въ большое зеркальное стекло, потъ каплями стоялъ на ея лбу.

— Нѣтъ, нѣтъ,—бормотала она,—вотъ такъ деликатесы!

Въ окнѣ были выставлены вещи, которыя Ганна не знала даже по имени. Безпокойными глазами разсматривала она выставку; свѣжее ли все это? Внутри, въ магазинѣ, не было ни души, ни Якова, ни даже приказчика. Правда, теперь послѣ обѣда время не подходящее; вечеромъ, когда господа покупаютъ хорошія закуски на ужинъ, здѣсь, вѣроятно, оживленнѣе.

Она вошла черезъ широкую стеклянную дверь, звонокъ продолжительно звонилъ. Откуда-то изъ-за прилавка выскочилъ заспанный приказчикъ:

— Чѣмъ могу служить?

— Мой сынъ дома?

Господи, опять уже новый приказчикъ! Онъ ея не зналъ.

— Я Бадекова изъ Темпльгофа.

Приказчикъ насмѣшливо улыбнулся, нахально глядя на старуху съ соломенной лепешкой на головѣ!

Она такъ смѣрила его глазами, что его насмѣшливая улыбка быстро пропала.

— Скажите, пожалуйста, моему сыну: *я* пришла!

Со стукомъ поставила она свою корзину на прилавокъ рядомъ съ угремъ въ желе и колбасой изъ гусиной печенки съ трюфелями, между ящичками съ заграничнымъ виноградомъ и французскимъ сыромъ.

— Я сейчасъ доложу хозяину!

Приказчикъ исчезъ.

Съ неподдѣльной горестью смотрѣла Ганна Бадекова на заграничный виноградъ: онъ заплесневѣлъ, о ужасъ! Яковъ долженъ былъ лучше присматривать. Конечно, если оставлять все на приказчика! А сыръ, который долженъ быть бѣлымъ и мягкимъ, высохъ и пожелтѣлъ. Она взяла стеклянный колпакъ, стоявшій безъ употребленія, и поставила его на сыръ. Колбасу старуха понюхала: она пахла еще хорошо, но—ею вдругъ овладѣлъ ужасъ—ужъ не правы ли Іоганнъ и Маріанна, которая всегда склонна видѣть во всемъ только хорошее: Яковъ не годился для торговаго дѣла. Онъ имъ совсѣмъ не интересовался. Но за что же ему въ такомъ случаѣ приняться?! Она положила обѣ руки на прилавокъ, не спуская глазъ съ деликатесовъ.

Яковъ быстро вошелъ.

— Матушка!—Онъ протягивалъ къ ней обѣ руки.

Она должна была вложить въ нихъ свои, волей или неволей. А потомъ ей вдругъ пришло въ голову, что у младшаго Вильгельма было какое-то сходство съ этимъ старшимъ! Мягкая

нѣжность отразилась на ея лицѣ. Здѣсь, въ живомъ сынѣ, она обрѣла нѣчто отъ своего погибшаго ребенка. Какъ это ей раньше не приходило въ голову?! Когда Вильгельмъ смѣялся такъ, какъ теперь Яковъ, у обоихъ былъ совершенно одинаковый смѣхъ. Если бы Августа была хоть немного на нихъ похожа! Ей было бы лучше; и другимъ тоже.

Яковъ нагнулся и поцѣловалъ мать. Она отвѣтила ему на поцѣлуй.

— Поздравляю тебя,—сердечно сказала она.—Ну, а теперь достаточно. Всѣхъ хорошихъ вещей, кажется мнѣ, у васъ по семи. Ну, а теперь можно и перестать!

Онъ разсмѣялся, но потомъ сталъ вдругъ серьезнымъ, выраженіе горечи легло на его лицо; онъ отвернулся.

— Но если она не даетъ покоя! Этого ты не понимаешь, мать!

Она прислушивалась; онъ чувствовалъ ея вопросительный взглядъ. Тогда онъ быстро взялъ ее подъ руку:

— Пойдемъ, посмотри на маленькаго. Юля слыхала, что ты пришла,—она подумаетъ, что я тебѣ жалуюсь!

Тамъ сзади, въ темной комнатѣ лежала въ постели жена Якова, Юлія Бадекова.

Густые волосы ея спутались, свѣшиваясь съ подушки слѣва и справа, какъ длинныя змѣи. Бѣлокурая Юлія была, вѣроятно, очень хороша въ молодости; теперь ея щеки ввалились, зубы выпали, исчезла вся мягкая округленность ея дѣвичьихъ членовъ, она была изнурена частыми родами и теперь лежала совершенно безъ силъ.

— Посмотрите раньше на мальчика,—сказала она, когда свекровь освѣдомилась о ея здоровьѣ.

А когда Яковъ недостаточно быстро подалъ ей ребенка, лежавшаго въ колыбели, подъ спущенными занавѣсочками—рядомъ съ нимъ въ коляскѣ спалъ полуторагодовалый мальчикъ, остальные пять ушли съ прислугой на Цитенплацъ — она потребовала нетерпѣливо:

— Дай же мнѣ его!

Съ гордостью, съ торжествующей радостью показывала она свекрови ребенка:

— Седьмой! И на меня похожъ, не правда ли? Красивый ребенокъ! О, я тоже была красивая!

Ея безпокойный взглядъ искалъ мужа, который стоялъ въ ногахъ кровати и задумчиво смотрѣлъ черезъ застроенное окно во дворъ на высокую заднюю стѣну дома.

— Мать говоритъ: пора и перестать,—сказалъ онъ смѣясь. Но смѣхъ его былъ не такой, какъ прежде, онъ звучалъ сконфуженно, глухо.

— Что?—Юлія вспыхнула. Ея щеки горѣли, быстрымъ движеніемъ она отбросила за плечи прядь волосъ; она уже не чувствовала себя слабой и изнуренной.—Это никого не касается,—сказала она грубо. Потомъ приложила ребенка къ груди:—Я ихъ выкормила всѣхъ семерыхъ—и если у насъ еще родятся, намъ не будетъ слишкомъ много,—правда, Яковъ?

Онъ уклонился отъ отвѣта.

— Ты должна лежать спокойно, Юлечка, ты же знаешь, что̀ сказалъ докторъ. Чуть было опять не случилось...

— Ахъ, много онъ знаетъ,—оборвала она его. Свекрови же, сидѣвшей совершенно тихо и только переводившей глаза отъ жены къ мужу, она сказала, поворачивая къ ней свое разгоряченное лицо.—У васъ вѣдь тоже семеро—развѣ вамъ не хотѣлось еще?

— Нѣтъ,—сказала старая женщина. Тогда нѣтъ. Теперь, правда—теперь я хотѣла бы имѣть еще *одного!*

— Ну, вотъ, видите! Юлія громко расхохоталась. Съ торжествомъ смотрѣла она на мужа.—Ты слышалъ, что говоритъ твоя мать?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Я принесу корзину матери,—сказалъ онъ уклончиво,—она можетъ ее опорожнить. И, кажется, кто-то вошелъ въ магазинъ.

Онъ побѣжалъ, принесъ корзину къ постели и снова убѣжалъ.

— Вотъ такъ всегда,—жаловалась жена.—Мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобы онъ былъ больше со мной!—Она стала довѣрчивѣе. Ей понравилось, что свекровь принесла ей такъ много. Да, ее все-таки уважали въ семьѣ, хотя она была прежде простой служанкой у Якова! Этого бы только нехватало—относиться съ пренебреженіемъ къ женщинѣ, которая родила своему мужу семерыхъ дѣтей!

Она разсказывала свекрови больше, чѣмъ обыкновенно. Дѣло шло теперь недурно, по крайней мѣрѣ лучше, чѣмъ раньше; если бы у нихъ былъ толковый человѣкъ, оно шло бы еще лучше. Наверху у нихъ двѣ квартиры пустуютъ, но это не такъ еще плохо; Яковъ говоритъ, что всѣ хотятъ теперь жить по новомодному и потому...—женщина остановилась. Въ ея лихорадочныхъ глазахъ сквозило тайное безпокойство; устремивъ ихъ на свекровь, она сказала торопливо:

— Вы замѣтили, напротивъ строится новый домъ. Тамъ будетъ большой красивый магазинъ. Но я думаю,—она перевела дыханіе,—тамъ поселится часовщикъ!

Нѣтъ, конечно, этого никто не сдѣлаетъ, никто не откроетъ здѣсь поблизости еще одинъ магазинъ деликатесовъ! На этотъ счетъ старуха Бадекова была совершенно спокойна. Другое тревожило ее.

— Яковъ тоже хочетъ строить?—спросила она.

Какъ она это сразу угадала! Юлія утвердительно кивнула.

— Онъ хочетъ строить не весь новый домъ, а снести только до перваго этажа. Поставить три этажа сверху. А снизу, изъ магазина онъ хочетъ пробить потолокъ сюда и въ другую комнату—внизу будетъ *одинъ* большой магазинъ. Мы будемъ жить тогда наверху!

— Такъ,— сказала старуха,— только все это стоитъ много денегъ!

Жена Якова вспылила: ея мужъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ, о, онъ уменъ! Деньги теперь, какъ говорится, лежатъ на улицѣ, надо только ихъ подбирать. Она не много понимаетъ въ такихъ вещахъ, но зато онъ понимаетъ за двоихъ.

— Ему всегда надо что-нибудь устраивать, иначе онъ не чувствуетъ себя удовлетвореннымъ! Это должно было служить оправданіемъ, но, незамѣтно для самой говорящей, прозвучало жалобой.

Бадекова вынула все изъ корзины, оставался только нижній слой: это она снесетъ теперь Августѣ.

Но Юлія держала ее крѣпко за платье:

— А что у Августы, все еще ничего не слышно? Скажите же!

— Нѣтъ!

Родильница всплеснула горячими руками, презрительная улыбка скривила ея ротъ:

— Нѣтъ?! Такая незадача! Если у женщины нѣтъ дѣтей, какъ она сможетъ удержать мужа? Да еще такого! Но и другіе—другіе!

Она не договорила, ея брови сдвинулись; она смотрѣла въ уголъ комнаты, точно передъ ней встали привидѣнія. Потомъ въ ея глазахъ загорѣлись искры, это были глаза фанатика:

— Женщина, которая не имѣетъ дѣтей, не имѣетъ никакого права.—Слава Богу,—она сказала это съ глубокимъ вздохомъ,—я имѣю дѣтей!

Совершенно обезсиленная, она упала на подушку.

— Ну, чего нѣту, то еще можетъ быть,—сказала Бадекова съ

досадой. Она сама не знала, что ее такъ сердило. Высвободивъ свое платье изъ ослабѣвшихъ рукъ невѣстки, она принудила себя сказать спокойно:—ну, теперь тебѣ надо поспать. Ты говорила слишкомъ много. Прощай!

Въ магазинѣ былъ только молодой человѣкъ, теперь вѣжливо прислуживавшій; Якова мать застала на улицѣ передъ дверью. Онъ стоялъ, совершенно погруженный въ постройку новаго дома. Она положила ему руку на плечо, онъ оглядывался во всѣ стороны; ей виденъ былъ только его сморщенный лобъ и одинъ глазъ, въ которомъ нѣкоторая нерѣшительность переплеталась съ жадностью. Она не понимала этого ясно, но скорѣй въ силу инстинкта спросила:

— Правду ли говоритъ Юлія, ты дѣйствительно думаешь строиться?

Онъ пожалъ плечами.

Она разгорячилась:

— Все это одинъ обманъ!

— Прощай,— сказалъ онъ нетерпѣливо и подалъ ей руку.— Не волнуйся, мать. Все равно это тебѣ не поможетъ! Но когда она уже отошла нѣсколько шаговъ, онъ закричалъ ей вслѣдъ:— Ты скоро придешь опять, матушка?

Тогда она обернулась еще разъ и кивнула ему головой. Въ его тонѣ была просьба, это она ясно чувствовала. Конечно, она придетъ; если она нужна кому-нибудь изъ своихъ дѣтей, никакой длинный путь ее не остановитъ.

Но на ея лицѣ не было радости, когда она шла дальше внизъ по Фридрихштрассе. На углу Кохъ-и Фридрихтрассе помѣщался сигарный магазинъ Пашке; на Краузенштрассе была ихъ частная квартира: четыре хорошихъ комнаты и кухня. Августу она разсчитывала застать въ магазинѣ ея мужа.

Но Пашке былъ одинъ, то-есть безъ Августы; какой-то господинъ, опершись локтями на прилавокъ, вполголоса бесѣдовалъ съ хозяиномъ.

Когда Ганна Бадекова вошла, оба замолчали. Господинъ, въ бѣломъ пикейномъ жилетѣ, съ множествомъ брелоковъ на часахъ, съ брилліантовымъ кольцомъ на мизинцѣ и синеватыми тѣнями на полномъ, гладко выбритомъ подбородкѣ, откланялся, а Юліусъ привѣтствовалъ свою тещу.

Онъ всегда былъ очень предупредителенъ, въ отсутствіи любезности его никакъ нельзя было упрекнуть. Онъ освѣдомился о ея здоровьи и настоялъ, чтобы она присѣла отдохнуть у него немного.

Пашке выглядѣлъ очень хорошо, свѣжѣе, нежели раньше; онъ прямо-таки потолстѣлъ за этотъ одинъ годъ. Ему бракъ пошелъ на пользу! Критическимъ взглядомъ окидывала Бадекова мужа своей Августы.

— Какъ поживаетъ Густа?

— Спасибо, прекрасно!—Онъ сказалъ это машинально и потомъ тотчасъ сталъ разсказывать, какъ великолѣпно шло дѣло, до десяти часовъ онъ никогда не могъ закрыть магазина и часто ему приходилось сидѣть еще до полночи съ корреспонденціями и т. п. Онъ сдѣлалъ широкое движеніе рукой.

— Что—эти нѣсколько ящиковъ съ сигарами?

— Позвольте! Мнѣ придется даже пригласить молодого человѣка въ помощь, иначе Августа будетъ очень мало имѣть отъ меня!

— Гм!—Бадекова кивнула головой въ знакъ согласія; но потомъ сказала попросту: — Если вы тогда дѣйствительно будете уходить домой!

Онъ страшно расхохотался—такимъ забавнымъ показалось ему ея недовѣріе. Съ покровительственной миной похлопывалъ онъ по плечу свою тещу: нѣтъ, вотъ женщина! Совсѣмъ еще стараго пошиба. Дѣйствительно, наивная идея—куда же онъ пойдетъ, если не домой?!

— Ну,—сказала Бадекова съ непроницаемымъ лицомъ. Потомъ она встала.—Теперь я пойду къ Августѣ!

Слегка посвистывая, смотрѣлъ зять ей вслѣдъ. Онъ стоялъ на порогѣ своего магазина, заложивъ руки въ карманы, поглядывая на оживленную улицу, какъ настоящій зажиточный, довольный собой и всѣмъ міромъ бюргеръ. Если бы старуха знала, что онъ ждалъ сегодня *еще* одну гостью изъ Темпльгофа! Однако, что можно противъ этого возразить? Развѣ не достойно всяческаго уваженія, что Ида Литцова сама закупала сигары для своей лавочки? Ея мужъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало заботился о дѣлѣ; его интересуетъ только распивочная. Чистый позоръ—и это мужъ, у котораго такая красивая жена!

Передъ глазами Пашке соблазнительно всталъ образъ Иды. Когда онъ сравнивалъ ее съ Августой—„ахъ!“ Это былъ вздохъ сожалѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольства. Онъ выпрямился и ударилъ себя въ грудь. Тихій свистъ перешелъ въ громкій и торжествующій: каковъ мужчина, если всѣ женщины сходятъ съ ума по немъ! Какъ честный человѣкъ, онъ не заходилъ слишкомъ далеко навстрѣчу Идѣ. Если онъ, бывая въ Темпльгофѣ, завернулъ къ ней—онъ былъ тамъ всего два раза, ему рѣдко прихо-

дилось посѣщать Темпльгофъ, и сейчасъ же появлялся мужъ и несносная маленькая дѣвочка съ таксами царапалась за дверью—это же была только маленькая любезность съ его стороны! Онъ ей ничего не обѣщалъ и ничего не долженъ сдержать. Но взглядъ, который она бросила ему при выходѣ изъ церкви въ день его свадьбы, этотъ взглядъ горящихъ глазъ заставилъ его призадуматься. Только потому, только потому онъ вообще зашелъ. Что ей надо отъ него?!

Пашке вернулся въ свой магазинъ, довольная улыбка расширяла его ноздри и дѣлала глаза совсѣмъ узенькими. Вчера онъ получилъ письмецо отъ Иды. Она навѣститъ сегодня послѣ обѣда своего отца въ Берлинѣ и при случаѣ зайдетъ за заказанными сигарами. Но это могло быть и вечеромъ. А теперь только спускались сумерки! Вздохъ нетерпѣнія вырвался изъ груди Юліуса Пашке.

Въ это время Бадекова сидѣла у Августы. У матери осталось впечатлѣніе, что дочь была скорѣе напугана, нежели обрадована ея посѣщеніемъ. Она вошла наверхъ съ черной лѣстницы и постучала въ кухонную дверь. Августа сама открыла; ея первымъ побужденіемъ было захлопнуть дверь.

— Ну, ну,—сказала Бадекова и переступила порогъ.

Августа извинилась; она была одна, дѣвушка стирала наверху въ прачечной, она совсѣмъ не узнала матери.

— Почему ты мнѣ не написала два слова? Мнѣ пріятнѣе, если ты предупреждаешь о своемъ приходѣ,—заныла она.—У меня какъ разъ ничего нѣтъ въ домѣ!

— Я не хочу ѣсть, это я всегда могу сдѣлать и дома,—сказала мать.—Я хочу только посмотрѣть, какъ тебѣ живется!

— Какъ мнѣ живется!—Августа подтянулась и откинула голову назадъ.—Мнѣ живется очень хорошо!

— Ну, это прекрасно! Старуха начала вынимать все изъ корзины.—Вотъ тебѣ жаркое къ воскресенью. Третьяго дня Іоганнъ зарѣзалъ ягненка—очень нѣжное мясо—къ сожалѣнію, съ нимъ надо было покончить, онъ сломалъ себѣ ногу!—Она съ дѣловымъ видомъ возилась надъ корзиной, но при этомъ украдкой разглядывала лицо дочери. Она все еще была блѣдна!—Ну, что же ты дѣлаешь цѣлый день?

— Я варю, я шью, я вяжу, я, я...—молодая женщина запнулась.

— Ну? Что же еще?

— Боже мой, мама, я уже не маленькая,—что ты меня такъ выспрашиваешь!—Августа становилась нетерпѣливой.—Я занимаюсь своими дѣлами!

— Гмъ. Ты играешь еще на рояли?

— Нѣтъ, нѣтъ!—Августа подняла обѣ руки, точно отстраняясь отъ чего-то. Вся кровь бросилась въ ея блѣдное лицо и залила его румянцемъ.

— Ну, тогда я довольна; тогда все уладится. Бѣгать за мужемъ не слѣдуетъ. Это всегда плохо кончается. Но дуться тоже не надо. Слышишь, Густа!—Мать съ угрозой подняла палецъ.

Августа была очень тиха. Она едва спросила про домъ. Она не говорила ничего о мужѣ.

— Юліусъ всегда очень милъ со мной,—единственное, что она о немъ сказала.

Разговоръ еле тянулся. Онѣ сидѣли въ гостиной Августы, хотя Бадекова гораздо охотнѣе осталась бы въ кухнѣ. Тамъ было уютнѣе; множество синихъ эмалированныхъ горшковъ и горшечковъ висѣло на кухонныхъ полкахъ и стояло на карнизѣ около трубы. Кружева съ продернутыми синими ленточками украшали стѣнныя полки, на которыхъ блестѣли мѣдныя кастрюли. Все было красиво и ново. Но хмурое лицо молодой женщины не прояснилось; мать изучала его: оно было даже не хмуро, а скорѣй печально. Однако Августа не жаловалась. Она была совершенно спокойна; ея спокойствіе вдвойнѣ бросалось въ глаза послѣ возбужденной болтовни жены Якова, но это спокойствіе не было пріятнѣе матери. Кто посмотрѣлъ бы теперь на Августу, никогда не сказалъ бы, что она вышла замужъ по любви, только по любви! Изъ нея надо было вытягивать слова. А они должны были бы литься потокомъ у такой молодой жены!

— Я была только что у Якова,—сказала, наконецъ, Бадекова; темы для разговора изсякли.—Ахъ, ты вѣдь еще, можетъ быть, ничего не знаешь! Вчера у нихъ родился мальчикъ. Уже опять!

Отвѣтомъ былъ вздохъ. Августа еще больше поблѣднѣла, ея глаза расширились; какъ бездыханная, сидѣла она рядомъ съ своей матерью на плюшевомъ диванѣ.

— Такъ, я рада, я хотѣла, я желаю, я...

Она ничего болѣе не сказала. Ея губы дрожали.

Собиралась ли Августа заплакать? Надъ этимъ вопросомъ ломала себѣ голову старуха Бадекова, возвращаясь домой въ вечерній, сумеречный часъ. Какъ рано уже темнѣло! И сыро. Сѣдые туманы стояли на полѣ и стелились, какъ призрачныя привидѣнія. Они подкрадывались ближе. Ганна Бадекова сложила руки на колѣняхъ. Тяжелыя предчувствія закрадывались въ душу, какъ эти тѣни, незамѣтныя, она отгоняла ихъ. Когда это насту-

пить, надо будетъ смириться, но раньше, чѣмъ что-нибудь случилось, незачѣмъ поддаваться страху!

Она начала разговоръ съ молодой женой Карла Литцова, которую встрѣтила случайно у Галльскихъ воротъ, поджидая омнибусъ. Въ послѣднюю минуту прибѣжала, запыхавшись, Ида Литцова; она сидѣла въ омнибусѣ, не подымая глазъ съ полу, и тяжело дышала.

— Все еще не можете отдышаться? Ахъ, Боже мой!

Ида вздрогнула. Холодный взглядъ скользнулъ по старухѣ: какъ разъ ее она должна была сегодня встрѣтить! Ей все же было непріятно. Неохотно отвѣтила она нѣсколько словъ. Если бы Бадекова знала, что ее только что цѣловалъ мужъ Августы! Что онъ быстро толкнулъ ее въ маленькую комнатку, находящуюся за магазиномъ, когда зазвонила входная дверь! Тамъ не было окна и не было свѣта. И что онъ потомъ къ ней вошелъ, и что онъ ее тамъ, тамъ,—но вотъ еще, какая охота мучиться угрызеніями совѣсти изъ-за другихъ?! Потухшій взоръ Иды оживился, дыханіе стало спокойнѣе, скрытая улыбка пріоткрыла плотно сжатыя губы: она хотѣла, она должна была жить, жить—она любила Юліуса,—какая же жизнь въ Темпльгофѣ!

Привѣтливѣе заговорила она теперь со старухой, но смотрѣла мимо нея, въ окно на темное поле: оно совсѣмъ не такъ страшно, какъ она всегда думала. Оно только пустынно, но это и хорошо. Оно было пустынно и среди бѣлаго дня. Во всякомъ другомъ мѣстѣ нельзя быть въ безопасности; здѣсь же не найдется никакого соглядатая.

Горькая складка обезобразила красивое лицо молодой женщины: Карлъ?! Ахъ, что тамъ, онъ совсѣмъ пересталъ интересоваться ею. Онъ вѣчно сидитъ въ своей распивочной. А дѣвочка?! Что-то вродѣ ненависти отразилось въ горячемъ блескѣ ея глазъ. „Молчи!“ угрожающимъ шопотомъ скажетъ она своей падчерицѣ, когда будетъ уходить изъ дому. Дѣвочка достаточно умна, она будетъ молчать.

— Какъ поживаетъ ваша Гульда? Она все еще такая маленькая и подвижная?—спросила Бадекова.

Ида поблѣднѣла отъ испуга: надо же было старухѣ какъ разъ сейчасъ подумать о ребенкѣ!

— Она пьетъ, ѣстъ достаточно, но не растетъ,—отрывисто отвѣтила она.

Литцовой, очевидно, были непріятны разспросы о падчерицѣ! Ганна Бадекова избрала другую тему. Она сама не знала почему, но сегодня у нея была потребность говорить.

— Что вы скажете о новой виллѣ, которую выстроилъ Пауль Ленгникъ своей молодой женѣ? Окна высокія, почти какъ въ церкви, и надъ каждымъ красивое украшеніе изъ позолоченной штукатурки. Балконъ, тоже позолоченный, въ первомъ этажѣ. „Вилла Этель“ написано надъ дверью пестрыми буквами, такими большими. Ковры во всѣхъ комнатахъ. Передъ окнами ей поставятъ еще фонтанъ. Но она, правда, ужасно мила. Славная бабенка, точно ангелъ!

Ида не отвѣчала. Болтовня старухи раздражала ее: что ей за дѣло, кого *она* называла „ангеломъ“? *Онъ* тоже называлъ „ангеломъ“ ее, *Иду*.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ вечернемъ сумракѣ проносились летучія мыши; онѣ находили пріютъ въ старыхъ деревенскихъ амбарахъ. Теперь онѣ проснулись послѣ долгой зимней спячки и пробовали летать. Еще не наступила полная весна, но было уже тепло. Мягкое дуновеніе шелестило липы, ихъ голые сучья освѣщались серебристымъ мѣсяцемъ. Несущіяся облака иногда затемняли его, но когда онъ ясно свѣтилъ, можно было различить маленькую фигурку, прикорнувшую у дома Карла Литцова. Она сидѣла на провалившихся каменныхъ ступенькахъ, прижимая къ себѣ справа одну таксу, слѣва другую; всѣ трое смотрѣли на луну.

Гульда не рѣшалась войти въ домъ—„она“ была сердита. Она не ударила ея, только посмотрѣла! Дѣвочка закрыла обѣими ручонками глаза: о, какъ это ужасно! Она задрожала. Ахъ, Гульда вѣдь никогда не выдавала! Когда отецъ спрашивалъ: „куда она ушла?“ или служанка или работникъ, или кто-нибудь другой говорили: „куда же она опять ушла?“—Идѣ нечего было бояться, Гульда сейчасъ же находилась и быстро отвѣчала: „она ушла къ своему отцу въ Берлинъ, онъ уже долго не протянетъ!“ Или выдумывала какую-нибудь другую отговорку. О, глупой Гульду никто не могъ бы назвать!

Дѣвочка подняла свое блѣдное старческое личико къ лунѣ. Луна наверху была ея другомъ, ее она любила. Она тоже ничего не говорила. Она всегда проходила молча, а видѣла такъ много!

Безшумно скользнула Гульда со скамейки. Ей тоже хотѣлось пойти что-нибудь увидѣть, ей доставляло удовольствіе подсматривать въ окна. Если встать на цыпочки, можно всюду заглянуть. Ребенокъ тихонько свистнулъ таксамъ. Всѣ трое осторожно зашагали отъ дома.

Сначала напротивъ къ Готфриду Литцову: тамъ дѣти какъ разъ ужинали. Ахъ, какіе хорошіе бутерброды, такъ густо намазанные! Но Фрицъ опять баловался. Онъ всегда баловался! Маленькое личико дѣвочки стало совсѣмъ старымъ, укоризненно смотрѣла она на мальчика: ну, вотъ, теперь злой мальчишка дергаетъ свою сестру за волосы, какъ онъ однажды дернулъ Гульду. Его бы слѣдовало хорошенько отшлепать; а отецъ, стоявшій у печки, только разсмѣялся и пригрозилъ ему пальцемъ. Это глупо съ его стороны—онъ слишкомъ добръ. Добръ! Что же это такое, когда отецъ—добрый?!

Ребенокъ прижался ближе къ стеклу и потянулъ носикомъ. Таксы тоже нюхали. Черезъ оконное стекло доносился запахъ ѣды. Всѣ трое съ жадностью глядѣли въ комнату.

Мать внесла рисовую кашу; собаки облизывались: на подносѣ дымилась, кромѣ того, свѣжая колбаса!

Позабывъ все на свѣтѣ, Гульда, не отрываясь, смотрѣла въ комнату: теперь отецъ разрѣзалъ колбасу пополамъ, онъ давалъ каждому ребенку попробовать со своей вилки. Какъ глупо со стороны Іоганны отказываться! Она вообще была глупа; она и въ школѣ всегда сидѣла послѣдней! Старческое личико презрительно сморщилось, но потомъ улыбнулось съ гордостью: она, Гульда, всегда сидѣла первой. Но въ улыбкѣ не было радости. Что за польза сидѣть первой, если никто дома не радуется этому? Нѣтъ, она не желаетъ больше сидѣть первой; она хочетъ лучше быть послѣдней, какъ Іоганна, и ѣсть жареную колбасу съ отцовской вилки!

У Іоганны распустилась коса, мать заплела ее, завязала бантомъ голубую ленту и потомъ—потомъ она погладила Іоганну по волосамъ!

Однимъ прыжкомъ отскочила Гульда отъ окна; таксы за ней.

Развѣ изъ комнаты замѣтили непрошенныхъ зрителей? Развѣ кто-нибудь прошелъ мимо? Нѣтъ. Тѣмъ не менѣе ребенокъ убѣжалъ.

Она пробиралась дальше. Она проскользнула черезъ ворота рѣшетчатой ограды, остававшіяся открытыми всю ночь. Она заглядывала во всѣ окна, но нигдѣ уже не задерживалась такъ долго.

У Шелльнаковъ старый дѣдушка сидѣлъ на своемъ дѣдовскомъ креслѣ, его кашель слышался на улицѣ. У него водянка. Ну, они обрадуются, когда старикъ отправится на тотъ свѣтъ, съ нимъ слишкомъ много заботъ.

У Ганемановъ дома была только жена; она сидѣла и вязала.

Господи, сколько ей приходилось всегда ждать, пока мужъ придетъ домой!

У Кикебуша было, какъ всегда, много народа. Тамъ уже играли въ кегли! Шумъ, смѣхъ. Взрывы хохота! „Всѣ девять!“ Ага, это Ганеманъ, онъ сегодня выпилъ—сегодня Ганеманша прождетъ своего мужа еще дольше обыкновеннаго!

Туда и сюда, съ одной стороны деревенской улицы на другую перебѣгалъ ребенокъ. Ночная тишина; слышенъ малѣйшій звукъ. Въ Темпльгофѣ не было еще газоваго освѣщенія, керосиновые фонари горѣли скудно, луна тоже спряталась. Но глаза ребенка, привыкшіе къ темнотѣ, видѣли все. Видѣли, какъ два мальчика дернули за звонокъ у доктора Шмита и поспѣшно скрылись; видѣли, какъ появлялись тѣни подъ липами, обнимались и скрывались по направленію къ амбарамъ. Лукавая улыбка пробѣгала по губамъ ребенка: га, га, парочки! Она кралась за ними, маленькая и сѣрая, какъ любопытный гномъ: что они тамъ дѣлали? Только когда чье-нибудь особенно тонкое ухо подмѣчало зловѣщій шумъ, когда парень съ проклятіемъ оборачивался или дѣвушка испуганно шептала: „кажется, кто-то идетъ?“, она убѣгала.

Парочки исчезали подъ прикрытіе амбаровъ; сколько Гульда ни ждала, они не возвращались. Тогда она шла дальше. Передъ новой виллой она остановилась. Въ *эти* окна она не могла заглянуть. Они были слишкомъ высоко отъ земли, и запертая на ключъ рѣшетка отдѣляла домъ отъ улицы; но она все же остановилась.

А, это играла англичанка! Какъ она хорошо играла! Потокъ аккордовъ вырвался наружу, точно жемчугъ переливался, а потомъ опять тихо и нѣжно.

Глаза ребенка стали большими, изумленно раскрылись, восторженная улыбка сдѣлала вдругъ старческое личико дѣтски-радостнымъ и красивымъ. Тихонько покачивая головой въ тактъ музыкѣ, слушала Гульда съ наслажденіемъ. Она не могла оторваться. И если бы теперь пришли люди, она не убѣжала бы въ испугѣ, какъ всегда. Дѣвочка слушала какъ звѣрокъ,—какъ звѣрокъ, котораго волшебная мелодія извлекла изъ его потайного уголка и который забылъ про всякую опасность. Мѣсяцъ выплылъ изъ облаковъ. Онъ освѣщалъ полнымъ свѣтомъ маленькую фигурку на улицѣ.

Вѣтеръ пересталъ шелестѣть на кустахъ сирени въ садикахъ и на большихъ липахъ среди улицы. Луна и вѣтеръ тоже слушали! Ребенокъ кивалъ головой. Таксы, проявлявшія безпокойство, получили грозный пинокъ:

— Слушайте тоже!

Таксы тихонько завизжали и легли къ ногамъ своей хозяйки. Гульда задерживала дыханіе: музыка становилась прекраснѣе и прекраснѣе! Ея глаза становились все больше и больше.—О! Это былъ дрожащій звукъ сожалѣнія — прекрасная музыка вдругъ прекратилась. Какъ она ни ждала, какъ ни прислушивалась тоскливо, ни одного звука болѣе не раздалось. Большія окна оставались освѣщенными, но англичанка перестала играть.

Печальная, разочарованная, отошла Гульда отъ дома къ деревьямъ посреди улицы: все кончено! Она вдругъ отрезвилась. Если бы кто-нибудь ее увидалъ! Она опять робко оглядывалась кругомъ, личико пріобрѣло прежнее старческое, хитрое и высматривающее выраженіе. Она старалась укрыться отъ свѣтлаго луннаго освѣщенія, она пробралась подъ тѣнь липовыхъ стволовъ и вдругъ, вдругъ оказалось, что отсюда все видно. Она поднялась на цыпочки, усмѣхаясь про себя: они поставили заборъ передъ своимъ домомъ и возвели окна высоко надъ землей, но это не мѣшаетъ къ нимъ подсматривать. Отсюда даже было очень удобно.

Тамъ была красивая комната; красные обои, золотой бордюръ, и прямо подъ свѣчами канделябръ у большого рояля, ярко освѣщенная, сидѣла англичанка! Гульда видѣла ее однажды проходящей черезъ улицу, но сегодня она была еще прекраснѣе.

Точно озаренное свѣтомъ сверхъестественное существо явилось передъ нимъ, такъ смотрѣлъ изумленный ребенокъ на молодую женщину. Волосы англичанки были распущены, они блестѣли, какъ золото, ниспадая на свѣтлыя одежды. Развѣ въ Темпльгофѣ кто-нибудь похожъ на это существо? Никто, никто! Однѣ лишь феи въ сказкахъ и ангелы на небѣ были похожи на нее.

Замирая отъ восторга, ребенокъ не спускалъ глазъ съ Этель—теперь, теперь она подняла крылья, ахъ, неужели она улетитъ? Нѣтъ, нѣтъ!

У ногъ молодой женщины сидѣлъ кто-то, прижавшись къ ея платью, похожій на большую собаку. Гульда сначала его не замѣтила; теперь, когда онъ поднялся, она узнала его—это былъ Пауль Ленгникъ. Какъ онъ долженъ быть счастливъ у ногъ свѣтлой женщины! Крылья, бѣлыя, длинныя, поднялися, крылья превратились въ руки—они обвились вокругъ шеи молодого человѣка. Ахъ, это было совсѣмъ не похоже на то, какъ обнимались парочки на улицѣ!

Дрожь все время пробѣгала по тѣлу ребенка. Она могла бы еще долго стоять такъ, съ благоговѣніемъ смотря на яркій свѣтъ, если бы таксы не испустили предостерегающаго ворчанья. Онѣ

встали на заднія лапки и убѣдительно царапали по фартучку своей госпожи. Кто-то идетъ! Быстро присѣла Гульда на корточки. Таксы не издавали теперь ни одного звука, прижимая носы къ землѣ.

Мужская фигура съ сигарой во рту медленно брела подъ липами. Гульда слышала запахъ сигарнаго дыма. Мужчина прошелъ близко около нея—къ счастью, луна опять спряталась. Гульда не могла узнать его. Ей виденъ былъ только красноватый огонекъ сигары. Когда она поднялась, огонь въ большихъ окнахъ новой виллы уже погасъ.

Парень шелъ теперь на той сторонѣ по направленію къ дому Бадековыхъ, и шелъ совершенно увѣренно. Гульда, видѣвшая ночью такъ же остро, какъ днемъ, внимательно слѣдила за нимъ. Что ему тамъ надо? У Бадековыхъ было уже темно. Всѣ спали. Онъ засвисталъ, очень тихо, но особеннымъ свистомъ, и его тотчасъ услышали. Наверху, подъ выдававшейся крышей надстроенной мансарды, засвѣтился огонекъ, кто-то осторожно открылъ окно.

— Кто тамъ?

— Я. Сходи внизъ!

— Сейчасъ иду.

Окно снова закрылось. Служанка? Если бы старуха Бадекова знала! Ближе Гульда не рѣшалась подойти; ей очень хотѣлось посмотрѣть, кто былъ этотъ мужчина, но мѣсяцъ давалъ неясный свѣтъ, въ концѣ-концовъ ее могутъ увидѣть, схватить и поколотить. Жаль, жаль! Ей пришлось удовольствоваться тѣмъ, что можно было разглядѣть издали: тихонько открылась дверь Бадековыхъ, оттуда выскользнула служанка и не закрыла сначала дверь, а прямо привѣсилась къ рукѣ поджидавшаго мужчины и ушла съ нимъ. Оба быстро исчезли за старымъ сѣноваломъ.

Совка жалобно закричала. Летучія мыши свистѣли. Что-то перебѣжало черезъ дорогу. Люди попрятались, встали ночные звѣри.

Одинокій ребенокъ привыкъ къ нимъ; онъ часто науськивалъ своихъ таксъ на крысъ, выбѣгавшихъ изъ застоявшагося стока стараго крѣпостного вала, изъ свиныхъ хлѣвовъ и деревенскихъ хлѣбныхъ овиновъ. Но сегодня дѣвочкой овладѣлъ страхъ. Ночь была холодная! Дрожь пробирала ее до костей.

Гульда сняла свой фартучекъ и надѣла его на голову; юбочку она подняла и закрылась такъ, что виднѣлся только кончикъ носа. Но ей не становилось теплѣе. Ахъ, кабы она была уже дома въ кровати. Въ кровати тепло. И если закрыть глаза, можно не видѣть, какъ „она“ смотрѣла. Не спохватился ли кто-нибудь дома? Такъ поздно она еще никогда не оставалась на улицѣ. Что,

если ее уже искали? О нѣтъ, ни одинъ человѣкъ не замѣтилъ, какъ она ушла. Всѣ были въ пивной; если мачеха не отправилась уже въ свою спальню, то она тоже заходила вечеромъ туда. И теперь тамъ, вѣроятно, сидѣли посѣтители.

Гульда тихо стояла у отцовскаго дома. Часы на башнѣ пробили одиннадцать! Гулко раздавался ихъ голосъ. Было страшно стоять одной. Теперь приближался часъ привидѣній. Ей разсказывала Лиза, что одинъ орденскій рыцарь, изъ числа владѣльцевъ Темпльгофа, купившій себѣ однажды для своей услады молодую дѣвушку изъ Берлина у ея родителей, приходилъ сюда въ полночь. Правда ли это? Его сожгли на Темпльгофской горѣ, но его духъ приходилъ наводить ужасъ и хрюкать, какъ свинья.

Но это было уже такъ давно! И Лиза глупая дѣвушка изъ маленькой деревни. Такихъ вещей Гульда не боялась! Она сжала маленькій кулачокъ. А вдругъ старая Ленгникъ пойдетъ съ огнемъ кругомъ дома. Здѣсь она сидѣла передъ своимъ домомъ, держа на колѣняхъ горшочекъ съ косточками своего мужа.

Гульда бросила робкій взглядъ назадъ, откуда она пришла: ничего, никого! Въ тишинѣ тянулась слабо освѣщенная деревенская улица, такъ спокойно было на улицѣ, точно никогда ни одна нога злодѣя не ступала здѣсь. Все дышало миромъ. Но ребенокъ, лишенный крова, со страхомъ смотрѣлъ въ окна пивной, ставни которой были уже закрыты. Лишь въ вырѣзныхъ отверстіяхъ мерцалъ свѣтъ; голосовъ не было слышно. Кто знаетъ, можетъ быть отецъ сидитъ одинъ, а *она* уже давно въ постели? Если потихоньку отодвинуть задвижку двери, можно проскользнуть неслышно!

Осторожно нащупывали руки Гульды, она пробовала открыть—дверь не поддавалась—о ужасъ, заперто! Вздохъ сорвался съ ея губъ. Она была очень утомлена. И такъ холодно. Она ощупывала свои ледяныя щечки и ручки. И ноги были тоже какъ ледъ.

Таксы тихо визжали, прижимаясь къ ней. Имъ тоже хотѣлось въ тепло. Голодъ чувствовали всѣ трое. Дѣвочкѣ, собственно говоря, не хотѣлось ѣсть, несмотря на ноющее чувство здѣсь, здѣсь! Гульда прижала руки къ груди.

Что дѣлать? Обыкновенно дверь всегда была открыта; правда, такъ поздно, какъ сегодня, она никогда еще не возвращалась. Оставалось только рѣшиться постучать въ ставни пивной.

Ея пальчики скрючились, она вытянула руку и постучала. Слишкомъ тихо. Никто не шевельнулся внутри, никто не подошелъ къ окну и не спросилъ: „кто тамъ?“ Она постучала еще разъ и еще разъ—теперь уже сильнѣе—но все напрасно. Ей придется

позвонить. Ахъ, позвонить, позвонить? О, ужасъ! Тогда *она* спустится по лѣстницѣ, тогда она разсердится, она скажетъ только: „Это ты?“ и ея глаза—ухъ!

— Страшно, страшно!—ребенокъ застоналъ. Подавленная ужасомъ, дѣвочка свернулась въ комочекъ, но сейчасъ же быстро вскочила: дальше, дальше куда-нибудь, только чтобы *она* не сердилась еще больше!

Опять торопливо бѣжала Гульда черезъ улицу и, какъ прежде, остановилась сначала у Литцовыхъ, чтобы посмотрѣть къ нимъ. Можетъ быть—тамъ тоже были дѣти—дядя Готфридъ добрый, его жена тоже, лѣтомъ они часто давали ей вишни и однажды позволили даже собирать клубнику въ большомъ саду, можетъ быть?...

Ребенокъ самъ не зналъ, на что надѣяться. Смутное ощущеніе гнало его туда, гдѣ жили люди, которые были добры. Но и здѣсь ставни закрыты, сквозь щели нигдѣ не видно свѣта лампы. Литцовы уже спали. Что дѣлать, что дѣлать?

Холодный ночной вѣтеръ гнѣвно пробѣжалъ съ открытаго поля по деревенской улицѣ и поднялъ платье ребенка. Она дрожала, вся иззябшая. Точно ища защиты, она прижалась къ стѣнамъ дома, нагнулась подъ окномъ и сѣла тамъ на корточкахъ. О, какъ ужасно, какъ темно, какъ холодно и страшно! Привидѣнія, надъ которыми Гульда прежде смѣялась, теперь казались ей существующими. Ночь, когда она всегда такъ охотно гуляла, вдругъ разнравилась ей.

Таксамъ тоже не нравилось; нетерпѣливо просовывали онѣ мордочки подъ защиту платья и тыкались холодными, сырыми носами въ голыя руки ребенка. Гульда испустила пронзительный крикъ. Кто ее схватилъ! Она испугалась до смерти. Почти теряя сознаніе, она закрыла глаза. Таксы завыли. Тогда Готфридъ Литцовъ пріотворилъ окно спальни, выходящей рядомъ съ столовой на улицу: кто тамъ кричитъ?

— Вѣрно, пьяный. Когда же ты, наконецъ, ляжешь!

Фрау Лена сердилась. Она только что погрузилась въ свой первый сонъ.

Но мужъ покачалъ головой. Въ жизни онъ не слышалъ, чтобы такъ кричали пьяные. Онъ прислушивался, до него донесся визгливый плачъ. Быстро открылъ онъ всю ставню. На землѣ подъ окномъ виднѣлось что-то темное.

— Чортъ возьми, кто тамъ?

Таксы вскочили и залаяли, онъ узналъ дочь своего брата.

— Гульда?

Готфридъ надѣлъ штаны и босикомъ побѣжалъ къ дверямъ. Когда онъ открылъ ихъ, первыми вбѣжали, обнюхивая кругомъ, таксы, медленно слѣдовала за ними дѣвочка. Она боялась. Но дядя былъ ласковъ, онъ взялъ ее за руку и повелъ въ спальню, гдѣ фрау Лена сидѣла на краю постели и натягивала чулки.

— Какъ попала сюда эта крошка, среди ночи? Что она дѣлала на улицѣ? Боже милосердный, она совсѣмъ замерзла!

Движимая материнскимъ инстинктомъ. Лена натирала озябшія руки ребенка. Потомъ схватила ее—разъ, два, три—и уложила въ свою теплую постель.

Серьезно смотрѣлъ Готфридъ на Лену.

— Не говорилъ ли я тебѣ раньше, тамъ, напротивъ, неблагополучно!

Больше онъ ничего не сказалъ. Онъ и не разспрашивалъ ребенка, между тѣмъ какъ Лена терялась въ догадкахъ.

— Нѣтъ, ты скажи, Гульдочка, какъ ты сюда попала?

Но Гульда ничего не отвѣчала. Дрожа отъ ужаса, она лежала въ теплой постели, не обращая даже вниманія на своихъ таксъ, которыя прыгнули на одѣяло и выказывали стремленіе лизнуть ее въ лицо.

Готфридъ одѣвался.

— Негоже оставлять ребенка здѣсь, дома могутъ ее искать. Дай платокъ, Лена, я снесу ее туда!

— Ахъ, Боже мой, бѣдное дитя, бѣдная малютка!

Лена чуть не плакала. Она принесла свой толстый шерстяной платокъ и крѣпко завернула въ него Гульду.

Дѣвочка безвольно повиновалась. Она не говорила ни слова и молча дала перенести себя черезъ улицу. Только когда Готфридъ крѣпко дернулъ колокольчикъ у дома Карла Литцова и таксы громко заворчали, давая знать о своемъ приходѣ, она прижала свое маленькое личико къ дядиной шеѣ: *„она, она!“*

Онъ чувствовалъ ея дрожь. Онъ еще разъ дернулъ звонокъ, звонко раздавшійся по всему дому. Заскрипѣла дверь, медленные, трясущіеся шаги послышались внутри.

— Это я, Готфридъ! Карлъ, отвори скорѣй!

Готфридъ нетерпѣливо колотилъ кулакомъ.

Дверь, наконецъ, открылась; ее отперъ Карлъ, который сидѣлъ еще одиноко за своимъ стаканомъ. Тусклый свѣтъ падалъ изъ пивной.

Готфридъ быстро вошелъ и поставилъ свою завернутую ношу на ближайшій столъ:

— Вотъ, я принесъ ее тебѣ!

— Она всегда убѣгаетъ,—проворчалъ Карлъ.

Онъ не былъ изумленъ. Время прошло для него незамѣтно, онъ задремалъ надъ своимъ стаканомъ и не имѣлъ понятія, который теперь часъ.

— Полночь почти! Карлъ, братъ, о чемъ ты думаешь, развѣ можно оставлять ребенка такъ поздно на улицѣ?

— Я думалъ, она спитъ!

Карлъ пожалъ плечами.

— Такъ мало заботиться о своемъ ребенкѣ!—Готфридъ былъ возмущенъ, живо сознавая несправедливость, которая здѣсь совершалась, онъ кипѣлъ отъ злобы и кричалъ на брата:—Стыдиться долженъ ты до самой души! Сидишь здѣсь и пьянствуешь! Ровно ничего не дѣлаешь и даже не имѣешь времени позаботиться о самомъ необходимомъ! Ты жалкій, дрянной...

— Ст—не такъ громко!—Карлъ пошелъ и тихонько заперъ на ключъ открытую въ комнаты дверь.—Чтобы она не слышала! Маршъ!—глухимъ голосомъ заворчалъ онъ на дѣвочку.—Въ кровать!

Но Готфридъ положилъ руку на голову ребенка. Гульда соскользнула со стола, она стояла на запачканномъ пескомъ грязномъ полу. Въ мерцавшемъ свѣтѣ висячей лампы выдѣлялась ея ужасающая блѣдность. Вдругъ ея лицо стало мертвеннымъ. Наверху стукнула дверь, послышались шаги на скрипучей лѣстницѣ.

— *Она!*

Отецъ тоже вздрогнулъ.

Шаги приблизились, дверь кто-то дернулъ. Ида Литцова въ ночной кофтѣ, въ короткой нижней юбкѣ, съ лицомъ опухшимъ отъ гнѣва, съ грозными глазами, стояла на порогѣ.

— Бродяжка! Если ты еще разъ придешь такъ поздно, такъ входи, по крайней мѣрѣ, тихо, этого я требую!

Со стукомъ захлопнула она за собой дверь. Черезъ нѣсколько минутъ такъ же задребезжала дверь наверху.

Ничего не понимая, смотрѣлъ Готфридъ на брата: и это все!

Карлъ вздохнулъ, онъ мгновенно протрезвился.

— Да, она всегда такъ. Но она не злая. Это ужъ у нея такая отрывистая манера!

— Ну, благодарю покорно!—Готфридъ почесалъ затылокъ. Въ эту минуту ему стало ясно, почему ребенокъ былъ такъ запуганъ и почему Карлъ пилъ.—Ты пьянствуешь,—печально сказалъ онъ, посмотрѣвъ на брата. Что сталось съ этимъ когда-то красивымъ человѣкомъ. Лицо одутловатое, глаза заплывшіе, носъ красный, цвѣтъ лица мѣдный, а голосъ звучалъ сдавленно, точно

исходилъ изъ слишкомъ узкаго горла.—Ты гибнешь, Карлъ!—Готфридъ схватилъ за руку брата, который тяжело опустился на свое старое мѣсто за бутылкой водки.—Скажи, ты несчастливъ съ ней?

Карлъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ. Мы не деремся. Но видишь ли,—онъ вдругъ заплакалъ, его хриплый голосъ прерывался,—она о-очень красивая женщина, чу-чу-чудо какая красивая, она нравилась мнѣ, она—нравится мнѣ и теперь, но я хо-хотѣлъ бы, чтобы она была тамъ,—куда Макаръ телятъ не гонялъ. Я, я, чортъ возьми, почему я не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ ты—сиволапымъ мужикомъ?

Онъ громко разсмѣялся и тутъ же заплакалъ. Въ его лицѣ было что-то страшное.

Широко открытыми глазами смотрѣла на него дочь.

— Карлъ, Карлъ,—пытался ободрить его братъ. Готфридъ самъ не зналъ, что сказать дальше; онъ, дѣйствительно, не видѣлъ здѣсь исхода.

— Лучше было бы, если бы она ушла,—сказалъ вдругъ тоненькій голосокъ.

Оба мужчины съ изумленіемъ посмотрѣли на дѣвочку. Она стояла посреди комнаты, ея черные глаза, хитрые и быстрые, какъ у мышки, бѣгали кругомъ; они сверкали.

— Насъ она терпѣть не можетъ!

— Что, что?—Карлъ Литцовъ поднялъ на нее свои заплывшіе глаза, они вылѣзали изъ орбитъ. Вдругъ онъ гнѣвно зарычалъ:—Проклятая вѣдьма! Что ты несешь?

— Тс!—Готфридъ закрылъ рукой ротъ ребенка,—ты не должна говорить того, чего нѣтъ! Почему же мать можетъ васъ ненавидѣть?

— Но это правда!—Гульда выскользнула изъ-подъ его руки. Она шмыгнула въ уголокъ между печкой и стѣной. Оттуда она выглядывала, упрямая и испуганная:—мы стоимъ ей поперекъ дороги!

— Проклятая вѣдьма, откуда ты это знаешь!

Но она покачала головкой.

— Я ничего не скажу!

И, дѣйствительно, отъ нея ничего нельзя было добиться. Какъ запуганный мышенокъ, запряталась она въ своемъ уголкѣ. Готфридъ, вздыхая, направился къ выходу: здѣсь нельзя было долго выдержать.

— Карлъ,—сказалъ онъ, не доходя до двери погруженному въ мрачную задумчивость брату и положилъ ему руку на плечо,—

уложи Гульду въ постель, она будетъ бояться итти одна наверхъ. И дай ребенку глотнуть чего-нибудь теплаго. Она ужасно иззябла!

. . . . . .

Отецъ и дочь остались одни, оба безмолвные. Безмолвна была и ночь. Безмолвенъ домъ. Вдругъ погасла лампа, выгорѣлъ керосинъ.

— Поди сюда,—хрипло сказалъ отецъ и протянулъ руку въ темнотѣ; ребенокъ былъ уже у его колѣнъ. Она привыкла къ темнотѣ и беззвучно подошла къ нему. Онъ посадилъ ее на колѣни. Онъ почувствовалъ ея холодныя, какъ ледъ, ручки и ножки.— На, пей, маленькій лягушонокъ, согрѣйся,—сказалъ онъ съ состраданіемъ, поднося свой стаканъ къ губамъ ребенка.

Дѣвочка пила изъ стакана.

Перев. **Ф. Ельяшевичъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧЕРТЫХАНЕЦЪ.

Разсказъ.

I.

Старый версеневскій домъ у всякаго на языкѣ. Крутоврагъ—мѣсто нечистое.

Много любопытнаго и, конечно, страшнаго разсказывалось о домѣ.

Самъ Сергѣй Сергѣевичъ Версеневъ не изъ краснорѣчивыхъ, ну, да его дѣло—сторона, но Елизавета Николаевна и дѣти—гимназистъ Горикъ и гимназистка Буба—поговорить о старинѣ любили и съ удовольствіемъ, какъ въ кухнѣ за чаемъ любила потолковать нянька Соломовна, поваръ Прокофій Константиновичъ и лакей Зиновій, только шопотомъ.

Въ саду у песчаной горки, сложенной въ крѣпостное время дѣтьми и стариками, показывали тинистый прудикъ, и въ самую лютую зиму замерзавшій только по краямъ вокругъ студенаго быстраго ключа, и притомъ, какъ увѣряли, вовсе бездонный.

По ночамъ изъ прудика будто бы выѣзжала тройка и, завернувъ по липовой аллеѣ, безшумно подкатывала прямо къ балкоку: выходилъ сѣдой старый старикъ—дѣдъ Версенева, подымался на балконъ и, прогуливаясь, нюхалъ цвѣты или, нанюхавшись цвѣтовъ, проникалъ черезъ залу въ подвалы и опять на тройкѣ возвращался въ свой бездонный прудикъ.

Подъ домомъ замѣчательны были два сводчатыхъ каменныхъ подвала: большой пустовавшій и маленькій, въ которомъ стояли вина. Изъ пустого подвала, гдѣ когда-то наказывали провинившихся крѣпостныхъ, слышались по ночамъ стоны, а въ маленькомъ, хранившемъ въ старое время версеневскія сокровища, звенѣло что-то, какъ звенитъ пересчитываемое золото.

Въ домѣ въ первую голову водили на верхъ въ угловую ком-

нату, изъ окна которой видна была дорога. Въ этой комнатѣ въ гардеробахъ висѣли старинныя платья и стояла затѣйливая обувь—бабушкины наряды.

Говорили, что мать Сергѣя Сергѣевича, Ѳедосья Алексѣевна, покинутая мужемъ своимъ въ Крутоврагѣ, дни и ночи сидѣла у окна, и умерла такъ у окна, глядя на дорогу, понапрасну проглядѣвъ глаза.

Печально было въ свѣтлой печальной комнатѣ и жутко, жутче и пустѣе, чѣмъ въ большомъ подвалѣ, стѣны котораго испещрены были бурыми крапинками отъ брызгъ крови. И по сосѣдству съ комнатою Ѳедосьи Алексѣевны никто не жилъ, а сложены были игрушки.

Хорами, раздѣлявшими домъ на двѣ половины, слѣдовали внизъ и черезъ просторную прихожую попадали въ высокую, въ два свѣта, залу съ высокими узкими зеркалами между балконныхъ оконъ.

Зеркала, отражавшія люстру, навязчиво провожали своимъ тяжелымъ зеркальнымъ взглядомъ.

Направо шли внутренніе покои, заканчивавшіеся пристроенной кухней, налѣво—парадныя комнаты.

Въ гостиной подъ фамильными портретами стояли ломберные столики, знававшіе на своемъ вѣку большія азартныя ночи.

У столиковъ ночью, такъ разсказывали очевидцы, появлялся отецъ Сергѣя Сергѣевича, Сергѣй Петровичъ, отчаянный игрокъ, спустившій за границей огромное состояніе своей покинутой жены; онъ бродилъ отъ столика къ столику, приподнималъ половинку и шарилъ подъ сукномъ, надѣясь, должно быть, найти какой-нибудь завалившійся случайный золотой.

Изъ гостиной водили показывать библіотеку и кабинетъ.

Тутъ въ кабинетѣ, у шкапа съ темнымъ астрономическимъ глобусомъ, забившись въ уголъ, умеръ Сергѣй Петровичъ, видѣвшій передъ смертью самыхъ *настоящихъ чертей*, т.-е. безъ рожекъ и хвостиковъ.

И хотя зналъ объ этомъ одинъ Сергѣй Сергѣевичъ—одного лишь сына допустилъ къ себѣ отецъ передъ смертью,—но разсказъ о настоящихъ версеневскихъ чертяхъ—безъ рожекъ и хвостиковъ—можно было услышать по всему Крутоврагу, во всѣхъ уголкахъ, отъ всѣхъ *животныхъ*, начиная съ глухого огороднаго дѣда Гордѣя и кончая крутовражской всемогущей швеей, Анной Ѳедоровной Рафаэль. Животными звалъ покойникъ Сергѣй Петровичъ всѣхъ безъ исключенія простыхъ, незнатныхъ людей.

Осмотрѣвъ парадныя комнаты и внутренніе покои правой по-

ловины, раздѣленные широкимъ темнымъ коридоромъ, заглянувъ въ оба подвала, гости приглашались въ столовую, гдѣ еще въ недавнее время лилось разливанное вино, какъ недавно еще въ гостиной сыпалось звонкое золото.

Въ длинной и низкой столовой заканчивались версеневскіе разговоры и всякія воспоминанія.

Много еще любопытнаго и, конечно, страшнаго разсказывалось о домѣ.

И оттого долго такъ по комнатамъ горѣли свѣчи, не тушились, а ночной трескъ паркета далеко отгонялъ отъ дома всякій сонъ.

Бѣлыя колонны, тяжелыя, какъ слоньи ноги, поддерживали звенящую подъ вѣтромъ крѣпкую кровлю и однѣ, казалось, и день и ночь, только однѣ спокойно дремали, не смущаясь ни разсказами, ни ночнымъ комнатнымъ страхомъ, ни летучими мышами, влипавшими въ нихъ, какъ мухи въ няньку Соломовну, да старыя деревья—тополи, переросшіе домъ, все шумѣли и въ ясный день, какъ и въ пасмурный.

Двери версеневскаго дома настежь: входи, кто хочетъ и когда хочешь. У Версеневыхъ постоянно гости, круглый годъ—именины.

Родственники и знакомые, сосѣди и изъ города частенько наѣзжали въ Крутоврагъ и, какъ въ дѣдовскія времена, не въ одиночку и не парами, а всѣмъ домомъ—*съ фамиліей*.

Версеневы и въ самые раздорные дни умѣли какъ-то со всѣми ладить и всѣмъ были рады.

Весело, должно быть, бывало въ Крутоврагѣ.

Да и почему бы не быть въ Крутоврагѣ весело? Не все же ночь съ ея страхами, есть и день. Да и что ночь, будь она и версеневская со всѣмъ своимъ глупымъ страхомъ?

Елизавета Николаевна, сама такая мастерица на всякія развлеченія и первая во всемъ коноводница, дѣтей ни въ чемъ не стѣсняла, давая имъ полную волю.

У Горика и Бубы много было сверстниковъ: у Горика гимназисты, у Бубы гимназистки. Устраивались спектакли, ставились шарады, живыя картины, постоянно фейерверки, пикники, всевозможныя катанья и въ экипажахъ, и верхами, и на лодкахъ.

Какой ужъ тутъ страхъ и какъ не быть весело!

Недоставало только аэроплана, о которомъ у Версеневыхъ мечтали, какъ въ былыя времена мечтали въ гимназіяхъ все о той же всегдашней Америкѣ—бѣжать въ Америку. А попади такой аэропланъ въ Крутоврагъ—и конецъ: залетѣли бы Версеневы

за такія облака, въ такія темныя тучи, откуда одна дорога—внизъ головою.

Съ жаромъ и страстью предпринимались развлеченія и начиналась всякая игра, и черезчуръ ужъ страстно и до смѣшного серьезно, какъ какое-то рѣшительное дѣло жизни, безъ котораго конецъ—ни стать, ни сѣсть, одна дорога—внизъ головою.

Взрослые, заражаясь веселостью, приставали къ дѣтямъ. И версеневскіе неугомонные дни превращались въ забаву.

Весело, должно быть, бывало въ Крутоврагѣ.

Устройство развлеченій обходилось дорого,—оно требовало и большихъ расходовъ, и заботъ, и не мало рукъ. Случались недоразумѣнія. Но какое же разумное дѣло безъ недоразумѣній!

Эдуардъ садовникъ, выписанный въ Крутоврагъ чуть ли не прямо изъ Риги, работящій, философъ и большой искусникъ, одно лѣто вмѣсто прямого своего дѣла—ходить за цвѣтами и удивлять искусствомъ—пускалъ по вечерамъ ракеты. Пускать ракеты наловчился, а цвѣты погибли, и какіе цвѣты!

Да мало ли еще случаевъ—развлеченія не дешево давались.

Рѣдкій вечеръ не проходилъ безъ пожара.

За послѣдніе годы такъ часто горѣло, что даже звѣзды—крутовражскія тусклыя звѣздочки, пугливо поблескивавшія надъ версеневскимъ домомъ, не пугались вздувавшагося краснаго зарева. Кругомъ по деревнямъ то и дѣло жгли. И винили не столько оплошность, сколько поджогъ: всякій народъ—экономіи богатыя.

Казалось бы, слѣдовало быть поосторожнѣе—долго ли тутъ до грѣха!—а между тѣмъ первое удовольствіе, первое версеневское развлеченіе—жечь.

Ракеты, фейерверки, костры: въ лѣсу пекли картошку и такъ раскладывали костры—въ лѣтнія ночи до зари не потухали костры,—въ саду непремѣнно фейерверки и опять костры. Безъ этого добра игра не въ игру, вечеръ не въ вечеръ,—объ ужинѣ забудутъ, но о какой-нибудь чадящей на весь садъ и далеко кругомъ распыхивающей искры *персидской молніи*... о молніи—никогда.

Версеневы жгли, гдѣ только можно, и когда совсѣмъ нельзя, жгли, что попало.

И въ такой опасной игрѣ Елизавета Николаевна не только потворствовала и потакала дѣтямъ, но сама подавала первую мысль и была всему главной зачинщицей. Всѣ опасныя затѣи выходили у ней съ какою-то ребяческой плутоватостью, словно была она не мать, а сестра Бубѣ, и, ни въ чемъ не уступая дѣ-

тямъ, она все дѣлала съ тѣмъ же сумасброднымъ жаромъ и страстью, до смѣшного серьезно.

Непосѣдливая и безпокойная—лѣтомъ театры и эти костры, зимою всякіе званые вечера и разъѣзды по сосѣдямъ,—Елизавета Николаевна производила впечатлѣніе человѣка крайне легкомысленнаго.

И что же? Оказывается, все это дѣлалось для дѣтей, и всѣ огромные расходы,—все для дѣтей.

Искренно и съ убѣжденіемъ говорила Версенева о своихъ обязанностяхъ и съ такимъ правомъ, что вся плутоватость ея, сшитая на первыхъ порахъ бѣлыми нитками, вдругъ куда-то пряталась въ ея испуганныхъ глазахъ.

Сосѣдскія пріятельницы, обладавшія необыкновеннымъ даромъ разсказывать о всякихъ пустякахъ и съ точностью въ самыхъ пустяковскихъ подробностяхъ, уѣздныя знаменитости по пересудамъ и ссорамъ, съ искусствомъ безобидныхъ блохъ запрыгивающія въ самые потайные уголки, и тѣ не могли никакъ подковырнуться, и никакого романа не выходило.

Дѣти здоровьемъ не отличались и, по существу своему замкнутые, пожалуй, и совсѣмъ захирѣли бы,—это она дѣтей разбойниками сдѣлала, сама первая разбойница, это отъ нея такъ весело въ Крутоврагѣ и уѣзжать не хочется. И затѣи безъ нея не затѣялись бы, и костры всѣ погасли,—все ея рукъ дѣло, маленькихъ, проворныхъ и такихъ цѣпкихъ...

Нельзя сказать, чтобы Сергѣй Сергѣевичъ былъ негостепріименъ, напротивъ, радушенъ и ласковъ и бывалъ радъ всякому гостю, и какими душистыми сигарами угощалъ онъ гаванскими—и бразильскаго листа и мексиканскаго! Но ужъ такъ пошло и, казалось, иначе и не могло быть—гости, охотно посѣщая версеневскій домъ, избѣгали хозяина.

И секретъ очень простъ: съ Версеневымъ бывало невыносимо скучно.

А такъ ничего, ни съ виду, ни въ манерахъ, ни въ привычкахъ Сергѣй Сергѣевичъ не представлялъ ничего страннаго и дикаго,—человѣкъ, какъ человѣкъ, ну, совсѣмъ, какъ всѣ, и даже посапывалъ по-настоящему, развѣ чуть погуще крутовражскаго предводителя Турбеева, но и чуть потише отставного генерала Бѣлоярова. И одѣвался онъ щегольски, ничѣмъ не хуже земскаго начальника Пусторослева, прославившагося безпримѣрной забывчивостью какъ въ дѣлахъ частныхъ, такъ и въ служебныхъ. Ну, чего же еще? И притомъ всегда готовный и всегда предупредительный, и тѣ же гаванскія сигары, и всетаки остаться на ми-

нуту съ глаза на глазъ съ Версеневымъ... да лучше просидѣть лишнія сутки на какой-нибудь заброшенной станціи, чѣмъ остаться съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ хоть на минуту.

Прервавъ на полусловѣ собесѣдника, Сергѣй Сергѣевичъ начиналъ морщиться, стараясь не то припомнить что-то, не то подыскивая слово какое-то пояснѣе обыкновенныхъ ходовыхъ словъ, а гдѣ-то въ горлѣ принималось пищать что-то. И такъ продержавъ опарашеннаго собесѣдника въ напряженнѣйшемъ ожиданіи, вдругъ махалъ рукою, сопровождая досадливость свою и безсиліе единственнымъ однимъ излюбленнымъ словомъ:

— Чортъ.

— Чортъ!—во всѣ часы и днемъ, и ночью повторялось безъ конца и въ домѣ, и въ саду, и въ лѣсу, и на полѣ, и на рѣчкѣ, всюду, гдѣ только ни появлялся Версеневъ.

А Версеневъ, не отставая отъ веселой компаніи—его постоянно тянуло на́ люди, гдѣ пошумнѣе, посапывая, всюду слѣдовалъ, какъ тѣнь. И затертый, оставаясь въ тѣни, ужъ самъ съ собою повторялъ онъ подъ музыку, подъ танцы, подъ смѣхъ и крики, подъ трескъ костровъ, подъ разсыпающіяся ракеты свое единственное, все покрывающее—и досаду и безсиліе—одно черное слово:

— Чортъ.

И ужъ такъ всѣ обвыкли, такъ прислушались къ версеневскому *чорту*, что и замѣчать перестали.

Одна нянька Соломовна—Ефимія Авессаломовна, вынянчившая Сергѣя Сергѣевича, открещивалась да головою покачивала.

А въ кухнѣ либо въ дѣвичьей, обсуждая господскія дѣла, пеняла нянька не на расходы, не на расточительность версеневскую, не на хозяйскій глазъ—ужъ какой тутъ глазъ!—а тому пеняла нянька, что *чортъ* на языкѣ постоянно у барина.

Извѣстно, это всѣмъ извѣстно отъ той же Соломовны, чѣмъ все такое кончается.

— Чорта помянешь въ недобрую пору, пройдетъ онъ чернымъ вихремъ, подхватитъ человѣка и пропадетъ человѣкъ въ этомъ вихрѣ!—твердила нянька, крестя ротъ да покачивая головою.

И всѣ были въ согласіи съ нянькой, особенно если дѣло шло къ ночи, никто не противорѣчилъ. И самъ поваръ Прокофій Константиновичъ не насмѣшничалъ, зря не говорилъ кучеръ Антонъ, заодно были и всѣ три горничныхъ—Харитина, Устя и Саня, а съ ними и прачка Матрена Симановна и плотникъ Терентій, помалкивалъ и лохматый, ни въ какую сверхъестественную силу не вѣрующій кузнецъ, по прозвищу Индюкъ, самъ ровно колдунъ или Богъ знаетъ что, не усмѣхался и молчаливый Зиновій, не

зубоскалилъ и помощникъ Зиновія, казачокъ Петръ, до трепета вѣрующій только въ сома, только въ страшнаго съ усами сома, который съѣлъ телку и въ двѣнадцать лѣтъ разъ изъ рѣчки показывается,—не дай Богъ увидѣть.

— Такъ-то,—говорила Соломовна,—вотъ у покойника барина Сергѣя Петровича всѣ у него подъ одну кличку шли: „Животное, скажетъ, поди сюда!“ И даже самого батюшку животнымъ звалъ. Грѣхъ великій, да все не такой.

А Сергѣй Сергѣевичъ, измызганный среди своихъ, незамѣтно появлялся въ кухнѣ или въ дѣвичьей и, посапывая, останавливался.

Перепуганные вскакивали слуги, ожидая приказаній, готовые на всякую хозяйскую встряску.

Сергѣй Сергѣевичъ не двигался и, въ упоръ глядя на того же лохматаго Индюка, который самъ ровно колдунъ или Богъ знаетъ что, начиналъ морщиться, стараясь не то припомнить что-то, не то подыскивая слово какое-то пояснѣе обыкновенныхъ ходовыхъ словъ, а гдѣ-то въ горлѣ принималось пищать что-то.

И такъ продержавъ оторопѣвшихъ слугъ въ напряженнѣйшемъ и тягчайшемъ ожиданіи, вдругъ махалъ рукою, сопровождая досадливость свою и безсиліе единственнымъ своимъ излюбленнымъ словомъ:

— Чортъ!

— Чортъ!—отдавалось гдѣ-то и въ коридорѣ, и гдѣ-то подъ печкою, и гдѣ-то въ подвалахъ, и гдѣ-то подъ потолкомъ высоко на черномъ чердакѣ, перебивая музыку, танцы, смѣхъ, крики, разсыпающіяся ракеты и трескъ костровъ.

И на небѣ звѣзды—крутовражскія тусклыя звѣздочки, приглядѣвшіяся и къ красному зареву, какъ-то неспокойно поблескивали надъ версеневскимъ домомъ.

II.

Когда и отчего повелась за Версеневымъ такая дурная привычка чорта поминать, объ этомъ никто не зналъ, потому что никто и не думалъ.

„Если всѣ присказки, поговорки да прибаутки замѣчать да еще и думать о нихъ, то и вѣку твоего не хватитъ, а главное, чего добраго еще и самъ въ нѣчто подобное превратишься и ничего отъ тебя не останется: мало ли какія бываютъ прибаутки! Вотъ предводитель Турбеевъ къ послѣднему пустяковскому слову, а непремѣнно прибавитъ *какъ говорится*, и сходитъ у Турбеева все хорошо и благополучно. А крутовражскій лавочникъ Харинъ,

перенявъ предводительскую манеру, чуть было не разорился. Да и какъ было Харину не разориться? Взять хоть такое въ обиходѣ лавочномъ самое обиходное лавочное выраженіе: „стоитъ это, молъ, столько-то!“—выраженіе ясное и точно опредѣляющее цѣну въ рубляхъ и копейкахъ, у Харина же съ предводительской закваской совсѣмъ не тотъ разговоръ—не „столько-то рублей стоитъ товаръ“, а „какъ говорится, столько-то“... Или: „пришлите, какъ говорится, немедленно“. „Немедленно“—битый дуракъ поймётъ, а „какъ говорится, немедленно“—и не всякому умнику вдомёкъ. Такъ и съ Версеневскимъ *чортомъ:* начнешь вдумываться, разбирать да копаться, тутъ-то и перенимешь, свыкнешься, примешься самъ повторять да и пропадешь. Старуха Соломовна все вѣрно говоритъ—Соломовна крѣпостная, много чего видѣла и слышала не мало, многому научилась изъ терпѣнія своего—слова Соломовны правильныя: *чорта помянешь въ недобрую пору, пройдетъ онъ чернымъ вихремъ, подхватитъ человѣка, и пропадетъ человѣкъ въ этомъ вихрѣ*“.

Такъ размышляли крутовражскіе и некрутовражскіе—всѣ, кому волей-неволей приходилось сталкиваться съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ, и притомъ люди не какіе-нибудь, а начитанные и пытливые—доморощенные археологи и механики.

Такъ размышлялъ крутовражскій батюшка о. Астріозовъ, всюду и вездѣ ищущій, и въ отношеніяхъ и въ поступкахъ, *связующее звено,* и не простое, *желѣзное* звено—связующее.

О другихъ версеневскихъ знакомыхъ говорить не стоитъ и нечего. Мимо ушей пропускали они версеневскаго *чорта,* не придавая ему ни малѣйшаго значенія.

„Ну поминаетъ Версеневъ чорта и пускай себѣ поминаетъ на здоровье! Есть выраженія, обличающія сановитость и надменность—пусторослевское *изволите ли видѣть;* есть и божественное, свойственное людямъ восторженнымъ—*Господи Іисусе,* а бываетъ, что и очень съ положеніемъ люди и знатные, хотя бы тотъ же отставной генералъ Бѣлояровъ, а выражаются совсѣмъ даже по-непечатному и не отъ растерянности, и не отъ того, что врасплохъ застигнуты или въ испугѣ, что возможно со всякимъ и до щепетильности аккуратнымъ и изысканнымъ въ выраженіяхъ, нѣтъ, просто по привычкѣ—такая дурная привычка“.

Такъ размышляли люди безразличные.

Самого Сергѣя Сергѣевича о чортѣ спрашивать не рѣшались. Подтрунивать, конечно, подтрунивали, но чтобы напрямки спросить,—никогда. Неловко же въ самомъ дѣлѣ касаться всякой мелочи.

А самъ Версеневъ лишняго за собою ничего не замѣчалъ.

Вѣдь если бы замѣчалъ онъ, то когда-то-нибудь, ну случаемъ, ну невзначай, да обмолвился бы. А то сроду никогда, ни въ какихъ именинныхъ тостахъ, ни въ какихъ привѣтствіяхъ, всегда заканчивавшихся *чортомъ*.

Безъ чорта ни одной рѣчи, ни одного разговора, ни одной фразы.

Но всетаки, когда же этотъ глупый чортъ къ нему на языкъ попалъ и отчего попалъ?

Одно было ясно: что не только никакого астріозовскаго желѣзнаго связующаго звена не было, но и самаго обыкновеннаго не желѣзнаго—версеневскій *чортъ* висѣлъ въ воздухѣ не выше и не ниже предводительскаго *какъ говорится*, и такъ же не менѣе ясно было, что безъ этого чорта Сергѣй Сергѣевичъ немыслимъ, и отними его отъ Версенева, и очутился бы въ Крутоврагѣ ужъ не Сергѣй Сергѣевичъ Версеневъ, а лицо совсѣмъ постороннее.

Версеневъ помнилъ свою мать.

Ѳедосья Алексѣевна—московская, изъ старозавѣтной купеческой семьи. Долгія всенощныя, раннія обѣдни, бѣсноватые въ Симоновомъ монастырѣ, масленичныя катанья въ Рогожской, красная пасхальная свѣча, кремлевскій звонъ, первомайскіе зеленые Сокольники, тихіе ночные разсказы странниковъ, хожденіе пѣшкомъ къ Троицѣ-Сергію, крестные ходы и отцовскій крѣпкій домашній укладъ,—это ея колыбельная пѣсня, ее вынянчившая, завившая первую косу съ алою ленточкою, вздувшая первый жгучій огонекъ и въ упавшемъ сердцѣ, и въ широко-раскрытыхъ глазахъ, первою скорбью опечалившая ея первую улыбку. Морозовская старая Москва, и вдругъ версеневскій барскій домъ—Крутоврагъ съ бездоннымъ прудикомъ и большимъ сводчатымъ каменнымъ подваломъ, испещреннымъ бурыми крапинками отъ брызгъ крови.

Изъ смутныхъ раннихъ воспоминаній вставала она въ его спутанной памяти. И никогда во всю свою жизнь онъ не могъ забыть мать—у окна наверху въ угловой комнатѣ, у окна по цѣлымъ днямъ и ночамъ. Онъ спалъ въ ея комнатѣ,—всегда и неразлученъ съ нею. И часто, просыпаясь среди ночи, заставалъ ее одну у окна.

А когда подрастать сталъ и узналъ, что есть отецъ у него, какъ и у другихъ дѣтей, но что отецъ его далеко, за границей гдѣ-то, очень далеко за Крутоврагомъ, когда узналъ онъ, что мать ждетъ отца и ночи потому не спитъ, и самъ сталъ ждать отца.

Отъ отца получались письма.

Съ какимъ нетерпѣніемъ бросался мальчикъ къ матери, требуя отъ нея, чтобы вслухъ читала она, что въ письмѣ отецъ пишетъ.

А письма были кратки и всегда одно и то же: сперва о деньгахъ, затѣмъ назначался день пріѣзда въ Крутоврагъ.

И наступалъ день, но отца не было, отецъ не возвращался.

Мать старалась скрыть огорченіе, не плакала, мать сидѣла у окна попрежнему, глядѣла на дорогу попрежнему, но онъ чувствовалъ всѣмъ чуткимъ дѣтскимъ существомъ своимъ ту тяжесть, что лежала у нея на сердцѣ, мучила ее, морозомъ трясла, и, чувствуя, хотѣлъ и не зналъ, какъ помочь, и ужъ самъ плакалъ тихонько и безпричинно.

Возвращеніе отца въ Крутоврагъ стало завѣтною его мечтою.

Своимъ чередомъ приходили письма. Въ письмахъ говорилось о деньгахъ и назначался день пріѣзда. И приходилъ день, а отца все не было.

И вотъ однажды, когда, кажется, послѣднее терпѣніе оставило его и ждать дольше стало невозможнымъ, онъ выбѣжалъ на дорогу и бѣжалъ долго по дорогѣ безъ остановки, безъ передышки и, вдругъ зажмурившись, помчался обратно къ дому.

— Папа ѣдетъ! Папа ѣдетъ!—кричалъ онъ матери и съ такою неподдѣльною и правдивою радостью, такъ увѣренно, такъ настойчиво, что и самъ слышалъ, и мать услышала, какъ далеко по дорогѣ за Крутоврагомъ зазвонилъ колокольчикъ.

И она повѣрила, она бросилась на крыльцо, упала на колѣни и, крѣпко обнявъ сына, крѣпко держалась за него, какъ за свою единственную защиту, какъ за любимаго брата, какъ за вѣрнаго свидѣтеля своихъ горькихъ мукъ, безсонныхъ ночей, горечи и обиды. И ужъ не сдерживая ни смѣха, ни слезъ, не могла она удержать крика, а онъ рвался изъ груди, изъ самаго сердца—отъ всего ея сердца.

Мать и сынъ, они глядѣли на дорогу... И казалось, одни у нихъ были глаза, одними глазами они глядѣли на свѣтъ, глядѣли на дорогу, и вѣрилось имъ, и не вѣрилось. А колокольчикъ далеко звенѣлъ по дорогѣ.

Проѣхали бочки съ дегтемъ, проскрипѣли колеса. Долго застила пыль. Но и пыль укатилась,—улеглась, не пылила дорога.

Лежала дорога до самаго края и кругомъ было пусто, пустынно, не звонилъ колокольчикъ, такъ пустынно и одиноко, только шумѣли деревья въ саду—тополи, все шумѣли.

Съ этого дня началась для мальчика новая жизнь: сталъ онъ съ этого дня играть *въ пріѣздъ папы*.

Такую игру выдумалъ.

Его занимало, какъ мать, заслышавъ голосъ: отецъ ѣдетъ,—вскакивала отъ окна и дрожала, бѣлая, блѣдная такая, безъ единой кровинки, его забавлялъ крикъ ея, становившійся съ каждымъ разомъ все жутче и короче, и какъ замирало ея сердце...

Играя, онъ вѣрилъ, какъ всякій разъ вѣрила ему мать.

Мать и сынъ, они глядѣли на дорогу... И это такъ давно было и такъ недавно вотъ здѣсь на этой землѣ. А какъ тогда въ саду деревья шумѣли—тополи!

„Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ“...

— Чортъ!—только мелькомъ припоминая свои первыя впечатлѣнія, отмахивался Сергѣй Сергѣевичъ.

Она не дождалась отца, померла, такъ и померла у окна, глядя на дорогу.

Вскорѣ послѣ ея смерти вернулся отецъ.

Мальчикъ испугался отца: это былъ совсѣмъ не тотъ *папа*, не *настоящій* папа, о которомъ онъ столько думалъ и такъ нетерпѣливо ждалъ.

Онъ прятался отъ отца, кричалъ по ночамъ и плакалъ.

Отецъ, не отличавшійся сговорчивостью, круто принялся за сына: и строго держалъ его, и наказывалъ,—тутъ и слезы забудешь и уснешь тихо, и перестанешь дичиться.

Осенью свезли его въ городъ и отдали въ корпусъ.

И началась для Версенева другая жизнь и, пожалуй, самая веселая.

Пріѣзжая на каникулы въ Крутоврагъ, онъ понемногу свыкся и ужъ не чувствовалъ ни подавленности, ни отчужденности.

О матери въ домѣ не говорилось: Сергѣй Петровичъ никогда не упоминалъ о матери, а онъ первый не смѣлъ.

Угловая комната на верху, въ которой, кромѣ фамильной старины—гардеробовъ съ платьями, заботливо сохранялась знакомая обстановка матери: столикъ ея, зеркало,—эта завѣтная комната все рѣже привлекала его. Сначала онъ тайкомъ бѣгалъ на верхъ и даже плакалъ, сидя у окна, гдѣ когда-то сидѣла мать, а потомъ его развлекать стали лошади.

Такъ и не узналъ онъ, а послѣ жалѣлъ, что не узналъ, зачѣмъ отецъ покинулъ мать. Въ кабинетѣ отца висѣлъ ея портретъ и всегда, до послѣднихъ дней. Любилъ онъ ее? Въ Крутовражѣ шла широкая жизнь, много играли въ карты, но отецъ былъ угрюмъ. А если любилъ, зачѣмъ же покинулъ? Зачѣмъ отецъ покинулъ мать? И зачѣмъ столько муки, столько горькихъ дней и ночей выпало ей на ея долю?

„Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ"...

— Чортъ!—отмахивался Сергѣй Сергѣевичъ, вспоминая прошлый Крутоврагъ.

Окончивъ курсъ, онъ поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ поступилъ въ полкъ офицеромъ.

Жить ему было легко. Въ деньгахъ онъ никогда не нуждался: отецъ не жалѣлъ для него средствъ и высылалъ часто и аккуратно. Отецъ очень заботился о немъ, все дѣлалъ, чтобы хорошо ему было. И онъ ни на что не могъ пожаловаться. При связяхъ и деньгахъ передъ нимъ открывалось самое завидное и счастливое будущее.

Жизнь онъ велъ такую, какъ было принято въ его обществѣ: игралъ въ карты, участвовалъ въ кутежахъ и попойкахъ, танцовалъ на балахъ, разсказывалъ анекдоты, острилъ, имитировалъ, ухаживалъ за дамами, входилъ въ мелочи полковой интриги, волновался, ссорился,—и все проходило ровно и очень похоже на вчерашнее. А если что и случалось, какъ будто исключительное и особенное, то всетаки оно не выходило изъ общепринятаго и возможнаго въ его обществѣ: ну, разъ проигралъ очень много въ карты, но кто же не проигрываетъ разъ очень много? Такъ и другія всѣ исключенія были въ такомъ же родѣ, ни больше, ни меньше.

Ровно, съ незначительными скачками проходила петербургская жизнь.

Кажется, и припомнить нечего Версеневу изъ всей его такой удачной, легкой, съ такими большими обѣщаніями, но ровной петербургской жизни.

И всего только одно воспоминаніе.

Правда, ничего особеннаго и случай самый обыкновенный.

Но много ли есть на свѣтѣ чего необыкновеннаго?

Сергѣй Сергѣевичъ ужъ послѣ въ Крутоврагѣ не разъ думалъ объ этомъ и, спрашивая себя, одинъ самъ съ собою судилъ и рѣшалъ себя.

Онъ давно понялъ, что въ концѣ-то-концовъ все дѣло не въ особенности поступка, бьющей въ глаза и выходящей изъ ряда вонъ принятаго и привычнаго, и часто западаетъ въ душу совсѣмъ незамѣтное,—такъ крохи, такъ завалящее.

„Комета пролетитъ, упадетъ звѣзда, землетрясеніе провалитъ цѣлый городъ—и все то забудется, мимо пройдетъ, обезцѣнитъ, какъ вчерашній снѣгъ, а огонекъ какой-нибудь, изъ-подъ моста откуда-нибудь огонекъ чуть подмигивающій тебѣ, либо дурацкій

дылда-фонарь — коптилка керосиновая, торчащая подъ твоимъ окномъ на улицѣ,—глупости, а на всю жизнь останутся".

Да, онъ много думалъ объ этомъ, а судя и рѣшая себя, заглянулъ въ самую тьму, въ самую муть души...

Только много ли увидишь? А если и увидишь, много ли разсмотришь? А если и разсмотришь, сумѣешь ли передать? А если и сумѣешь, хватитъ ли духу?

„Убить и обмануть, оболгать и предать, кажется, чего еще— вѣдь преступленіе, грѣхъ великій, всякими законами караемый. А на провѣрку что же? Да тому же убійцѣ... да плевать ему на убійство-то,—ну, убилъ, и какъ съ гуся вода,—и все дѣло его, вся боль его, кара и награда, все, что донесетъ онъ до послѣдней минуты своей, все, чѣмъ жить будетъ, убивая или спасаясь, все равно, вовсе не въ убійствѣ, а въ томъ, что за день, за недѣлю, за мѣсяцъ, за годъ, можетъ быть, за десять лѣтъ до убійства, проходя по улицѣ, дѣвчонку какую-нибудь надоѣдливую нищенку толкнулъ—нищенки такія дѣвчонки другой разъ по улицѣ снуютъ съ какими-то замуслеванными карточками: *купите, баринъ, счастьице!*—да и не въ томъ, что толкнулъ онъ эту нищенку, предлагающую *счастьице*, а въ томъ, что нищенка—дѣвчонка мороженая посмотрѣла тогда, такъ посмотрѣла на него,— на всю жизнь".

— Чортъ!—только мелькомъ припоминая свой петербургскій случай и разсужденія свои, отмахивался Сергѣй Сергѣевичъ.

У одного его товарища офицера была невѣста. Офицеръ очень важнаго рода, а она совсѣмъ не изъ знатныхъ и бѣдная. Родственники жениха были противъ и всячески мѣшали свадьбѣ.

Сергѣй Сергѣевичъ, принявъ къ сердцу исторію своего товарища, постоянно бывалъ у него, искренно отъ души желая всякаго счастья и ему и его невѣстѣ.

И когда, наконецъ, послѣ многихъ хлопотъ все ужъ было налажено и назначенъ день свадьбы, вдругъ все кончилось неожиданно печально и свадьба разстроилась: невѣста отказала жениху.

Версеневъ помнитъ вечеръ, осенній петербургскій вечеръ съ пронизывающимъ сырымъ вѣтромъ и мутными отъ мелкаго дождя фонарями, помнитъ ея комнату гдѣ-то на Рузовской у казармъ. Она просила его прійти къ ней все по поводу той же разстроившейся свадьбы. Онъ и повѣрилъ, но когда онъ пришелъ къ ней, она открылась ему по правдѣ...

Онъ помнитъ ея лицо, какъ поблѣднѣла она—такъ блѣднѣла его мать, когда вбѣгалъ онъ къ ней въ ея угловую комнату: „Папа ѣдетъ!"

Она открылась ему, что полюбила его, любитъ его, только его одного и любитъ.

Но вѣдь онъ ее совсѣмъ не любилъ. И развѣ онъ давалъ ей поводъ хоть что-нибудь такое думать? Онъ былъ къ ней внимателенъ, какъ къ будущей женѣ своего друга, онъ искренно отъ души желалъ помочь имъ: ей и ему. Онъ никогда не любилъ ея и совсѣмъ не любитъ.

Онъ помнитъ, какъ она стояла—она у окна стояла, къ окну подвинувшись въ уголъ, а въ окнѣ дождикъ—постукивалъ дождь, не передыхая, равномѣрно: капля за каплей, струйка за струйкой. Онъ помнитъ, какъ она смотрѣла, не мигая, съ опущеннымъ ртомъ, и какими глазами провожала его, не шелохнувшись, словно ужъ костенѣя—вѣдь, всю кровь ея тѣла, всю силу души, всю надежду сердца онъ забралъ съ собою: такъ вотъ, взялъ да и за дверь!

На слѣдующій день подъ вечеръ онъ ее опять встрѣтилъ, и совсѣмъ случайно у Кокушкина моста. Это она была, онъ не ошибся. Онъ ее узналъ сразу по ея взгляду—она такъ же посмотрѣла на него, какъ и наканунѣ, глаза не мигали. И потомъ онъ слышалъ, какъ что-то бухнуло въ гадкую липкую воду—въ черный каналъ. Но онъ даже не оглянулся, шелъ своею дорогой.

И развѣ это онъ ее въ каналъ головою ткнулъ въ гадкую липкую воду?

— Чортъ!—только мелькомъ припоминая свой петербургскій случай, отмахивался Сергѣй Сергѣевичъ.

Вскорѣ послѣ этого случая, вызванный въ Крутоврагъ, онъ уѣхалъ изъ Петербурга: отецъ былъ при смерти.

Старый Версеневъ Сергѣй Петровичъ умиралъ одинъ, никого не допуская къ себѣ—ни доктора, ни священника. И лишь въ крайнемъ случаѣ одно *животное*—лакей Зиновій входилъ къ нему. Отъ ѣды старикъ отказался и ночи не спалъ.

И во всемъ домѣ никто не спалъ по ночамъ. Жутко было въ домѣ и говорить боялись, шопотомъ говорить боялись.

Свѣтъ горѣлъ во всѣхъ комнатахъ, всѣ двери были настежь и только въ кабинетѣ у старика плотно затворены.

Сергѣй Сергѣевичъ пріѣхалъ домой поздно ночью и, чтобы не безпокоить отца, хотѣлъ сказаться утромъ. Но отецъ догадался и черезъ Зиновія позвалъ его въ кабинетъ.

Старикъ сидѣлъ въ креслѣ, забившись въ уголъ у шкапа подъ старымъ астрономическимъ глобусомъ, страшно исхудалый—въ чемъ только душа держалась! Старикъ ловилъ ртомъ воздухъ, словно бы кто-то сдавливалъ ему горло, а глаза были совсѣмъ мерт-

вые—зрачки темные, мертвые, только ободокъ у зрачковъ блестѣлъ непріятнымъ рѣзкимъ блескомъ.

Сынъ взялъ старика за руку и наклонился,—рука у старика была холодная. И, наклонившись, чтобы поцѣловать его въ щеку, почувствовалъ непреодолимую брезгливость и отвращеніе и поцѣловалъ его въ воздухъ.

Поздоровались.

Старикъ поцѣловалъ сына—губы у старика были такія холодныя, холоднѣе рукъ.

Сынъ, выждавъ минуту, снова наклонился:

— Ну, какъ поживаете?

— Черти приходятъ,—шипя, сквозь зубы сказалъ старикъ.

— Какіе же, маленькіе, съ хвостикомъ?—попробовалъ сынъ обратить въ шутку отвѣтъ отца: онъ умѣлъ съ стариками и ладить и разговаривать.

— Что ты, настоящіе... черти!—прошипѣлъ отецъ, и глаза его еще темнѣе стали.

Версеневъ помнитъ эти глаза, совсѣмъ мертвые, съ темными мертвыми зрачками и рѣзкій живой ободокъ зрачковъ, и какъ рѣзкій живой ободокъ зрачковъ, сузившись, вдругъ заблестѣлъ краснымъ нагаромъ.

Онъ схватился за шашку и отступилъ отъ старика.

Старикъ, распахнувъ халатъ, судорожно заскребъ себя по груди.

— Настоящіе...—шипѣлъ старикъ и скребъ себя по груди и, вдругъ съ визгомъ подпрыгнувъ въ креслѣ, ткнулся носомъ въ коверъ.

Такъ вотъ о комъ онъ когда-то столько думалъ и такъ нетерпѣливо ждалъ! Но что мучило отца? Кого онъ видѣлъ? Кто приходилъ къ нему? Кто настоящій? Кто настоящей послѣдней совѣстью, послѣдней волей, послѣднимъ словомъ положилъ свою руку на его сердце? Кто же онъ?

— Чортъ!—отмахивался Сергѣй Сергѣевичъ, припоминая смерть отца, о которомъ онъ когда-то столько думалъ, и такъ нетерпѣливо ждалъ.

Къ новому году Версеневъ вышелъ въ отставку, совсѣмъ переѣхалъ изъ Петербурга въ Крутоврагъ, занялся хозяйствомъ и женился.

Почему онъ женился, ужъ и самъ хорошенько не помнитъ: должно быть, понравилась ему тогда Елизавета Николаевна,—она была такая тихая и кроткая, Божій тихій ангелъ. Да и скучно ему было одному въ старомъ домѣ.

Хозяйничалъ Сергѣй Сергѣевичъ недолго. Попробовалъ служить въ земствѣ, но и тутъ не пошло дѣло, бросилъ службу. И все изъ-за пустяковъ какихъ-то. А понемногу, и совсѣмъ незамѣтно, отъ всего устранился.

Толковый и дѣльный управляющій-латышъ, окрещенный въ Крутоврагѣ за свою угрюмость Фордыбаемъ, да Елизавета Николаевна, сумѣвшая наполнить старый домъ несмолкаемымъ шумомъ и веселыми гостями,—всѣ дѣла на нихъ и вся судьба версеневская.

III.

Горикъ и Буба учились хорошо и гимназію окончили съ медалями. Горикъ поступилъ въ университетъ, Буба на курсы.

Лѣто послѣднее прошло особенно шумно и весело и озорно.

Крутовражскіе мальчишки и забитые—Китовъ усъ, Конскій волосъ, Лопатка, и озорные — Игонька, Игошка, Енька, Ежка, Ермошка подъ предводительствомъ Горика, играя въ *экспропріаторовъ*, такъ живо разыграли нападеніе, что сосѣдскіе бѣлояровскіе *ингуши* чуть было не пристрѣлили самого атамана.

Ракеты, персидскія молніи разсыпались надъ домомъ, въ саду дымили костры, а кругомъ пожары съ разливающимся въ ночи краснымъ зловѣщимъ заревомъ.

Когда пришло время ѣхать въ Петербургъ, Елизавета Николаевна тоже начала сборы.

И дѣти уѣхали съ матерью и ужъ больше не вернулись въ свой веселый Крутоврагъ.

Елизавета Николаевна такъ и сказала мужу, что въ Крутоврагъ она больше никогда не вернется и дѣти не вернутся.

Никакой плутоватости, никакой тихости не было въ ея словахъ. Видно было, что она рѣшила твердо и безповоротно.

Сергѣй Сергѣевичъ сначала ничего не понялъ, не хотѣлъ понять,—ему было и тяжко и непріятно, ему не хотѣлось разставаться, ему трудно было начинать жизнь по-новому, отвыкать отъ того, къ чему привыкъ, привыкать къ другому, другую жизнь онъ просто и представить себѣ не могъ—восемнадцать лѣтъ прожили Версеневы вмѣстѣ!

И онъ пробовалъ возражать женѣ, и всякій разъ только махалъ рукою: всѣ возраженія его сводились къ мучительному писку, подымавшемуся гдѣ-то въ горлѣ, а затѣмъ слѣдовалъ всегдашній *чортъ*.

Такъ ничего и не вышло.

И въ концѣ-концовъ *щетинку* изъ него вынули, какъ выра-

жалась нянька Соломовна,—щетинку вынимаютъ у дѣтей-криксъ въ банѣ, чтобы не кричали,—онъ со всѣмъ согласился и подписалъ, что надо.

Относительно денегъ все наладилось легко и просто.

Латышъ управляющій, толково и ясно представивъ положеніе версеневскихъ дѣлъ, взялся доставлять всякіе отчеты въ Петербургъ Елизаветѣ Николаевнѣ.

И Крутоврагъ опустѣлъ.

Версеневское событіе, облетѣвъ крутовражскія поля, полетѣло по большой дорогѣ, сворачивая то влѣво, то вправо изъ усадьбы въ усадьбу.

И почему-то никого особенно не удивило оно, никого особенно не встревожило, словно давно ужъ этого ждали, и если не говорили, то единственно щадя, какъ не говорятъ, щадя, безнадежному о его скорой смерти.

Семейное разногласіе, которому приписали отъѣздъ и суровое рѣшеніе Версеневой или *семейная* [*разнож...*], какъ выразился сосѣдъ Версеневыхъ отставной генералъ Бѣлояровъ, любившій стиль живописный, заняло лишь уѣздныхъ пріятельницъ, восторжествовавшихъ теперь съ своими тайными подозрѣніями.

„Кому же не ясно, что все дѣло не безъ романа, романъ налицо и самый настоящій и, хотя нигдѣ не упоминалось объ избранникѣ сердца, само собою, избранникъ гдѣ-то ходилъ, иначе откуда же все разногласіе?“

Такъ размышляли дамы.

Но ужъ никто не хотѣлъ разбираться, не было охоты встрѣвать въ чужую бѣду,—*своя хата съ краю*, такъ-то спокойнѣе.

Неспокойно лежали поля и шумѣлъ золотой осенній лѣсъ, неспокойны были и звѣзды — крутовражскія тусклыя звѣздочки, пугливо поблескивавшія надъ версеневскимъ домомъ.

Крутоврагъ опустѣлъ и калачомъ не заманишь.

Правда, на первыхъ порахъ явились три дамы—пріятельницы Елизаветы Николаевны. Не утерпѣвъ, пріѣхали онѣ въ Крутоврагъ *понюхать воздухъ*, какъ сами же послѣ объясняли.

Дамы осадили Версенева и трещеткою трещали ему на уши, такъ что и чорта своего пустить не могъ онъ за трескотнею.

И хотя Соломовна, провожая послѣднихъ гостей, русскимъ языкомъ растолковывала имъ, что болѣзнь барина зубомъ барынѣ въ спину вонзилась, и оттого все и вышло, дамы не могли примириться и, разъѣхавшись по домамъ, на своемъ стояли—на избранникѣ сердца, который гдѣ-то ходилъ.

Тутъ-то, говорятъ, отставной генералъ Бѣлояровъ, будучи на

именинахъ у одной изъ дамъ, и выразился о версеневскомъ *разногласіи* по-своему — живописно, добавивъ, впрочемъ, для смягченія:

— Всему есть вѣсъ и мѣра.

Тѣмъ дѣло и кончилось.

А изъ сосѣдей заѣзжалъ навѣдаться земскій Пусторослевъ, прихвативши съ собою агронома Рацѣева, котораго почему-то отрекомендовалъ знаменитымъ петербургскимъ ораторомъ съ вязигою вмѣсто костей.

Рацѣевъ, дѣйствительно, не уступая стерляди, перегибался все время, но не сказалъ ни одного слова. Зато самъ Пусторослевъ болталъ весь вечеръ, перебирая случаи изъ своей всѣмъ извѣстной безпримѣрной забывчивости.

А исторію о своей нашумѣвшей командировкѣ за границу для какихъ-то важныхъ спеціальныхъ цѣлей онъ разсказалъ и до ужина и послѣ ужина.

Пусторослевскую исторію Сергѣй Сергѣевичъ неоднократно слышалъ: командированный министерствомъ во Францію, Пусторослевъ изъ Франціи поѣхалъ въ Испанію, а изъ Испаніи въ Италію, а изъ Италіи куда-то въ Алжиръ и, требуя все время подкрѣпленія и тратя уйму казенныхъ денегъ, только вернувшись въ Россію, вспомнилъ, зачѣмъ собственно посланъ былъ за границу.

— Забвеніе—удѣлъ боговъ!—многозначительно растягивая свое *изволите ли видѣть*, подмигивалъ Пусторослевъ бѣлыми, какъ будто ничего не видящими, безвѣкими глазами, намекая, должно быть, на разногласіе.

Всего разъ зашелъ лавочникъ Харинъ чаю попить.

На безлюдьи Версеневъ страшно обрадовался и Харину.

Харинъ сидѣлъ долго. И за чаемъ въ низкой длинной столовой, все начиная какой-то ни къ чему не относящійся разговоръ по поводу какихъ-то отдаленныхъ предметовъ и зарекаясь въ тысяча первый разъ отстать отъ своей пагубной привычки, завязалъ въ своемъ *какъ говорится*, а Сергѣй Сергѣевичъ, въ упоръ глядя на обалдѣвшаго гостя, махая рукой, пускалъ своего *чорта*.

— Привычка, какъ говорится, вторая натура!—лепеталъ весь покраснѣвшій, потомъ прошибленный, измытарившійся лавочникъ, не находя ужъ дверей.

И только батюшка о. Астріозовъ, не оставлявшій своей исконной мысли найти *связующее звено* и не простое, *желѣзное*—связующее, нѣтъ-нѣтъ да и заглядывалъ къ Версеневу.

Батюшка, и безъ того робкаго десятка, оставаясь одинъ на одинъ съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ, робѣлъ еще больше и, пристрастившись къ сигарамъ, чавкалъ сигарой, пуская въ версеневскаго чорта свое краткое, крѣпче крестнаго знаменія, *звено*.

— Звено-съ,—повторялъ батюшка, стряхивая пепелъ, и когда надо и когда не надо, и съ мексиканскаго листа и съ бразильскаго.

На безлюдьи Версеневъ страшно радъ былъ и батюшкѣ.

А то все одинъ, цѣлые дни одинъ.

Сергѣй Сергѣевичъ пересталъ и въ церковь ходить,—онъ ужъ и въ церкви за службою не могъ удержаться отъ своего чорта, что приводило въ большой соблазнъ богомольцевъ. Произошла даже непріятность: Головешкинъ староста пытался на царскомъ молебнѣ заушить *масона*, Сергѣй Сергѣевичъ и пересталъ въ церковь ходить.

Въ бѣломъ фланелевомъ бекешѣ съ сигарою бродилъ Версеневъ по опустѣвшему дому. Отъ краснаго сигарнаго огонька красный огонекъ мелькалъ въ его запалыхъ потускнѣвшихъ глазахъ, и зеленѣли крѣпкіе сѣдые усы.

Занять время нечѣмъ ему было. Да и чѣмъ занять? Не играть же въ игрушки! Вѣдь онъ такъ привыкъ къ шуму и постояннымъ гостямъ, къ женѣ и дѣтямъ—восемнадцать лѣтъ прожили Версеневы вмѣстѣ!

И не разъ часами онъ простаивалъ у балконной двери, считая воронъ—кружились вороны надъ опавшими голыми липами и кричали... сколько ихъ и о чемъ онѣ все кричали? А то подымался на верхъ въ угловую комнату, гдѣ когда-то сидѣла его мать Ѳедосья Алексѣевна, садился, какъ мать, у окна и глядѣлъ на дорогу... куда уходила дорога и есть ли конецъ ей? Или слушалъ, какъ передъ домомъ шумѣли деревья—тополи... о чемъ они все шумѣли? А то сядетъ въ отцовское кресло подъ огромный астрономическій глобусъ, уставится въ одну точку, можетъ быть, въ ту самую точку, откуда выходили къ его отцу настоящіе черти безъ рожекъ и хвостиковъ, да такъ и заснетъ...

— Чортъ!— повторялось и день и ночь, и наяву, и сквозь сонъ, отдаваясь по пустому дому.

Съ наступившими холодами вставили рамы, и балконную дверь, забивъ щели свѣжею паклей, замазали.

А потомъ и снѣгъ выпалъ, стала зима. Дни потемнѣли, прибавились ночи,—долгія ночи.

Еще пустѣе, пусто, какъ въ большемъ подвалѣ, пустынно стало въ версеневскомъ домѣ.

Хоть бы сны снились тихіе.

Какъ-то приснилось Сергѣю Сергѣевичу, будто онъ—Версеневъ Сергѣй Сергѣевичъ, отставной капитанъ сорока семи лѣтъ, а между тѣмъ по виду своему нѣтъ въ немъ ничего человѣческаго. Снилось Сергѣю Сергѣевичу, будто онъ—насѣкомое злое и мстительное, ядовитымъ насѣкомымъ, тысячехвосткой какой-то ползетъ въ полѣ, цѣпляясь за стебли лапками. Холодный лѣтній разсвѣтъ—утро, чуть проясняется, и низкая, поблѣднѣвшая добѣла съ краснымъ нагарнымъ ободкомъ огромная луна. И вотъ онъ, Сергѣй Сергѣевичъ Версеневъ—тысячехвостка, ползетъ по травѣ и знаетъ онъ, что по травѣ ползетъ, по самой обыкновенной крутовражской, но ему, какъ тысячехвосткѣ, трава кажется такой большой и такой высокой — стебли словно осока, осока — толще всякихъ деревьевъ, и черная земля огромными комками. И тяжко ему и трудно ему: долженъ онъ влѣзть на каждый стебель и опуститься, и опять подняться, и опуститься, и такъ со стебля на стебель. И онъ ползетъ и не знаетъ, куда онъ ползетъ, и за что это наказанъ онъ переходить со стебля на стебель? И злоба мучаетъ его, и злость точитъ сердце, и усталъ-то онъ смертельно. Огромная блѣдная, бѣлая луна съ краснымъ нагарнымъ ободкомъ и холодно.

Разсказавъ какъ-то сонъ свой батюшкѣ Астріозову и, получивъ отъ батюшки краткое толкованіе: *къ перемѣнѣ погоды*, Сергѣй Сергѣевичъ улыбнулся:

— Странно мнѣ,—сказалъ онъ,—точно все ненастоящее.

А въ другой разъ, пытаясь разсказать сонъ Зиновію, на полусловѣ прервавъ себя, проговорилъ хрипко сквозь зубы, какъ покойникъ Сергѣй Петровичъ:

— Душу остригли, чортъ!—и заплакалъ.

А Петру казачку будто бы сказалъ:

— Помереть бы мнѣ, Петръ, въ нищетѣ на соломѣ.

Скучалъ Сергѣй Сергѣевичъ.

Безъ дѣла, безъ гостей одному зимою скучно.

— Бояться стали,—докладывала Соломовна о. Астріозову, когда на Рождество пріѣхалъ батюшка съ крестомъ Христа славить.— Прежнее время, бывало, ничего, а теперь выбѣгутъ вечеромъ ко мнѣ изъ кабинета въ дѣвичью, боятся: будто стоитъ кто-то около нихъ. И все гостей ждутъ: вотъ къ нимъ гости пріѣдутъ! А то сидятъ и плачутъ.

А на новый годъ не утаила Соломовна и покаялась батюшкѣ въ своихъ снахъ нехорошихъ: на святкахъ гадала Соломовна, оттого и сны ей приснились.

Святочные—вѣщіе сны.

То ей приснилось, будто полъ она моетъ, — а это нехорошо, когда во снѣ полъ моешь; то пожаръ—домъ горитъ: горитъ будто домъ, всѣ доски разворотили и кирпичи вынимаютъ изъ печки, а огня не видно.

— Я будто и спрашиваю,—двое какихъ-то мужчинъ у печки съ кирпичами возятся,—спрашиваю я у нихъ: „Какъ же это такъ?“ А они говорятъ: „Мы, Соломовна, ничего не знаемъ“.

Самый же главный сонъ—новогодній.

Снилось Соломовнѣ, входитъ она будто въ залу, а изъ балконной двери навстрѣчу ей покойникъ Сергѣй Петровичъ и съ нимъ старикъ старый-престарый, прихлопнули они дверь плотно да прямо къ кабинету, сами рукою шарятъ, какъ слѣпые...

Но о. Астріозову не до нянькиныхъ сновъ было, свой новогодній сидѣлъ у него вотъ гдѣ!

О. Астріозовъ многосемейный—семь душъ на рукахъ: старшій сынъ — дьяконъ, младшій — грудной. А по сну выходило чудно: старшій-то будто въ пеленкахъ, грудной, а самый младшій, который грудной,—бородатый дьяконъ.

— Звено-съ!—повторялъ батюшка, забирая отъ Соломовны новогодній щедрый кулекъ.

Скучно проходили праздники.

И на кухнѣ было невесело. Разговоръ вели, какъ при больномъ, шопотомъ.

Компанія старая—старикъ поваръ Прокофій Константиновичъ, кучеръ Антонъ, прачка Матрена Симановна, плотникъ Терентій, кузнецъ Индюкъ, лакей Зиновій да казачокъ Петръ попивали чай вокругъ Соломовны. Недоставало только горничныхъ: Харитину барыня съ собою въ Петербургъ взяла, а Устю и Саню разсчитали.

За чаемъ шли воспоминанія, обсуждались версеневскія дѣла и высказывались опасенія за барина, котораго рано или поздно попутаетъ грѣхъ.

— Чорта помянешь въ недобрую пору—пройдетъ онъ чернымъ вихремъ, подхватитъ человѣка и пропадетъ человѣкъ въ этомъ вихрѣ, — позѣвывала Соломовна, крестя ротъ да покачивая головою.

А Сергѣй Сергѣевичъ, исходивъ всѣ комнаты, вдругъ вбѣгалъ въ кухню и, посапывая, останавливался передъ ошарашенными слугами и, ужъ глядя куда-то за безстрашнаго лохматаго Индюка, начиналъ морщиться, а гдѣ-то въ горлѣ принималось пищать что-то. И вдругъ махалъ рукою:

— Чортъ.

— Чортъ! — отзывалось гдѣ-то и въ коридорѣ, и гдѣ-то подъ печкою, и гдѣ-то въ подвалахъ, и гдѣ-то подъ потолкомъ высоко на черномъ чердакѣ и, вѣтромъ разносясь по саду, кружилось вокругъ бѣлыхъ колоннъ.

Рождественскіе морозы смѣнились оттепелью.

Въ крещенскій сочельникъ вдругъ по-весеннему закапало, а прудикъ пожелтѣлъ.

Потянуло весною.

Весь день съ тревогою заглядывалъ Сергѣй Сергѣевичъ въ окна, растворилъ балконную дверь, долго стоялъ у балконной двери, прислушивался. Весь день до вечера, мѣста не находя себѣ, бродилъ онъ изъ комнаты въ комнату. А вечеромъ, когда зажгли свѣтъ и весь домъ освѣтили, сталъ онъ еще неспокойнѣе.

На волѣ таялъ снѣгъ, стучалъ по крышѣ, такъ дождикъ осенью стучитъ по стеклу—капля за каплей, струйка за струйкой.

Послѣ чаю Версеневъ поднялся наверхъ и затихъ.

Соломовна ходила внизу по комнатамъ, шептала молитвы, мѣломъ ставила богоявленскіе крестики на окнахъ и дверяхъ.

Въ угловой комнатѣ наверху сидѣлъ Сергѣй Сергѣевичъ и смотрѣлъ въ окно.

Беззвѣздная ночь закрыла дорогу, и только голыя вѣтви подъ вѣтромъ тянулись къ окну.

Долго сидѣлъ Сергѣй Сергѣевичъ безъ всякой мысли, безсмысленно глядя въ окно.

И вдругъ онъ услышалъ, какъ далеко по дорогѣ зазвонилъ колокольчикъ. Онъ вскочилъ отъ окна. А колокольчикъ звонитъ. Онъ зажмурился, заткнулъ себѣ уши. Колокольчикъ звонитъ. Хотѣлъ внизъ бѣжать, позвать Зиновія, Соломовну, кучера, всѣхъ позвать. А колокольчикъ звонитъ.

И не узналъ онъ комнаты: тамъ, гдѣ висѣло зеркало, открылась дверь. И онъ вошелъ въ эту дверь и дверь за нимъ захлопнулась.

Длинный, безъ конца, коридоръ. И все какъ будто знакомое: много мраморныхъ плитъ—орнаментъ выпуклыми розетками, мозаика по полу—бѣлое съ краснымъ. Жарко, душно и сыро.

Онъ шелъ по коридору и зналъ, что долженъ пройти весь коридоръ до конца. И когда онъ дошелъ до конца и отворилъ узорчатую тонкую изъ чекана дверь, за дверью оказалась другая дверь. Онъ и эту отворилъ. А тамъ третья дверь. И такъ дверь

за дверью: отворить одну—и сейчасъ же другая. И по мѣрѣ того, какъ уходилъ онъ куда-то, растворяя дверь за дверью, онъ чувствовалъ, что надо ему, хоть на минуту, остановиться, ну вверхъ посмотрѣть, ну оглянуться, хоть на одну минуту, иначе бѣда—не сдобровать ему, и не могъ ни остановиться, ни поднять головы, ни оглянуться, словно кто-то велъ его и еще другой кто-то сзади подгонялъ его.

И когда, наконецъ, растерявшись, бормоча всякій вздоръ и отсмѣиваясь и отругиваясь, онъ отворилъ послѣднюю дверь, такъ показалось ему, что послѣднюю дверь,—чѣмъ-то острымъ ударили его въ спину и онъ упалъ. Упалъ онъ, и, падая, увидѣлъ, какъ звѣзды—крутовражскія тусклыя звѣздочки, разгораясь все ярче, все яснѣе, красныя звѣзды дико вихремъ неслись прямо на него. Но это не звѣзды, это самъ онъ несся въ вихрѣ подъ красныя звѣзды...

— Мѣлила я крестики, окрещивала окна и двери,—разсказывала послѣ Соломовна,—и кличетъ меня Зиновій: Назаръ скотникъ пришелъ, святой водицы просить богоявленской. Вышла я въ кухню къ Назару и слышу, ровно балконная дверь хлопнула. Думаю себѣ, не грѣхъ ли какой: времена неспокойныя—всякій народъ. И опять слышу, хлопнуло. Я и говорю Прокофію Константиновичу: „Прокофій Константиновичъ, говорю, слышите?“ „Слышу, говоритъ, слышу, вѣтромъ пуляетъ“. И только это онъ сказалъ, въ третій разъ хлопнуло,—всѣ стекла затряслись, такъ хлопнуло. Бросилась я въ залу: такъ и есть — дверь настежь. Кричу Зиновію: „Гдѣ баринъ?“ Нѣтъ нигдѣ барина. А вѣтромъ такъ и сѣдитъ. Вдвоемъ дверь не можемъ затворить. Такъ и рветъ дверь. И гудитъ по всему дому, свѣтъ гаситъ. „Баринъ,' кричу, баринъ!“ Нѣтъ барина.

На утро въ Крещенье нашли Версенева въ прудикѣ, по слѣду нашли: отъ балкона слѣдъ по аллеѣ прямо къ прудику.

Видно, грѣхъ попуталъ Версенева. Забрелъ онъ ночью къ прудику, ледъ подъ нимъ и не выдержалъ. Провалился онъ, завязъ по грудь въ тинѣ, за ночь его и затянуло. Такъ и замерзъ, стоя, въ бѣломъ бекешѣ, головою въ снѣгъ.

И много же было разговору потомъ,—весь Крутоврагъ на ноги подняло,—да разговорами сытъ не будешь.

Алексѣй Ремизовъ.

Босфоръ и Дарданеллы.

(*Serge Goriainow:* Le Bosphore et les Dardanelles. Etude historique sur la question des Détroits, d'après la correspondance diplomatique déposée aux Archives Centrales de St.-Pétersbourg et à celles de l'Empire. Préface de M. Gabriel Hanotaux, Paris, 1910.)

Книга С. М. Горяинова вышла въ свѣтъ на русскомъ языкѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Появленіе ея прошло тогда мало замѣченнымъ, хотя она и заключала въ себѣ данныя высокаго историческаго и политическаго интереса. Ее вспомнили во время оживленной полемики, вызванной недавно пережитымъ кризисомъ въ восточномъ вопросѣ, чтобы извлечь заключавшіяся въ ней свѣдѣнія относительно прежнихъ русско-австрійскихъ секретныхъ соглашеній о Босніи и Герцеговинѣ. Теперь книга появилась по-французски. Этотъ фактъ самъ по себѣ не долженъ былъ бы служить поводомъ къ тому, чтобы говорить о ней съ русскимъ читателемъ, которому книга была доступна и ранѣе, но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о простомъ переводѣ. Французское изложеніе русскихъ документовъ здѣсь возвращаетъ насъ къ подлинникамъ. Русскіе дипломаты почти въ теченіе всего XIX столѣтія писали по-французски, а часто по-французски и думали. Книга Горяинова, излагающая ихъ переписку, несомнѣнно выиграла и обновилась, появившись во французскомъ изданіи: настолько подлинникъ ближе передаетъ и общій тонъ, и общій смыслъ документовъ.

Бруннову, котораго десятки лѣтъ называли въ Европѣ „Несторомъ русской дипломатіи“, пришлось вырабатывать и подписывать на протяженіи тридцати лѣтъ три важнѣйшихъ международныхъ акта XIX столѣтія о черноморскихъ проливахъ: договоры 1841, 1856 и 1871 гг. Вспоминая прошлое, онъ философически замѣчалъ въ 1871 г.: „Рамки вопроса остались прежними...“ То же приходится отмѣтить всякому, кто изучаетъ исторію вопроса о черноморскихъ проливахъ въ теченіе всего прошлаго столѣтія. Мѣнялись государственные люди, государственные порядки въ отдѣльныхъ странахъ, мѣнялись самыя государства, а во-

просъ сохранялъ неизмѣнно свое традиціонное историческое заданіе. И это не удивительно. Еще Наполеонъ говорилъ, что политика государствъ опредѣляется ихъ географіей. Это наблюденіе нигдѣ не подтверждается лучше, чѣмъ въ исторіи проливовъ. Съ тѣхъ поръ какъ Турція завладѣла Константинополемъ, а Россія пріобрѣла сѣверное побережье Чернаго моря, на Босфорѣ скрестились два громадной важности пути. Проливы были и всегда будутъ единственнымъ морскимъ выходомъ изъ Чернаго моря, а вмѣстѣ съ тѣмъ, они служили и будутъ служить единственной точкой соединенія европейской и азіатской Турціи. Значеніе обоихъ путей сдѣлало проливы центральнымъ узломъ въ клубкѣ политическихъ проблемъ, именуемыхъ „восточнымъ вопросомъ".

Было бы достаточно, конечно, и перваго изъ этихъ условій,—того, что Босфоръ и Дарданеллы единственный выходъ изъ Чернаго моря,—чтобы сдѣлать вопросъ о нихъ сложнымъ и запутаннымъ. Можетъ ли русскій флотъ выходить изъ Чернаго моря, могутъ ли появиться тамъ суда иностранныя,—все это серьезныя проблемы политическаго равновѣсія; для Россіи Черное море значитъ одно, если проливы закрыты, значитъ совершенно иное, если проливы открыты. Въ русской внѣшней политикѣ всегда будетъ имѣть серьезнѣйшее значеніе, какое изъ двухъ рѣшеній поддерживаютъ другія государства, а тѣмъ самымъ въ большой политической игрѣ проливы всегда останутся крупной картой.

Но допустимъ, что найдено то или иное рѣшеніе вопроса о проливахъ, какъ вопроса русскаго, какъ вопроса о правѣ входить въ Черное море или выходить изъ него. Такое рѣшеніе останется всегда *исторически* одностороннимъ. Оно можетъ удовлетворить Россію, примирить Россію и Западъ искуснымъ компромиссомъ, но затрудненія имъ не будутъ исчерпаны. Надо будетъ еще спросить себя, можетъ ли то или другое рѣшеніе удовлетворить Турцію. Если имѣть въ виду второй изъ великихъ путей, пересѣкающихся на проливахъ, путь изъ европейской въ азіатскую Турцію, то не придется удивляться, что въ этомъ вопросѣ есть еще и турецкая точка зрѣнія. Въ тѣхъ безчисленныхъ дипломатическихъ документахъ, которые были посвящены проливамъ, часто говорилось, что съ судьбою послѣднихъ связана судьба Константинополя. Въ этой фразѣ сказано не все. Константинополь—не только столица Турціи, но самое сердце турецкаго государства; безъ Константинополя нѣтъ Турціи въ ея нынѣшнемъ смыслѣ. Что можно со всѣхъ сторонъ обрѣзать турецкую территорію, не разрушая жизни государства, доказано исторіей; напротивъ того, малѣйшее покушеніе на Константинополь грозитъ разложеніемъ и гибелью Турціи. Затрогивая положеніе Константинополя, тѣ или иныя рѣшенія вопроса о правѣ плаванія на проливахъ слѣдовательно будутъ всегда затрогивать судьбу всей Турціи, самый источникъ ея жизни и смерти.

Таково заданіе проблемы проливовъ, неизмѣнное при всѣхъ пережитыхъ на турецкомъ востокѣ громадныхъ политическихъ переворотахъ.

Изъ этого заданія вытекаетъ вся исторія проливовъ за два послѣднихъ столѣтія. Обычно принято трактовать ее какъ исторію борьбы между Россіей и западными державами. Наиболѣе талантливый историкъ русской внѣшней политики, С. С. Татищевъ, сдѣлалъ эту точку зрѣнія общимъ мѣстомъ всякаго историческаго этюда по восточному вопросу. Такъ складывается и общее пониманіе событій у С. М. Горяинова. Въ его глазахъ, вѣковой споръ о проливахъ шелъ между Россіей и европейскими государствами. Сначала побѣда склонялась на сторону Россіи: Ункіаръ-Искелесскій договоръ 1833 г. устранилъ вліяніе Запада въ Константинополѣ и, вопреки стремленіямъ европейскихъ противниковъ Россіи, далъ ей возможность установить преимущественное положеніе на проливахъ. Затѣмъ императоръ Николай I совершилъ величайшій политическій промахъ, допустивъ, на лондонской конференціи 1841 г., узаконеніе вмѣшательства Запада въ разрѣшеніе вопроса. Западъ одержалъ первую безкровную побѣду. Парижскій конгрессъ 1856 г. былъ второй побѣдой. Борьба имъ не была закончена. Она продолжается до сихъ поръ. Въ ней были минуты, когда, казалось, торжество Россіи было близкимъ—лондонская конференція 1871 г. и санъ-стефанскій договоръ 1878 г.,—но въ конечномъ итогѣ берлинскій трактатъ знаменуетъ побѣду Запада. Такова „философія“ исторіи проливовъ, вытекающая изъ разсказа С. М. Горяинова.

Въ этой схемѣ нехватаетъ Турціи. Ея какъ бы нѣтъ въ борьбѣ по вопросу о проливахъ; во всякомъ случаѣ она стоитъ гдѣ-то на второмъ планѣ, является скорѣе ширмой, за которой прячется Западъ, чтобы не обнажать своихъ единственныхъ истинныхъ мотивовъ—ненависти къ Россіи. С. М. Горяиновъ, съ величайшей добросовѣстностью резюмирующій всю русскую переписку о проливахъ, конечно, отмѣчаетъ тѣ или иные шаги, предпринимаемые Турціей, и ея мысли и пожеланія, но въ Турціи онъ не видитъ, какъ не видѣли и его предшественники, движущей пружины происходившаго.

Я вполнѣ понимаю, какъ сложилось подобное общее представленіе. Турція—сравнительно малое государство, и ее не всегда замѣчаешь рядомъ съ Англіей, Франціей, Австро-Венгріей или Германіей. Кто помнитъ Хозревъ-пашу или Решида рядомъ съ Меттернихомъ или Пальмерстономъ, Аали-пашу рядомъ съ Наполеономъ III или Кавуромъ, Каратеодори-пашу рядомъ съ Бисмаркомъ, Андраши или Биконсфильдомъ? Что думала Турція, что она говорила и къ чему стремилась,—все это для историковъ скорѣй лишь поводъ вставить забавный эпизодъ или бытовую подробность въ разсужденіе, посвященное болѣе важнымъ матеріямъ.

Но если склонность къ такому пониманію событій и объяснима, то

все же она едва ли оправдывается подлиннымъ историческимъ процессомъ. Чѣмъ больше вдумываешься въ смыслъ событій, тѣмъ яснѣе становится, что исторія проливовъ есть прежде всего и главнымъ образомъ исторія *русско-турецкой* борьбы. Правда, эта борьба велась Турціей при помощи западной дипломатіи, а иногда и западнаго войска. Тѣмъ не менѣе Турція никогда не была простой пѣшкой въ рукахъ Запада, двигавшаго ею исключительно ради своихъ собственныхъ цѣлей. Напротивъ того, она съ величайшей настойчивостью вела *свою* линію. Несмотря на свои все уменьшавшіяся въ теченіе XIX столѣтія средства, она, хорошо оріентируясь въ политической обстановкѣ, сумѣла добиться въ вопросѣ о проливахъ тѣхъ общихъ результатовъ, которые именно ей были выгодны въ несравненно большей степени, нежели Западу. Приходится удивляться проявленной ею энергіи, когда вспоминаешь, что она боролась въ условіяхъ крайне тяжелыхъ, переживая процессъ внутренняго разложенія, въ которомъ постепенно ея власть мертвѣла на окраинахъ, и послѣднія одна за другой отваливались.

Если даже независимо отъ историческихъ данныхъ взвѣсить сравнительное значеніе возможныхъ рѣшеній вопроса о проливахъ для Турціи, Россіи и Запада, то сразу же невольно родится сомнѣніе въ правильности обычно рисуемой историками картины.

Въ самомъ дѣлѣ, мыслимы три основныхъ рѣшенія вопроса о проливахъ. Проливы безспорно часть турецкой государственной территоріи. Поэтому самое простое и естественное рѣшеніе вопроса—признаніе за Турціей права по своему усмотрѣнію открывать или закрывать проливы. Но это простое и естественное рѣшеніе вопроса было по силамъ лишь прежней, сильной Турціи,—Турціи до Кучукъ-Кайнарджи. Той Турціи, которую мы знаемъ, оно несомнѣнно не по плечу. Полномочіе по своему усмотрѣнію выдавать или не выдавать фирманы на проходъ военныхъ судовъ черезъ проливы въ рукахъ слабаго государства, лишеннаго фактической возможности отстоять свою свободу, привело бы лишь къ непрерывной борьбѣ изъ-за этихъ фирмановъ; пришлось бы фактически или всегда и всѣмъ разрѣшать проходъ мимо Константинополя, или вести политическій торгъ этими фирманами,—торгъ съ неминуемо запутаннымъ счетоводствомъ и рискомъ полнаго банкротства. Силою вещей рядомъ съ этимъ простымъ рѣшеніемъ вопроса стали другія, съ правовой точки зрѣнія менѣе логичныя, но зато болѣе практическія. Свобода султанскаго распоряженія проливами замѣняется договорнымъ режимомъ: международный договоръ рѣшаетъ, что́ должна дѣлать Турція. При такомъ рѣшеніи отвѣтственность за проливы съ Турціи снимается. Международнымъ договоромъ можно узаконить два порядка: одинъ—свободы плаванія черезъ проливы для военныхъ судовъ всѣхъ націй, другой—столь же безусловнаго запрета. Первое изъ этихъ рѣшеній съ точки

зрѣнія Турціи неудовлетворительно, второе, напротивъ того, наилучшимъ образомъ обслуживаетъ ея интересы. Понятно—почему. Полная свобода пользоваться турецкой государственной территоріей яснымъ и недвусмысленнымъ образомъ покушается на ея суверенитетъ. Конечно, и безусловное закрытіе проливовъ нарушаетъ этотъ суверенитетъ, но здѣсь нарушеніе констатируется лишь, такъ сказать, академически. Если собственнику предложить выбрать или всѣмъ закрыть проходъ черезъ свою землю (самъ онъ это право сохраняетъ), или быть обязаннымъ пропускать всѣхъ и каждаго, то едва ли найдется такой, который предпочтетъ второе, какъ болѣе согласное съ его достоинствомъ. Мало ли кто захочетъ проходить и съ какими намѣреніями? Опасность обязательнаго открытія проливовъ для Турціи, полное несоотвѣтствіе такого порядка задачамъ ея государственной обороны совершенно ясны. Не удивительно поэтому, что Турція и съ точки зрѣнія формы, и по существу будетъ стоять всегда, изъ двухъ договорныхъ рѣшеній, за закрытіе проливовъ. Она могла бы лишь пожелать дополнить его одной поправкой: мыслимы случаи, когда она способна извлечь нѣкоторыя выгоды изъ пребыванія иностранныхъ судовъ въ проливахъ; дѣло идетъ, напримѣръ, объ оборонѣ противъ покушенія со стороны Россіи. На этотъ или подобные случаи съ турецкой точки зрѣнія желательно оговорить, что при принципіальномъ закрытіи проливовъ ей принадлежитъ право, въ видѣ исключенія, въ цѣляхъ своей обороны, пропускать нѣкоторыя суда черезъ Дарданеллы и Босфоръ.

Такой должна быть турецкая государственная точка зрѣнія. Сопоставимъ съ ней, что̀ должно удовлетворять, съ одной стороны, Россію и, съ другой—Западъ. Россіи не выгодно безусловное право Турціи распоряжаться проливами, ибо тогда утрачивается всякій контроль надъ входомъ въ Черное море. Невыгодно, далѣе, безусловное открытіе проливовъ, ибо оно сопряжено съ рискомъ господства чужихъ флотовъ на Черномъ морѣ. Наконецъ, невыгодно безусловное закрытіе проливовъ, ибо такъ закрывается выходъ изъ Чернаго моря. Русскіе интересы получаютъ полное удовлетвореніе только, если Турція обязана пропускать русскія суда изъ Чернаго моря и не пропускать иностранныя суда въ Черное море. Такъ устранена невыгода договорной блокады русскаго черноморскаго флота при закрытіи Босфора и рискъ блокады фактической при его открытіи.

Въ чемъ, далѣе, заключается, въ условіяхъ, исторически данныхъ, интересъ западныхъ большихъ государствъ на проливахъ? Безусловная свобода султана имъ невыгодна по тѣмъ же причинамъ, по какимъ она опасна Россіи. Но изъ двухъ договорныхъ рѣшеній имъ, конечно, выгоднѣе безусловное открытіе проливовъ, чѣмъ безусловное ихъ закрытіе. Появленіе русскаго черноморскаго флота въ Средиземномъ морѣ

теоретически представляетъ, конечно, нѣкоторую опасность. Но развѣ она можетъ быть сопоставлена съ исторически доказанною, реальною цѣнностью нападенія на русское Черноморское побережье? Такимъ образомъ, если стать на точку зрѣнія Запада, то вѣсы естественно склоняются въ пользу открытія проливовъ. Правда, есть комбинація еще болѣе выгодная: иностранныя государства могутъ входить въ Черное море, а Россія не можетъ изъ него выйти. Такая комбинація промелькнула однажды въ дипломатической перепискѣ послѣ Крымской кампаніи; но она представлялась слишкомъ тяжкой для Россіи и была тотчасъ же оставлена.

Намъ говорятъ, что весь смыслъ и все содержаніе исторіи вопроса о Босфорѣ и Дарданеллахъ есть борьба между Россіей и Западомъ. Мы приходимъ къ страннымъ результатамъ при такомъ толкованіи. Оказывается, что въ итогѣ борьбы торжествуетъ рѣшеніе, которое не выгодно ни для одной изъ борющихся сторонъ,—рѣшеніе, заключающееся въ договорномъ закрытіи проливовъ, да еще съ правомъ султана ихъ открывать въ цѣляхъ своей обороны. Оно безусловно выгодно только Турціи. И такое рѣшеніе, если вѣрить историкамъ, получилось при полной пассивности Турціи, служившей лишь слѣпымъ орудіемъ своекорыстныхъ видовъ Запада.

Если приходится и независимо отъ изученія историческихъ данныхъ заподозрить правильность обычной трактовки исторіи проливовъ, то эти данныя еще болѣе укрѣпляютъ сомнѣніе. Составленный С. М. Горяиновымъ по русскимъ архивамъ обзоръ даетъ возможность возстановить подлинный смыслъ историческаго развитія вопроса. Правда, авторъ не воспользовался литературой Запада и документами, тамъ обнародованными. Этотъ пробѣлъ отмѣченъ Ганото въ предисловіи къ книгѣ слѣдующими любезными словами: „Авторъ съ нѣкоторымъ кокетствомъ игнорируетъ всю литературу предмета. Какъ юристъ, онъ не хотѣлъ дать себя смутить, излагая публикѣ политику свой страны“. Я готовъ помириться съ этимъ объясненіемъ: собранныхъ С. М. Горяиновымъ данныхъ такъ много, они такъ новы, такъ добросовѣстно изложены, что для краткаго обзора запутанной и сложной исторіи проливовъ ихъ вполнѣ достаточно. Послѣдую за авторомъ и въ опредѣленіи внѣшнихъ граней обзора. Онъ лишь мелькомъ касается XVIII и первой трети XIX столѣтій, и его данныя становятся интересными лишь съ 1833 года. Это и понятно. Все, что происходило до того, непосредственно не связано съ главными эпизодами, падающими на XIX столѣтіе. Напротивъ того, послѣ 1833 года вопросъ не сходитъ съ очереди, и вокругъ него лишь съ краткими перерывами идетъ борьба, надо полагать, не законченная и теперь.

1833 годъ принято считать самой блестящей страницей въ исторіи

русской политики на Востокѣ, и не безъ основанія. Нѣтъ надобности повторять хорошо извѣстныхъ событій этого года, возстанія Египетскаго вассала, подступленія его къ Константинополю, отправки русскихъ войскъ на помощь султану и заключенія графомъ Орловымъ Ункіаръ-Искелесскаго союзнаго договора съ Турціей. Союзъ обезпечивалъ Россіи опеку надъ внѣшней политикой Турціи, сохраняя видимость независимаго ея существованія и охраняя ея расшатанный изнутри политическій организмъ. Нельзя не признать эту сдѣлку талантливо задуманной и блестяще осуществленной.

Добиться этого результата было не такъ легко. Переговоры съ русской стороны были выдержаны въ тонѣ призыва къ довѣрію султана и желанія истиннаго блага Турціи; лишь въ финалахъ слышались ноты угрозы. „Турція, — читаемъ мы въ письмѣ императора Николая, отправленномъ въ разгаръ кризиса султану,—нуждается въ возможности разсчитывать на дружбу Россіи. Изъ всѣхъ суверенов, которые смѣнялись на тронѣ Константинополя, вы первый отнеслись съ благороднымъ довѣріемъ къ честности русской политики. Я сумѣю оправдать это довѣріе. Но чтобы оно принесло пользу, надо, чтобы оно было оказано безъ всякихъ оговорокъ; всякое колебаніе повлечетъ за собою самыя опасныя послѣдствія“. Не удивительно, что „колебанія“ послѣдовали. С. М. Горяиновъ склоненъ думать, что источникъ сопротивленія лежалъ въ „интригахъ“ французскаго посла; такъ доносилъ въ Петербургъ графъ Орловъ, старавшійся увѣрить, что турки не понимаютъ своихъ собственныхъ выгодъ. Но если вдуматься хотя бы только въ донесенія Орлова о ходѣ переговоровъ, такое объясненіе покажется неправильнымъ. Турки сознательно и систематически отмалчивались въ отвѣтъ на предложенія, сдѣланныя императоромъ Николаемъ султану. Министры дѣлали видъ, что они даже и не знаютъ о нихъ. Орловъ писалъ, что ему въ концѣ-концовъ пришлось „намекнуть“ на желательность ускорить дѣло. Повидимому, намекъ былъ достаточно категоричен; по крайней мѣрѣ, самъ Орловъ доносилъ, что „съ турками надо ласкать одной рукой, а другую держать сжатой въ кулакъ“. Намеки не помогли, и только извѣстіе о приближеніи англійскаго флота къ Тенедосу — англичане поддерживали египтянъ — заставило турокъ рѣшиться принять союзъ.

Ункіаръ-Искелесскій договоръ былъ редактированъ въ Петербургѣ, и опытная рука Нессельроде облекла его въ весьма любезныя для Турціи формы. Союзъ официально покоился на взаимности. „Сосѣдъ слабый и трусливый“, какъ характеризовалъ Нессельроде Турцію, обязывался, по тексту основного договора, защищать Россію на совершенно тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ она защищала Турцію. Но то была лишь форма. Въ особой секретной статьѣ, приложенной къ договору,

обязанность взаимной обороны новыхъ союзниковъ уступала мѣсто совершенно иному, на первый взглядъ какъ бы неожиданному, постановленію, касавшемуся проливовъ. Оно гласило: „...поелику его величество императоръ Всероссійскій, желая освободить блистательную Порту отъ тягости и неудобствъ, которыя произошли бы для нея отъ доставленія существенной помощи, не будетъ требовать такой помощи въ случаѣ, если бы обстоятельства поставили блистательную Порту въ обязанность подавать оную, то блистательная Порта оттоманская, въ замѣнъ помощи, которую она въ случаѣ нужды обязана подавать по силѣ правилъ взаимности явнаго договора, должна будетъ ограничить дѣйствія свои въ пользу императорскаго Россійскаго двора закрытіемъ Дарданельскаго пролива, то-есть не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный подъ какимъ бы то ни было предлогомъ".

Такимъ постановленіемъ изъ союза Россіей извлекалась немедленно же огромная польза. Входъ въ Черное море былъ закрытъ для иностранныхъ судовъ, причемъ ни словомъ не упоминалось о закрытіи выхода изъ него. Въ одной своей половинѣ идеальное рѣшеніе вопроса о проливахъ—рѣшеніе, при которомъ проливы открыты для Россіи и закрыты для всѣхъ остальныхъ державъ—было достигнуто; другая половина, правда, въ прямой формѣ отсутствовала, но все же никакихъ запретовъ прохода по адресу Россіи не было. Это былъ пробѣлъ, но ничто въ текстѣ договора не мѣшало его восполнить съ теченіемъ времени. Установившаяся надъ Турціей опека должна была облегчить эту задачу.

Ункіаръ-Искелесскій договоръ очень часто толкуютъ въ томъ смыслѣ, будто онъ давалъ даже бóльшее по вопросу о проливахъ, чѣмъ я только что указалъ. Такъ С. М. Горянновъ, вѣрный весьма распространенному мнѣнію, заднимъ числомъ восполняетъ пробѣлы акта 1833 г., пытаясь доказать, что онъ открывалъ проливы для Россіи. Онъ ссылается какъ на то, что договоръ устанавливалъ союзныя отношенія между Россіей и Турціей, такъ и на то, что этотъ договоръ подтвердилъ силу болѣе раннихъ трактатовъ между двумя странами, въ числѣ которыхъ, слѣдовательно, и трактата 1805 г., открывавшаго Россіи проходъ черезъ проливы. Второй аргументъ—плодъ несомнѣннаго недоразумѣнія, ибо и теперь всѣ старинные трактаты признаются дѣйствующими между Россіей и Турціей, но никому въ голову не приходитъ вспомнить мертворожденный договоръ 1805 г., плодъ случайной комбинаціи временъ коалицій противъ великаго Наполеона, заключенный къ тому же всего на девять лѣтъ. Но и первый аргументъ—ссылка на союзъ двухъ странъ, дававшій, будто бы, Россіи право проводить суда черезъ морскую территорію союзника,—едва ли особенно убѣдителенъ, разъ прямымъ постановленіемъ договора всѣ союзныя обязательства

Турціи были сведены единственно къ приведенному выше постановленію о закрытіи проливовъ для Запада. Думать, что въ Ункіаръ-Искелесси право прохода Россіи черезъ проливы было узаконено значитъ насиловать тексты и навязывать прошлому то, о чемъ не думали ни участники переписки и переговоровъ 1833 г., ни ближайшіе ихъ преемники. Ни въ одномъ изъ документовъ того времени, приводимыхъ С. М. Горяиновымъ, нѣтъ и намека на это запоздалое толкованіе.

Какъ бы то ни было, даже если Россія и не открыла себѣ проливы Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ, все же безспорно выгоды договора были велики. Въ одномъ изъ документовъ болѣе поздняго времени султанъ былъ названъ „господиномъ и стражникомъ“ проливовъ. По акту 1833 г. вѣрно только второе: султанъ былъ сдѣланъ „стражемъ“ проливовъ на службѣ русскаго императора.

Не удивительно, что турки приложили всѣ старанія къ тому, чтобы отказаться отъ предложенной имъ секретной статьи о проливахъ. Въ томъ положеніи, въ которомъ Турція находилась, трудно было думать о чемъ-либо для себя очень выгодномъ. Въ переговорахъ съ Орловымъ она противопоставила поэтому русскому тексту весьма осторожную и внѣшне какъ бы не очень уклонявшуюся отъ него поправку, бросающую однако яркій свѣтъ на воззрѣнія турецкой дипломатіи въ вопросѣ о проливахъ. Турки предложили, что они будутъ закрывать Дарданеллы для всѣхъ иностранныхъ военныхъ судовъ, которые сдѣлаютъ попытку ихъ прорвать съ цѣлями враждебными въ отношеніи договаривающихся сторонъ, т.-е. Россіи и Турціи. Такой скромной редакціей турки, готовые въ принципѣ закрывать проливы, оставляли за собою право судить, когда это слѣдуетъ дѣлать. Орловъ доносилъ въ Петербургъ, что „ему легко было доказать *неумѣстность* подобнаго постановленія“. Не будемъ повторять аргументы, которые онъ привелъ своимъ контрагентамъ и подробно воспроизводить въ своей депешѣ къ Нессельроде. Достаточно сказать, что обстоятельства заставили турокъ убѣдиться ими. Русскій текстъ былъ сохраненъ; турки припрятали однако свою редакцію до болѣе удобнаго времени, и сорокъ лѣтъ спустя Россіи пришлось съ ней помириться.

Результаты Ункіаръ-Искелесскаго договора были болѣе блестящими, нежели прочными. Международный порядокъ, который онъ устанавливалъ на проливахъ, покоился на своеобразной „союзной“ зависимости, въ которую Турція ставилась отъ Россіи. Союзъ былъ бракомъ не по любви, а по расчету, и цѣликомъ находилъ себѣ объясненіе въ тяжелыхъ условіяхъ, которыя пережила Турція. Исчезли эти условія, и непрочность союза стала обнаруживаться съ полной очевидностью. Договоръ былъ заключенъ на восемь лѣтъ. Исполнилось лишь шесть, а русская дипломатія уже ясно поняла, что дѣло 1833 года не имѣетъ

будущаго. Въ 1839 г. рѣчь шла о созывѣ конференціи для обсужденія дѣлъ Востока по поводу угрожавшаго новаго покушенія Мегемедъ Али на Турцію; обсуждая выгоды и невыгоды конференціи, Нессельроде писалъ, что она послужитъ лишь къ укрѣпленію вреднаго вліянія „морскихъ державъ"—какъ тогда говорилось объ Англіи и Франціи—на Турцію; послѣдняя окончательно забудетъ услуги, оказанныя Россіей, и обязательства, въ отношеніи ея принятыя, и вернется къ чувствамъ недовѣрія, которыя ее одушевляютъ. Въ докладѣ императору Николаю, относящемся къ тому же времени, Нессельроде откровенно говорилъ, что „нѣтъ даже тѣни надежды на возобновленіе" Ункіаръ-Искелесскаго договора и что возбуждать такой вопросъ значило бы итти на вѣрную неудачу, которой во что бы то ни стало надо избѣжать.

Политика императора Николая Павловича въ концѣ тридцатыхъ годовъ показала себя болѣе гибкой, нежели въ пятидесятыхъ, въ эпоху Крымской войны. Прежде чѣмъ блестящій фейерверкъ миссіи Орлова и договора 1833 г. успѣлъ потухнуть, императоръ Николай примирился съ этимъ неизбѣжнымъ концомъ и пошелъ по линіи компромисса, намѣченной ему осторожнымъ вице-канцлеромъ. Съ легкой руки С. С. Татищева, къ этому отступленію принято относиться со скорбью и негодованіемъ. С. М. Горяиновъ говоритъ: „Россію ложными аргументами влекли къ неблагодарной цѣли".

Такъ ли это? Мы читали „ложные аргументы". Они сводились къ тому, что Турцію нельзя заставить возобновить Ункіаръ-Искелесскій договоръ. Это было несомнѣнно справедливо и въ этомъ не было, конечно, ничего неожиданнаго. Теперь посмотримъ, что было „неблагодарной цѣлью".

Въ умѣ Нессельроде стоявшая передъ Россіей задача складывалась слѣдующимъ образомъ. Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ Турція обязалась закрыть европейскимъ государствамъ Дарданеллы. Ункіаръ-Искелесскій договоръ падалъ, и съ нимъ падало это постановленіе о проливахъ, имѣвшее столь существенное значеніе для обороны русскаго Черноморскаго побережья. Чѣмъ замѣнить его? Какъ сдѣлать столь быстро отбивавшагося отъ рукъ султана попрежнему стражемъ проливовъ? Для этого надо поступить такъ: предложить Европѣ, относившейся крайне враждебно къ Ункіаръ-Искелесскому договору, принять отказъ Россіи отъ этого акта, а вмѣсто того добиться, чтобы Европа приняла на себя обязательство узаконить начало закрытія проливовъ.

Такую программу, изложенную въ рядѣ депешъ и инструкцій Нессельроде, поручено было осуществить барону Бруннову, тогда еще начинающему дипломату, отправленному въ Лондонъ для переговоровъ по восточнымъ дѣламъ. Имя Бруннова неразрывно связано съ этой минуты и до половины 70 годовъ съ исторіей вопроса о проливахъ. То былъ

несомнѣнно даровитый и выдающійся представитель русской дипломатіи, бѣдной въ XIX вѣкѣ крупными талантами. Человѣкъ ума изворотливаго и тонкаго, любитель и знатокъ дипломатической казуистики и логики, безъ крупной программы и крупныхъ мыслей, но съ огромнымъ опытомъ, цѣпкой аргументаціей и выдающейся проницательностью, дисциплинированный и осторожный, но вкрадчивый и вліятельный, умѣвшій незамѣтно и любезно внушать и своимъ, и чужимъ свои мысли и свое пониманіе, но оторванный отъ всякой почвы и жившій цѣликомъ въ атмосферѣ европейскаго большого свѣта и ею дышавшій, типичнѣйшій представитель до сихъ поръ не умершаго типа. С. М. Горяиновъ суровъ къ Бруннову, упрекая его въ стремленіи творить угодное Англіи и въ непониманіи интересовъ страны, „которая называлась его родиной“. Я не думаю, чтобы эта оцѣнка была вполнѣ правильной: она граничитъ съ обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ и слишкомъ однотонно подчеркиваетъ то, что было полутономъ и оттѣнкомъ. Національное сознаніе не отсутствовало у этого типа русскихъ дипломатовъ, но отечество издали превращалось въ отвлеченную, какъ бы безплотную, формулу. Съ отечествомъ ихъ связывала одна лишь служебная ниточка, прикрѣпленная къ министерству иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ; то, что проходитъ черезъ эту ниточку, ими воспринимается и стойко отстаивается передъ чужими; но служебная ниточка питаетъ довольно бѣдно, а отсутствіе другихъ связей съ родиной не даетъ возможности восполнить этотъ скудный притокъ. Всѣ живыя впечатлѣнія получаются отъ чужой жизни, которая поневолѣ заражаетъ своими сужденіями и своими точками зрѣнія. Въ результатѣ безсознательное преувеличеніе вѣса и значенія того, что творится у чужихъ, и подчасъ готовность итти навстрѣчу тамъ, гдѣ этого дѣлать не слѣдовало бы. Такое настроеніе не сознается: передъ собственнымъ умственнымъ взоромъ оно закрыто совершенно добросовѣстнымъ исполненіемъ служебнаго долга, огромнымъ умѣніемъ съ достоинствомъ носить свое званіе представителя великой державы, ежедневной привычкой связывать съ именемъ своей страны источникъ и своего положенія, и своего авторитета, и своей роли. Это не „государственная измѣна“, а безсознательное ослабленіе живого государственнаго чувства и способности ярко воспринимать національныя точки зрѣнія, часто ничѣмъ серьезнымъ не скрашенное у дѣятелей второго разбора, но вознаграждаемое—конечно, только отчасти—у людей таланта совершеннымъ знаніемъ международныхъ условій, разумной осторожностью, тактомъ и умѣніемъ оріентироваться и свободно двигаться въ чужой жизни.

Всѣ эти особенности—и положительныя, и отрицательныя—фигуры Бруннова отразились на судьбѣ порученнаго ему въ концѣ 30-хъ годовъ вопроса о черноморскихъ проливахъ. Ему дана была ясная ин-

струкція перенести въ европейскій договоръ постановленіе о закрытіи проливовъ, заключавшееся въУнкіаръ-Искелесскомъ договорѣ и грозившее безслѣдно исчезнуть вмѣстѣ съ неминуемымъ исчезновеніемъ договора. Чтобы достигнуть этой цѣли, потребовалось не мало времени и не мало усилій. Брунновъ въ общемъ съ успѣхомъ выполнилъ порученіе.Ункіаръ-Искелесская секретная статья была перенесена въ договоръ, подписанный всѣми европейскими великими державами. Но при этомъ утрачено было много драгоцѣнныхъ особенностей статьи.

Переговоры открылись въ сентябрѣ 1839 г., а лондонская конвенція, которой они окончились, была подписана 1 (13) іюля 1841 года. За этотъ продолжительный срокъ Брунновъ много разъ редактировалъ и передѣлывалъ текстъ статей о проливахъ. Нѣтъ надобности слѣдить за этой бисерной редакціонной работой; гибкій умъ и гибкое перо Брунова творили чудеса; перестановкой нѣсколькихъ словъ или дополненіемъ коротенькой фразы незамѣтно достигалось полное измѣненіе смысла; редакція всасывала въ себя послѣдовательно замѣчанія и пожеланія всѣхъ, съ кѣмъ Бруннову приходилось вести переговоры. Въ концѣ-концовъ получилось слѣдующее правило: „Его величество султанъ, съ одной стороны, объявляетъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе на будущее время соблюдать начало непреложно установленное, какъ древнее правило его имперіи, и въ силу коего всегда было воспрещено военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы Дарданелла и Босфора и, пока Порта находится въ мирѣ, его султанское величество не допуститъ ни одного военнаго иностраннаго судна въ сказанные проливы. И ихъ величества императоръ Всероссійскій, императоръ австрійскій, король венгерскій и богемскій, король французовъ, королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и король прусскій, съ другой стороны, обѣщаютъ уважать это рѣшеніе султана и сообразоваться съ вышеизложеннымъ началомъ“.

Насколько статьяУнкіаръ-Искелесскаго договора проста и понятна, настолько приведенное правило лондонскаго договора 1841 г. полно хитросплетеній. Здѣсь и „древнее правило Оттоманской имперіи“, и „твердое намѣреніе“ султана его соблюдать, и обязательство державъ „уважать это рѣшеніе“ и сообразоваться съ „вышеизложеннымъ“ началомъ. Эта сложная форма и это содержаніе, въ которыхъ даже юристъ не сразу разбирается, представляютъ результатъ двухлѣтняго тщательнаго просѣваніяУнкіаръ-Искелесской статьи черезъ тонкое дипломатическое сито. Не трудно понять, что ушло и что осталось послѣ такой операціи.

Брунновъ тотчасъ же послѣ начала переговоровъ встрѣтился съ совершенно опредѣленной тенденціей всячески ослабить безусловный характеръ запрета проходить черезъ проливы. Официально лозунгомъ та-

кихъ стремленій былъ объявленъ „суверенитетъ“ султана надъ проливами, необходимость, съ одной стороны, предоставить ему возможность хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ открывать проливы, а съ другой, обезпечить его отъ появленія, вопреки его волѣ, русскихъ судовъ на Босфорѣ. Уже этотъ лозунгъ позволяетъ догадываться, откуда шли возраженія. Принципіальные защитники Турціи въ Европѣ — Меттернихъ и Пальмерстонъ—спѣшили помочь ей освободиться отъ узъ Ункіаръ-Искелесскаго договора и снять съ нея обязательства, связанныя съ одностороннимъ закрытіемъ проливовъ.

Въ поискахъ компромисса Брунновъ быстро оставилъ точку зрѣнія Ункіаръ-Искелесскаго договора въ ея чистомъ видѣ. Прежде всего, онъ началъ переговоры тѣмъ весьма важнымъ принципіальнымъ заявленіемъ, что актъ 1833 г. имѣлъ въ виду „закрыть проливъ *для всѣхъ*“. „Вы ошибались, — сказалъ онъ Пальмерстону, — если думали до сихъ поръ, что императоръ желаетъ оставить для себя открытою дверь, которую онъ хочетъ закрыть для васъ“. Это заявленіе, лишь отчасти оправдывавшееся инструкціями Нессельроде, превратило сразу же вопросъ о „закрытіи Дарданеллъ“ въ вопросъ о „закрытіи проливовъ“, тѣмъ самымъ не только о закрытіи входа въ Черное море, но и выхода изъ него. Далѣе Брунновъ придумалъ ту своеобразную фразу о „древнемъ правилѣ“ Оттоманской Порты, которая должна была придавать сдѣлкѣ внѣшній видъ признанія суверенитета Турціи, хотя бы и безъ признанія его по существу. Наконецъ, третья уступка заключалась въ томъ, что въ договорѣ закрытіе проливовъ было объявлено относящимся къ тому лишь времени, когда Турція находится въ мирѣ съ иностранными государствами. Меттернихъ и Пальмерстонъ на этомъ пунктѣ сосредоточили всю тяжесть своей аргументаціи: нельзя, говорилось въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ, лишить султана законнѣйшаго права во время войны открывать свою территорію своимъ союзникамъ. Брунновъ, правда, не сразу, но все же уступилъ этимъ возраженіямъ, и по лондонскому договору Турція завоевала право въ случаѣ своей войны забыть о существованіи этого акта.

Изъ этихъ трехъ уступокъ особенно существенна, конечно, послѣдняя. Мы знаемъ, что объ открытіи проливовъ для одной Россіи не думали и въ эпоху Ункіаръ-Искелесскаго договора. Мы не можемъ не признать довольно безразличною внѣшнюю форму обязательства о закрытіи проливовъ, ибо вѣдь и въ Ункіаръ-Искелесси искали любезной для Турціи редакціи. Зато нельзя не видѣть въ признаніи возможности открывать проливы при войнѣ большой шагъ назадъ сравнительно съ актомъ 1833 г. — Турція не достигала вполнѣ той цѣли, которую, какъ видно было, она поставила себѣ уже въ 1833 г. въ переговорахъ съ Орловымъ: право дѣлать исключенія изъ принципіальнаго закрытія проливовъ

не принадлежитъ ей безусловно, ибо для этого ей надо объявить кому-нибудь войну, но все же сдѣланъ важный шагъ къ этой цѣли. Бруновъ принялъ правило, которое эквивалентомъ Ункіаръ-Искелесскому договору служить не могло. Союзныя отношенія, устанавливавшіяся въ 1833 г., въ связи съ правиломъ о проливахъ, на самомъ дѣлѣ обезпечивали оборону русскаго черноморскаго берега. По лондонскому акту эта безопасность въ конечномъ счетѣ зависѣла отъ воли Турціи. Обязанный вѣрностью стражъ проливовъ получилъ въ 1841 г. право при желаніи напасть на хозяина и открыть дверь другимъ его врагамъ.

Императоръ Николай былъ вполнѣ доволенъ лондонскимъ договоромъ и не думалъ объ его измѣненіи. Новое обостреніе восточнаго вопроса, приведшее къ Крымской кампаніи и Парижскому миру, было вызвано имъ подъ вліяніемъ стремленій, непосредственно не связанныхъ съ судьбой Босфора. Но такова уже судьба восточныхъ дѣлъ, что какое бы изъ нихъ ни ставилось на очередь, вопросъ о проливахъ немедленно всплываетъ.

Такъ случилось и въ 1854—1856 гг. Императоръ Николай Павловичъ хотѣлъ разрѣшить вопросъ о Святыхъ мѣстахъ и, попутно, вопросъ о русскомъ религіозномъ протекторатѣ въ Турціи. Онъ вызвалъ большую европейскую войну, въ которомъ предметомъ борьбы сдѣлался весь восточный вопросъ въ его цѣломъ. Характерной особенностью этой войны было, что она все время перемежалась дипломатическими переговорами. Кризисъ 1853—1856 гг. есть не что иное, какъ переслоенная дипломатическими конференціями война, а, быть можетъ, даже скорѣе дипломатическія конференціи, переслоенныя военными дѣйствіями. Дипломаты сходились по нѣскольку разъ и до войны, и во время войны, и въ концѣ войны; отъ каждой дипломатической конференціи протягивались, сверхъ того, нити сложныхъ и запутанныхъ европейскихъ переговоровъ. Канвою всѣхъ этихъ дипломатическихъ объясненій служили когда-то знаменитые „четыре пункта“, въ которыхъ западныя государства усматривали „солидныя и постоянныя основанія“ для упорядоченія отношеній между Россіей и Турціей и которые знаменуютъ собой, можетъ быть, высшую точку, достигнутую въ теченіе девятнадцаго столѣтія турецкой дипломатіей въ борьбѣ за существованіе и независимость своей страны. Въ этихъ „четырехъ пунктахъ“ появляется и вопросъ о проливахъ, облеченный въ слѣдующую неясную, но многообѣщающую формулу: „пересмотръ договора 13 іюля 1841 г. въ интересахъ европейскаго равновѣсія“.

Когда вырабатывался лондонскій актъ 1841 г. о проливахъ, говорилось о томъ, что онъ заключается въ интересахъ европейскаго равновѣсія, которое будто бы нарушалось предшествующимъ Ункіаръ-Искелесскимъ союзомъ. Теперь актъ 1841 г. въ свою очередь былъ при-

знанъ нарушающимъ это равновѣсіе. Вынужденная принять „четыре пункта“, Россія не знала, какъ будетъ раскрыто содержаніе остававшагося загадочнымъ предложенія о проливахъ. Горчаковъ, который, въ качествѣ русскаго представителя въ Вѣнѣ, велъ главные переговоры въ этой стадіи исторіи вопроса, сдѣлалъ попытку провести свое собственное рѣшеніе загадки и доказать, что лучшимъ средствомъ обезпеченія европейскаго равновѣсія будетъ открытіе проливовъ. Онъ хорошо понималъ, что, по сравненію съ рѣшеніемъ 1841 г., съ системой закрытыхъ проливовъ, эта система открытія проливовъ представляетъ значительный шагъ назадъ, но онъ надѣялся, что этимъ путемъ удастся избѣжать худшаго. То, что онъ предлагалъ, заключалось въ слѣдующемъ. Султанъ „добровольнымъ актомъ своей суверенной воли“ измѣняетъ „древнее правило своей имперіи“, освященное въ 1841 г., и получаетъ право пропускать суда черезъ проливы согласно особому регламенту, основанному на признаніи равенства правъ всѣхъ иностранныхъ флотовъ; однако этотъ регламентъ для него, султана, обязателенъ лишь условно: онъ можетъ, съ одной стороны, въ случаѣ надобности давать право прохода, не стѣсняясь регламентомъ, а съ другой—можетъ въ случаѣ своей войны закрыть проливы.

Система открытыхъ проливовъ, единственный разъ въ чистомъ видѣ выраженная русской дипломатіей въ моментъ самаго тяжелаго внѣшняго кризиса, пережитаго Россіей за все девятнадцатое столѣтіе, была разсчитана на то, чтобы удовлетворить требованія европейской коалиціи. Казалось, что расчетъ совершенно правиленъ, что султанъ, „добровольнымъ актомъ суверенной воли“ открывая Черное море для западныхъ флотовъ, давалъ все, чего могли искать западныя государства. И тѣмъ не менѣе результатъ достигнутъ не былъ. Предложенія Горчакова были отвергнуты. Современные документы не оставляютъ никакого сомнѣнія, откуда шло сопротивленіе. „Вы знаете,—говорилъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Буоль Горчакову,— что это рѣшеніе, на которое мы не можемъ согласиться и которое *нанесло бы смертельный ударъ Турціи*“. Обсуждая вѣроятную судьбу предложенія, другой русскій представитель на вѣнскихъ конференціяхъ, Титовъ, такъ сводилъ сдѣланныя противъ него возраженія: „всѣ боятся новости и невѣрности подобнаго опыта; при новыхъ условіяхъ турецкая независимость едва ли будетъ существовать, даже какъ видимость“. Естественно, что турецкій уполномоченный на конференціи ни слова не сказалъ въ защиту проекта Горчакова, дававшаго Турціи такую власть надъ проливами, а на вопросъ русскаго посланника, почему онъ не поддержалъ столь выгодное для Турціи рѣшеніе, отвѣтилъ пустою фразой.

Европейское равновѣсіе, о которомъ говорилось въ „четырехъ пунктахъ“, постарались обезпечить другимъ путемъ, путемъ „нейтрализаціи“

Чернаго моря. Запретъ Россіи имѣть военный флотъ былъ, конечно, дѣйствительнѣе всѣхъ возможныхъ комбинацій правилъ о проливахъ, и не удивительно, что онъ больше удовлетворялъ турокъ и ихъ западныхъ друзей, чѣмъ предложеніе Горчакова. При всемъ его радикализмѣ имъ не хотѣли удовольствоваться: была сдѣлана попытка прибавить къ этому рѣшенію еще значительно отягчающій его проектъ постановленій о проливахъ. Начало закрытія Босфора и Дарданеллъ предложили сохранить, однако дополнивъ его правомъ въ видѣ исключенія открывать проливы для западныхъ флотовъ. Мы знаемъ, что мысль объ этомъ была не нова: она мелькаетъ еще въ переговорахъ графа Орлова въ 1833 году. Но никогда прежде и никогда послѣ она не была облечена въ столь простую и рѣзкую форму: въ проектѣ Друэнъ де-Луи (апрѣль 1855 г.) говорилось, во-первыхъ, о правѣ султана „въ случаѣ, если ему будетъ угрожать какая-либо опасность“, открывать проливы своимъ союзникамъ, а, во-вторыхъ, о правѣ неприбрежныхъ къ Черному морю государствъ содержать тамъ нѣсколько военныхъ судовъ. Появленіе такого проекта, сочетавшаго нейтрализацію Чернаго моря съ столь своеобразнымъ режимомъ на проливахъ, немедленно отразилось на послѣдующихъ переговорахъ. Разъ нейтрализацію приходилось принять и приходилось себя обезоружить на Черномъ морѣ, то правило о безусловномъ закрытіи проливовъ съ русской точки зрѣнія сдѣлалось единственнымъ средствомъ обороны Чернаго моря. Естественно, Горчаковъ, проявившій во время всѣхъ этихъ трудныхъ переговоровъ большой запасъ находчивости и темперамента, немедленно всю энергію, проявленную въ защитѣ открытія проливовъ, перенесъ на защиту ихъ закрытія. Въ концѣ-концовъ въ этомъ пунктѣ удалось отстоять положеніе, занятое Россіей. Проливы остались закрытыми. На Парижскомъ конгрессѣ конвенція 1841 года была возобновлена „съ нѣкоторыми лишь въ подробностяхъ измѣненіями, ни мало не нарушающими основныхъ началъ ея“, какъ говорится въ актѣ 1856 года.

Если формально положеніе проливовъ осталось тѣмъ же, что и по договору 1841 г., то по существу оно, конечно, рѣзко измѣнилось послѣ парижскаго конгресса. Константинополь получилъ двойную охрану: проливы были закрыты, а, сверхъ того, русскій флотъ на Черномъ морѣ былъ упраздненъ. При такихъ условіяхъ оборонительное значеніе перваго постановленія для Турціи естественно сдѣлалось гораздо меньшимъ. Что значитъ закрытая дверь, когда все равно некому выходить? Съ точки зрѣнія военной Черное море какъ бы возвращалось къ положенію до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, до завоеванія черноморскаго берега Россіей; въ смыслѣ военнаго флота Россія, какъ и тогда, на Черномъ морѣ не существовала. Само собою разумѣется, туркамъ лучшаго рѣшенія вопроса трудно было желать. Однако попытка вернуться

къ XVIII вѣку оказалась запоздалой. „Равновѣсіе“, которое мечтали установить Наполеонъ III, Пальмерстонъ и Буоль, было несомнѣнно случайнымъ и искусственнымъ. Не Турція своимъ собственнымъ вѣсомъ его обезпечивала, а временное ослабленіе Россіи, созданное Крымской войной, и тянувшія за турецкій рычагъ далекія державы Запада. Какъ только слабость Россіи прошла, какъ только на Западѣ Франція была временно выведена изъ строя, а Англія утратила прежнюю энергію въ служеніи пальмерстоновскимъ идеямъ,—политическій рычагъ быстро перемѣстился.

19 октября 1870 года Горчаковъ торжественно констатировалъ это перемѣщеніе, пославъ знаменитую ноту, провозглашавшую рѣшеніе Россіи отказаться отъ договорной обязанности не содержать флота на Черномъ морѣ.

„При всей смѣлости своей формы, нашъ шагъ въ сущности задуманъ былъ очень осторожно“, писалъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ циркуляра одинъ изъ оруженосцевъ Горчакова, Жомини, барону Бруннову. Въ самомъ дѣлѣ, Горчаковъ и въ эту лучшую минуту своей политической карьеры оставался вѣренъ себѣ. То не былъ крупный государственный человѣкъ, смѣло и не озираясь назадъ идущій къ разъ намѣченной цѣли; профессіональный дипломатъ, онъ всю жизнь не столько дѣйствовалъ, сколько занимался писаніемъ нотъ и подготовкой бесѣдъ съ иностранными послами; октябрьскій циркуляръ для него былъ тоже не дѣйствіемъ, а, прежде всего, дипломатическимъ документомъ; онъ заранѣе и тщательно думалъ о томъ, какое мѣсто займетъ его нота въ тѣхъ дипломатическихъ „dossiers“ иностранныхъ канцелярій, которые онъ открывалъ своимъ посланіемъ. Онъ зналъ, какіе отвѣты послѣдуютъ, и впередъ предугадывалъ свои реплики, а такъ какъ всякое нормальное дипломатическое производство въ его глазахъ должно было покоиться на классическомъ „do ut des“, то въ его полной оппортунизма головѣ, какъ бы въ интересахъ порядка, съ самаго начала готова была та „русская уступка“, „компенсація“ Западу, которая имѣла послѣдовать. Онъ почти навязывалъ ее своимъ противникамъ, не обладая достаточной выдержкой, чтобы противостоять до конца ихъ натиску.

Онъ хорошо зналъ, гдѣ лежали эти „компенсаціи“, ибо самъ еще въ 1854—1855 гг. въ Вѣнѣ выработалъ и отстаивалъ ихъ программу. То обстоятельство, что въ исключительную по своей выгодѣ, не имъ созданную, а почти свалившуюся съ неба, политическую минуту Горчаковъ, въ качествѣ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, готовился предложить Европѣ то, что онъ въ качествѣ русскаго уполномоченнаго предлагалъ ей въ худшую годину, пережитую Россіей въ теченіе прошлаго вѣка, даетъ истинную мѣрку его политической методы. „Ком-

пенсація", какъ и въ эпоху крымской войны, заключалась въ открытіи проливовъ для иностранныхъ флотовъ, а ее то Горчаковъ предписывалъ послу въ Лондонѣ предложить англичанамъ, чтобы помочь имъ помириться съ отмѣной нейтрализаціи Чернаго моря. Обстоятельства показали, однако, что измѣненія Парижскаго трактата можно было добиться цѣной болѣе дешевой, чѣмъ та, которую впередъ готовъ былъ предложить вице-канцлеръ.

Исполнителемъ инструкцій Горчакова пришлось быть Бруннову. Авторъ лондонской конвенціи 1841 года и на этотъ разъ очень скоро сумѣлъ взять въ свои руки весь ходъ переговоровъ. Онъ очень осторожно отнесся къ данному ему предписанію. Нащупавъ почву, онъ быстро понялъ, что мысль Горчакова оріентировалась неправильно, и сейчасъ же измѣнилъ постановку вопроса. При всей своей значительности, компенсація Горчакова была не той, которая требовалась. Невыгодная Россіи, она вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчала въ своемъ осуществленіи непреодолимыя затрудненія. Эти затрудненія лежали тамъ же, гдѣ и въ 50-хъ годахъ, въ Турціи.

Что Турція не приметъ комбинаціи Горчакова, стало ясно уже въ теченіе первыхъ недѣль, слѣдовавшихъ за отправкой его циркуляра. Брунновъ въ ноябрѣ спѣшилъ предупредить Горчакова о трудности провести его проектъ и любезно совѣтовалъ ему оставить въ своихъ рукахъ „карту, которую надо держать про запасъ и не класть на столъ раньше времени". Горчаковъ не настаивалъ. Турки выдвинули очень скоро предложенія другого порядка. Нельзя не удивляться послѣдовательности ихъ внѣшней политики. Мы видѣли, что еще въ 1833 году они защищали начало закрытія проливовъ съ правомъ ихъ открывать въ цѣляхъ своей обороны; въ 1841 г. часть этой программы была выполнена, такъ какъ Турція получила право во время своей войны открывать проливы. Оставалось сдѣлать еще шагъ и добиться возможности закрытые въ принципѣ проливы открывать въ интересахъ обороны и въ мирное время. Такая программа всего яснѣе изложена въ инструкціи, посланной изъ Константинополя турецкому послу въ Лондонѣ, Мусурусу. Въ ней ему предписано было энергично бороться противъ предложенія открыть проливы, такъ какъ Порта не можетъ допустить безпрепятственный проходъ военныхъ судовъ и даже флотовъ мимо Константинополя. Вмѣсто этого ему предлагалось отстаивать начало закрытія проливовъ съ тѣмъ, чтобы Турція могла ихъ открывать, когда признаетъ это необходимымъ, и чтобы такія распоряженія не могли служить поводомъ къ какимъ-либо представленіямъ со стороны державъ.

Такая программа въ чистомъ видѣ не была усвоена европейской дипломатіей. Она подверглась переработкѣ, направленіе которой предугадать не трудно. При принятіи турецкаго проекта въ связи съ отмѣ-

ной нейтрализаціи Чернаго моря отъ Парижскаго трактата не оставалось и слѣда. Положеніе Россіи на проливахъ уравнивалось съ положеніемъ всѣхъ остальныхъ государствъ, а русскій черноморскій флотъ возстановлялся. „Равновѣсіе", о которомъ такъ заботились въ 50-хъ годахъ, грозило исчезнуть. Конечно, государства, создавшія договорный порядокъ 1856 г., переживали минуту слабости; но они все же не всѣ выведены были изъ строя. При такихъ условіяхъ естественно, что Австро-Венгрія и Англія должны были искать нѣсколько иныхъ комбинацій, чѣмъ та, которая предлагалась Турціей. С. М. Горяиновъ называетъ обнаружившіяся стремленія нѣсколько старомоднымъ словомъ „интриги". Пусть такъ, но то были все же факторы, съ которыми приходилось считаться при разрѣшеніи вопроса. Горчаковъ первый далъ примирительную ноту переговорамъ, которые открылись послѣ его циркуляра. Брунновъ не былъ человѣкомъ, отъ котораго могло исходить какое-либо сопротивленіе такой тенденціи. Онъ сразу же вошелъ въ кругъ мыслей западной дипломатіи, рѣшилъ, что, если искать компенсацій, то именно тѣхъ, которыхъ требовали въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ, и эту свою мысль довелъ до конца. Предложенія, о которыхъ условились Бейстъ и Гренвилль, сводились къ тому, что проливы остаются закрытыми, но что въ то же время султанъ имѣетъ право для своей безопасности открывать ихъ для военныхъ судовъ Запада или, какъ болѣе дипломатично выражались въ Вѣнѣ и Лондонѣ, „державъ, не-прибрежныхъ къ Черному морю". Брунновъ увѣрилъ себя и Петербургъ, что внѣ этого компромисса нѣтъ спасенія, что безъ него нельзя заставить участниковъ созванной въ Лондонѣ конференціи согласиться на отмѣну нейтрализаціи Чернаго моря. Трудно съ точностью учесть, насколько правильной была эта оцѣнка. Я воздержался бы, напримѣръ, отъ того категорически отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, который составляетъ предпосылку всего разсказа С. М. Горяинова, но все же я не могу не раздѣлять впечатлѣнія, что Брунновъ велъ дѣло неправильно. Въ самомъ дѣлѣ, получалось слѣдующее странное положеніе; два рѣшенія были предложены на конференціи: одно—турецкое—заключалось въ закрытіи проливовъ съ правомъ Турціи, при извѣстныхъ условіяхъ, ихъ открывать для военныхъ судовъ любыхъ государствъ, не исключая Россіи; другое—западное—предлагало, чтобы проливы можно было открывать только „не-прибрежнымъ къ Черному морю государствамъ", т.-е. всѣмъ, кромѣ Россіи. Брунновъ, убѣдивъ себя, что только при второмъ изъ этихъ двухъ рѣшеній возможенъ компромиссъ съ Вѣной и Лондономъ, энергично защищалъ второе. Онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки использовать настойчивость турокъ въ отстаиваніи ихъ проекта, явно болѣе выгоднаго для Россіи; напротивъ, онъ все сдѣлалъ, чтобы, съ одной стороны, дискредитировать его въ Петербургѣ, гдѣ спа-

чала не разобрали въ чемъ дѣло, и спохватились слишкомъ поздно, а съ другой—провалить его на конференціи. Не смущаясь сѣтованіями, которыя съ разныхъ сторонъ доходили до него,—и изъ Петербурга, и изъ Константинополя отъ Игнатьева, и изъ Вѣны отъ Новикова,—старый Брунновъ велъ свою линію. Только упорство турокъ спасло положеніе. Несмотря на то, что, по настоянію Бруннова, самъ Александръ II, скрѣпя сердце, просилъ султана снять выгодное для Россіи предложеніе,—турки продолжали настаивать. Чтобы свезти конференцію съ мертвой точки, пришлось придумать новую редакцію и выкинуть изъ текста указаніе на привилегированное положеніе „не-прибрежныхъ государствъ". Нельзя сказать, чтобы эта новая редакція была особенно ясной; можетъ быть, именно благодаря этой неясности она и имѣла успѣхъ. Вотъ что записано было въ заключенной въ Лондонѣ въ 1871 г. конвенціи: „Закрытіе Дарданельскаго и Босфорскаго проливовъ, какъ оно было установлено сепаратной конвенціей 30 марта 1856 г., сохраняетъ свою силу, *съ правомъ*, предоставленнымъ е. и. в. султану, *открывать* сказанные *проливы въ мирное время для военныхъ судовъ дружественныхъ и союзныхъ державъ въ томъ случаѣ, когда Блистательная Порта найдетъ это необходимымъ для обезпеченія исполненія постановленій Парижскаго трактата 30 марта 1856 г.*".

Въ Парижскомъ трактатѣ, для охраны котораго должны были открываться проливы, было много самыхъ разнообразныхъ постановленій. Ни съ однимъ изъ нихъ, кромѣ отмѣненныхъ правилъ о нейтрализаціи Чернаго моря, судьба проливовъ связана не была; почему, напримѣръ, для обезпеченія зависимости Сербіи отъ Турціи надо было вводить иностранныя суда въ Черное море? Очевидно, о точномъ содержаніи статей Парижскаго трактата не думали, а вспоминали его, какъ нѣкоторый политическій „пароль", какъ символъ пресловутаго „status quo" на турецкомъ востокѣ. Но именно техническія несовершенства договора удовлетворили всѣхъ: удовлетворили русскую дипломатію, потому что новая редакція замѣнила явно направленный противъ Россіи проектъ, удовлетворили Турцію, потому что эта редакція давала султану право открывать проливы для своей обороны, удовлетворили Западъ, потому что договоръ ссылался на созданный его усиліями Парижскій актъ.

Лондонская конвенція 1871 г.—послѣдняя страница договорной исторіи проливовъ. Она подводитъ итогъ борьбы, обнимающей полстолѣтія, и этотъ итогъ донынѣ остается безъ измѣненій. Рѣшеніе, простой намекъ на которое графъ Орловъ считалъ „неумѣстнымъ" въ устахъ турокъ, стало дѣйствующимъ правомъ, закрѣплено санкціей Европы, снабжено подписью Россіи. Изъ двухъ боровшихся политическихъ тезисовъ—русскаго и турецкаго—исторія выбрала второй.

Слѣдуетъ ли отсюда, что пришло время забыть, откуда мы начали борьбу, осудить усилія ряда поколѣній, какъ безплодныя исканія неосуществленнаго, а слѣдовательно и неосуществимаго идеала? Прошлое даетъ урокъ, но этотъ урокъ не тамъ, гдѣ его видятъ вялые исторические моралисты.

Въ 1877 г. богато одаренному русскому дипломату, недавно скончавшемуся А. И. Нелидову было поручено разработать условія мирнаго договора, которымъ надо было завершить послѣднюю русско-турецкую войну. С. М. Горяиновъ приводитъ выдержки изъ составленнаго Нелидовымъ мемуара. „Главное условіе, которое слѣдуетъ ввести въ мирный договоръ,—писалъ тогда еще молодой начальникъ дипломатической канцеляріи великаго князя Николая Николаевича,—касается проливовъ. Свобода сообщеній съ Средиземнымъ моремъ и въ то же время возможность воспрепятствовать непріятельскимъ флотамъ угрожать нашимъ черноморскимъ берегамъ; таковой должна быть и всегда была главная задача нашей морской политики въ Турціи. Поэтому надо искать сочетанія условій, *которыя обезпечили бы намъ, намъ однимъ, свободу плаванія черезъ проливы, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ военныхъ флотовъ*“.

Кто станетъ оспаривать эту политическую истину? Она не получила осуществленія въ 1878 г., какъ не получила осуществленія и ранѣе, но развѣ исторія можетъ ее опровергнуть. Исторія говоритъ лишь о томъ, что помѣшало ея осуществленію, что привело къ торжеству иныхъ рѣшеній. Собранные С. М. Горяиновымъ матеріалы даютъ возможность установить эти условія, а тѣмъ самымъ нащупать, гдѣ лежитъ истинная разгадка проблемы проливовъ. Ее не надо искать на западѣ, въ коварствѣ Пальмерстона или интригахъ Бейста и ихъ предшественниковъ и преемниковъ. Мы видѣли, что она, прежде всего, лежитъ въ Турціи. Пока Турція сохраняетъ жизненную энергію, она не дастъ и не можетъ дать пересѣчь себя открытыми для Россіи Босфоромъ и Дарданеллами. Поэтому разрѣшить задачи, которыя для Россіи связаны и всегда будутъ связаны съ проливами, можно, только разрѣшая восточный вопросъ. А разъ послѣдній еще не снятъ съ очереди, легкомысленно думать, что исторія дала конечную разгадку и вопросу о черноморскихъ проливахъ.

Бар. Б. Э. Нольде.

Письма о національностяхъ и областяхъ.

Сибирь.

Экономическія проблемы сибирской жизни.

Осенью 1910 года западная Сибирь удостоилась чрезвычайнаго посѣщенія двухъ министровъ, которые изложили свои впечатлѣнія и наблюденія въ особой запискѣ, составляющей приложеніе къ Всеподданнѣйшему докладу. И сама поѣздка, и, въ особенности, записка надѣлали много шуму и вызвали самые разнообразные комментаріи—отъ панегириковъ офиціозной и рептильной прессы до рѣзкой критики, исходившей въ особенности отъ мѣстныхъ людей. Злые языки доходили даже до утвержденія, что самая записка была составлена заранѣе, до поѣздки, и что впечатлѣнія молодыхъ министровъ были чудеснымъ образомъ предугаданы. Быть можетъ, это и не такъ въ дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ содержаніе записки въ достаточной степени оправдываетъ возникновеніе подобнаго рода слуховъ,—настолько ясна предвзятая идея въ основѣ записки и такъ поверхностно, чисто по-кабинетному разрѣшаются затронутые вопросы. Такъ или иначе, съ запиской приходится неизбѣжно считаться, какъ съ изложеніемъ правительственной программы въ отношеніи Сибири, тѣмъ болѣе, что къ осуществленію намѣченныхъ мѣропріятій въ отдѣльныхъ случаяхъ приступлено безъ замедленія. Хотя непосредственному обозрѣнію подверглась лишь западная Сибирь, но заключенія записки охватываютъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся всей Сибири, затрагивая разнообразнѣйшія стороны ея культурной, правовой и экономической жизни. Особенный интересъ для насъ представляетъ экономическая программа правительства, такъ какъ, при всей поверхности изложенія записки, въ ней выдвинутъ рядъ вопросовъ, относительно способовъ разрѣшенія которыхъ можно спорить, но самую постановку которыхъ на очередь нельзя не привѣтствовать.

Задачи экономической государственной политики въ отношеніи Си-

бири формулированы запиской двухъ министровъ нижеслѣдующимъ образомъ (стр. 95): „1) Заселяя Сибирь хлѣбопашцами, нужно обезпечить сбытъ сибирскому хлѣбу. 2) Нужно направить хозяйство переселенцевъ и старожиловъ Сибири на путь, наиболѣе отвѣчающій природнымъ условіямъ этой окраины и общему положенію Россіи на міровомъ рынкѣ". Правильному развитію экономической жизни Сибири должно служить также, по мнѣнію авторовъ записки, и распространеніе на Сибирь началъ частной земельной собственности и реформированіе переселенческой политики.

Базисомъ изложенной программы служитъ вполнѣ опредѣленное представленіе о ближайшемъ экономическомъ будущемъ Сибири, какъ страны почти исключительно сельскохозяйственной, не имѣющей шансовъ на скорое развитіе обрабатывающей промышленности. Дѣйствительно, массовое переселеніе земледѣльческаго элемента въ Сибирь ставитъ передъ государствомъ во весь ростъ гигантскую задачу обезпеченія сбыта избытковъ сибирскаго сельскохозяйственнаго производства. Количество избытковъ хлѣба, по самымъ скромнымъ подсчетамъ проф. Соболева, достигнетъ въ ближайшіе годы 50 милліоновъ пудовъ, а правительственная записка говоритъ о еще болѣе грандіозной цифрѣ въ 150 милліоновъ пудовъ. Хотя размѣры переселенческаго движенія за послѣдній годъ и понизились почти вдвое по сравненію съ 1909 г., но все же и цифра 300 тысячъ человѣкъ, перевалившихъ Уралъ въ 1910 г., представляется достаточно солидной, чтобы заставить задуматься надъ способами сбыта продуктовъ будущаго производства этихъ новыхъ насельниковъ Сибири. Неурожай 1909 г. и средній по количеству, хотя и высокій по качеству, урожай 1910 г. нѣсколько отсрочили неизбѣжный кризисъ, связанный съ перепроизводствомъ хлѣба и невозможностью для населенія его реализовать. Тѣмъ не менѣе нужны экстренныя мѣры, чтобы противостоять этому своеобразному бѣдствію, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что существующіе рынки сбыта хлѣба западной Сибири, являющейся главнымъ райономъ его производства, совершенно недостаточны. Внутренній сибирскій рынокъ весьма незначителенъ, вслѣдствіе отсутствія сколько-нибудь развитой промышленности; кромѣ того, въ Забайкальѣ, являвшемся до сихъ поръ постояннымъ потребителемъ западно-сибирскаго хлѣба, послѣднему приходится выдерживать конкуренцію съ гораздо болѣе близкимъ къ рынку манчжурскимъ зерномъ. Уральскій заводской рынокъ, потреблявшій сравнительно большое количество сибирскаго хлѣба, не развивается, а скорѣе падаетъ въ связи съ общимъ упадкомъ горнозаводской дѣятельности Урала. На внутреннемъ рынкѣ Европейской Россіи сибирскій хлѣбъ могъ бы встрѣтить болѣе значительный спросъ, чѣмъ теперь, но путь на этотъ рынокъ ему загражденъ челябинскимъ переломомъ тарифа, на отмѣну

котораго правительство никакъ не можетъ рѣшиться, хотя вопіющая несправедливость существующаго порядка общепризнана. Судя по тревогѣ, какую забили аграріи центральныхъ губерній, и по многозначительнымъ оговоркамъ вышеупомянутой записки двухъ министровъ, можно предугадать, что взамѣнъ челябинскаго перелома явится такая тарифная формула, которая по существу очень мало облегчитъ положеніе сибирскихъ производителей хлѣба. Приходится такимъ образомъ искать другихъ потребителей, которыхъ можно найти только на міровомъ рынкѣ. Однако, при существующихъ условіяхъ, вывозъ сибирскаго хлѣба за границу возможенъ лишь для ближайшихъ къ Челябинску районовъ и при высокомъ уровнѣ цѣнъ на міровомъ рынкѣ. Правда, существуетъ очень распространенное мнѣніе, что міровыя цѣны на хлѣбъ въ настоящее время отнюдь не обнаруживаютъ наклонности къ пониженію, а напротивъ, можно ожидать дальнѣйшаго ихъ роста; но даже при этомъ оптимистическомъ предположеніи не слѣдуетъ упускать изъ виду, что себѣстоимость хлѣба для западно-сибирскаго производителя неизбѣжно должна будетъ возрастать вслѣдствіе истощенія почвы, распашки худшихъ по качеству земель и вызываемой этимъ необходимости болѣе совершенныхъ и дорогихъ способовъ обработки земли или же меньшей урожайности при той же затратѣ труда. Между тѣмъ разстояніе отъ пунктовъ производства хлѣба до ближайшихъ вывозныхъ портовъ такъ велико, что стоимость провоза ложится непомѣрно тяжело на общую стоимость пуда хлѣба. Если къ этому прибавить отсутствіе сколько-нибудь развитой желѣзнодорожной сѣти и скверное состояніе грунтовыхъ дорогъ, то станетъ понятно, почему сибирскій хлѣбъ, при своихъ высокихъ качествахъ и дешевизнѣ на мѣстѣ производства, не могъ завоевать себѣ прочныхъ позицій на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ.

Много труда было положено на разработку вопроса о созданіи дешеваго и прямого выхода для сибирскаго хлѣба непосредственно на западно-европейскіе рынки, гдѣ онъ не могъ бы являться опаснымъ конкурентомъ для продуктовъ Европейской Россіи. Былъ предложенъ рядъ разнообразныхъ рѣшеній, большинство которыхъ не осуществлено и понынѣ, а приведенныя въ исполненіе не достигли цѣли. Въ эпоху установленія челябинскаго перелома гр. Витте хотѣлъ сгладить вопіющую несправедливость этой мѣры созданіемъ смѣшаннаго пути на Котласъ-Архангельскъ. Результатъ, однако, оказался плачевнымъ: неудобства этого пути оказались настолько значительны, что имъ пользуется лишь незначительное количество хлѣба и спеціально построенная Пермь-Котласская вѣтка даетъ ежегодно чистый убытокъ. Та же задача была бы осуществлена, если бы оказалось возможнымъ установить прямое сообщеніе между Лондономъ и западной Сибирью чрезъ Ледовитый океанъ, Карское море и Обь-Енисейскую губу. Несмотря на малую освѣ-

домленность объ условіяхъ плаванія и отсутствіе какихъ-либо сигнальныхъ приспособленій, опыты плаванія этимъ путемъ дали удовлетворительные результаты. Знатоки сѣверныхъ морей (Вилькицкій, Колчакъ и другіе) утверждаютъ, что съ ничтожными затратами на безпроволочный телеграфъ и нѣсколько предостерегательныхъ знаковъ можно достигнуть полной обезпеченности этого пути. На первое время необходимы, однако, нѣкоторыя льготы, чтобы пріохотить мореходцевъ къ этому пути и оправдать ихъ первоначальный рискъ. Льготы возможны либо въ формѣ сложенія таможенныхъ пошлинъ на опредѣленные предметы ввоза, либо въ видѣ системы навигаціонныхъ или вывозныхъ премій. Опытъ портофранко, существовавшаго нѣкоторое время въ устьяхъ Оби и Енисея, не успѣлъ дать ощутительныхъ результатовъ по краткости періода своего дѣйствія, а къ новымъ попыткамъ въ этомъ направленіи министерство торговли и промышленности и министерство финансовъ отнеслись крайне несочувственно. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать извѣстной доли неопредѣленности въ этомъ рѣшеніи вопроса, какъ и того, что для широкаго развитія вывоза сибирскаго сырья этимъ путемъ потребуется довольно продолжительный опытъ. Затруднительность плаванія Карскимъ моремъ заставила искать обходныхъ путей въ видѣ желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ нижнее теченіе Оби непосредственно съ побережьемъ Ледовитаго океана къ западу отъ Новой Земли. Таковы проекты скончавшагося недавно А. Д. Голохвастова [1]), инженера Кнорре, Бѣлобородова и недавно выдвинутый В. Н. Вольтманомъ проектъ Обь-Архангельской желѣзной дороги. Параллельно съ этими проектами смѣшанныхъ желѣзнодорожно-водныхъ путей слѣдуетъ поставить и предположенія о созданіи сплошного воднаго пути, соединяющаго систему сибирскихъ рѣкъ съ рѣками Европейской Россіи; сѣверный варіантъ этого пути намѣчаетъ соединеніе Оби съ Печорой и Сѣверной Двиной, южный— связываетъ Обь съ Камой и Волгой.

Записка двухъ министровъ намѣчаетъ для разрѣшенія поставленной задачи сбыта сырья три мѣропріятія: сооруженіе желѣзной дороги Семипалатинскъ-Уральскъ, соединеніе Волги съ Обью шлюзованнымъ каналомъ черезъ Уралъ и *постепенную* отмѣну челябинскаго перелома тарифа. Что касается послѣдней изъ этихъ мѣръ, можно лишь пожалѣть о намѣреніи проводить ее „постепенно"; не подлежитъ сомнѣнію, что полная отмѣна перелома дала бы сильный толчокъ къ вывозу хлѣба изъ района между Челябинскомъ и Омскомъ и въ значительной степени улучшила бы положеніе производителей хлѣба сѣверной части Степного

[1]) Этотъ замѣчательный энтузіастъ-неудачникъ занимался проведеніемъ своего проекта слишкомъ 20 лѣтъ (съ 1887 г.), потерялъ на немъ все свое состояніе и умеръ въ ту пору, когда счастье, казалось, стало ему улыбаться, такъ какъ его планами заинтересовались вліятельные члены Государственной Думы.

края. Даже для алтайскаго хлѣба немедленное осуществленіе этой мѣры могло бы принести благодѣтельные результаты; когда же рѣчь заходитъ о постепенности, то сибиряки на основаніи долгаго опыта привыкли понимать этотъ терминъ, какъ посулъ ничтожной подачки въ настоящемъ и отложеніе всей реформы ad calendas graecas. Большія сомнѣнія возбуждаетъ въ насъ и Семипалатинскъ-Тральская дорога; общее направленіе ея выбрано безусловно правильно, но немедленная ея постройка сразу на всемъ протяженіи врядъ ли можетъ быть признана экономически цѣлесообразной. Къ сожалѣнію, въ это дѣло запутались вопросы переселенческой политики и крупные банковскіе синдикаты, что отнюдь не способствуетъ спокойному отношенію правительства къ этому серьезному вопросу. Во всякомъ случаѣ невозможно разсчитывать, чтобы алтайскій хлѣбъ двинулся по этой дорогѣ, какъ предполагаютъ ея сторонники, на Волгу и оттуда воднымъ путемъ за границу. Еще болѣе серьезныя сомнѣнія вызываетъ предположенный искусственный водный путь: хотя изъ двухъ возможныхъ варіантовъ намѣченъ несомнѣнно болѣе раціональный,—южный, но тратить громадныя средства на это грандіозное предпріятіе, когда существующія условія плаванія по сибирскимъ рѣкамъ слишкомъ далеки отъ совершенства, можно лишь при полной увѣренности въ экономической выгодности создаваемаго пути. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ, однако, замѣтить, что авторы записки какъ бы забываютъ для своихъ проектовъ вывоза хлѣба по Семипалатинскъ-Уральской дорогѣ и по шлюзованному пути о тѣхъ возраженіяхъ, которыя они же сами выставляютъ противъ сѣверныхъ путей, главнымъ образомъ, указанія на медленность оборота капитала. Между тѣмъ во всѣхъ этихъ случаяхъ сибирскій хлѣбъ одинаково попадаетъ на европейскій рынокъ лишь въ слѣдующемъ за его сборомъ году, т.-е. цѣлый годъ лежитъ мертвымъ капиталомъ. Чтобы парализовать вліяніе этого фактора, нуженъ такой дешевый вывозной путь, какимъ никогда не будутъ проектируемыя правительствомъ системы. Во всякомъ случаѣ, роковой для Сибири вопросъ реализаціи сырыхъ ея продуктовъ не долженъ рѣшаться съ птичьяго полета и при помощи полумѣръ. Одно изъ двухъ: либо свободное обращеніе сибирскаго хлѣба на рынкахъ Европейской Россіи признается возможнымъ,—тогда почти для всей западной Сибири вопросъ можетъ быть рѣшенъ раціональнымъ планомъ желѣзнодорожной сѣти и правильной системой тарифовъ; либо сибирскій хлѣбъ попрежнему считается опаснымъ конкурентомъ и появленіе его на внутреннемъ рынкѣ въ большихъ количествахъ признается принципіально недопустимымъ,—въ этомъ случаѣ необходимо все вниманіе сосредоточить на созданіи непосредственныхъ сношеній Сибири съ міровымъ рынкомъ, и тогда выборъ остается лишь между различными проектами сѣверныхъ путей, въ осуществимости которыхъ послѣ опытовъ сѣверной

Америки и Канады врядъ ли можно сомнѣваться. Но какъ бы ни была рѣшена основная задача для бассейна Оби, вопросъ о морскомъ пути черезъ Карское море сохраняетъ свое самостоятельное значеніе для бассейна рѣки Енисея, развитію котораго благопріятное разрѣшеніе этого вопроса дастъ могущественный толчокъ.

Не менѣе остро, чѣмъ вопросъ объ изысканіи прочныхъ рынковъ для сибирскихъ продуктовъ, выдвигается и необходимость развитія внутреннихъ путей сообщенія, способныхъ облегчить правильный обмѣнъ предметами производства и потребленія. Чтобы получить представленіе о сибирскомъ бездорожьи, нѣтъ надобности въ какихъ-либо статистическихъ данныхъ или расчетахъ,—достаточно взглянуть на карту Сибири, по грандіознымъ пространствамъ которой одинокой ниточкой протянулся великій сибирскій путь, чтобы понять, до какой степени назрѣла въ этой обширнѣйшей странѣ нужда въ усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія. Если до недавняго времени Сибирь могла обходиться безъ желѣзныхъ дорогъ и довольствоваться своими могучими рѣками, то это объяснялось специфическими особенностями экономической жизни Сибири, недалеко ушедшей въ ту пору отъ натуральнаго хозяйства. Сооруженіе желѣзной дороги произвело коренной переворотъ въ сибирскомъ хозяйствѣ, вовлекло Сибирь въ міровой товарообмѣнъ и потребовало такой быстроты торговыхъ сношеній, какая не можетъ быть достигнута при помощи однихъ водныхъ и гужевыхъ путей. Подъ давленіемъ этой острой нужды вся Сибирь зашевелилась въ послѣдніе два года, и мы присутствуемъ при почти безпримѣрныхъ усиліяхъ, употребляемыхъ различными городами, чтобы притянуть къ себѣ въ первую очередь желанный рельсовый путь. Много курьезнаго, иногда прямо досаднаго въ этихъ безконечныхъ ходатайствахъ городовъ, думающихъ каждый только о своихъ интересахъ; много денегъ бросается зря, на вѣтеръ, расхватывается всевозможными любителями легкой наживы, но много средствъ идетъ и на серьезное техническое и экономическое обслѣдованіе вопросовъ желѣзнодорожнаго строительства. Въ этой желѣзнодорожной горячкѣ, охватившей всю страну, какъ бы символизируется глубокая потребность для Сибири войти въ міровой товарообмѣнъ въ качествѣ равноправнаго члена, а не случайнаго, запоздалаго гостя. Къ сожалѣнію, петербургскія правительственныя сферы склонны весьма пренебрежительно относиться къ голосу представителей мѣстныхъ интересовъ и мало заботятся о томъ, чтобы согласовать всѣ эти противорѣчивые интересы на почвѣ общаго широкаго плана развитія желѣзнодорожной сѣти, гдѣ нашли бы себѣ удовлетвореніе наиболѣе существенныя требованія, хотя бы и въ различныхъ очередяхъ осуществленія. Грандіозное совѣщаніе о западно-сибирскихъ желѣзныхъ дорогахъ, созванное по настоянію мѣстныхъ людей, обращено было привычными руками чиновниковъ

въ обычную процедуру разсмотрѣнія отдѣльныхъ концессій, и о какомъ-либо общемъ планѣ не было и рѣчи. Была, впрочемъ, попытка поставить вопросъ на принципіальную почву въ такой формѣ: нуждается ли Сибирь въ новыхъ магистраляхъ или въ подъѣздныхъ путяхъ? Къ сожалѣнію, авторы такой постановки вопроса упустили изъ виду, что правильное его разрѣшеніе возможно опять-таки лишь на почвѣ общаго плана. Дѣйствительно, правильный отвѣтъ былъ бы таковъ: въ Сибири нужно строить подъѣздные пути, но съ такимъ расчетомъ, чтобы они входили въ схему будущихъ магистралей. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же признать, что Сибирь достаточно обслужена магистралями, а съ другой стороны, одна такая магистраль, какъ Семипалатинскъ-Уральская, потребуетъ такихъ затратъ, что желѣзнодорожное строительство въ другихъ своихъ частяхъ будетъ неизбѣжно заторможено. А между тѣмъ острая потребность въ желѣзной дорогѣ ощущается въ столькихъ районахъ Сибири, что было бы совершенно нехозяйственно обратить всѣ свободные ресурсы на выполненіе одной, быть можетъ, наименѣе срочной, задачи. Та же необходимость разумной экономіи заставляетъ сибиряковъ придавать огромное значеніе правильному взаимодѣйствію привычныхъ водныхъ путей и вновь проектируемыхъ желѣзныхъ дорогъ. Общественное мнѣніе Сибири уже сыграло однажды свою роль въ этомъ отношеніи, добившись отмѣны разрѣшенной было Семипалатинскъ-Омской дороги, на всемъ протяженіи проходящей рядомъ съ такой могучей водной артеріей, какъ Иртышъ. Конкуренція желѣзной дороги съ рѣкой вездѣ одинаково вредна и для судоходства, и для желѣзной дороги, тогда какъ правильное ихъ взаимодѣйствіе вездѣ приноситъ пользу обѣимъ сторонамъ; для Сибири же проведеніе желѣзныхъ дорогъ, конкурирующихъ съ водными путями, представляется прямо недопустимой роскошью. Съ такой же осторожностью приходится подходить и къ мѣрамъ созданія шлюзованныхъ путей, о которыхъ мечтаютъ дѣятели путейскаго вѣдомства, обезпечивающихъ непрерывный водный путь чуть ли не отъ С.-Петербурга до Владивостока и уже во всякомъ случаѣ до Иркутска. Сибиряки настроены вообще весьма скептически по отношенію къ водянымъ путейскимъ сферамъ, имѣя къ тому достаточныя основанія въ прошлой исторіи этого дѣла въ такихъ эпопеяхъ, какъ обь-енисейскій каналъ или выправительныя работы на Турѣ и Тоболѣ. Но, даже допуская возможность перехода дѣла въ болѣе искусныя и вѣрныя руки, нельзя не усомниться въ томъ, что эти работы слѣдуетъ ставить въ первую очередь. Слишкомъ достаточно на сибирскихъ рѣкахъ назрѣвшихъ нуждъ по улучшенію условій плаванія судовъ, устройству затоновъ, гаваней, упорядоченію грузовыхъ операцій, удаленію такихъ препятствій, какъ пороги, чтобы можно было безъ колебаній отодвинуть ихъ на второй планъ; а это неизбѣжно случится, если значительныя средства будутъ

затрачены на созданіе шлюзованныхъ путей. Такъ или иначе, хорошо уже то, что водные пути Сибири стали привлекать къ себѣ вниманіе правительственныхъ органовъ, остается лишь пожелать, чтобы хотя та же степень вниманія была удѣлена и гужевымъ путямъ подвоза къ рѣкамъ и желѣзнымъ дорогамъ, состояніе которыхъ ниже всякой критики. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ рѣшеніе вопроса зависитъ не только отъ экономическихъ, но и отъ правовыхъ условій; пока дорожное дѣло Сибири будетъ въ рукахъ чиновниковъ, а не органовъ мѣстнаго самоуправленія, объ улучшеніи грунтовыхъ путей говорить затруднительно. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ помнить неизмѣнную истину, что всякое раціональное улучшеніе путей сообщенія въ Сибири своими экономическими результатами оправдаетъ производимыя на него затраты; вопросъ лишь въ томъ, чтобы выбрать наиболѣе спѣшныя задачи.

Развитіе всевозможныхъ путей сообщенія и облегченіе доступа сибирскаго сырья на внѣшніе рынки разрѣшаютъ наиболѣе острую проблему экономической жизни Сибири. Спѣшность дѣла заставляетъ игнорировать въ данный моментъ сравнительную невыгодность реализаціи сибирскихъ продуктовъ въ ихъ сыромъ, необработанномъ видѣ; приходится до поры до времени мириться съ тѣмъ экономически подчиненнымъ положеніемъ, которое неизбѣжно для страны съ почти исключительно земледѣльческимъ населеніемъ. Но всѣ силы должны быть приложены къ тому, чтобы богатыя производительныя силы Сибири получили болѣе широкое и болѣе выгодное примѣненіе; эта цѣль формулируется представителями правительства въ ихъ уже много разъ упомянутой запискѣ, какъ стремленіе разнообразить сельскохозяйственный промыселъ, съ одной стороны, и развивать нѣкоторыя иныя отрасли промышленности—съ другой. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи авторы записки настроены весьма пессимистически и полагаютъ, что на ближайшее десятилѣтіе придется „ограничиться поднятіемъ доходности горнаго промысла“ и „не итти дальше простѣйшей переработки сельскохозяйственнаго сырья“; въ собственномъ же смыслѣ обрабатывающая промышленность можетъ явиться лишь какъ спутникъ развитія сельскаго хозяйства, добывающей промышленности и возрастанія плотности населенія. Въ общихъ чертахъ трудно спорить противъ этихъ утвержденій, но нельзя не отмѣтить значительнаго ихъ противорѣчія съ тѣми доводами, которые приводились въ свое время тѣмъ же правительствомъ по поводу закрытія порто-франко на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ, казалось бы, еще менѣе развиты были вышеприведенныя условія созданія промышленности. Создавать искусственными мѣрами обрабатывающую промышленность въ Сибири, конечно, не слѣдуетъ; такая политика способна привести лишь къ увеличенію количества тѣхъ хилыхъ дѣтищъ нераціональнаго протекціонизма, которыя живутъ только запретительными по-

шлинами да правительственными подачками; но ограничивать рамки развитія обрабатывающей промышленности простѣйшей переработкой сырья—значитъ недооцѣнивать производительныя силы Сибири. Конечно, не о созданіи металлургической или мануфактурной промышленности приходится сейчасъ думать въ Сибири, но подъ классификацію записки врядъ ли можно подвести даже такія отрасли промышленности, какъ консервное дѣло, мыловаренные, кожевенные, гончарные и тому подобные заводы, имѣющіе всѣ шансы на развитіе, разъ только появится хоть нѣкоторый кадръ рабочихъ силъ и будутъ устранены чисто правовыя помѣхи, о которыхъ рѣчь будетъ дальше. Однако даже въ предѣлахъ правительственныхъ предположеній нужно ожидать значительныхъ успѣховъ при сколько-нибудь умѣломъ, а главное планомѣрномъ содѣйствіи органовъ власти. Къ сожалѣнію, именно планомѣрность и послѣдовательность наименѣе свойственны современной правительственной политикѣ. Одной рукой создаютъ колонизацію Дальняго Востока, другой—подрѣзаютъ ея основы закрытіемъ порто-франко; разсуждаютъ о громадномъ значеніи скотоводческаго хозяйства въ Сибири—и систематически оттѣсняютъ кочевниковъ-скотоводовъ съ насиженныхъ ими мѣстъ; стремятся усилить наше вліяніе въ Монголіи—и рѣжутъ нашу торговлю съ ней отмѣной безпошлиннаго ввоза китайскихъ товаровъ; говорятъ красивыя слова о поднятіи доходности горнаго промысла—и запрещаютъ безпошлинный ввозъ драгъ,—такія противорѣчія въ современной правительственной политикѣ составляютъ, къ сожалѣнію, не случайность, а заурядное явленіе. Даже въ столь излюбленномъ правительствомъ маслодѣліи, развитіемъ котораго оно похваляется при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, даже тутъ правительственная помощь чрезвычайно легко переходитъ въ опеку, тормозящую развитіе дѣла ненужными треніями. Но если спросить дѣятелей сибирской промышленности почти безъ различія ея характера, какія экономическія предпріятія они считаютъ наиболѣе неотложными, одинъ общій вопль донесется оттуда: дайте улучшенные пути сообщенія, — и со многими затрудненіями сибирская промышленность, привыкшая къ самодѣятельности, справится собственными силами.

При этомъ, конечно, необходимо уничтожить случайно сохранившіеся архаическіе пережитки прежняго режима. Для примѣра укажемъ на безсмысленное требованіе разрѣшенія кабинета его Величества на устройство всякаго „огнедѣйствующаго заведенія“ въ предѣлахъ Алтайскаго округа. Вообще положеніе кабинета должно бы подлежать общему пересмотру; когда создавались гигантскія владѣнія кабинета въ Сибири, предполагалось, что этотъ крупный собственникъ будетъ играть культурную роль, роль государственнаго фактора на далекой окраинѣ. Худо ли, хорошо ли выполнялась эта роль, но до самаго недавняго времени эта презумпція, несомнѣнно, существовала и въ извѣстной мѣрѣ отра-

жалась на дѣятельности органовъ кабинетскаго управленія. За послѣдніе два года это направленіе уступило мѣсто совершенно новому взгляду, проводимому съ особой настойчивостью и отводящему кабинету узкую роль управляющаго частновладѣльческимъ хозяйствомъ. Въ результатѣ является стремленіе кабинета развязаться съ немногими культурными обязательствами прежняго времени, отгородиться отъ государственныхъ интересовъ и преслѣдовать исключительно свои собственные. На этой почвѣ уже имѣлъ мѣсто рядъ столкновеній между кабинетомъ и органами государственнаго управленія, въ особенности съ переселенческой организаціей; можно указать, напримѣръ, на отказъ кабинета предоставить подъ переселеніе рядъ земель въ Алтайскомъ округѣ, которыя были вполнѣ подготовлены и едва ли не зачислены за переселенцами на основаніи согласія прежняго начальника Алтайскаго округа. Другой любопытный фактъ расхожденія кабинетской политики съ общегосударственной можетъ быть отмѣченъ на Дальнемъ Востокѣ; когда примѣненіе труда желтыхъ было всемѣрно ограничено на всевозможныхъ правительственныхъ работахъ, кабинетъ, ничтоже сумняся, пристроилъ массу китайцевъ въ качествѣ старателей въ своихъ золотоносныхъ районахъ. Здѣсь не мѣсто подробно разбирать дѣятельность кабинета, но изъ приведенныхъ фактовъ достаточно ясно, что роль его далеко не соотвѣтствуетъ въ настоящее время тѣмъ широкимъ государственнымъ полномочіямъ, какими онъ пользуется на основаніи прошлыхъ, хотя бы и сомнительныхъ, заслугъ.

Есть, однако, еще одно препятствіе на пути къ развитію сибирской промышленности, но уже не экономическаго, а правового характера. Препятствіе это заключается въ почти полной невозможности для сибирскаго промышленника, расположившагося внѣ городовъ, пріобрѣсти земли подъ свое заведеніе на правахъ полной собственности или хотя бы долгосрочной аренды. Результатомъ этого положенія дѣлъ является крайняя непрочность торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, устроенныхъ на чужой землѣ, и полная зависимость ихъ отъ случайныхъ настроеній хозяевъ земли, будь то крестьяне или правительственные чиновники. Устраненіе этой вопіющей ненормальности давно уже сдѣлалось острой потребностью Сибири, и можно порадоваться, что въ настоящій моментъ благопріятное разрѣшеніе вопроса совпадаетъ съ направленіемъ правительственной политики, ставящей своей цѣлью немедленное насажденіе въ Сибири частной земельной собственности. Нельзя не замѣтить, однако, что удовлетвореніе потребностей промышленности можетъ быть достигнуто путемъ частичныхъ изъятій столь же благополучно, какъ и при проектируемой радикальной реформѣ, основы которой возбуждаютъ весьма серьезныя сомнѣнія. Внесенный въ Думу проектъ закона о землеустройствѣ сибирскихъ крестьянъ и инородцевъ является логическимъ выводомъ изъ положеній записки двухъ мини-

стровъ и преслѣдуетъ три основныя задачи: насажденіе частной собственности на землю въ Сибири, ускоренную ликвидацію общиннаго землепользованія и возможное сокращеніе размѣровъ земельнаго обезпеченія старожильческаго и инородческаго населенія. Не трудно предугадать, что на первую очередь будетъ поставлено выполненіе послѣдней задачи, такъ какъ сравнительное многоземелье и кажущееся благополучіе сибирскаго крестьянства давно уже мозолятъ глаза нашимъ аграріямъ и новоявленнымъ націоналистамъ, основнымъ своимъ лозунгомъ считающимъ утѣсненіе окраинъ. Не приходится сомнѣваться и въ томъ пагубномъ вліяніи, какимъ скажется на экономической жизни Сибири подобное стѣсненіе землепользованія при все возрастающемъ налоговомъ бремени.

Что касается вопроса о формахъ землепользованія въ Сибири, то къ этой части правительственной программы можно было бы отнестись совершенно спокойно и даже сочувственно, если бы опытъ Европейской Россіи съ указомъ 9 ноября не заставлялъ опасаться слишкомъ рѣзкихъ пріемовъ насильственнаго разрушенія общиннаго уклада не только тамъ, гдѣ онъ отжилъ свой вѣкъ и близокъ къ естественному разрушенію, но и тамъ, гдѣ онъ является экономически цѣлесообразнымъ, а иногда и неизбѣжнымъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые штрихи новаго закона способны только усилить эти опасенія, и объ этомъ тѣмъ болѣе приходится жалѣть, что въ Сибири желательный для правительства процессъ встрѣтитъ гораздо болѣе благопріятныя условія и можетъ быть проведенъ въ жизнь по доброй волѣ населенія, безъ насильственной ломки и принужденія. Нужно только предоставить сибирскому населенію возможно большую свободу въ выборѣ желательныхъ формъ землепользованія и помочь ему использовать переходъ къ новымъ формамъ въ томъ направленіи, чтобы избавить будущую Сибирь отъ тѣхъ путъ черезполосицы и земельнаго истощенія, въ которыхъ оказалось крестьянство Европейской Россіи.

Еще бо́льшія опасенія вызываетъ намѣреніе правительства однимъ почеркомъ пера произвести грандіозный переворотъ въ экономической жизни Сибири внезапнымъ переходомъ къ частной земельной собственности. Въ этомъ вопросѣ необходимо отдѣлить принципіальную сторону—желательности измѣненія титула владѣнія и самый способъ осуществленія такой перемѣны. Несомнѣнно, что замѣна права пользованія правомъ собственности чрезвычайно желательна въ цѣляхъ огражденія интересовъ старожильческаго населенія, такъ какъ эта реформа въ бо́льшей мѣрѣ обезпечила бы этому населенію неприкосновенность его правъ и во всякомъ случаѣ предотвратила бы возможность произвольныхъ изъятій земель въ пользу переселенцевъ, какъ это имѣетъ мѣсто теперь. Конечно, возможны возраженія съ точки зрѣнія народническихъ воззрѣній и надеждъ на общину, какъ на переходную форму къ новымъ соціальнымъ условіямъ, но врядъ ли въ настоящее время подобные взгляды могутъ

разсчитывать на распространеніе. Неизмѣримо болѣе серьезно другое возраженіе противъ предположенной реформы, направленное не противъ самаго принципа частной собственности, а противъ внезапности его установленія при чрезвычайно неустойчивомъ экономическомъ положеніи страны. Дѣйствительно, проведеніе правительственнаго законопроекта означало бы почти немедленное на всемъ пространствѣ Сибири обращеніе земли въ предметъ купли-продажи, въ товаръ; хотя проектъ и вводитъ нѣкоторыя ограниченія въ право распоряженія земельной собственностью, но всѣ они носятъ лишь формальный характеръ, ничего не гарантируя по существу. Черезъ три года земля можетъ быть продана ея собственникомъ любому лицу, приписанному или приписывающемуся къ сельскимъ обществамъ; требованіе приписки на практикѣ послѣ закона 5 октября 1906 г. вообще лишено значенія, а для Сибири, гдѣ покупателями могутъ являться почти исключительно крестьяне, оно и вовсе ничего не гарантируетъ. Если можно быть спокойнымъ за старожилое сибирское населеніе, что оно крѣпко держится за свою землю и не выброситъ ея за безцѣнокъ, то далеко нельзя сказать того же объ огромной массѣ переселенческаго элемента, осѣвшаго въ Сибири за самые послѣдніе годы и отнюдь не обосновавшагося еще достаточно прочно. Слѣдствіемъ этого легко можетъ явиться значительная мобилизація земельной собственности въ Сибири по исключительно низкимъ цѣнамъ и сосредоточеніе большихъ количествъ земли въ рукахъ отдѣльныхъ кулацкихъ элементовъ сибирской деревни. Врядъ ли такой исходъ можетъ согласоваться даже съ переселенческой политикой послѣднихъ лѣтъ; не для того же, въ самомъ дѣлѣ, было приложено столько стараній къ переселенію малоземельныхъ элементовъ Россіи въ Сибирь, чтобы довести ихъ до окончательнаго обезземеленія? Вотъ почему, какъ ни заманчивы основы правительственнаго законопроекта въ этой части для сибирскаго старожилаго населенія, получающаго обезпеченіе правъ на обрабатываемую имъ землю, нельзя не отнестись съ чрезвычайной осторожностью къ намѣченной радикальной ломкѣ. Замѣтимъ кстати, что вышеизложенные взгляды могутъ считаться отраженіемъ мнѣній разнообразныхъ теченій въ средѣ заинтересованныхъ слоевъ сибирскаго населенія, за исключеніемъ яркихъ народниковъ; къ этой точкѣ зрѣнія болѣе или менѣе присоединяется и большинство сибирскихъ депутатовъ, насколько выяснилось изъ предварительнаго обмѣна мнѣній между ними. Хотѣлось бы надѣяться, что при обсужденіи сибирскихъ вопросовъ въ Государственной Думѣ удастся склонить къ этимъ осторожнымъ воззрѣніямъ рѣшающее большинство, хотя нельзя скрывать отъ себя, что прецеденты III Думы не располагаютъ къ особому оптимизму.

Н. Некрасовъ.

Письмо изъ Америки.

Закончившаяся выборная кампанія, ея интенсивность и значеніе. — Участіе въ кампаніи Рузвельта. — Первый соціалистъ въ Конгрессѣ.—Борьба ревизіонистовъ и ортодоксовъ въ американскомъ соціализмѣ.—Платформа республиканцевъ-прогрессистовъ.—Гипертрофія партійности.—Прямое народное голосованіе.—Соревнованіе милліардеровъ въ дѣлѣ пожертвованій на общеполезныя цѣли. (Новое пожертвованіе Карнэги). — Докладъ начальника главнаго штаба арміи.

Въ прошлогоднемъ письмѣ [1]) я обрисовалъ всю внутреннюю борьбу между силами реакціи и прогресса, которая разгорѣлась въ послѣднее время въ средѣ американскихъ политическихъ партій и которая обѣщаетъ ихъ органическую реорганизацію на совершенно новыхъ началахъ для обычной доселѣ американской политической жизни. Борьба эта обострилась гораздо скорѣе, чѣмъ этого можно было ожидать всего восемь мѣсяцевъ тому назадъ, когда я писалъ это письмо, и это обостреніе сдѣлало недавно закончившуюся политическую кампанію чрезвычайно важной по ея несомнѣнному воздѣйствію на наши политическіе порядки вообще и на ближайшее будущее Союза въ особенности, хотя кампанія эта и была только частичной и не коснулась исполнительной федеральной власти, а преобразовала только законодательную и нѣсколько штатныхъ. Была избрана новая Палата представителей для слѣдующаго 62-го Конгресса, имѣющаго собраться въ декабрѣ 1911 года, новыя штатныя легислатуры въ 30 штатахъ, имѣющихъ выбрать въ настоящемъ январѣ 30 новыхъ членовъ въ Сенатъ того же Конгресса, и въ 32 штатахъ новыхъ штатныхъ властей, включая губернаторовъ. Только въ двухъ штатахъ, Южной Каролинѣ и Луизіанѣ, былъ выставленъ одинъ текстъ демократической партіи — во всѣхъ остальныхъ ихъ было отъ двухъ — республиканской и демократической партій—до шести. Прогибиціонисты выставили свои тексты въ 25 штатахъ, соціалисты въ 36 и рабочіе соціалисты въ 8; кромѣ нихъ, въ

---

[1]) См. *Русская Мысль*, іюнь, 1910 г.

полудюжинѣ штатовъ были тексты чисто мѣстныхъ партій, вызванныхъ чисто мѣстной злобой дня, и не имѣвшихъ національнаго значенія.

Инсургентское движеніе въ средѣ республиканской партіи занимало авансцену всей кампаніи, и его успѣхи и пораженія въ разныхъ штатахъ опредѣлили результаты выборовъ. Движеніе это, расколовшее эту партію въ большинствѣ штатовъ на приверженцевъ прогресса и реакціи вообще, къ сожалѣнію не передалось демократической партіи съ достаточной интенсивностью—ея лѣвое крыло предпочло занять выжидательное положеніе, и, тогда какъ правое республиканской почти всюду воздержалось отъ голосованія, лѣвое демократической не только не пристало къ лѣвому республиканской, но и всюду голосовало за кандидатовъ своей партіи, несмотря на ихъ отношеніе къ прогрессу и реакціи. Сколько-нибудь массоваго сліянія прогрессивныхъ элементовъ обѣихъ партій не произошло; тогда какъ традиціонный партійный духъ въ средѣ республиканцевъ не только ослабъ, но и во многихъ штатахъ почти совсѣмъ исчезъ, демократы оказались не въ силахъ сбросить его, и масса прогрессистовъ-демократовъ не рѣшилась голосовать за прогрессистовъ-республиканцевъ — а въ результатѣ республиканская партія, какъ цѣлое, понесла серьезнѣйшее пораженіе и потеряла какъ господство въ Конгрессѣ, такъ и штатныхъ чиновъ во многихъ штатахъ, хотя ея прогрессивное крыло и одержало почти повсемѣстныя побѣды въ своей собственной средѣ. Такого рѣзкаго политическаго переворота страна не переживала съ 1892 года—со времени второго выбора Кливелэнда, и онъ тѣмъ многознаменательнѣе, что былъ вызванъ не президентскими, а промежуточными выборами, обыкновенно привлекающими къ себѣ только частичное, сравнительно, вниманіе народныхъ массъ. Въ эту кампанію все шло наоборотъ обычному порядку — какъ безцвѣтна и вяла была президентская кампанія 1908 года, такъ энергична и колоритна была настоящая, нежданно-негаданно всколыхнувшая всю нашу политическую жизнь до самыхъ ея основаній.

Принимая активное участіе въ американской политикѣ съ 1884 года, я не помню такой интенсивности, такого интереса къ выборамъ, какими ознаменовалась настоящая кампанія. Въ первый разъ боролись не отдѣльные вопросы, какъ протекціонизмъ и свобода торговли, биметаллизмъ и золото, централизмъ и права отдѣльныхъ штатовъ, а цѣлостныя міровоззрѣнія, реакціонное и прогрессивное. Американскій народъ въ первый разъ въ своей исторіи попытался отречься отъ партійныхъ путъ, основанныхъ на чисто-партійныхъ, односторонніхъ программахъ и потребностяхъ, и проявить свою волю въ смыслѣ общаго направленія будущей государственной работы по консервативному или либеральному пути.

Тогда какъ въ истекающемъ 4 марта 1911 г. 61-мъ Конгрессѣ въ Сенатѣ было республиканское большинство въ 30 голосовъ, а въ Палатѣ

въ 45, въ будущемъ 62-мъ въ Сенатѣ будетъ почти равное число демократовъ и республиканцевъ, съ возможнымъ максимумомъ большинства послѣднихъ въ два голоса, а въ Палатѣ будетъ безусловное демократическое большинство въ 64 голоса. Почти всѣ вліятельные штаты востока и центра — Нью-Іоркъ, Нью-Джерсэй, Мэнъ, Массачузетсъ, Охайа, Индіана—выбрали и демократическія легислатуры, и демократическихъ штатныхъ чиновъ. Въ штатѣ Нью-Іоркѣ республиканское большинство въ слишкомъ 200,000 голосовъ на выборахъ 1908 года обратилось въ 1910 году въ демократическое въ 70,000 голосовъ; въ штатѣ Нью-Джерсэй такое большинство въ 85,000 голосовъ въ демократическое же въ 45,000. Всюду приблизительно та же пропорція, и всюду то же явленіе—хотя число демократическихъ голосовъ не увеличилось, число республиканскихъ упало на 15—20%, что и вызвало ихъ пораженіе. Общее число поданныхъ голосовъ во всѣхъ штатахъ упало сравнительно съ 1908 годомъ, и всюду это паденіе произошло за счетъ республиканской партіи — и чѣмъ острѣе была въ ней борьба между инсургентами и реакціонерами, тѣмъ сильнѣе было это паденіе. Стремленіе воспользоваться расколомъ въ средѣ своихъ старыхъ политическихъ противниковъ и возможность и вѣроятность партійной побѣды послѣ постоянныхъ двадцатилѣтнихъ пораженій увлекли прогрессивное крыло демократовъ—у нихъ не нашлось достаточно желанья или умѣнья воспользоваться положеніемъ исключительно въ интересахъ прогресса и однимъ ударомъ положить конецъ старому порядку, давно износившемуся и утратившему свои бывшія raisons d'être. Тогда какъ республиканцы-прогрессисты во всѣхъ штатахъ, гдѣ удержались въ силѣ реакціонныя партійныя организаціи, свирѣпо боролись съ ними и почти вездѣ одолѣли ихъ, демократы воздержались отъ такой же борьбы въ своей собственной средѣ, и почти повсюду выбранными оказались представители ихъ праваго крыла, такъ что новый составъ и 62-го Конгресса, и новыхъ штатныхъ легислатуръ и штатныхъ чиновъ будутъ въ общемъ болѣе реакціонными, чѣмъ тѣ республиканскіе, которые отходятъ отъ власти благодаря результатамъ настоящей кампаніи и которые республиканцы-прогрессисты считали слишкомъ реакціонными для народнаго блага. Почти единственное исключеніе представляетъ штатъ Нью-Джерсэй, гдѣ губернаторомъ выбранъ прогрессистъ-демократъ Вильсонъ, президентъ принсетонскаго университета, избраніе котораго является первымъ случаемъ въ американской политикѣ, что университетскій профессоръ былъ выбранъ на крупную исполнительную должность. Онъ хорошо извѣстенъ всей странѣ, пользуется огромной популярностью, какъ стойкій и умѣлый реформаторъ, и вѣроятно явится кандидатомъ демократовъ въ президенты Союза въ 1912 году.

Несмотря на пораженіе партіи, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что

республиканцы-прогрессисты не только чрезвычайно окрѣпли въ средѣ собственной партіи, но и прочно завоевали преобладающее въ ней вліяніе. Борьба только что началась, только что оформилась съ надлежащей опредѣленностью — въ слѣдующіе два года до президентской кампаніи 1912 г. личный составъ партій существенно реорганизуется, такъ какъ демократы-прогрессисты успѣютъ сбросить сковывавшія ихъ цѣпи, и весь Союзъ окажется вынужденнымъ голосовать сознательно или за реакцію, или за прогрессъ. Изъ фазы борьбы въ средѣ партій вопросъ выйдетъ на открытую народную арену; тотъ партійный туманъ, которымъ онъ все еще былъ окруженъ въ настоящую кампанію, разсѣется благодаря и ея результатамъ, и, главное, безпристрастному ихъ анализу, воздѣйствіе котораго на массы сказывается осязательно уже и теперь, всего нѣсколько недѣль послѣ выборовъ.

Особенно яркой иллюстраціей всего политическаго положенія страны послужила исторія кампаніи въ штатѣ Нью-Іоркѣ. Въ немъ вся партійная организація республиканской партіи была безраздѣльно въ рукахъ архи-реакціонеровъ, съ гордостью называвшихъ себя „старой гвардіей“ партіи. Эксъ-президентъ Рузвельтъ, вернувшись домой въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ послѣ годичнаго отсутствія, сначала на охотѣ въ Центральной Африкѣ, а затѣмъ на своемъ тріумфальномъ объѣздѣ европейскихъ столицъ, и встрѣтивъ отъ этой „гвардіи“ не только холодный, но и открыто враждебный пріемъ, немедленно взялся за организацію прогрессивныхъ силъ республиканской партіи своего штата, и, на ея штатномъ конвентѣ, разбилъ реакціонеровъ вдребезги и продиктовалъ и платформу, и всѣ личныя назначенія. Онъ внесъ въ эту борьбу и свою неугасимую энергію, и свой личный престижъ въ странѣ, но, къ сожалѣнію, и свою экспансивность и безтактность, отъ которыхъ, несмотря на лѣта и обширнѣйшій политическій опытъ, онъ, повидимому, не можетъ отдѣлаться. Вся страна слѣдила съ лихорадочнымъ интересомъ за этой борьбой — цѣлые мѣсяцы ежедневная пресса была полна ея деталями. Рузвельтъ не ограничился предѣлами своего штата, а всячески поддерживалъ инсургентское крыло партіи по всему Союзу, поспѣвая всюду, гдѣ была почему-либо особенно нужна его помощь. Это былъ первый примѣръ въ исторіи Союза, что его эксъ-президентъ принималъ энергичное активное участіе въ политической кампаніи, да еще въ роли открытаго вождя во внутреннемъ расколѣ находящейся у власти партіи. Эпизодъ этотъ, помимо своего прямого значенія, вызвалъ у насъ серьезнѣйшее общее броженіе, породилъ распрю въ дремлющемъ, но живучемъ вопросѣ: что дѣлать съ эксъ-президентами вообще, какъ оградить страну отъ ихъ престижа и вліянія, если они окажутся зараженными властолюбіемъ людьми? Въ самый разгаръ кампаніи вопросъ этотъ былъ поставленъ врагами Рузвельта рѣзко и отчетливо, и едва ли

подлежитъ сомнѣнію, что значительное, хотя и трудно опредѣлимое число избирателей, ставящихъ выше всего охрану стройности республиканскихъ учрежденій, поддалось страху укрѣпленія престижа одного и того же лица на долгое время и или вовсе уклонилось отъ голосованія, или голосовало противъ стороны Рузвельта. Его платформа и кандидаты въ штатѣ Нью-Іоркѣ были жестоко побиты—и его вѣроятная доселѣ третья кандидатура въ президенты въ 1912 г. была сдѣлана этимъ пораженіемъ совершенно невозможной. Опытные знатоки нашей политики утверждаютъ почти единогласно, что безъ демонстративнаго и шумнаго вмѣшательства Рузвельта, внесшаго въ кампанію слишкомъ много личнаго элемента, инсургентское крыло республиканской партіи въ штатѣ Нью-Іоркѣ, да и въ нѣсколькихъ другихъ, одержало бы побѣду не только въ средѣ партіи, но и на выборахъ, и прогрессивные элементы страны вообще вышли бы изъ кампаніи прошлой осени съ гораздо болѣе осязательными результатами и въ настоящемъ, и, главное, гораздо лучше организованными и окрѣпшими для будущей президентской кампаніи. Нельзя не признать, что мнѣніе это болѣе или менѣе основательно. Всѣмъ извѣстно, что у Рузвельта цѣлая масса злѣйшихъ личныхъ враговъ, особенно въ средѣ профессіональныхъ политиковъ республиканской партіи и вожаковъ капитала и крупной промышленности, и что его пораженіе въ самой значительной степени слѣдуетъ приписать ихъ нескрываемому антагонизму. Они отказались слѣдовать постановленіямъ штатной конвенціи своей партіи, и предпочли ея пораженіе укрѣпленію вліянія Рузвельта. И въ то же время нельзя отрицать, что внесенная имъ острая рознь, имѣвшая часто чисто личную подкладку, не только не нужную, но и вредную, оказала серьезнѣйшее вліяніе и на дѣло консолидаціи прогрессивныхъ элементовъ обѣихъ партій вообще, и оставила его въ гораздо менѣе удовлетворительномъ состояніи, чѣмъ это бы было безъ его вмѣшательства. Я лично всегда думалъ, что популярность Рузвельта не имѣетъ прочныхъ, глубокихъ корней, ограничиваясь поверхностными симпатіями особенно крикливыхъ, но мало вліятельныхъ элементовъ населенія. Его рѣчи вызываютъ шумные аплодисменты на митингахъ, но не выигрываютъ голосовъ для выборовъ. Онъ умѣетъ волновать публику, но это волненіе скоропреходяще и не воздѣйствуетъ на ея дѣловыя соображенія. Извѣстное число избирателей, рѣшающее своими голосами исходъ выборовъ, считаетъ его за демагога, экспансивность и властолюбіе котораго мѣшаютъ ему сдѣлаться серьезнымъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ симпатиченъ, но непадеженъ, искренненъ, но недостаточно уравновѣшенъ.

Настоящіе выборы ввели въ Конгрессъ и перваго соціалиста въ исторіи этого учрежденія, члена Палаты представителей Бергера отъ города Мильвоки въ штатѣ Висконсинѣ. Это самый нѣмецкій штатъ въ

Союзѣ,—нѣкоторыя его части издавна сплошь заселены нѣмцами, а крупный городъ Мильвоки уже нѣсколько десятилѣтій какъ состоитъ центромъ пивовареннаго дѣла въ странѣ—его пиво славится своими качествами, развозится не только по всему Союзу, но и экспортируется за границу, и соціалъ-демократы нѣмцы, захвативъ въ свои руки муниципальное управленіе этимъ городомъ еще въ прошломъ году, въ настоящую кампанію успѣли провести и своего кандидата въ Конгрессъ. Нельзя однако думать, чтобъ эти побѣды соціалистовъ имѣли подъ собой сколько-нибудь прочную основу даже въ нѣмецкомъ на американской почвѣ городѣ Мильвоки. Едва ли можно отрицать, что современный теоретическій соціализмъ находится въ такомъ состояніи всевозможныхъ внутреннихъ въ немъ расколовъ, что сколько-нибудь стройное единство дѣйствія со стороны его послѣдователей сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Расколовшая марксизмъ борьба между ортодоксами и ревизіонистами, между сторонниками революціи и эволюціи, охватила собою, въ той или другой формѣ, и всѣ другія школы современнаго соціализма. Марксизмъ оказался слишкомъ сектантской, слишкомъ деспотически-непримиримой формулой для дѣйствительно свободнаго мышленія, и культурная соціалистически настроенная интеллигенція все болѣе и болѣе уклоняется отъ его цѣпей и переходитъ въ чисто политическій радикализмъ. Только на этой почвѣ оказываются возможными сколько-нибудь положительные успѣхи, сколько-нибудь активный прогрессъ въ дѣлѣ болѣе цѣлесообразнаго распредѣленія земныхъ экономическихъ благъ. Внезапный катаклизмъ, одновременный общій переворотъ оказываются абсолютно недостижимыми, революціонный фанатизмъ въ этомъ направленіи все больше и больше уступаетъ мѣсто идеи эволюціи и лозунгамъ практической работы. Эта борьба за послѣдніе годы чрезвычайно обострилась, и ни одинъ соціалистическій конгрессъ, не исключая и нѣмецкихъ соціалъ-демократическихъ, не былъ въ силахъ не только рѣшить ее, но и изобрѣсти хотя бы временный мостъ, сколько-нибудь практическій modus vivendi. И воздѣйствіе этой борьбы породило въ соціализмѣ непроходимую теоретическую смуту. Она не преминула отозваться и въ американскомъ городѣ Мильвоки, несмотря на его соціалистическое муниципальное управленіе и на избраніе соціалиста въ Конгрессъ. Городской голова Зейдель—ортодоксъ, тогда какъ конгрессманъ Бергеръ—эволюціонистъ. Захвативъ муниципальную власть въ свои руки, Зейдель вздумалъ сразу обратить въ городскую собственность всѣ обслуживавшія до сихъ поръ городъ частныя предпріятія общественнаго характера—трамваи, водопроводы, освѣщеніе, телефоны и т. д. Денегъ на это у города, конечно, не было, и пришлось обратиться къ займамъ. Но, во-первыхъ, законъ ограничиваетъ право городовъ заключать займы извѣстнымъ отношеніемъ

ихъ допускаемаго максимума къ оцѣнкѣ городскихъ имуществъ, а, во-вторыхъ, капиталъ не довѣрялъ созидательнымъ способностямъ соціалистовъ; городской кредитъ оказался быстро исчерпаннымъ, въ казначействѣ не осталось ни гроша, все городское хозяйство расклеилось и перестало отвѣчать потребностямъ населенія. Городъ съ тремя стами тысячъ жителей, привыкшихъ къ эффективному отправленію всѣхъ его общественныхъ потребностей и къ плавному теченію дѣлъ, оказался въ состояніи хронической смуты. Бергеръ, человѣкъ широко образованный и отнюдь не фанатикъ, вынужденный своей кандидатурой, а затѣмъ и избраніемъ высказаться по поводу городской злобы дня, осудилъ Зейделя и его опрометчивую стремительность и публично оформилъ тотъ непримиримый принципіальный расколъ, который раздѣляетъ ихъ и которому современный воинствующій соціализмъ не можетъ дать практическаго разрѣшенія. Получилось положеніе, въ гораздо меньшемъ масштабѣ, правда, но по своему существу въ значительной степени аналогичное съ тѣмъ, съ которымъ встрѣтился французскій премьеръ-министръ Бріанъ по поводу осенней желѣзнодорожной стачки. Теоретическія представленія о неиспытанныхъ вещахъ встрѣтились съ дѣйствительностью. Борьба между Бергеромъ и Зейделемъ въ настоящій моментъ находится въ самомъ разгарѣ—такъ присущій американскому народу практическій духъ, конечно, разрѣшитъ ее болѣе или менѣе удовлетворительно для общаго блага безъ серьезныхъ пертурбацій; но соціализму, какъ догмѣ, въ Мильвоки несомнѣнно нанесенъ ударъ—при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью его надежды и обѣщанія оказались абсолютно неосуществимыми и осязательно доказали то смутное, неопредѣленное принципіальное состояніе, къ которому онъ пришелъ въ настоящее время.

За эту выборную кампанію инсургентское крыло республиканской партіи успѣло столковаться относительно основъ своей платформы почти во всѣхъ штатахъ. Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) пониженіе таможенныхъ тарифовъ; 2) урегулированіе частной эксплоатаціи природныхъ народныхъ богатствъ; 3) болѣе эффективный федеральный контроль надъ акціонерными компаніями, занятыми междуштатными промышленностью и торговлею, въ особенности же надъ желѣзными дорогами и промышленными трѣстами и 4) возвращеніе многихъ правъ, узурпированныхъ партійными организаціями и ихъ вожаками, въ народныя руки. Помимо теоретическаго обсужденія и обоснованія этихъ пунктовъ, общественное мнѣніе успѣло оформиться и по поводу методовъ ихъ немедленнаго практическаго осуществленія. Инсургенты или, какъ ихъ теперь чаще называютъ, прогрессисты въ средѣ республиканской партіи образуютъ послѣ ноябрьскихъ выборовъ безспорное, подавляющее въ ней большинство, и, внѣ всякихъ сомнѣній, будутъ держать въ своихъ рукахъ

и будущій въ 1912 г. національный конвентъ этой партіи. Послѣдній пунктъ только что приведенней новой платформы является наиболѣе важнымъ, но, къ сожалѣнію, и наиболѣе сложнымъ и спорнымъ. Всѣ прогрессивные элементы согласны, что практикуемая въ настоящее время представительная система управленія какъ государствомъ, такъ и штатами, особенно съ точки зрѣнія организаціи власти законодательной, утратила свою цѣлесообразность и эффективность благодаря, главнымъ образомъ, выработавшимся съ теченіемъ времени методамъ организаціи и работы политическихъ партій въ странѣ. Партійные лидеры успѣли пріобрѣсти подавляющее значеніе и вліяніе, и силой своихъ партійныхъ организацій часто не только обращаютъ въ ничто дѣйствительную народную волю, но и управляютъ обществомъ вопреки его благу. Всякая власть заманчива и дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на ея носителей—и выборное представительство подлежитъ этому же желѣзному, хотя и неписанному закону, сбрасываетъ съ себя при первой возможности народный контроль и вредитъ народному благу такъ или иначе. Человѣческая изобрѣтательность особенно изощрена относительно формъ организаціи власти, и разнообразіе этихъ формъ въ сущности безконечно—и тѣмъ не менѣе ни одна изъ нихъ не достигаетъ цѣли надолго, и дѣйствительное народное благосостояніе всегда страдаетъ болѣе или менѣе. За послѣднее десятилѣтіе въ Америкѣ производились самые разнообразные эксперименты въ смыслѣ улучшенія общественнаго управленія—не только улучшенія управленія штатовъ, графствъ, городовъ и всяческихъ другихъ политическихъ подраздѣленій, но и управленія и организаціи партій, ихъ исполнительныхъ органовъ, конвентовъ, общихъ и мѣстныхъ комитетовъ и т. д. Цѣлые 13 штатовъ и сотни городовъ пробуютъ швейцарскія и австрійскія системы инициативы и референдума относительно законодательной власти и отзыва до срока относительно исполнительной. Оформленіе этихъ новшествъ для практическаго примѣненія крайне разнообразно. Въ нашемъ городѣ, организаціонная хартія котораго вмѣщаетъ въ себѣ всѣ эти продукты новѣйшихъ формъ въ самоуправленіи, въ теченіе прошлаго года не было мѣсяца, чтобъ не произошли какія-нибудь голосованія—то для новыхъ выборовъ, то для референдума, то для утвержденія новыхъ займовъ и т. д., и расходы на эти голосованія превысили огромную сумму въ полмилліона долларовъ, тогда какъ десять лѣтъ тому назадъ эта статья городскихъ расходовъ не превышала тридцати тысячъ въ годъ. Хотя я и слѣжу очень внимательно за эволюціей и результатами этого новаго стремленія возвратить власть по возможности изъ рукъ недостойнаго представительства въ руки народа, изъ которыхъ она и должна бы исходить всецѣло, я сильно сомнѣваюсь въ достаточной эффективности испытываемыхъ нами въ настоящее время методовъ по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главной

является далеко не достаточная подготовленность избирателей къ всестороннему пониманію предоставляемыхъ всенародному голосованію дѣлъ. Такъ, въ прошлые выборы референдумъ требовалъ въ нашемъ штатѣ отвѣта отъ народа на цѣлыхъ 13 измѣненій и добавленій къ конституціи. Я нарочно задержалъ настоящее письмо, дабы успѣть ознакомиться съ результатами голосованія и ихъ анализомъ. Тогда какъ за кандидатовъ въ губернаторы и другіе штатные чины было подано во всемъ штатѣ около 300,000 голосовъ, maximum по вопросамъ конституціонныхъ добавленій не достигъ 90,000, а по нихъ большинству было подано всего 10—20 тысячъ. Очевидно, что громадное большинство избирателей оказалось настолько незнакомымъ съ ихъ сущностью, что предпочло не подать голоса, и что рѣшеніе было вынесено самыми незначительными меньшинствами, почему либо заинтересованными въ дѣлѣ. Что даже меньшинства эти были чисто мѣстными, ясно было изъ того, что въ подсчетѣ голосовъ по отдѣльнымъ графствамъ штата число поданныхъ въ нихъ голосовъ было крайне разнообразно, внѣ какого-либо соотвѣтствія съ ихъ населеніемъ — въ одномъ интересовались однимъ вопросомъ, въ другомъ другимъ и такъ далѣе. По многимъ въ нѣкоторыхъ графствахъ было подано и за и противъ меньше десятка голосовъ, хотя за кандидатовъ голосовали десятки тысячъ. Совершенно то же самое замѣчается и въ референдныхъ рѣшеніяхъ голосованій и въ другихъ штатахъ. Очевидно, что народъ какъ цѣлое и не подготовленъ къ прямому законодательству, и не интересуется имъ. Не только мудрость, но и простая цѣлесообразность такихъ рѣшеній представляется мнѣ крайне сомнительной. По закону нашего штата такіе подлежащіе референдуму вопросы должны быть разосланы всѣмъ избирателямъ по крайней мѣрѣ за недѣлю до выборовъ. Получилъ ихъ и я—съ мотивировкой и главными пунктами аргументаціи pro и contra они составляли нѣсколько печатныхъ листовъ самой мелкой печати, и я самымъ добросовѣстнымъ образомъ пытался разобраться въ возбужденныхъ ими вопросахъ. Оказалось, что я былъ знакомъ, и то весьма поверхностно, только съ тремя изъ нихъ — десять были для меня абсолютной terra incognita. Цѣлая недѣля упорной работы выяснила мнѣ достаточно только одинъ изъ 13—по 12 я не рѣшился голосовать. А нынче выбранная легислатура обязана ввести и у насъ общій законъ о референдумѣ. Въ каждую сессію вносятся тысячи биллей и принимаются сотни законопроектовъ. Если я не могъ справиться и съ 13 добавленіями къ конституціи, что я стану дѣлать въ настоящемъ году, когда до меня дойдетъ этотъ законодательный потопъ, касающійся огромной территоріи съ самыми разнообразными жизненными условіями, съ которыми я въ большинствѣ случаевъ совершенно незнакомъ? И если я такъ безпомощенъ, будучи свободенъ отъ какой-либо обязательной работы, обла-

дая большой библіотекой и занятый почти исключительно именно изученіемъ и описаніемъ общественной злобы дня, то въ какомъ же положеніи окажется громадное большинство избирателей, поставленныхъ въ несравненно худшія условія? У нихъ не будетъ ни времени, ни охоты, ни даже физической возможности заниматься систематически такой огромной и сложной работой, и рѣшенія будутъ попрежнему выноситься самыми незначительными меньшинствами, хотя и иначе конституированными, но едва ли болѣе безпристрастными или компетентными. Думаю, что для значительныхъ территорій съ нѣсколько милліоннымъ населеніемъ, каково громадное большинство нашихъ штатовъ, референдумъ едва ли окажется практической мѣрой, и что для его успѣха необходимо мелкое дробленіе самоуправляющихся единицъ, каковы, напримѣръ, швейцарскіе кантоны или ново-зеландскія графства. Въ такой огромной общинѣ, какъ штатъ Калифорніи, по пространству почти равняющійся всей Германіи или Франціи, и съ населеніемъ въ $2^1/_2$ милліона, референдумъ окажется чрезвычайно дорого стоящимъ, но отнюдь не эффективнымъ методомъ къ достиженію превосходной самой по себѣ цѣли. Вопросы существенной важности, имѣющіе общенародное значеніе, дебатируются въ теченіе выборной кампаніи и составляютъ основу партійныхъ платформъ—разъ рѣшеніе по нимъ вынесено народомъ, они уже не нуждаются во вторичномъ референдумѣ, — а законодательная вермишель не можетъ привлечь къ себѣ общественнаго вниманія, и у народныхъ массъ еще нѣтъ ни времени, ни умѣнья, чтобы заниматься ею сколько-нибудь основательно.

Въ государственномъ тѣлѣ С.-А. Союза его верховный судъ занимаетъ единственное на всемъ земномъ шарѣ положеніе. Такого учрежденія нѣтъ ни въ одной странѣ, такъ какъ одинъ онъ и абсолютно независимъ и несмѣняемъ, и обладаетъ безаппеляціоннымъ правомъ толкованія и примѣненія государственной конституціи. Къ этой его исключительной компетенціи страна вынуждена прибѣгать очень часто, и въ американской исторіи не было примѣра оспариванія его рѣшеній, часто бывавшихъ критическими въ судьбахъ Союза и имѣвшихъ громадныя послѣдствія. И въ настоящій моментъ, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть выше, отъ его ожидаемыхъ рѣшеній зависитъ весь будущій курсъ эволюціи крупнѣйшихъ нашихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Если верховный судъ согласится съ федеральнымъ правительствомъ, вся система ихъ современной организаціи должна будетъ пасть, должна будетъ замѣниться новыми формами и методами. Поэтому личный составъ этого суда имѣетъ особенное значеніе. Въ прошломъ году скончались его предсѣдатель и 3 члена изъ 9, и президенту Тафту пришлось замѣнить ихъ новыми назначеніями. Нельзя не признать, что въ этихъ назначеніяхъ онъ проявилъ замѣчательную

независимость, полное презрѣніе и ко всѣмъ прецедентамъ, и къ партійности. Предсѣдателемъ назначенъ имъ членъ того же суда Уайтъ, демократъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ и бывшій солдатъ конфедератской арміи, однимъ изъ членовъ — такой же демократъ Ламаръ. Президентъ союза, республиканецъ, отдаетъ выпавшія на его долю назначенія въ верховный судъ страны обѣимъ главнымъ партіямъ поровну, съ перевѣсомъ въ пользу своихъ политическихъ противниковъ. Это первый фактъ такого рода въ исторіи Союза,—фактъ, чрезвычайно поднявшій въ общественномъ мнѣніи личность президента и во много разъ увеличившій его шансы на переизбраніе въ 1912 году. До выборовъ Тафтъ уклонялся отъ прямого отвѣта на вопросъ, выступитъ ли онъ опять кандидатомъ, но послѣ нихъ официально заявилъ, что будетъ искать вторичнаго назначенія республиканской партіей. Въ вышеописанной борьбѣ въ ея средѣ онъ неизмѣнно держался строго нейтральнаго положенія, и не подлежитъ сомнѣнію, что пораженіе Рузвельта было главнымъ поводомъ къ этому заявленію, при нашихъ политическихъ условіяхъ имѣющему очень важное значеніе во всей будущей партійной работѣ республиканцевъ.

Наши милліардеры продолжаютъ свое соревнованіе въ дѣлѣ многомилліонныхъ пожертвованій на общественныя потребности. Не успѣлъ Рокфеллеръ объявить о своемъ новомъ пожертвованіи десяти милліоновъ долларовъ въ пользу университета города Чикаго—которому имъ уже было пожертвовано въ разное время за послѣднія 15 лѣтъ около тридцати милліоновъ,—какъ Карнэги объявилъ объ учрежденіи имъ фонда мира въ $11^1/_2$ милліоновъ долларовъ. Онъ назначилъ 28 лицъ, подъ предсѣдательствомъ экъ-министра иностранныхъ дѣлъ, сенатора отъ штата Нью-Іорка Рута, для управленія этимъ фондомъ, предоставивъ имъ образовать изъ себя вѣчную корпорацію для преслѣдованія такихъ цѣлей, которыя, по ихъ крайнему разумѣнію, всего скорѣе приведутъ къ „искорененію войны между такъ называемыми цивилизованными государствами“. Между методами онъ рекомендуетъ имъ слѣдующія: 1) научное изслѣдованіе стоимости войнъ, выясняющее ихъ воздѣйствіе на общество и дѣловую сторону жизни; 2) кодификацію международнаго права; 3) организацію арбитраціоннаго суда въ Гаагѣ, съ принудительнымъ правомъ окончательныхъ рѣшеній и, 4) научное изслѣдованіе тѣхъ внушающихъ тревогу пунктовъ въ международныхъ отношеніяхъ, которыя дѣлаютъ войну возможною. Старикъ Карнэги уже давно является однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ поборниковъ идеи всеобщаго мира, и, до этого своего послѣдняго пожертвованія въ ея пользу, уже выстроилъ на свой счетъ дворецъ мира въ Гаагѣ, дворецъ для помѣщенія панамериканскаго союза въ Вашингтонѣ и дворецъ мира въ городѣ Картаго, въ Коста-Рикѣ, дабы дать мѣсто для собраній представителей

республикъ Центральной Америки—зданія эти стоили ему свыше 3 милліоновъ долларовъ. Карнэги уже давно состоитъ предсѣдателемъ общества мира штата Нью-Іорка, казначеемъ междупарламентскаго Союза, членомъ интернаціональнаго общества мира и американскаго общества для мирнаго разрѣшенія международныхъ столкновеній. Вообще идея всеобщаго мира въ Америкѣ не дремлетъ и съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все бо́льшее число энергичныхъ сторонниковъ и глашатаевъ.

Какъ бы въ противовѣсъ этой мирной работѣ, одновременно съ объявленіемъ пожертвованія Карнэги появился въ печати сенсаціонный годичный докладъ конгрессу начальника главнаго штаба арміи генерала Вуда, гвоздь котораго состоитъ въ яркомъ констатированіи абсолютной беззащитности нашего тихоокеанскаго побережья отъ непріятельскаго нашествія. Ненадежность и натянутость японско-американскихъ отношеній безспорно является самымъ чувствительнымъ, даже съ нѣкоторыхъ поръ хронически больнымъ мѣстомъ всей нашей современной иностранной политики, которое безпрестанно напоминаетъ о себѣ такъ или иначе. Японскому вліянію приписывается неуспѣхъ всѣхъ американскихъ плановъ на Дальнемъ Востокѣ вообще и въ Китаѣ въ особенности. Затѣмъ въ самое послѣднее время совершенно неожиданно потонулъ въ заливѣ Субигѣ, на главномъ островѣ Филиппинскаго архипелага Люцонѣ, пловучій стальной докъ Дюи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ доставленный туда съ огромными расходами и рискомъ изъ Нью-Іорка. Эпизодъ этотъ, фатальный при настоящихъ портовыхъ условіяхъ для крупнаго американскаго флота въ дальне-восточныхъ водахъ, такъ и остался безъ объясненія, помимо глухихъ слуховъ о томъ, что Дюи былъ измѣннически потопленъ японскими эмиссарами. Затѣмъ на-дняхъ вся страна была поражена слухомъ о случайномъ открытіи въ одной изъ самыхъ глухихъ прибрежныхъ мѣстностей того же острова превосходной и очень крупной станціи безпроволочнаго телеграфа, сооруженной и содержавшейся втайнѣ японцами же. Наконецъ, проникли въ печать слухи и о томъ, что Японія якобы ведетъ переговоры съ Мексикой о пріобрѣтеніи морской станціи въ одной изъ гаваней Нижней Калифорніи. Что правда и что фантазія въ этихъ слухахъ, рѣшать не берусь, но несомнѣнно то, что они и множество имъ подобныхъ болѣе мелкаго характера, какъ частые аресты японскихъ шпіоновъ въ разныхъ мѣстахъ нашего побережья, постоянно бередятъ вышеочерченное больное мѣсто и, такъ какъ принято думать, что дыма не бываетъ безъ огня, держатъ наше общественное мнѣніе въ постоянномъ недоумѣніи относительно ближайшаго будущаго.

П. А. Тверской.

Жоржъ Роденбахъ.

Критико-біографическія замѣтки.

„Какъ заставить услышать себя въ то время, когда, такъ громко и яростно, раздаются въ воздухѣ разнообразные шумы современности: голоса аппетитовъ, крики страстей, гулъ соціальной борьбы, стукъ машинъ, звонъ оружія?... Правда, что все же остается вѣчно-голубой и бѣлый слой атмосферы, неотчуждаемая полоса идеала; но сколько разныхъ поэтовъ прошло по ней въ теченіе этого вѣка, сколько властныхъ колоколовъ звучало въ ней, чтобы замолкнуть навсегда... Неутомимый большой колоколъ собора, какимъ былъ Викторъ Гюго; потомъ Ламартинъ, элегическій, пасхальный колоколъ, урна священной зелени; епископскій колоколъ, Бодлэръ, тоже колоколъ генія, одѣтаго въ лиловую сутану осужденнаго прелата, — бронза, обожженная пламенемъ ада, на металлѣ которой отлиты образы грѣховъ!... Сколько еще колоколовъ, много колоколовъ, вдохновенныхъ и чистыхъ, звуки которыхъ носились надъ дѣлами этого вѣка, царили надъ ними и нынѣ продолжаютъ гудѣть въ вѣчности!... А. де-Виньи, набатъ на военной башнѣ; Бризе, маленькій колокольчикъ въ рукахъ ребенка изъ хора въ церковной процессіи, въ Бретани; Сентъ-Бевъ, серебряный звонъ парижской церкви, въ которой назначаютъ другъ другу свиданія влюбленные, любители поцѣлуевъ, пахнущихъ ладаномъ; и Римбо, призывъ къ заупокойной обѣднѣ съ пылающей колокольни; и Верлэнъ, стеклянный колоколъ, кристаллъ, поющій на прозрачной башнѣ, колоколъ, жаждущій неба, въ который звонитъ съ земли поэтъ, пьяный мечтатель! Сколько колоколовъ! Сколько колоколовъ!“

Такое красивое сравненіе, такую характерную параллель между поэтомъ и колоколомъ проводитъ Жоржъ Роденбахъ въ своемъ предисловіи къ книгѣ одного начинающаго поэта, Фредерика Сесэ (Fréderic Saisset: „Au fil des Rêves“, Paris, Ollendorff, 1897 г.), и среди столькихъ поэтовъ-колоколовъ въ этомъ практическомъ, политическомъ, научномъ XIX вѣкѣ, послѣ блестящей плеяды парнасцевъ, среди симво-

листовъ, или приверженцевъ свободнаго стиха, раздавались звуки новаго, одинокаго, совершенно непохожаго на другихъ, колокола, поэта—Жоржа Роденбаха. Какой же это былъ колоколъ? Могъ ли онъ по своей природѣ вѣщать о побѣдахъ, завоеваніяхъ, хотя бы и искусства, подобно большому колоколу на башнѣ, звонящему только о войнѣ, пожарахъ, праздникахъ,—Виктору Гюго? Нѣтъ, колоколъ Жоржа Роденбаха—серебристый, тихій, одинокій колокольчикъ, возвѣщающій только о заупокойной обѣднѣ по мертвому Брюгге!

Семья Жоржа Роденбаха собственно австрійскаго происхожденія. Когда Бельгія образовывала какъ бы австрійскую Нидерландію, прадѣдъ Жоржа Роденбаха, принадлежа къ австрійскому генеральному штабу, отправился въ Бельгію и послѣ французской оккупаціи (1791 г.) вышелъ въ отставку, остался жить въ Бельгіи. Одинъ изъ его сыновей, дѣдъ Жоржа Роденбаха, Константинъ, бывшій послѣдовательно членомъ національнаго совѣта, консуломъ въ Швейцаріи и посланникомъ въ Аѳинахъ, въ 1828 году, былъ профессоромъ-медикомъ въ Брюгге, гдѣ напечаталъ выдающееся сочиненіе по медицинѣ. Онъ былъ женатъ на внучатной племянницѣ нѣмецкаго поэта Виланда, очень образованной женщинѣ, писавшей стихи и состоявшей въ постоянной перепискѣ съ Мишле, Ламартиномъ и В. Гюго. Одинъ изъ дядей Роденбаха, Александръ, извѣстный въ Бельгіи съ 1830 года подъ именемъ „слѣпого изъ Руле“, представитель своего города въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ, былъ авторомъ всемірно-извѣстнаго труда: „Les Aveugles et les sourds-muets“, напечатаннаго въ Турнэ въ 1855 г. Онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ бельгійской революціи 1830 г. и его имя значится на памятникѣ бельгійскаго конгресса. Отецъ Жоржа занималъ офиціальное положеніе то въ Валлоніи, то въ Фландріи; онъ тоже занимался литературой: извѣстенъ его превосходный путеводитель (Живописный Динанъ) и его труды по исторіи, гдѣ онъ выказалъ себя превосходнымъ египтологомъ, умѣвшимъ разбираться въ непонятныхъ іероглифахъ. Эта способность къ кропотливой работѣ передалась несомнѣнно его сыну, Жоржу Роденбаху, умѣвшему такъ необычайно разбираться въ неуловимыхъ іероглифахъ жизни человѣческой души и предметовъ, достигая въ этой области тонкаго анализа.

Мать поэта была фламандка, родомъ изъ Турнэ. Его два двоюродныхъ брата очень извѣстны въ литературѣ, Фернандъ и Альбертъ Роденбахъ. Фернандъ писалъ по-фламандски тенденціозныя пьесы, имѣвшія средній успѣхъ; Альбертъ, писавшій тоже по-фламандски, напротивъ, является яркою фигурою въ бельгійской литературѣ, пользующейся фламандскимъ языкомъ. Альбертъ Роденбахъ родился въ Руле, 1856 г. и былъ воспитанъ въ Klauwaert'ѣ, подъ вліяніемъ двухъ замѣчатель-

ныхъ священниковъ, профессоровъ литературы и писателей Guido Gezelle и Hugo Verriest, главарей фламандскаго теченія въ бельгійской жизни. Самъ Альбертъ сдѣлался вскорѣ однимъ изъ руководителей этого новаго движенія. На скамьяхъ коллежа, затѣмъ въ Лувенскомъ университетѣ онъ былъ для своихъ товарищей „свѣтомъ, надеждою, семьей, силою, будущимъ“. Даровитый, не лишенный способностей къ живописи, музыкѣ, онъ написалъ много стиховъ и извѣстную пьесу „Gudrun“, гдѣ чувствовался уже большой талантъ. Къ несчастью, въ 24 года онъ внезапно скончался, въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта. Альбертъ съ Жоржемъ, несмотря на несходство руководящихъ ихъ занятіями и интересами идей, были слиты узами чистой искренней дружбы, и Альбертъ послѣ появленія первой книги Жоржа „Le foyer et les champs“, написалъ ему по-французски сонетъ.

Жоржъ Роденбахъ родился 16-го іюля 1855 года въ городѣ Турнэ, гдѣ онъ провелъ свои первые годы, окруженный церквами, съ колоколенъ которыхъ слетала, точно капля за каплей, суровая или меланхолическая мелодія колоколовъ. Когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькимъ, его родители переѣхали въ Гентъ, гдѣ онъ былъ отданъ въ духовный коллежъ святой Варвары. Городъ Гентъ носитъ на себѣ меланхоличный оттѣнокъ старины: одинокіе каналы, тихая неподвижная вода, старинные кварталы съ домами, крытыми черепицей и остроконечными крышами, точно ступенями лѣстницы къ небу, глухія набережныя, на которыя „городъ изливалъ свою тоску въ обильныхъ слезахъ колоколовъ...“

Въ своемъ сборникѣ стиховъ „Jeunesse blanche“ Ж. Роденбахъ говоритъ о своемъ родномъ домикѣ, самомъ любимомъ и лучшемъ изъ всѣхъ домовъ, — maison des mères! — Тамъ каждый уголокъ для него былъ полонъ воспоминаній: тамъ, передъ Рождествомъ, онъ, ребенкомъ, ставилъ вечеромъ у очага свои туфельки въ ожиданіи подарковъ отъ Дѣда-мороза; тамъ младшая его сестра училась ходить, тамъ онъ засыпалъ вечеромъ въ старомодныхъ креслахъ, — его старыхъ друзьяхъ; тамъ была отдѣльная большая комната, гдѣ они всей семьей совершали молитвы въ майскіе вечера. Кругомъ дома былъ садъ, виноградникъ, куда, какъ онъ вѣрилъ ребенкомъ, колокола на пасхѣ, возвращаясь изъ своего путешествія въ Римъ, бросали яйца ему въ подарокъ.

Описаніе того духовнаго коллежа, „замкнутаго, какъ семинарія“, въ которомъ Ж. Роденбахъ учился, также не разъ можно встрѣтить въ его произведеніяхъ. „Въ срединѣ коллежа былъ дворъ-площадка, обнаженная, какъ морской берегъ, на которомъ покинувшее его море оставило слѣды своей грусти. Даже деревья не оживляли этой площадки!... Только стояли подъ черепичатой крышей одни большіе, неумолимые часы, стрѣлки которыхъ то искали, то покидали другъ друга. Бой этихъ ча-

совъ казался намъ настолько печальнымъ, что мы придавали ему таинственный смыслъ. Можно было бы подумать, что это дождь желѣза и пепла. Однообразное и грустное существованіе среди высокихъ стѣнъ на этомъ дворѣ, до котораго не доходятъ лучи солнца"! (Le Rouet des brumes).

Часто говоритъ поэтъ и о своихъ учителяхъ и о томъ строгомъ режимѣ, которому подвергались всѣ ученики. Ихъ, бѣдныхъ мальчиковъ, „желавшихъ поскорѣе вырасти, научиться всему, стать, наконецъ, самостоятельными, любить, завоевать міръ,—словомъ, жить!—учили любить смерть, готовиться къ праведной смерти, водили въ церковь и заставляли въ дни молитвы и покаянія выслушивать рѣчи, проповѣди о бренности жизни, ужасѣ грѣха, ада, оставившія на всю жизнь тяжелое воспоминаніе—и бѣдныя дѣти дрожали, какъ будто уже насталъ часъ ихъ смерти".

Въ коллежѣ Ж. Роденбахъ считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Въ третьемъ, четвертомъ классѣ онъ началъ уже писать стихи, и его вкусъ къ литературѣ, современемъ обратившійся въ культъ, тогда уже ясно опредѣлился. Его ближайшими въ то время друзьями были Э. Верхарнъ и Эдгаръ Паттэнъ.

Верхарнъ въ своей статьѣ о Ж. Роденбахѣ (*Revue encyclopédique*, 28 janvier, 1899) вспоминаетъ, что, благодаря Роденбаху, они всѣ еще во второмъ классѣ познакомились съ творчествомъ Гюго, Мюссе и Ламартина, такъ какъ полагалось проходить на урокахъ какого-нибудь поэта, и одинъ прекрасный преподаватель уступилъ просьбамъ Роденбаха, считавшагося хорошимъ ученикомъ, и вмѣсто Горація мальчики читали Виктора Гюго и Ламартина. Поэзія Ламартина настолько захватывала ихъ, что стихи „Религіозныхъ и поэтическихъ пѣсенъ" стали въ то время ихъ культомъ.

Окончивъ коллежъ въ 1875 году, Роденбахъ поступилъ въ лувенскій, а по другимъ свѣдѣніямъ въ гентскій университетъ, который блестяще окончилъ и получилъ степень доктора правъ. Послѣ этого онъ впервые отправился въ Парижъ, съ цѣлью послушать видныхъ юристовъ, провелъ тамъ годъ, больше посѣщая театры и лекціи, чѣмъ суды, заводя знакомство съ молодыми писателями и артистами. Возвратясь на родину, онъ поселился въ Брюсселѣ, записался тамъ въ судъ и быстро завоевалъ себѣ отдѣльное мѣсто въ средѣ адвокатовъ. У него былъ даръ краснорѣчія, онъ умѣлъ говорить увлекательно и страстно, всѣ сулили ему блестящую будущность. Онъ защитилъ нѣсколько дѣлъ, но затѣмъ бросилъ эту карьеру и посвятилъ себя всецѣло литературѣ.

Около этого времени Максъ Валлеръ вмѣстѣ съ плеядою своихъ товарищей, ставшихъ затѣмъ знаменитыми, Ив. Жилькэномъ, Жиро и др. основываетъ свой журналъ *Молодая Бельгія*. Этотъ журналъ составилъ

цѣлую эпоху въ литературной жизни Бельгіи. Максъ Валлеръ, большой поэтъ, къ сожалѣнію, рано умершій, задался цѣлью способствовать своимъ журналомъ развитію индивидуальности у молодыхъ писателей и тѣмъ положилъ основаніе національной бельгійской литературѣ.

Въ этомъ журналѣ Ж. Роденбахъ печаталъ свои первые стихи и нѣкоторыя статьи и замѣтки, иногда политическаго свойства. Эти ранніе стихи Ж. Роденбаха образовали нѣсколько сборниковъ, изданныхъ въ концѣ 70-хъ и самомъ началѣ 80-хъ годовъ: „Le Foyer et les Champs“ (1877 г.), „Les Tristesses“ (1878 г.), „La Mer élégante“ (1881 г.) и „l'Hiver mondain“ (1884 г.). Впослѣдствіи Роденбахъ не любилъ о нихъ вспоминать и вычеркнулъ ихъ затѣмъ изъ общаго списка своихъ сочиненій. Форма стиховъ въ этихъ сборникахъ далеко еще не столь тонкая и отчеканенная, какъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Роденбаха, но въ нихъ уже замѣтны проблески будущей его поэзіи. Солнце еще не взошло, но чувствовалась уже заря, небо становилось розовымъ.

Послѣ появленія въ свѣтъ „Jeunesse blanche“ (1886 г.) Роденбахъ окончательно переселился въ Парижъ.

Этотъ переѣздъ вызвалъ не мало нареканій на Ж. Роденбаха. Но такіе поэты, какъ Верхарнъ, такіе писатели, какъ Гонкуръ, Гюисмансъ, Додэ и другіе, понимали это добровольное изгнаніе Роденбаха изъ своей родины. Оно было необходимо, чтобы утончить трогательную красоту его стиховъ, чтобы онъ могъ изображать свою родину не изъ непосредственныхъ наблюденій, а изъ воспоминаній о прошломъ, чтобы отдаленіе скрыло грубость реальнаго пейзажа,—однимъ словомъ, чтобъ онъ еще сильнѣе и глубже полюбилъ свою Фландрію. „Ему надо было не видѣть Фландрію, а мечтать о Фландріи, и его переѣздъ куда бы то ни было сталъ необходимымъ“ (слова Э. Верхарна изъ его рѣчи во время открытія памятника Ж. Роденбаху въ Гентѣ въ 1903 г.).

Дѣйствительно, никогда душа Роденбаха не была такъ близка, такъ привязана къ своей родинѣ, какъ въ то время, когда онъ жилъ въ Парижѣ! Только изъ чувства глубокой любви къ родинѣ онъ покинулъ ее: подтвержденіе этого можно найти у самого Ж. Роденбаха въ его статьѣ о „Парижѣ и маленькихъ отчизнахъ“ *Revue Encyclopédique* (1897 г.) и въ его статьѣ о Бризё (въ сборникѣ „l'Elite“).

Пріѣхавъ въ Парижъ и уже имѣя за собой „Jeunesse blanche“, Роденбахъ легко завоевалъ себѣ опредѣленное мѣсто среди молодыхъ писателей и артистовъ. Онъ часто бывалъ на собраніяхъ общества „Гидропатовъ“, гдѣ познакомился и сошелся впервые съ Морисомъ Роллина, Эмилемъ Гудо, Полемъ Бурже, Бастіеномъ Лепажемъ, Сарой Бернаръ. Тамъ онъ декламировалъ свои стихи и читалъ отрывки своего романа „L'Art en exil“.

Литературный кружокъ „Гидропатовъ“ былъ основанъ въ 1878 году

поэтомъ Эмилемъ Гудо вмѣстѣ съ Роллина, художниками Жоржемъ Лорэномъ, Полемъ Вивіеномъ.

Французскіе писатели и художники приняли охотно Роденбаха въ свою семью; Эд. Гонкуръ, Альфонсъ Додэ, Стефанъ Малларме стали его искренними друзьями. У него создались литературныя знакомства, связи; его друзья и знакомые въ своихъ воспоминаніяхъ изображаютъ Ж. Роденбаха человѣкомъ съ утонченной, гордой душой, умѣвшей страдать молча, скрывая свои муки отъ другихъ. У него была аристократическая натура; отъ Бодлэра, вліяніе котораго на него было довольно сильно, онъ унаслѣдовалъ извѣстный дендизмъ, никогда не покидавшій его. Съ другой стороны, это былъ литераторъ въ полномъ смыслѣ этого слова—homme de lettres,—подобно Гонкурамъ, любившій литературу больше всего, жившій только ея интересами, работавшій только во имя ея, отдававшійся всецѣло на служеніе ей. Эд. Гонкуръ говорилъ о немъ: „Ж. Роденбахъ, по моему, единственный оригинальный поэтъ въ настоящее время. Онъ явился для того, чтобы передать то, что многіе чувствуютъ, печальную и страдающую душу предметовъ“. Сколько разъ Эд. Гонкуръ, очень рѣдко признававшій кого-либо изъ поэтовъ, говорилъ: „Ахъ, Роденбахъ, это мой любимый поэтъ!“

Малларме, сравнивавшій творчество Ж. Роденбаха „съ фламандскими кружевами, въ которыхъ нѣжность стежка, необыкновенная сложность мотивовъ показываются во всей цѣльности, благодаря тонкости работы“, называвшій его однимъ изъ „нашихъ страдающихъ собратьевъ“, былъ съ нимъ въ большой дружбѣ. Жена Ж. Роденбаха вспоминала впослѣдствіи, что въ свой послѣдній визитъ къ нимъ Малларме принесъ свой портретъ работы Уистлера съ слѣдующей надписью: Aux chers amis Rodenbach *cette présence* de St. Mallarmé. Братья Маргериттъ были полны нѣжной любви къ поэту. Какъ трогательны ихъ личныя воспоминанія, напечатанныя въ *L'Echo de Paris* во время открытія памятника Ж. Роденбаху въ Гентѣ и перепечатанныя затѣмъ во многихъ газетахъ!

Обрисовка внѣшности Ж. Роденбаха, сдѣланная въ воспоминаніяхъ бр. Маргериттъ, очень интересна еще и потому, что на ней сходятся всѣ критики и друзья поэта, пытавшіе запечатлѣть на бумагѣ его образъ. К. Лемонье, К. Моклэръ, Фернандъ Грегъ, Ашиль Сегаръ, Гастонъ Дешанъ, Лемэтръ, Верхарнъ, Октавъ Мирбо, Гюставъ Канъ и многіе другіе французскіе и бельгійскіе писатели и всевозможные авторы той массы газетныхъ и журнальныхъ статей, которыя были написаны о Ж. Роденбахѣ, всѣ примыкаютъ къ этой обрисовкѣ внѣшности Ж. Роденбаха, такъ хорошо гармонирующей съ внутреннимъ состояніемъ его души. Леви-Дюрмеръ, написавшій его портретъ, находящійся въ Люксембургскомъ музеѣ, какъ нельзя лучше схватилъ печальное выраженіе этихъ глубокихъ глазъ, оттѣнка воды каналовъ, передалъ на полотнѣ эту чуд-

ную бѣлокурую прядь волосъ, спускавшуюся на лобъ, и всю эту неизмѣнную печать: „возлюбленнаго смерти“.

Графъ Фезенсакъ де-Монтескью, называвшій Ж. Роденбаха *curateur aux morts,* былъ связанъ съ нимъ большой дружбой. Въ своей книгѣ „Autels privilégiés“ онъ вспоминаетъ всю свою агитацію въ память поэтессы Дебордъ-Вальморъ, устройство комитета по сооруженію ей памятника на ея родинѣ въ Дуэ, причемъ членомъ комитета былъ и Ж. Роденбахъ на-ряду съ Эредіа, Мендесомъ, Буржэ, Верленомъ, Малларме и др. Ж. Роденбахъ вмѣстѣ съ другими поэтами горячо любилъ стихи Дебордъ-Вальморъ, посвятилъ ей статью въ своемъ критическомъ сборникѣ „l'Elite“. Среди множества привѣтствій, полученныхъ графомъ Монтескью въ день открытія памятника Вальморъ въ Дуэ (13 іюля 1896 г.), извѣстно письмо Ж. Роденбаха, которое очень характерно для его манеры писать и состоянія его души. Письмо было отправлено изъ мѣстечка Knocke-sur-Mer на Сѣверномъ морѣ, недалеко отъ Остендэ и Брюгге. Онъ писалъ:

„Мой дорогой другъ!

„Я очень грущу при мысли, что вы будете въ понедѣльникъ съ ней, а я буду далеко отъ нея и отъ васъ. Велико разстояніе, раздѣляющее насъ! Я могу быть только мысленно съ вами, волнуясь всѣмъ сердцемъ, мой дорогой другъ, къ чести котораго всегда будетъ служить это осуществленіе плана открытія памятника великой *святой* искусства. Въ одинокой деревнѣ, у моря, гдѣ я работаю лѣтомъ, въ воскресенье я отправлюсь къ обѣднѣ въ память ея, чтобы прослушать одну изъ деревенскихъ мессъ, въ которой слышатся рыданія органа и видны бѣлыя вуали конгреганистокъ во время процессіи на кладбище. И такія мессы очень походятъ на нее самое! И когда облатка будетъ освящаться, это будетъ ея чистое сердце, которое было тоже создано изъ непорочной бѣлизны съ кровью внутри! Итакъ, я съ вами вполнѣ въ лицѣ нашей матери Марселины“.

Но не только со стороны своихъ, равныхъ ему собратьевъ, Ж. Робендахъ встрѣчалъ много любви и дружбы: молодое поколѣніе поэтовъ, въ особенности, бельгійскихъ, чувствовало къ нему уваженіе, сознавая напримѣръ, что ихъ долгъ, пріѣхавъ въ Парижъ, непремѣнно побывать у Ж. Роденбаха на rue Gounod или Boulevard Berthier, 43.

„Онъ встрѣчалъ приходившую къ нему молодежь съ привѣтливымъ радушіемъ и большимъ уваженіемъ. Блестящій и серьезный, глубокій и живой разговоръ его, сверкающій и образный, касался сотни разныхъ предметовъ“ (воспоминанія Поля Мюша, *Revue Générale*). „Будьте храбры! Ваши замыслы очень трогаютъ меня,—писалъ Ж. Роденбахъ, незадолго до смерти этому же поэту.—Молодежь наша надежда и доказательство нашихъ стремленій!“

Другой бельгійскій поэтъ, Жоржъ Рамэкеръ, въ спеціальномъ номерѣ, посвященномъ Ж. Роденбаху послѣ его смерти, католическаго журнала *La Lutte* (15 января 1899 г.), вспоминаетъ въ своемъ трогательномъ этюдѣ подъ названіемъ „Старшій братъ“, что Ж. Роденбахъ выказы-

валъ всегда много вниманія къ начинающимъ поэтамъ. Онъ вспоминаетъ первую съ нимъ встрѣчу въ Брюсселѣ, въ théatre du Parc, когда онъ послѣ чтенія Ж. Роденбахомъ его пьесы „Le Voile“ подошелъ къ нему, чтобы выразить восторги отъ группы сотрудниковъ журнала *La Lutte*. Рамэкеръ понялъ, что Ж. Роденбахъ интересовался работами, планами молодежи, говорилъ съ нимъ о Полѣ Мюшѣ, объ Эдуардѣ Недѣ, о Вирресѣ, доказывая этими именами, что ни одинъ изъ нихъ, молодыхъ писателей, не былъ для него неизвѣстностью.

Дальше Ж. Рамэкеръ вспоминаетъ свой послѣдній визитъ къ Ж. Роденбаху въ Парижѣ. „Ахъ, изящное маленькое жилище! Точно выстроенное по желанію этого друга безмолвія, непорочности и траурной мечты, помѣстившагося тамъ! Въ этомъ отдаленномъ кварталѣ Парижа Роденбахъ долженъ былъ себя чувствовать, точно въ мирномъ и задумчивомъ оазисѣ, точно въ внезапной тишинѣ послѣ бурнаго волненія столицы“.

„Въ передней чудный портретъ автора *Мертваго Брюгге* привлекъ мои взоры. Ж. Роденбахъ сидѣлъ за своимъ рабочимъ столомъ, свертывая сигаретку, когда горничная ввела меня въ просторную комнату, гдѣ были написаны послѣднія произведенія поэта. Я никогда не забуду ни безмолвнаго краснорѣчиваго пожатія его руки, ни искренности его пріема. Онъ говорилъ со мной сначала о бельгійскихъ друзьяхъ, о разногласіяхъ по поводу свободнаго стиха, задавалъ мнѣ вопросы, затѣмъ прочелъ мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ неизданнаго (тогда) его сборника монографій „l'Elite“, стихи изъ цикла Les Hosties... Его голосъ при чтеніи принималъ таинственный оттѣнокъ, точно раздавался подъ сурдинкою“.

Но особенно интересна и трогательна замѣтка жены Ж. Роденбаха—воспоминанія о его послѣднихъ дняхъ, написанная по поводу открытія памятника въ 1903 году въ Гентѣ (*Figaro*, 13 іюля 1903 г.). Она вспоминаетъ неожиданную болѣзнь поэта, когда онъ съ постели любилъ смотрѣть на пейзажъ, разстилавшійся изъ ихъ оконъ. Всѣ надѣялись на скорое выздоровленіе; онъ немного читалъ, набрасывалъ стихи, интересовался новыми книгами. Оставшіеся друзья навѣщали его, и Анна Роденбахъ дѣлаетъ эту вѣрную характеристику его пріемовъ. „Это было всегда то же свѣтское, дружеское обращеніе, у него было чудесное, безыскусственное изящество, легкое отстраненіе отъ собесѣдника при постоянной вѣжливости, всегда кстати сказанное выраженіе. Его немного гордый видъ оттѣнялся бѣлокурой нѣжностью и уступчивостью къ чужимъ мнѣніямъ, которыя онъ уважалъ, съ равнодушнымъ вниманіемъ, всегда выказывавшимся по отношенію къ чужимъ. Его блестящая рѣчь стремилась къ тому, чтобы никого не обидѣть, онъ умѣлъ хорошо слушать. Только страсть къ его искусству, любовь, поклоненіе были у него сильными, всегда твердыми, и никогда ни одна ложь не сорвалась съ его устъ—никогда!“

Далѣе Анна Роденбахъ, женщина высоко образованная, прекрасная музыкантша, истинная подруга поэта, трогательно разсказываетъ о томъ сочельникѣ, когда подъ звонъ колоколовъ, въ Рождественскую ночь смерть унесла у нея мужа и друга, а у всѣхъ—величайшаго современнаго поэта, въ полномъ расцвѣтѣ силъ (ему было тогда только 43 года). „Призывы, крики, затихшіе голоса, рыданія, люди, приготовлявшіе поспѣшно одежду для погребенія, быстро закрывавшіяся и открывавшіяся двери, лѣстница, полная друзей, входящихъ и выходящихъ изъ дома, при глубокомъ уваженіи къ тишинѣ запертой комнаты съ дорогимъ умершимъ, разбудили нашего сына, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ. Ребенокъ, наполовину пробудившійся отъ шума, вечеромъ присутствовавшій вмѣстѣ съ дѣтьми поэта Ростана на елкѣ, устроенной г-жей Менаръ-Доріанъ, и принесшій игрушки оттуда, кричалъ во снѣ и звалъ отца: „Папа, папа! Какая чудная елка, вся въ огняхъ!“ Но отецъ лежалъ уже безъ движенія, уже не могъ отвѣтить, улыбнуться своей грустной улыбкой на слова сына“.

Константину Роденбаху тогда было только 6 лѣтъ, теперь онъ уже большой мальчикъ, и мать воспитала его въ любви къ поэзіи; онъ пишетъ стихи, подражая, быть можетъ, нѣсколько отцу, тому, кто ушелъ, по словамъ Камилла Лемонье, „молодымъ, какъ уходятъ герои, какъ должны были бы уходить любящіе и всѣ тѣ, у кого на челѣ сверкаетъ мечта“.

Неожиданная вѣсть о смерти Ж. Роденбаха поразила глубоко весь литературный міръ, облекла души всѣхъ въ внезапный трауръ на самое Рождество. Никому не вѣрилось въ возможность такого жестокаго удара судьбы. Ж. Роденбахъ, отличавшійся необыкновеннымъ изяществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замкнутостью, скрывалъ всегда отъ всѣхъ, даже иногда отъ друзей, свои болѣзненныя состоянія. Э. Верхарнъ, его вѣрный другъ и старый товарищъ, жившій въ то время въ Парижѣ, ничего не зналъ о безнадежномъ состояніи его здоровья. Роденбахъ, промелькнувшій на небѣ Парижа какъ метеоръ, вдругъ угасъ...

Одинъ изъ бельгійскихъ писателей, Жоржъ Ранси, случайно очутившійся въ тѣ праздники въ Парижѣ, рисуетъ грандіозную картину его похоронъ (*La Meuse*, 29 іюля 1901 г.). „Толпа почитателей отдавала ему послѣдній долгъ. На катафалкѣ были прикрѣплены кресты Леопольда и франц. Легіона. Шествіе состояло изъ всѣхъ, кого можно было насчитывать въ Парижѣ изъ литераторовъ и художниковъ. Я шелъ рядомъ съ Полемъ Аданомъ и художникомъ Ванъ-Рисельбергомъ, который указалъ мнѣ на господина, шедшаго передъ нами: Габріэля Ганото, министра или бывшаго министра. Тамъ были Анри де-Ренье, Анри Батайль, Валлетъ, редакторъ журнала *Mercure de France*, много другихъ извѣстныхъ писателей, знаменитыхъ авторовъ, талантливыхъ художниковъ и

скульпторовъ. Великій Родэнъ пришелъ отдать послѣдній долгъ. И всѣ искренно жалѣли симпатичнаго человѣка, тонкаго писателя, который уходилъ въ землю, чтобы заснуть вѣчнымъ сномъ изгнанія".

Извѣстный критикъ и поэтъ Камиллъ Моклэръ въ своей книгѣ „L'Art en Silence", такъ говоритъ о впечатлѣніи, какое произвела на весь литературный міръ смерть Ж. Роденбаха. „Онъ скончался наканунѣ Рождества, въ концѣ этого жестокаго года, когда насъ покинули всѣ тѣ, кого мы больше всего любили: Гюставъ Моро ушелъ отъ насъ первый, затѣмъ Фелисьэнъ Ропсъ, затѣмъ Стефанъ Маллармэ. Мы думали съ тревогой, что это похоронное шествіе окончилось, когда умеръ Пювисъ де-Шаванъ. И вотъ, въ послѣднюю минуту, смерть точно одумалась, и послѣ этихъ знаменитыхъ представителей старшаго поколѣнія, этихъ доблестныхъ жертвъ, она захотѣла скосить еще болѣе молодую добычу, надежду и упованіе, и тогда она взяла Жоржа Роденбаха въ ночь на Рождество".

„Онъ предчувствовалъ къ тому же,—говоритъ Моклэръ,—приближеніе гостьи, и часто тѣнь ея крыльевъ скользила по его лицу, но онъ быстро улыбался той утомленной и тонкой улыбкой, которую мы у него знали, и начиналъ говорить о другомъ. Въ свѣтѣ мало замѣчали его прирожденную грусть. Надо было видѣть его вблизи. Онъ былъ очарователенъ, краснорѣчивъ и лириченъ—и вдругъ меланхолія показывалась у него въ глазахъ, и на одну минуту онъ былъ въ безпомощномъ состояніи; его нервныя руки, всегда протянутыя впередъ, тихо опускались, точно услышавъ ея суровый голосъ. Но надѣленный молчаливой энергіей, онъ такъ хорошо владѣлъ собою, что нельзя было угадать мучительнаго смысла этой кажущейся небрежности. Я думаю, что онъ привыкъ съ давнихъ поръ страдать, ему было знакомо то чувство людей, которые живутъ съ скрытой болѣзнью и изучаютъ ее, когда остаются одни".

Послѣ смерти Ж. Роденбаха всѣ газеты были полны статей и некрологовъ.

Вотъ описаніе похоронъ Роденбаха, вышедшее изъ-подъ пера Гюстава Кана (*Le Siècle*, 20 іюля 1903 г.): „Когда мы провожали поэта на кладбище Père-Lachaise многочисленной и опечаленной толпою, такъ какъ у него было много друзей, искреннихъ въ силу его искренности, упорный сильный дождь сопровождалъ насъ до конца. Всѣ молчали и были задумчивы, не было рѣчей, кромѣ рѣчи Мендеса. Нечего было говорить у могилы человѣка, душа котораго безпрестанно рвалась въ это далекое путешествіе и который, какъ извѣстно, удалялся со своею спокойною увѣренностью адепта благочестивыхъ людей. И несмотря на вѣтеръ и дождь, слова какъ будто улетали, вызывали въ памяти родную для поэта обстановку, бегинажъ въ Гентѣ, куда часто устремлялась его дорогая мысль о монашескомъ покоѣ, и гдѣ будетъ стоять его бюстъ!"

Октавъ Мирбо своимъ произведеніемъ „Путешествіе на автомобилѣ“ впослѣдствіи словно порвавшимъ всякія связи съ литературной Бельгіей, тогда, въ 1899 г., вслѣдъ за смертью Ж. Роденбаха, написалъ въ газетѣ *Journal* (1 января 1899 г.) статью о немъ, полную искренней печали по поводу неожиданной кончины. Между прочимъ, онъ воскликалъ: „Я не зналъ никогда болѣе пріятнаго и болѣе нѣжнаго друга! Онъ былъ связующимъ звеномъ между избранными друзьями, которыхъ онъ любилъ собирать вокругъ себя. Мы наслаждались его разговорами, какъ и его стихами. У него былъ безконечно прорывающійся источникъ вдохновенія. Какъ обожаемый Маллармэ, онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые придаютъ жизни и дружбѣ неоцѣнимое значеніе. Въ часы грусти и слабости мы были увѣрены, что найдемъ въ Роденбахѣ, какъ въ Маллармэ, поддержку и отраду. Отъ этихъ двухъ благородныхъ умовъ къ намъ приходило могучее соревнованіе и горячее желаніе жить хорошо и поступать еще лучше“.

Черезъ пять лѣтъ послѣ смерти Ж. Роденбаха, благодаря стараніямъ его друзей, на родинѣ ему былъ воздвигнутъ памятникъ, въ городѣ Гентѣ.

Сейчасъ же вслѣдъ за неожиданной кончиной поэта создался комитетъ, чтобы увѣковѣчить мраморнымъ или бронзовымъ бюстомъ память поэта. Кругомъ ощущалось общее и дружное воодушевленіе. Необходимая сумма на сооруженіе подобнаго памятника вскорѣ была покрыта взносами преимущественно литературнаго міра, къ тому же комитетъ, какъ извѣстно, получилъ 12 мая 1901 года аудіенцію у министра искусства барона ванъ-деръ-Бругена, который имъ назначилъ субсидію въ 3,000 франковъ. Подписей лицъ, внесшихъ свои пожертвованія, было около 500—сначала всѣмъ казалось очень легко привести этотъ планъ въ исполненіе, но вскорѣ явились многія препятствія, и одно изъ главныхъ состояло въ томъ, что городъ Брюгге по отношенію къ поэту обнаружилъ странную неблагодарность; городской совѣтъ отказалъ дать нѣсколько саженей для памятника, хотя комитетъ уже намѣтилъ мѣсто, возлѣ любимаго поэтомъ тихаго уголка, *Озера любви* въ Брюгге, недалеко отъ бегинажа.

Роденбахъ не былъ популяренъ въ любимомъ имъ городѣ. Онъ воспѣвалъ, прославлялъ его, но называлъ его *мертвымъ*, когда городъ хотѣлъ возродиться, вернуть себѣ морской портъ! Кромѣ того, Ж. Роденбахъ писалъ по-французски, т.-е. на языкѣ, для нихъ непріятномъ, въ виду ихъ розни, и городъ Брюгге не могъ отрѣшиться въ такомъ важномъ вопросѣ отъ мелкихъ счетовъ, не нашелъ нужнымъ исполнить свой долгъ—воздать честь и благодарность поэту. Этотъ отказъ явился новымъ проявленіемъ нетерпимости клерикальной партіи, не имѣющей

ничего общаго съ искусствомъ и литературою. Весь литературный міръ, бельгійскій и французскій, выразилъ сейчасъ же свое негодованіе, даже тѣ писатели, которые всегда были настроены противъ направленія Роденбаха, противъ его переѣзда въ Парижъ, высказались съ горечью и негодованіемъ о поведеніи магистрата Брюгге.

Бельгійскій современный поэтъ, современникъ Ж. Роденбаха, Иванъ Жилькэнъ, въ одномъ частномъ письмѣ въ августѣ 1908 г. сказалъ между прочимъ: „Мы всѣ были охвачены чувствомъ негодованія, когда городъ Брюгге отказался поставить статую Роденбаха, предоставить возможность на его территоріи красоваться статуѣ, которую почитатели поэта посвятили его памяти. Подъ какимъ ничтожнымъ предлогомъ былъ заявленъ этотъ отказъ!... Потому что Роденбахъ прославлялъ Брюгге *мертвымъ*, создалъ Брюгге славу мертваго города въ то время, какъ этотъ городъ съ помощью правительства создавалъ себѣ новый портъ и стремился оживить свою коммерческую дѣятельность!... Таково было рѣшеніе буржуа и купцовъ по отношенію къ поэту!“

Другой городъ, Гентъ,—городъ, гдѣ жилъ Роденбахъ ребенкомъ, съ радостью принялъ къ себѣ его памятникъ. Мѣсто было выбрано въ Гентѣ очень хорошее—возлѣ маленькаго бегинажа, гдѣ онъ часто проходилъ, какъ указывалъ Верхарнъ въ своей рѣчи на открытіи памятника. Мѣсто очень тихое, меланхоличное, скрытое въ вѣтвяхъ большихъ деревьевъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ и творчеству, и душѣ поэта. Памятникъ Роденбаха—работа бельгійскаго извѣстнаго молодого скульптора, Жоржа Минна, пользующагося извѣстностью.

Памятникъ представляетъ собою саркофагъ изъ голубого камня и надъ нимъ поднимается „Воскресеніе“—задумчивая, серьезная, лежащая фигура, вся окутанная покрываломъ, съ наклоненной головой, опирающейся на руку; таинственный ея взглядъ устремленъ въ прошлое, которое воспѣвалъ поэтъ. Внизу написаны его стихи:

Quelque chose de moi dans les villes du Nord
Quelque chose survit de plus fort que la Mort...
Quelque chose de moi meurt déjà dans les cloches...

Эта женская фигура является символомъ нѣжнаго творчества поэта.

Торжество открытія памятника происходило 13 іюля 1903 года. Въ этотъ день почти всѣ парижскія и бельгійскія газеты помѣстили статьи о Ж. Роденбахѣ, послали въ Гентъ спеціальныхъ корреспондентовъ и затѣмъ помѣстили подробныя описанія торжества, воспроизведеніе произнесенныхъ рѣчей и снимки съ памятника. Въ этотъ день въ газетѣ *Figaro* были помѣщены извѣстныя, трогательныя воспоминанія Анны Роденбахъ, жены поэта; въ газетахъ *Aurore, Siècle* были прочувствованныя статьи поэта Гюстава Кана, въ *Gil-Blas*—Камилла Лемонье, въ *Echo de Paris*—братьевъ Маргериттъ и т. д.

Торжество носило скромный характеръ; изъ семьи Роденбаха была только его сестра съ мужемъ, г-жа Лебрэнъ-Роденбахъ, такъ какъ его жена, намѣревавшаяся непремѣнно быть, была задержана неожиданно болѣзнью сына. Изъ его родного города Турнэ пріѣзжала депутація во главѣ съ бургомистромъ, заявившимъ, что отнынѣ одна улица въ городѣ будетъ названа именемъ Роденбаха. Затѣмъ присутствовало много бельгійскихъ и французскихъ литераторовъ, друзей и почитателей поэта.

Сначала выступилъ его товарищъ дѣтскихъ лѣтъ, первыхъ восторговъ и первыхъ стиховъ, поэтъ Эмиль Верхарнъ. Въ своей рѣчи, напечатанной послѣ въ *L'Art Moderne* (августъ, 1903 г.), онъ вложилъ много чувства, нѣжности въ свои воспоминанія о дѣтскихъ годахъ, проведенныхъ вмѣстѣ въ этомъ же городѣ Гентѣ, въ коллежѣ святой Варвары. Затѣмъ говорилъ Gustave d'Hondt, по-фламандски, разсматривая творчество Роденбаха съ національной точки зрѣнія; далѣе—Делангръ, Ванъ-денъ-Бошъ, Браунъ и др.

Отъ имени комитета Фирманъ Ванъ-денъ-Бошъ сказалъ рѣчь, напечатанную затѣмъ въ антверпенской газетѣ *Metròpole* (26 іюля 1903 г.). Онъ отмѣтилъ, что Роденбаху, первому изъ дѣятелей „молодой Бельгіи“ ставятъ памятникъ, что этотъ фактъ уже очень краснорѣчивъ, какъ признаніе огромной заслуги всего возрожденія бельгійской литературы. Онъ какъ бы отвѣчалъ на всѣ нападки съ фламандской и клерикальной стороны, напоминалъ, что никто не можетъ отрицать національнаго элемента въ его творчествѣ, что на-ряду съ Рубенсомъ есть и Мемлингъ, а на-ряду съ Верхарномъ есть Роденбахъ. „Онъ принадлежитъ намъ,—продолжалъ ораторъ,—онъ нашъ, этотъ блѣдный романтикъ сѣвера, изящный и меланхолическій силуэтъ котораго выдѣляется на далекомъ горизонтѣ нашей юности; его глаза, казалось, заключали въ себѣ отблескъ тумановъ, поднимавшихся вечеромъ печальными полосами надъ уснувшими водами нашихъ каналовъ; его бѣлокурые волосы отличались цвѣтомъ спѣлыхъ колосьевъ нашихъ полей; все его существо, въ особенности, вся его душа, въ которой искусство царило въ видѣ недоступнаго божества, отличалось немного пренебрежительнымъ высокомѣріемъ нашихъ башенъ; онъ мечтательно наполнялъ свою мысль вечерней тоской набережныхъ, мрачнымъ одиночествомъ предмѣстій, грандіозной тѣнью отъ соборовъ и медленнымъ и преждевременно утомленнымъ движеніемъ онъ собиралъ въ сѣти стиховъ, тонко выработанныхъ по примѣру монахинь-кружевницъ, всю трогательную меланхолію древнихъ предметовъ, всю задумчивую и нѣжную улыбку прошлаго“.

Нельзя обойти молчаніемъ тотъ прискорбный фактъ, что во время рѣчи Верхарна по улицѣ умышленно прошла толпа фламандской молодежи, желавшей своими свистками, шумомъ и пѣніемъ „Vlaamsche Leeuw“ заглушить рѣчи, испортить торжество. Авторъ „Вечеровъ“ не поколе-

бался и продолжалъ свою рѣчь, но это была глупая, дерзкая контръ-манифестація, которая вызвала даже рѣзкое осужденіе въ нѣкоторыхъ органахъ, державшихся въ сторонѣ отъ торжества и считавшихъ всѣ похвалы поэта преувеличенными. Еще съ утра въ день открытія памятника по городу раздавали въ изобиліи задорную біографію de l'écrivain fransquillon, сатирическую пѣсенку Het Rodenbachslied. Все это было устроено фламандскими клерикалами, которые захотѣли отомстить поэту послѣ смерти...

Роденбаха трогала *внѣшняя сторона* религіи, строгій порядокъ церковныхъ обрядовъ, красота процессій, похоронная обстановка, очарованіе всѣхъ умершихъ вещей, колокола, свѣчи, псалмы, органъ, эстетическая любовь къ прошлому, но это было не клерикализмъ, такъ какъ все это у него сживалось съ культомъ науки, на что и указывали своевременно въ одной критической статьѣ Маріюсъ-Ари Леблопъ, подтверждая симпатіи нашего поэта къ современнымъ интеллектуальнымъ писателямъ, какими были братья Гонкуры и Рони и которымъ онъ посвящаетъ столь интересныя статьи въ своемъ сборникѣ „L'Elite".

Началомъ своей поэтической дѣятельности Ж. Роденбахъ впослѣдствіи считалъ сборникъ „La Jeunesse blanche" (Paris, Lemerre, 1886), но до этого сборника у него были еще болѣе ранніе труды. Первой его книгой были „Le Foyer et les Champs" (Société générale de librairie catholique, 1888), гдѣ явно чувствуется подражаніе Гюго, Мюссе и Коппе, но по нѣкоторымъ уже стихотвореніямъ можно угадать будущій талантъ поэта. Нѣтъ еще той отдѣлки стиха, нѣтъ утонченности выраженія и мысли, нѣтъ еще символовъ, красивыхъ оригинальныхъ сравненій, которыми такъ изобилуетъ творчество Ж. Роденбаха, но меланхолическій оттѣнокъ поэзіи, мечтанія одинокаго, стремленіе къ печали, тоскѣ, подчеркиваніе поры сумерекъ, осени, разлуки, прошлаго, проскальзываютъ уже и въ этой книгѣ. Иногда Роденбахъ пытается передать въ ней картины любимой Фландріи, беретъ еще такія ея черты и сюжеты, къ которымъ впослѣдствіи онъ никогда не возвращался: описанія равнинъ, полей, мѣстныхъ костюмовъ, ярмарокъ-кермессовъ, ручейковъ, рабочихъ въ полѣ, развалинъ замковъ, обрабатываетъ въ поэтическую форму легенды, въ одномъ стихотвореніи разсказываетъ о какой-то своей чистой, наивной, почти ребяческой любви, которая, по словамъ Верхарна, расцвѣла и угасла во Фландріи на берегу Шельды въ Saint-Amand.

Слѣдующій сборникъ „Les Tristesses" (Paris, Lemerre, 1878) обозначилъ его настоящее вступленіе въ литературу. Въ немъ еще чувствуется вліяніе французскихъ поэтовъ, но гораздо меньше; авторъ становится самобытнѣе и создаетъ одинъ изъ своихъ шедевровъ—„Le Coffret".

Сборники „La Mer élégante“ (Lemerre, 1881) и „L'Hiver mondain“ (Lemerre, 1884) съ иллюстраціями Jan Van Beers'a говорятъ уже объ опредѣленномъ вкусѣ автора ко всему современному; здѣсь очень характерно стихотвореніе „Mievreries“, въ которомъ онъ прямо называетъ свою музу блѣдной, худенькой, печальной, сантиментальной и шаловливой, съ нѣсколько искусственной граціей. Она не любитъ мужественныхъ порывовъ, сильныхъ возгласовъ, она охотнѣе мечтаетъ въ тѣни, читаетъ стихи медленнымъ, болѣзненнымъ голосомъ или играетъ на клавесинѣ. Поэтъ въ этихъ сборникахъ уже любитъ мечтать въ тиши, удаляться отъ жизни, восторгается закатомъ, а не восходомъ солнца, осенью, а не весною, смертью, а не жизнью!

Не надо забывать, что Ж. Роденбахъ впослѣдствіи отрицалъ эти сборники, вспоминалъ о нихъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, относился къ нимъ равнодушно, какъ къ когда-то дорогому и далекому прошлому! Его юношеская поэзія была для него забытой возлюбленной! Его первыя книги были для него—какъ бы письма и цвѣты, оставшіеся отъ горячей, взаимной любви, которые одни еще напоминаютъ о томъ, что любовь существовала!...

Когда литературные критики говорятъ о Ж. Роденбахѣ, они представляютъ его, преимущественно, поэтомъ „Règne du Silence“ и „Miroir du ciel natal“, но забываютъ какъ-то о сборникѣ „Jeunesse blanche“, хотя это очень интересная, характерная для его творчества, книга, дышащая новизною вдохновенія, искренностью юныхъ чувствъ, иногда даже чувствъ *любви*, нераздѣленной любви!

Сборникъ состоитъ изъ красивыхъ, гармоническихъ стиховъ, въ которыхъ, несмотря на всю замѣтную оригинальность и независимость юнаго творчества, вновь создаваемаго поэтомъ своего собственнаго жанра, все же чувствуется вліяніе Бодлэра. Сборникъ открывается замѣчательнымъ по формѣ и содержанію прологомъ, обращеннымъ къ какой-то, скорѣе всего воображаемой, чѣмъ дѣйствительно существовавшей, Madame X.—à Vous l'ancienne, à Vous la bonne, à Vous la seule! Онъ хочетъ вести съ ней бесѣду вполголоса, въ полутонахъ, въ цвѣтущемъ саду своей *Свѣтлой Юности*. Но бѣдный садъ, гдѣ находятся скрытыми прежнія мечты, теперь заглохъ, заброшенъ; нѣсколько лилій и свѣчей мѣстами встрѣчаются тамъ, но весь садъ находится во власти упорнаго терновника... Вечерней и осенней порой онъ пустыненъ, мраченъ, и тихая меланхолія окружаетъ его, какъ черная рѣшетка. Но что же представляетъ собою поэтъ, который собирается вести бесѣду въ такомъ заглохшемъ саду? Мы узнаемъ изъ его словъ, что поэтъ принадлежитъ къ тоскующимъ и скромнымъ мечтателямъ, непонятнымъ страдальцамъ, съ искренней, горячей душой, наслаждающейся своими муками и гордящейся своей меланхоліей. Никѣмъ не

понятый, одинокій поэтъ, не извѣдавшій любви, тоскуетъ отъ мысли, что, быть можетъ, его единственная невѣста умерла въ дѣтствѣ, и онъ не узнаетъ никогда счастія быть любимымъ.

Въ 1888 году Ж. Роденбахъ выпустилъ небольшую книгу „Du silence“, которая затѣмъ цѣликомъ вошла въ составъ его сборника „Règne du Silence“ (Paris, Fasquelle, 1891 г.).

Настоящій, внутренній, глубокій, небросающійся въ глаза трагизмъ поэтической души открываетъ въ этомъ сборникѣ таинственную жизнь предметовъ, обращаетъ ихъ въ живыя существа, надѣляетъ ихъ чувствомъ, нервными переживаніями; ихъ драма, облагороженная Безмолвіемъ, потрясаетъ читателя, заставляетъ переживать вмѣстѣ съ ними массу неясныхъ, едва уловимыхъ тонкихъ ощущеній гордой, страдающей души. Съ высоты своихъ идеальныхъ стремленій, находясь всегда *выше жизни,* поэтъ разсматривалъ жизнь и всѣ предметы, точно чрезъ туманную дымку, черезъ оконное стекло; онъ не различалъ безобразныхъ сторонъ жизни, всего тривіальнаго, мѣщанскаго, безполезнаго шума и говора толпы, окружающихъ лжи, тщеславія, борьбы, всей дѣйствительности, и онъ охотно отдавался грезамъ и мечтамъ, такъ какъ „только мечты можно любить вѣчно, какъ любятъ мертвыхъ!“

Передъ нимъ открывается жизнь комнатъ, которыя другимъ кажутся бездушными. Занавѣски на окнахъ, люстры, трепещущія при малѣйшемъ толчкѣ, зеркала, отражающія въ своихъ сонныхъ водахъ мечты поэта, страдающія отъ воспоминаній о лицахъ, которыя они отражали когда-то, піанино, мечтающее въ углу, старинные портреты на стѣнахъ, неумолимые часы—все надѣлено поэтомъ своей особенною жизнью, передано въ оригинальныхъ сравненіяхъ и глубокихъ мысляхъ... Послѣ жизни комнатъ поэта интересуетъ вода,—его любимая стихія. Онъ задается цѣлью стать психологомъ этой воды, изучить ея измѣнчивое, больное сердце, которое страдаетъ тихо, въ глубинѣ, на днѣ. Чуткое сердце воды поддается всевозможнымъ вліяніямъ, отражаетъ небо до малѣйшихъ оттѣнковъ, всю его измѣнчивую безконечность. Блѣдная вода страдаетъ безгласно, безропотно, мечтая о далекихъ океанахъ; въ ней еще живутъ отблески деревьевъ, остроконечныхъ крышъ, мачтъ кораблей, чувствуется закатъ солнца, лодки, звѣзды, полетъ птицъ, и къ нимъ она примѣшиваетъ часть безконечности, но это касается только ея зеркальной поверхности, она умышленно, съ помощью этихъ отблесковъ, скрываетъ свое сердце, черное, замкнутое, гордое и величественное. Уснувшая вода небольшого бассейна, похожая на человѣческія слезы, одинокій каналъ, отъ всего отрекшійся, наслаждающійся своимъ одиночествомъ, большія водныя глади въ старинныхъ обширныхъ паркахъ, полныя воспоминаній о великомъ прошломъ, фонтаны съ

ихъ падающими неудовлетворенными желаніями, акваріумы,—ничего не забылъ поэтъ изъ области утомленнаго сердца воды!

Въ „Le Règne du Silence“ душа Ж. Роденбаха переселилась окончательно въ окружающіе ее предметы настолько, что вдохнула въ нихъ настоящую жизнь. „Отнынѣ,—по словамъ Э. Верхарна,—колоколъ, воскресные дни, окна, башни, каналы, лебеди, бегинажи станутъ его жизнью. Предметы подъ его перомъ приняли человѣческія черты или, лучше сказать, стали имъ самимъ. Всю непонятность его утомленной грусти, всѣ оттѣнки его мечты, всѣ переходы его печали, онъ заключаетъ не въ анализахъ, не въ выраженіяхъ, опредѣленныхъ и точныхъ, а въ сравненіяхъ, образахъ, аналогіяхъ. Его чувства, едва уловимыя, неясныя, уподобляются звукамъ, воздуху и освѣщенію зари и сумерекъ“ (Revue Encyclopédique, 1899 г.).

Слѣдующій поэтическій сборникъ „Les Vies encloses“ (Paris, Fasquelle, 1896 г.) Ж. Роденбаха свидѣтельствуетъ о такомъ же стремленіи автора стать психологомъ глубокой души, о той же манерѣ превращать все въ символы, говорить сравненіями, цѣлымъ неисчерпаннымъ запасомъ самыхъ оригинальныхъ, необыкновенныхъ аллегорій, которыя всегда такъ характерны для его творчества. Весь сборникъ „Les Vies encloses“ посвященъ изученію души, гордой, замкнутой въ себѣ, которая созерцаетъ только себя, отрекается отъ жизни, славы, счастья! Эта душа поэта, имѣющая массу сравненій, самыхъ оригинальныхъ, нешаблонныхъ аллегорій, лучше всего напоминаетъ скрытую въ стеклянныхъ перегородкахъ воду акваріума.

Въ этомъ отношеніи очень хорошъ отдѣлъ въ сборникѣ „L'âme Sous-marine“. Душа поэта—вода акваріума—жалѣетъ другія воды и страдаетъ за нихъ. Она сочувствуетъ быстрымъ ручейкамъ, несущимся безъ конца, и рѣкѣ, которая напрасно утомляется желаніемъ расшириться, сдѣлаться скорѣе человѣческой, чѣмъ божественной. Она страдаетъ и за каналы, которые постоянно находятся подъ впечатлѣніемъ облаковъ, вѣтра, лебедей. Она понимаетъ и фонтаны, которые стремятся подняться, падаютъ, волнуются, не достигаютъ гордаго намѣренія, не желаютъ оставаться ясновидящими и естественными. Она страдаетъ и за безконечное море, которое мучается, разбиваетъ о скалы свои сѣрыя волны, безконечные приливы, утомляется кораблями.

Въ отдѣлѣ сборника „Le voyage dans les yeux“ поэтъ пошелъ еще дальше; онъ не удовлетворился тѣмъ, что надѣлилъ предметы жизнью, что проникъ въ самые глубокіе тайники утонченной души, онъ открылъ тайну и жизнь глазъ, открылъ въ нихъ безконечное число пейзажей. Э. Верхарнъ такъ отзывается объ этомъ отдѣлѣ: „Прочитавъ „Le Voyage dans les yeux“, нельзя не поразиться неисчерпаемымъ источникомъ сравненій и образовъ, которые Ж. Роденбахъ высказалъ въ своемъ

искусствѣ. Глаза для него, дѣйствительно, безконечность. Нѣтъ ничего, чего бы они ему не напоминали, ничего, чего они не выражали бы или не содержали въ себѣ. Онъ такъ глубоко проникаетъ въ объективность, что видоизмѣняетъ и насилуетъ ее. Никогда ни одна аналогія не удовлетворяетъ его. Онѣ нагромождаются одна на другую, висятъ кистями на виноградной лозѣ его стиховъ; иногда онѣ являются паразитами у его слишкомъ развѣтвленнаго виноградника. Можно подумать, что ему доставляетъ удовольствіе — можетъ быть, въ этомъ и есть настоящая виртуозность—завязывать ихъ украшенія самымъ сложнымъ способомъ, доказать самому себѣ легкость и ловкость, съ которою онъ обращается съ ними" (Revue encyclopédique, 1899 г.).

Въ послѣднемъ сборникѣ поэта „Miroir du ciel natal" (Paris, Fasquelle 1898) на-ряду съ вещами, сходными по духу и по манерѣ съ поэмами изъ сборника „Les vies encloses", есть много вещей совершенно простыхъ, ясныхъ для всѣхъ, понятныхъ. Это воспоминанія поэта, живущаго въ Парижѣ и не перестающаго думать о своей родинѣ. Никогда онъ не былъ ближе къ своей отчизнѣ, какъ въ пору созданія „Miroir du ciel natal".

Въ воспоминаніяхъ поэта проходятъ женщины въ плащахъ, тамъ, далеко въ туманахъ сѣвера, въ мертвыхъ городахъ, гдѣ осталась какая-то частица души поэта. Ахъ, эти старые города! Тамъ все сѣро и печально, какъ гробница съ хризантемами, тамъ все безжизненно, точно никого нѣтъ, все затихаетъ, какъ будто это не существующіе города, а всемірное одиночество! И въ этой сѣрой обстановкѣ, гдѣ душа словно отрѣшена отъ жизни, вниманіе Роденбаха привлекаютъ къ себѣ фонари, печальные братья лампъ. Роденбахъ какъ бы проникаетъ въ психологію фонарей, заключенныхъ, точно птицы въ клѣткѣ, страдающихъ лихорадочной дрожью, выдерживающихъ всякую погоду, смотрящихъ съ завистью на своихъ сестеръ—лампъ. Но такъ же проникаетъ онъ и въ душу городскихъ фонтановъ. Свѣжіе, какъ ручьи, твердящіе свои элегіи, разнообразные, какъ волны, точно бѣлые павлины при лунѣ, съ своими порывами, стремленіями, всегда неудовлетворенными, падающими подъ собственной тяжестью... Потомъ вниманіе поэта привлекаютъ лебеди, безупречные, чистые, танцующіе на каналахъ, точно первыя причастницы въ бѣломъ тюлѣ! И все это, эти церкви, колокола, лебеди, женщины въ плащахъ вліяютъ на душу поэта, вносятъ столько тоски и отчаянія въ его взглядъ на жизнь.

Въ послѣдніе годы своей жизни Ж. Роденбахъ очень интересовался такъ называемымъ свободнымъ стихомъ, созданнымъ Лафоргомъ, Гюставомъ Каномъ и др. Сборникъ „Miroir du ciel natal" является результатомъ этого интереса къ новой формѣ стиха, и онъ внесъ въ этомъ направленіи много своего.

Ж. Роденбахъ три года работалъ надъ этимъ сборникомъ, и окончивъ его, онъ составлялъ планъ новаго сборника. Вотъ что онъ писалъ въ ноябрѣ 1898 г. въ одномъ частномъ письмѣ въ отвѣтъ на анкету о будущихъ произведеніяхъ современныхъ поэтовъ:

„Что касается моихъ проектовъ, у меня ихъ мало, такъ какъ я только что напечаталъ повѣсть „L'arbre“ и стихотворный сборникъ „Miroir du ciel natal“, надъ которымъ я работалъ три года. Тѣмъ не менѣе я готовлю романъ, въ которомъ изображается старая дѣвушка въ провинціальной обстановкѣ, можно было бы сказать, полумонахиня, которой я закончу мое изученіе *людей безмолвія*, отразившееся въ цѣломъ рядѣ моихъ романовъ, подобно тому, какъ мои стихи являются отраженіемъ *обстановки безмолвія*. Затѣмъ у меня есть оконченный томъ портретовъ писателей, актеровъ, художниковъ, ораторовъ, которыхъ я избралъ своими учителями, и онъ будетъ называться „l'Elite“. Эта работа меня очень интересовала. Наконецъ, у меня есть планъ сборника новыхъ стиховъ, за который я хочу скоро приняться, гдѣ дѣло будетъ касаться любви и смерти! Вотъ планы; къ какому сроку? Кто знаетъ? Поэтъ строитъ корабли въ заливѣ, на берегу моря... Его радость въ работѣ и въ надеждѣ, что его корабли будутъ хорошо ходить по морю. Какъ только онъ ихъ кончитъ, люди возьмутъ ихъ, проводятъ вдаль, гдѣ они будутъ плыть, можетъ быть, утонутъ... Во всякомъ случаѣ какъ только они оканчиваются, *они уходятъ отъ него*. Вотъ почему поэты любятъ прежде всего тѣ произведенія, надъ которыми работаютъ“... (*Galois*, іюль 1903 г.).

Въ первомъ своемъ романѣ L'Art en exil (Paris, Quantin, 1889 г.) Жоржъ Роденбахъ передалъ тяготившую его тоску, меланхолію, душную атмосферу провинціи, непонятость его души его соотечественниками. Прежде всего въ романѣ бросается въ глаза мѣстный колоритъ, обстановка мертваго города, разлитая всюду меланхолія, проникающая въ тонкую душу поэта, красивый образный языкъ, съ массою метафоръ, рѣдкихъ сравненій и глубокій анализъ чувствъ и ощущеній. Многіе говорятъ, что романъ носитъ автобіографическій характеръ, но не въ смыслѣ фабулы, а въ отношеніи характеристики главнаго героя, изображеніи его души и его дѣтства.

Жанъ Рембрандтъ, какъ и самъ авторъ, желаетъ жить въ сторонѣ отъ всего, отъ людей и жизни. Онъ прежде всего поэтъ. Онъ мечтаетъ написать книгу, „прекрасную и великую“! Какъ представитель мистической и фламандской расы, онъ обожаетъ все духовное: церкви, мессы, псалмы, процессіи, развертывающіяся бѣлой полосой по улицамъ. Онъ живетъ скорѣе чувствами, чѣмъ мыслями. Въ полномъ одиночествѣ, непонятности, Жанъ Рембрандтъ мечтаетъ о женской любви, грезитъ о подобной ему женской душѣ, столь же утонченной, мечтаетъ найти непорочную невѣсту, думающую и чувствующую одинаково съ нимъ: ожидаемую женщину, *иную, чѣмъ всѣ другія*.

Однако разочарованіе очень быстро начинаетъ плести вкругъ него свои сѣти. Марія, его избранница, оказывается неспособной услѣдить за утонченностью его мысли, за нервными переходами и переживаніями.

Тихая, скромная натура, она не въ силахъ подойти къ такому тонкому поэту, какъ Жанъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ супружеской жизни онъ понялъ, что ошибся, женившись на сестрѣ Маріи, что она *подобна всѣмъ другимъ женщинамъ*.

Въ романѣ интересна не только психологія героя, анализъ его тонкой души, малѣйшихъ нервныхъ переходовъ, но и описаніе самого города; здѣсь уже намѣчался поэтъ мертвыхъ городовъ, остроконечныхъ крышъ, мрачныхъ домовъ, безмолвныхъ набережныхъ, тихихъ каналовъ.

Слѣдующій романъ Жоржа Роденбаха „Bruges-la-Morte“ (Paris, Flammarion, 1892 г.) принесъ автору европейскую извѣстность: романъ переведенъ на всѣ европейскіе языки, появился въ цѣломъ рядѣ изданій. Герой романа, Гюгъ Віанъ, сходный по душѣ съ Жаномъ Рембрандтомъ, печальный, меланхолическій, одинокій, ничѣмъ не занятый, жилъ единой мечтой—сохранить неизмѣннымъ свой культъ любимой умершей жены. Гюгъ Віанъ, послѣ десятилѣтняго счастливаго супружества остается неутѣшнымъ вдовцомъ, создаетъ себѣ въ душѣ культъ умершей жены, а въ комнатѣ—музей ея памяти. Онъ переселяется въ Брюгге, мертвый городъ, покинутый когда-то моремъ. „Мертвой супругѣ долженъ соотвѣтствовать мертвый городъ“. А какой городъ, лучше чѣмъ Брюгге, подходилъ въ данномъ случаѣ? „Его великій трауръ требовалъ подобной обстановки. Онъ могъ переносить жизнь только здѣсь“.

Въ романѣ интересны двѣ вещи: во-первыхъ, оригинальный, невстрѣчавшійся до сихъ поръ мѣстный колоритъ, психологія города, какъ личности, анализъ души города; во-вторыхъ, психологія изстрадавшагося человѣка, измученнаго своимъ собственнымъ анализомъ, нервными переживаніями, крайне чуткаго, одинокаго, разочарованнаго, преданнаго своему культу—умершей жены. Много разъ приходилось потомъ Роденбаху слышать упреки въ томъ, что онъ въ своемъ романѣ невѣрно изобразилъ Брюгге, что городъ совсѣмъ не таковъ въ дѣйствительности, но на такія нападки авторъ не обращалъ вниманія: онъ не могъ фотографировать городъ, онъ не могъ, подобно Бедэкеру, служить путеводителемъ по городу, онъ, какъ истинный художникъ, передавалъ городъ такимъ, какимъ онъ его видѣлъ, понималъ въ своей душѣ! Если въ Брюгге послѣ его романовъ началось цѣлое паломничество художниковъ и поэтовъ, если на-ряду съ монахинями встрѣчается на его улицахъ множество туристовъ англичанъ, если по воскреснымъ днямъ играетъ музыка на площади и замѣтно усиленное движеніе проѣзжающихъ съ вокзала, то изъ этого еще не слѣдуетъ того, что мистическаго, меланхолическаго Брюгге съ его сонными каналами, пустынными улицами, обширными кладбищами, высокими колокольнями не существуетъ!

Третій романъ, „Le Carillonneur“ (Paris, Fasquelle, 1897 г.), интересенъ по фабулѣ, по мѣстному колориту и по психологіи героя, который

является какъ бы братомъ двухъ первыхъ героевъ и кончаетъ свою жизнь тоже роковымъ образомъ. У него неудачная женитьба, несчастная любовь; судьба, которой Жоржъ Роденбахъ придаетъ большую силу, рѣшаетъ все въ жизни Ж. Борлота. Герой романа хотѣлъ стать выше жизни, но судьба, жизнь и земля мстятъ ему, тянутъ къ себѣ, терзаютъ и мучатъ его.

Надо замѣтить, что у Жоржа Роденбаха прозаическій языкъ съ каждымъ произведеніемъ все совершенствовался, становился болѣе краткимъ, нервнымъ, иногда нѣжнымъ, легкимъ. Въ его языкѣ нельзя найти длинныхъ періодовъ, возвышенныхъ трескучихъ фразъ; напротивъ, часто цѣлый рядъ существительныхъ, накопленіе мелкихъ чертъ, служитъ для выраженія одной какой-нибудь идеи автора. Роденбахъ любитъ строго проведенныя сравненія, тонкіе нюансы, любитъ кончать фразу какимъ-нибудь многосложнымъ словомъ; иногда же онъ прерываетъ быстро свои фразы двумя или тремя восклицаніями, причемъ временами каждое отдѣльное слово имѣетъ собственное значеніе.

Жоржъ Роденбахъ, кромѣ трехъ большихъ романовъ, написалъ еще двѣ повѣсти и два сборника разсказовъ. Изъ двухъ повѣстей „La Vocation“ (Paris, Ollendorff, 1895 г.) была написана раньше, а повѣсть „L'Arbre“ незадолго до смерти поэта. Мѣсто дѣйствія въ „La Vocation“ опять Брюгге, мертвый Брюгге; все окутано и проникнуто тѣмъ же красивымъ меланхолическимъ настроеніемъ, на фонѣ котораго разыгрывается трагическая судьба героя... Вся повѣсть проникнута психологическимъ анализомъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, матери и сына; его борьба за свое призваніе быть монахомъ, борьба матери противъ этого призванія, его паденіе и вслѣдствіе этого сознаніе невозможности слѣдовать своему призванію — захватываютъ читателя. Слогъ въ повѣсти, свойственный Роденбаху, оригинальный, полный рѣдкихъ сравненій, неожиданныхъ оборотовъ.

Другая повѣсть „L'Arbre“ (Paris, Ollendorff, 1898) переноситъ насъ въ Зеландію, страну еще первобытную, незатронутую культурою. Въ ней хранятся старинные обычаи, традиціи, предразсудки, дѣвушки носятъ національный костюмъ, вся жизнь протекаетъ въ неподвижной сохранности пейзажа и нравовъ. На этомъ фонѣ разыгрывается драма между двумя влюбленными Нэле и Іосомъ. Повѣсть интересна по психологіи героевъ и главнымъ образомъ по изображенію мѣстнаго колорита острова, еще нетронутаго внѣшней культурой, по патріархальнымъ нравамъ и обычаямъ.

Посмертный сборникъ разсказовъ Ж. Роденбаха „Rouet des brumes“ (Paris, Ollendorff, 1901) составленъ большей частью изъ разсказовъ, напечатанныхъ раньше въ различныхъ журналахъ и газетахъ, и вполнѣ передаетъ чудесную, необыкновенную душу автора, его ориги-

нальную философію, красоту стиля, утонченную нѣжность его печали. Это превосходные меланхолическіе разсказы, въ которыхъ передалась туманная, нѣжная мечтательность утонченнаго художника. Мы находимъ въ нихъ едва уловимыя впечатлѣнія, нервныя переживанія, мечты, въ неподражаемомъ стилѣ, отражающемъ внутреннюю сторону души художника.

Другой сборникъ разсказовъ Жоржа Роденбаха „Musée des béguines“ (Paris, Charpentier, 1894) стоитъ совершенно особнякомъ въ его творчествѣ. Это поэзія монастырской жизни; всѣ разсказы посвящены воспроизведенію жизни бегинокъ, экстазу иногда мистическому, иногда чисто болѣзненному, сомнѣніямъ, охватывающимъ душу монахинь, этихъ тихихъ дѣвушекъ, восхищающихъ насъ своей простотой, этихъ подданныхъ самого Бога. Мы узнаемъ подробности, детали ихъ жизни; мы находимъ описанія священныхъ предметовъ, свѣчей, цвѣтовъ, колоколовъ, четокъ, головныхъ уборовъ, кружевъ и т. д. Но выше всего—воспроизведенія душъ монахинь. И среди этой глубокой тишины и безмолвія мы различаемъ слабые звуки колоколовъ, блѣдное небо, поблекшія черепицы.

Вся книга, по справедливому замѣчанію талантливаго поэта, Альбера Самэна, „очень интересная, хотя и однообразная книга, которую слѣдовало бы читать при тихомъ свѣтѣ, уменьшенномъ бѣлыми занавѣсками, въ углу окна, выходящаго на пустынную улицу. Все въ ней скользитъ медленно, нѣжно въ душу, какъ эти длинныя ровныя лодки Фландріи по неподвижной водѣ канала“.

Однажды Ж. Роденбахъ почувствовалъ желаніе написать что-нибудь для театра; результатомъ этого явилась пьеса „Le Voile“ (Paris, Ollendorff, 1897), поставленная въ Парижѣ, въ театрѣ Comédie française 21 мая 1894 г. Затѣмъ послѣ его смерти осталась пьеса „Le Mirage“ (Paris, Ollendorff, 1901), передѣланная самимъ авторомъ изъ романа „Bruges-la-Morte“.

Въ пьесѣ „Le Voile“ дѣйствіе происходитъ въ томъ же Брюгге, въ наши дни; герой пьесы, Жанъ, тотъ же утонченный человѣкъ, съ высокой душой, какого мы встрѣчали во всѣхъ романахъ Роденбаха. Героиня—монахиня, бегинка, находящаяся въ домѣ Жана по случаю болѣзни его тетки. Пьеса написана красивыми стихами, пропитана атмосферою осенняго дождя, звона съ сосѣднихъ колоколенъ, молитвы, тихихъ шаговъ, шопота вмѣсто громкаго разговора... Красивый, туманный колоритъ пьесы, гармоничность, разлитая во всемъ, нѣжные оттѣнки, дѣлаютъ изъ нея какую-то поэму въ діалогической формѣ, какъ замѣтилъ еще Рене Думикъ: „Авторъ беретъ мертвый городъ и въ немъ домъ, гдѣ смерть уже протягиваетъ свои объятія; изъ временъ года онъ беретъ осень, съ ея чудеснымъ расцвѣтомъ хризантемъ, бе-

ретъ вечеръ изъ времени дня. И зрителя или читателя невольно охватываетъ эта атмосфера конца свѣта". Тишина и безмолвіе. Героиней въ подобной обстановкѣ, понятно, и должна была быть такая безкровная лилія, какъ сестра Гудула, монахиня-сидѣлка возлѣ больной... Пьеса вся полна полутоновъ, нѣжныхъ оттѣнковъ, душевныхъ переживаній, связанныхъ съ внѣшнею обстановкой, густымъ туманомъ, колокольнымъ звономъ и настроеніемъ приближающагося конца...

Э. Гонкуръ передаетъ въ своемъ *Дневникѣ* (1894 г.), какъ Ж. Роденбахъ разсказывалъ у него, что онъ больше никогда не хочетъ писать для театра, что по рекомендаціи Дюма-сына въ Comédie française рѣшили поставить его пьесу, но съ передѣлками, и что Жюль Кларти, ставившій тамъ пьесу, не хотѣлъ слушать указаній автора, готовъ былъ разыграть пьесу по шаблону. Вообще при постановкѣ „Le Voile" въ 1894 г. въ одинъ вечеръ съ пьесою Les Romanésques Эд. Ростана, Ж. Роденбахъ долженъ былъ вынести много борьбы; онъ отстоялъ для исполненія сестры Гудулы артистку m-lle Moreno, очень подходившую къ этой роли, вмѣсто m-lle Baretta, рекомендованной Кларти. Затѣмъ онъ послѣ усиленной борьбы сумѣлъ заставить артистовъ этого театра произносить стихи иначе, чѣмъ всегда было принято, передавать нѣсколько однообразную меланхолію окружающей обстановки, и пьеса была разыграна, какъ онъ этого хотѣлъ, Полемъ Муне, m-lle Moreno. Пьеса имѣла то, что называется un succès d'estime, такъ какъ показалась для большой публики непонятной и скучной.

Бельгійскій романистъ и редакторъ одного изъ главныхъ бельгійскихъ журналовъ *La Belgique artistique et littéraire*, Поль Андрэ въ одномъ частномъ письмѣ, относящемся къ лѣту 1898 г. разсказываетъ, что ему приходилось часто бесѣдовать съ Жюлемъ Кларти, своимъ другомъ, по поводу постановки „Le Voile".

„Во время репетицій Роденбахъ, который не очень вѣрилъ въ успѣхъ пьесы, казался нервнымъ, въ особенности, придирчивымъ къ малѣйшимъ деталямъ. Жюль Кларти однажды говорилъ мнѣ слѣдующее: „Ж. Роденбахъ съ своей одноактной пьесой доставилъ намъ больше труда, чѣмъ мы имѣли съ большими драмами, въ 4 акта, которые мы ставимъ". Роденбахъ, напримѣръ, находилъ, что столовое бѣлье слишкомъ бѣло. Надо было найти бѣлье оттѣнка кремъ или суроваго. По отношенію ко всему онъ хотѣлъ спеціальныхъ и рѣдкихъ тоновъ, гармоническаго свѣта. Надо было выписать изъ самого Брюгге подлинный костюмъ монахини. И когда m-lle Moreno надѣла его, она казалась словно мистической фигурой съ разрисованнаго окна готической церкви. Она имѣла наибольшій успѣхъ! и это былъ дѣйствительно успѣхъ!"

„Le Voile" была первымъ произведеніемъ бельгійскаго автора, поставленнымъ „въ домѣ Мольера". Извѣстно, что нынѣ покойный ко-

роль Бельгіи, Леопольдъ II, находился въ Парижѣ въ день ея перваго представленія и отправился въ театръ. Послѣ разыгранной пьесы онъ позвалъ автора къ себѣ въ ложу, привѣтствовалъ его не только за успѣхъ въ театрѣ, но вообще за всѣ его произведенія и за ту славу, которой онъ достигъ, какъ бельгійскій писатель, за границей.

Пьеса „Le Voile“ не сходитъ съ западно-европейскаго репертуара и ея постановку можно встрѣтить то въ Парижѣ, то въ Гаагѣ, Тунисѣ, Женевѣ, Брюсселѣ и др. городахъ.

Другая пьеса Ж. Роденбаха „Le Mirage“ (Paris, Ollendorff, 1901) („Миражъ“) принадлежитъ къ работамъ, изданнымъ послѣ его смерти. Это—сдѣланная самимъ авторомъ передѣлка изъ романа „Мертвый Брюгге“ и, какъ всякая передѣлка, гораздо слабѣе самого романа. „Le Mirage“ не былъ поставленъ на французской сценѣ, а шелъ въ Берлинѣ въ 1903 г. въ переводѣ Требича, причемъ декораціи были написаны бельгійскимъ художникомъ Фернандомъ Кнопфомъ, но пьеса успѣха не имѣла.

Среди послѣднихъ произведеній Ж. Роденбаха стоитъ особнякомъ необыкновенно интересный сборникъ критическихъ статей, этюдовъ о писателяхъ, художникахъ, скульпторахъ, священныхъ ораторахъ „L'Elite“ (Paris, Fasquelle, 1899). Въ сборникѣ нѣтъ ни одной шаблонной фразы, ни одного общаго мѣста, все сказанное о каждомъ писателѣ тонко, ярко; изъ творчества каждаго писателя взяты самыя главныя черты, оттѣнки, наиболѣе характерные; иногда чувствуется совсѣмъ новая постановка вопроса. Очень характерны, разумѣется, писатели, о которыхъ онъ говоритъ, его выборъ. Бодлэръ на первомъ мѣстѣ! И статья о Бодлэрѣ—лучшая во всей книгѣ; Бодлэръ, по мнѣнію Ж. Роденбаха, вполнѣ *католическій* писатель, что онъ и доказываетъ цитатами изъ его произведеній. Хорошо очерчено отношеніе Бодлэра къ Сатанѣ, какъ искусителю, къ женщинѣ, какъ подругѣ Сатаны, къ современнымъ человѣческимъ порокамъ, средствамъ найти забвеніе!

Послѣ статьи о Бодлэрѣ вниманіе читателя, въ особенности, привлекаютъ его статьи о Гонкурахъ, Бризё, Гюго, Дебордъ-Вальморъ, Родэнѣ. Статья о Маллармэ вполнѣ объясняетъ, почему этого утонченнаго поэта съ чудесной эрудиціей, благородною жизнью, преданностью искусству новые поэты признали своимъ учителемъ и главою школы. Хороши характеристика Вилье де-лиль-Адана и указаніе на то, что одновременно въ немъ сжились два различныхъ качества: „ироніи и поэзія или краснорѣчіе! Ирониа, отчасти заимствованная у Эдгара По, и краснорѣчіе, почерпнутое въ католицизмѣ. Обѣ эти черты заставили его отвернуться отъ науки, отъ прогресса, духа вѣка; одно, чтобы смѣяться такимъ смѣхомъ, который холодилъ бы, какъ смѣхъ безумнаго, другой—чтобы порицать ихъ голосомъ торжественнымъ, какъ проповѣдь съ каѳедры.

Вотъ почему Вилье кажется, такъ сказать, одновременно Эдгаромъ По и Боссюэтомъ!" Одна изъ самыхъ трогательныхъ характеристикъ—это характеристика Дебордъ-Вальморъ. Вальморъ! Это имя звучало такъ громко и нѣжно для такихъ поэтовъ, какъ Гюго, Бодлэръ, Виньи, Верлэнъ, Банвиль... для всѣхъ нихъ это имя, эта женщина была культомъ, они любили ее, какъ родную мать. Ея нѣжная, искренняя поэзія, правда, лишенная безконечности мечты, тонкаго и рѣдкаго стиха, отличалась необыкновенною женственностью и вся была посвящена *любви*, нераздѣленной, страдальческой, со всѣми оттѣнками, переходами, неуловимыми внутренними волненіями, ревностью, отчаяніемъ, глубокой нѣжностью и преданностью прошлому.

Сборникъ „L'Elite" показываетъ большую начитанность автора, говоритъ о его тонкомъ вкусѣ, стремленіяхъ, является очень интересною книгою для изученія писателей и художественной жизни конца XIX вѣка.

Жоржъ Роденбахъ—одинъ изъ видныхъ поэтовъ Бельгіи.

Жоржъ Роденбахъ—поэтъ безмолвія, одиночества, упадка, сумерекъ, осени, воспоминаній, меланхоліи.

Жоржъ Роденбахъ—пѣвецъ мертваго Брюгге, его одинокихъ каналовъ, мрачныхъ набережныхъ, древнихъ колоколенъ, невинныхъ бегинокъ, божественныхъ лебедей. Ж. Роденбахъ—поэтъ печальныхъ, меланхоличныхъ настроеній, смотрящій на жизнь съ точки зрѣнія Вѣчности. Творчество Ж. Роденбаха, съ одной стороны, глубокое, національное произведеніе, говорящее о его необычайной любви къ Фландріи, съ другой—проникновеніе въ таинственную жизнь предметовъ, безмолвія, утонченная передача душевныхъ настроеній, сомнѣній, презрѣніе всякой неправды, обыденной жизни, анализъ глубокой души, стремящейся стать выше жизни.

Выше жизни! Вотъ пароль, девизъ, побѣдный крикъ всего творчества Ж. Роденбаха.

Выше жизни! Символъ новой жизни, неземной; жизни, точно на маякѣ, на высокой горѣ, башнѣ, колокольнѣ, жизни, полной не остраго, жгучаго страданія, а глубокой скорби и печали, меланхоліи и тоски!

Выше жизни!—отреченіе отъ жизни, спасеніе для всѣхъ, кто одинокъ, кто любитъ печаль больше радости, смерть сильнѣе любви!

М. Веселовская.

Современное народничество и аграрная эволюція.

Оживленіе общественной мысли, начавшее обнаруживаться въ первой половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, проявилось, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ. Одно изъ нихъ было продолженіемъ стараго народничества 60-хъ и 70-хъ годовъ, другое стремилось приложить къ объясненію явленій русской экономической и соціальной жизни историко-философскую схему Карла Маркса. Рѣзкій антагонизмъ между этими двумя теченіями одинаково рельефно обнаруживался и въ области вопросовъ промышленной эволюціи, и въ сферѣ аграрныхъ отношеній.

Я не буду касаться первой изъ этихъ областей. Если марксисты и не имѣютъ основанія праздновать здѣсь полную и безусловную побѣду, то народникамъ, во всякомъ случаѣ, приходится признаться въ понесенномъ ими пораженіи, и ихъ прежнія мечты о своеобразномъ промышленномъ развитіи Россіи въ настоящее время почти не имѣютъ сторонниковъ. „Что бы ни говорили, какія бы архаическія мнѣнія ни навязывали своимъ противникамъ любители дешевой полемики,—говоритъ одинъ изъ выдающихся представителей современнаго народничества, г. Сухановъ,—отъ этого нисколько не измѣнится тотъ фактъ, что по вопросу о направленіи въ развитіи индустріи между этими фракціями (народническою и марксистскою) разногласій нѣтъ“, причемъ въ частности „народники, несмотря на всѣ ошибки и нелѣпости противниковъ, не вышли изъ борьбы побѣдителями“.

Иначе обстоитъ дѣло въ области аграрной эволюціи. Ортодоксальная марксистская схема, еще не такъ давно безраздѣльно господствовавшая въ аграрныхъ теоріяхъ міровой соціалъ-демократіи, утратила это господство. Жизнь доказала, что въ области вопросовъ промышленной эволюціи были ближе къ истинѣ марксисты. Но „та же жизнь,—говоритъ вспоенный и вскормленный на марксистскихъ ученіяхъ М. И. Туганъ-Барановскій,—доказала, что въ области земледѣлія ничего похожаго на вытѣсненіе крестьянскаго хозяйства капиталистическимъ помѣщичьимъ хозяй-

ствомъ не наблюдается". Еще въ 1899 г. Вл. Ильинъ доказывалъ, что разложеніе крестьянства на капиталистовъ, съ одной стороны, и пролетаріевъ—съ другой, уже не тенденція, а „совершившійся фактъ", что „крестьянство уже раскололось на противоположныя группы": на одномъ концѣ сельская буржуазія, охватывающая до пятой части дворовъ и сосредоточившая въ своихъ рукахъ не менѣе половины всего земледѣльческаго производства крестьянъ, съ другой—безлошадный и однолошадный сельскій пролетаріатъ, численность котораго не менѣе четырехъ десятыхъ всего нашего сельскаго населенія. Но уже въ 1903 году другой извѣстный теоретикъ марксистскаго лагеря, П. П. Масловъ, рѣшительно отказывается отъ прямолинейнаго приложенія марксовой схемы къ характеристикѣ существующихъ у насъ аграрныхъ отношеній. Онъ, наоборотъ, констатируетъ для всей почти территоріи европейской Россіи вытѣсненіе продовольственнымъ хозяйствомъ капиталистическаго и нивелировку крестьянской массы. Дифференціація и торжество капитализма и для Маслова необходимые спутники развитія производительныхъ силъ. Но такъ какъ у насъ наблюдается пока не развитіе ихъ, а паденіе, то естественно, что въ нашихъ современныхъ условіяхъ нѣтъ мѣста для дифференціаціи. Въ будущемъ эта послѣдняя, по мнѣнію Маслова, неизбѣжна: упадокъ производительныхъ силъ *долженъ* смѣниться ихъ развитіемъ, а такое развитіе *будетъ* сопровождаться капитализаціей и пролетаризаціей. Для будущаго такимъ образомъ марксистская схема выдерживается и у Маслова, но для настоящаго времени онъ рѣшительно отказывается отъ этой схемы. Удачна эта попытка примирить марксистскую схему съ русской аграрной дѣйствительностью,—этотъ вопросъ меня въ данную минуту не интересуетъ. Мнѣ важно только констатировать, что жизнь заставила искать такого примиренія. Другіе пошли еще дальше въ томъ же направленіи. Упомяну только о г. Лященко, который хотя и признаетъ подчиненіе нашего земледѣлія капиталу совершающимся фактомъ, но въ формѣ не промышленно-, а торгово-капиталистической: какъ въ домашней формѣ крупной индустріи, капиталъ овладѣваетъ не производственнымъ процессомъ, а только сбытомъ продукта, производимаго на мелкихъ предпріятіяхъ. А М. И. Туганъ-Барановскій, какъ мы видѣли, безъ всякихъ оговорокъ признаетъ, что марксистское теченіе въ области аграрныхъ отношеній потерпѣло рѣшительное пораженіе, и выступаетъ съ аграрною программою и аграрною теоріей опредѣленно народническаго характера.

Столкновеніе съ марксистскими теченіями не осталось однако безъ серьезнаго оживляющаго вліянія и на наше народничество. Чтобы отразить бурный натискъ марксистовъ, изслѣдователямъ народническаго направленія пришлось глубже войти въ изученіе фактическаго склада нашихъ аграрныхъ отношеній—пришлось раскопать тѣ горы подавляющаго

своею колоссальностью фактическаго матеріала, которыя за четверть съ лишнимъ вѣка были нагромождены земскою статистикою; теоретикамъ народническаго направленія пришлось, съ другой стороны, подвергнуть провѣркѣ свои теоретическія положенія, пришлось попытаться освѣтить такія стороны вопроса, которыя до тѣхъ поръ оставлялись безъ достаточнаго вниманія. Нельзя здѣсь прежде всего не отмѣтить заслугъ двухъ практическихъ статистиковъ — П. А. Вихляева и въ особенности Н. Н. Черненкова, которые, кажется, впервые подошли къ вопросу о дифференціаціи съ острымъ ножомъ детальнаго статистическаго анализа, и изъ которыхъ въ особенности второй далъ, въ полномъ смыслѣ слова, блестящіе образцы статистической критики и методологіи. А затѣмъ необходимо отмѣтить серію появившихся въ свѣтъ въ самые послѣдніе годы работъ обобщающаго характера, авторы которыхъ задаются цѣлью, съ одной стороны, установить дѣйствительный характеръ нашей аграрной эволюціи, а съ другой — провѣрить и пересмотрѣть теоретическія основы нашего аграрнаго народничества. Цѣль настоящаго очерка—познакомить читателя съ тремя изъ работъ этого типа, которыя въ своей совокупности даютъ, мнѣ кажется, достаточно ясное представленіе объ аграрныхъ искаліяхъ современнаго народничества. Это, во-первыхъ, коллективный трудъ „Борьба за землю“, изданный по иниціативѣ и подъ редакціей извѣстнаго изслѣдователя русскихъ аграрныхъ отношеній К. Р. Качоровскаго; во-вторыхъ, книга г. Огановскаго „Закономѣрность аграрной эволюціи“, и, въ-третьихъ, работа г. Н. Суханова „Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства“. Первая изъ этихъ трехъ работъ стоитъ всего ближе къ тому, что можно назвать народническою ортодоксіей съ ея преклоненіемъ передъ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ; у г. Огановскаго появляется новая нота—онъ видитъ будущее аграрной эволюціи въ комбинаціи мелкаго и средняго сельскохозяйственнаго предпріятія; г. Сухановъ рѣшительно порываетъ съ народническою традиціей и выступаетъ сторонникомъ крупнаго производства въ земледѣліи, что, конечно, отнюдь не дѣлаетъ его сторонникомъ земледѣльческаго капитализма.

На послѣдующихъ страницахъ я намѣреваюсь познакомить читателя съ основными теоретическими идеями и съ главнѣйшими фактическими обобщеніями, нашедшими себѣ мѣсто въ названныхъ трехъ работахъ. Предварительно, однако, мнѣ кажется небезполезнымъ дать общую, такъ сказать, внѣшнюю характеристику каждой изъ этихъ работъ въ отдѣльности. Начну съ коллективнаго труда „Борьба за землю“. Въ этомъ трудѣ воплотилась часть результатовъ огромнаго коллективнаго же предпріятія, организованнаго К. Р. Качоровскимъ съ абсолютно непосильною для единичнаго изслѣдователя цѣлью—свести и систематизировать тотъ колоссальный статистическій матеріалъ, который собранъ земскими статистиками и который извлекался Качоровскимъ и его сотрудниками частью

изъ сотенъ томовъ печатныхъ сборниковъ, частью непосредственно изъ подлинныхъ, остававшихся неиспользованными, записей. Появившійся, пока единственный, первый томъ „Борьбы за землю“ состоитъ изъ трехъ монографій, принадлежащихъ перу гг. Быховскаго, Огановскаго и г-жи Фортунатовой, и введенія или предисловія, написаннаго К. Р. Качоровскимъ. Къ сожалѣнію, введеніе не можетъ не разочаровать почитателей этого выдающагося дѣятеля, къ которымъ я причисляю и себя. Вмѣсто скальпеля первокласснаго изслѣдователя онъ вооружается здѣсь скрижалями направленскаго или партійнаго пророка; „отблески будущей зари,—прорицаетъ онъ,—уже рдѣютъ сквозь ночь, сквозь предразсвѣтный кровавый туманъ, въ борьбѣ творческаго труда за землю, въ борьбѣ народнаго трудового права за освобожденіе земли, во всѣхъ предтечахъ грядущаго великаго лозунга: *земля и человѣчество*“ (XLV). Какъ и подобаетъ пророку, г. Качоровскій поднимается безконечно выше всего остального человѣчества. Онъ противопоставляетъ свои изслѣдованія и обобщающія работы, въ которыхъ онъ стремится „только систематически констатировать факты, систематически же констатируя ихъ связь съ другими фактами и сопровождая эти констатированія гипотезой о причинномъ характерѣ этой связи“, всѣмъ прочимъ „господствовавшимъ апріорно-дедуктивнымъ „направленіямъ“ политической экономіи, стремившимся уловить нѣкоторыя метафизическія „внутреннія сущности явленій цѣнности и на нихъ построить теорію распредѣленія“ (XIII),—какъ будто выдвигаемая самимъ г. Качоровскимъ идея „народнаго трудового права“ не есть такая же „внутренняя сущность“ и не носитъ въ его построеніяхъ такого же метафизическаго оттѣнка. Онъ какъ бы монополизируетъ въ свою пользу „индуктивно-статистическій методъ, выводящій изслѣдованіе въ новую плоскость, поднимая надъ землею эмпиризмъ и спуская съ заоблачныхъ высотъ дедукцію какъ разъ на тотъ уровень, на которомъ земля еще видна во всей своей конкретности, но съ котораго уже отчетливо выступаетъ на ней рельефъ главныхъ общихъ ея очертаній“ (XLV). И какъ разъ въ самомъ этомъ введеніи онъ держится дедуктивнаго способа изложенія (XXVI), который доводитъ до послѣдней степени схематизма. Достаточно взглянуть на схему „типовъ производства“, получаемую изъ всѣхъ мыслимыхъ сочетаній четырехъ основныхъ признаковъ: размѣра производства, „характера цѣли“, „характера субъекта“ и участія въ производствѣ. Построенная такимъ образомъ схема г. Качоровскаго объемлетъ не только всѣ мыслимые, но и немыслимые или, во всякомъ случаѣ, реально несуществующіе типы; но эта нереальность не смущаетъ нашего автора: „вѣдь это отсутствіе,—говоритъ г. Качоровскій,—говорящее о неприспособленности данныхъ типовъ, въ такой же мѣрѣ, какъ и распространенность другихъ типовъ, служитъ для выясненія смысла соціальной при-

способленности вообще и тенденцій ея измѣненія при разныхъ условіяхъ мѣста и времени въ особенности" (XV—XVI). Дѣло однако—увы!—не въ одной только приспособленности или неприспособленности,—самъ г. Качоровскій въ подстрочномъ примѣчаніи признаетъ, что одну изъ клѣтокъ его схемы—„крупное, потребительное, частное, трудовое" (sic) производство можно заполнить въ томъ лишь случаѣ, если подъ этотъ типъ подвести „крупнаго помѣщика, обращающаго данное свое имѣніе подъ охоту для себя лично" (XVI—XVII)!... И главное, всѣ эти схематическія построенія не стоятъ ни въ какой дѣйствительной внутренней связи съ основными, существенно-важными идеями г. Качоровскаго, которыя въ сущности довольно элементарны и не отличаются особенною новизною. Это—необходимость, въ области сельскаго хозяйства, выдвинуть на-ряду съ задачею развитія производительности *труда* также и развитіе производительности *земли* (XXXVI),—и въ тѣснѣйшей связи съ этимъ схема фазъ развитія сельскаго хозяйства: простое „собираніе плодовъ",—какъ въ охотѣ и рыбной ловлѣ; затѣмъ „извлеченіе продуктовъ", какое мы видимъ въ экстенсивномъ земледѣліи, и третья фаза — накопленіе, „когда необходимая человѣку матерія не только извлекается изъ природы, но и воспроизводится въ ней" — интенсивное сельское хозяйство (XXXVI—XXXVII). [1]) И эта схема имѣетъ у г. Качоровскаго самое непосредственное отношеніе къ коренному вопросу объ относительномъ значеніи и будущихъ перспективахъ захватнаго, капиталистическаго и трудового производства: „захватъ связанъ съ первымъ фазисомъ добыванія—собираніемъ, капиталъ связанъ съ вторымъ фазисомъ—извлеченіемъ"; онъ всегда „радъ снять золотыя сливки въ тѣхъ

---

[1]) Г. Огановскій, также полагающій во главу угла эволюціи земледѣлія принципъ развитія производительности *земли*, во второмъ томѣ своей монографіи даетъ взамѣнъ трехчленной схемы г. Качоровскаго болѣе сжатую двухчленную схему, типовъ сельскохозяйственнаго производства: *дробленіе* даровыхъ запасовъ природныхъ благъ—*развитіе* творческихъ процессовъ природы, причемъ всѣ разновидности перваго, хищническаго типа обнаруживаютъ *„дугообразное"* движеніе продуктивности труда; первыя затраты труда весьма мало продуктивны; съ улучшеніемъ техники производительность труда достигаетъ максимума, но затѣмъ рѣзко падаетъ по мѣрѣ истощенія даровыхъ запасовъ природныхъ благъ („Закономѣрность", II, стр. 543, 548—550). Съ этимъ тѣсно связывается и предлагаемое имъ рѣшеніе рокового вопроса о пониженіи производительности труда — синонимъ Мальтусова закона уменьшающейся производительности земли. Признаніе факта такого пониженія—исходная точка теоріи г. Маслова. Г. Огановскій, какъ общій законъ, рѣшительно и—на мой взглядъ—вполнѣ основательно его отрицаетъ: такое пониженіе имѣетъ мѣсто *внутри отдѣльныхъ системъ хозяйства* и, въ частности системъ типа „истребленія". Всякій переходъ къ новой, болѣе интенсивной системѣ, будучи связанъ съ развитіемъ производительныхъ силъ *земли*, ведетъ за собой и повышеніе производительности *труда*,—въ конечномъ же итогѣ производительность труда *растетъ* вмѣстѣ съ интенсификаціей, хотя и медленнѣе, чѣмъ въ индустріи (тамъ же гл. обр. 550, 558—559, 569).

моментахъ добыванія, гдѣ при минимумѣ затратъ получается максимумъ результата", но отъ него нельзя ожидать „осуществленія задачи высшей общественной цѣлесообразности",—задачи, которая можетъ быть разрѣшена лишь съ переходомъ въ фазисъ накопленія и развитія производительныхъ силъ земли. „Выполнитъ ли эту грандіозную задачу трудъ? Это покажетъ, конечно, только будущее, но, во всякомъ случаѣ, кромѣ него, некому" (XXXVIII—XXXIX). И отсюда конечный выводъ въ чисто народническомъ духѣ: „1) что захватъ не имѣетъ никакихъ шансовъ въ борьбѣ цѣлесообразностей и держится только политическою силою извнѣ; 2) что капиталъ обреченъ на отступленіе по мѣрѣ развитія цѣлесообразности въ сельскомъ хозяйствѣ; 3) что силой прошедшаго, настоящаго и будущаго въ сельскомъ хозяйствѣ, силой все укрѣпляющейся съ повышеніемъ въ немъ типа цѣлесообразности, оказывается трудъ" (XLIII).

Обращаемся теперь къ вошедшимъ въ разсматриваемую коллективную работу монографіямъ. Первая изъ нихъ принадлежитъ г. Быховскому и озаглавлена: „Предѣлы капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ". Цѣль этой работы — „путемъ технико-экономическаго анализа условій земледѣльческаго производства выяснить, какая форма земледѣльческаго хозяйства является наиболѣе выгодной съ точки зрѣнія раціональнаго земледѣлія и развитія производительности, и каково, слѣдовательно, практическое положеніе и вѣроятное будущее капиталистическаго и некапиталистическаго земледѣльческаго производства" (3 стр.). Анализъ здѣсь „ведется хотя и индуктивно, но въ извѣстномъ смыслѣ апріорно: производится обозрѣніе сельскохозяйственнаго производства во всѣхъ его главнѣйшихъ моментахъ, по преимуществу во всѣхъ существенныхъ его особенностяхъ по сравненію съ остальными отраслями промышленности" (LIV). Выводы—обычные выводы ортодоксальнаго народничества, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и соціалъ-демократическаго ревизіонизма: „въ большинствѣ случаевъ и въ особенно важныхъ отношеніяхъ капиталистическое земледѣліе 1) или хотя и имѣетъ преимущества передъ мелкотрудовымъ, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности, 2) или стоитъ въ разныхъ съ нимъ условіяхъ, 3) или, наконецъ, находится въ неблагопріятномъ по сравненію съ нимъ положеніи" (74 стр.). Поскольку капитализмъ въ земледѣліи цѣлесообразенъ,— „онъ цѣлесообразенъ лишь при отсутствіи кооперацій мелко-трудовыхъ производителей или общественныхъ коллективныхъ производствъ, предоставляющихъ всѣ эти преимущества и трудовому земледѣльцу" (76 стр.). Если капиталъ въ настоящее время торжествуетъ хотя бы только частичныя побѣды, это „не экономическое соперничество, а просто физическое вытѣсненіе; не капиталъ, а захватъ побѣждаетъ трудовое земледѣліе" (79 стр.). Уже сейчасъ „мелкое земледѣльческое хозяйство всту-

пило рѣшительно и безповоротно на путь усвоенія всѣхъ преимуществъ крупнаго посредствомъ обобществленія повсюду, гдѣ оно цѣлесообразно; и надо думать, что, разъ вступивъ на этотъ путь, оно дойдетъ до конца" (99 стр.). Какъ видитъ читатель, въ этихъ положеніяхъ нѣтъ абсолютно ничего новаго и оригинальнаго; нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго и въ аргументаціи г. Быховскаго—это не болѣе какъ перепѣвъ мотивовъ частью народническаго, частью соціалъ-демократическаго ревизіонизма, какъ онъ воплотился на Западѣ главнымъ образомъ въ извѣстной книгѣ Давида, у насъ—въ работахъ Каблукова, Булгакова, Косинскаго и очень многихъ другихъ.

Другое приходится сказать о работѣ г. Огановскаго: „Захватное, капиталистическое и трудовое земледѣліе въ Россіи". Это наиболѣе оригинальная и богатая содержаніемъ часть коллективнаго труда. Основною цѣлью г. Огановскаго было на фактахъ и цифрахъ провѣрить тѣ благопріятные для трудового и отрицательные для капиталистическаго хозяйства выводы, къ которымъ въ первомъ отдѣлѣ книги привелъ апріорный анализъ г. Быховскаго. Онъ прослѣживаетъ „эволюцію сельскаго хозяйства за послѣднія десятилѣтія, какъ она выразилась въ измѣненіи процентовъ разныхъ угодій, въ распространеніи разныхъ культуръ, въ примѣненіи разныхъ способовъ обработки и удобренія, въ системахъ сѣвооборота, въ примѣненіи машинъ, въ урожайности, причемъ во всемъ этомъ проводится сравненіе между хозяйствами помѣщичьимъ и крестьянскимъ и отчасти между разными группами въ крестьянствѣ" (LV). Въ дальнѣйшемъ намъ придется подробно познакомиться съ тѣми заключеніями, къ которымъ приводитъ г. Огановскаго анализъ фактическаго положенія крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства,—анализъ, основанный частью на самостоятельномъ изученіи статистическихъ источниковъ, частью на той сводкѣ разнаго рода данныхъ для характеристики нашего владѣльческаго хозяйства, которая была сдѣлана въ одной изъ работъ пишущаго эти строки. Въ настоящую минуту достаточно отмѣтить, что выводы г. Огановскаго чрезвычайно благопріятны для крестьянскаго и неблагопріятны для помѣщичьяго хозяйства. „Конкретный статистическій анализъ показываетъ, что развитіе производительности труда и особенно производительности земли идетъ успѣшнѣе въ мелко-трудовомъ, чѣмъ въ крупно-капиталистическомъ хозяйствѣ" (тамъ же).

Однако г. Огановскій далеко не ограничивается посильнымъ разрѣшеніемъ задачи, поставленной ему по общему плану данной коллективной работы. Онъ даетъ, кромѣ того, очень сжато изложенный, но интересный по постановкѣ вопроса анализъ наблюдаемой въ крестьянствѣ внутренней диференціаціи, въ связи съ эволюціею всей совокупности условій крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства. Я рѣшился бы ска-

зать, что собственно здѣсь главный интересъ данной работы г. Огановскаго,—именно здѣсь его личный, самостоятельный вкладъ въ исторію изученія нашихъ аграрныхъ отношеній.

Третья часть коллективной работы принадлежитъ Е. И. Фортунатовой и озаглавлена: „Захватное, капиталистическое и трудовое землевладѣніе въ Россіи“. Здѣсь „разсматриваются результаты хозяйственнаго соперничества захватнаго, капиталистическаго и трудового земледѣлія въ передвиженіи земли между захватомъ, капиталомъ и трудомъ“; или, выражаясь въ болѣе простыхъ и общепринятыхъ терминахъ, подвергаются изученію явленія мобилизаціи, и по преимуществу—междуклассовой или междусословной мобилизаціи земли. „Какъ и слѣдовало ожидать на основаніи предыдущаго анализа, захватное (=дворянское) землевладѣніе быстро вытѣсняется въ хозяйственномъ соперничествѣ; появляющееся за нимъ капиталистическое имѣетъ непрочный, скоро преходящій характеръ, постояннымъ же и прочнымъ побѣдителемъ въ экономической борьбѣ за землю оказывается въ Россіи трудъ“. Какъ видитъ читатель, эти выводы не отличаются особенною новизной; достаточно общезвѣстенъ и тотъ фактическій матеріалъ, которымъ оперируетъ г-жа Фортунатова. Для насъ поэтому эта работа не представляетъ особеннаго интереса, хотя для читателя, желающаго оріентироваться въ вопросѣ о мобилизаціи земли въ Россіи, знакомство съ нею будетъ весьма полезно—работа г-жи Фортунатовой даетъ ясное и во всемъ существенномъ правильное представленіе о совершающихся въ Россіи процессахъ передвиженія поземельной собственности.

Таково существенное содержаніе появившейся въ свѣтъ первой части коллективнаго труда „Борьба за землю“. За нею имѣла послѣдовать вторая часть, въ которую долженъ былъ войти рядъ монографій на общую тему „Потребительно-трудовое хозяйство“. О предстоящемъ выходѣ этой второй части публиковалось еще въ 1908 году, и повидимому для нея уже давно выполнена огромная работа по выборкѣ и сводкѣ статистическихъ матеріаловъ, могущихъ служить къ характеристикѣ русскаго крестьянскаго хозяйства. Къ величайшему сожалѣнію, эта вторая часть не вышла въ свѣтъ и по настоящее время. Нѣкоторымъ суррогатомъ ея повидимому предназначена служить „Закономѣрность аграрной эволюціи“, принадлежащая перу того же Н. П. Огановскаго, ближайшаго сотрудника К. Р. Качоровскаго въ организованной имъ колоссальной работѣ по объединенію и анализу матеріаловъ земской статистики. Работа г. Огановскаго задумана чрезвычайно широко. Первый ея томъ, съ которымъ мы главнымъ образомъ будемъ имѣть дѣло на послѣдующихъ страницахъ, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: одного, посвященнаго обзору „теорій капиталистическаго развитія“, въ частности—критикѣ ученій и построеній двухъ наиболѣе видныхъ теоретиковъ марк-

систской школы, Вл. Ильина и Маслова, къ которымъ г. Огановскій присоединяетъ еще хотя и близкаго къ марксизму, но занявшаго самостоятельную позицію, г-на Лященко; и другого, долженствующаго дать характеристику „общаго хода и фазисовъ аграрной эволюціи". Второй томъ озаглавленъ „Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи". Цѣль его — дать историческое обоснованіе намѣченной въ I томѣ схемы фазисовъ аграрной эволюціи [1]), какъ третій, еще не вышедшій томъ имѣетъ обосновать эту схему на данныхъ „живой исторіи"—на изученіи территоріальныхъ развитій въ складѣ аграрныхъ отношеній. Авторъ желаетъ дать въ своемъ трудѣ ни болѣе ни менѣе, какъ общій пересмотръ всего ученія объ аграрной, въ значительной мѣрѣ и вообще объ экономической, эволюціи. Г. Огановскій не считаетъ возможнымъ принять ни одной изъ господствующихъ въ экономической наукѣ схемъ экономической эволюціи. Въ противоположность Бюхеру онъ полагаетъ, что „почти на всемъ протяженіи исторіи обрабатывающая промышленность не знала эпохи натуральнаго хозяйства, такъ какъ хозяйство, спеціализировавшееся на индустріи, не можетъ быть натуральнымъ, самопотребляющимъ, ибо продуктами индустріи питаться нельзя". Съ перваго же момента, когда обществу сталъ нуженъ классъ лицъ, занимающихся переработкою сырья, „продукты производства этого класса становятся объектами обмѣна", и такимъ образомъ „разницы по существу, разницы качественнаго характера между различными эпохами въ эволюціи индустріи не существуетъ" (139 стр.). Съ другой стороны, г. Огановскій, до извѣстной степени примыкая къ взглядамъ Зомбарта, рѣшительно отрицаетъ общеизвѣстную марксистскую схему генезиса индустріальнаго капитализма: „ органическаго развитія, полагаетъ онъ,—внутренней дифференціаціи первоначальной неопредѣленной однородности—ремесленниковъ—въ дѣйствительности не было. Связная опредѣленная разнородность пролетаріевъ и капиталистовъ выросла извнѣ—сверху и снизу тонкаго слоя ремесленниковъ и поглотила его лишь настолько, насколько тотъ или другой видъ ремесла допускалъ механизацію" (146 стр.). Несомнѣнно происходящая при этомъ концентрація капиталовъ въ верхнихъ слояхъ капиталистическаго общества „обѣднѣнія нижнихъ слоевъ за собою не влечетъ; не влечетъ она и пролетаризаціи самостоятельнаго класса ремесленниковъ, который, напротивъ, даже растетъ",—откуда окончательный выводъ: „ортодоксальная теорія обнищанія, теорія внутренней органической дифференціаціи въ эволюціи распредѣленія средствъ производства и доходовъ индустріи и торговли оказывается несостоятельною" (149 стр.).

---

1) Этотъ 2-й томъ вышелъ въ то время, когда настоящій очеркъ былъ уже совершенно готовъ къ печати, и потому использованъ мною лишь въ очень ограниченной степени. Всѣ цитаты, кромѣ немногихъ, особо отмѣченныхъ, относятся къ I тому.

Аграрныя отношенія также не вкладываются въ ходячую бюхеровскую схему. „Понятіе „натуральное хозяйство“,—говоритъ г. Огановскій,—смѣшиваютъ съ понятіемъ „замкнутое“, то-есть „самопотребляющее“. Между тѣмъ это вещи существенно различныя: „*производство* крестьянскаго трудового хозяйства всегда было, есть и будетъ преимущественно натуральнымъ; что же касается до *потребленія*, то, напротивъ, крестьянское хозяйство никогда не было въ этомъ отношеніи „замкнутымъ“, самопотребляющимъ“ (154 стр.). Какъ въ средніе вѣка „крестьянское хозяйство и потребленіе не было чисто натуральнымъ“, а было смѣшаннымъ, натурально-мѣновымъ, такъ оно осталось натурально-мѣновымъ и въ настоящее время; въ настоящее время только „доля продуктовъ крестьянскаго производства, идущая въ обмѣнъ, можетъ быть больше, чѣмъ въ средніе вѣка“; болѣе существенная разница въ томъ, что „въ средніе вѣка крестьянинъ продавалъ и продукты индустріи и сельскаго хозяйства, а теперь преимущественно одни сельскохозяйственные продукты“ (156 стр.). Что касается до утверждаемой марксистами потери крестьянами самостоятельности, то, напротивъ, „современное крестьянское хозяйство гораздо болѣе самостоятельно“, нежели когда бы то ни было въ предыдущія эпохи (тамъ же). Само собою разумѣется, что г. Огановскій категорически отрицаетъ ортодоксально-марксистскую теорію дифференціаціи крестьянства, противоставляя ей свою собственную, очень любопытную схему. Этой послѣдней намъ однако будетъ удобнѣе коснуться въ дальнѣйшемъ изложеніи; здѣсь же мы остановимся только на взглядахъ нашего автора касательно общей эволюціи сельскаго хозяйства. Эта послѣдняя опредѣляется тремя основными факторами, впрочемъ далеко не одинаковыми по своей важности и значенію. [1]) На первомъ мѣстѣ стоитъ ростъ населенія и его потребностей. Это „самостоятельный факторъ эволюціи сельскохозяйственнаго производства, оказывающій на ея ходъ наиболѣе сильное вліяніе; сельскохозяйственное производство должно всегда стоять на такомъ уровнѣ, чтобы сумма продуктовъ находилась въ равновѣсіи съ суммою потребностей населенія“,—при современномъ міровомъ характерѣ снабженія сельскохозяйственными продуктами оно „должно находиться въ состояніи равновѣсія съ суммою потребностей мірового населенія“. Второй по важности факторъ—степень культурности населенія. „Культурное развитіе дѣйствуетъ и косвеннымъ, и прямымъ путемъ. Косвенно оно увеличиваетъ потребности; прямо—воздѣйствуетъ больше всего на уровень „техники“ производства“, въ смыслѣ примѣненія усовершенствованныхъ орудій; напротивъ, „сте-

[1]) Г. Огановскій рѣшительно отвергаетъ и во 2-мъ томѣ своей „Законномѣрности“ весьма убѣдительными соображеніями теорію г. Лященко, который во главу угла эволюціи сельскаго хозяйства кладетъ главнымъ образомъ условія *сбыта* продукта (см. особенно II, стр. 538—540).

пень интенсивности хозяйства зависитъ отъ культурнаго уровня населенія гораздо меньше, чѣмъ отъ густоты населенія": культурное населеніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ ведетъ крайне экстенсивное хозяйство, тогда какъ въ некультурномъ Китаѣ, подъ вліяніемъ значительной густоты населенія, сельское хозяйство достигло крайне высокой степени интенсивности; „степень густоты населенія, независимо отъ культурнаго уровня, отражается на *степени интенсивности системъ хозяйства*, культурный же уровень вліяетъ на *технику производства внутри данной системы*". Наконецъ, третій опредѣляющій факторъ—это „племенныя и расовыя черты, точнѣе, привычки быта разныхъ племенъ и народовъ"; прежде всего—привычки въ пищѣ, имѣющія преобладающее вліяніе на подборъ разводимыхъ растеній и животныхъ, затѣмъ привычка къ опредѣленнымъ формамъ разселенія, землепользованія и землевладѣнія. Это, однако, факторъ, которому принадлежитъ лишь третьестепенное значеніе, наибольшее же значеніе г. Огановскій, на мой взглядъ совершенно правильно, признаетъ, какъ мы видѣли, за густотою населенія (стр. 175—177). Этому фактору г. Огановскій приписываетъ преобладающее вліяніе не только на мелкое, крестьянское, но и крупное, капиталистическое хозяйство („Борьба за землю", стр. 147). И въ этомъ г. Огановскій, конечно, совершенно правъ, потому что отъ густоты населенія, на первомъ мѣстѣ, зависятъ и цѣнность земли, и условія рабочаго рынка, и условія спроса на продукты,—значитъ, вся совокупность условій, на которыхъ покоятся расчеты сельскохозяйственнаго предпринимателя. Менѣе правъ нашъ авторъ, когда въ „различной плотности населенія на крестьянской и владѣльческой территоріи" видитъ основную причину утверждаемой имъ отсталости помѣщичьяго хозяйства по сравненію съ крестьянскимъ (тоже, стр. 141). Густота населенія имѣетъ, конечно, опредѣляющее значеніе, но вліяетъ населенность *цѣлой мѣстности* или района, *а не отдѣльной дачи*, отдѣльнаго владѣнія; условія хозяйствованія опредѣляются не тѣми полуторами или двумя десятками служащихъ и батраковъ, которые составляютъ населеніе даннаго имѣнія, а населенностью всего района, который поставляетъ рабочія руки и предъявляетъ спросъ на землю и продукты. Да и самый характеръ вліянія населенности на владѣльческое хозяйство совсѣмъ не тотъ, что на крестьянское. На послѣднее „утѣсненіе" дѣйствуетъ въ значительной мѣрѣ механически,—крестьянинъ, даже въ лучшемъ случаѣ, лишь тогда преодолѣваетъ свою массовую инертность и рѣшается на существенную интенсификацію земледѣлія, когда земля перестаетъ кормить сгустившееся населеніе. Раціонально ведущій дѣло сельскохозяйственный предприниматель руководствуется планомѣрнымъ расчетомъ, въ который мѣстная густота населенія входитъ лишь какъ одинъ изъ опредѣляющихъ элементовъ.

Едва ли правъ г. Огановскій и въ своей оцѣнкѣ значенія культуры на разныхъ ступеняхъ эволюціи хозяйства. „Всякая система хозяйства,—говоритъ онъ,—можетъ быть культурною и дикой; чѣмъ культурнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе въ немъ усовершенствована механическая сторона". Между тѣмъ эта механическая сторона играетъ преобладающую роль именно въ экстенсивномъ хозяйствѣ. „Въ интенсивномъ хозяйствѣ увеличивается количество пріемовъ подготовки почвы, т.-е. затраты живого труда, и возникаетъ усиленное примѣненіе удобренія и разныхъ меліорацій", а во всѣхъ этихъ отношеніяхъ „культурное интенсивное хозяйство не отличается отъ некультурнаго" („Закономѣрность", стр. 185). Затѣмъ въ интенсивномъ хозяйствѣ является вторая стадія—уходъ за растеніями. Это—„стадія почти исключительно ручного труда"; культурный уровень „не накладываетъ различія на способы ухода, и китайскіе или манчжурскіе мужики ухаживаютъ за растеніями не хуже, если не лучше, европейскихъ" (стр. 186). И конечный выводъ: „по мѣрѣ интенсификаціи орудія теряютъ свое значеніе", а между тѣмъ „изъ трехъ элементовъ производства—орудій, пріемовъ труда и удобренія"—только первый элементъ—орудія—зависитъ отъ уровня культурнаго развитія (стр. 187).

Было бы слишкомъ долго останавливаться здѣсь на выясненіи понятія культуры и культурности—достаточно сказать, что „культура" отнюдь не синонимъ *европейской* культуры, и что едва ли правильно противопоставлять якобы „некультурныхъ" китайскаго, корейскаго, ферганскаго земледѣльца „культурному" русскому, венгерскому или даже итальянскому мужику. Но даже если не выходить изъ поля зрѣнія г. Огановскаго, развѣ „культура", развѣ *европейская, научная,* культура даетъ сельскому хозяйству *только* усовершенствованныя орудія, которыя, въ самомъ дѣлѣ, въ экстенсивномъ хозяйствѣ часто бываютъ лишь орудіями усовершенствованнаго хищничества?... Достаточно вспомнить объ искусственныхъ удобреніяхъ, о методахъ сохраненія влаги, о селекціи сѣмянъ, о постепенной раціонализаціи сѣвооборотовъ, о раціональномъ кормленіи скота, чтобы убѣдиться въ томъ, что *роль культуры не убываетъ* съ интенсификаціей земледѣлія, *а, напротивъ, растетъ.* И да проститъ мнѣ уважаемый авторъ—въ данномъ случаѣ онъ взялъ на душу не малый грѣхъ, присоединяясь къ числу тѣхъ, кто отдѣляетъ технико-экономическій отъ культурнаго вопроса.

Впрочемъ, этотъ грѣхъ г. Огановскій блистательно загладилъ въ другомъ направленіи. Какъ извѣстно, и теоретики, и въ особенности практическіе дѣятели народническаго направленія очень склонны затушевывать или замалчивать культурно-агрономическую сторону нашего аграрнаго вопроса, сводя послѣдній исключительно къ „малоземелью". Г. Огановскій, напротивъ, считаетъ особенно важнымъ подчеркнуть, что

„развитіе производительности земли во многихъ районахъ Россіи уже въ ближайшіе годы должно перейти въ фазисъ интенсификаціи сельскохозяйственнаго производства“ („Борьба“, стр. 109). Анализъ цифровыхъ данныхъ о распредѣленіи угодій показываетъ, что „въ центрѣ у крестьянъ трехполье достигло своего апогея“; что „идя по пути экстенсивнаго расширенія запашки, крестьянство отвело подъ зерновыя культуры такое большое количество пашни, что это вызвало истощеніе почвы и необходимость сократить посѣвы, несмотря на продолжающійся приростъ населенія. Очевидно,—заключаетъ отсюда г. Огановскій,—на пути расширенія запашекъ центральному крестьянству дальше итти нельзя—оно уперлось въ глухую стѣну сопротивленія природы истощенію почвенныхъ богатствъ“. На востокѣ—въ области еще доживающаго свой вѣкъ залежнаго хозяйства—крестьяне еще продолжаютъ итти по пути расширенія площади посѣвовъ; но „глухая стѣна, ставшая на этомъ пути въ центральныхъ районахъ, не далека отъ крестьянъ и въ восточныхъ районахъ“ (стр. 115). И выходъ изъ этого положенія только одинъ—интенсификація сельскохозяйственнаго производства...—неизбѣжный процессъ, который, между прочимъ, значительно увеличиваетъ шансы мелкаго крестьянства. Это послѣднее a priori весьма вѣроятное предположеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ западныхъ, болѣе интенсивныхъ районахъ начавшаяся интенсификація хозяйства сопровождается нѣкоторымъ расширеніемъ крестьянскихъ запашекъ: крестьяне, „не останавливаясь передъ увеличеніемъ затратъ труда на ту же площадь, безъ боязни могутъ даже нѣсколько увеличивать свои посѣвы“. Напротивъ, у частныхъ владѣльцевъ площадь запашки замѣтно сократилась,—„при интенсификаціи земледѣлія оно становится невыгоднымъ крупному капиталистическому хозяйству“ (стр. 115—116),—указаніе, которому я склоненъ придавать особое значеніе въ виду все еще не прекращающихся толковъ о томъ, что интенсификація хозяйства встрѣчаетъ какія-то специфическія затрудненія со стороны условій рынка, дѣлающихъ болѣе интенсивныя формы хозяйства невыгодными для крестьянъ; какъ будто „выгодно“ для нихъ обусловливаемое теперешними экстенсивными системами постоянное недоѣданіе, перемежающееся съ періодическимъ голоданіемъ и въ конечномъ счетѣ ведущее къ той „подвижкѣ внизъ“, о которой мнѣ придется говорить на послѣдующихъ страницахъ...

Таковы нѣкоторыя изъ наиболѣе интересныхъ и оригинальныхъ мыслей и обобщеній г. Огановскаго,—другихъ сторонъ его работы намъ придется коснуться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Къ сожалѣнію, трактовка предмета не соотвѣтствуетъ богатству содержанія и оригинальности мысли г. Огановскаго. Задавшись очень широкимъ планомъ, авторъ работалъ, очевидно, наспѣхъ, мало заботясь о полнотѣ и систематичности изложенія и аргументаціи. Изложеніе у него поэтому крайне расплыв-

чато и необработано, многое только намѣчено и требуетъ дальнѣйшаго развитія, многихъ первостепенно-важныхъ вопросовъ г. Огановскій касается лишь попутно съ критикою построеній корифеевъ марксистскаго направленія. Сама по себѣ его книга нерѣдко только ставитъ, но не разрѣшаетъ вопросы, только возбуждаетъ, но не разсѣеваетъ недоумѣнія. Но уже неоднократно подчеркивавшаяся мною свѣжесть и оригинальность мысли г. Огановскаго, при огромной его освѣдомленности въ фактическомъ матеріалѣ, обязываетъ меня высказать пожеланіе, чтобы г. Огановскому дано было довести до конца свою несомнѣнно значительную работу.

На книгѣ г. Суханова мы въ этомъ мѣстѣ можемъ долго не останавливаться,—въ противоположность книгѣ г. Огановскаго она отличается концентрированностью содержанія, будучи болѣе или менѣе цѣликомъ посвящена разработкѣ тѣхъ собственно двухъ большихъ вопросовъ нашей аграрной эволюціи, которыхъ намъ придется подробнѣе коснуться во второй части нашего очерка. Здѣсь я могу поэтому ограничиться немногими замѣчаніями. Я долженъ прежде всего отмѣтить, что работа г. Суханова стоитъ совершенно независимо отъ коллективнаго труда К. Р. Качоровскаго и—я смѣю такъ выразиться—его школы. Это—всецѣло его личный трудъ—личный и по постановкѣ вопросовъ, и по разработкѣ фактическаго матеріала, въ теоретическомъ же освѣщеніи вопроса о крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ г. Сухановъ рѣзко расходится со взглядами, нашедшими себѣ выраженіе въ работахъ г. Качоровскаго и его сотрудниковъ. Г. Сухановъ идетъ къ той же цѣли, но идетъ своими, во многомъ совершенно самостоятельными путями. Его теорія крупнаго и мелкаго хозяйства, какъ бы къ ней ни отнестись по существу ея конечныхъ выводовъ, представляетъ собою полезную реакцію противъ тѣхъ увлеченій и односторонностей, въ которыя нерѣдко впадаютъ защитники и сторонники мелко-крестьянскаго хозяйства. Можно, опять-таки, какъ угодно относиться и къ конечнымъ выводамъ статистической части труда г. Суханова, равно какъ и къ тѣмъ методологическимъ предпосылкамъ, которыми онъ обставляетъ анализъ данныхъ, относящихся къ явленіямъ дифференціаціи въ крестьянскомъ хозяйствѣ,—это не умаляетъ цѣнности статистической работы г. Суханова, которая во всякомъ случаѣ остается одною изъ наиболѣе цѣнныхъ по своей планомѣрности и систематичности попытокъ разобраться въ необъятномъ земско-статистическомъ матеріалѣ, намѣчающею путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ томъ же направленіи.

Въ совокупности своей всѣ три работы, которыя мы пытались охарактеризовать на предыдущихъ страницахъ, представляютъ собою чрезвычайно цѣнный вкладъ въ сокровищницу изученія нашихъ аграрныхъ отношеній. Цѣнное въ нихъ останется, преходящее прейдетъ. Такимъ

преходящимъ является, конечно, ясно выраженный партійный характеръ всѣхъ трехъ работъ. Этотъ партійный характеръ проявляется уже во внѣшнемъ видѣ всѣхъ трехъ изданій. Онъ съ совершенною ясностью выражается въ пророчествахъ г. Качоровскаго о „будущей зарѣ“, уже „рдѣющей сквозь предразсвѣтный туманъ“. Но особенно рѣзко партійный характеръ выраженъ въ работѣ г. Суханова. Приступая къ изслѣдованію вопроса о дифференціаціи, онъ подчеркиваетъ „практическій интересъ“ вопроса, „поскольку именно съ нимъ связанъ вопросъ о необходимости для соціалистической партіи явиться партіей чисто-пролетарской или же „пріобщить къ движенію другіе элементы“ (стр. 99). И на послѣдней страницѣ книги онъ подчеркиваетъ значеніе полученныхъ результатовъ все съ той же точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія открытія для соціалистической партіи „необходимаго и единственнаго поля дѣятельности въ сферѣ содѣйствія возникновенію новыхъ хозяйственныхъ формъ“ (стр. 408). И, къ сожалѣнію, обычнымъ у насъ спутникомъ партійности является доводимая до послѣдней крайности нетерпимость ко всѣмъ „несогласно мыслящимъ“. Мы не приводимъ полемическихъ красотъ, въ изобиліи встрѣчающихся у разбираемыхъ авторовъ, но не можемъ не замѣтить, что давно пора обѣимъ сторонамъ, и марксистамъ и народникамъ, бросить подобнаго рода полемическіе пріемы, которые въ концѣ-концовъ являются не столько данью искренности убѣжденія, сколько, попросту, признакомъ дурного тона и невоспитанности.

А. Кауфманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Шевченко.

Посвящается И. Е. Рѣпину.

I.

Малороссійскій языкъ, такой журчащій, щебечущій, какъ будто созданный для нѣжныхъ, любовныхъ рѣчей: ясочка моя, ласочка моя, зіронька ясная!—сталъ у Шевченко еще нѣжнѣе и ласковѣе, ибо воистину Шевченко самый нѣжный и ласковый изо всѣхъ во всемъ мірѣ поэтовъ.

Когда онъ пишетъ объ униженныхъ и оскорбленныхъ, вотъ объ этихъ своихъ наймичкахъ и покрыткахъ, онъ не только ихъ любитъ, не только жалѣетъ, онъ тутъ же, на страницахъ, какъ бы ласкаетъ ихъ, беретъ ихъ за руку, гладитъ по головѣ,—и нечеловѣческая нѣжность, небывалая, обожаніе безмѣрное наполняетъ его всего,—восторгъ обожанія, экстазъ обожанія и нѣжности, какого не зналъ ни одинъ поэтъ, и часто, не въ силахъ сдержать такой внезапный наплывъ умиленія, вотъ онъ падаетъ ницъ и начинаетъ молиться объ этой „ясочкѣ“, „ласочкѣ“—Катеринѣ, Оксанѣ, Марьянѣ:

О, Боже мій милий,
За що ж ти караеш її молоду?
За те, що так щиро вона полюбила
Казацькні очі? Прости сироту!
Кого ж їй любити? Ні батька, ні неньки,
Одна, як та пташка в далекім краю.
Пошли ж Ти їй долю,—вона молоденька,
Бо люди чужиі її засміють.
Чи винна ж голубка, що голуба любить?
Чи винен той голуб, що сокіл убив? [1])

---

[1]) Встрѣчающіяся здѣсь малороссійскія цитаты надлежитъ читать такъ: букву *и*, какъ русское *и*, букву *е* послѣ согласной, какъ *э*, послѣ гласной, какъ *ѣ*. Всѣ цитаты приводятся по „Кобзарю“, 2-е изд. о-ва имени Т. Г. Шевченко для вспомощ. нуждающ. уроженцамъ южн. Рос. Спб., 1908 г., подъ редакціей В. Н. Доманицкаго. Это лучшее изданіе „Кобзаря“, такъ какъ въ 1905 г. оно безъ малѣйшаго пропуска было разрѣшено цензурой. Только что вышло превосходное изданіе „Кобзаря“ В. И. Яковенка: „Творі Шевченка з малюнками“, т. I.

Видите, онъ на колѣняхъ, онъ простираетъ руки, онъ предстательствуетъ передъ Богомъ за эту свою „голубку“, „пташку“, сироту Оксану, Марьяну, Катерину, онъ проситъ для нея прощенія и милости и собою готовъ заслонить ее отъ карающаго, гнѣвнаго Бога.

О, Боже мій милий,
За що ж Ти караеш її молоду?

Это его юные стихи, едва ли не первые изъ напечатанныхъ, но и въ старости то же самое. Почти передъ смертью твердитъ онъ ту же молитву все о той же „пташкѣ“, „голубкѣ“, „сиротѣ“:

...Веселый рай
Пошли ій, Господи, подай!
Подай ій долю на цім світі!

Начавъ говорить о ней, онъ естественно и неизбѣжно всегда приходитъ къ молитвѣ. Заброшенный въ пустыню, на безлюдный какой-то островъ, за тысячу верстъ ото всѣхъ любимыхъ и близкихъ, снова съ той же безмѣрною нѣжностью молится онъ о покрыткѣ:

— „Мій Боже милий!“—„ниспошли моимъ словамъ святую власть пронизать у людей сердца, вызывать у нихъ слезы, чтобы осѣнило ихъ милосердіе, чтобы стало имъ жаль моихъ дѣвушекъ“, т.-е. опять-таки тѣхъ же „наймичекъ“, униженныхъ и оскорбленныхъ.

И замѣтьте, одно изъ этихъ стихотвореній создалось въ 1838 г., другое въ 1848 г., третье въ 1858 г., и значитъ, молитвенный этотъ экстазъ былъ у него не случайный, а проходилъ черезъ все его творчество. Вотъ и еще одна такая же его молитва о такой же обездоленной женщинѣ:

Ти сирота. Нема нікого,
Опріче праведного Бога.
Молися ж, серце. Помолюсь
І я з тобою.

Но этого мало, и къ концу своей страдальческой жизни этотъ одинокій и необласканный человѣкъ скопилъ у себя въ душѣ такіе запасы нерастраченной нѣжности, что она изливалась у него черезъ край, и странное, безумное, почти невозможное слово сказалъ онъ тогда о своей „голубкѣ“ и „пташкѣ“: *святая!* Святая Катерина! Святая Оксана! Чрезмѣрная нѣжность дошла до предѣла, и вотъ перешла за предѣлъ! „Святая“ твердитъ онъ о той, которую прежде ласкательно звалъ только „квіточкой“, „ласочкой“, „серденькомъ“. „Многострадалица *святая!*“, говоритъ онъ о крѣпостной рабѣ (557 стр.). Обманутая, сгубленная женщина теперь тоже у него „*святой* ангелъ“ (303 стр.), и онъ вспоминаетъ теперь, „як сотнями в кайданах гнали в Сібір невольників *святих*“. И въ томъ безумцѣ, который ударилъ тирана и былъ имъ за это замученъ, онъ тоже чувствуетъ святость:

„*святой* рыцарь", зоветъ онъ его. [1]) И даже кіевлянъ угнетенныхъ величаетъ святыми. „Моі *святиі* кияне!", восклицаетъ онъ въ стихотвореніи „Юродивый". Въ поэмѣ „Солдатскій колодецъ" калѣка-солдатъ тоже оказался *святымъ:* святой Максимъ.

Это слово стало у Шевченка обиходнымъ, потому что и чувство вошло въ обиходъ,—чувство набожной нѣжности къ труждающимся и обремененнымъ.

Вѣра въ святость страданія теперь ему такъ нужна, иначе какъ же ему понять, какъ принять, какъ оправдать тѣ страданія, которыя вынесъ онъ самъ. И въ послѣдніе годы жизни, самъ растоптанный и замордованный, чуть онъ увидитъ страдающаго, онъ такъ больно и нѣжно чувствуетъ въ немъ красоту ослѣпительную, божественность, осіянность, что молится уже не о немъ, а *ему самому*—это такъ поразительно!—и пишетъ о своей Катеринѣ, Оксанѣ такія небывалыя, неслыханныя строки:

Стане жаль
Мині ії, і зажурюся
І перед нею помолюся,
Мов перед образом святим,
Тієї, матері святої,
Що в мир наш Бога принесла.

Экстазъ обожанія сталъ религіознымъ экстазомъ. Покрытка теперь для поэта икона; больше,—она для него божество: „і перед нею помолюся, мов перед образом святим". До этого еще не доходила никакая человѣческая нѣжность! Молиться не о покрыткѣ, а покрыткѣ,—послѣ этого поклонъ Раскольникова передъ Соней кажется почти реверансомъ. Шевченко встрѣтилъ однажды въ Оренбургѣ какую-то дѣвушку, вѣрнѣе—барышню, можетъ быть, на балу, на вечеринкѣ, въ гостяхъ,—и, чуть только ему показалось, что она обреченная, что ее ожидаютъ страданія,—вотъ ужъ онъ пишетъ, быть можетъ, въ альбомъ, въ провинціальный альбомъ захолустной дѣвицы:

Дивлюся иноді, дивлюсь
І—чудно!—*мов перед святою*
Перед тобою помолюсь.

И чѣмъ больше ему выпадало тоски и отчаянія, тѣмъ страстнѣе и благоговѣйнѣе эти странныя его молитвы,—молитвы человѣка передъ человѣкомъ,—и жутко читать, какъ, погибая, взываетъ онъ къ Марку-Вовчку, къ этой сомнительной беллетристкѣ Марьѣ Александровнѣ Марковичъ—о пощадѣ, о спасеніи, о милости:

---

[1]) „Ви огласили юродивим *святого* лицаря, а бивий фельдфебель ваш, Сардапапал, послав на каторгу *святого*". Здѣсь подразумѣвается польскій студентъ, давшій пощечину кіевскому генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову.

Світе мій,
Моя ти зоренько святая!
Моя ти сило молодая!
Світи на мене і огрій
І оживи мое побите,
Убоге серце неукрите,
Голоднее,—і оживу...

Въ самомъ ритмѣ этихъ стиховъ чувствуешь и мольбу, и отчаяніе, и склоненныя колѣна, и руки, хватающія за края одеждъ, и видишь, что дальше нельзя, что нужно же, наконецъ, куда-нибудь прорваться, излиться этому потоку обожанія и нѣжности, и вотъ совершилось: въ гнилую петербургскую зиму незадолго до смерти Шевченко создаетъ пѣснь-пѣсней, молитву молитвъ, свой послѣдній акаѳистъ, послѣдній псаломъ—эту сладчайшую поэму „Марія“, гдѣ его неутолимая жажда ласкать, обожать, преклоняться, наконецъ-то, нашла утоленіе!

II.

Вѣдь самое ужасное было то, что человѣку съ такимъ сверхъестественнымъ даромъ обожанія и нѣжности это обожаніе и нѣжность были запрещены. Всѣ мы знаемъ: ему возбранялось рисовать и писать, но вѣдь когда его сдали въ солдаты, тѣмъ самымъ ему запретили любить.

И онъ, посвятившій женщинѣ едва ли не *сорокъ* поэмъ, вѣчно о ней молящійся и даже молящійся ей, онъ на десять лѣтъ, на самые богатые любовью годы, былъ насильственно отторгнутъ отъ нея!

И такъ нищъ онъ сталъ любовью въ ту пору, что, когда въ Новопетровскомъ укрѣпленіи какая-то женщина не то чтобы влюбилась въ него, а только ему разрѣшила ее полюбить, онъ уже и этимъ однимъ былъ доведенъ до восторга. „Я счастливъ!—пишетъ онъ другу изъ „незамкнутой“ своей темницы.—Никогда еще ни одного письма такъ радостно я не дописывалъ, какъ это“.

Даже любить невзаимной любовью стало для него тогда блаженствомъ.

И вырвавшись, наконецъ, изъ казармы, онъ тотчасъ же кинулся къ нимъ, къ Оксанамъ, Катеринамъ, Марьянамъ, все съ тѣмъ же запасомъ нерастраченной нѣжности и какъ бы спросилъ у нихъ:

— Вы, Марьяны, Оксаны, не нужна ли кому моя нѣжность? Я такъ васъ ласкалъ у себя на страницахъ, я такъ защищалъ васъ отъ лютыхъ насильниковъ, отъ пановъ, паничей, москалей, я вашъ рыцарь и вашъ поэтъ! Не нужна ли кому моя нѣжность?

Но онѣ посмѣялись надъ нимъ, и Харитина Довгополенко предпочла ему браваго писаря.

И Гликерья Полусмакъ (душу которой въ стихахъ называлъ онъ *святою*) ушла отъ него къ москалямъ.

И Піунова „Тетяна“ предпочла ему провизора Фуса.

И поэту осталось писать у себя въ дневникѣ: „я самый смѣшной и несчастный женихъ“; поэту осталось писать у себя въ „Кобзарѣ“:

Минули літа молодіі...
Холодним вітром од наді
Уже повіяло... Зіма.

Поэту осталось жаловаться:

— „Тоска сживетъ меня со свѣту“... „Невыносимо тяжело одинокому“... „Если бы не занятія, то я давно бы сошелъ съ ума“...

И вотъ уже въ отчаяніи онъ проситъ, онъ молитъ всѣхъ хоть заглазно отыскать ему женщину, подругу, жену, которой бы могъ онъ отдать, наконецъ, всю эту въ немъ накипѣвшую нѣжность, и разсылаетъ письма въ Корсунь, въ Полтаву, въ Прохоровку съ постоянными просьбами: „если не жените, пропаду на чужбинѣ бурлакою“, и сначала на актрисѣ хочетъ жениться, потомъ на крестьянкѣ, потомъ, какъ говоритъ въ одномъ стихотвореніи, „хотя бы и на чортовой сестрѣ“. Но нѣтъ для него и такой. Всѣ отъ него сторонятся, и торжествуетъ провизоръ Фусъ... И вдругъ, внезапно, онъ понялъ, онъ нашелъ, кому онъ отдастъ всѣ щедроты, всѣ молитвы, всѣ ласки своей изболѣвшей души: Маріи, страдающей Матери страдающаго Бога,—изъ наймичекъ Наймичкѣ, изъ покрытокъ Покрыткѣ, она не отринетъ, не отвернется,—и какъ-то въ ноябрѣ, въ Петербургѣ, онъ заперся у себя наверху, въ мастерской и тамъ, наконецъ-то истратилъ, наконецъ-то расточилъ до послѣдней капли свою отринутую ласку, свою осмѣянную нѣжность, устроилъ себѣ пиршество нѣжности, оргію нѣжности, молитвы, славословій, величаній, любви:

О, світе наш незаходимий!
О, ти пречистая в женах!
Благоуханий зельний крине!

Онъ весь дрожитъ отъ умиленья, не только когда говоритъ о Маріи, но и обо всемъ, что ее окружаетъ. На что она ни посмотритъ, все становится для него тотчасъ же какимъ-то милымъ, трогательнымъ, осіяннымъ; и все, что ни возьметъ она въ руки, онъ готовъ лобызать и лелѣять.

Вотъ Марія беретъ на руки козленка, козленокъ ему кажется милымъ, „какъ кошечка“. „Сердешне козяточко!“, шепчетъ онъ.

Марія идетъ къ Тиверіадскому озеру,—Шевченко влюбляется въ озеро: „тихий Божій ставъ“, „широкий Божий ставъ“.

Марія готовитъ кому-то бурнусъ,—онъ умиленъ и бурнусомъ: „святешний бурнус“, восхищается онъ.

Вокругъ Маріи „святий тихий рай“, и самый воздухъ какъ будто

святой. Пейзажъ, ее окружающій, такъ для него упоителенъ, что даже похожъ на украинскій: „яворъ“, „тополя“, „ярочокъ“, „криниця“:

Фавор-гора
Неначе з злата-серебра
Високо-високо сіяе
Аж сліпить очі.

И вы только вслушайтесь въ самый тонъ его голоса, въ эти уменьшительныя, ласкательныя, тихія, улыбчатыя слова:

А він *маленький, неповинний,*
Святую шибеничку [1]) кинув.
І заридав, і пролились
Ще в перший раз младенчі сльези
На лоно матерне... Взяла,
У *холодочок* завела,
В бурьян, в *садок,* поцілувала
Та *коржиком* нагодувала,
Свіженьким коржиком. Воно ж
Попестилось собі, погралось
Та й *спатоньки,* мале, лягло,
Таки ж у неі на колінях.
Ото ж і спить собі дитина
Мов *янгеляточко* в раю.

Здѣсь каждый образъ для него умилителенъ и драгоцѣненъ, и ее самое, Марію, онъ здѣсь зоветъ „квітом рожевим“, „зельним цвітом“, „нашей красотою“, „пресвѣтлымъ раемъ“,—„кроткая“, „всесвятая“.

Святая сило всіх святих,
Пренепорочная, благая,
Молюся, плачу і ридаю!...

Онъ украшаетъ ее цвѣтами, лиліями и маками, и съ какимъ восторгомъ и ужасомъ глядитъ на нее, когда начинаются ея небывалыя, „огнепалимыя“ муки. Этими-то муками своими она и вызываетъ въ немъ нѣжность, ибо, если страдающіе для него святы, то святые должны у него страдать! Другой святости, кромѣ святости мукъ, онъ не знаетъ и молится только передъ ними!

III.

Вообще у него была вѣчная потребность молиться. Онъ и раньше припадалъ къ Маріи, взывая:

Благословенная в женах,
Святая, праведная Мати
Святого Сина на землі.

(Прологъ къ „Неофітамъ“.)

---

[1]) Шибеница—висѣлица.

Мы видѣли, какъ онъ молился о покрыткахъ и—передъ покрытками. У него такъ часты обращенія, взыванія—къ людямъ, къ Богу, къ различнымъ предметамъ, къ Музѣ, къ Украйнѣ, къ судьбѣ. Я бы сказалъ: это былъ геній молитвы. Какъ великолѣпно перелагалъ онъ пророка Исайю, Осію, Іезекіиля, псалтырь! И въ поэмѣ „Еретикъ“ какія окрыленныя молитвы влагаетъ онъ въ уста Ивану Гусу. Поэма „Неофиты“ вся переполнена псалмами, и недаромъ въ посланіи къ Основьяненку Шевченко и самъ называетъ себя псалмопѣвцемъ („насміються на *псалом* той, що виллю сльозами“), и недаромъ въ обращеніи „Къ Музѣ“ онъ проситъ, чтобы она пособила ему „творить молитву до конца“ („молитву діяти до краю“)—и развѣ самое это обращеніе „Къ Музѣ“ уже само по себѣ не молитва:

Моя порадонько святая!
Моя ти доля молодая!
Не покидай мене! Учи... и т. д.

Продекламировавъ какъ-то лунною ночью лермонтовское „Выхожу одинъ я на дорогу“, онъ записалъ у себя въ дневникѣ, что здѣсь „лучшая *молитва* Создателю этой невыразимой гармоніи“. И въ пѣніи соловья онъ тоже слышалъ молитву: „защебече соловейко... та дрібно, та рівно, *як Бога благае*“,—какъ будто молится Богу (стр. 10). И снова:

І соловейко на калині
Святого Бога вихваляв (стр. 343).

И есть у него стихи, которые такъ и зовутся „Молитвы“ и въ которыхъ повторяется „пошли, Господи“, „подай Боже“, „помоги“, „соблюди“—и часто онъ прерываетъ себя самого взываньями къ мѣсяцу, къ туману, къ звѣздѣ и даже,—въ поэмѣ „Варнакъ“,—къ стѣнамъ своей комнаты. И развѣ не въ молитву, въ мольбу, въ славословіе превращаются его столь частыя стихотворныя посланія къ Щепкину, къ Шафарику и къ другимъ:

— „Слава тобі, Шафарику, во віки і віки, що звів-еси в одно море славянскиі ріки“. „Слава тобі, любомудре“ и т. д. (стр. 193).

Или:

— „І вам слава, сині гори, кригою окуті, і вам, лицарі велики, Богом незабуті“ (стр. 258).

Онъ вѣчно обращается къ кому-нибудь или къ чему-нибудь—„сини моі гайдамаки“, „зоре моя вечірняя“!—„думи моі, думи моі, ви моі едині, не кидайте хоч ви мене при лихій годині!“—„Вкраіно, мій любий краю неповинній“,—такая ужъ отдающаяся, льнущая, готовая на славословіе, на величаніе, на умиленіе была у него душа,—и его переливчатый, журчащій стихъ какъ будто былъ созданъ для тихой вечерней молитвы.

IV.

Но вотъ, описавъ однажды, какъ старуха-мать отомстила за поруганіе дочери и подожгла господскія хоромы, Шевченко взглянулъ на обугленные трупы и молвилъ,—такъ неожиданно!—

— „Пани до одного спеклись, неначе добрі *поросята*“.

И въ другомъ стихотвореніи, незаконченномъ, онъ, обращаясь къ кому-то, сказалъ:

— „А потім ніж,—і потекла *свіняча* кров, як та смола, з печінок ваших *поросячих*“.

Т.-е. почти дословно сказалъ то же самое, что въ поэмѣ „*Варнакъ*“ говорилъ отъ лица клейменнаго какого-то каторжника:

— „Княжат (шаферовъ), панят і молодих всіх перерізали. Не втік ні же единий католик: всі полегли, мов *поросята,* въ багні смердячому“.

Нѣжнѣйшій, вѣчно молящійся поэтъ, и какія жестокія, жестокія слова!—„Мов *поросяча,* кров лилась. Я різав все, що паном звалось“. О, этотъ ласковый, сладкогласный Баянъ недаромъ былъ внукъ гайдамака! Слишкомъ часто онъ зналъ эти приступы ослѣпляющей бѣшеной ярости, безогляднаго гнѣва, который дѣлаетъ человѣка или преступникомъ, или пророкомъ.—„Задушу!—кричитъ онъ Лукерьѣ,—прочь, а то задушу тебя“, и, по словамъ свидѣтелей, „сдѣлался страшно лютъ, поднялъ вверхъ руки, затопалъ ногами“,—кротчайшій, нѣжнѣйшій поэтъ!—и, разсказывая какъ-то Я. П. Полонскому о томъ, что его родные и до сихъ поръ рабы, онъ рыдалъ, скрежеталъ зубами и, наконецъ, „взвизгнулъ и такъ ударилъ кулакомъ по столу, что чашки съ чаемъ слетѣли на полъ и разбились вдребезги“.—„Тебе ж, о суко, і ми самі і наши внуки, і миром люди прокленуть!“—яростно импровизируетъ онъ въ мастерской у Микѣшина, и въ глазахъ его Микѣшинъ замѣтилъ огонь: „глаза его горѣли, и онъ напоминалъ вдохновеннаго пророка“, вспоминалъ художникъ.

Должно быть, въ такія минуты Шевченко писалъ у себя въ *Кобзарѣ:*

— „А кровью вашою, собаки, собак напоють“ (стр. 548).

Или:

— „Ножем тупим тебе заріжуть, мов собаку, убьють обухом“ (стр. 584).

Обличать злодѣя ему было мало, онъ спрашивалъ:

Чому на його не плюють?
Чому не топчуть?

И называлъ ненавистныхъ ему „щенками“, „кабанами“, „портянками“ (онучі), „пилатами“, „фарисеями“, „люциперами“—и создавалъ геніальныя, патетичнѣйшія мѣста въ „Посланіи до живих і мертвих“, въ „Кавказѣ“, въ поэмѣ „Сонъ“,—и чувствовалъ, что въ немъ просы-

пается Гонта, который въ безпамятствѣ гнѣва, носится съ ножомъ по базару и, „лютуя“, кричитъ:

— „Крови міні, крови! шляхецькоі крови! бо хочеться пить!“

Гонта въ поэмѣ у Шевченко даже мертвыхъ вѣшалъ, рѣзалъ и жегъ—и все кричалъ: „мало“,—„дайте ляха, дайте крови наточить з поганихъ“! И Шевченко звалъ его „праведнымъ мученикомъ“. Когда въ Петербургъ пріѣхалъ трагическій актеръ неистовый негръ Ольриджъ, Шевченко тотчасъ же влюбился въ него: еще бы! въ этомъ рыкающемъ, изступленномъ арапѣ онъ сразу почувствовалъ родное. И самъ Тарасъ Бульба, я думаю, пришелъ бы въ восторгъ, когда бы услышалъ, какъ Ольриджъ-Отелло кричитъ:

— Крови жажду, крови!

Слушая Ольриджа изъ ложи, Шевченко, къ негодованію публики, не сдерживалъ криковъ восторга, а послѣ спектакля бросался въ уборную и, весь въ слезахъ, покрывалъ поцѣлуями раскрашенное лицо вдохновеннаго негра. Онъ и самъ въ себѣ чувствовалъ часто такія вдохновенія ярости и когда говорилъ, напримѣръ, о рабствѣ и крѣпостничествѣ, пафосъ его, по словамъ того же Микѣшина, „напоминалъ великаго трагика Айра Ольриджа“... Характерно, что въ этомъ позорѣ крѣпостничества его часто возмущали не столько помѣщики, сколько сами рабы: зачѣмъ они молчатъ, зачѣмъ не взбунтуются? Кругомъ грабежъ и насиліе, „а люди—хоч бачать люди, та мовчать!“ Это выводитъ его изъ себя. Разсказавъ въ очень живописныхъ стихахъ про нѣкоего самодура Петра Скоропадскаго, онъ опредѣлительно пишетъ:

Не жаль на його,
На пьяного Петра кривого
А жаль великий на людей,
На тих юродивих дітей.

Во всякомъ беззаконіи онъ видитъ наше же попустительство:

А ми дивились і мовчали
У мовчки чухали чуби.

Изступленная нечеловѣческая нѣжность и изступленный нечеловѣческій гнѣвъ. Этотъ геній молитвы—въ то же время и геній проклятій. Со временъ ветхозавѣтныхъ пророковъ ни одно еще, кажется, сердце не вмѣщало въ себѣ такъ много чрезмѣрной любви и такъ много чрезмѣрной ненависти.

Некрасовъ написалъ „Размышленія у параднаго подъѣзда“. Шевченко былъ на это неспособенъ. „*Размышленія!*“ Что же *размышлять* у парадныхъ подъѣздовъ!—„треба миром, громадою обух сталить та добре выгострить сокиру“ (стр. 552),—сказалъ бы онъ „у параднаго подъѣзда“. Для него причемъ же здѣсь—*размышленія!*

Вообще сокира, обухъ, ножъ и кровь—нерѣдкія слова въ *Кобзарѣ*.

І вражою злою кровью
Волю окропіте,—

онъ, какъ и его гайдамаки, вѣрилъ въ иныя минуты, что ножи бываютъ священны.

Какъ я уже однажды писалъ, другіе наши гражданскіе поэты кажутся рядомъ съ этимъ поэтомъ великаго гнѣва какими-то вегетаріанцами, блѣднолицыми и малокровными: Некрасовъ именно привлекателенъ и своей унылостью и резиньяціей, и это въ нихъ глубоко-національная черта: еще въ 1827 г. этнографъ Максимовичъ указывалъ, что въ народныхъ великорусскихъ пѣсняхъ „выражается духъ, покорный судьбѣ и готово повинующійся ея велѣніямъ“, такъ какъ „русскій не привыкъ брать *дѣятельнаго участія* въ переворотахъ жизни“, а народныя пѣсни украинскія, „будучи выраженіемъ борьбы духа съ судьбою, отличаются порывами страсти“. [1])

V.

Совершенно непонятно, почему, напримѣръ, Некрасовъ называлъ свою музу „музою мести и печали“. Гдѣ же у Некрасова месть? А Шевченко былъ недаромъ авторомъ „Тарасовой ночи“! „Невсыпущая кара“, „правда-мста“ (т.-е. месть-справедливость)—такова его постоянная тема.

У Шевченка казакъ рубитъ голову той, что посмѣялась надъ нимъ (стр. 430). У Шевченка отецъ сжигаетъ родную дочь, чтобы сжечь и тѣхъ, кто ее изнасиловалъ (стр. 509). Въ экстазѣ мести у Шевченка люди рѣжутъ родныхъ сыновей (стр. 124). Несчастный соперникъ поджигаетъ счастливаго, и даже тогда, когда ужъ любимая ими скончалась, топитъ ея мужа въ колодцѣ (стр. 518). Казакъ, у котораго панъ погубилъ невѣсту,—три года ходитъ съ ножомъ и „какъ мясникъ“, три года рѣжетъ всѣхъ пановъ направо и налѣво (стр. 377). И самъ Шевченко: когда еще въ юности онъ увидѣлъ безчувственно пьянымъ того, кто не разъ колотилъ его, онъ связалъ этого пьянаго веревкой и, насколько хватило силъ, высѣкъ его тѣми же розгами,—отомстилъ за всѣ его жестокости (Конисск., стр. 43).

Онъ говорилъ о Медузѣ, что вотъ она гдѣ-то пьянствуетъ, но скоро проспится, „и тогда начнетъ справлять похмелье вашею кровью, тираны“ (стр. 535).

---

[1]) У Бодянскаго въ диссертаціи „О народн. поэзіи славянскихъ племенъ“ та же мысль выражается пространнѣе. Поэзія сѣверянъ есть „поэзія не борьбы духа съ рокомъ, но покорности его своей судьбѣ, ita tamen, ut flectamur, non frangamur“. Не то поэзія южная: melius frangi, quam flecti. „Або добуть, або въ господі не буть“.

Эта Медуза нерѣдко была его Музою, и только онъ, только внукъ гайдамаки, могъ изобразить, наприм., какъ женщина-мстительница хочетъ сначала спустить на врага медвѣдя, но потомъ восклицаетъ:

— „Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ этого мало!! Не медвѣдь, я сама загрызу его“! (стр. 301).

Шевченко хорошо понималъ эту упоительность мщенія! У него какой-то убогій Никита, надъ которымъ посмѣялась гордая дочка церковнаго старосты, довелъ ее изъ мести до того, что живьемъ ее закопали въ могилу („Титарівна“).

А помѣщика, оскорбителя дѣвушки, какой-то парень вилами прокололъ насквозь,—„какъ жабу“, замѣчаетъ Шевченко, и онъ зоветъ этого парня „святымъ отмстителемъ“ (местникомъ), и въ другой поэмѣ изображаетъ такого же „святого отмстителя“, который—тоже „какъ жабу“—„вздѣнетъ, бывало, на пику ребенка“ (стр. 287).

Такихъ поэмъ о „невсыпущей карѣ“, о „правдѣ-мстѣ“, о „святыхъ отмстителяхъ“ у Шевченка великое множество, и среди нихъ меня поразила та, гдѣ разсказывается, какъ душу младенца, грудного ребенка, безгрѣшнаго, ни въ чемъ еще неповиннаго, изгоняютъ изъ рая, не пускаютъ туда—только за то, что этотъ ребенокъ, по дѣтскому своему неразумію, засмотрѣлся съ улыбкою на блестящую, позлащенную галеру, въ которой плыла по Днѣпру Екатерина Вторая. Грудная дѣвочка хоть и не знала, что Екатерина Вторая есть врагъ ея родины, но все же какъ смѣла она улыбнуться! И нѣтъ для души ея рая, Шевченко за эту улыбку не пуститъ ея туда:

— „От за що, моі сестриці, я тепер караюсь“ (стр. 227).

Такъ же отринута раемъ у Шевченка оказалась и та, что, по дѣтскому своему неразумію, принесла Петру, врагу Украйны, воды—напоить взмыленнаго коня (стр. 227).

А кому-то онъ сулитъ еще болѣе жестокую кару:

— „На страшному на судищі ми Бога закрием од очей твоіх неситих“.

Совершенно непонятно, почему Некрасовъ называлъ свою музу „Музою мести и печали“!

VI.

Но вотъ подробность воистину замѣчательная.

Какъ-то въ маѣ 60-го года, уже совсѣмъ передъ смертью, Шевченко написалъ стихотвореніе „Молитва“, гдѣ просилъ Бога, чтобы Богъ оковалъ ненавистныхъ ему людей оковами и замуровалъ бы ихъ глубоко въ землѣ:

У пута кутні окуй [1],
В склепу глибокім замуруй.

Но не прошло и двухъ дней, а Шевченко уже къ Богу съ новой молитвой, совершенно отвергающей старую. Онъ проситъ Бога не дѣлать того, о чемъ онъ просилъ наканунѣ. Въ новомъ стихотвореніи онъ пишетъ:

У пута кутні не куй,
В склепи глибокі не муруй!

То-есть сегодня онъ молится о мщеніи, а завтра уже о прощеніи. Непосредственный первый порывъ его оскорбленнаго, униженнаго сердца—уничтожить, погубить, проклясть, отомстить; но второй порывъ, такой же страстный и такой же властительный: милосердіе, всепрощеніе, но не какое-нибудь, а опять-таки изступленное, чрезмѣрное, небывалое, нечеловѣческое.

Испытавши тяжкія муки, онъ записываетъ у себя въ дневникѣ:

— „Забудемъ и простимъ темныхъ мучителей нашихъ, какъ простилъ милосердный Человѣколюбецъ своихъ жестокихъ распинателей"... (стр. 147).

Но черезъ нѣсколько страницъ въ томъ же дневникѣ про кого-то:

— „Рабочій домъ, тюрьма, кандалы, кнутъ и неисходимая Сибирь—вотъ мѣсто для этихъ безобразныхъ животныхъ" (стр. 164).

То прощая, то вновь проклиная, то вновь прощая и вновь проклиная, онъ и тамъ и здѣсь, и въ прощеніи и въ проклинаніи, былъ равно необузданъ и неукротимъ, и недаромъ въ одной молитвѣ еще въ 1845 году обращался къ Богу съ такими словами:

— „Дай жити, серцемъ жити, і людей любити, а коли ні, то проклинать, і світ запалити".

Или всѣхъ любить, или сжечь всю вселенную, или всѣхъ обнять или всѣхъ проклясть—эти два великихъ порыва попеременно владѣли имъ.

Вотъ въ *Кобзарѣ* онъ пишетъ о радости примиренія: „примиренный будетъ веселъ", „онъ забудетъ свое горе" и „въ неволѣ онъ познаетъ волю", „онъ познаетъ всетворящую любовь".

И, восхваливши радость примиренія, онъ въ томъ же *Кобзарѣ* восклицаетъ:

---

[1] Кстати: какъ изысканны аллитераціи въ шевченковскомъ стихѣ: „У пу́та ку́тні не куй"; „*Туман, туман, та пустота́*"; „неначе ляля в льолі білій"; „*гармі́дер, га́лас, гам у га́ї*"; „*з да́вняго да́вна у га́ї над ста́вом*"; „нема́ го́лій шко́лі во́лі"; „і помоля́ться на волі невольничі діти"; а у *села́х* у *весе́лих* і люди весели"; *стала* на все *село слава*"; „отак і їй одній единій ще молодій моїй княгині",—и это изящнѣйшее сочетаніе звуковъ для передачи шелеста вѣтра:

„Хто се, хто се по сім боці чеше косу, хто се? Хто се, хто се по тім боці рве на собі коси? Хто се, хто се,—тихесенько спитае, повіе" (Утоплена).

— „Всюди вас найде правда-мста, а люди... в кайдани туго окують, ростнуть, розірвуть, розіпнуть".

Противленіе и непротивленіе злу равно прельщало этого наслѣдника Гонты! Вскорѣ послѣ „Гайдамаковъ" онъ пишетъ великолѣпнаго своего Гуса, который, сгорая, молится на кострѣ за враговъ:

— „Прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ!" (стр. 200).

Грандіозные, почти невозможные образы всепрощенія и нечеловѣческой милости мерещатся ему иногда. Послѣ „Гуса" онъ пишетъ „Вѣдьму", гдѣ опять-таки за неслыханныя муки— неслыханное милосердіе и всепрощеніе.

„Вѣдьма" это та же, все та же „покрытка". Ее обольстилъ помѣщикъ и кинулъ. Она родила ему двойню, и онъ, изнасиловавъ дочь, промѣнялъ ее на борзую собаку; въ карты проигралъ родного сына. Несчастная любовница и мать десятки лѣтъ, безсонными ночами, лелѣетъ грезы о мести. Но вотъ ея мучитель заболѣлъ. И она собираетъ цѣлебныя травы и хочетъ лѣчить его. Ее прогоняютъ. Но все же она пробралась къ нему, къ этому извергу, искалѣчившему всю ея жизнь и погубившему ея дѣтей, и креститъ его, и шепчетъ:

— „Я прощаю... Я давно простила".

Это прославленіе кротости и милости—послѣдняя поэма, написанная Шевченкомъ на волѣ. Въ 1847 году его арестовали и при обыскѣ у него нашли книгу „*О Подражаніи Христу*". Подражаніе Христу, вотъ эта неземная красота величайшаго слова: „я прощаю"—надолго всецѣло овладѣла имъ. Можно сказать, что въ тюрьмѣ и въ казармѣ Шевченка охватилъ восторгъ всепрощенія, экстазъ всепрощенія и милости. Онъ весь освѣтился какимъ-то сіяніемъ кротости, и это спасло его. Позже онъ писалъ княжнѣ Репниной:

— „Ужасная безнадежность такъ ужасна, что только одна христіанская философія можетъ бороться съ нею".

И онъ всячески старался развить, укрѣпить въ себѣ эту „христіанскую философію", потому что какъ же ему было иначе бороться съ „ужасомъ ужасной безнадежности!"

Погубленный злобнымъ доносомъ какого-то предателя, студента Петрова, онъ въ Петропавловской крѣпости находитъ въ себѣ силы сказать ему „прощаю":

А його забудьте, други,
І не проклинайте!

И черезъ нѣсколько времени снова:

— „За те, що я тепер терплю, ій-Богу, братія, прощаю".

Вообще, когда читаешь его стихи того времени, то явственно видишь, что въ казематѣ Петропавловской крѣпости находился тогда не

поэтъ, а святой. Въ этихъ изумительныхъ, коротенькихъ лирическихъ отрывкахъ, по двадцать, по сорокъ строкъ, которые именно съ этой поры появляются у него въ *Кобзарѣ*—всмотритесь, какъ часто тамъ слово „любовь". Какъ нѣкій апостолъ, изъ-за рѣшетки онъ завѣщаетъ друзьямъ:

— „Любітеся, брати мої! (335 стр.).

И снова:

— „Смирітеся, молітесь Богу, свою Україну любіть" (321 стр.).

И въ казармѣ, какъ онъ жалѣетъ, какъ сокрушается, что на волѣ не зналъ этой радости: христіанской любви и прощенія:

— „Кого я—де—коли любив? Кому яке добро зробив?—Нікого в світі, нікому в світі!"

И теперь онъ хочетъ наверстать былое, и еще въ Петропавловской крѣпости пишетъ поэму о новой покрыткѣ, Ганнѣ, которую погубилъ помѣщикъ,—но въ этой новой поэмѣ помѣщику уже никто не мститъ, а тотъ, кто и могъ бы ему отмстить, говоритъ теперь:

— Я прощаю!

— Ты бы его прикололъ!—совѣтуетъ ему товарищъ.

Но онъ отвѣчаетъ:

— „Нехай собі, а Бог поможе, то й так забудеться колись".

Это все въ 1847 году.—Шевченко судорожно хватался тогда за смиреніе, за всепрощеніе, ибо, повторяю, въ ту пору отчаянія и безнадежности только здѣсь была его опора. Тогда-то онъ и заключилъ знаменитое свое примиреніе съ поляками:

— „Подай же руку казакові і серце чистее подай, і знову іменем Христовим ми оновим наш тихий рай!"

И какъ бы уговариваетъ, убѣждаетъ самого себя:

— „Людей и долю проклинать—не вартъ, ей-Богу" (ей-Богу, не стоитъ проклинать людей и судьбу, стр. 352).

Позже онъ не выдержитъ и въ 1848 году скажетъ:

— „Ну-мо знову людей и долю проклинать!" (стр. 371).

Но теперь, чтобы хоть какъ-нибудь утвердить себя въ этой цѣлительной „христіанской философіи", онъ создаетъ настоящій апоѳеозъ всепрощенія и милости и смиренія и пишетъ все въ этомъ же 1847 году христіаннѣйшую свою поэму „Москалева Криниця" о „праведномъ", „преблагомъ" и „святомъ" солдатѣ Максимѣ Власовичѣ.

Этому Максиму измѣнила жена, но Максимъ не проклиналъ ея, а молился о ней.

Злые сосѣди изъ зависти подожгли его хату и сожгли его скотъ, но онъ не проклиналъ злыхъ сосѣдей, а только молился о нихъ.

Узнавши, что сына вдовы злые люди беззаконно забрили въ солдаты, онъ и здѣсь никого не осудилъ, а самъ, вмѣсто сына вдовы, пошелъ отбывать солдатчину.

Никогда не лихословитъ
Не болтаетъ много;
Скажетъ: счастье и несчастье
Намъ дано отъ Бога.

Оскорбятъ его:—„Богъ съ ними!“
И проходитъ мимо.
И собаки не кусаютъ
Кроткаго Максима.

И Шевченко нисколько не скрываетъ, что это не повѣсть, а проповѣдь. Чрезмѣрное, почти недоступное человѣческимъ силамъ милосердіе и всепрощеніе—вотъ чего потребовалъ теперь отъ насъ поэтъ. Онъ прямо говоритъ:

— „Отак-то, друже мій, живи, то й весело на світі буде“. (стр. 361).

И снова:

— „Отак живіть, недоуки, то й жить не остине“ (стр. 370).

Онъ подкрѣплялъ, онъ поддерживалъ самого себя въ этой „христіанской философіи“. Онъ какъ будто боялся, что долго ему не выдержать такого восторга любви и смиренія, и убѣждалъ самого себя: видишь, какъ отрадно любить; видишь, какъ весело любить!—

Любовь Господня благодать!
Люби ж, мій друже...

—приговаривалъ онъ въ этой повѣсти: „і буде варт на світі жить, як матимеш кого любить“ (стр. 361), но экстазъ любви, какъ и всякій экстазъ, долго продержаться не могъ, и вотъ, какъ мы видѣли, чуть только миновалъ этотъ годъ его святости, 1847-й, онъ пишетъ у себя въ „захалявной“ тетрадкѣ:

Ну-мо знову
Людей і долю проклинать!

И хотя черезъ нѣсколько строкъ восклицаетъ: „нѣтъ, не буду проклинать я“ [1])—но соблазнъ, значитъ, былъ, искушеніе было, была борьба,—и драгоцѣнно отмѣтитъ, что побѣдила опять-таки та же „христіанская философія“. Въ ближайшей поэмѣ Шевченко разсказываетъ, какъ обманутый мужъ простилъ своей женѣ измѣну: „смотритъ долго и печально,—плачетъ и прощаетъ“.

И снова такая же заповѣдь:

Учитесь у него—невѣжды, люди-братья,
Врагамъ своимъ прощать, раскрыть объятья.

Такъ сказано въ русскомъ переводѣ, а въ подлинникѣ поэтъ послѣ этого благочестиваго совѣта—спрашиваетъ:

---

[1]) Русскія цитаты изъ *Кобзаря* сдѣланы мною по новому изданію этой книги, наиболѣе полному, подъ редакціей М. Славинскаго (Спб., 1911). Здѣсь заново переведено 154 пьесы Т. Г. Шевченка.

Де ж намъ, грішнимъ,
Добра цього взяти?

То-есть: всепрощеніе, конечно, превосходная вещь, но гдѣ же намъ взять всепрощенія,—ибо, несмотря на всѣ эти заповѣди, любовь безъ гнѣва, любовь безъ ненависти была не для его темперамента. И какъ ни прельщало его и потомъ это кротчайшее слово: прощаю! онъ зналъ и другое, столь же великое слово: проклятье! И, конечно, это прекрасно, когда въ его Неофитахъ слетаются къ Нерону всѣ имъ замученные и говорятъ: „мы прощаемъ“, но вотъ у Шевченка раздуваются ноздри, онъ становится похожъ на Ольриджа и со слезами гнѣва кричитъ, что скоро ужъ новые родятся гайдамаки, появится новый Желѣзнякъ и новые пожары запылаютъ вокругъ:

Часъ настанетъ, въ дни веселья,
Падетъ на васъ кара,—
Вновь пахнетъ огонь изъ чащи
Холоднаго Яра.

(„Холодный Яръ“, переводъ *А. Колтоновскаго.*)

Въ гнѣвѣ онъ—какъ пророкъ, въ смиреніи—какъ апостолъ; его ласка переходитъ въ молитву, его кротость—въ подвигъ любви и прощенія; каждое чувство онъ доводитъ до паѳоса и религіозенъ въ каждомъ своемъ словѣ: инымъ и не можетъ быть великій національный поэтъ, жрецъ и жертва своего народа, облагородившій, возвысившій и претворившій въ красоту и святыню все, что создала его родина.

К. Чуковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

I. Неизданное письмо Н. В. Гоголя къ гр. М. Ю. Вьельгорскому.

Марта 27, Неаполь (1847 г.).

Я страдаю душой при одномъ помышленіи о томъ, сколько нанесъ вамъ хлопотъ и тревогъ, мой наидобрѣйшій графъ Михаилъ Юрьевичъ, но, вѣроятно, вы уже знаете изъ письма моего къ Плетневу, о которомъ онъ, вѣроятно, уже вамъ сообщилъ, что мои исканія гораздо умѣреннѣе. Желанье мое, чтобы и вы и князь Вяземскій прочли раза два непропущенныя статьи и выбросили бы изъ нихъ всѣ жестокія, дикія и оскорбляющія выраженія. Я полагалъ и даже полагаю донынѣ, что почти всѣ главныя мысли могутъ удержаться и могутъ быть представлены на разсмотрѣніе высшее, если смягчить нѣкоторыя рѣзкости выраженій кое какими умягчающими и приличными оговорками. Я думалъ и думаю донынѣ, что нужно, во-первыхъ, выбросить заносчивое *я*, которое выглянуло во многихъ мѣстахъ почти противъ моей воли и подало случай многимъ приписать многое во мнѣ самолюбію моему, тогда какъ это просто моя юношеская незрѣлость, которая во мнѣ пребываетъ рядомъ съ моей зрѣлостью и съ моими уже немолодыми лѣтами. Чтобы лучше замѣтить во мнѣ все то, что слѣдуетъ умягчить и оговорить, я просилъ князя Вяземскаго не позабывать при чтеніи писемъ моихъ, что ихъ пишетъ чиновникъ маленькаго чина. Тогда само собой будетъ очевидно, какъ сказать ту же мысль незаносчиво. Отъ этого книга моя значительно выиграетъ и въ публикѣ. Не поскучайте, мой добрый и великодушный Михаилъ Юрьевичъ, этимъ чтеніемъ. У васъ есть много того прекраснаго и тонкаго чутья, которое можетъ примѣтить всякую малѣйшую неприличность. Не поскучайте и выправить; я вѣрю впередъ въ разумность и необходимость всего того, что вы придумаете выправить вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ. И если послѣ этого дѣла (за которое не придумаю, какъ возблагодарить васъ) вы найдете, что

лучше обождать или даже отмѣнить представленіе этихъ статей, тогда это рѣшеніе будетъ для меня совершенно удовлетворительно. Еще разъ считаю долгомъ повторить вамъ все это и еще разъ прошу васъ простить меня. А добрую графиню прошу не безпокоиться и не тревожить себя мыслью, что она въ чемъ-нибудь не исполнила моей просьбы. Скажу вамъ искренно, что мною одолѣвала нѣкоторая боязнь за неразуміе моего поступка, но въ то же время какая-то какъ бы неестественная сила заставила его сдѣлать и обременить графиню смутившемъ ее письмомъ. Скажите ей, что въ этомъ дѣлѣ никакъ не слѣдуетъ торопиться, что я слишкомъ увѣрился въ томъ, что для полнаго успѣха нужно очень повременить и очень все обдумать. За тѣмъ цѣлуя васъ и цѣлуя ея добрыя ручки и ручки безцѣнныхъ дочерей вашихъ, остаюсь весь вашъ Г.

Письмо доставлено намъ въ старинной копіи. Однако его слогъ и содержаніе не оставляютъ сомнѣнія въ его принадлежности Гоголю. Сколько намъ извѣстно, письмо до сихъ поръ не появлялось въ печати: въ собраніи „Писемъ“ Гоголя, изданномъ В. И. Шенрокомъ, этого письма нѣтъ. Въ нашей копіи годъ написанія письма не указанъ, но помѣтка „Неаполь“ и все содержаніе позволяютъ опредѣленно пріурочить письмо къ 1847 году. Гоголь былъ тогда занятъ мыслью о второмъ изданіи „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“, куда вошли бы страницы, запрещенныя цензурой въ первомъ изданіи. То „смутившее“ графиню письмо, о которомъ говорится въ послѣднихъ строкахъ, очевидно, письмо отъ 6 февраля 1847 г. (*Шенрокъ:* „Письма“, т. III, стр. 348—350).

Валерій Брюсовъ.

II. Крестьянскій бунтъ въ с. Безднѣ Спасскаго уѣзда Казанской губ. въ апрѣлѣ 1861 г. по письмамъ современниковъ. [1])

15 апрѣля 1861 г., Казань.

Любезный Александръ, съ чувствомъ грустнымъ, понятнымъ намъ обоимъ, сообщаю извѣстіе печальное по крестьянскому дѣлу въ здѣшней губерніи. Удерживаюсь отъ всякихъ комментарій; замѣчу только, что постановленныя редакціонной комиссіей подробныя правила о введеніи и главное обнародованіи Положенія, были очень дѣльны и благоразумны и не знаю, зачѣмъ ихъ совершенно откинули въ обнародованномъ Положеніи и возложили все на волю и отвѣтственность однихъ губернаторовъ, а потомъ присланныхъ генераловъ. Здѣсь манифестъ разосланъ былъ просто черезъ земскую полицію, а по полученіи Положенія его развозили чиновники, совершенно уже безъ всякой надобности въ нихъ,

[1]) Письмо это говоритъ объ извѣстныхъ „безднинскихъ“ безпорядкахъ 1861 г. въ Казанской губ. Авторъ письма К. Н. Татариновъ; адресатъ его—братъ автора, членъ редакціонныхъ комиссій Александръ Николаевичъ Т.

потому что имъ было вмѣнено только отдать книги въ контору и крестьянамъ, и это они не вполнѣ исполнили, потому что были примѣры недоставки Положенія и отсылки послѣ. Прибавь къ этому замѣчательную странную оппозицію здѣшнихъ дворянъ къ освобожденію всегда и теперь, проявляющуюся въ тупой инерціи; около недѣли уламывали предводителей ѣхать въ уѣзды, не ѣдутъ и играютъ въ карты, и теперь тетюшскій предводитель Пушкинъ все сидитъ въ городѣ. Изъ нихъ одинъ Молостовъ, въ Спасскомъ уѣздѣ, дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ, и какъ нарочно въ этомъ же уѣздѣ началось сначала броженіе, отказываніе отъ работъ, потомъ волненіе начало принимать характеръ болѣе серьезный, такъ какъ въ большомъ селеніи Безднѣ (Пушкиныхъ) образовался центръ, явился изъ тамошнихъ крестьянъ что-то вродѣ пророка и къ нему сталъ стекаться народъ толпами изъ окружныхъ, довольно отдаленныхъ (въ районѣ верстъ 30 или 40) селеній и деревень. Онъ толковалъ Положеніе или, лучше сказать, отрывочныя слова *воля, свобода*, придавая имъ какой-то религіозный характеръ; предводителю разосланные чиновники доносятъ о критическомъ состояніи; рѣшаютъ послать 2 роты изъ ближайшаго города (въ Спасскомъ уѣздѣ не стояли солдаты), и генералъ Апраксинъ отправился въ уѣздъ. Проходятъ сутки, другія, о генералѣ нѣтъ извѣстій, а посланные полковники, адъютанты (здѣсь ихъ много) извѣщаютъ, что возстаніе усиливается, что 2-хъ ротъ будетъ мало и ничего не сдѣлаешь. Тогда составляется нѣчто вродѣ военнаго совѣта и посылаютъ немедленно въ Спасскій уѣздъ отсюда 2 баталіона и 2 пушки, исторія которыхъ тоже любопытна; онѣ прежде постоянно служили къ укрощенію суконщиковъ на бывшей въ Казани посессіонной фабрикѣ Осокина; но эта сила можетъ соединиться съ вышеупомянутыми 2 ротами и Апраксинымъ не ранѣе 14 числа; отсюда разумѣется безпокойство. 11-го вечеромъ получено сообщеніе отъ Апраксина (первое по его отъѣздѣ), что онъ на другой день вступилъ въ Бездну, несмотря на малость силъ, такъ какъ медлить нельзя, ибо каждый часъ дорогъ: силы пророка увеличиваются, и уже 36 деревень къ нему пристали и все это бѣжитъ въ *Бездну*.

Наконецъ наступаетъ печальная развязка; третьяго дня ночью прибылъ съ мѣста побоища адъютантъ губернатора Половцовъ со словеснымъ донесеніемъ; онъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ и оставилъ Бездну черезъ часъ послѣ взятія такъ называемаго пророка. Его разсказъ нельзя заподозрить въ невѣрности, ибо онъ есть словесное донесеніе. Мнѣ его передавалъ Трубниковъ, черезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ Половцова.

Къ полудню 12 числа 2 роты съ Апраксинымъ вошли въ Бездну. Селеніе казалось пустое, потому что вся толпа, по показанію тысячи въ 2 или 3, была сосредоточена въ концѣ одной улицы и прикрывала избу,

въ которой находился пророкъ. Женщинъ и дѣтей совсѣмъ не было видно. Войско остановилось за 300 шаговъ отъ толпы, и посланы были увѣщатели: Половцовъ, предводитель Молостовъ и исправникъ. На просьбу, чтобъ кончили все дѣло, выдали пророка, впереди стоящіе спокойно отвѣтили, что они не могутъ этого сдѣлать, что они никому не вѣрятъ, что Александръ Николаевичъ далъ имъ свободу и что видно такъ угодно Богу. На замѣчаніе, что Государь не дозволялъ имъ буйствовать и что при стоящемъ напротивъ войскѣ находится его посланный, они потребовали говорить съ нимъ. Апраксинъ велѣлъ подвинуть войско на 150 шаговъ и прежде послалъ уговаривать священника съ крестомъ. Во все время, когда священникъ былъ возлѣ нихъ и увѣщевалъ, толпа, снявъ шапки, крестилась и громко повторяла слова: „Вѣруемъ въ Господа Іисуса Христа“. Послѣ Апраксинъ подошелъ къ толпѣ, сталъ что-то говорить, то, кажется, не признали его за посланнаго Царя и требовали самого Царя; Апраксинъ закричалъ на нихъ *молчать,* отошелъ и приказалъ заряжать ружья (они были уже заряжены, но это дѣлалось для устрашенія). Въ послѣдній разъ къ нимъ подошли и объявили, что сейчасъ будутъ стрѣлять, покоритесь. Отвѣтъ: не наша кровь льется, а кровь Александра Николаевича. Первый залпъ былъ данъ нарочно немного вверхъ, однако 2 человѣка были убиты и нѣсколько ранены. Народъ хоть бы пошелохнулся, только крестился; между 2 и 3 залпами были большіе промежутки, минутъ въ 10, все съ увѣщаніями; но напрасно; стрѣляли немного вверхъ, но каждый разъ было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. 4, 5 и 6 залпы были почти безъ промежутковъ и пущены по всѣмъ правиламъ стрѣлковаго ученія, т.-е. всякая пуля попадала. Съ 4-го залпа начался шумъ и толпа побѣжала назадъ и въ разныя стороны. Множество разбѣжалось, такъ какъ по малости солдатъ окружить толпу нельзя было; но въ предупрежденіе побѣга пророка были отряжены казаки и они поймали тройку въ саняхъ съ нѣсколькими крестьянами, очевидно, назначенными для спасенія пророка. Гдѣ же онъ? Послѣ 6-го залпа онъ тихо прошелъ сквозь рыдающую толпу и самъ отдался, какъ говорится, въ руки правосудія; идя, онъ на головѣ несъ *Положеніе о крестьянахъ,* а при обыскѣ на немъ только нашли на груди молитву Богородицѣ. При осмотрѣ дома онъ былъ наполненъ мужиками, изъ женщинъ была мать старуха, жена пророка, всѣ молились. Пророкъ 25 лѣтъ, малограмотный, на взглядъ не дюжій, всегда отличался хорошимъ поведеніемъ и особеннымъ усердіемъ къ церкви; его лично зналъ священникъ. По словамъ Половцева, приблизительно однихъ убитыхъ около 70 человѣкъ, сколько же раненыхъ? Въ толпѣ были крестьяне разныхъ деревень, а потому и убитыхъ много изъ разныхъ мѣстъ, есть и изъ Кокряти отъ Наумова. Вчера отсюда послали доктора, фельдшера и медикаменты, въ господскомъ домѣ устроенъ лаза-

ретъ. Пріятно въ немъ будетъ жить впослѣдствіи! Въ другихъ уѣздахъ тоже были волненія, но подавлены безъ крови. Поговариваютъ о волненіяхъ и въ Симбирской губерніи; неужели ты мнѣ не сообщишь хоть кратко; если было или есть въ Кріуши, то меня это не удивитъ, а только жалко крестьянъ.

II. [1])

22 апрѣля 1861 г. Казань.

Любезный Александръ, я полагалъ, даже навѣрно ожидалъ твоего отзыва на мои письма, особенно на послѣднее съ описаніемъ побоища въ Безднѣ, но, какъ часто бываетъ съ ожидаемыми письмами, обманулся: почта симбирская пришла, а письма нѣтъ. Въ дополненіе къ моему послѣднему письму предваряю тебя, чтобъ вѣрилъ ему одному; все дѣло описано такъ, какъ оно было, можетъ быть, убитыхъ 5 или 6 человѣками менѣе, зато неизвѣстно, сколько умерло раненыхъ убѣжавшихъ. Паническій страхъ былъ такъ великъ, что нѣкоторые раненые навылетъ бѣжали версты двѣ и три и тутъ падали. Точныхъ свѣдѣній до сихъ поръ не получено, ибо Апраксинъ засѣлъ въ Безднѣ, царствуетъ тамъ окончательно и почти во всѣхъ селеніяхъ стоятъ солдаты и объѣдаютъ несчастныхъ мужиковъ. Въ сущности они ничего не сдѣлали, кромѣ побіенія и наведенія страха на край, и это, разумѣется, не будетъ способствовать мирному введенію Положенія. Все разбѣжалось, зачинщиковъ никакихъ не открыто и теперь только составляется слѣдственная комиссія, т.-е. опять будутъ забирать мужиковъ изъ всѣхъ деревень и проч. Такъ называемаго пророка, по высочайшему повелѣнію, судили въ 24 часа, разумѣется, ничего отъ него не добились и 19 числа его казнили — разстрѣляли. Главное же, что теперь выказывается,—это какое-то каннибальское неистовство дворянъ; я не преувеличиваю, а говорю правду. Какъ прежде они все боялись бунтовъ, такъ теперь не могутъ скрывать своей неистовой радости, что ихъ взяла; но вмѣстѣ съ тѣмъ ругаютъ мѣстныхъ властей, какъ будто они не принимали никакихъ мѣръ, что надо было объявлять Положеніе съ казаками и проч. нелѣпостями. Апраксинъ, который пока жилъ въ Казани, слылъ у нихъ за дурака и неуча, теперь возведенъ въ геніи и ему готовятъ овацію. Козлянинову [2]) недавно подали письмо за подписью предводителя и разныхъ дворянъ, въ которомъ бранятъ его и говорятъ, что кровь пролитая падаетъ на него; всякій день ему ка-

---

[1]) Авторъ письма и адресатъ—тѣ же.

[2]) Губернаторъ.

кія-нибудь пакости, про его адъютантовъ говорятъ, что они подговаривали крестьянъ къ бунту, однимъ словомъ, нѣтъ нелѣпости, къ которой бы не прибѣгали. Козляниновъ всѣ эти бумаги отсылаетъ къ министру и проситъ формальнаго слѣдствія.

О мировыхъ посредникахъ, о введеніи Положенія, объ уставныхъ грамотахъ всѣ позабыли, мечтаютъ только, какъ будутъ войска ходить цѣлое лѣто подвижными колоннами, мужиковъ вызывать на работу по барабану. Право, тошно жить въ этой Казани, я никогда не могъ предполагать встрѣтить такую массу чистыхъ плантаторовъ. Наши всѣ господа—красные передъ ними. Однако, кажется, въ Петербургѣ не легко принимаютъ убіеніе почти сотни людей и вчера изъ Нижняго получена депеша отъ генералъ-адъютанта Бибикова, бывшаго генералъ-губернатора виленскаго, что онъ ѣдетъ сюда по дѣлу Бездны. Умный ли человѣкъ этотъ Бибиковъ и какъ посмотритъ на дѣло? Не потому ли его послали, что при Пугачевѣ тоже былъ посланъ Бибиковъ? Дѣло это немного запуталось отъ другого обстоятельства: здѣшніе студенты, въ числѣ 300 человѣкъ, подъ предводительствомъ профессора Щапова, отправились въ какую-то отдаленную церковь, нашли либеральнаго попа и служили панихиду по убіеннымъ за свободу, а Щаповъ съ амвона говорилъ даже рѣчь. Полиція узнала о сборищѣ, когда уже началась служба и чтобъ избѣжать столкновенія не мѣшалась; на другой день начались розыски и допросы Щапову. Такъ какъ онъ не перешелъ еще окончательно въ университетъ изъ духовной академіи, гдѣ былъ прежде профессоромъ, то въ этомъ дѣлѣ всего комичнѣе, что ни министерство народнаго просвѣщенія, ни духовное вѣдомство не признаютъ эту заблудшую овцу и, кажется, жандармы сжалились надъ ними и Щапова отсылаютъ въ Петербургъ. Навѣрно отсюда ежели и будутъ писать обо всѣхъ дѣлахъ, разумѣется, съ другой точки зрѣнія, и главное искажатъ факты и представятъ все въ другомъ видѣ. Но за правду есть свидѣтели изъ ихъ же среды дворянъ: спасскій предводитель Молостовъ пишетъ къ губернатору (я самъ видѣлъ письмо), что населеніе подавлено страхомъ, но ничуть не покорено, что при первомъ раздраженіи—а барщина столько подаетъ къ тому поводовъ—опять возникнутъ волненія, опять будутъ усмиренія силой и т. д.; что онъ находитъ одно только возможное средство къ успокоенію—это немедленно перевести крестьянъ на оброкъ, что онъ и дѣлаетъ въ своемъ имѣніи. Почти изъ всѣхъ окружныхъ деревень были мужики въ *Бездну* въ день побоища, кто бунтовать, кто узнать, въ чемъ дѣло, а кто просто изъ любопытства, и почти изъ всѣхъ по нѣскольку убито и ранено. У Наумовыхъ 2 убито, 5 ранено, не знаю у Кат. Никол., такъ какъ подробныхъ свѣдѣній еще не собрано. Три селенія оставались спокойны и въ томъ числѣ Бураково, Трубникова, но изъ другихъ его двухъ деревень хо-

дили въ Бездну... Не слыхать ли чего о другихъ губерніяхъ; здѣсь говорятъ о волненіяхъ въ Перми, Саратовѣ, Нижнемъ, Пензѣ.

К. Татариновъ.

III. Къ біографіи Л. Н. Толстого.

Московское Отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба. Опись Ин. Д-та. Связка 2185, дѣло № 348, листы 24 и 25 В. М-ва 4 отд. 3 ст. 1852 г.

Копія съ копіи.

Герб. бум. 30 к.

1832-го года Марта 15-го дня въ журналѣ Тульскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія записано.

Прошеніе Крапивенской Округи Помѣщика подполковника и кавалера Графа Николая Ильина сына Толстаго при коемъ представилъ на Основаніи Высочайшей Грамоты пожалованной благородному россійскому дворянству доказательство на дворянское достоинство свое равно какъ по службѣ и увольненіи отъ оной выданный ему 1825 года Генваря 29 паспортъ проситъ внесть ево съ малолѣтными четырьмя сыновьями и одною дочерью въ слѣдующую часть дворянской родословной Тульской губерніи книги и выдать ему на то Грамоту за которую и денегъ въ дворянскую сумму 25 руб. взнесъ въ представленномъ же Паспортѣ выданномъ Генваря 29 дня 1825-го года подъ № 95 въ Москвѣ за подписаніемъ отъ Арміи Г. Генералъ Маіора Московскаго Коменданта и кавалера Веревкина Изъяснено, что предъявитель онаго Подполковникъ Графъ Николай Ильинъ сынъ Толстой 3 которой какъ значится изъ Формулярнаго Ево списка 28 лѣтъ имѣетъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ изъ дворянъ крестьянъ неимѣетъ въ службу Его Императорскаго Величества вступилъ изъ Губернскихъ Секретарей Карнетомъ 1812 Іюня 11 въ 3 украинской Казачій Легулярный полкъ, изъ коего переведенъ въ Иркутской Гусарской полкъ. 812 Августа 18 произведенъ за отличіе Порутчикомъ, 813-го Апрѣля 27 въ томъ же полку Штабсъ Ротмистромъ 813 Октября 7-го переведенъ за отличіе въ Кавалергардской полкъ тѣмъ же чиномъ 814 Августа 8 изъ онаго въ Гусарской Принца Оранскаго полкъ Маіоромъ 817 Декабря 11 уволенъ по болѣзни въ отставку съ награжденіемъ Подполковника 819 марта 14 въ Московское военно сиротское отдѣленіе Смотрительскимъ Помощникомъ 821 Декабря 15 во время которой службы былъ въ разныхъ походахъ 813-го года Апрѣля со 2 и въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ неоднократно находился, былъ въ полону до взятія Парижа и за отличіе въ тѣхъ сраженіяхъ награжденъ

чинами вышеписанными Порутчикомъ Штабсъ Ротмистромъ и Ордена Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, женатъ на Марье Николаевой дочери урожденной Княжнѣ Волконской, состоялъ въ комплектѣ при отдѣленіи Смотрительскимъ Помощникомъ на лицо, къ повышенію чина Аттестовался достойнымъ, а прошлаго 824 года въ 8 день Генваря за № 1 по приказу по отдѣленіямъ военныхъ Кантонистовъ отъ должности Смотрительскаго Помощника по прошенію по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ. Въ присланномъ же сего марта 2 дня при отношеніи отъ Крапивенскаго Г. Уѣзднаго Предводителя дворянства форменномъ о дворянахъ спискѣ показанъ онъ Графъ Толстой 38 лѣтъ вдовъ дѣтей имѣетъ сыновей Николая 8 Сергея 6 Дмитрія 4 Льва 3-хъ лѣтъ и дочь Марью $1^1/_2$ года за нимъ имѣнія родоваго и благо пріобрѣтеннаго состоитъ за покойною женою ево Графинею Марьею Николаевою Толстою Крапивенской Округи въ сельцѣ Ясной Полянѣ съ деревнями 219 Богородицкой Округи въ деревнѣ малой Воротынки 18. Чернскаго уѣзда въ селѣ Никольскомъ, Вязанское тожъ и деревнѣ Платицыной 223. Орловской губерніи Дмитровскаго уѣзда въ селахъ Харасановѣ—Долбенкинѣ въ деревняхъ Халкѣевѣ и Трубачинѣ 333, итого 793 мужеска и 800-тъ женска половъ душъ; Жительствуетъ въ Крапивенскомъ уѣздѣ. А Высочайше пожалованной 1785-го года Апрѣля 21-го дня дворянству Грамоты, 81-ю статьею повѣлено въ пятую часть родословной книги, внесутъ титулами отличные роды по Алфавиту, и въ толкованіи изображено: Титулами отличные роды не иные суть какъ тѣ, коимъ присвоено или наслѣдственно или по соизволенію коронованной Главы, названье княжеское, Графское, Баронское или иное. Приказали: прошеніе съ пашпортомъ деньгами 25 рубл. принять, сіи деньги записать въ приходъ, съ паспортажъ по списаніи къ дѣлу коіи, подлинной возвратить обратно, и на основаніи Высочайшей Грамоты 81-й статьи означеннаго просителя Графа Николая Толстаго съ показанными малолѣтними дѣтьми, четырьмя сыновьями и одною дочерью, внесть дворянской родословной сей губерніи книги въ пятую ея часть, и объ ономъ внесеніи Грамоту ему выдать прошеніежъ съ производствомъ отдать въ Архивъ сего собранія. Подлинный за подписаніемъ Г. Г. Присутствующихъ и за Скрепою Секретаря Дворянства.

1841 Года Генваря 30 дня въ Журналѣ Тульскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія Записано:

Прошеніе Опекуньши малолѣтныхъ дѣтей умершаго Подполковника и кавалера Графа Николая Ильича Толстаго сыновей Николая Сергея Дмитрія Льва и Марьи Графини Александры Ильиной дочери Фонъ деръ Остенъ Сакенъ, при коемъ представляя о рожденіи и крещеніи оныхъ дѣтей Метрическія свидѣтельствы Тульской Духовной Консисторіи проситъ изъ числа тѣхъ дѣтей Сергею Дмитрію Льву выдать съ протокола

по коему они въ 1832 году внесены при отцѣ ихъ въ родословную книгу копію каждому порознь, а дочери Марье Свидѣтельство на случай опредѣленія ихъ въ какія либо казенныя учебныя заведенія и потомъ сыновей въ службу и притомъ и метрическія свидѣтельствы возвратить обратно. А по справкѣ въ семъ Собраніи оказалось:

Подполковникъ и кавалеръ Графъ Николай Ильичъ Толстой по представленнымъ отъ него доказательствамъ и по состоявшемуся на оные 1832 году Марта 15 дня опредѣленію съ показанными дѣтьми Его какъ объ нихъ въ спискѣ отъ Крапивенскаго уѣзднаго Предводителя Дворянства было тогда показано Николаемъ 8 Сергѣемъ 6 Дмитріемъ 4 Львомъ 3 лѣтъ и Марьею $1^1/_2$ года внесеннымъ состоитъ въ Дворянскую родословную Тульской губерніи книгу въ 5-ю ея часть, въ представленныхъ же нынѣ свидѣтельствахъ выданныхъ сего Генваря 23 дня изъ Тульской Духовной Консисторіи за № 250 251 252 и 253. Означено что въ метрическихъ книгахъ Крапивенской Округи села Кочаковъ у Подполковника Графа Николая Толстаго родившіяся дѣти записанными состоятъ Сергѣй 1826 февраля 17. Дмитрей 1827 Апрѣля 23. Левъ 1828 Августа 28 и дочь Марья 1830 годовъ марта 7 числѣ. Приказали: Списавъ съ опредѣленія 1832 года Марта 15 и съ сего Журнала копіи означеннымъ малолѣтнымъ Графа Николая Ильича Толстаго дѣтямъ Сергею Дмитрію Льву каждому порознь, а дочери Марье свидѣтельство выдать при чемъ и метрическіе Свидѣтельствы оставъ съ нихъ подъ дѣло копіи подлинные возвратить съ роспискою предварительножъ этой выдачи съ производства дѣла о внесеніи Графа Толстаго въ родословную Книгу представить въ Герольдію копію и потомъ настоящѣе производство приобщить къ таковомужъ 1832 года. Подлинный за подписаніемъ Г. Г. Присутствую и за скрепою Секретаря Дворянства. Свѣрялъ.

Копія съ доказательствъ вошедшихъ въ составъ вышеписанныхъ опредѣленій представлена Правительствующаго Сената въ Герольдію при рапортѣ отъ 19 Апрѣля 1841 года за № 264-мъ.

Дана сія копія изъ Тульскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія умершаго Подполковника и кавалера Графа Николая Ильича Толстаго сыну Недорослю Льву Толстому въ слѣдствіе состоявшейся на поданное отъ Опекуньши Графини Александры Фонъ деръ Остенъ Сакенъ прошеніе резолюціи Апрѣля 19 дня 1841 года.

Правящій должность Губернскаго Тульскій уѣздный Предводитель Дворянства *Хрущаевъ*.

Секретарь и кавалеръ *В. Либинъ*.

Столоначальникъ *Иванъ Елисѣевъ*.

Миграціи животныхъ въ геологическое время.

Бѣглый взглядъ, брошенный на площадь суши и моря земного шара, или поверхностное знакомство съ міромъ животныхъ и растеній вызываютъ въ насъ впечатлѣніе, будто мы окружены чѣмъ-то постояннымъ, незыблемымъ. Въ примѣненіи къ земной корѣ мы говоримъ себѣ, что материки могутъ неограниченно продолжительное время существовать въ ихъ современномъ видѣ, а если дѣятельные и потухшіе вулканы пробуждаютъ въ насъ представленіе о какихъ-то силахъ, скрытыхъ въ землѣ, мы невольно склоняемся къ тому, что дѣятельность этихъ силъ могла проявляться лишь катастрофически. Въ примѣненіи къ животнымъ и растеніямъ мы, конечно, охотно допускаемъ нѣкоторыя измѣненія въ ихъ распредѣленіи какъ подъ вліяніемъ естественныхъ условій, такъ и благодаря прямому и косвенному воздѣйствію человѣка, однако мы суживаемъ границы этихъ измѣненій до минимума. Нужно извѣстное усиліе воли, чтобы отрѣшиться отъ этихъ первыхъ впечатлѣній и стать на правильную точку зрѣнія какъ относительно земли, такъ и относительно населяющаго ее міра организмовъ.

Особенно трудно усвоить себѣ положеніе, что тѣ, на нашъ взглядъ, безконечно малыя измѣненія, которыя происходятъ въ береговой линіи материковъ и острововъ, на поверхности суши, въ глубинѣ океановъ, въ дѣйствительности объясняютъ измѣненіе земли во времени. По существу, усвоить себѣ эту идею, сродниться съ мыслью, что почти неуловимыя измѣненія могли въ теченіе безконечно долгаго времени привести къ колоссальнымъ результатамъ, можетъ быть труднѣе, чѣмъ освоиться съ идеей о постепенной эволюціи животныхъ и растеній. Но на самомъ дѣлѣ идея о постепенныхъ вѣковыхъ измѣненіяхъ „лица“ земли была усвоена нами легче, нежели идея объ эволюціи органическаго міра. Послѣдняя принималась слишкомъ односторонне, обсуждалась крайне страстно, можетъ быть потому, что затрогивала интересы самого человѣка, и вызвала неизмѣримо бо́льшую бурю, нежели первая. Отголоски этой бури иногда раздаются еще и въ наши дни, но

одно положеніе уже стало общимъ достояніемъ: если мы назовемъ совокупность жизни на землѣ біосферой, которая облекаетъ собою земной шаръ, мы отлично знаемъ, что изученіе біо- и литосферы можетъ итти только рука объ руку.

Въ изученіе литосферы можно намѣтить три этапа: первый, выражающійся въ господствѣ идей Ляйелля, что на той сушѣ, которую мы теперь видимъ, нѣтъ пяди земли, которая въ то или другое время не находилась бы подъ водой; второй, когда получили огромное распространеніе взгляды Уоллеса о постоянствѣ материковъ; и, наконецъ, третій, когда идея Уоллеса была оставлена, но когда не оказалось возможнымъ возвратиться и къ взглядамъ Ляйелля. Наука остановилась теперь на томъ, что распредѣленіе суши и моря существенно измѣнилось въ теченіе безконечнаго ряда вѣковъ. Справедливы или нѣтъ наши предположенія объ огненножидкомъ или твердомъ внутреннемъ ядрѣ земли, нѣтъ основаній сомнѣваться, что внутренняя температура земли весьма велика. Продолжая остывать, т.-е. постепенно охлаждаться, земля постепенно уменьшается въ объемѣ, почему въ ея ранѣе образовавшихся поверхностныхъ слояхъ возникаютъ складки и морщины. Эти складки и морщины, кажущіяся намъ громадными горными кряжами, совершенно ничтожны по отношенію къ объему земли. Поэтому неудивительно, что эти неровности, чисто поверхностныя, могутъ быть уничтожены разрушеніемъ и разрывомъ, и мы не могли бы составить себѣ никакого представленія объ ихъ существованіи, если бы слѣды его не сохранились во внутреннемъ геологическомъ строеніи мѣстности. Но эти морщины и складки не захватили всей поверхности земли. Есть области, которыя никогда, отъ вѣка вѣковъ, не претерпѣвали мощныхъ дислокаціонныхъ процессовъ, которыя никогда всецѣло не были залиты моремъ, гдѣ съ древнѣйшихъ геологическихъ временъ жизнь развивалась постепенно и гдѣ хранится драгоцѣнный архивъ лѣтописей, въ которыхъ записано послѣдовательное развитіе жизни на землѣ. Эти участки суши были и остались свидѣтелями глубокихъ измѣненій въ распредѣленіи материковъ и морей, животныхъ и растеній и окрашены Зюссомъ поэтическимъ названіемъ „убѣжищъ жизни“. Какова продолжительность этихъ „убѣжищъ“, мы не можемъ сказать. По отношенію къ кэнозойной эрѣ, эрѣ преимущественнаго развитія только немногихъ группъ позвоночныхъ, и между ними птицъ и млекопитающихъ, большинство склоняется къ тому, чтобы исчислить ея продолжительность 3—4 милліонами лѣтъ. Что же сказать о продолжительности существованія остатковъ материка Гондваны, относящагося къ каменноугольному времени? Передъ нами возникаетъ такое прошлое, передъ которымъ пасуютъ всѣ математическія соображенія, воочію доказывая неприложимость исчисленія геологическаго времени цифрами. Но, оставляя цифры

въ сторонѣ, мы въ этой дали вѣковъ можемъ возстановить одну стройную картину послѣдовательнаго развитія жизни на землѣ, можемъ сказать, какія животныя смѣнили другъ друга во времени и какъ шло ихъ разселеніе по „лику земли". Мы можемъ иногда даже детально возстановить картину измѣненій поверхности материковой площади, ея занятіе моремъ и новое осушеніе. Въ составѣ современнаго животнаго населенія намъ удается найти формы глубокой древности, уцѣлѣвшія въ ихъ непосредственныхъ потомкахъ, и ими мы можемъ воспользоваться какъ драгоцѣнными пережитками прошлаго, помогающими оживить сошедшее со сцены животное населеніе.

Знакомясь съ распредѣленіемъ суши и моря съ палеозойской эры, мы видимъ въ верхнекаменноугольномъ времени три большихъ материка: захватывая нынѣшнюю Гренландію, Исландію, сѣверо-западную и западную Европу съ Британскими островами, лежалъ западно-арктическій континентъ; на мѣстѣ значительной части Азіи и Сѣверной Америки—восточно-арктическій; отъ нынѣшней Бразиліи черезъ Атлантическій и Индійскій океанъ тянулся континентъ Гондвана, захватывавшій почти всю Африку, половину Аравіи, Индостанъ съ Цейлономъ и Австралію съ Новой Гвинеей. Въ океанѣ Тетисъ между тремя континентами, какъ разъ на мѣстѣ Кавказа и Усть-Урта съ Каспійскимъ и Аральскимъ морями находился большой островъ. Уже въ верхнеюрскомъ времени картина суши существенно измѣняется: въ западномъ полушаріи на мѣстѣ бо́льшей части Сѣверной Америки съ Гренландіей, захватывая нынѣшнюю Исландію и Британскіе острова, лежитъ неарктическій континентъ; на мѣстѣ бо́льшей части Азіи—ангарскій континентъ, языкомъ протягивающійся отъ своей западной границы къ сѣверу по нынѣшней Новой Землѣ; на мѣстѣ Гондваны три материка: австралійскій, захватывающій теперь и Новую Зеландію; Гондвана, на мѣстѣ Индостана съ Цейлономъ, протягивающаяся далѣе къ юго-западу до Мадагаскара включительно; и бразильско-эѳіопскій на мѣстѣ бо́льшей части Южной Америки и Африки съ Аравіей. Между ангарскимъ и неарктическимъ континентомъ въ океанѣ Тетисъ лежитъ большой архипелагъ острововъ разныхъ размѣровъ. Пока, какъ видно, суша по своимъ очертаніямъ еще далека отъ современной, но уже въ верхнемѣловое время въ сѣверномъ полушаріи мы находимъ въ значительной мѣрѣ сушу, напоминающую современную: Европа, Азія и Сѣверная Америка образуютъ сплошную площадь, которая соединяется съ Африкой черезъ Малую Азію и Пиренейскій полуостровъ, оставляя на мѣстѣ Средиземнаго моря большой бассейнъ съ немногими крупными островами, и съ Южной Америкой. Зато Австралія уже обособлена отъ этого материка, но какъ она, такъ и Южная Америка на югѣ непрерывно переходятъ въ антарктическій континентъ. Въ среднемъ эоценѣ сѣверный материкъ раз-

дробляется на сѣверо-американскій, европейскій и азіатскій, точно такъ же обособляются Африка и Австралія и лишь Сѣверная Америка соединена съ Южной. Въ олигоценѣ Азія и Сѣверная Америка опять сливаются, Мадагаскаръ соединяется съ Африкой, но Южная Америка отдѣляется отъ Сѣверной. Въ міоценѣ суша принимаетъ приблизительно ея современныя очертанія, но Африка шире соединена съ Азіей, которая еще слита съ Сѣверной Америкой, а Южная еще отдѣлена отъ послѣдней. Въ пліоценѣ материки приближаются къ современнымъ очертаніямъ, но Эвразія [1]) еще соединена съ Сѣверной Америкой, которая, наконецъ, соединяется съ Южной.

Этотъ краткій очеркъ измѣненій очертаній суши во времени достаточно убѣдителенъ, чтобы ниспровергнуть ученіе Уоллеса о постоянствѣ материковъ и морей. Нѣсколько постояненъ или, точнѣе, постояненъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ въ теченіе цѣлаго ряда эпохъ только Тихій океанъ. Что же касается Атлантическаго, Индійскаго, Сѣвернаго Ледовитаго и Южнаго, къ нимъ это совершенно неприложимо, и тамъ, гдѣ нынѣ находятся ихъ глубокія части, нѣкогда было дно моря. Однако, несмотря на эти вѣковыя измѣненія материковъ, есть части суши, которыя, передаваясь отъ одного континента другому, сохранялись постоянно въ качествѣ таковыхъ, служа убѣжищемъ для животнаго и растительнаго населенія. Зюссъ насчитываетъ четыре такихъ убѣжища: I. Лаврентійское, II. Ангарское, III. Гондванское и IV. Антарктическое. За немногими исключеніями эти области съ конца каменноугольнаго времени не принимали участія въ процессахъ развитія складокъ. Всѣ болѣе молодыя горныя цѣпи лежатъ внѣ этихъ убѣжищъ, хотя не всѣ внѣ предѣловъ развитія гондванской флоры.

Лаврентійское убѣжище ограничиваетъ сѣверныя части Атлантическаго океана и хотя окраины его заливались моремъ (напримѣръ, мѣловымъ), внутреннія части представляютъ непрерывный рядъ послѣдовательно смѣнявшихся наземныхъ и прѣсноводныхъ фаунъ. Въ Америкѣ, гдѣ эта суша тянулась отъ Техаса на югѣ до Канады и Гренландіи на сѣверѣ, она была столь постоянна, что костныя ганоидныя рыбы могли прямо перейти изъ отдаленныхъ по времени прѣсноводныхъ бассейновъ въ современныя рѣки, тогда какъ въ Европѣ, вслѣдствіе неоднократнаго надвиганія моря на европейскія части этой суши, тѣ же рыбы вымерли еще въ серединѣ третичной эры. Между прочимъ, присутствіе названныхъ рыбъ въ третичныхъ отложеніяхъ Европы указываетъ на прямое соединеніе Сѣверной Америки съ Европой. Это соединеніе кончилось, повидимому, съ эоценомъ, такъ какъ, начиная

[1]) Эвразіей принято называть материки Европы и Азіи вмѣстѣ взятые.

отсюда, сходство между сѣверо-американской и европейской фауной уменьшается.

Ангарская страна, ограниченная на значительной части протяженія Енисеемъ и Леной, простирается отъ амфитеатра Иркутска на югѣ по направленію къ Ледовитому океану, области многократныхъ сѣверныхъ трансгрессій моря. Здѣсь во многихъ мѣстахъ добыты остатки юрской и третичной флоры, что же касается морскихъ отложеній, то они неизвѣстны послѣ древнепалеозойныхъ слоевъ, съ ихъ горизонтальнымъ положеніемъ. Несомнѣнно, что отъ этой страны можно ожидать богатыхъ палеонтологическихъ данныхъ.

Страна Гондвана простиралась первоначально, начиная съ Австраліи до Бразиліи, но и позднѣе, когда восточная ея часть отдѣлилась, все еще обширный материкъ тянулся отъ восточной Индіи до западной Бразиліи, пересѣкая Атлантическій океанъ на протяженіи многихъ градусовъ, отъ устья Ла-Платы на югѣ до области устья Амазонки на сѣверѣ. Флора этого материка отличалась большимъ однообразіемъ и сопровождалась развитіемъ замѣчательной фауны пресмыкающихся, между прочимъ описанной проф. Амалицкимъ также съ Сѣверной Двины. Эта флора, названная по наиболѣе характерному для нея роду папоротниковъ, глоссоптеріевой, вмѣстѣ съ характерными пресмыкающимися, была найдена и въ гондванскихъ слояхъ Индіи и въ южной Африкѣ, и въ Бразиліи съ Аргентиной. Сначала думали, что эта флора распространялась къ сѣверу постепенно и достигла Европы только къ тріасу. Это ставили, между прочимъ, въ связь съ наступившимъ измѣненіемъ климата, которое объясняли оледенѣніемъ, наступившимъ въ южной части материка. Однако, чрезвычайно богатое развитіе пресмыкающихся и земноводныхъ этого времени дѣлаетъ мало вѣроятнымъ сколько-нибудь значительное пониженіе температуры со времени карбона. Скорѣе эта флора является приспособленіемъ къ климату, нѣсколько измѣнившемуся въ сторону сухости, вообще же представляетъ собою извѣстную совокупность древнихъ формъ, достигшихъ широкаго распространенія при довольно однообразныхъ внѣшнихъ условіяхъ какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ.

Послѣднимъ убѣжищемъ является антарктическое. Для біологовъ уже давно явился неизбѣжный постулатъ признать соединеніе Австраліи съ Патагоніей посредствомъ южной суши, такъ какъ близость южно-американской фауны къ австралійской и вмѣстѣ съ тѣмъ ея характеръ дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія дѣлалъ мало удовлетворительнымъ объясненіе всѣхъ ея особенностей распространеніемъ животнаго населенія съ сѣвера. Разсѣянные въ южномъ полушаріи на протяженіи трехъ материковъ съ прилежащими къ нимъ островами остатки своеобразнаго животнаго населенія всегда на всѣхъ произво-

дили одно и то же впечатлѣніе обломковъ лишь древней и очень однообразной фауны, что требовало признанія болѣе непосредственной связи между всѣми этими частями суши. Отсутствіе необходимыхъ геологическихъ данныхъ долгое время мѣшало болѣе точному установленію этой связи, но теперь хотя нѣкоторый матеріалъ уже накопился. Такъ, нѣтъ сомнѣній, что Ванъ-Дименова земля является продолженіемъ Австраліи къ югу. Уловлены континентальныя особенности строенія Аукландскихъ о-вовъ, которые соединялись съ Новой Зеландіей и, быть можетъ, представляютъ собою остатки суши, берегомъ коей въ Новую Зеландію проникъ съ юга гигантскій пингвинъ. Этимъ же развитіемъ суши, вѣроятно, объясняется присутствіе болотной черепахи на островкѣ Лорда Гау, въ отложеніяхъ Квинсленда и въ древнихъ песчаникахъ Патагоніи. Къ тому же надо сказать, что фауна Австраліи, обыкновенно приводимая въ качествѣ примѣра очень древней и цѣльной, на самомъ дѣлѣ можетъ быть расчленена на три, различныя по времени и происхожденію: древнѣйшая автохтонная, т.-е. развившаяся на мѣстѣ, принадлежитъ крайнему юго-западу материка; эндемичная, т.-е. только въ настоящее время характеризующая Австралію, но прежде широко распространенная, съ ея клоачными, двуутробками и т. д. распространена по всему материку и заходитъ до Новой Гвинеи и Соломоновыхъ о-вовъ; наконецъ, позднѣйшая папуасская проникла въ Австралію изъ Новой Гвинеи.

Другая извѣстная часть антарктическаго убѣжища представлена Патагоніей. Изслѣдованія многихъ ученыхъ, особенно Амегино, познакомили насъ съ цѣлымъ рядомъ фаунъ, совершенно чуждыхъ млекопитающимъ сѣвернаго полушарія. Быть можетъ, не окажется рода, общаго обоимъ полушаріямъ, хотя существуетъ извѣстный параллелизмъ въ развитіи. Самое замѣчательное въ составѣ одной изъ этихъ фаунъ (съ нотостилопсъ) то, что динозавры еще существовали здѣсь совмѣстно съ древнѣйшей фауной млекопитающихъ, чего рѣшительно не наблюдалось ни въ Сѣв. Америкѣ, ни въ Европѣ. Хищныя были представлены креодонтами, неполнозубыя уже крупнымъ палэопельтисъ, хотя можно думать, что въ болѣе глубокихъ горизонтахъ здѣсь могутъ быть найдены и прародители неполнозубыхъ. Слѣдя за развитіемъ этой фауны во времени, можно видѣть, какъ она, измѣняясь, доходитъ до верхняго олигоцена и міоцена, еще сохраняя въ своемъ составѣ мелкихъ креодонтовъ, тогда какъ неполнозубыя пріобрѣтаютъ характерные для нихъ сильные когти. Еще выше слѣдуетъ пампасская фауна съ мегатеріемъ, глиптодономъ и другими гигантскими позднѣйшими потомками древнѣйшихъ неполнозубыхъ. Однако, слѣдуя Годри, мы имѣемъ въ Патагоніи, вѣроятно, окраины антарктическаго материка, такъ какъ здѣсь сохранились ясные слѣды трансгрессій моря.

Еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ изученіе Фалкландскихъ о-въ: здѣсь флора нижне-гондванскаго періода лежитъ на древнѣйшихъ породахъ, почему можно думать, что суша, на которой развивались выше указанныя фауны, простиралась далеко въ океанъ. Одна изъ этихъ фаунъ (т. наз. санта-круцская) замѣчательна тѣмъ, что является, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе древней, нежели эндемичная фауна Австраліи, гигантскіе представители коей могутъ быть прослѣжены не далѣе, какъ до третичной эры. Между тѣмъ среди представителей двуутробныхъ патагонской фауны могутъ быть констатированы прародители или, по крайней мѣрѣ, близкіе родичи нѣкоторыхъ австралійскихъ группъ, а также и нынѣ американскихъ опоссумовъ. Изслѣдованія Хедлея о распространеніи папуасской и элементовъ австралійской фауны въ свою очередь приводятъ къ заключенію, что т. наз. эндемическая фауна Австраліи, которая считается обыкновенно древнѣйшей между современными, по сравненію съ патагонской и ново-зеландской должна считаться самымъ молодымъ членомъ ископаемыхъ фаунъ антарктическаго ряда развитія. Но объясненіе того, почему она сохранилась, остается прежнимъ и заключается въ ея продолжительномъ уединеніи.

Вопросъ объ „убѣжищахъ“ невольно наталкиваетъ на другой, не должно ли разсматривать эти убѣжища въ качествѣ постоянныхъ „центровъ распространенія“. Однако, на послѣдній надо отвѣчать очень осторожно, помня, что каждый видъ, каждый родъ имѣлъ свой собственный центръ распространенія и свои собственные пути разселенія. Затѣмъ надо имѣть въ виду, что эти постоянные во времени участки суши, служа убѣжищами для млекопитающихъ, прѣсноводныхъ животныхъ и наземныхъ аунъ, конечно, для каждой группы имѣли особенное значеніе. При этомъ среди прѣсноводныхъ фаунъ надо имѣть въ виду собственно рѣчныя, хотя и на рѣчныхъ современемъ сказались измѣненія поверхности. Такъ, чрезвычайно однообразная фауна африканскихъ рѣкъ, Нила, Нигера, Гамбіи, Сенегала, Конго и Замбези, вѣроятно, стала такой вслѣдствіе вторичнаго сближенія истоковъ этихъ рѣкъ. Какъ примѣры древнѣйшихъ рыбъ, сохранившихся въ рѣкахъ на протяженіи прежнихъ убѣжищъ, укажемъ цератода въ Австраліи (антарктическое уб.), биширъ и протоптера въ Африкѣ (восточно-гондванское уб.), лепидосирена въ Южной Америкѣ (западно-гондванское уб.) и, наконецъ, амію и ганоидную панцырную щуку въ Сѣверной (лаврентійское уб.).

Въ связи съ существованіемъ убѣжищъ нельзя не коснуться вопроса о значеніи озеръ съ ихъ т. наз. реликтовыми фаунами. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ этомъ отношеніи озеръ—Танганайка. Моръ считаетъ его за остатокъ юрской трансгрессіи моря, Буленжеръ склоненъ отнести къ эоценовой. Однако, быть можетъ, исторія этого озера со-

всѣмъ другая. Характерныя для Танганайки медузы открыты въ Викторіи-Ньянца и въ Нигерѣ, откуда является возможность допустить переселеніе морскихъ животныхъ въ рѣки и до настоящаго времени. Если принять далѣе во вниманіе, что слѣдовъ юрской или эоценовой трансгрессіи моря неизвѣстно на очень большое разстояніе отъ Танганайки, быть можетъ, правильнѣе разсматривать это озеро, какъ образовавшееся въ результатѣ мѣстнаго опусканія суши и позднѣйшаго заселенія изъ рѣкъ. Съ другой стороны, Байкальское озеро, быть можетъ, представляетъ собою остатокъ сарматскаго бассейна, сохранившій издревле часть своей своеобразной фауны. Такимъ образомъ, все заставляетъ насъ относиться съ крайней осторожностью къ опредѣленію происхожденія и возраста реликтовыхъ озеръ.

Итакъ, изъ сказаннаго на предыдущихъ страницахъ передъ нами развертывается безконечно сложная картина измѣненій очертаній суши и моря во времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдовательныхъ измѣненій въ распредѣленіи растеній и животныхъ. Не будемъ забывать, что измѣнялись существенно и климатическія условія, съ одной стороны, въ большомъ масштабѣ, благодаря потерѣ тепла землею, съ другой—въ качествѣ мѣстныхъ явленій. И хотя всѣ эти измѣненія производятъ впечатлѣніе чего-то безпорядочнаго, однако, они стоятъ въ связи съ измѣненіями земной поверхности въ зависимости отъ остыванія и сжатія земного шара. Физико-географы, какъ и геологи, приходятъ къ однообразному заключенію, что въ палеозойское время океаны не были такъ глубоки, какъ теперь, и были усѣяны множествомъ острововъ; что континенты съ теченіемъ времени становились обширнѣе и выше, а океаны глубже и рѣзче очерченными. Но геологи прибавляютъ, что развитіе материковъ явилось слѣдствіемъ углубленія океановъ.

Теперь, прежде чѣмъ говорить о собственно миграціяхъ животныхъ, познакомимся съ измѣненіями суши болѣе мѣстнаго характера и ихъ возможнымъ вліяніемъ на тѣ же миграціи. Хорошимъ примѣромъ этого рода является область палеокаспійскаго моря. Начинаясь на западѣ въ низменностяхъ средняго и нижняго Дуная и у сѣвернаго подножія Карпатъ, этотъ обширный бассейнъ достигалъ на востокѣ въ верхнемѣловое и эоценовое время до Кашгара и Санжу. Позднѣе палеокаспійское море суживается, вѣроятно, вслѣдствіе того, что потеря влаги идетъ энергичнѣе ея восполненія. Тѣмъ не менѣе его окраины населены богатой фауной съ человѣкоподобными обезьянами, динотеріями, анхитеріями и пр. Эта фауна въ нѣкоторыхъ своихъ составныхъ частяхъ продолжаетъ существовать на Малайскомъ архипелагѣ, почему ее и называютъ малайской, отнюдь не желая этимъ указать на ея происхожденіе. Вмѣстѣ съ рѣзкимъ отграничиваніемъ палеокаспійскаго моря отъ Средиземнаго, оно замѣняется т. наз. сарматскимъ бассейномъ, кото-

рый простирался непрерывно отъ нижней Австріи до Аральскаго моря, а быть можетъ и далѣе къ сѣверо-востоку, и отличался множествомъ ему свойственныхъ формъ. Но измѣненіе въ очертаніяхъ моря и его фаунѣ существенно не отразилось на составѣ малайской наземной фауны. Съ теченіемъ времени сарматскій бассейнъ сдѣлался почти прѣснымъ или даже совершенно опрѣсненнымъ, причемъ значительно сократился въ предѣлахъ Россіи. Часть его прежней площади отошла теперь подъ цѣпь озеръ, что сопровождалось развитіемъ т. наз. понтическихъ отложеній. Теперь малайская фауна смѣнилась африканской, съ ея обезьянами, саблезубымъ тигромъ, гіенами, мастодонтами, динотеріями, жираффами, газелями, страусами и пр. Особенно замѣчательно присутствіе въ этой фаунѣ такихъ представителей неполнозубыхъ, какъ земляная свинья и панголинъ. Еще позднѣе въ Европу проникаетъ голарктическая фауна, развившаяся на протяженіи огромной площади суши, занимавшей Европу, Азію и Сѣверную Америку. Вмѣстѣ съ ней въ Европу приносится азіатскій характеръ фауны, но африканская еще и до нашихъ дней сохранилась кой-гдѣ въ средиземноморской области. На азіатскомъ материкѣ африканскій характеръ фауны выраженъ къ востоку до Сиваликскихъ холмовъ у южнаго подножія Гималая, тогда какъ центральная Азія была занята голарктической фауной. Такимъ образомъ, измѣненія палеокаспійскаго и Средиземнаго моря тѣсно связаны со смѣной малайской фауны на африканскую и послѣдней, въ Европѣ, на голарктическую. Прибавимъ къ этому, что послѣ описанныхъ измѣненій Каспійское и Аральское моря, отдѣлившись отъ Чернаго, стояли на очень высокомъ уровнѣ, тогда какъ уровень Чернаго, еще не соединившагося съ Средиземнымъ, былъ очень низокъ. Но затѣмъ слѣдуетъ прорывъ Средиземнаго въ Черное, подъемъ уровня послѣдняго, затопленіе устьевъ впадающихъ въ него рѣкъ и вымираніе въ немъ прѣсноводной каспійской фауны вслѣдствіе притока соленой средиземноморской воды.

Останавливаясь теперь на вопросѣ о миграціяхъ животныхъ въ связи съ указанными измѣненіями суши и моря, мы возьмемъ только млекопитающихъ, какъ оставившихъ послѣ себя наибольшее количество слѣдовъ и наилучше изученныхъ въ филогенетическомъ отношеніи. Кромѣ того, вѣкомъ млекопитающихъ должна назваться кэнозойская эра, т.-е. третичный и четверичный періодъ, наилучше изученные съ геологической стороны. Къ началу третичной эры мы находимъ не только то, что всѣ большіе материки густо заселены млекопитающими, но и то, что въ теченіе предшествующаго вѣка пресмыкающихся произошли очень важныя переселенія и перемѣщенія млекопитающихъ, въ результатѣ чего получилось космополитическое распространеніе болѣе примитивныхъ формъ, въ частности насѣкомоядныхъ. Какъ же происходило

разселеніе млекопитающихъ, начиная отсюда? Какіе пути миграцій можно считать доказанными? Что новаго дала наука относительно установленія центровъ разселенія въ разныя геологическія эпохи?

Въ сущности передъ нами двѣ гипотезы, отвѣчающія на первый изъ заданныхъ вопросовъ. Одна говоритъ о разселеніи животныхъ съ сѣвера къ югу, это такъ называемая унполярная гипотеза. Другая говоритъ о разселеніи животныхъ съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, это биполярная гипотеза. Гааке въ 1886 г. высказалъ мнѣніе, что всѣ наземныя млекопитающія произошли у сѣвернаго полюса и уже отсюда разселились къ югу. Для доказательства справедливости этого мнѣнія надо было принять непосредственное соединеніе сѣверной полярной области съ сѣверными частями Европы, Азіи и Сѣверной Америки, связь Сѣверной Америки съ Южной, Европы съ Африкой, Африки съ Мадагаскаромъ, Азіи съ Австраліей и, наконецъ, Австраліи съ Новой Зеландіей. Согласно этой теоріи климатъ у сѣвернаго полюса былъ подтропическій. Мигрируя къ югу, новыя формы млекопитающихъ давили на старыя и заставляли ихъ подвигаться все далѣе и далѣе къ югу. Такимъ образомъ клоачныя и двуутробки оказались оттѣсненными въ Австралію и двуутробки на американскомъ материкѣ въ южныя части Южной Америки. Повидимому, эта гипотеза поддерживается постоянствомъ очертаній материковъ въ кэнозойскую эру, но тѣмъ не менѣе есть цѣлый рядъ фактовъ, которыхъ она объяснить не можетъ и которые объясняются только признаніемъ существованія антарктическаго материка.

За Гааке приблизительно тотъ же взглядъ высказали Вортманъ и Шарфъ. Послѣдній настаиваетъ, что непосредственная связь между Сѣверной Америкой и Европой существовала до конца пліоцена или даже начала плейстоцена; что связующая два материка суша направлялась черезъ Гренландію и Шпицбергенъ, тогда какъ ея южная граница шла ломаной линіей отъ Британскихъ острововъ къ Ньюфаундленду. Но эта гипотеза не находитъ себѣ фактической поддержки, кромѣ однообразія ископаемой флоры полярныхъ странъ. Самымъ горячимъ приверженцемъ теоріи заселенія суши съ сѣвера къ югу является Уоллесъ, но, несмотря на массу фактовъ, собранныхъ имъ въ защиту этой теоріи, она не можетъ объяснить, напримѣръ, распространенія двуутробокъ, такъ какъ прародительскія формы нѣкоторыхъ австралійскихъ группъ оказываются принадлежащими Южной Америкѣ и даже Патагоніи.

Что касается биполярной теоріи, то признаніе или непризнаніе ея зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ того, какъ смотрѣть на роль Африки въ вопросѣ о развитіи жизни на землѣ. До 1900 г. господствовало мнѣніе, что Африка сначала была бѣдно заселена млекопитающими и что

ея современное населеніе—третичное европейское, выселившееся сюда въ пліоценовомъ періодѣ подъ вліяніемъ начавшихся климатическихъ измѣненій на сѣверѣ. Эту мысль высказывали и развивали Рютимейеръ, Лейдеккеръ, Шлоссеръ и другія. Даже Блэнфордъ, признавшій въ фаунѣ Индіи присутствіе африканскаго элемента и допускавшій существованіе непосредственной связи между Индіей и Африкой при помощи суши черезъ Мадагаскаръ, не останавливался на эволюціонномъ развитіи животнаго міра Африки въ древнее время. Только въ 1899—900 гг. нѣсколько зоологовъ одновременно и независимо другъ отъ друга высказали мысль, что Африка была театромъ пышнаго развитія своеобразной животной жизни, что изъ нея шла колонизація Европы и что лишь вторично эти колонисты подъ вліяніемъ развитія ледниковаго покрова должны были выселяться въ Африку же. Тульбергъ говоритъ, что въ міоценовое время обширная африканская область выслала свою разнообразную фауну черезъ Сирію и Аравію въ Азію. Этимъ путемъ Эвразія получила вмѣстѣ съ типичными (юго-западными) африканскими формами другихъ, азіатскаго происхожденія, которыя дифференцировались изъ прародительскихъ формъ въ мадагаскарско-восточно-африканской области. Къ послѣднимъ надо отнести полорогихъ, которыя, будучи продуктомъ Африки, вѣроятно произошли изъ сѣверныхъ парнопалыхъ. Обезьяны, хоботныя и грызуны типа дикобразовъ вѣроятно могутъ считаться чисто африканскими, впервые появившимися въ Эвразіи съ міоценовой миграціей. Первыя извѣстныя намъ плацентныя млекопитающія уже сильно дифференцированы, и такъ какъ они не могли произойти ни отъ клоачныхъ, ни отъ сумчатыхъ, мы должны признать, что они прошли черезъ какую-то третью неизвѣстную намъ стадію развитія въ какой-нибудь обширной географической области, но не въ Австраліи; эта область могла быть большимъ южнымъ материкомъ, охватывавшимъ Южную Америку и Африку и достигавшимъ до Индіи черезъ Мадагаскаръ большимъ языкомъ суши—материкъ Гондваны или Лемурія нѣкоторыхъ авторовъ. Развивъ три большихъ группы млекопитающихъ, Африка въ началѣ вѣка млекопитающихъ отдѣлилась отъ Южной Америки; въ періодъ нижняго олигоцена Мадагаскаръ отдѣлился отъ Азіи (Индіи) и Африки. Но въ то же самое время восточно-африканская область соединилась съ отдѣлившейся было отъ нея юго-западной и произошло смѣшеніе млекопитающихъ. Приблизительно такъ же высказались Штелинъ и Осборнъ. Осборнъ особенно тщательно разработалъ вопросъ о миграціяхъ африканскихъ млекопитающихъ въ Европу. Первая миграція, по его мнѣнію, была въ верхнемъ эоценѣ; слѣдующая въ началѣ міоцена, когда въ Европѣ появились первые мастодонты, динотеріи и древнѣйшія антилопы. Третья падаетъ на начало пліоцена и принесла съ собой жирафовъ, новыхъ антилопъ, а еще

позднѣе и бегемотовъ. По мнѣнію Осборна, въ Африкѣ произошло много группъ млекопитающихъ, которыя послѣ ледниковаго періода сохранились только въ восточной или Индо-Малайской области, чѣмъ и объясняется сходство между африканской и южно-азіатской фаунами. Слѣдовательно Осборнъ даже отказывается отъ признанія обратнаго движенія этой фауны въ Африку съ Европейскаго материка подъ вліяніемъ измѣнившихся климатическихъ условій. Онъ просто признаетъ отчасти вымираніе этой фауны въ Европѣ, отчасти ея миграцію на юго-востокъ. Главное доказательство въ пользу миграціи африканскихъ животныхъ въ Европу, Осборнъ видитъ въ неожиданномъ появленіи ихъ на послѣднемъ материкѣ.

Съ 1901 по 1905 г. производились палеонтологическія изслѣдованія около Фаюма, въ 80 миляхъ къ юго-западу отъ Каира, гдѣ были найдены верхне-эоценовыя и нижне-олигоценовыя отложенія, и эти изслѣдованія дали столь неожиданные результаты, что буквально произвели переворотъ въ наукѣ. Повидимому, въ Африкѣ произошли мастодонты и слоны, ламантины и дюгони, примитивные киты, родственные наземнымъ хищнымъ млекопитающимъ, крупныя прародительскія формы дамановъ и нѣкоторыя совершенно своеобразныя, нынѣ вымершія травоядныя. Это открытіе несомнѣнно подтверждаетъ значеніе материка, часть котораго составляетъ Африка, въ качествѣ мѣста происхожденія, а слѣдовательно и центра распространенія большого ряда млекопитающихъ.

Переходимъ теперь къ антарктическому материку. Его существованіе прежде всего отстаивали біологи, настойчиво указывая, что безъ признанія антарктической суши зоологическая географія не можетъ объяснить цѣлаго ряда фактовъ. Въ 1847 г. эту мысль высказалъ знаменитый ботаникъ Ж. Гукеръ, въ 1867 г. ее еще опредѣленнѣе развилъ Рютимейеръ, указавъ, что три какъ бы особыхъ центра распространенія, Австралія для двуутробокъ, Мадагаскаръ для лемуровъ и острова Индійскаго океана отъ Новой Зеландіи до Мадагаскара для безкрылыхъ птицъ, сходятся въ одинъ, представляя собою остатки животнаго населенія обширнаго антарктическаго материка. Въ 1870 году Гёксли въ свою очередь указалъ, что цѣлый рядъ зоогеографическихъ фактовъ проще всего разрѣшается допущеніемъ, что въ вѣкъ рептилій существовалъ материкъ, связывавшій Австралію, Новую Зеландію и Южную Америку, отъ котораго прежде всего обособилась Австралія. Форбсъ въ 1893 году, говоря о флорѣ Чатамскихъ острововъ, высказалъ мнѣніе, что южный материкъ существовалъ до пліоцена. Но особенно цѣнны въ этомъ отношеніи были взгляны Хедлея, допускавшаго, на основаніи изученія животнаго міра Австраліи, существованіе въ серединѣ третичнаго времени антарктическаго материка въ значительно

большемъ размѣрѣ, нежели это указано его современной береговой линіей, и связаннаго какъ съ Южной Америкой, такъ и съ Австраліей (черезъ Тасманію) и Новой Зеландіей. Позднѣе къ мнѣнію защитниковъ существованія антарктическаго материка присоединились изслѣдователи Южной Америки, и Осборнъ далъ поучительную карту распространенія суши около южнаго полюса при условіи поднятія дна моря на 3,040 метровъ. Не вдаваясь въ подробности, достаточно указать, что признаніе этой континентальной связи особенно нужно для объясненія распространенія нѣкоторыхъ черепахъ и прѣсноводныхъ рыбъ. Несомнѣнно, что Австралія сначала обладала только такими двуутробками, какъ древесные опоссумы съ ихъ мало спеціализированной организаціей, и только позднѣе развила тотъ удивительный рядъ формъ, который замѣняетъ на этомъ материкѣ разные отряды плацентныхъ млекопитающихъ. Но если примитивныя по своей организаціи насѣкомоядныя существовали одновременно съ этими примитивными двуутробками, не совсѣмъ понятно, что помѣшало имъ проникнуть въ Австралію.

Наконецъ, Южная Америка, обособившаяся въ качествѣ одного изъ обломковъ материка Гондваны, въ верхнемѣловое и нижнеэоценовое время соединившаяся съ Австраліей на югѣ и Сѣверной Америкой на сѣверѣ, въ свою очередь была ареной развитія пышной животной жизни. Здѣсь развились представители двѣнадцати отрядовъ млекопитающихъ и между ними двуутробки, неполнозубыя, широконосыя обезьяны и немногія другія изъ современныхъ. Далѣе въ этой фаунѣ замѣчательно отсутствіе такихъ выдающихся отрядовъ сѣверной суши, какъ парнопалыя, непарнопалыя, рукокрылыя, хищныя, и вымираніе насѣкомоядныхъ, представленныхъ рѣдкими остатками. Не это ли послѣднее обстоятельство объясняетъ отсутствіе насѣкомоядныхъ въ Австраліи, на что указано нѣсколькими строками выше? Насѣкомоядныя въ Южной Америкѣ и на антарктическомъ материкѣ могли встрѣтить препятствія къ ихъ дальнѣйшему развитію въ біологическихъ условіяхъ. Быть можетъ, быстрое обособленіе и развитіе какой-нибудь группы млекопитающихъ, оказавшейся болѣе сильной въ борьбѣ за существованіе, поставило непреодолимую преграду къ распространенію насѣкомоядныхъ въ интересующей насъ области.

Теперь, сравнивая геологическія данныя съ данными зоологической географіи, мы не только не находимъ между ними противорѣчія, но полный параллелизмъ и взаимное подтвержденіе. „Убѣжища жизни“, какъ они нарисованы намъ Зюссомъ, дѣйствительно являются той сушей, гдѣ отъ вѣка вѣковъ совершался непрерывный процессъ эволюціи органическаго міра. Хотя въ величественной картинѣ гибели огромныхъ материковъ палеозойской и мезозойской эры на первый взглядъ есть что-то катастрофическое, однако огромная продолжительность времени, при-

входящая въ этотъ процессъ въ качествѣ необходимаго фактора, устраняетъ всякую возможность какихъ-либо катастрофъ.

Въ теченіе милліоновъ лѣтъ очертанія суши и моря измѣнялись такъ же постепенно и незамѣтно, какъ это происходитъ въ наше время. И тѣмъ не менѣе въ нѣдрахъ океана тонули огромныя площади суши, а новые материки, новыя связи между остатками прежнихъ возстановлялись, мѣняя обстановку существующихъ животныхъ и растеній. Прибавимъ къ этому постепенное измѣненіе климата въ широтномъ направленіи, поднятіе горныхъ хребтовъ, измѣненіе поверхности суши подъ вліяніемъ процессовъ вывѣтриванія и размыва, и передъ нами получится такая сложность явленій, въ которой разобраться, не будучи ея свидѣтелемъ, въ высокой степени трудно. Ошибки на этомъ пути неизбѣжны. Но каковы бы ни были эти ошибки, мы уже видимъ передъ собою главное направленіе скрывающагося въ дали вѣковъ пути. Это направленіе опредѣляется прежде всего основнымъ положеніемъ современной біологіи о непрерывномъ послѣдовательномъ развитіи органическаго міра. Путь этого развитія красной нитью протянулся по материкамъ, островамъ и дну моря современной земной поверхности. Эта нить мѣстами теряется изъ нашихъ глазъ, но мы должны помнить, что если гдѣ-нибудь находимъ ея два конца, наша задача связать ихъ. Такъ были связаны уже многіе обрывки, такъ были примирены на первый взглядъ существенно различныя мнѣнія объ униполярномъ и биполярномъ заселеніи суши. Однако не должно забывать, что всѣ добытыя наукой данныя, изложенныя въ возможно краткой формѣ на предыдущихъ страницахъ, хороши лишь для настоящаго времени. Новое накопленіе фактическаго матеріала, быть можетъ, только подтвердитъ наши современныя положенія, а, быть можетъ, въ той или другой степени ихъ опровергнетъ. Но основныя положенія зоологической географіи уже выработаны и не могутъ претерпѣть крупныхъ измѣненій.

Останавливаясь на томъ, изслѣдованіе какихъ странъ можетъ пролить новый свѣтъ на прошлое органическаго міра, мы прежде всего должны остановиться на восточной Азіи и на центральной Африкѣ. Изслѣдованія послѣдней въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ перевернули наше мнѣніе о роли „чернаго материка“ въ исторіи развитія жизни на землѣ. Несомнѣнно, что этимъ африканскій матеріалъ не исчерпанъ, а только открытъ для изслѣдованія. Затѣмъ каждый удачный шагъ въ изслѣдованіи антарктической области долженъ принести съ собой много въ высшей степени важныхъ данныхъ. Здѣсь подъ ледянымъ покровомъ скрыты тайны вѣковъ, и потому совершенно понятны усилія разныхъ государствъ снаряженіемъ спеціальныхъ экспедицій содѣйствовать раскрытію этихъ тайнъ.

Возвращаясь къ фактическому содержанію этой статьи, мы должны

отмѣтить, что какъ взаимоотношенія суши и моря въ разные геологическіе періоды, такъ и миграціи животныхъ возстановляются передъ нами въ тѣмъ большей полнотѣ, чѣмъ позднѣйшіе періоды мы захватываемъ. Такъ для мезозойской эры, для вѣка рептилій, мы пока не можемъ дать ничего, кромѣ широкихъ схемъ. Для кэнозойской эры, въ ея третичной эпохѣ, схемы замѣняются уже относительно точными картами. Вступая въ періодъ четверичныхъ отложеній, плейстоценовое и новое время, мы изучаемъ это сравнительно близкое прошлое почти такъ же, какъ изучаемъ происходящее на нашихъ глазахъ. Это тѣмъ болѣе важно, что на постпліоценовое время падаетъ послѣдній ледниковый періодъ, вызвавшій одну изъ послѣднихъ огромныхъ миграцій животныхъ и вымираніе множества древнихъ формъ.

О ледниковомъ періодѣ уже много написано даже въ популярной литературѣ, тѣмъ не менѣе наши свѣдѣнія о немъ страдаютъ многими существенными недостатками. Даже такой важный вопросъ, какъ климатическія условія ледниковаго періода, остается еще далеко не выясненнымъ. Затѣмъ много темнаго остается для этого времени въ Сибири. Въ виду всего этого мы ограничимся слѣдующими немногими замѣчаніями объ этомъ періодѣ. Географически плейстоценъ характеризуется широкими соединеніями суши и представляетъ послѣднюю стадію въ развитіи однообразной наземной фауны на сплошной сушѣ европейско-азіатско-американскаго материка, къ которому тѣсно примыкала и Африка. Особенность собственно ледниковаго періода составляло континентальное поднятіе, увеличившее площадь суши и измѣнившее направленіе теплыхъ морскихъ теченій, что повело къ пониженію температуры. Въ теченіе второго межледниковаго періода въ центральной Европѣ имѣли мѣсто обширныя проявленія вулканической дѣятельности. Въ концѣ плейстоцена наступили опусканія суши, въ результатѣ чего сплошная суша, характерная для третичной эпохи, расчленилась. Такъ обособилась Ирландія отъ Великобританіи, прервались соединенія южной Европы съ Африкой черезъ Гибралтаръ и Сицилію, изолировались средиземноморскіе острова, прекратилось соединеніе Греціи съ Малой Азіей.

Во время опусканія уровня Чернаго моря, что естественно влекло за собою удлиненіе устьевъ впадающихъ въ него рѣкъ, Каспійское и Аральское моря образовали одно Гирканское море. Въ Азіи Суматра и Ява отдѣлились отъ Малакки, что же касается Японскаго и Филиппинскаго архипелага, они, вѣроятно, обособились въ послѣледниковое время. Въ Австраліи отдѣлились Новая Гвинея и Тасманія. Еще позднѣе въ плейстоценовое время снова открылся Беринговъ проливъ и такимъ образомъ прекратилось свободное перемѣщеніе животныхъ сѣверо-восточной Азіи въ Сѣверную Америку и обратно.

Вмѣстѣ съ этими географическими измѣненіями условія существо-

ванія животнаго міра въ Европѣ и Сибири были совершенно отличны, и тогда какъ въ Европѣ мы стоимъ дѣйствительно въ вѣкѣ миграцій, въ Сибири, повидимому, мы скорѣе имѣемъ вѣкъ вымиранія прежней континентальной фауны подъ вліяніемъ измѣнившихся климатическихъ условій. Въ Тянь-Шанѣ ледниковый періодъ, повидимому, повелъ къ частичному вымиранію прежней подтропической фауны, остатки которой сохранились здѣсь до нашихъ дней лишь мѣстами, въ хорошо защищенныхъ съ сѣвера горныхъ долинахъ. Слѣды обширныхъ миграцій, вызванныхъ развитіемъ европейскихъ ледниковъ, мы должны искать въ юго-восточной Россіи и юго-западной Сибири. Здѣсь, на пространствѣ огромной низменности, еще скрыты отвѣты на цѣлый рядъ стоящихъ передъ нами вопросовъ.

На этомъ я кончаю свою статью, опасаясь, что, несмотря на возможную краткость, долженъ былъ коснуться такихъ фактовъ, которые могутъ показаться неспеціалисту скучными подробностями. Но безъ этихъ фактовъ основная мысль статьи, что геологическое и біологическое изученіе земли должны итти рука объ руку, была бы высказана совершенно голословно, и едва ли могла бы удовлетворить даже обыкновеннаго читателя.

М. Мензбиръ.

Художественные завѣты Толстого. [1])

IV.

Книга Толстого объ искусствѣ—это, конечно, не систематическій трактатъ по вопросамъ эстетики, гдѣ все было бы расчленено и обслѣдовано съ возможною равномѣрностью и полнотою. Это стремительный потокъ долго сдерживаемыхъ, вновь и вновь передумываемыхъ мыслей, источникомъ котораго является душа великаго художника и великаго борца съ неправдами жизни. Читая эту книгу, все время чувствуешь кипѣніе и бореніе человѣческихъ чувствъ и пристрастій въ этой душѣ, видишь въ ней все то, что дѣлаетъ обыкновенныхъ людей рабами земныхъ силъ, и въ то же время слышишь громовой голосъ могучаго духа, останавливающій безудержное теченіе жизни—во имя пересмотра и перестройки ея основъ: „Стой, солнце, надъ Гаваономъ, и луна надъ долиною Аіалонскою“!...

Религіозное сознаніе Толстого является тѣмъ центромъ, изъ котораго расходятся и къ которому вновь стремятся всѣ его мысли, какого бы порядка онѣ ни были, чего бы ни касались. Религіозное сознаніе, т.-е. опредѣленное отношеніе человѣка къ міру, устанавливаемое не однимъ только разсудкомъ, но „всею совокупностью духовныхъ силъ человѣка“, какъ онъ выражается въ статьѣ „Религія и нравственность“, естественно, льетъ свой свѣтъ во всѣ сферы человѣческой дѣятельности. Но, ни на минуту не теряя изъ виду единства человѣческой природы — связи и соподчиненія различныхъ ея областей, Толстой съ необычайною зоркостью выслѣживаетъ и разграничительныя особенности этихъ областей. Нравственная, разсудочная и художественная дѣятельности человѣка представлены имъ въ опредѣленномъ взаимоотношеніи, причемъ сфера нравственныхъ оцѣнокъ и стремленій, какъ непосредственно зависимая отъ религіознаго сознанія, находится какъ бы въ иной плоскости, чѣмъ разсудочная и художественная дѣятельность,

---

[1]) *Русская Мысль*, 1911 г., кн. III.

подъ ними обѣими, ближе къ центру, такъ что стремящаяся изъ центра творческая воля, въ какую бы изъ двухъ областей она ни направлялась, проходитъ черезъ эту сферу нравственныхъ оцѣнокъ и неизбѣжно преломляется въ ней. Но и разсудочная, и художественная дѣятельность, связанныя извѣстнымъ взаимовліяніемъ и въ то же время рѣзко разграниченныя по характеру, могутъ разсматриваться въ своей плоскости, какъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ нравственной сферы и, такъ сказать, самобытное. И если нравственная сторона человѣческаго бытія играетъ роль какъ при созданіи, такъ и при воспріятіи художественнаго произведенія, запечатлѣвая извѣстной положительной или отрицательной оцѣнкой его *содержаніе*,—то это отнюдь не сокращаетъ область чисто-эстетическихъ сужденій и оцѣнокъ, не нарушаетъ ея автономіи,—ибо область эстетики, въ тѣсномъ смыслѣ, есть область сужденій *по формѣ*. И Толстой не только не подмѣнилъ эстетическихъ сужденій моральными, не только не отвергъ искусства, какъ искусства, но, изслѣдовавъ его природу до той глубины, гдѣ она отвѣтвляется отъ единаго въ человѣкѣ духовнаго корня, уже изъ самыхъ свойствъ и особенностей этой природы вывелъ критерій для оцѣнки всѣхъ художественныхъ явленій.

Можно сказать, что эстетика Толстого—онъ самъ употребляетъ это слово—не полна, не разработана въ деталяхъ,—и тѣмъ не менѣе она затрогиваетъ всѣ стороны творческаго процесса и художественнаго воспріятія, создаетъ основу для убійственной критики огромнаго множества произведеній, причисляемыхъ къ искусству, и—что, кажется, нигдѣ еще не было отмѣчено—намѣчаетъ пути для того самаго обновленія искусства, о которомъ грезятъ всѣ живыя художественныя силы современности.

Опредѣливъ искусство, какъ „дѣятельность человѣческую, состоящую въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками, передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются ими и переживаютъ ихъ“, [1]) онъ дѣлаетъ отсюда строго-логическій выводъ, что разъ заразительность есть несомнѣнный признакъ искусства, то степень заразительности есть и единственное мѣрило достоинства искусства. „*Чѣмъ сильнѣе зараженіе, тѣмъ лучше искусство, какъ искусство, не говоря объ его содержаніи, т.-е. независимо отъ достоинства тѣхъ чувствъ, которыя оно передаетъ*“. [2]) Другими словами, основное требованіе, которое мы предъявляемъ къ искусству, есть *дѣйственность* его по отношенію ко всякой живой душѣ, или, какъ выражается Толстой, *общедоступность, общепонятность* его. Самыя вели-

---

[1]) „Что такое искусство?“ Сочиненія Л. Н. Толстого, ч. XV, 1898 г., дешевое изд., стр. 60.

[2]) Курсивъ Толстого, стр. 171.

кія произведенія искусства такими и являются. Иліада и Одиссея, художественно простыя повѣствованія Библіи, евангельскія притчи, храмы и изображенія и пѣніе въ нихъ, народныя легенды и народныя пѣсни, всегда всѣмъ были понятны, говоритъ Толстой. [1]) „Произведеніе искусства тѣмъ и отличается отъ всякой другой духовной дѣятельности, что его языкъ понятенъ всѣмъ, что оно заражаетъ всѣхъ безъ различія. Слезы, смѣхъ китайца заразятъ меня точно такъ же, какъ слезы, смѣхъ русскаго, точно такъ же и живопись, и музыка, и поэтическое произведеніе. Пѣсня киргиза и японца, хотя и слабѣе, чѣмъ самого киргиза и японца, но трогаетъ меня. Такъ же трогаетъ меня японская живопись и индѣйская архитектура, и арабская сказка". Искусство тѣмъ и отличается „отъ разсудочной дѣятельности, требующей подготовленія и извѣстной послѣдовательности знаній", что оно „дѣйствуетъ на людей независимо отъ ихъ степени развитія и образованія". [2])

Можно и нужно однако сдѣлать рядъ оговорокъ или поясненій къ этому основному положенію Толстого — относительно общепонятности высшаго искусства. Вѣдь и самъ онъ, по другимъ поводамъ, упоминаетъ о людяхъ, „неспособныхъ заражаться искусствомъ", или о тѣхъ состояніяхъ „невниманія", когда до человѣка какъ бы не доходитъ голосъ искусства. Такихъ причинъ, понижающихъ человѣческую воспріимчивость,—либо вообще, либо для отдѣльныхъ моментовъ,—гораздо больше, чѣмъ это люди обыкновенно сознаютъ. Ложныя, предвзятыя сужденія, которыми переполнены человѣческіе умы, нашептываютъ имъ разныя небылицы, мѣшая прислушиваться къ своимъ собственнымъ непосредственнымъ чувствамъ—даже тогда, когда эти чувства могли бы возникнуть и развиться въ нихъ. Все неожиданное—неожиданно-простое чуть ли еще не больше, чѣмъ неожиданно-сложное—заставляетъ ихъ недовѣрчиво съеживаться. Тысячи условностей въѣлись въ ихъ вкусы, въ ихъ чувства, увлекаемыя привычными ассоціаціями,—и чѣмъ культурнѣе человѣкъ, чѣмъ менѣе въ немъ непосредственности, тѣмъ болѣе угрожаетъ ему опасность ложныхъ воспріятій и извращенныхъ сужденій въ дѣлѣ искусства. Но и этого мало. Непосредственность сама по себѣ тоже ничего не обезпечиваетъ, ибо кругъ человѣческихъ чувствованій не является постоянною величиной—онъ расширяется, измѣняется, растетъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ, съ его интеллектуальнымъ кругозоромъ. И если, по словамъ самого Толстого, „искусство есть органъ жизни человѣчества, переводящій разумное сознаніе людей въ чувство", если искусству предстоитъ сдѣлать, чтобы чувства, „доступныя теперь только лучшимъ людямъ общества, стали привычными чувствами, инстинктомъ

1) Ibid., 115, 113.
2) Ibid., 114.

всѣхъ людей"; если искусство говоритъ о томъ, „что свойственно всему человѣчеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще неизвѣстно ему",—то наиболѣе смѣлыя, истинно новыя произведенія искусства всегда будутъ вызывать бунтъ въ человѣческомъ обществѣ, какъ вызывали его величайшіе глашатаи научныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ истинъ. Самъ Толстой, въ письмѣ къ Л. Андрееву, осуждая современныхъ писателей за „желаніе отвѣчать вкусамъ и требованіямъ большинства читающей публики", говоритъ: „Значеніе вѣдь всякаго словеснаго произведенія только въ томъ, что... оно открываетъ людямъ нѣчто новое, неизвѣстное имъ и большей частью противоположное тому, что считается несомнѣннымъ большой публикой"... Быть можетъ, завтра среди насъ родится такой геній искусства, для котораго не найдется ни одного способнаго почувствовать его читателя, ни одного зрителя или слушателя на всей землѣ. Какъ же говорить послѣ того объ общепонятности, какъ объ основной эстетической нормѣ искусства?

И всетаки Толстой правъ. „Чѣмъ сильнѣе зараженіе, тѣмъ лучше искусство, какъ искусство". Какъ бы ни были велики препятствія, стоящія между художникомъ и воспринимающимъ его твореніе, настоящій художникъ всегда безсознательно стремится, въ процессѣ своей работы, *передать* то, что жило въ его собственной душѣ, сдѣлать свое сужденіе *яснымъ* для какого-то другого, идеальнаго человѣческаго существа, будущаго, если не настоящаго. Съ той минуты, какъ писатель взялъ въ руки перо, художникъ—кисть, молчаливая замкнутость его бременѣющей чувствами и образами души кончается. Онъ ищетъ выхода изъ своего одинокаго „я". Онъ хочетъ выразить то, что создалось и создается въ немъ,—выразить такъ, чтобы побороть всѣ раздѣляющія людей индивидуальныя преграды и сдѣлаться понятнымъ. Сознательно или безсознательно, онъ знаетъ, что эстетическій процессъ, начавшись въ немъ, въ художникѣ, завершится только въ воспринимающемъ, обнимая ихъ обоихъ. И чѣмъ значительнѣе художникъ, какъ *художникъ,* чѣмъ болѣе тяготѣетъ онъ къ чисто-эстетическому совершенству, тѣмъ болѣе онъ считается съ основными законами художественнаго воспріятія. Онъ ставитъ предѣлы разбѣгу играющихъ въ немъ чувствъ и образовъ, онъ соблюдаетъ какую-то мѣру, онъ старается сохранить самообладаніе, сдерживается, иногда нарочно *не договариваетъ*—именно для того, чтобы *высказаться,* чтобы выразить невыразимое словами,—путемъ искусства, путемъ художественнаго намека. Чѣмъ глубже, сильнѣе художественный талантъ, тѣмъ меньше онъ имѣетъ въ виду какія-то опредѣленныя, индивидуальныя воспріятія, съ ихъ частными особенностями, и тѣмъ болѣе идетъ навстрѣчу какому-то *общему,* идеально-человѣческому воспріятію. И результатъ этого инстинктивнаго сообразованія съ *общимъ* воспріятіемъ сказывается въ томъ, что твореніе его, быть можетъ непонятое никѣмъ

изъ близкихъ, не понятое десятками, сотнями, тысячами его современниковъ, окажется въ концѣ-концовъ близкимъ и понятнымъ для милліоновъ. Все прейдетъ, а истинно великое художественное произведеніе останется. Разстояніе пространства и времени, различіе племенъ, культуръ, идей, вѣрованій—всѣ преграды, стоящія между людьми, все падетъ и разсѣется какъ дымъ—отдаленнѣйшій потомокъ будетъ слушать голосъ гомерова искусства, какъ голосъ родного отца или брата. Истинно великое искусство—вѣчно, а это и значитъ, что оно *общепонятно*. Всякое настоящее искусство всегда тяготѣетъ къ общепонятности, всегда тайно мечтаетъ объ общедоступности. Это вытекаетъ изъ самой его природы, какъ искусства. И все, что отвлекаетъ художника отъ этого безсознательнаго стремленія,—то отъ лукаваго.

V.

Вопросъ о доступности или общепонятности искусства, какъ такового, является центральнымъ въ эстетикѣ Толстого. И какъ разъ въ этомъ пунктѣ, естественнымъ образомъ, перекрещиваются, связываются у него въ одинъ узелъ, срастаются въ одинъ общій корень эстетическія и религіозно-этическія требованія. Такъ оно и должно быть, ибо не могутъ быть въ корнѣ противорѣчивы основныя высшія потребности человѣка. При всей самобытности ихъ природы, при полномъ отличіи опредѣляющихъ ихъ законовъ, всѣ онѣ взаимно поддерживаютъ другъ друга. И настолько тѣсна связь между этими различными сторонами человѣческой природы, что всякій существенный изъянъ въ одной изъ нихъ всегда, въ болѣе или менѣе замѣтной степени, отзывается и на другихъ. И чѣмъ центральнѣе этотъ изъянъ въ человѣкѣ, чѣмъ глубже онъ затрогиваетъ духовныя основы человѣка, тѣмъ больше онъ отражается на всѣхъ видахъ его дѣятельности,—особенно же на художественной дѣятельности, какъ наиболѣе непосредственной и органичной. Всякое уродливое искривленіе души художника, не превозмогаемое его духомъ, отброситъ свою уродливую тѣнь на его искусство. Всякое умаленіе человѣческаго духа скажется въ измельчаніи искусства. Всякая нравственная болѣзнь какъ единичнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества, неизбѣжно отразится на искусствѣ. „Искусство есть цвѣтъ жизни цѣлаго общества. Не можетъ быть хорошимъ цвѣтъ такого общества, какъ общество жестокихъ паразитовъ нашего христіанскаго міра“,—говоритъ Толстой въ „Кругѣ чтенія“.—И вся его книга объ искусствѣ есть страстное обличеніе того строя жизни, который развратилъ и изуродовалъ искусство, какъ таковое, и того искусства, которое въ свою очередь отравляетъ общество, потворствуя его низменнымъ страстямъ, развращая его художественные вкусы.

Искусство древнихъ и искусство среднихъ вѣковъ было религіознымъ и народнымъ—и оно было общепонятнымъ,—говоритъ Толстой.—Но наступилъ моментъ, когда высшіе классы не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ образомъ и не только общимъ уровнемъ развитія, но самымъ *характеромъ* своего міровоззрѣнія окончательно оторвались отъ народа. „Когда послѣ крестовыхъ походовъ, высшаго развитія папской власти и злоупотребленій ею, послѣ ознакомленія съ мудростью древнихъ, люди богатыхъ классовъ, съ одной стороны, увидали разумную ясность ученія древнихъ мудрецовъ, съ другой стороны, увидали несоотвѣтствіе господствующаго ученія съ ученіемъ Христа, люди этихъ высшихъ классовъ потеряли возможность вѣрить, какъ прежде, въ католическое ученіе". Они оказались въ томъ же положеніи, въ которомъ находились римляне передъ появленіемъ христіанства,—добавляетъ Толстой,—и тогда-то стало вырастать искусство, расцѣниваемое уже не по тому, насколько оно выражаетъ чувства людей, а по тому,... насколько оно доставляетъ наслажденіе. [1]) Другими словами, такъ называемое искусство эпохи Возрожденія таитъ въ себѣ уже всѣ зачатки художественнаго декаданса.

Искусство всенародное, какимъ было греческое, еврейское, египетское искусство, какимъ и теперь еще является китайское, японское искусство,—начиная съ XIV в. перестало существовать въ Европѣ,—и „стало два искусства: искусство народное и искусство господское". [2]) Послѣдняго рода искусство создавалось уже не людьми изъ народа, которые, испытавъ сильное чувство, стремились передать его въ общепонятной художественной формѣ, а профессіональными художниками, трудъ которыхъ оплачивался богатыми людьми и которые, утративъ прежнее религіозное отношеніе къ своему дѣлу, начинали приспособляться къ требованіямъ опредѣленнаго узкаго круга лицъ, ищущихъ въ искусствѣ развлеченія или наслажденія. Послѣдствія этого положенія вещей отразились не только на содержаніи искусства, но въ такой же степени и на формѣ его. „Одно изъ главныхъ условій художественнаго творчества есть полная свобода художника отъ всякаго рода предвзятыхъ требованій", говоритъ Толстой. [3]) Между тѣмъ художникъ новаго времени уже не былъ свободенъ въ своемъ творчествѣ. Невольно фиксируя опредѣленный кругъ заказчиковъ, онъ терялъ прежнюю искренность, составляющую, по выраженію Толстого, „главное и драгоцѣннѣйшее свойство искусства", терялъ прежнюю художественную непосредственность. Тѣмъ самымъ утрачивалось его инстинктивное стремленіе къ общепо-

---

[1]) Ibid., стр. 67.
[2]) Ibid., стр. 78.
[3]) Ibid., стр. 145.

нятности,—и, одновременно, начиналось вторженіе въ область художественнаго творчества чуждыхъ его природѣ разсудочныхъ мотивовъ. Искусство становилось, съ одной стороны, „вычурнымъ и неяснымъ“, съ другой стороны—„выдуманнымъ, разсудочнымъ“. Разныя оды, поэмы, кантаты, пасторали и т. п., которыми восхищались въ свое время люди высшихъ классовъ, какъ не были въ свое время понятны болѣе широкимъ кругамъ народа, такъ остались непонятными и для насъ. „То же будетъ и съ нашимъ искусствомъ“, говоритъ Толстой. „Прежде писали произведенія поэтическія на латинскомъ языкѣ, но теперешнія произведенія искусства такъ же непонятны народу, какъ если бы они были писаны по-санскритски“. [1])

Съ едва сдерживаемымъ раздраженіемъ перелистываетъ Толстой сборники поэтовъ—любимцевъ нашего времени, стихотворенія которыхъ онъ отказывается понимать, въ которыхъ все кажется ему выдуманнымъ, неяснымъ или прямо безобразнымъ и фальшивымъ, какъ и во многихъ произведеніяхъ позднѣйшей музыки и живописи. Но выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ своего субъективнаго обозрѣнія такъ называемаго декадентскаго искусства, внезапно поражаетъ своимъ безпристрастіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ широтою. Онъ не присоединяется къ тѣмъ, которые, по его выраженію, „часто прямо причисляютъ произведенія этого искусства къ безвкусному безумію и хотятъ игнорировать его“, ибо, говоритъ онъ, если можно судить такъ объ этихъ произведеніяхъ, то вѣдь есть огромное количество людей, точно такъ же не понимающихъ произведенія, которыя мы считаемъ прекрасными: стихи Гёте, Шиллера, романы Диккенса, музыку Бетховена, картины Рафаэля. „Осуждать новое искусство за то, что я, человѣкъ воспитанія первой половины вѣка, не понимаю его,—я не имѣю права и не могу. Единственное преимущество того искусства, которое я признаю, передъ декадентами, состоитъ въ томъ, что это мною признаваемое искусство понятно нѣсколько бо́льшему числу людей, чѣмъ теперешнее“. Такимъ образомъ, произведенія декадентовъ являются въ его глазахъ лишь показателемъ того, что, оторвавшись отъ религіозной и народной почвы и лишившись—при новыхъ условіяхъ жизни—прежней непосредственности, искусство и по содержанію, и по формѣ шло все къ большей и большей исключительности, все болѣе и болѣе измѣняло своему основному принципу—общепонятности. [2])

Въ этомъ длительномъ процессѣ постепенно назрѣвающаго декаданса искусства Толстой подмѣчаетъ всѣ признаки, которые мы обыкновенно связываемъ съ понятіемъ декаданса. Искусство видимо рас-

---

[1]) Ibid., стр. 81—82, 84, 90, 118, 132—133

[2]) Ibid., стр. 111, 117.

цвѣтало, утончалось, блистало изысканностью и роскошью покрововъ техника его безъ конца совершенствовалась, обогащаясь все новыми пріемами и средствами,—а вѣдь Толстой, какъ мы увидимъ, безконечно далекъ отъ того, чтобы отрицать значеніе художественной техники. Но съ тѣхъ поръ, какъ искусство перестало быть религіознымъ дѣломъ, а художникъ утратилъ свою свободу,—сдѣлался профессіональнымъ работникомъ, зависимымъ отъ опредѣленнаго круга поддерживающихъ его лицъ, художественное творчество, въ общемъ, не могло уже устоять противъ стерегущихъ его соблазновъ. Въ неустанномъ стремленіи создавать произведенія искусства даже тогда, когда нѣтъ въ душѣ повелительныхъ внутреннихъ мотивовъ къ тому, художникъ мудрилъ, исхитрялся, помогалъ своей художественной изобрѣтательности посредствомъ разсудка, исходилъ въ своей работѣ не отъ интимныхъ чувствъ и настроеній, нарастающихъ до потребности вылиться въ опредѣленную форму, а отъ болѣе или менѣе интересной выдумки, отъ извнѣ навязывающейся ему, иногда вовсе не оригинальной и, главное, не захватывающей его по-настоящему темы.

При этомъ число профессіональныхъ художниковъ, во всѣхъ областяхъ искусства, съ каждымъ столѣтіемъ, а въ послѣднее время уже съ каждымъ десятилѣтіемъ, увеличивалось. Создавались и средства, способствующія, такъ сказать, массовому производству художниковъ: разные типы высшихъ художественныхъ школъ—академіи, консерваторіи, театральныя училища. Техника искусства стала доступна не только талантливымъ, но и безталаннымъ людямъ, которымъ зачастую кажется, что вмѣстѣ съ этою техникою они обрѣтаютъ и даръ творчества. Но какъ же можно обучить художественному творчеству, если сущность его состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ проявлялъ свое чувство и притомъ „своимъ особеннымъ, ему одному свойственнымъ способомъ“? Когда-то Брюловъ, въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ учениковъ, сдѣлалъ тонкое и остроумное замѣчаніе, что „искусство начинается тамъ, гдѣ начинается *чуть-чуть*“. Да,—чуть-чуть свѣтлѣе, чуть-чуть темнѣе, чуть-чуть выше, ниже, правѣе, лѣвѣе—въ живописи; чуть-чуть ослаблена или усилена интонація—въ драматическомъ искусствѣ, чуть-чуть недосказано, пересказано, преувеличено—въ поэзіи, и нѣтъ зараженія,—говоритъ Толстой.—„Зараженіе только тогда достигается и въ той мѣрѣ, въ какой художникъ находитъ тѣ безконечно малые моменты, изъ которыхъ складывается искусство“. Но обучить этому внѣшнимъ образомъ нѣтъ никакой возможности. Претендуя на обученіе искусству, школы, въ дѣйствительности, пріучаютъ людей къ тому, что похоже на искусство, и тѣмъ производятъ „лицемѣріе искусства“, подобно тому, какъ школы, обучающія пасторовъ и всякаго рода религіозныхъ учителей, производятъ лицемѣріе религіозное. Обладая извѣстнымъ талантомъ и научившись

въ школѣ техникѣ, художникъ „можетъ уже à froid, холоднымъ способомъ, безъ малѣйшаго чувства“ создавать произведенія, которыя принимаются за искусство, на самомъ же дѣлѣ являются лишь поддѣлкою подъ искусство. Среди сотни тысячъ такихъ произведеній есть одно,—говоритъ Толстой,—такое, которое не то что лучше другихъ, а „отличается отъ всѣхъ остальныхъ такъ же, какъ отличается бриллiантъ отъ стекла“. Но въ нашемъ обществѣ, съ его извращенными и атрофированными эстетическими чувствами, мало кто способенъ къ распознанію художественныхъ произведеній, тѣмъ болѣе, что „внѣшнее достоинство работы въ фальшивыхъ произведеніяхъ не только не хуже, но часто бываетъ лучше, чѣмъ въ настоящихъ; часто поддѣльное поражаетъ больше, чѣмъ настоящее, и содержаніе поддѣльнаго интереснѣе“. [1]

VI.

На помощь этому недостающему въ обществѣ умѣнію разбираться въ цѣнности художественныхъ произведеній идетъ литературная и художественная критика. Но въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, Толстой устанавливаетъ точку зрѣнія, послѣдовательно вытекающую изъ его основного взгляда на искусство, какъ дѣятельность ирраціональнаго порядка, и рѣшительно расходящуюся съ общепринятыми сужденіями. Вся существующая критика, въ цѣломъ, по его мнѣнію, только содѣйствовала упадку искусства, поддерживая въ немъ несвойственные ему, пагубные для него элементы разсудочности. Роль критиковъ,—которые къ тому же, въ большинствѣ случаевъ, являются людьми, „лишенными способности заражаться искусствомъ“,—людьми разсудочнаго склада,—состоитъ въ томъ, что они „словами“ толкуютъ произведенія искусства. А между тѣмъ такое толкованіе является не только безплоднымъ, но и вреднымъ: вѣдь „если произведеніе искусства хорошо, *какъ искусство*, то независимо отъ того, нравственно оно или безнравственно, — чувство, выражаемое художникомъ, передается другимъ“,—если же оно не заражаетъ людей, то никакія толкованія не сдѣлаютъ его заразительнымъ. „Если бы можно было словами растолковать то, что хотѣлъ сказать художникъ, онъ и сказалъ бы словами. А онъ сказалъ своимъ искусствомъ, потому что другимъ способомъ нельзя было передать того чувства, которое онъ испыталъ“. Въ результатѣ критики сочувственно выискиваютъ въ искусствѣ то, что обращено къ уму, а не къ непосредственному чувству, „восхваляютъ преимущественно разсудочныя, выдуманныя произведенія, и ихъ-то выста-

---

[1] Ibid., стр. 128—133, 138—143, 159—163.

вляютъ за образцы, достойные подражанія". А между тѣмъ „всякое ложное произведеніе, восхваленное критиками,—есть дверь, въ которую тотчасъ же врываются лицемѣры искусства",—люди, создающіе „поддѣльныя" художественныя произведенія. [1])

Эти разсужденія Толстого о роли и характерѣ существующей критики напрашиваются на оговорки или даже возраженія. Но такъ избито и дешево все то, что можно возразить ему тутъ, выгораживая отдѣльныя исключенія изъ огромной критической литературы, и такъ цѣнно, содержательно, плодоносно основное ядро его мысли. И правда, настоящая правда въ томъ, что развившаяся въ Европѣ за послѣднія столѣтія критика, поддерживаемая до новѣйшаго времени и эстетикою извѣстнаго направленія, подходила къ искусству, въ общемъ, съ несвойственными ему критеріями. Даже наиболѣе чуткіе къ искусству критики, какихъ бы взглядовъ они ни держались на тенденціозное искусство, постоянно стремились не только опредѣлить характеръ того или другого произведенія и обосновать его художественную цѣнность, но и *уловить идею* его, подразумѣвая подъ этимъ не общее міровоззрѣніе, которое, какъ говоритъ Толстой въ статьѣ о Шекспирѣ, *„безсознательно* для автора проникаетъ все его произведеніе", а нѣкую опредѣленную, законченную „основную мысль", для изъявленія которой будто бы создана данная вещь,—т.-е., въ концѣ-концовъ, ту же, хотя бы и тщательно прикрытую, тенденцію. Больше всего это относится, конечно, къ литературной критикѣ, ибо и литература, со своей стороны, давала достаточно основаній для такого подхода къ ней, слишкомъ часто совлекаясь съ чисто художественнаго пути на путь прикрытыхъ образностью умствованій или откровенно разсудочныхъ поясненій. Самъ Толстой грѣшилъ иногда въ послѣднемъ смыслѣ даже въ величайшихъ своихъ твореніяхъ. Но душа художника давно уже пыталась протестовать противъ такого, узаконеннаго многими, смѣшенія художественной и разсудочной дѣятельности, давно содрогалась отъ вторженія въ литературу всякихъ чисто раціоналистическихъ мотивовъ. Нельзя не отмѣтить, что совершенно тѣ же мысли о критикѣ Толстой высказывалъ уже въ 1876 г., по поводу „Анны Карениной",—въ томъ письмѣ къ Страхову, часть котораго—о потребности художника дать въ своемъ произведеніи выраженіе себя—уже была приведена мною. „Если бы я хотѣлъ сказать словами все то, что я имѣлъ въ виду выразить романомъ, то я долженъ былъ бы написать романъ, тотъ самый, который я написалъ, сначала. И если критики теперь уже понимаютъ и въ фельетонѣ могутъ выразить то, что я хочу сказать, то я ихъ поздравляю и смѣло могу увѣрить, qu 'ils en savent plus long

---

[1]) Ibid., стр. 133—137.

que moi", говоритъ Толстой. А затѣмъ прибавляетъ, что теперь, когда критика уже по количеству печатныхъ произведеній этого рода играетъ такую большую роль въ современной жизни, нужны понимающіе искусство люди, „которые бы показывали безсмыслицу отыскиванія отдѣльныхъ мыслей въ художественномъ произведеніи и постоянно руководили бы читателей въ томъ безконечномъ лабиринтѣ сцѣпленій, въ которомъ и состоитъ сущность искусства, и *по тѣмъ законамъ, которые служатъ основаніемъ этихъ сцѣпленій*". [1]) Другими словами, отвергая обычную критику, самъ Толстой признаетъ возможность и необходимость иной, воистину художественной или эстетической критики.

Но такая критика, особенно по отношенію къ литературѣ, до послѣдняго времени почти не существовала. А то, что существовало, если и касалось чисто художественной стороны разбираемаго произведенія, то лишь вскользь, въ видѣ отрывочныхъ, не объединенныхъ тѣмъ или другимъ эстетическимъ взглядомъ, субъективныхъ замѣчаній,—чтобы вслѣдъ за тѣмъ свободнѣе предаться разсужденіямъ объ идейномъ или же, такъ сказать, матеріальномъ, жизненномъ содержаніи данной вещи—въ категоріяхъ, не имѣющихъ никакого непосредственнаго отношенія къ существу искусства. И этотъ способъ отношенія къ искусству глубоко привился людямъ такъ называемаго культурнаго общества. „У людей этихъ атрофировано чувство, воспринимающее искусство, и въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній они должны руководиться разсужденіемъ и изученіемъ, а это разсужденіе и изученіе окончательно путаютъ ихъ", говоритъ Толстой. Но и подходя къ искусству безъ всякаго изученія, они уже не умѣютъ просто, по-человѣчески, всмотрѣться, прислушаться, раскрыть душу для льющихся въ нее впечатлѣній и чувствованій: съ перваго мгновенія они разсуждаютъ, критикуютъ,—и неумолчная трескотня ихъ разсудка мѣшаетъ имъ слышать голосъ художника, даже тогда, когда онъ могъ бы дойти до нихъ.

Чтобы перекричать ихъ разсудокъ, художникъ долженъ ошеломить ихъ захватывающимъ эффектомъ, чтобы овладѣть ими—онъ долженъ подольститься къ ихъ нервамъ, къ ихъ тайнымъ вожделѣніямъ. Не многимъ дано устоять противъ соблазна,—и чѣмъ шире разливается потокъ искусства, тѣмъ больше сказываются въ немъ черты декаданса въ широкомъ смыслѣ этого слова: внѣшняя чувственная яркость и пышность, утонченность, перемѣшанная съ грубостью, острая разсудочность и расчетливость, искусно прикрывающая отсутствіе цѣльныхъ и живыхъ человѣческихъ чувствъ.

---

[1]) „Письма", изд. Сергѣенко, т. I, стр. 118—119.

VII.

Декадансъ искусства есть послѣдствіе того постепеннаго внутренняго распада, который совершается въ цѣльной, непосредственной душѣ художника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самомъ творческомъ процессѣ. Толстой не даетъ этой формулировки, но всѣ его мысли на тему объ упадкѣ искусства—о причинахъ и слѣдствіяхъ этого упадка—могутъ быть, безъ малѣйшей натяжки, формулированы именно такимъ образомъ. Творческій процессъ перестаетъ быть непосредственнымъ, инстинктивнымъ, къ нему примѣшиваются мотивы, несвойственные его природѣ, и, главное, онъ отрывается отъ тѣхъ, глубоко скрытыхъ отъ сознанія корней человѣческаго духа, которые питали его неразложимыми, таинственными чувствованіями и постиженіями высшаго порядка. Тамъ, въ этихъ таинственныхъ глубинахъ, еще до того, какъ заиграетъ красками, звуками, образами фантазія художника,—неясною мечтою, смутною тревогою, неуловимымъ движеніемъ яснѣе и яснѣе опредѣляющихся ритмовъ начинается процессъ истиннаго творчества. Но когда искусство перестало быть для художника дѣломъ интимнымъ и праздничнымъ, а техника, достигшая большого совершенства, стала передаваться и перениматься, какъ нѣчто внѣшнее, требующее только извѣстныхъ специфическихъ способностей, но не разгоряченной духовной работы, процессъ, которымъ создается огромное большинство художественныхъ произведеній, совершенно измѣнился. Стало возможнымъ изготовлять художественныя вещи „à froid, холоднымъ способомъ“. И нѣкоторые пріемы этого изготовленія зачастую принимаются, какъ нѣчто художественно-закономѣрное, даже современными литературными эстетами,—хотя труды передовыхъ европейскихъ ученыхъ, разрабатывающихъ вопросы психологической эстетики, накопили уже великолѣпные доказательства эстетической негодности этихъ пріемовъ—тѣхъ самыхъ, противъ которыхъ съ такою силою возсталъ Толстой.

Глава его книги объ искусствѣ, посвященная этимъ ложно-художественнымъ пріемамъ, къ сожалѣнію, не разработана достаточно полно. Написанная имъ, какъ, впрочемъ, и вся книга, съ особою монументальною простотою, она не развертываетъ до конца всего своего огромнаго, во многихъ отношеніяхъ поражающаго и донынѣ *новаго* содержанія. Это какія-то необтесанныя, неподогнанныя другъ къ другу глыбы мысли, заключающія въ себѣ руду драгоцѣннѣйшихъ и, быть можетъ, лишь теперь, въ атмосферѣ современныхъ художественныхъ стремленій, достаточно понятныхъ намековъ. Только этимъ и можно объяснить, что молодая литература того времени, когда появилась эта геніальная книга, прошла ее молчаніемъ—словно не замѣтила, что въ этой книгѣ заключается самое смѣлое, самое передовое, самое существенное изъ всего, о чемъ тогда—

въ первый періодъ „борьбы съ бытомъ"—она сама начинала мечтать, о чемъ и теперь, уже смущаясь, путаясь, кое въ чемъ возвращаясь вспять, она продолжаетъ думать и—пока она стремится впередъ—не можетъ не думать.

Перечисляя ложно-художественные пріемы создателей искусства, Толстой именуетъ и классифицируетъ ихъ такимъ образомъ, что не сразу постигаешь истинный смыслъ этихъ наименованій и внутренній принципъ его классификаціи. Пріемы эти, говоритъ онъ, слѣдующіе: 1) заимствованіе, 2) подражательность, 3) поразительность и 4) занимательность. Но по мѣрѣ того, какъ мысль его развертывается, начинаешь уже видѣть, что прежде всего указанные имъ пріемы, дѣйствительно, относятся къ „упадочному" искусству, проявляются, въ исторіи народовъ, именно въ эпохи декаданса.

Подъ *заимствованіемъ* Толстой подразумѣваетъ просто то, что естественно связывается съ этимъ словомъ, т.-е., если можно такъ выразиться, *неоригинальность творчества*; это выраженіе уже вскрываетъ внутреннюю противорѣчивость самого явленія. Отмѣтимъ, что Толстой, въ отрицаніи какихъ бы то ни было заимствованій, идетъ здѣсь очень далеко. Онъ борется не только съ шаблонностью сюжетовъ, мотивовъ, со всѣмъ этимъ арсеналомъ ходячей романтики, со всѣми этими безсчетными, готовыми, застывшими образами, про которые можно сказать, что они—чѣмъ старѣ, тѣмъ милѣй, и которыми художники, больше всего поэты, зачастую прикрываютъ бѣдность собственнаго содержанія. Онъ высказывается противъ всякаго заимствованія сюжета, ибо „всякое заимствованіе есть только наведеніе читателей, зрителей, слушателей на нѣкоторое смутное воспоминаніе о тѣхъ художественныхъ впечатлѣніяхъ, которыя они получили отъ прежнихъ произведеній искусства, а не зараженіе тѣмъ чувствомъ, которое испыталъ самъ художникъ". [1]) Можно было бы сказать въ отвѣтъ на это, что величайшіе художники міра работали надъ одними и тѣми же сюжетами, заимствовали ихъ изъ народныхъ сказаній—не исключая самого Толстого въ его чудесныхъ сказкахъ и легендахъ; что важенъ не сюжетъ, а отношеніе художника къ сюжету, та внутренняя стихія, которая выливается въ форму этого сюжета, что иногда, „сюжетъ" встрѣтившійся въ книгѣ или въ жизни, является только толчкомъ, кристализующимъ чувствованія художника. Но Толстой отвѣтилъ бы, вѣроятно, что онъ знаетъ все это, и—вопреки всему этому есть опредѣленная, острая правда въ его словахъ, опредѣленное предостереженіе, опредѣленный призывъ. Когда современный поэтъ, самъ изнемогающій подъ бременемъ древнихъ миѳовъ и старинныхъ образовъ, призываетъ насъ къ *миѳотворчеству*, онъ вѣдь тоже

[1]) Ibid., стр. 119, 120, 124.

хочетъ сказать: творите новое, творите изъ себя,—какъ творили нѣкогда великіе безымянные поэты изъ толпы народной, истинные вѣщіе поэты, безсознательно раскрывавшіе въ самыхъ своихъ „сюжетахъ“ цѣлые міры сверхчувственныхъ постиженій. Толстой это и говорилъ—это самое, но раньше другихъ: творите изъ себя, творите новое, ибо цѣлые міры чувствованій и постиженій таятся въ насъ, неоформленные ни въ какихъ сюжетахъ, не раскрытые въ образахъ. Путь развитія безконеченъ, духъ нашъ растетъ, и чувства рождаются въ насъ новыя, по мѣрѣ того, какъ растетъ духъ. Благо тому, кто раскроетъ въ искусствѣ истинно-новое и найдетъ для него свою, новую, органически вылившуюся изъ содержанія форму. За нимъ пойдетъ жизнь. А заимствованія, особенно изъ готовыхъ художественныхъ произведеній, окруженныхъ поэтическимъ ореоломъ старины, есть путь опасный, ведущій мало-по-малу къ измельчанію творчества.

Второй художественный пріемъ, подкупающій читателя или зрителя, но клонящійся въ концѣ-концовъ къ антихудожественности, это *подражательность*,—другими словами, *реализмъ*. Не замѣчательно ли, что Толстой, самъ величайшій реалистъ въ своемъ творчествѣ, здѣсь предостерегаетъ противъ увлеченія реализмомъ, противъ возведенія реализма въ художественный принципъ, и устанавливаетъ тождество этихъ понятій: реализмъ и подражательность?

Сущность реализма состоитъ въ томъ, говоритъ Толстой, „чтобы передавать подробности, сопутствующія тому, что описывается или изображается. Въ словесномъ искусствѣ описывается до малѣйшихъ подробностей внѣшній видъ, лица, одежды, жесты, звуки, помѣщенія дѣйствующихъ лицъ „со всѣми случайностями, которыя встрѣчаются въ жизни“. И рѣчи самыя передаются „такъ, какъ онѣ бываютъ нескладны въ жизни, съ перерывами и недомолвками“. Въ драматическомъ искусствѣ пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы „кромѣ подражательности рѣчи, вся обстановка, всѣ дѣйствія лицъ были точно такія же, какъ въ настоящей жизни“. То же самое въ живописи и ваяніи, гдѣ пріемъ этотъ приближаетъ художника къ фотографіи. Все это послѣдовательно вытекаетъ изъ установленнаго Толстымъ взгляда на сущность искусства, ибо „если главное свойство искусства есть зараженіе другихъ тѣмъ чувствомъ, которое испытываетъ художникъ, то зараженіе чувствомъ не только не совпадаетъ съ описаніемъ подробностей передаваемаго, но большей частью нарушается излишкомъ подробностей. Вниманіе воспринимающаго художественныя впечатлѣнія развлекается всѣми этими подробностями“. Можно допустить, что Толстой имѣетъ здѣсь въ виду не реализмъ, а натурализмъ, какъ крайность реализма. Но нѣтъ. То, что онъ говоритъ, глубже и отвѣтственнѣе. Онъ отрицаетъ не просто „излишество подробностей“, но *реалистическій принципъ* въ искусствѣ, воз-

веденіе реализма, т.-е. сходства съ дѣйствительностью, въ критерій правдивости искусства. Мы знаемъ, что вопросъ о *правдивости* художественнаго произведенія всегда является для него основнымъ, что „выдуманное“ искусство внушаетъ ему величайшее отвращеніе. „Въ искусствѣ ложь уничтожаетъ всю связь между явленіями, порошкомъ все разсыпается“, пишетъ онъ, еще въ 1875 г., Страхову. [1]) Но требуя отъ художника прежде всего правдивости, онъ въ книгѣ объ искусствѣ прямо говоритъ, что реализмъ не можетъ быть, „какъ это думаютъ многіе, мѣриломъ достоинства искусства“. [2]) Реализмъ, даже не вдающійся въ крайности, реализмъ, какъ принципъ, всегда заботится о томъ, чтобы произведеніе искусства отражало дѣйствительность, было похоже на дѣйствительность, созерцаемую нами, обычно, при свѣтѣ разсудка. Послѣдовательный, убѣжденный реализмъ всегда тяготѣетъ, въ большей или меньшей степени, къ „подражанію природѣ“. Даже музыка, поскольку и ее коснулись реалистическія вѣянія, даже музыка, „какъ ни казалось бы странно это,—говоритъ Толстой,—старается подражать не только ритмомъ, но и самыми звуками, тѣмъ звукамъ, которые въ жизни сопутствуютъ тому, что она хочетъ изображать“. [3]) Но правда искусства вовсе не въ сходствѣ съ дѣйствительностью. Правда, правдивость искусства—въ невыдуманности, въ органической цѣльности тѣхъ чувствъ, настроеній, которыя передаются образами искусства.

Этой *внутренней* правдѣ, этимъ невидимымъ реальностямъ, должно быть вѣрно искусство. И если ей сумѣлъ остаться вѣрнымъ художникъ—правдива будетъ и самая фантастическая сказка. А если нѣтъ этой правды—ложью и вздоромъ будетъ самая тщательная копировка дѣйствительности,—и только люди, привыкшіе жить внѣшнею жизнью и любить привычную видимость явленій, обманутся ею. Сказка, небылица, фантасмагорія—и разсказъ, въ которомъ всѣ характерныя черты вырваны художникомъ изъ живой дѣйствительности, поскольку они передаютъ движеніе внутреннихъ реальностей, могутъ быть равноцѣнны въ своей художественной правдивости, ибо искусство есть лишь особый способъ выраженія внутренней правды.

Но не эта ли самая истина все время волнуетъ и манитъ всѣхъ живыхъ поэтовъ и художниковъ современности? Не ее ли сдѣлали они своимъ лозунгомъ подъ именемъ *символизма?* Бѣдные фантазіей и бѣдные непосредственностью, раздробленные въ своихъ чувствахъ и вѣчно стремящіеся возмѣстить недостатокъ этой органической цѣльности—организующими началами иного, разсудочнаго порядка, они больше говорили

---

1) „Письма“, изд. Сергѣенко, т. II, стр. 45.
2) „Что такое искусство?“, стр. 124.
3) Ibid., 121.

о символическомъ искусствѣ, чѣмъ создавали его. Они придумали слово, которое Толстой, съ его отвращеніемъ ко всякимъ разсудочнымъ, „не русскимъ“ терминамъ, конечно, отвергъ бы, какъ если бы оно вовсе не выражало его мысль, которое, и въ самомъ дѣлѣ, стало для него обозначеніемъ чего-то декадентски-неяснаго и претенціознаго. Но вся основная суть новыхъ, еще не вышедшихъ изъ головного тумана и далеко еще не воплотившихся стремленій современнаго искусства—именно въ томъ, что сказано у Толстого, что выведено имъ изъ опредѣленія искусства, какъ выразителя внутренней, внѣ-разсудочной жизни и дѣятельности человѣка.

VIII.

Грѣхъ противъ законовъ настоящаго художественнаго творчества, именуемый у Толстого *заимствованіемъ*, и другой такой же грѣхъ, именуемый у него *подражательностью* или реализмомъ, какъ я уже отмѣтила, одинаково характерны для упадочнаго искусства. И тотъ и другой восполняютъ недостатокъ глубиннаго творчества: одинъ—подысканіемъ извнѣ связующаго мотива для чувствъ художника, другой—примѣненіемъ взятыхъ у жизни, готовыхъ формъ, зачастую не соотвѣтствующихъ цѣлямъ искусства. Но этимъ не исчерпываются грѣхи упадочнаго искусства. Добиваясь власти надъ людьми, оно прибѣгаетъ къ пріемамъ, которые Толстой, съ его любовью къ особенно простымъ словамъ, называетъ „поразительностью“ и „занимательностью“.

Поразительность, или *эфектность*, тоже „не совпадаетъ съ понятіемъ настоящаго искусства“, говоритъ Толстой. Въ поразительности—эфектѣ контраста, неожиданности или ужасности—„нѣтъ передаваемаго чувства, а есть только воздѣйствіе на нервы“, „воздѣйствіе на внѣшнія чувства, часто совершенно физическое“. Искусство, конечно, всегда воздѣйствуетъ на насъ черезъ посредство внѣшнихъ чувствъ или, въ поэзіи, черезъ посредство воображенія, связаннаго съ тѣми же органами внѣшнихъ чувствъ. Точно также контрасты всегда, въ искусствѣ какъ и въ жизни, играютъ извѣстную роль въ нашихъ воспріятіяхъ, повышая нашу воспріимчивость. Но истинное искусство,—какъ это превосходно показываетъ, путемъ анализа душевныхъ процессовъ, и научная эстетика,—должно быть благородно-сдержанно въ обращеніи съ нервами, съ физіологической стороною душевнаго аппарата. Истинное искусство говоритъ—черезъ нервы—къ духу человѣка, которому должна быть предоставлена возможность безмолвнаго созерцанія. Въ тишинѣ и свободѣ отъ всякихъ страстныхъ волевыхъ порываній, въ забвеніи всѣхъ личныхъ интересовъ останавливается онъ передъ произведеніемъ настоящаго искусства—и лишь при такихъ

условіяхъ до глубины воспринимаетъ его сверхличную правду. И это—одна изъ причинъ, по которымъ произведеніе искусства не должно полностью уподобляться дѣйствительности, всегда затрогивающей въ человѣкѣ, вмѣстѣ съ ея эстетическими наклонностями, множество иныхъ струнъ. Художникъ долженъ быть остороженъ съ нервами, со всякаго рода физіологіей человѣка. Крикъ потрясенныхъ неожиданностью или раздирательностью нервовъ заглушаетъ для души настоящій голосъ искусства. Пусть они трепещутъ, захвативъ волненіе отъ переполнившейся чувствами души, отъ потрясеннаго духа,—но не ранѣе, чѣмъ взволновался духъ. А искусство, которое бьетъ по нервамъ, вызываетъ ихъ сладострастное напряженіе, не есть настоящее искусство. Объ этомъ-то и говоритъ Толстой. Эфекты кричащихъ красочныхъ и звуковыхъ контрастовъ, нарастаній, ударовъ въ живописи и музыкѣ, будоражатъ чувственную сферу человѣка и тѣмъ самымъ скрываютъ, а не раскрываютъ внутреннее содержаніе искусства, если даже оно и было вложено въ него художникомъ. Къ тому же самому приводитъ злоупотребленіе реалистическими эфектами. „Есть еще эфекты,—говоритъ Толстой,—состоящіе въ описаніи или изображеніи того, что никогда не описывалось или не изображалось, преимущественно въ описаніи или изображеніи подробностей, вызывающихъ половую похоть, или подробностей страданій и смерти, вызывающихъ чувство ужаса—такъ, напримѣръ, чтобы при описаніи убійства было протокольное описаніе разрывовъ тканей, опухолей, запаха, количества и вида крови“. Даже тѣ изображенія, которыя—при своемъ чрезмѣрномъ реализмѣ—бьютъ на сострадательность человѣка и вызываютъ въ немъ не тѣ чувства, которыя составляютъ предметъ художественнаго воплощенія и которыя зритель или читатель со-переживаетъ съ героями художника, а рѣжущую жалость безсильнаго помочь свидѣтеля,—даже такія изображенія рѣшительно осуждаются Толстымъ, ибо и въ этомъ случаѣ онъ судитъ о вопросахъ искусства отнюдь не какъ моралистъ, но какъ художникъ и эстетикъ. „...Дѣвочка корчится, пищитъ, стонетъ, падаетъ...—пишетъ Толстой, иллюстрируя свою мысль примѣромъ изъ современной драмы,—и публика, испытывая при этомъ нѣкоторое волненіе, вполнѣ увѣрена, что это-то и есть эстетическое чувство. Но въ волненіи этомъ нѣтъ ничего эстетическаго“... [1])

Четвертый пріемъ, къ которому прибѣгаютъ художники, чтобы скрыть эстетическое несовершенство своихъ произведеній, но который, по мысли Толстого, еще болѣе другихъ чуждъ настоящему искусству, это *занимательность* его, то-есть „умственный интересъ, присоединяемый къ интересамъ искусства“. Занимательность, говоритъ онъ, можетъ заклю-

[1]) Ibid., стр. 125, 121, 122, 126.

чаться, напримѣръ, въ запутанной завязкѣ, какая еще очень недавно была въ модѣ для романовъ, комедій и драмъ. [1]) Но и помимо запутанной завязки,—всякій интересъ къ фабулѣ беллетристическаго произведенія, — та особая напряженность любопытства, напряженность угадыванія дальнѣйшихъ событій, которую прежніе авторы старались возбудить въ читателѣ и которую громаднѣйшее большинство читателей и теперь признаетъ чуть ли не важнѣйшимъ элементомъ эстетическаго удовольствія, есть та же „занимательность", тотъ же посторонній цѣлямъ и свойствамъ искусства чисто умственный интересъ, мѣшающій свободѣ и глубинѣ художественнаго воспріятія. Пріемъ этотъ въ послѣднее время „сталъ выходить изъ моды", какъ говоритъ Толстой, замѣняясь другими видами занимательности, но посмотрите—молодое поколѣніе беллетристовъ начинаетъ уже тосковать о немъ и, въ своихъ, столь распространенныхъ теперь подражаніяхъ старинным разсказамъ вновь возвращается къ нему, какъ къ чему-то, составляющему неотъемлемое свойство литературы, повѣствованія. Они смѣшиваютъ при этомъ двѣ вещи, сходныя по чисто-внѣшнему, видимому результату, но совершенно различныя по внутреннему своему характеру: *занимательность* и *увлекательность*. Увлекателенъ потокъ чувствъ и страстей, увлекательно внутреннее движеніе въ романѣ—живая динамика его, приданная ему темпераментомъ автора. Но ослабѣла въ художникахъ цѣльность и стремительность чувствъ, темперамента—и наиболѣе художественныя, свободныя отъ искусственной „занимательности" произведенія перестали быть увлекательными. По ней-то, по этой внутренней увлекательности тоскуетъ современная литература, но, не находя въ себѣ цѣльности и темперамента чувствъ, создающихъ эту увлекательность, вновь зоветъ на помощь занимательность, въ прежней, наиболѣе любезной обывателю, временно упраздненной формѣ ея,—въ формѣ „интересной" фабулы.

Однако занимательность проявляется и въ другихъ формахъ, говоритъ Толстой. Она „можетъ заключаться также въ самыхъ пріемахъ выраженія. И этого рода занимательность стала теперь очень употребительна. Какъ стихи и прозу, такъ и картины, и драмы, и музыкальныя пьесы пишутъ такъ, что ихъ надо угадывать, какъ ребусы, и этотъ процессъ угадыванія тоже доставляетъ удовольствіе и даетъ подобіе впечатлѣнія, получаемаго отъ искусства". [2]) Аллегорія, которая всегда знаменуетъ вторженіе въ художественную дѣятельность элементовъ разсудка и даже рѣшительное возобладаніе его надъ иными организующими началами творчества, давно уже нашла себѣ мѣсто въ раз-

---

[1]) Ibid., стр. 123, 127, 156

[2]) Ibid., стр. 123.

ныхъ областяхъ искусства. И давно уже было ясно, что аллегорія, какъ таковая, представляетъ собою явленіе антихудожественное. Но какъ часто новаторы современнаго искусства, проповѣдники символизма, будучи въ то же время и декадентами, съ характернымъ для декадентства распадомъ душевной жизни и ярко выраженной разсудочностью—сами сбивались на путь сложныхъ запутанныхъ аллегорій и „ребусовъ“! Правда, толпа непосвященныхъ и не умѣющихъ осилить разумомъ предлагаемыя ей загадки обыкновенно раздражалась и бранилась, но въ гнѣвѣ ея не было ничего принципіальнаго, ибо въ большинствѣ случаевъ раздражались тѣ самые, которые такъ любили „занимательность“ въ другихъ ея формахъ. А сами художники, не только на практикѣ, но и въ теоріи, въ этомъ пунктѣ оказывались слѣпыми и глухими къ требованіямъ живой, невыдуманной этетики и интересовъ настоящаго искусства.

„Занимательность“ въ только что указанной формѣ,—какъ это указываетъ и научная эстетика, есть отклоненіе искусства со свойственныхъ ему ирраціональныхъ путей творчества и воспріятія и вмѣстѣ съ тѣмъ—грѣхъ противъ эстетическаго закона, который Толстой наименовалъ общепонятностью. Но есть еще одна форма занимательности, столь же рѣшительно и по тѣмъ же причинамъ отвергаемая Толстымъ. Это стремленіе къ „документальности“ въ изображеніи какого-либо историческаго періода или отдѣльной отрасли современной жизни. Разнаго рода произведенія искусства, въ интересахъ занимательности, „обставляются до подробности изученными аксесуарами времени и мѣста“; все бываетъ сдѣлано такъ, „какъ по всѣмъ даннымъ археологіи должно было быть въ древности“,—зритель или читатель „заинтересованъ и этотъ интересъ принимаетъ за художественное впечатлѣніе“. А между тѣмъ умственное усиліе, которое нужно дѣлать воспринимающему—въ данномъ случаѣ „для усвоенія новыхъ пріобрѣтаемыхъ въ произведеніи свѣдѣній“, поглощая вниманіе читателя, зрителя, слушателя, мѣшаетъ „зараженію“, [1])—другими словами, лишаетъ художественное воспріятіе того вида свободы, который именуется въ научной эстетикѣ „свободою отъ познавательныхъ цѣлей“ (Erkenntnislosigkeit). Этотъ законъ эстетики, противъ котораго тоже постоянно погрѣшаетъ современное искусство и пока—чѣмъ дальше, тѣмъ больше, вытекаетъ опять-таки изъ ирраціональнаго характера искусства, изъ того опредѣленія его, которое Толстой кладетъ въ основу своихъ эстетическихъ воззрѣній и которое предначертываетъ и норму общепонятности. Искусство должно быть такимъ, чтобы къ нему можно было подходить безъ всякихъ предварительныхъ знаній. Искусство должно обращаться къ непосредствен-

[1]) Ibid., стр. 123, 190, 156, 127.

ному чувству, а не къ просвѣщенному или жаждущему просвѣщенія уму. Отягощая художественное произведеніе всякаго рода научной или спеціальной жизненной эмпирикой, мы сокращаемъ объемъ его доступности и ведемъ его въ сторону „исключительности“. Въ этомъ смыслѣ одинаково прегрѣшаютъ противъ эстетики какъ современныя археологическія тенденціи въ предѣлахъ художественнаго творчества, такъ и ранѣе ихъ процвѣтавшія и вновь возрождающіяся нарочито-этнографическія задачи въ искусствѣ и, наконецъ, весь натурализмъ или просто реализмъ, въ вышеуказанномъ смыслѣ.

Поистинѣ удивительна въ этомъ пунктѣ смѣлость мысли Толстого, ибо нужно вспомнить его собственную любовь къ точному изученію всѣхъ документовъ изображаемой имъ исторической эпохи и точному изученію изображаемой имъ среды. Тутъ нѣтъ, правда, внутренняго противорѣчія, ибо одно дѣло — предварительное изученіе, другое—характеръ самого творчества. И самъ Толстой бралъ для своихъ художественныхъ произведеній лишь ничтожную крупицу изъ всѣхъ изученныхъ имъ документовъ, лишь наиболѣе характерное. Но ясно, что въ послѣдній періодъ своей жизни онъ уже принципіально не удовлетворяется не только своими собственными произведеніями, но и всѣми, наиболѣе любимыми своими авторами. Онъ такъ и говоритъ, что при „теперешнемъ взглядѣ“ его на искусство онъ уже иначе оцѣниваетъ достоинство искусства. Сервантесъ, Диккенсъ, Мольеръ, Гоголь — всѣ они уже не удовлетворяютъ его болѣе, несмотря на его нѣжность къ нимъ, — не удовлетворяютъ, какъ „по исключительности содержанія“, такъ и по чрезмѣрному обилію подробностей времени и мѣста. Въ томъ, что онъ говоритъ въ главѣ, посвященной переоцѣнкѣ разныхъ художественныхъ произведеній и — характерно! — наиболѣе взволнованной изъ всей его книги, объ „исключительности“ по содержанію—Сервантеса, Мольера, Гоголя,—Толстой, думается, просто не правъ. Но глубокая и почти жуткая для насъ правда звучитъ въ его сравненіи современнаго искусства съ „образцами всемірнаго древняго искусства“. Тамъ, во многихъ разсказахъ Библіи, напримѣръ, „все это чувства, доступныя и русскому мужику, и китайцу, и африканцу, и ребенку, и старому, и образованному, и необразованному; и все это написано такъ воздержно, безъ излишнихъ подробностей, что разсказъ можно перенести въ какую хотите сферу, и онъ для всѣхъ будетъ такъ же понятенъ и трогателенъ“. „Но отнимите у лучшихъ романовъ нашего времени подробности, и что же останется?“ [1])

Черезъ вопросъ о „занимательныхъ“ подробностяхъ, какъ и черезъ вопросъ о „поразительныхъ“, бьющихъ по нервамъ, подробностяхъ,

[1]) Ibid., стр. 186—191.

Толстой вновь подходитъ къ реализму въ искусствѣ, чтобы вновь осудить его. Все, что мы называемъ *бытовымъ* искусствомъ, все, что имѣетъ цѣлью запечатлѣніе внѣшнихъ жизненныхъ „реальностей", воспринимаемыхъ нами въ свѣтѣ разсудка, всѣ интересныя и поучительныя изображенія дѣйствительности, удовлетворяющія нашу любознательность или дающія матеріалъ для нашихъ сужденій публицистическаго, научнаго, вообще—логическаго порядка, не имѣютъ никакой цѣны съ художественной точки зрѣнія. Только сверхбытовые элементы истинно цѣнны въ искусствѣ. Мы не можемъ не пользоваться для него элементами дѣйствительности, ибо искусство всегда конкретно; сама фантазія лишь комбинируетъ элементы дѣйствительности и „выдумать" ихъ нельзя, ихъ можно только впитать въ себя, *вырвать изъ жизни* работою нашихъ внѣшнихъ чувствъ и нашего сознанія. Но задача искусства не въ томъ, чтобы *изображать* жизнь въ цѣляхъ познанія и пониманія ея, а въ томъ, чтобы *выражать* нашъ внутренній міръ со всѣми рождающимися въ немъ правдами высшаго порядка. Это двѣ различныя и прямо противоположныя тенденціи въ искусствѣ, и одна изъ нихъ, „реалистическая", безпощадно отвергается Толстымъ. Поскольку всеобщее, всечеловѣческое въ искусствѣ сдавливается изображеніемъ той или другой, опредѣленной по времени и мѣсту дѣйствительности, постольку искусство, какъ искусство, перестаетъ быть вѣчнымъ и всемірнымъ. Отсюда это поразительное по мѣткости и глубинѣ слово его, что *реализмъ вѣрнѣе было бы назвать провинціализмомъ въ искусствѣ.* [1])

IX.

Слишкомъ важенъ этотъ вопросъ объ отношеніи Толстого къ реализму въ искусствѣ и слишкомъ связанъ съ насущными эстетическими запросами современности, чтобы отойти отъ него, не исчерпавъ его здѣсь на основаніи всѣхъ имѣющихся у насъ матеріаловъ.

Повидимому, давно уже—задолго до того, какъ Толстой сталъ систематически уяснять себѣ вопросы эстетики, носились передъ нимъ опредѣленныя мысли о задачахъ и видахъ художественнаго творчества. Еще въ февралѣ 1859 г., въ качествѣ новоизбраннаго члена московскаго Общества Любителей Россійской Словесности, онъ произнесъ на засѣданіи этого общества вступительную рѣчь, въ которой, какъ сказано въ протоколѣ общества и какъ можно судить и по сохранившемуся тексту отвѣтной рѣчи А. С. Хомякова, онъ коснулся вопроса „о преимуществѣ художественнаго элемента въ литературѣ надъ всѣми ея временными

[1]) Ibid., стр. 188.

направленіями“ [1]). Но еще гораздо значительнѣе, цѣннѣе для насъ все то, что мы находимъ въ статьяхъ его о ясно-полянской школѣ, отъ конца 1861 г., особенно же въ статьѣ „Кому у кого учиться писать?“ Уже въ этотъ періодъ сложилась и навсегда окрѣпла въ немъ мысль о доступности всякаго истиннаго искусства для всего живого, не изуродованнаго человѣчества, безъ различія въ степени умственнаго развитія [2]). Въ крестьянскихъ дѣтяхъ, къ душѣ которыхъ онъ умѣлъ подходить какъ никто другой, нашелъ онъ исключительное чутье къ поэзіи. Въ нихъ же подсмотрѣлъ онъ и первое зарожденіе художественно-творческихъ процессовъ, которымъ не дано было развернуться. Онъ такъ и говоритъ на этихъ страницахъ, до глубины взволнованныхъ и заражающихъ своимъ волненіемъ: „...мнѣ казалось, что я подсмотрѣлъ то, что никто никогда не имѣетъ право видѣть—зарожденіе таинственнаго цвѣтка поэзіи. Мнѣ и страшно и радостно было, какъ искателю клада, который увидалъ бы цвѣтъ папоротника“. Радостно и страшно ему было потому, что съ этого дня—казалось ему—для этихъ мальчиковъ, въ которыхъ онъ разбудилъ дремавшія силы, „раскрылся цѣлый міръ наслажденій и страданій—міръ искусства“.

Здѣсь, въ этой статьѣ, описывая процессъ совмѣстной съ дѣтьми творческой работы надъ разсказомъ, впервые намѣчаетъ онъ какъ бы два рода творчества: одинъ — тяготѣющій къ наиболѣе общему, поэтическому, *внутренно*-реальному содержанію искусства, другой—склоняющійся къ внѣшнему реализму. Съ самаго начала въ общей совмѣстной работѣ надъ разсказомъ выдѣлились два мальчика: „*положительный* Семка — рѣзкою художественностью *описанія*, Ѳедька — вѣрностью *поэтическихъ* представленій“... Оба они, „очевидно, въ первый разъ почувствовали прелесть запечатлѣнія словомъ художественной подробности“. Особенно отличался въ этомъ отношеніи положительный Семка: подробности самыя вѣрныя сыпались одна за другою. Единственный упрекъ, который ему можно было сдѣлать, былъ тотъ, что подробности эти „обрисовывали только минуту настоящаго безъ связи къ общему чувству повѣсти“... Ѳедька, „нѣжная, воспріимчивая, поэтическая и лихая натура“, видѣлъ, напротивъ, только тѣ подробности, которыя вызывало въ немъ „чувство, съ которымъ онъ смотрѣлъ на извѣстное лицо“. Семкѣ нужны были преимущественно „*объективные образы*“, и онъ увлекался высказываніемъ непропорціональныхъ подробностей о ягнятахъ въ коникѣ и т. п. Ѳедька безсознательно стремился „художественно запечатлѣвать словомъ *образы чувства*“: „Размягченная и

---

[1]) *Бирюковъ:* „Біографія“, т. I, стр. 349.

[2]) Собраніе сочиненій Л. Н. Толстого, изд. 1886 г., т. IV. „Ясно-полянская школа за ноябрь и декабрь“, стр. 340.

раздраженная его, въ это время, душа чувствомъ жалости, т.-е. любви, облекала всякій образъ въ художественную форму и *отрицала все, что не соотвѣтствовало идеѣ вѣчной красоты и гармоніи*". „Главное свойство во всякомъ искусствѣ—*чувство мѣры*—было развито въ немъ необычайно...". По окончаніи работы Ѳедька долго былъ въ волненіи и не могъ заснуть, прибавляетъ Толстой [1]).

Не намѣчено ли въ этомъ чудесномъ наброскѣ все, что можно сказать существеннаго о характерѣ „объективнаго" и „субъективнаго" творчества, и не заложено ли здѣсь основное ядро всѣхъ послѣдующихъ, будущихъ эстетическихъ идей Толстого? Не сказано ли уже здѣсь, хотя лишь въ неразвернутомъ намекѣ, что тенденція къ „объективному" творчеству, свойственная „положительному" Семкѣ, опасна для искусства, что творчество, соотвѣтствующее „идеѣ вѣчной красоты и гармоніи", родится изъ глубинъ души, развертывается по ассоціаціямъ чувствъ, а не внѣшнихъ жизненныхъ представленій, передаетъ непередаваемыя иными средствами настроенія, а не быть, и при этомъ охраняется отъ всякихъ уклоненій съ пути искусства—таинственнымъ, ничѣмъ не замѣнимымъ инстинктомъ или „чувствомъ мѣры"?...

Шли годы. Въ томъ сложномъ и глубокомъ процессѣ, который переживалъ Толстой въ стремленіи найти оправданіе жизни и установить законы, реформирующіе ее согласно высшимъ требованіямъ человѣческаго духа, онъ не разъ подвергалъ ломкѣ всѣ привычныя свои идеи и понятія, чтобы воздвигнуть новыя. Бывало также, что, защищая свои святыни отъ соблазновъ, угрожавшихъ его сложной и страстной художественной душѣ, онъ крѣпче хватался за какую-нибудь опредѣленную, цѣльную мысль, связанную съ религіозной основой его, все болѣе утверждающагося міросозерцанія,—склоненъ былъ больше довѣрять мыслямъ, логически провѣреннымъ понятіямъ, чѣмъ разнорѣчивымъ голосамъ измѣнчивыхъ, бурно плещущихъ чувствъ. Тогда, быть можетъ, онъ готовъ былъ защищать тенденціозное искусство. И кромѣ того, вѣчно неуравновѣшенный въ своей острой впечатлительности и чувствительности, онъ способенъ былъ иногда подкупиться въ искусствѣ благою мыслью, способенъ былъ увидѣть за примитивно-трогательнымъ сюжетомъ разсказа или картины цѣлый міръ сложныхъ живыхъ чувствъ, которыми была переполнена его собственная творческая душа, или не увидѣть изъ-за своихъ чувствъ и пристрастій истиннаго смысла того, на что онъ смотрѣлъ. „Положительность", трезвость менѣе всего свойственны этому генію. Но сознаніе его вновь и вновь возвращалось къ эстетическимъ вопросамъ, къ вопросамъ о законахъ настоящаго органическаго

---

1) Ibid. „Кому у кого учиться писать", стр. 194—200. Характеристика Ѳедьки—въ статьѣ „Ясно-полянская школа за ноябрь и декабрь", стр. 244—248.

и вѣчнаго искусства. И онъ не успокоился, пока и съ этой точки зрѣнія не прояснилась для него безбрежная перспектива исторіи и передъ воображеніемъ его не возникла огромная и страшная картина постепеннаго развращенія искусства—соотвѣтственно постепенному техническому обогащенію и органическому обмеленію самой культуры. Одна изъ двухъ тенденцій человѣческаго творчества, тенденція Семки, „положительная“, прилѣпляющаяся воображеніемъ къ сущему, къ „дѣйствительности“, явно брала въ искусствѣ перевѣсъ надъ другою, надъ тенденціей Ѳедьки, стремящейся создать изъ элементовъ сущаго иной, новый міръ. Искусство съ внѣшней стороны поразительно совершенствовалось—и въ то же время теряло внутренніе критеріи; достигало высшей изобразительности въ передачѣ жизненно-конкретнаго—и склонялось къ „провинціализму“. Словомъ, оно все дальше шло по пути декаданса.

За полтора года до выхода въ свѣтъ книги объ искусствѣ эстетическія воззрѣнія Толстого въ общемъ уже сложились. Я не знаю, запечатлѣлись ли они въ такомъ видѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и потому приведу свою собственную запись одной незабвенной бесѣды съ нимъ на эти темы, въ которой онъ, будучи въ свѣтломъ, мягкомъ настроеніи, выражался съ особенною легкостью и иллюстрировалъ свою мысль примѣрами, которые дѣлаютъ ее необыкновенно понятной и простой... [1]) Вотъ отрывки изъ этой записи. „У меня составилась въ послѣднее время своя теорія на этотъ счетъ, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Я называю декадентами всѣхъ современныхъ писателей, потому что въ ихъ искусствѣ осталась только одна форма, до того технически усовершенствованная, что она сама по себѣ производитъ впечатлѣніе на читателя, заставляя его забывать отсутствіе внутренняго содержанія. У нашихъ современныхъ беллетристовъ, даже не особенно талантливыхъ, способность дѣйствовать на воображеніе читателя развилась въ ущербъ всякому смыслу. Весь талантъ писателя, все его искусство сосредоточено только на томъ, какъ изобразить то или другое, какъ передать со всѣми мельчайшими подробностями тотъ или другой жизненный моментъ. И до того это хорошо удается имъ, что, читая въ какой-нибудь повѣсти А., какъ, напр., одѣвался господинъ къ тор-

---

[1]) Запись эта, сдѣланная немедленно послѣ бесѣды съ Толстымъ, въ Москвѣ, 8 декабря 1895 г., сохранилась въ письмѣ моемъ къ А. Л. Волынскому, которое тогда же было использовано имъ въ статьѣ о „Власти тьмы“, напечатанной въ январской книжкѣ *Сѣверн. Вѣстн.* 1896 г. и затѣмъ перепечатанной въ книгѣ А. Л. Волынскаго „Борьба за идеализмъ“ (Спб., 1900 г.). Я позволяю себѣ еще разъ использовать значительную часть этой записи, какъ непосредственно относящуюся къ предмету моей статьи и какъ имѣющую документальное значеніе—въ виду того, что послѣ ея напечатанія Толстой, въ разговорѣ со мною, одобрилъ ее, какъ почти дословное воспроизведеніе всего имъ сказаннаго. *Л. Г.*

жественному обѣду, такъ и видишь передъ глазами его бѣлый галстукъ, и жилетъ, и фракъ. Прежде всякія описанія давались съ трудомъ даже болѣе крупнымъ талантамъ, теперь это стало легко всякому. И писатели, когда пишутъ, даже не разгорячаются, не разгораются въ процессѣ своей работы, и создаютъ эфекты, захватывающіе воображеніе читателя, не имѣя въ душѣ ничего, что стоило бы высказать. То же самое я вижу и въ современной музыкѣ, и въ другихъ родахъ искусства. Ничего нѣтъ въ душѣ—и сочиняютъ, и пишутъ съ полнымъ успѣхомъ... И потому все, что теперь дѣлается въ искусствѣ, — мертвое, а не живое, пригодное и понятное только для извѣстныхъ классовъ общества, которымъ образы современныхъ художниковъ близки потому, что взяты изъ дѣйствительности. И это есть величайшая опасность для искусства! Тѣ, которыхъ всѣ называютъ декадентами, откровенно проповѣдуютъ, что все дѣло въ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, въ игрѣ эфектовъ, не затрогивающихъ сущности духовной жизни. Импрессіонизмъ тутъ откровененъ, тогда какъ у другихъ современныхъ писателей онъ скрытъ подъ такъ называемымъ реализмомъ. Вы спросите меня, почему же тогда, еще не особенно давно, во времена Пушкина и Гоголя, искусство стояло на такой высотѣ? Я думаю, что въ то время искусство еще вырабатывалось, нужно было выработать форму—форма не давалась, какъ что-то готовое, что можно очень легко сдѣлать внѣшними средствами—затверженными и всѣмъ доступными техническими пріемами. Тогда форма была не отдѣлима отъ содержанія именно потому, что ее нужно было создавать извѣстной, напряженной внутренней работой, въ которой содержаніе пробивалось наружу. Оттого въ искусствѣ того времени все было такъ свѣжо... даже гоголевскій Ноздревъ, сидящій на полу и хватающій за платье танцующихъ. Но искусство, начавшееся у насъ въ то время, выработало форму, сдѣлало ее доступной для всѣхъ и теперь разлагается. Попадаются, правда, вещи, въ которыхъ проглядываетъ мысль автора—то, что называется тенденціей. Но тогда эта мысль торчитъ изъ произведенія, какъ какой-нибудь каркасъ — проволока, на которую нанизываются, положимъ, цвѣты въ искусственномъ вѣнкѣ. У однихъ мы видимъ какую-то разваливающуюся груду цвѣтовъ, ни на что не нанизанныхъ, у другихъ — торчитъ голая пустая проволока. Такая тенденція вовсе не обнаруживаетъ глубокаго духовнаго содержанія, которое необходимо въ настоящемъ искусствѣ“...

Я опускаю здѣсь мысли Толстого о творчествѣ,—о томъ, что прежде оно было для художниковъ „священнодѣйствіемъ“ и, затрогивая глубочайшіе пласты человѣческой души, являлось въ то же время общепонятнымъ, „зажигало всѣхъ“; опускаю примѣръ—то, что относится къ Софоклу и Бетховену,—потому что суть этихъ мыслей уже достаточно развернута въ книгѣ объ искусствѣ. Но возьму изъ записи еще два

штриха, относящіеся къ вопросу о реализмѣ. Толстой заговорилъ о недавней въ то время постановкѣ „Власти тьмы“. Онъ видѣлъ ее въ московскомъ Маломъ театрѣ и остался недоволенъ ею. Даже исполненіе роли Анютки артисткой Егоровой, вызвавшее всеобщее одобреніе, не удовлетворило его. „Было что-то раздирательное,—сказалъ онъ.—Это было слишкомъ реально, слишкомъ похоже на дѣйствительность. Она, видно, и сама перепугалась, когда кричала, и это оставляло непріятное впечатлѣніе“... Напомню по этому поводу,—кромѣ того, что было сказано Толстымъ о реализмѣ въ связи съ „поразительностью“ въ искусствѣ,—еще и то, что я, быть можетъ, недостаточно подчеркнула въ самомъ его опредѣленіи художественнаго творчества: его указаніе, что искусство не есть выраженіе непосредственныхъ, индивидуальныхъ состояній и чувствъ художника, владѣющихъ имъ въ данный моментъ, но—чувствъ воспроизведенныхъ, по духовнымъ импульсамъ, въ памяти, въ такъ называемой аффективной памяти, и воображеніи художника. Такимъ образомъ краткое замѣчаніе Толстого объ игрѣ Егоровой пріобрѣтаетъ особую содержательность въ примѣненіи къ вопросу о сценическомъ творчествѣ, ибо изъ него видно, что, отрицая всякое надуманное и всякое внѣшне-заученное искусство, Толстой въ то же время отрицалъ и такъ называемую теорію „нутра“.

Наконецъ, еще нѣсколько строкъ изъ той же записи, бросающихъ дополнительный свѣтъ на вопросъ о соотношеніи обще-человѣческаго и бытового искусства. Продолжая говорить о постановкѣ „Власти тьмы“, Толстой безусловно хвалилъ—за пониманіе настоящаго замысла автора—только одну артистку, Садовскую. „Матрену,—сказалъ онъ,—вовсе не надо играть злодѣйкой, какой-то лэди Макбетъ, какъ думаютъ многіе; это—обыкновенная старуха, умная, желающая по-своему добра сыну. Ея поступки не есть результатъ какихъ-нибудь особенныхъ, злодѣйскихъ свойствъ ея характера, а просто выраженіе ея міросозерцанія. Она искренно думаетъ, что все то, что удобно и незазорно передъ другими людьми устраиваетъ жизненное благополучіе, вполнѣ возможно и позволительно. Темныя дѣла дѣлаются, по ея мнѣнію, всѣми—безъ этого невозможна жизнь, и она ихъ не боится“. Вообще замыселъ „Власть тьмы“ заключается, по словамъ Толстого, не въ изображеніи „дурныхъ крестьянскихъ характеровъ“ и не въ обличеніи народной жизни—тьмы народной непросвѣщенности, а въ изображеніи общаго всѣмъ классамъ „житейскаго міросозерцанія“,—и если представители этого міросозерцанія смотрятъ драму съ легкимъ сердцемъ, какъ далекую отъ нихъ народную картину, то онъ видѣлъ въ этомъ лишь доказательство того, что драма эта не удалась ему. Толстой всѣми нервами личной жизни перечувствовалъ, что такое „житейское міросозерцаніе“, житейскій складъ души, житейскій складъ направляющихъ волю и мысль чувствованій,—

совершенно независимо отъ какихъ-либо условій среды и умственнаго развитія; темноту этихъ чувствованій хотѣлъ онъ передать, и если произведеніе его приняло мѣстный, классовый, бытовой характеръ—я не разбираю сейчасъ вопроса, такъ ли это,—оно тѣмъ самымъ утрачивало въ его глазахъ значительность настоящаго, всеобщаго искусства. Ибо бытовое искусство, со свойственнымъ ему перевѣсомъ реалистической тенденціи, всегда тяготѣетъ къ „исключительности", удаляясь отъ идеала „всеобщаго" искусства, и, въ этомъ смыслѣ, является тоже вырождающимся,—по терминологіи Толстого, тоже „декадентскимъ искусствомъ".

X.

Однако, рисуя картину постепеннаго вырожденія искусства, Толстой вѣритъ въ его возрожденіе. Искусство падало по мѣрѣ раздробленія и распада человѣческихъ душъ, утратившихъ свою непосредственность и религіозное отношеніе къ жизни, но оно обновится, когда возстанетъ изъ житейскаго праха человѣкъ, духовно доработавшись до новой цѣльности. И Толстой уже видитъ, какъ идетъ новая жизнь, новая весна человѣчества, и несетъ съ собою новое искусство.

Съ юношескимъ волненіемъ говоритъ о признакахъ этого возрожденія. „Искусство есть духовный органъ человѣческой жизни и его нельзя уничтожить,—говоритъ онъ,—и потому, несмотря на всѣ усилія, дѣлаемыя людьми высшихъ классовъ, чтобы скрыть тотъ религіозный идеалъ, которымъ живетъ человѣчество, идеалъ этотъ все болѣе и болѣе сознается людьми и все чаще и чаще среди нашего извращеннаго общества выражается отчасти и въ наукѣ, и въ искусствѣ. Съ начала нынѣшняго столѣтія появляются все чаще и чаще и въ литературѣ, и въ живописи произведенія высшаго религіознаго искусства... такъ же, какъ и произведенія всенароднаго, доступнаго всѣмъ житейскаго искусства". Такихъ произведеній еще мало, но потребность въ нихъ уже сознается. Кромѣ того, въ послѣднее время все чаще встрѣчаются попытки народныхъ изданій, картинъ, общедоступныхъ концертовъ, театровъ. Это еще далеко не то, что должно быть, „но уже видно то направленіе, по которому само собою стремится искусство для того, чтобы выйти на свойственный ему путь". Искусство будущаго,—„то, которое дѣйствительно будетъ", прибавляетъ онъ,—возникнетъ въ новыхъ условіяхъ жизни, когда „цѣнителемъ искусства будетъ весь народъ", когда художниками будутъ не профессіональные люди, продающіе свою художественную дѣятельность за деньги, а всѣ даровитые люди изъ всего народа, „всѣ геніальные художники, теперь скрытые въ народѣ". Всѣ будутъ тогда еще въ первоначальныхъ народныхъ школахъ, наравнѣ съ грамотою, обучаться музыкѣ и живописи,—повторяетъ онъ мысль, которая такъ занимала его, и практиче-

ски, и теоретически, еще въ періодъ работы его въ Ясно-полянской школѣ. [1]) Всѣмъ доступны будутъ „новые образцы настоящаго искусства, которые будутъ какъ всегда лучшею школой техники для художниковъ“, ибо истинный художникъ и теперь учится не въ профессіональной школѣ, „а въ жизни, на образцахъ великихъ мастеровъ“. Художники будущаго будутъ жить обычною жизнью людей, всѣми сторонами естественной, свойственной людямъ жизни, зарабатывая свое существованіе какимъ-либо трудомъ. „Плоды же той высшей духовной силы, которая проходитъ черезъ него, онъ будетъ стремиться отдать наибольшему количеству людей, потому что въ этой передачѣ наибольшему количеству людей возникшихъ въ немъ чувствъ—его радость и награда“. „До тѣхъ поръ, пока не будутъ высланы торговцы изъ храма, храмъ искусства не будетъ храмомъ. Искусство будущаго изгонитъ ихъ“, заключаетъ Толстой. [2])

Съ самаго ранняго возраста, съ дѣтства и отрочества, на-ряду съ исторіей Іосифа изъ Библіи, народныя произведенія, русскія былины и сказки производили на него, по его собственному свидѣтельству, особенное, „огромное“ впечатлѣніе. И черезъ всю его жизнь проходитъ любовь къ художественному народному языку, къ органическому народному творчеству. Тамъ видѣлъ онъ источникъ обновленія для литературы, необходимость котораго чувствовалъ и тогда. Уже въ періодъ своей усиленной работы надъ азбукой, въ 1872 г., пишетъ онъ Страхову замѣчательное письмо, въ которомъ указано на едва только начавшееся въ то время пробужденіе общественнаго интереса къ народному искусству и высказано то, что уже предвозвѣщаетъ его будущіе взгляды на обновленіе искусства. „Замѣтили ли вы въ наше время... связь между двумя явленіями...: упадокъ поэтическаго творчества всякаго рода—музыки, живописи, поэзіи и стремленіе къ изученію русской народной поэзіи всякаго рода—музыки, живописи и украшенія, и поэзіи. Мнѣ кажется, что это даже не упадокъ, а смерть съ залогомъ возрожденія въ народности. Послѣдняя волна, поэтическая парабола, была при Пушкинѣ, потомъ Лермонтовъ, Гоголь, мы грѣшные, и ушла подъ землю; другая линія пошла въ изученіе народа и выплывetъ Богъ дастъ...“. [3])

Здѣсь та же схема мысли, что и въ книгѣ объ искусствѣ, но насколько глубже, шире, величественнѣе развернулась она съ теченіемъ времени, когда для него стало ясно, что художнику мало изучать народное искусство, а нужно жить всею полнотою общечеловѣческой жизнью, и что только глубочайшее обновленіе жизни, всего строя ея, можетъ привести

---

[1]) „Полн. собр. сочиненій“, т. IV, „Ясно-полянская школа за ноябрь и декабрь“, „Рисованіе и пѣніе“, стр. 334—355.

[2]) „Что такое искусство?“, стр. 208, 209, 211, 212, 213, 214, 215.

[3]) „Письма“, изд. Сергѣенко, т. I, стр. 97.

къ истинному возрожденію искусства. И онъ страстно вѣритъ въ это будущее искусство, неизмѣримо болѣе прекрасное, чѣмъ все, что мы знаемъ, новое по содержанію, совершенное по формѣ. „Форма искусства будущаго не только не будетъ ниже теперешней формы искусства,—говоритъ онъ,—но будетъ безъ всякаго сравненія выше ея", и „если подъ техникой разумѣть ясность, красоту и немногосложность, сжатость произведенія искусства", то техника не только не ослабнетъ, но „въ сотни разъ усовершенствуется. [1])

Толстой не распространяется въ этомъ пунктѣ о техникѣ новаго искусства—о томъ, какими средствами достигается въ искусствѣ совершенство формы. Но кромѣ всего, что сказано имъ и уже разсмотрѣно здѣсь въ связи съ его указаніями на несовершенства современнаго искусства, въ его книгѣ объ искусствѣ и въ его письмахъ разбросано многожество тонкихъ замѣчаній, которыя дополняютъ основныя положенія его эстетики и образуютъ вмѣстѣ съ ними канонъ живой художественной красоты.

Органичность, ясность, простота и сжатость—вотъ то, къ чему онъ постоянно призываетъ искусство. Въ основѣ всѣхъ этихъ качествъ художественнаго произведенія всегда лежитъ для него *искренность*, т.-е. сила, съ которою художникъ самъ испытываетъ тѣ чувства, которыя онъ передаетъ. [2]) Главное для художника—это „не говорить о томъ, о чемъ можешь молчать", какъ замѣчаетъ Толстой въ письмѣ къ Гольцеву и затѣмъ полнѣе выражаетъ ту же мысль въ письмѣ къ Леониду Андрееву. Нужно, чтобы художникъ писалъ, пѣлъ, игралъ прежде всего для себя, для своего удовлетворенія. Нужно, чтобы онъ вѣрилъ въ значительность, болѣе того,—вѣрилъ въ дѣйствительность, въ реальное существованіе того, что слагается изъ образовъ его чувствъ. Гомеръ вѣритъ въ то, что говоритъ, замѣчаетъ Толстой, и оттого вся „Иліада" и особенно „Одиссея", какія бы чуждыя намъ событія ни описывались въ нихъ, „такъ естественно близки всѣмъ намъ, какъ будто мы сами жили и живемъ среди боговъ и героевъ". [3]) Сила переживаемыхъ художникомъ чувствъ, страстная любовь его къ своему предмету уже сама по себѣ ощущается воспринимающимъ, но она же заставляетъ художника безконечно работать для достиженія красоты своего произведенія, ибо любя предметъ, художникъ „не пожалѣетъ никакихъ трудовъ для того, чтобы облечь любимое содержаніе въ наилучшія формы". [4]) Только при условіи полной искренности художника, въ указанномъ смыслѣ, произведенія искусства являются дѣйствительно „*органическими*",

---

[1]) „Что такое искусство?", стр. 218, 219, 213 и 214.

[2]) Ibid., стр. 171, 172.

[3]) „О Шекспирѣ и о драмѣ", изд. „Посредника", стр. 56.

[4]) „Письма", т. I, къ Гольцеву, стр. 188.

непроизвольно выросшими изъ души и какъ бы живыми, неразъединимыми, такъ что „форма и содержаніе составляютъ одно неразрывное цѣлое, выражающее чувство“, и „малѣйшее измѣненіе формы нарушаетъ значеніе всего произведенія“. [1])

Во имя этой-то органичности искусства, требующей „полной свободы художника отъ всякихъ предвзятыхъ требованій“, Толстой поднимаетъ въ своей книгѣ объ искусствѣ одинъ изъ самыхъ спорныхъ и уже назрѣвшихъ вопросовъ эстетики—вопросъ о соединеніи въ одно художественное цѣлое двухъ различныхъ видовъ искусства, какое мы видимъ, наприм., въ оперѣ и особенно въ „музыкальной драмѣ“ Вагнера. Необычайной страстью возмущенія проникнуты эти страницы его, посвященныя Вагнеру, но въ глубинѣ ихъ лежатъ мысли свѣтлыя, острыя и значительныя. „Каждое искусство,—говоритъ Толстой,—имѣетъ свою опредѣленную, не совпадающую, а только соприкасающуюся съ другими искусствами область“, а потому соединить проявленія разныхъ искусствъ можно только на основѣ подчиненія одного другому. Иначе—„требованія одного искусства не дадутъ возможности исполненія требованій другого“. Для того, чтобы два произведенія изъ различныхъ областей искусства совпали между собой, нужно, чтобы они были одинаковы. Но если не можетъ быть „двухъ листовъ на деревѣ совершенно одинаковыхъ“, то еще болѣе невозможно совпаденіе двухъ свободно развившихся органическихъ произведеній искусства, и потому при соединеніи ихъ одно во всякомъ случаѣ должно быть поддѣлкой подъ искусство, либо непритязательнымъ подобіемъ искусства, какъ это и нужно признать относительно „подписей подъ картинами, иллюстрацій, либретто въ операхъ“ и т. п. [2]) Я не углубляю этого вопроса, но нельзя не указать, изъ какой глубины идетъ отрицаніе Толстого и съ какою рѣшительностью и ясностью говоритъ онъ здѣсь о той *специфичности искусствъ*, которая уже сознается наиболѣе тонкими художественными натурами современности, но, быть можетъ, лишь завтра станетъ очереднымъ, волнующимъ, расчищающимъ новые пути вопросомъ практической эстетики. Въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, Толстой надолго опередилъ свое время.

Органичность искусства обусловливаетъ видимую цѣльность и *простоту* художественнаго произведенія. „Простота—необходимое условіе прекраснаго,—говоритъ Толстой въ письмѣ къ Леониду Андрееву.—Простое и безыскусственное можетъ быть нехорошо, но не простое и искусственное не можетъ быть хорошо“. [3]) Все надуманное, реторическое, всѣ

---

[1]) „Что такое искусство?“, стр. 124, 146.
[2]) Ibid., стр. 143, 144, 145.
[3]) „Письма“, т. I, стр. 335.

вычуры, всѣ „ненужные эпитеты и украшенія, и округленія слога“,— все это только расхолаживаетъ впечатлѣніе и обыкновенно свидѣтельствуетъ лишь объ отсутствіи или безсиліи непосредственнаго чувства. Но даже и при большой непосредственности художника простота вовсе не дается ему сама собою, а требуетъ самообладанія и мастерства. Ассоціаціи чувствъ и образовъ осложняютъ первоначальный, основной мотивъ художественнаго творчества, ведутъ къ его развѣтвленію, и въ этомъ процессѣ художникъ легко можетъ упустить изъ виду намѣченный имъ центръ тяжести. „Не отвлекайтесь далеко отъ сюжета главнаго“, „не увлекайтесь тѣмъ, чтобы сказать въ одномъ разсказѣ все“, говоритъ Толстой, имѣя въ виду все сказанное, въ письмѣ къ одному молодому автору. [1]) „Главное, разумѣется, въ расположеніи частей относительно фокуса,—пишетъ онъ Фету;—когда правильно расположено— все ненужное, лишнее само собою отпадаетъ, и все выигрываетъ въ огромныхъ степеняхъ“. [2]) „Вся картина безъ фокуса, и всѣ фигуры ползутъ врозь“, выражаетъ онъ ту же мысль, въ отрицательной формѣ, въ письмѣ къ Н. Ге, говоря о произведеніи одного художника. [3]) Самый талантъ художника, кипучесть его чувствъ и воображенія иногда ведетъ къ тѣмъ излишествамъ, которыя мѣшаютъ цѣльности художественнаго впечатлѣнія. „Мнѣ очень понравился тонъ и необыкновенное мастерство языка,—пишетъ Толстой Лѣскову по поводу одной его сказки;— но... потомъ выступилъ вашъ особенный недостатокъ, отъ котораго казалось бы такъ легко исправиться и который есть самъ по себѣ качество, а не недостатокъ—exubérance образовъ, красокъ, характерныхъ выраженій, которая васъ опьяняетъ и увлекаетъ“. [4])

Чувство мѣры—вотъ чего постоянно, вновь и вновь повторяя свою мысль, требуетъ онъ отъ художника, какъ основного условія художественнаго творчества. Сдержанность въ выраженіи чувствъ, въ передачѣ образовъ—вотъ источникъ истинной красоты въ искусствѣ. Отсутствіе этой сдержанности у Шекспира является одной изъ причинъ той органической ненависти, которую питалъ къ нему Толстой. „Всѣ его лица страдаютъ невоздержаніемъ языка“, говоритъ онъ. Возможная *краткость,* сжатость изображеній, безпощадное устраненіе лишнихъ подробностей не только реалистическаго, но и какого угодно характера должны составлять непрестанную заботу художника.

Въ этомъ пунктѣ Толстой подходитъ къ одному изъ самыхъ жгучихъ и современныхъ вопросовъ эстетики—къ вопросу о художественной иллюзіи и активности воспринимающаго воображенія. „Можно, не

---

[1]) Письмо Фейнерману. „Письма“, т. I, стр. 153.

[2]) Ibid., стр. 129.

[3]) „Письма“, т. II, стр. 104.

[4]) Ibid., стр. 118.

нарушая иллюзіи, не досказать многаго, говоритъ онъ, развивая ту же мысль о „краткости“ художественнаго изображенія,—читатель или зритель самъ доскажетъ, а иногда вслѣдствіе этого въ немъ еще усилится иллюзія, но сказать лишнее—все равно, что, толкнувъ, разсыпать составленную изъ кусочковъ статую или вынуть лампу изъ волшебнаго фонаря“. [1]) Это та самая мысль, которая лежитъ въ основѣ многихъ художественныхъ опытовъ современности, то самое, что имѣетъ въ виду „стилизація“ предметовъ искусства — художественное упрощеніе ихъ. Отвергнувъ реализмъ, какъ антихудожественное по своимъ задачамъ подражаніе дѣйствительности, Толстой требуетъ именно сокращеній и упрощеній. „Великій художникъ всегда упрощаетъ“, цитируетъ онъ въ „Кругѣ чтенія“ мысль Аміэля. Но при этомъ онъ, конечно, не призналъ бы художественными тѣ опыты упрощенія, стилизаціи, которые, зачастую, исходятъ изъ расплывчатыхъ, полунадуманныхъ представленій, изъ неопредѣленнаго стремленія къ внѣшней красивости и „напѣвности“—въ ущербъ рѣзко опредѣленному, *характерному*,—тому, что рождается въ душѣ художника, какъ синтезъ его чувствъ, фантазіи и наблюдательности. „Есть два вида простоты—отъ бѣдной и отъ богатой фантазіи“, по мѣткому слову одного изъ замѣчательнѣйшихъ художниковъ современности,—и это слово какъ бы идетъ навстрѣчу мыслямъ и чувствамъ Толстого. Онъ насмѣшливо отвергалъ всѣ новаторскія попытки современнаго искусства, обнаруживающія—при напряженномъ стремленіи къ красотѣ—бѣдность фантазіи и скудость художественныхъ наблюденій. Онъ съ отвращеніемъ отворачивался отъ всего, что можно назвать красивостью, онъ говорилъ о себѣ: „Я люблю то, что называется неправильностью, что есть характерность“, [2])—и упрощеніе представлялъ себѣ не какъ смазываніе индивидуальныхъ чертъ и фигуръ, а какъ отборъ особенно яркихъ, выпуклыхъ и характерныхъ моментовъ, передающихъ внутренній замыселъ художника. Недоговоренность въ художественномъ произведеніи многозначительна и цѣлесообразна только тогда, когда она имѣетъ подъ собою самое точное и яркое представленіе художника о томъ, что не договорено. Тогда только она играетъ роль художественнаго намека, вызывающаго творческую работу въ воображеніи зрителя или читателя, является особой косвенной передачей художественнаго содержанія, какъ у Гомера, который, „чтобы описать красоту Елены, говоритъ, что, когда она вошла, старики изумились и встали“. [3])

Ясность, точность, прозрачность формы, полное соотвѣтствіе ея вну-

---

[1]) „О Шекспирѣ и о драмѣ“, стр. 54.
[2]) „Письма“, т. II, стр. 89.
[3]) Ibid., т. I, стр. 227.

треннему содержанію—это, можно сказать, первое и послѣднее требованіе въ эстетикѣ. Отвѣчая, въ цитированномъ уже письмѣ, Леониду Андрееву, онъ совѣтовалъ ему больше работать надъ своими произведеніями, „доводя въ нихъ свою мысль до послѣдней степени точности и ясности". „Какъ ни страшно это сказать,—говоритъ онъ по другому поводу,—а художество требуетъ еще большей точности, précision, чѣмъ наука". Простота, сжатость и ясность—это то, что достигается прежде всего „воспитаніемъ вкуса"; [1]) это качества, менѣе всего свойственныя современному, декадентскому искусству, но несомнѣнныя въ искусствѣ будущаго, которое народится въ новыхъ условіяхъ нравственной и художественной жизни.

XI.

Мнѣ остается только еще подвести итоги по вопросу о томъ, какъ же смотритъ въ концѣ-концовъ Толстой на роль красоты въ искусствѣ?

„...И мы стали говорить о томъ, что не все есть польза, а есть красота, и что искусство есть красота, и мы поняли другъ друга", писалъ онъ когда-то въ „Ясно-полянской школѣ", передавая свою бесѣду, въ свѣжую зимнюю ночь, на прогулкѣ съ крестьянскими мальчиками. Книгу „Что такое искусство?" онъ почти начинаетъ съ того, что искусство вовсе не есть „производство красоты", какъ думаютъ многіе, и что красота не есть предметъ искусства. При этомъ онъ до крайности суживаетъ самый объемъ этого слова—красота, утверждая, что по духу русскаго языка „красивымъ" можно назвать только то, „что нравится зрѣнію",—хотя вѣдь, если бы это было и такъ, въ русскомъ языкѣ имѣется слово „прекрасный", обнимающее понятіе съ физической и нравственной красоты, и хотя самъ онъ, Толстой, и до, и послѣ книги объ искусствѣ употреблялъ это слово—красота въ болѣе широкомъ смыслѣ. [2]) Понятіе красоты, усложнившееся и въ то же время расплывшееся въ обычномъ сознаніи, самое слово „красота", которымъ такъ злоупотребляютъ и которымъ зачастую прикрываютъ недостатокъ опредѣленной мысли люди, разсуждающіе объ искусствѣ,—раздражало, сердило его. И, что особенно важно, онъ чувствовалъ глубокую ложь въ столь распространенныхъ утвержденіяхъ, что красота есть содержаніе или *предметъ* всякаго искусства. Въ самомъ дѣлѣ, уродливое, страшное, отталкивающее въ такой же степени можетъ быть предметомъ ху-

---

[1]) „Что такое искусство?", стр. 213.

[2]) Вспомнимъ тѣ же статьи о Ясно-полянской школѣ, гдѣ, кромѣ цитированной фразы, есть много другого въ томъ же смыслѣ, а затѣмъ хотя бы его позднѣйшія „черновыя неисправленныя записки", приводимыя у Бирюкова, гдѣ онъ говоритъ, наприм., о „красивой жизни" брата Сергѣя и т. п.

дожественнаго изображенія, какъ и прекрасное. Все *характерное* представляетъ собою уже ту или другую односторонность, свойственную явленіямъ жизни, то или другое отклоненіе отъ правильности, пропорціональности, гармоніи, т.-е. отъ красоты,—а вѣдь характерное является преобладающимъ элементомъ искусства.

Настоящимъ предметомъ художественнаго изображенія, какъ доказываетъ Толстой, являются чувствованія художника, т.-е. все внѣ-разсудочное содержаніе человѣческой души, весь внутренній міръ его, начиная отъ глубочайшихъ, безымянныхъ движеній духовнаго характера, съ одной стороны, и игры органическихъ ощущеній, съ другой,—до афектовъ и эмоцій, связанныхъ съ опредѣленными представленіями,—до тѣхъ чувствъ въ узкомъ смыслѣ слова, которыя, по выраженію Толстого въ одномъ письмѣ, человѣкъ можетъ испытывать не только за себя, но и „за другихъ“. Характерные образы художника являются лишь оборотною стороною извѣстныхъ, характерныхъ слитковъ человѣческаго чувствованія.

Есть однако область чувствованій, почти не уловимыхъ, не разложимыхъ сознаніемъ, иногда вовсе не связанныхъ ни съ какими опредѣленными представленіями жизненнаго порядка, которыя выражаются просто игрою линій, красокъ. Современная психологическая эстетика даетъ превосходный, тончайшій анализъ этого вида чувствованій, передаваемыхъ наиболѣе простыми и наиболѣе загадочными до послѣдняго времени видами искусства—арабеской, орнаментомъ и т. п. Обыкновенно говорили, что тутъ-то „предметомъ“, истиннымъ содержаніемъ искусства и является сама красота... Отрицаетъ ли Толстой эти виды искусства? Нѣтъ, напротивъ, онъ прямо причисляетъ къ „хорошему“, настоящему искусству всякія украшенія, орнаменты, и протестуетъ противъ отношенія къ нимъ, какъ къ низшему виду искусства. „Пейзажъ очень исключительной мѣстности, genre очень спеціальный могутъ быть не всѣмъ доступны,—говоритъ онъ,—„но орнаменты отъ якутскихъ до греческихъ доступны всѣмъ и вызываютъ одинаковое чувство любованія у всѣхъ“. Онъ самъ оговаривается при этомъ: „Боюсь, что здѣсь мнѣ сдѣлаютъ упрекъ въ томъ, что, отрицая то, чтобы понятіе красоты составляло предметъ искусства, я здѣсь вновь признаю красоту предметомъ искусства“. Но упрекъ этотъ несправедливъ, говоритъ онъ, потому что *содержаніе* искусства всякаго рода украшеній, состоитъ не въ красотѣ, а въ чувствѣ...“ [1]) Онъ не углубляетъ анализа, не расчленяетъ этого вида чувствъ и не совсѣмъ правильно обозначаетъ его общимъ именемъ „восхищенія, любованія“. Но вся постановка вопроса у него совершенно та же, къ которой пришла научная эстетика. Красота и здѣсь не является предме-

[1]) „Что такое искусство?“, стр. 190—191.

томъ или содержаніемъ искусства—содержаніемъ его и здѣсь являются чувствованія. Красота есть понятіе, относящееся только *къ формѣ*, къ совершенству формы. Это есть „формальное понятіе".

Но въ этомъ самомъ смыслѣ и Толстой постоянно употребляетъ слово „красота" и признаетъ это понятіе. При поверхностномъ чтеніи его книги объ искусствѣ кажется, будто онъ совершенно отвергъ его, и когда онъ, въ серединѣ и въ концѣ книги, дважды говоритъ о необходимой красотѣ формы, легкомысленно ловишь его на противорѣчіи. Но мало-по-малу становится понятно, что тутъ нѣтъ никакого противорѣчія, что онъ совершенно сознательно употребляетъ это слово именно здѣсь, въ примѣненіи къ формѣ,—ибо требованія органической цѣльности, стройности, простоты, сжатости, легкости, которыя онъ предъявляетъ къ искусству, относятся именно къ формѣ и стремятся къ достиженію ея совершенства. Красота художественнаго произведенія и есть совершенство, гармоничность, „правильность" его формы, полное соотвѣтствіе этой формы своему назначенію,—точно также, какъ и въ жизни красота есть правильность формы, соотвѣтствіе ея назначенію предмета. Вотъ почему произведеніе искусства, изображающее явленіе самое страшное, кошмарное по своему уродству, можетъ быть безгранично прекраснымъ, какъ произведеніе искусства. Вотъ въ какомъ смыслѣ говорится, что „искусство претворяетъ уродство въ красоту". И въ этомъ смыслѣ, повторяю, Толстой былъ безконечно далекъ отъ какого-либо отрицанія красоты. Въ своей послѣдней большой работѣ объ искусствѣ—въ книжкѣ „О Шекспирѣ и о драмѣ", онъ особенно четко формулируетъ свое отношеніе къ этому вопросу. „Достоинство всякаго поэтическаго произведенія, говоритъ онъ здѣсь, опредѣляются тремя свойствами": значительностью содержанія, искренностью, т.-е. силою, съ которою авторъ пережилъ это содержаніе, и „внѣшней красотой, достигаемой техникою, соотвѣтствующей роду искусства".

Эту-то красоту формы, живую „органическую" красоту, какъ бы напоминающую намъ, что есть какой-то не всегда видный намъ порядокъ, и гармонія, и высшій смыслъ въ жизни и во всемъ мірозданіи,—Толстой умѣлъ чувствовать, въ искусствѣ и въ природѣ, съ такою силою, что въ душѣ его родилась боль—та „боль отъ красоты", о которой онъ нѣкогда писалъ Фету.

Слишкомъ понятно, что Толстой отвергъ искусство, которое, стремясь плѣнить внѣшнія чувства воспринимающаго, его чувственную—хотя бы и только въ философскомъ смыслѣ—природу, заботится лишь о красотѣ формы и отказывается отъ всякаго значительнаго содержанія. Слишкомъ понятно, что такое искусство было въ его глазахъ искусствомъ „блуднымъ", измѣнившимъ самому своему назначенію. Со всею

силою своего гнѣва онъ возсталъ на него и, въ огнѣ этого гнѣва, минутами, казалось, готовъ былъ низвергнуть все, что сотворено въ области искусства человѣчествомъ новѣйшаго времени, сокрушить всѣ наши художественныя святыни. Онъ похожъ былъ на фанатика-иконоборца въ эти минуты. Но вся сила его страсти была, въ дѣйствительности, направлена только на расчистку путей для новаго искусства, глубокаго, чистаго и прозрачнаго, прекраснаго по формѣ и по содержанію. И какъ въ области нравственныхъ вопросовъ обличающій голосъ его всегда находилъ отклики въ нашей собственной совѣсти, такъ и здѣсь, въ области эстетическихъ вопросовъ, онъ взывалъ лишь къ тому, о чемъ глухо говоритъ и наша эстетическая совѣсть. Не о томъ ли самомъ скорбимъ и мечтаемъ мы, о чемъ онъ такъ страстно скорбѣлъ и такъ юношески мечталъ? Не объ этой ли самой измѣнѣ искусства своимъ основнымъ принципамъ, повелѣвающимъ создавать видимую форму для выраженія невидимаго, но истинно-реальнаго содержанія, затосковали въ послѣднія десятилѣтія всѣ лучшіе люди, всѣ передовые художники Европы? Не это ли заговорило въ нихъ, когда они такъ рѣшительно отвернулись отъ всякаго академизма? Не тоска ли объ искусствѣ простомъ, глубокомъ и непосредственномъ, какого почти не знаетъ наше время, заставляетъ насъ съ нѣжнымъ восторгомъ всматриваться въ младенческія, еще столь несовершенныя по формѣ произведенія ранняго Ренессанса, полныя цѣльнаго религіознаго чувства? Не это ли побуждаетъ однихъ—наиболѣе склонныхъ въ разсужденіи объ искусствѣ исходить отъ формы—мечтать о возвратѣ къ лапидарности примитивнаго художества; другихъ, наиболѣе тонкихъ и чуткихъ — искать возрожденія искусства въ истинной интимности его, т.-е. въ искренности, непосредственности чувства, въ противоположность всему показному и разсчитанному на зрителя.

Толстой, въ своихъ книгахъ и отдѣльныхъ замѣчаніяхъ объ искусствѣ, разбросалъ цѣлыя гнѣзда идей, лишь постепенно и частично возникающихъ то въ одной, то въ другой группѣ молодыхъ художественныхъ дѣятелей. Но при этомъ онъ еще съ страшною силою поставилъ вопросъ о зависимости между искусствомъ и нравственнымъ характеромъ творцовъ его. И здѣсь, въ связи съ вопросомъ объ искусствѣ, вновь прогремѣлъ его предостерегающій голосъ: Одумайтесь! во имя интересовъ самого искусства, кому оно истинно дорого, одумайтесь, — ибо искусство не возродится, пока не возродится въ новой, одухотворенной цѣльности самъ человѣкъ.

И здѣсь ставитъ онъ людямъ современности „неосуществимыя“ задачи, и здѣсь руководствуется не свѣтомъ фонаря, привѣшеннаго впереди насъ на палкѣ, а свѣтомъ звѣздъ небесныхъ. Но путь къ возрожденію всегда указуется звѣздами.

Любовь Гуревичъ.

Еще одинъ „кризисъ“ на политической сценѣ.

Въ томъ возбужденіи, которое, въ связи съ такъ называемымъ „конституціоннымъ кризисомъ“, охватило русскія политическія сферы и сообщилось отчасти и широкимъ обывательскимъ кругамъ, съ полной ясностью обнаружилась вся незаконченность нашего политическаго развитія, вся недостроенность государственнаго зданія Россійской имперіи. Точно не зданіе, а миражъ.

Самыя серьезныя событія носятъ отпечатокъ чего-то въ высшей степени несерьезнаго, „невсамомдѣлишняго“, какъ говорятъ дѣти. Принципы и слова звучатъ какой-то дѣланностью и фальшью. Они исходятъ изъ устъ, безсильныя и бездѣйственныя; это не золото, а какая-то фольга. „Конституція“ у насъ не настоящая, но и ея антиподъ давно сталъ также не только не настоящимъ, а прямо мнимымъ. Наша политическая жизнь не „настоящая“, а какая-то призрачная. Это какіе-то подмостки, на которыхъ что-то „изображается“, что-то „играется“, происходитъ какой-то символическій прологъ къ настоящему „дѣйству“; раздаются какіе-то намеки и прорицанія, которымъ еще предстоитъ воплотиться въ дѣйствительность и получить полный смыслъ.

Въ этой жизни, которая столь вымышленна и призрачна, и на этой сценѣ, которая столь реально-скучна и сѣра, все оказывается возможнымъ. Конституціонный кризисъ № 1 былъ при открытіи III Государственной Думы, когда обсуждался адресъ и слово „самодержавіе“. Третья Дума родилась въ „кризисѣ“, и съ самаго начала передъ ней былъ поставленъ „критическій“ вопросъ, есть ли у насъ „конституція“. „Критическій“ вопросъ былъ разрѣшенъ; какъ — объ этомъ теперь даже забыли. Кризисъ № 2 — дѣло о штатахъ морского штаба. *Казалось,* всѣ вопросы были тутъ поставлены и заострены „критически“. И *оказалась*—безвкусная пустышка, которая тоже заслуженно забыта.

Теперь кризисъ № 3. П. А. Столыпинъ вчера уходилъ, сегодня остался. Завтра, можетъ быть, уйдетъ. А. И. Гучковъ ушелъ, но какъ

бы для того, чтобы подчеркнуть, какъ это неважно, что онъ ушелъ,— онъ самъ уѣзжаетъ съ „поля битвы“. Въ странѣ „конституціонный кризисъ“, а предсѣдатель „рѣшающей“ фракціи уѣзжаетъ за тридевять земель. Это ли не характерно?

П. А. Столыпинъ возстановилъ противъ себя и Государственную Думу и Государственный Совѣтъ, и въ нихъ и лѣвыхъ, и правыхъ. Всѣхъ. Казалось бы, онъ „виситъ въ воздухѣ“! Но парадоксъ той кинематографической забавы, которая именуется русской политической жизнью, и состоитъ именно въ томъ, что, „вися въ воздухѣ“, Столыпинъ тѣмъ самымъ стоитъ на землѣ. Если бы онъ стоялъ на землѣ, онъ висѣлъ бы въ воздухѣ. Для того, чтобы остаться на землѣ, ему необходимо было повиснуть въ воздухѣ.

И онъ сдѣлалъ это. Когда занятія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта были прерваны на 3 дня и для примѣненія ст. 87 былъ „сдѣланъ“ „законный“ перерывъ, всѣ ахнули...

И всетаки именно этимъ „трюкомъ“, повидимому, разрѣшился кризисъ № 3. О правѣ, о конституціи еще поговорятъ, бывшій предсѣдатель Государственной Думы съѣздитъ на Амуръ, другого уже выбрали на его мѣсто—и машина пойдетъ своимъ ходомъ.

Какъ это ни обидно для актеровъ современной политической сцены Россіи, но, стоя въ сторонѣ, рѣшительно невозможно принимать въ серьезъ ихъ „игру“. Все это такъ не въ самомъ дѣлѣ; все это какая-то предварительная „словесность“, буквальный смыслъ которой теменъ или ничтоженъ, а подлинный еще скрытъ въ складкахъ исторіи...

Всѣ эти конституціонные кризисы № 1, № 2, № 3, № n+1—все это для исторіи какія-то костяшки, на которыхъ она отсчитываетъ незримые и неслышные шаги другого подлиннаго кризиса, неотвратимо надвигающагося. Въ этомъ кризисѣ будутъ сорваны всѣ маски, и слова изъ дутыхъ станутъ полновѣсными...

Конечно, политическій театръ не самъ по себѣ, а реальная жизнь— сама по себѣ. Между ними есть нити и токи, но текущая политическая стряпня не только не способна ими завладѣть, она даже не можетъ ихъ примѣтить. Нити этой стряпни сплетаются въ разныя „интриги“, но онѣ безконечно далеки отъ глубины реальной жизни. Даже тамъ, гдѣ они какъ будто ихъ касаются, это касаніе мнимое, болѣе того, обманное.

Въ глубинахъ русской жизни таятся жесткія и острыя національныя проблемы. Но столыпинскій націонализмъ съ его Крупенскими и Шульгиными есть лишь сценическая поддѣлка подъ то состязаніе національныхъ силъ, которое должно развернуться въ Россіи, когда она сброситъ съ себя путы умирающаго абсолютизма, который борется съ своей смертью лошадиными пріемами офиціально-націоналистическаго эликсира. Когда придетъ часъ, націоналистическая личина будетъ со-

рвана со стараго дворянско-помѣщичьяго лица вчерашней Россіи, которая молодится этой маской.

Въ русской жизни не можетъ не быть также подлинныхъ, охранительныхъ и либеральныхъ въ одно и то же время, государственныхъ силъ, которыя должны явиться становымъ хребтомъ права и правъ. Но развѣ мы видимъ ихъ въ современномъ октябризмѣ, который не можетъ съ правительствомъ, но не можетъ итти и противъ него, который все дѣлаетъ не по существу, а оглядываясь на правительство и на „кадетовъ“? Оглядываясь по сторонамъ, растерявшись въ мелочахъ и пошлостяхъ политической стряпни изо дня въ день, октябризмъ проглядѣлъ, что его идейная сущность и національное призваніе давно выскользнули изъ его рукъ, давно перешли въ чужое владѣніе, а онъ самъ превратился въ голую „тактику“ и парламентскую шелуху.

Народная жизнь находится въ состояніи безформенной и—на первый взглядъ — неподвижной стихіи. Всѣ же движенія и событія, разговоры, шумы и „кризисы“ происходятъ на политической сценѣ, которая со всѣми своими актерами, большими и малыми, виситъ въ воздухѣ. Вотъ почему драматическіе „кризисы“ разрѣшаются въ фарсы, которые забываются такъ легко. Не забывается, а, наоборотъ, тяжелыми пластами отлагается въ народной душѣ только одно: внутренняя неправда всей этой политики-фарса. Она отлагается какъ національная обида, какъ хроническая рана, какъ „язва растущая“.

Но политическіе актеры увлечены своей игрой и ничего не замѣчаютъ...

Петръ Струве.

22 марта 1911 г.

Московскіе выборы.

Дополнительные выборы по второй куріи города Москвы 20 марта 1911 года можно сравнивать только съ выборами по той же куріи 17 октября 1907 г.—первыми выборами въ III Государственную Думу. Небольшая статистическая таблица сразу покажетъ намъ, что собственно произошло въ Москвѣ 20 марта:

	Въ 1911 г.	Въ 1907 г.
Избирателей, внесенныхъ въ списки	23,900	39,555
Принимало участіе въ выборахъ	61,9%	69,1%
Голосовало за кон.-демокр.	80%	60,5%
„ „ октябристовъ	11,8%	21,4%
„ „ крайнихъ лѣвыхъ	7,4%	10,5%

Число избирателей, внесенныхъ въ списки, систематически сокращалось. Во время выборовъ въ I Думу ихъ было больше, чѣмъ во время выборовъ во II, а въ спискахъ при первыхъ выборахъ въ III Думу значительно меньше, чѣмъ въ 1906 и началѣ 1907 гг. Это уменьшеніе съ правильнымъ постоянствомъ шло на пользу октябристамъ и правымъ. Но въ 1911 г. произошелъ переломъ. Среди избирателей произвели очень большую чистку. Производила ее московская октябристская городская управа и администрація. А въ результатѣ октябристовъ постигъ неслыханный, небывалый разгромъ. Въ сущности ихъ пораженіе еще даже больше, чѣмъ показываетъ приведенная таблица. Правые въ 1911 г. не выставляли своихъ кандидатовъ, а нѣкоторыя ихъ группы предлагали голосовать за октябриста. Въ 1907 году правые собрали 7,4% всѣхъ голосовъ. Если присоединить эту цифру къ октябристскимъ голосамъ, то соотношеніе между кадетской побѣдой и октябристскимъ пораженіемъ станетъ еще рѣзче.

Абсентеизмъ на выборахъ увеличился, но не чрезмѣрно: на частичные выборы всегда приходитъ меньше избирателей, чѣмъ на общіе.

Значительная часть неявившихся на выборы принадлежала, несомнѣнно, къ правымъ. Уменьшилось и число голосовъ, поданныхъ за крайнихъ лѣвыхъ. Но это уменьшеніе ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить показателемъ измѣненія настроенія. Симпатіи московскаго цензового населенія второй куріи къ крайнимъ лѣвымъ, если не увеличились, то во всякомъ случаѣ и не уменьшились. Не подлежитъ сомнѣнію, что исключеніе изъ списковъ наибольшей тяжестью пало на лицъ, не платящихъ квартирнаго налога, т.-е. на ту категорію квартирохозяевъ, среди которой крайнія лѣвыя воззрѣнія пользуются наибольшей популярностью.

Такимъ образомъ, блестящее избраніе Н. В. Тесленко въ Москвѣ является непререкаемымъ свидѣтельствомъ возрастанія симпатій къ партіи народной свободы со стороны средне-зажиточнаго населенія, которое еще три года тому назадъ оказывало извѣстное довѣріе и поддержку октябристамъ и правымъ. Избраніе Н. В. Тесленко только подчеркнуло процессъ очищенія конституціоннаго сознанія московскихъ гражданъ, на который указало уже избраніе Н. Н. Щепкина по первой куріи. Первопрестольная русская столица рѣшительно и твердо высказывается за конституцію и осуждаетъ „неестественный режимъ“ во всѣхъ его видахъ, и въ правительственномъ, и въ октябристскомъ толкованіяхъ. И это дѣлаютъ избранные граждане, намѣренно просѣянные черезъ множество ситъ, тщательно вывѣянные для полученія „максимальнаго консерватизма“. Въ то время какъ раньше, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „московскаго возстанія“ и „экспропріацій“ такое просѣиваніе давало ожидаемые результаты, постепенно увеличивая число октябристскихъ и правыхъ голосовъ, три года режима П. А. Столыпина произвели отрезвляющее дѣйствіе на умы московскихъ избирателей.

Москва внушительно напомнила, что она стоитъ за законъ, за право, за демократическую конституцію... Конечно, и на этотъ предостерегающій голосъ не обратятъ вниманія... Фатумъ царитъ надъ русскою землей, и будущее начинаетъ уже вырисовываться въ туманѣ годовъ...

И.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь, господинъ редакторъ!

Въ февральской книжкѣ *Русской Мысли* за 1911 годъ помѣщена статья Александра Стаховича: „Холмскій вопросъ", въ которой, между прочимъ, сказано:

„Въ 1898 году въ Варшавѣ была созвана спеціальная комиссія подъ предсѣдательствомъ люблинскаго губернатора Тхоржевскаго для окончательнаго обсужденія вопроса объ учрежденіи Холмской губерніи. Послѣ детальнаго и всесторонняго обсужденія этого вопроса комиссія большинствомъ голосовъ отвергла этотъ проектъ" (92—93 стр.).

Въ виду сего, считаю необходимымъ заявить о нижеслѣдующемъ. Послѣ того какъ на всеподданнѣйшемъ отчетѣ бывшаго варшавскаго генералъ-губернатора графа Шувалова за 1895 годъ о необходимости образованія Холмской губерніи Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: „*Вполнѣ одобряю*", вопросъ о Холмской губерніи наиболѣе подробно былъ разработанъ, *въ 1899 году*, особой комиссіей, образованной, подъ предсѣдательствомъ люблинскаго губернатора, тайнаго совѣтника В. Ф. Тхоржевскаго, изъ членовъ: начальника холмской учебной дирекціи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. А. Истомина, младшаго дѣлопроизводителя канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора, коллежскаго асессора В. В. Лигина, начальника Красноставскаго уѣзда, Люблинской губерніи, коллежскаго совѣтника Н. В. Сахацкаго, страхового инспектора Люблинской губерніи, коллежскаго регистратора А. И. Марченко, благочиннаго сѣдлецкаго благочинія, протоіерея Н. Мизецкаго и настоятеля холмской Іоанно-Богословской церкви, протоіерея Н. Страшкевича.

Названная комиссія не только *признала единогласно необходимость осуществленія проекта объ образованіи Холмской губерніи,* но, во время обсужденія указаннаго проекта *въ г. Люблинъ,* составила подробную „*Записку о направленіи, въ которомъ слѣдуетъ провести западную гра-*

ницу особой Холмской губерніи, предположенной къ образованію изъ восточныхъ частей Сѣдлецкой и Люблинской губерній".

При этомъ необходимо присовокупить, что при осуществленіи проекта вышеозначенной комиссіи Люблинская губернія занимала бы $12{,}507_9$ кв. вер., а Холмская — $14{,}146_8$ кв. вер. и что въ первой было бы всего населенія 1.010,155 человѣкъ, а въ послѣдней—1.044,457 душъ обоего пола (въ томъ числѣ: православныхъ 405,681, католиковъ—451,291, протестантовъ—30,910 и евреевъ—156,498), считая въ числѣ католиковъ новой (Холмской) губерніи и такихъ исконно русскихъ людей, которые и понынѣ, будучи окатоличены латинскою пропагандою, все же продолжаютъ именовать себя русскими по происхожденію.

„*Записка о направленіи, въ которомъ слѣдуетъ провести западную границу особой Холмской губерніи, предположенной къ образованію изъ восточныхъ частей Сѣдлецкой и Люблинской губерній*" въ свое время, именно въ 1899 году, была отпечатана въ г. Люблинѣ; документальныя данныя означенной „Записки" послужили основаніемъ для статьи В. А. Истомина: „Образованіе Холмской губерніи какъ осуществленіе исторической правды по отношенію къ Забужной Руси", напечатанной въ № 5 *Русскаго Вѣстника* за 1903 годъ и затѣмъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ въ С.-Петербургѣ.

Покорнѣйше прося васъ, милостивый государь, дать мѣсто настоящему письму на страницахъ *Русской Мысли*, свидѣтельствую вамъ мое уваженіе.

Дѣйств. ст. сов. *В. А. Истоминъ*.

19 марта 1911 г.
Москва.

Отъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова.

Комиссія по распространенію гигіеническихъ знаній.

Въ память бывшаго товарища предсѣдателя Пироговской комиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній санитарнаго врача *В. И. Лебедева,* погибшаго при взрывѣ на фабрикѣ, объявляется 2-й конкурсъ на рукописи общедоступныхъ *изданій* (брошюръ и листковъ) *по вопросамъ профессіональной гигіены.*

Брошюры посвящаются изложенію свѣдѣній о вредныхъ моментахъ промышленнаго труда и способахъ охраненія здоровья работающихъ (напримѣръ: 1) о пыли въ различныхъ производствахъ; 2) о высокой температурѣ; 3) о ядовитыхъ и вредныхъ веществахъ и газахъ; 4) о травматизмѣ и т. п.).

Листки посвящаются выясненію вредныхъ особенностей отдѣльныхъ производствъ или отдѣльныхъ моментовъ того или иного производства (личная гигіена рабочихъ разныхъ производствъ).

Требованія, которымъ должны удовлетворять рукописи: 1) слогъ долженъ быть литературный безъ поддѣлокъ подъ народное нарѣчіе; 2) предметъ долженъ быть изложенъ серьезно, но не въ видѣ сухого учебника, а живо, образно и интересно; 3) изложеніе должно быть ясное, общедоступное, безъ излишняго загроможденія историческими, географическими данными и терминами; 4) изложеніе должно быть научно точное, при чемъ желательно обратить вниманіе на существующіе предразсудки и обычаи, вредно вліяющіе на здоровье, въ цѣляхъ ихъ искорененія путемъ научнаго освѣщенія фактовъ; 5) размѣръ брошюръ долженъ быть не болѣе 80,000 буквъ, а листковъ — не свыше 15,000 буквъ (кажд.).

За рукописи, которыя будутъ приняты комиссіей къ изданію и поступятъ въ собственность Пироговскаго Общества врачей, будетъ уплачено изъ расчета 150 руб. съ печатнаго листа (въ 40,000 буквъ). Всего на этотъ предметъ изъ фонда въ память *В. И. Лебедева* ассигновано 450 рублей.

Представляемыя на конкурсъ рукописи должны быть написаны четко, на одной сторонѣ листа и должны присылаться подъ девизомъ—въ сопровожденіи запечатаннаго конверта, въ которомъ обозначаются фамилія и адресъ автора.

Комиссія оставляетъ за собою право *вскрыть сопроводительный конвертъ* и въ томъ случаѣ, если рукопись будетъ въ общемъ признана желательной къ изданію, но требующей переработки, или если изъ ряда предложенныхъ авторомъ листковъ окажутся принятыми не всѣ, а лишь та или иная часть ихъ.

Срокъ представленія рукописей—1-е декабря 1911 г.

Адресъ: Москва, Сущевская ул., д. № 18, кв. 8. Пироговская комиссія по распространенію гигіеническихъ знаній.

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Политическая жизнь Россіи. А. С. Изгоева.—2. Внѣшняя политика младотурокъ. Л. И. Гальберштадта.—3. „Желѣзный законъ олигархіи". А. М. Рыкачева.

II. Литература и искусство.

1. Книги, читатели и писатели. Антона Крайняго.—2. Украинская литература въ 1910 г. Мих. Могилянскаго.—3. Анри де Ренье. Максимиліана Волошина.—4. Петербургскіе театры. М. М. Симоновичъ.—5. Изъ петербургской музыкальной жизни. Гр. Н. Тимофеева.

III. Философское движеніе.

1. Борьба за „міровоззрѣніе" въ нѣмецкой философіи. С. Л. Франка.—2. Джіованни Вайлати. Дж. Амендола.

IV. Школа и воспитаніе.

1. Идея вспомогательной школы въ современной педагогической жизни. А. В. Владимірскаго.—2. Книги для дѣтей и юношества. В. Г. Малахіевой-Мировичъ.

V. Естествознаніе.

Памяти Я. Г. фантъ Гоффа. И. А. Каблукова.

VI. Некрологъ.

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Политическая жизнь Россіи.

Министерскій кризисъ. — „Націонализмъ" П. А. Столыпина.—Земство въ 6 западныхъ губерніяхъ.

Министерскій кризисъ, разразившійся съ 7 по 12 марта, привелъ въ движеніе всѣ, какъ старыя, такъ и „новыя" силы нашего строя.

Закулисныя интриги сановниковъ—обычное явленіе русской жизни. Изъ недавняго прошлаго мы знаемъ, какъ въ силу этихъ интригъ создавались и уничтожались цѣлыя учрежденія, какъ собирались комиссіи и контръ-комиссіи, издавались въ одинъ и тотъ же день другъ другу противорѣчившіе акты. Введеніе представительныхъ учрежденій почти не измѣнило придворно-бюрократической атмосферы. Государственная Дума была быстро обезсилена бюрократіей, приведшей къ покорности „молодое, лишенное еще прочныхъ корней народное представительство". Что касается Государственнаго Совѣта, то онъ безспорно оказался значительной сплой новой законодательной машины, представляя и тор-

мозъ и недоступный барьеръ. Но естественно также, что онъ сдѣлался главнымъ гнѣздомъ „интриги“.

Сановники, жаждавшіе портфелей, не могли не обратить своего главнаго вниманія на Гос. Совѣтъ, который и въ глазахъ министерства неизбѣжно долженъ былъ оказаться самымъ опаснымъ мѣстомъ. Министерство П. А. Столыпина не могло, конечно, не видѣть, что въ Гос. Совѣтѣ противъ него зрѣетъ „заговоръ“. Нападенія шли справа, что вполнѣ, конечно, понятно, такъ какъ по условіямъ нашей жизни, всякое нападеніе слѣва только усиливаетъ министровъ, тогда какъ малѣйшее подозрѣніе въ сочувствіи „конституціи“ можетъ сдѣлаться роковымъ для ихъ карьеры. П. А. Столыпину пришлось выдержать не одно такое нападеніе. Наиболѣе яркимъ изъ нихъ была борьба изъ-за морскихъ штатовъ, когда правые упрекали его въ умаленіи прерогативъ Монарха. Во всѣхъ этихъ случаяхъ поведеніе П. А. Столыпина было очень опредѣленнымъ. Онъ съ чрезвычайной быстротой отказывался отъ своей программы, усваивалъ взгляды своихъ противниковъ справа и, выбивая такимъ образомъ изъ ихъ рукъ отравленное оружіе и овладѣвая имъ самъ, спасалъ свое положеніе.

Но à la longue положеніе становилось опаснымъ. Для борьбы нуженъ былъ какой-либо принципъ. Конституція и ярче всѣхъ поддерживавшіе ее кадеты грозили гибелью. Не только октябристамъ надо было оправдываться въ томъ, что они—„кадеты второго сорта“, но и самому премьеру, который спеціализировался на борьбѣ съ кадетами, приходилось защищаться отъ заподазриваній... въ кадетизмѣ. Несмотря на всю очевидную нелѣпость этихъ заподазриваній, съ такими обвиненіями приходилось считаться не только въ силу „внѣшнихъ условій“ (играющихъ у насъ роль и въ жизни министровъ), но и по существу. Идея правового порядка неотдѣлима отъ идеи конституціонной, а искренними носителями послѣдней въ русской жизни явились именно кадеты. Неудивительно, поэтому, что реакціонеры въ каждой серьезной попыткѣ настоять на осуществленіи начала законности въ русской жизни видятъ „кадетизмъ“. Въ этомъ коренится и поражающая многихъ сила „кадетизма“. Казалось бы, всѣ организаціи кадетовъ разгромлены. Партія, не имѣющая возможности по самому существу своему дѣйствовать нелегально, осуждена почти на полную бездѣятельность и чуть ли не на разложеніе. Какъ справедливо указываютъ, она не нашла еще и прочнаго соціальнаго базиса. Лучшія силы ея тѣмъ или инымъ способомъ въ большей ихъ части изъяты съ политической арены. Словомъ, разгромъ полный. И все же политическая борьба нашихъ дней и по сію пору вертится главнымъ образомъ около кадетовъ. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что они ярче всего выразили столь сильную въ русскомъ обществѣ и народѣ жажду закона, жажду правового порядка. Простые люди не могутъ разбираться во всѣхъ программныхъ тонкостяхъ, но они видятъ и понимаютъ, что кадеты искренно ненавидятъ произволъ и искренно поставятъ законъ выше личнаго усмотрѣнія, гдѣ бы, высоко или низко, оно ни коренилось. Всякое стремленіе кого бы то ни было стать твердо на защиту законности неизбѣжно поэтому толковалось реакціонерами, какъ прямой или скрытый „кадетизмъ“.

Серьезно поставить своею цѣлью насажденіе въ странѣ началъ законности П. А. Столыпинъ не хотѣлъ и не могъ. Во-первыхъ, онъ всетаки русскій помѣщикъ, баринъ, и администраторъ старой школы, плевенскій губернаторъ. Во-вторыхъ, онъ не могъ не видѣть, что путь законности для него опасенъ. Онъ приводитъ неизбѣжно къ конституціи, а слѣдовательно, грозитъ обвиненіемъ въ смертномъ грѣхѣ „кадетизма“, что грозитъ и концомъ карьеры.

Конечно, въ программѣ П. А. Столыпина, какъ онъ ее развивалъ передъ второй Думой, было не мало „кадетскихъ“ плевелъ. Но впослѣдствіи онъ только то и дѣлалъ, что искупалъ свои вольныя и невольныя прегрѣшенія. Вся „реформаторская“ дѣятельность кабинета П. А. Столыпина, сводящаяся, за исключеніемъ земельной реформы, о которой рѣчь должна итти особо, къ полному нулю, въ томъ и заключалась, что кабинетъ отъ сессіи къ сессіи отказывался отъ части возвѣщенной имъ программы. Надо ли приводить примѣры, снова указывать на судьбу вѣроисповѣдныхъ законовъ, на мѣстный судъ, на постепенныя измѣненія въ проектахъ мѣстной реформы, земской и административной, на недавній столь торжественный отказъ отъ предположеннаго уничтоженія волостного суда и т. д. и т. д.?

Физически, внѣшнимъ образомъ кадеты были разгромлены. Но П. А. Столыпинъ не могъ не видѣть, что идейно они становятся чуть ли не сильнѣе прежняго, по мѣрѣ того, какъ ихъ программа и тактика освобождаются отъ утопическихъ элементовъ. Мало того. Онъ видѣлъ, что его думская опора, октябристы имѣютъ значеніе и силу лишь постольку, поскольку они являются опять-таки „кадетами“, хотя бы и второго сорта. Полное внутреннее банкротство, неспособность къ какимъ бы то ни было реформамъ становилась яснѣе день ото дня. Началось метаніе въ поискахъ за какой-бы то ни было идеей, которую можно было бы противоставить идеѣ кадетской, т.-е. конституціонному правопорядку, и, опираясь на которую можно было бы не бояться нападокъ правыхъ, засѣвшихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, какъ въ своей цитадели.

Такъ состоялось обрученіе П. А. Столыпина съ „націонализмомъ“, смѣнившимъ использованный и ни на что болѣе непригодный октябризмъ. Какъ и все въ политикѣ кабинета, за исключеніемъ земельной реформы, увлеченіе „націонализмомъ“, явилось дѣломъ случайнымъ. Національныя отношенія въ западномъ краѣ способствовали несомнѣнно обостренію среди мѣстнаго русскаго населенія національныхъ чувствъ. Не въ примѣръ центральной Россіи въ западныхъ губерніяхъ на національной почвѣ возможно было нѣкоторое сближеніе и между различными соціальными классами и между администраціей и русскимъ населеніемъ. Дѣятели Юго-Западнаго края обратили вниманіе правительства на то, что представителями западныхъ губерній въ Гос. Совѣтѣ являются крупные польскіе помѣщики. П. А. Столыпину тоже, конечно, улыбалась мысль вмѣсто опасныхъ и ненадежныхъ поляковъ, хотя и поддержавшихъ его земельную реформу, имѣть въ верхней палатѣ людей, на которыхъ онъ могъ положиться. Такъ возникъ вопросъ объ измѣненіи представительства въ Гос. Совѣтѣ отъ западныхъ и юго-западныхъ губерній, мало-по-малу, отчасти при содѣйствіи октябристовъ, развернувшійся въ вопросъ о введеніи земства въ этихъ областяхъ. Вопросъ этотъ старый, возбуждавшійся еще десятки лѣтъ тому назадъ при старомъ строѣ. Онъ стоялъ когда-то въ спискахъ либеральныхъ реформъ. Являлась возможность довольно дешево продемонстрировать и свою реформаторскую дѣятельность и усилить правительственную позицію въ Государственномъ Совѣтѣ.

Такъ родился проектъ закона о западномъ земствѣ. Современный „націонализмъ“, во имя котораго якобы начата борьба съ „реакціей“, носитъ опредѣленно выраженный дворянско-помѣщичій характеръ. Яснѣе всего это можно видѣть именно на примѣрѣ юго-западнаго земства. Въ Юго-Западномъ краѣ огромная часть населенія, крестьянство, почти поголовно русское. Казалось бы, если передать земское дѣло въ руки крестьянъ, то ни о какой національной опасности не могло итти и рѣчи. Но крестьянское земство казалось націоналистамъ опаснымъ. На примѣрѣ

Васильковскаго уѣзда, Кіевскаго уѣзда гр. Витте въ одной изъ своихъ рѣчей вскрылъ истинный смыслъ господствующаго „націонализма“. На уѣздъ по расписанію положено 40 гласныхъ. Если бы распредѣлять ихъ пропорціонально численности населенія и размѣрамъ землевладѣнія, то при самой льготной развертккѣ на долю русскихъ частныхъ землевладѣльцевъ пришлось бы 7 гласныхъ, столько же на долю землевладѣльцевъ-поляковъ, а остальныя, т.-е. 26 мѣстъ, достались бы гласнымъ отъ сельскихъ обществъ, т.-е. крестьянамъ. Но по идеѣ націоналистовъ необходимо было доставить въ земскомъ собраніи господство помѣщикамъ—русскимъ, и при томъ такое господство, которое бы исключало даже возможность предусматриваемаго заранѣе блока русскихъ крестьянъ съ поляками—частными землевладѣльцами. А при такой постановкѣ вопроса „національная“ опасность несомнѣнно выступаетъ довольно рѣзко. Ни по численности, ни въ особенности по хозяйственности, по знанію дѣла русскіе помѣщики, очень часто въ краѣ не живущіе, не могутъ итти ни въ какое сравненіе съ помѣщиками-поляками, лично ведущими свое хозяйство. Поэтому начали съ того, что образовали особую польскую курію („отдѣленіе“), которой и отдали 7 мѣстъ. Оставшіяся же 33 мѣста гласныхъ подѣлили среди русскаго населенія такъ, что частнымъ землевладѣльцамъ отвели 20 мѣстъ, а гласнымъ отъ сельскихъ обществъ всего только 13.

Но при этомъ распредѣленіи силой вещей пришлось отказаться отъ одного основного принципа, на которомъ покоится земство въ центральной Россіи: отъ сословности. При всемъ желаніи русскую землевладѣльческую курію нельзя было сдѣлать дворянской—дворянъ нехватало. Пришлось также и понизить цензъ, что объясняется отчасти и болѣе высокой цѣнностью земли въ данномъ краѣ. Впрочемъ, пониженіе ценза вышло нѣсколько большимъ, чѣмъ того желало правительство, такъ какъ октябристамъ удалось въ Гос. Думѣ добиться пониженія нормъ, а, вступивъ въ конфликтъ съ Гос. Совѣтомъ и проведя весь законъ при помощи ст. 87-ой, правительство нашло болѣе тактичнымъ принять неизмѣнной думскую редакцію. Такимъ образомъ въ силу цѣлаго ряда случайностей земство въ Зап. Краѣ будетъ нѣсколько демократичнѣе, чѣмъ могло думать правительство, или, точнѣе говоря, будетъ рѣзче выражено представительство среднихъ и мелкихъ русскихъ землевладѣльцевъ.

Крупные землевладѣльцы-дворяне, засѣдающіе въ Гос. Совѣтѣ, не могли, конечно, сочувствовать введенію въ Зап. Краѣ земства. Для тѣхъ, кто владѣетъ тамъ имѣніями, новыя учрежденія означали новые налоги. Всѣмъ вообще были непріятны принципъ безсословности и пониженный цензъ. Это напоминало о предстоящей земской реформѣ внутри Россіи. Сюда присоединилась и та „интрига“ противъ П. А. Столыпина, о которой такъ много говорили и которая въ сущности никогда не замирала. Для нанесенія удара избранъ былъ вопросъ о національныхъ куріяхъ. Къ тому было много основаній. Во-первыхъ, постепенно увлекаясь своимъ случайнымъ открытіемъ, П. А. Столыпинъ началъ сворачивать „ось внутренней жизни“ съ земельной реформы на „націонализмъ“ и ударъ въ этотъ пунктъ былъ бы наиболѣе чувствителенъ. Во-вторыхъ, у правыхъ и у П. Н. Дурново, стоявшаго во главѣ „интриги“, была увѣренность, что при отверженіи курій они могутъ всецѣло разсчитывать на поддержку и лѣвой группы Гос. Сов., и поляковъ и нѣмцевъ. Если бы правые захотѣли дать бой на пониженномъ цензѣ, то они имѣли бы противъ себя лѣвыхъ, да къ тому же и П. А. Столыпинъ могъ бы только радоваться пораженію думскаго проекта на этомъ пунктѣ. Въ-третьихъ, наконецъ, въ Гос. Совѣтѣ несомнѣнно была группа лицъ разныхъ направленій, ко-

торая вполнѣ сознательно голосовала противъ національныхъ курій, какъ мѣры, по ея мнѣнію, анти-государственной.

Было бы неправильно сводить весь разыгравшійся конфликтъ къ простому столкновенію борющихся за власть сановниковъ. Въ столкновеніи были несомнѣнно и разные идейные мотивы, и въ частности въ немъ можно подмѣтить столкновеніе идеи имперіализма съ идеей національнаго. Многіе изъ тѣхъ правыхъ, которые голосовали противъ курій, ясно чувствовали, что П. А. Столыпинъ вступилъ на совершенно новый для Россіи „австрійскій“ путь національнаго. Они боролись противъ попытки превратить Россію изъ единаго цѣлостнаго государства въ собраніе обособленныхъ въ силу закона національныхъ клѣтокъ.

Какъ мы уже подчеркивали, П. А. Столыпинъ набрелъ на свой „національнаго“ случайно. Онъ не дѣлалъ выводовъ изъ своей идеи. Онъ не понялъ, что своимъ проектомъ даетъ опору всѣмъ центробѣжнымъ національнаго теченіямъ, которыя въ минуты внѣшнихъ осложненій могутъ причинить Россіи много смуты. Надо замѣтить, что въ средѣ революціонныхъ партій національнаго, федералистическія и сепаратистскія, тенденціи проявились раньше, чѣмъ правительственные дѣятели набрели на свою идею національныхъ курій. Конечно, по мысли правительства при помощи курій предполагается всегда предоставить большинство русскому племени, но вѣдь это вопросъ силы, тутъ различіе количественное, а не качественое. По идеѣ же „куріи“ освящаютъ если не сепаратизмъ, то во всякомъ случаѣ федерализмъ. Поэтому тѣ правые члены, которые голосовали противъ курій, дѣйствовали, быть можетъ даже и безсознательно, подъ вліяніемъ государственной имперіалистской идеи. Правда, имперіализмъ ихъ совершенно реакціоненъ: онъ не способенъ ни къ какому движенію, ни къ какой реформѣ, такъ какъ, помимо помѣстнаго дворянства, не признаетъ наличности въ Россіи ни одной государственной силы. Поэтому реакціонному имперіализму можетъ и долженъ быть противопоставленъ имперіализмъ демократическій, имперіализмъ прогрессивный, усматривающій въ промышленномъ классѣ, въ крестьянствѣ, въ третьемъ элементѣ („интеллигенціи“) и т. д. тѣ силы, которыя могутъ преобразовать Россію въ правовое государство, не давая большого простора центробѣжнымъ національнаго стремленіямъ.

Нельзя относиться къ національнымъ куріямъ (равно какъ и къ федераціи) съ безусловной принципіальной враждой. Бываютъ условія, при которыхъ государство вынуждено обращаться къ національнымъ куріямъ, какъ къ средству ослабить острую, принимающую нежелательныя формы, національную борьбу, какъ къ средству внести успокоеніе въ взволнованную національными страстями страну. Сама по себѣ національная борьба тоже не является безусловнымъ зломъ. Это, жизненный фактъ огромной силы, и голое отрицаніе его — есть фикція, сантиментальное прекраснодушіе, которое никогда не можетъ лежать въ основѣ здравой политики. Но совсѣмъ другое дѣло, когда государство искусственно развиваетъ національную борьбу, пускаетъ въ ходъ намѣренныя усилія для того, чтобы обострить національныя противорѣчія. Такая политика возможна только тамъ, гдѣ правящій классъ представляетъ незначительное меньшинство и притомъ меньшиство реакціонное, вынужденное для охраненія своего господства раздувать національную борьбу въ національную ненависть.

Мы уже видѣли, что въ западныхъ губерніяхъ, если бы правительство рѣшилось опереться на крестьянъ, не могло бы итти и рѣчи о какой-либо національной „польской опасности“. Противъ этого возражаютъ, что крестьянство въ Зап. краѣ — элементъ темный,

мало культурный, что на него опереться нельзя. Едва ли это справедливо фактически. Этотъ „темный, некультурный элементъ“ въ теченіе вѣковъ съ успѣхомъ отстаивалъ свою національную самобытность противъ сильныхъ полонизирующихъ вліяній. Но если бы даже это возраженіе и было справедливо, то изъ него слѣдовалъ бы лишь одинъ выводъ: необходимость энергичной и неустанной работы для поднятія культурнаго уровня крестьянства.

Мы пріемлемъ, какъ фактъ, общественную національную борьбу тамъ, гдѣ она существуетъ, но задачу государства видимъ вовсе не въ возбужденіи ея, а въ смягченіи острыхъ и опасныхъ, съ государственной точки зрѣнія, ея формъ. Столыпинскій „націонализмъ“ потому и является опаснымъ, что онъ возлагаетъ на государство совершенно несвойственную правовому государству роль возбудителя національной вражды.

Такова была соціальная, идейная и личная обстановка конфликта, который разрѣшился такимъ неслыханнымъ примѣненіемъ *in fraudem legis* ст. 87-ой Осн. Зак., что даже октябристы вынуждены были почти всей своей массой перейти въ оппозицію (на долго ли?)Объ общемъ смыслѣ новѣйшаго „кризиса“ говорится въ статьѣ П. Б. Струве.[1]) Мы же дадимъ лишь краткое изложеніе знаменитаго отнынѣ въ русской исторіи закона о западномъ земствѣ, перваго закона „націоналистской эры“.

Въ шести губерніяхъ (Витебской, Волынской, Кіевской, Минской, Могилевской и Подольской) вводится „положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г.“ съ нѣкоторыми измѣненіями. Важнѣйшее изъ нихъ состоитъ въ томъ, что дѣленіе избирательныхъ съѣздовъ и собраній по сословіямъ замѣнено дѣленіемъ по національностямъ (на два „отдѣленія“, т.-е. куріи). Кромѣ того, цензъ недвижимаго имущества (кромѣ землевладѣнія), дающаго права на участіе въ избирательномъ собраніи, пониженъ сравнительно съ центральной Россіей вдвое: до 7500 рублей. Замѣтно понижено и количество десятинъ земли, дающее право на полный цензъ, мѣняющееся, конечно, по губерніямъ и уѣздамъ. Во всѣхъ уѣздахъ Подольской губ. полный цензъ равняется 75 десятинамъ, Могилевской—125, въ Витебской колеблется по уѣздамъ отъ 75 до 150, въ Волынской—отъ 50 (Изяславскій уѣздъ) до 250 (Овручскій у.), въ Кіевской отъ 50 до 150 дес., въ Минской отъ 150 до 300 десятинъ. Лица, обладающія полнымъ цензомъ, участвуютъ непосредственно въ избирательномъ собраніи для выбора уѣздныхъ гласныхъ. Лица, обладающія землей или другимъ недвижимымъ имуществомъ въ размѣрѣ не меньшемъ одной десятой полнаго ценза, участвуютъ въ избирательномъ собраніи черезъ уполномоченныхъ, избираемыхъ на особыхъ избирательныхъ съѣздахъ. Въ отличіе отъ порядка, существующаго въ центральной Россіи, такихъ съѣздовъ устраивается два: одинъ для лицъ, владѣющихъ не менѣе одной пятой полнаго ценза, другой—для владѣющихъ имуществомъ въ размѣрѣ менѣе пятой, но не менѣе одной десятой части полнаго ценза. Существованіе двухъ съѣздовъ еще рѣзче подчеркиваетъ стремленіе замѣнить выкинутое изъ закона сословное различіе землевладѣльцевъ различіемъ по размѣрамъ владѣнія. И избирательные съѣзды, и избирательныя собранія, и сами уѣздныя земскія собранія для выбора губернскихъ гласныхъ дѣлятся на два „отдѣленія“ по національностямъ. Приняты также мѣры, чтобы въ исполнительныхъ земскихъ органахъ (управахъ) русской національности всегда было обезпечено большинство. Эти предосторожности являются совершенно излишними, такъ какъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ число гласныхъ русской національности обыкновенно въ три-

[1]) См. выше ст. *П. Б. Струве* „Еще одинъ „кризисъ“ на политической сценѣ“.

четыре раза (а въ иныхъ уѣздахъ въ 6—8 разъ) больше числа гласныхъ поляковъ. Въ губернскихъ же собраніяхъ соотношенія еще рѣзче. Напр., въ волынскомъ губернскомъ земскомъ собраніи русскихъ гласныхъ—52, поляковъ—11, въ кіевскомъ—67 и 7, въ могилевскомъ—51 и 4 и т. д.

А. С. Изгоевъ.

Спб., 17 марта 1911 г.

2. Внѣшняя политика младотурокъ.

Какъ еще памятны первые дни послѣ крушенія стараго режима въ Турціи, когда вмѣстѣ съ нимъ пало и—многимъ казалось — пало безповоротно главенствующее положеніе Германіи въ Константинополѣ. Какъ еще памятно и какъ уже далеко! Трехъ лѣтъ еще не прошло съ тѣхъ поръ, какъ между Россіей и Англіей было заключено на ревельскомъ рейдѣ ускорившее переворотъ соглашеніе по македонскимъ дѣламъ, которое такъ взволновало было Германію, развивъ такія серьезныя перспективы, и вдругъ все это померкло, забылось, какъ бы его и совсѣмъ не бывало. Также исчезли и ходившіе въ ту предразсвѣтную для Турціи пору слухи о заключеніи ею военной конвенціи съ тройственнымъ союзомъ,—слухи, которымъ вѣрили тогда, такъ какъ ясно было, въ какую сторону метнется Турція отъ новой тройственной коалиціи. Абдулъ Гамидъ сошелъ со сцены—и все это минуло.

Прошло два года. Австрія присоединила Боснію и Герцеговину. Послѣ долгой дипломатической борьбы Россія уступила давленію Германіи и примирилась съ этимъ фактомъ. И вновь Германія — первый и единственный другъ Турціи. И вновь тѣ же оспариваемые, но упорные слухи о военной конвенціи, правда, съ Румыніей, но въ качествѣ моста къ тройственному союзу; то же вращеніе турецкой политики въ орбитѣ германской.

Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ—и новая смѣна картины. Очертанія ея еще неясны. Но извѣстно главное, что предопредѣляетъ ее: фактъ соглашенія Россіи съ Германіей.

Такъ, въ зависимости отъ отношеній Россіи и Германіи, Россіи и Австріи, Россіи и Англіи колебалось международное положеніе Турціи. Соотвѣтственно видоизмѣнялась и ея внѣшняя политика.

Но нетрудно доказать, что въ эти первые годы младотурецкаго режима она по существу оставалась той же, какой была уже не одно столѣтіе при старомъ строѣ: политикой самосохраненія. Въ первый моментъ своей свободной жизни Турціи удалось самымъ фактомъ своевременнаго переворота отвратить опасность отдѣленія Македоніи, такъ какъ предполагавшіяся даже палліативнымъ (сравнительно съ англійскимъ) русскимъ проектомъ реформы неизбѣжно и болѣе или менѣе скоро привели бы къ автономіи македонской области. Отъ стараго режима оставалось еще одно тяжкое наслѣдіе: тщательно и всесторонне разработанное и отчасти приведенное въ дѣйствіе проникновеніе германской энергіи, германскаго вліянія во многія отрасли экономической и политической жизни страны. Въ тотъ моментъ, напомнимъ, тройственное соглашеніе переживало свою Sturm и Drangperiode. Германія, незадолго передъ тѣмъ потерпѣвшая жестокое пораженіе въ Алжезирасѣ, уже не казалась константинопольскимъ политикамъ всемогущей и безусловно надежной опорой. Быстро развивавшаяся со времени мюрцштегскаго соглашенія самостоятельная дѣятельность Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, сдѣлавшаяся еще болѣе энергичной со времени назначенія министромъ иностранныхъ дѣлъ бар. Эренталя, не могла не заставлять турокъ усомниться и въ единствѣ политики обѣихъ среднеевропейскихъ имперій. Въ результатѣ мы видѣли въ это время колебаніе турецкой политики между Германіей и Англіей, между Австріей и Россіей, вѣрнѣе—стремленіе противопоста-

вить послѣднія первымъ и наоборотъ. Довольно рѣзкій въ первый моментъ уклонъ младотурецкой политики въ сторону тройственнаго соглашенія можно объяснить необходимостью возстановить равновѣсіе, такъ сильно въ послѣдніе годы правленія Гамида нарушенное въ пользу Германіи и отчасти всей ея группы.

Послѣдовавшія затѣмъ событія поставили Турцію, вѣрнѣе младотурокъ, передъ очень запутанной политической проблемой. Съ одной стороны, аннексіей Босніи и Герцеговины Австрія нанесла ей ударъ, правда, почти исключительно моральный, такъ какъ никто серьезно въ Константинополѣ не думалъ о возвращеніи этихъ провинцій подъ власть Оттоманской имперіи. Съ другой стороны, провозглашеніе независимости Болгаріи и аннексія ею восточной Румеліи была такимъ же ударомъ, нанесеннымъ славянскимъ государствомъ, сторону котораго, какъ нельзя было сомнѣваться, рано или поздно должна была принять Россія. Неясность положенія увеличивалась волненіями на Критѣ и явнымъ намѣреніемъ Греціи присоединить островъ. Кто поддерживаетъ и поддержитъ эллинское королевство, было въ тотъ моментъ не совсѣмъ видно. Были основанія полагать, что оно разсчитываетъ и на тройственное соглашеніе, и на Германію. Турція, спасая себя, начала лавировать. За воинственными статьями константинопольскихъ газетъ и громкими фразами политиковъ скрывалось одно желаніе: переждать, пока не станетъ яснымъ, чѣмъ разрѣшится общее замѣшательство въ Европѣ. Можно прямо сказать, что крайне затруднительное положеніе младотурокъ въ эти тревожные мѣсяцы вытекало исключительно изъ того, что они не могли съ достаточной увѣренностью предугадать результата предпринятаго г. Извольскимъ дипломатическаго похода, такъ какъ тройственное соглашеніе мѣрялось силой и рѣшимостью съ тройственнымъ союзомъ, и до исхода этой борьбы всякое опредѣленное рѣшеніе грозило туркамъ опасностью трудно поправимой ошибки.

Германія положила тогда на одну чашку вѣсовъ свой мечъ, и другая — наша — высоко поднялась, потому что на ней были лишь добрыя намѣренія. Этотъ моментъ предопредѣлилъ дальнѣйшую политику Турціи. Германскій посолъ въ Константинополѣ, Маршалъ-фонъ-Биберштейнъ вновь сталъ ближайшимъ совѣтчикомъ правительства младотурокъ, какъ былъ въ той же роли при Гамидѣ. Чувство самосохраненія обусловило новое сближеніе съ Германіей, какъ за годъ передъ тѣмъ оно вызвало противоположный результатъ. Въ этотъ періодъ—иначе говоря, вчера—внѣшняя политика Турціи представила нѣкоторыя чрезвычайно близко касающіяся насъ особенности. Онѣ проявились въ желѣзнодорожныхъ проектахъ, въ реорганизаціи арміи, а главнымъ образомъ—въ дѣйствіяхъ Турціи на персидской границѣ.

Не входя въ подробности, укажу лишь, что выработанный и проведенный германскимъ генераломъ фонъ-деръ-Гольцемъ, иначе фонъ-деръ-Гольцъ-пашой планъ реорганизаціи арміи имѣетъ цѣлью обезпечить, во-первыхъ, быструю мобилизацію; во-вторыхъ, однородность возрастнаго состава мобилизуемыхъ частей; въ-третьихъ, увеличить контингентъ. Вмѣсто прежнихъ шести корпусовъ (трехъ въ Европ. Турціи и трехъ въ Азіатской) съ очень слабымъ и плохо обученнымъ резервомъ Турція будетъ имѣть теперь 350 батальоновъ, или 39 дивизій, или 14 корпусовъ по двѣ или по три дивизіи: 7—въ Европѣ, 7—въ Азіи. Отмѣтимъ мѣста расположенія азіатскихъ корпусовъ—прежнія: Эрзингіанъ, Дамаскъ, Багдадъ, и новые: *Эрзерумъ*, *Ванъ*, Закхо, Моссулъ. Какъ европейскіе, такъ и азіатскіе корпуса въ военное время соединяются по двѣ арміи. Одна изъ азіатскихъ армій предназначена для дѣйствія на стратегическомъ театрѣ собственной Арменіи,

другая — восточной Арменіи и Курдистана.

Съ другой стороны, въ обширномъ планѣ постройки желѣзныхъ дорогъ, выработанномъ министерствомъ общественныхъ работъ и опубликованномъ бывшимъ министромъ Нарадунгіаномъ, мы находимъ среди дорогъ, указываемыхъ „à entreprendre immédiatement“ три стратегическія линіи въ Малой Азіи, заслуживающія особаго нашего вниманія. Это линіи—Самсунъ-Сивасъ, Сивасъ - Эрзерумъ и Сарыкли - Діарбекиръ, связывающія тѣ же стратегическія области съ Константинополемъ (Константинополь—Ангора — Сивасъ—Эрзерумъ), съ портами Чернаго моря, т.-е. съ мѣстами транспорта македонскихъ корпусовъ (Сивасъ — Эрзерумъ), а послѣдняя линія связываетъ оба театра военныхъ дѣйствій вдоль нашей и персидской границъ.

Достаточно поставить эти постройки въ связь съ новымъ расположеніемъ войскъ, чтобы значительность этихъ фактовъ для насъ выяснилась неопровержимо. Параллельно идетъ энергичная работа по созданію флота на Черномъ морѣ, какъ оборонительнаго, такъ и наступательнаго. Уже достаточно оцѣненный спеціалистами, фактъ этотъ, какъ мы видимъ, не одинокъ, а является одной изъ частей систематическаго плана.

Третья особенность турецкой политики недавняго времени — энергичное продвиженіе въ урмійскій и хойскій округа пограничнаго съ нами, столь важнаго для насъ въ стратегическомъ отношеніи и, кромѣ того, входящаго въ сферу нашего вліянія въ Персіи Ассербейджана. R. Recouly въ Revue parlementaire et politique говоритъ, что, если нельзя доказать подстрекательства Германіи къ этимъ дѣйствіямъ, то нельзя отрицать, что они оказались въ высшей степени полезными для нея.

Какъ мы теперь знаемъ, дипломатическое пораженіе Россіи имѣло результатомъ не только перемѣну турецкой политики, но и сближеніе Россіи съ Германіей. Въ подготовкѣ этого сближенія немалую роль могли и должны были сыграть создаваемыя турецкою политикой въ Малой Азіи безпокойныя для насъ перспективы.

Однако, незадолго до потсдамскаго свиданія стали наблюдаться симптомы, указывавшіе, что въ Турціи снова начинаютъ ощущать неудобство слишкомъ односторонней внѣшней политики. Вызваны они были, главнымъ образомъ, неудачей турецкаго займа. Отклоненный французскимъ рынкомъ отчасти по политическимъ мотивамъ, отклоненный уже ради чисто-политическаго давленія и англійскимъ рынкомъ, онъ помѣщенъ въ Германіи, гдѣ биржа встрѣчаетъ новыя турецкія бумаги далеко не съ энтузіазмомъ. Выясняется, что потерю французскаго рынка пріобрѣтеніе германскаго не возмѣщаетъ. А объяснительная записка министра финансовъ къ смѣтѣ 1911 года показала, что еще очень долго займы будутъ нормальнымъ рессурсомъ турецкаго казначейства. Это существенно отразилось въ программной рѣчи великаго визиря, произнесенной въ концѣ прошлаго года. Съ одной стороны, какъ извѣстно, „примиреніе“ Турціи съ французскимъ фондовымъ рынкомъ—уже совершившійся фактъ. Уже вновь дѣйствуетъ система выдачи авансовъ и dette flottante снова растетъ. Но наиболѣе серьезной и характерной чертой положенія нужно признать, что Германія отнюдь уже не такъ увѣренно работаетъ противъ вліянія французскаго капитала, какъ недавно: на очереди дня вопросъ о Багдадской дорогѣ.

Болѣе чѣмъ гадательны еще реальныя выгоды, которыя мы пріобрѣтемъ отъ „потсдамскихъ“ переговоровъ, все еще продолжающихся и, повидимому, мѣняющихъ свой курсъ въ зависимости отъ того, какъ развертываются параллельные переговоры съ Англіей и Франціей. Но Германія уже выиграла. Уже несомнѣнно,—насколько вообще

могутъ быть несомнѣнны такого рода факты,—что Багдадская дорога будетъ достроена и, мало того, будетъ достроена не черезъ десять лѣтъ, какъ еще недавно утверждали лишь германскіе оптимисты, а черезъ пять. Германія въ Потсдамѣ разрубила гордіевъ узелъ, сплетенный политическимъ противодѣйствіемъ Россіи багдадскому проекту и вызванной, главнымъ образомъ, нами же холодностью не-германскаго капитала.

Выгоды, пріобрѣтенныя нами (?) и Германіей, вызвали со стороны Франціи и Англіи обычныя требованія „компенсаціи"; уже давно, какъ извѣстно, принципомъ „европейскаго равновѣсія" стало надѣленіе всѣхъ великихъ державъ хоть малой (въ зависимости отъ силы) долей, когда кто-либо изъ участниковъ „концерта" гдѣ-либо что-либо получаетъ. Еще рано говорить о подробностяхъ, но въ общихъ чертахъ уже выяснилось, что дорога до Багдада будетъ германской, причемъ Франція получитъ соотвѣтственныя компенсаціи въ видѣ выгоднаго помѣщенія капитала и другихъ желѣзнодорожныхъ концессій въ Турціи, а отъ Багдада до Персидскаго залива дорога будетъ „турецкой", причемъ вопросъ о дѣлежѣ выгодъ и вліянія послужитъ или мостомъ къ сближенію (что болѣе вѣроятно), или поводомъ спора между Англіей и Германіей.

Соотвѣтственно съ этой коньюнктурой ведетъ свою политическую линію и Турція. Опять основные вопросы международной политики проицируются, какъ на экранѣ, въ Константинополь. Опять турецкая дипломатія—объектъ и центръ интриги. И восточная политическая мудрость искусно лавируетъ между друзьями-соперниками и врагами-союзниками, зорко выглядывая моменты, когда перемѣщаются роли, чтобы во-время перемѣнять и свой фронтъ. Уже нельзя сказать, что Германія преобладаетъ въ Турціи, но одинаково нельзя утверждать, чтобы ея вліяніе тамъ пало: все на вѣсахъ, все уравновѣшивается. Дипломатическая традиція возстановлена.

Но есть одно исключеніе, и оно касается насъ. О нашемъ вліяніи или совсѣмъ не говорятъ, потому что оно не очень-то замѣтно и удачно проявляется, или, какъ недавно „Танинъ", пишутъ, что „Россія не имѣетъ и никогда не будетъ имѣть вліянія въ Константинополѣ". Откуда же такая, скажемъ, смѣлость утвержденія? Кажется, потому, что вѣтры, дующіе съ Запада, откуда бы они ни доносились, съ Сены, съ Темзы или съ Шпрее, не столь благопріятны намъ, какъ первые еще были недавно, а послѣдній долженъ былъ бы стать, по расчетамъ. Россія еще ждетъ, а друзья—и старые, и новые—уже учитываютъ. И это весьма замѣчается въ Стамбулѣ. Не лишенъ для русскаго читателя интереса, а о показательности и говорить нечего, такой, напримѣръ, фактъ, что между концессіями, которыми безобидно для Турціи удовлетворятся западныя державы, упорно выдвигаютъ стратегическія линіи сѣвернѣе Багдадской дороги.

Подъ шумъ этихъ международныхъ передвиженій Турція возстановила равновѣсіе своей внѣшней политики. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ она весьма многимъ обязана потсдамскому свиданію, т.-е. намъ. Обязана, да, но отнюдь не благодарна. И это даетъ себя чувствовать.

Но на иное нельзя было и разсчитывать. Политика Турціи—политика самосохраненія. Соглашеніе Россіи съ Германіей поставило турецкую политику на перепутье, и дорога, которую она выбрала, опредѣлилась по линіи наименьшей опасности. Одинъ французскій публицистъ назвалъ восточный вопросъ пробнымъ камнемъ прочности европейскихъ соглашеній. Не менѣе вѣрно, что политика Турціи показываетъ, гдѣ пролегаетъ равнодѣйствующая существующихъ въ Европѣ силъ.

Л. Гальберштадтъ.

3. „Желѣзный законъ олигархіи".

Ученія соціализма имѣютъ тѣ же философскіе и отчасти тѣ же соціально-психологическіе корни, что и ученія либерализма. Поэтому вслѣдъ за кризисомъ либерализма неизбѣжно долженъ слѣдовать кризисъ соціализма. Конечно, бодрость, идеализмъ, твердая вѣра въ правоту своего дѣла и въ свѣтлое будущее человѣчества,—качества, отличающіе до сихъ поръ настроеніе соціалистическихъ партій отъ настроенія буржуазныхъ политическихъ группъ,—до извѣстной степени могутъ быть объяснены моральной свѣжестью новыхъ, поднимающихся слоевъ населенія и моральной усталостью, даже испорченностью, привилегированныхъ классовъ. Но за этимъ антропологическимъ объясненіемъ можно признать только относительную правильность. Оно должно быть дополнено указаніемъ на другой факторъ, практически болѣе важный,—на силу соціальной сознательности, соціальнаго пониманія. Кризисъ либерализма заключается не столько въ томъ, что притупились соціальные инстинкты въ буржуазіи, сколько въ томъ, что старыя ученія о достоинствахъ либеральныхъ учрежденій оказались объективно невѣрными и старая либеральная политика оказалась объективно ошибочной. Буржуазія утеряла прежнюю вѣру въ учрежденія, въ внѣшнія соціальныя формы, и ей не оставалось ничего другого, какъ ссылаться на несовершенство человѣческой природы и призывать къ работѣ соціальнаго воспитанія. Наоборотъ, соціалисты, въ общемъ, продолжаютъ вѣрить во внѣшнія соціальныя формы съ прямолинейностью и наивностью Бентама,—въ этой вѣрѣ черпали они до сихъ поръ бодрость и оптимизмъ. Но такъ какъ теоретическій базисъ соціалистической вѣры того же происхожденія и качества, что и теоретическій базисъ стараго, бодраго, оптимистическаго либерализма, то рано или поздно соціалистамъ, по мѣрѣ роста ихъ соціальнаго пониманія и по мѣрѣ успѣховъ научной мысли, предстоятъ тѣ же разочарованія, что и либераламъ.

Передъ нами чрезвычайно интересный симптомъ этихъ будущихъ разочарованій,—книга нѣмецко-итальянскаго писателя *Роберта Михельса*, профессора въ Туринѣ,—книга, въ которой авторъ-соціалистъ подвергаетъ научной вивисекціи живыя тѣла современныхъ соціалистическихъ партійныхъ организацій и съ безпощадной откровенностью объявляетъ о томъ, что онъ увидѣлъ подъ анатомическимъ ножомъ науки, объ олигархическихъ тенденціяхъ, открытыхъ имъ въ сердцѣ демократіи [1]). Главную часть своего матеріала Михельсъ заимствуетъ изъ практики германской соціалъ-демократіи, довольно много примѣровъ приводится изъ прошлаго и настоящаго итальянскихъ рабочихъ организацій, гораздо меньше ссылокъ на соціалистическія и рабочія организаціи Франціи, Англіи, Соед. Штатовъ С. А. и друг. странъ. Михельсъ не даетъ послѣдовательнаго описанія строенія и функцій тѣхъ или другихъ партій, союзовъ, федерацій. Онъ даже не считаетъ нужнымъ проводить границу между партійными и профессіональными рабочими организаціями. Его задача—изучить тѣ новыя соціальныя отношенія, которыя съ стихійной силой образуются внутри пролетарскихъ организацій по мѣрѣ роста и укрѣпленія послѣднихъ. Михельсъ доказываетъ, что вопреки идеалу чистой демократіи, во имя котораго объединяются соціалистически мыслящіе рабочіе, внутри ихъ собственныхъ организацій неизбѣжно возникаютъ и не

---

[1]) *Robert Michels.* Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911 (W. Klinkhardt). Ss. XIX+401. (Къ соціологическому познанію партійныхъ организацій въ современной демократіи).

могутъ не возникать раздѣленія и антагонизмы: во-первыхъ, раздѣленіе на повелѣвающихъ вождей и повинующіяся массы и, во-вторыхъ, раздѣленіе на привилегированныя и непривилегированныя группы съ противоположными групповыми интересами.

Чѣмъ сильнѣе становится пролетарская организація, чѣмъ шире развертывается ея дѣятельность, тѣмъ больше она нуждается въ особыхъ услугахъ своихъ руководителей. Случайные вожаки превращаются въ постоянныхъ правителей, которые отчасти уже живутъ на счетъ организаціи, распоряжаются значительными финансовыми средствами и опираются на сильный и сложный административный механизмъ. Эти руководители пріобрѣтаютъ опытность, спеціальныя знанія, расширяютъ вообще, благодаря вліятельному общественному положенію и живой дѣятельности, свой умственный кругозоръ. Массы чувствуютъ превосходство и незамѣнимость такихъ руководителей и вынуждены подчиняться имъ за страхъ и за совѣсть. Стоитъ популярному вождю пригрозить уходомъ, и массы тотчасъ готовы подчиниться самому тяжелому его требованію. Впрочемъ, большею частью подчиненіе ихъ носитъ добровольный характеръ. Большинство рабочихъ, какъ и большинство людей вообще, относится къ политическимъ вопросамъ и къ общественнымъ интересамъ весьма равнодушно; средній человѣкъ очень радъ, когда руководители снимаютъ съ него и берутъ на себя заботы по управленію общественными дѣлами. Чтобы привлекать достаточное число посѣтителей въ свои собранія, партійные руководители должны прибѣгать къ постояннымъ сенсаціямъ, внѣшнимъ эфектамъ и всякаго рода приманкамъ. На дѣловыхъ членскихъ собраніяхъ присутствуетъ обыкновенно лишь небольшое число завсегдатаевъ, составляющихъ почти всегда меньшинство, иногда ничтожное меньшинство по отношенію ко всему числу формально записанныхъ членовъ партіи, хотя и записывается въ партію лишь незначительное меньшинство изъ избирателей, голосующихъ за данную партію. Ошибки и недостатки вождей либо не замѣчаются, по недостатку знаній и отсутствію критической мысли, либо легко прощаются за прошлыя заслуги по чувству благодарности, глубоко заложенному въ народныхъ массахъ. При такихъ условіяхъ въ рукахъ немногихъ руководителей сосредоточивается огромная власть, а демократическія гарантіи избирательной системы превращаются сплошь и рядомъ въ пустую формальность. На ежегодныхъ партійныхъ съѣздахъ германской соціалъ-демократіи выборы правленія производятся по заранѣе напечатанному списку, въ который изъ года въ годъ включаются все тѣ же имена прежняго правленія: до такой степени партія привыкла видѣть у себя во главѣ однихъ и тѣхъ же лицъ (Michels, S. 94). Это фактически несмѣняемое правленіе пользуется чрезвычайно широкой властью, иногда принимающей характеръ деспотизма. Оно не только фактически вліяетъ на назначеніе кандидатовъ въ депутаты рейхстага, но уже требуетъ себѣ и формальнаго права *veto* по отношенію ко всѣмъ кандидатамъ, выдвигаемымъ мѣстными секціями. Партійное издательство, партійная печать, партійные финансы служатъ въ рукахъ центральнаго органа весьма дѣйствительными средствами для поддержанія суровой дисциплины. Въ буржуазной печати германскимъ соціалъ-демократамъ запрещено работать, въ своей же собственной средѣ свобода слова ихъ поставлена въ извѣстныя границы, дающія чувствовать себя иногда очень больно. Михельсъ приводитъ случай, когда правленіе партіи изъяло изъ обращенія въ партійныхъ книжныхъ складахъ и магазинахъ сочиненія соціалъ-демократа Бруно Вилле за неугодное вождямъ партіи направленіе (S. 124). „Центральными органами нѣ-

мецкой соціалъ-демократіи,—говоритъ Михельсъ,—за послѣдніе годы неоднократно примѣнялись понудительныя мѣры, какъ, напр., угроза не дать на агитаціонныя цѣли ни одного человѣка и ни одной копейки, если товарищи не откажутся на выборахъ отъ кандидатуры опредѣленныхъ неугодныхъ лицъ... При такихъ условіяхъ „византизмъ и рабская покорность" (Kadavergehorsam) неизбѣжно возникаютъ и въ нѣдрахъ рабочей партіи, будто бы не желающей признавать ни Бога, ни хозяевъ" (S. 125). Отсутствіе контроля и сознательной критики со стороны массъ ведетъ къ самовластью и къ дальнѣйшему подавленію критики. Вожди начинаютъ возставать противъ духа критики. Михельсъ приводитъ, между прочимъ, выдержки изъ 10 заповѣдей для рабочихъ, формулированныхъ въ одномъ бельгійскомъ профессіональномъ органѣ. Въ числѣ 10 заповѣдей имѣются слѣдующія: „1) Занимайся пропагандой, чтобы привлечь несознательныхъ. 2) Присутствуй на собраніяхъ, чтобы развивать свой умъ. 3) Уплачивай свои взносы каждый мѣсяцъ аккуратно. 4) Въ кабачкахъ *не занимайся критикой, какъ это дѣлается слишкомъ часто*". (Michels, S. 211).

Съ усиленіемъ бюрократическаго механизма идеализмъ первыхъ вожаковъ уступаетъ мѣсто менѣе возвышеннымъ мотивамъ и отрицательнымъ психологическимъ чертамъ, присущимъ всякой бюрократіи. Вмѣсто прежней широты взглядовъ и горячей убѣжденности водворяется рутинерство, узкій консерватизмъ, боязнь утратить достигнутое положеніе, робость передъ старшими, т.-е. передъ вліятельными персонажами въ партіи, пренебрежительное отношеніе къ массамъ. Система платныхъ должностей является въ сущности неизбѣжной для сколько-нибудь крупной организаціи и, конечно, имѣетъ огромныя преимущества, уничтожая, напр., зависимость партіи отъ случайныхъ благотворителей. Но система эта имѣетъ и темныя стороны. Жалованье привлекаетъ къ участію въ управленіи людей, лишенныхъ всякаго идеализма и руководящихся только желаніемъ улучшить свое личное положеніе, — такъ какъ скромное жалованье партійныхъ служащихъ всетаки обозначаетъ значительное повышеніе жизненнаго уровня, по сравненію съ условіями жизни рядового рабочаго. Съ другой стороны, жалованье насильно привязываетъ къ партійной работѣ людей, которые давно извѣрились въ юношескіе идеалы, когда-то бросившіе ихъ въ объятія революціоннаго соціализма,—людей, въ которыхъ соціалистическая вѣра подточена либо житейскимъ опытомъ, либо общеніемъ съ буржуазными элементами, либо какими-нибудь другими переживаніями. Между прочимъ, это внутреннее разочарованіе, при матеріальной затруднительности порвать съ службой партіи, объясняетъ, по мнѣнію Михельса, очень многое въ психологіи ревизіонистскихъ и реформисткихъ теченій въ соціалъ-демократіи: ревизіонизмъ, по мнѣнію Михельса, очень часто есть не что иное какъ соціализмъ утратившихъ соціалистическую вѣру (Ss. 197—201).

Массы иногда ропщутъ противъ вождей, иногда доходятъ до открытаго бунта противъ нихъ (напр., по поводу рѣшенія о прекращеніи стачки горнорабочихъ въ области Рура въ 1905 г., Michels, S. 155). Но въ тѣхъ случаяхъ, когда сопротивленіе массъ имѣетъ для вождей дѣйствительно серьезное значеніе, причину возмущенія, по мнѣнію Михельса, большею частью слѣдуетъ искать не въ самихъ массахъ, а въ подстрекательствѣ новыхъ претендентовъ на роль вождей, борющихся за власть съ прежними руководителями, и вообще въ соперничествѣ и усобицѣ вождей. Вѣчный страхъ за прочность своего положенія заставляетъ партійныхъ главарей то вступать другъ съ другомъ въ соглашенія, принимающія иной разъ характеръ семейнаго дѣлежа мандатовъ (Ss. 151—152, 100), то воевать другъ съ другомъ путемъ взаимныхъ обличеній,

публичныхъ заподазриваній и нерѣдко клеветы. „Такимъ образомъ, во всѣхъ современныхъ народныхъ партіяхъ,—говоритъ Михельсъ,—замѣчается тотъ прискорбный недостатокъ истинно братскаго духа, т.-е. человѣческаго довѣрія, и объясняемое этимъ состояніе скрытой борьбы, то вѣчно раздраженное состояніе духа, которое создалось вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія вождей и которое приходится считать однимъ изъ важнѣйшихъ характерныхъ свойствъ демократіи“ (S. 177).

На-ряду съ анализомъ взаимныхъ отношеній вождей и массы, Михельсъ даетъ такой же подробный и преисполненный такого же пессимизма анализъ взаимныхъ отношеній различныхъ слоевъ рабочаго класса между собой, а также отношеній между этими различными слоями и буржуазнымъ міромъ. Само рабочее движеніе, какъ показываетъ Михельсъ, своими собственными успѣхами способствуетъ разслоенію рабочаго класса. Давая средства для повышенія соціальнаго уровня сотнямъ и тысячамъ своихъ должностныхъ лицъ, депутатовъ, служащихъ въ партійныхъ, профессіональныхъ и кооперативныхъ организаціяхъ, рабочій классъ фатально вырываетъ изъ своихъ рядовъ наиболѣе талантливыхъ и энергичныхъ своихъ сыновъ и, незамѣтно для нихъ, незамѣтно для себя, толкаетъ ихъ въ буржуазную среду, обрекаетъ на сліяніе съ буржуазнымъ міромъ, ибо эти избранники рабочаго класса, а тѣмъ болѣе ихъ дѣти, выросшія уже въ новыхъ условіяхъ, не могутъ уйти отъ стихійнаго воздѣйствія буржуазной культурной обстановки (Ss. 259—270). Далѣе, Михельсъ указываетъ на возникновеніе особаго слоя мелкихъ торговцевъ, предпринимателей всякаго рода, трактирщиковъ, содержателей пивныхъ, отчасти изъ числа пострадавшихъ за пропаганду рабочихъ, которые держатся кліентурой товарищей — соціалъ-демократовъ, оказываютъ съ своей стороны услуги партійнымъ организаціямъ, но зато заставляютъ и партію считаться съ ихъ предпринимательскими интересами и, напр., тормозятъ созданіе рабочихъ „народныхъ домовъ“, задерживаютъ развитіе противоалкогольной агитаціи (Ss. 270—277). Такъ называемая „рабочая аристократія“, образующаяся благодаря успѣхамъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, по своимъ бытовымъ условіямъ тяготѣетъ къ мелкой буржуазіи и проявляетъ часто аристократическій эгоизмъ по отношенію къ низшимъ слоямъ рабочаго класса, въ особенности къ „неорганизованнымъ“, которыхъ она слишкомъ охотно и не всегда справедливо спѣшитъ клеймить позорной кличкой штрейкбрехеровъ (S. 280). Вообще, по мнѣнію Михельса, конечной цѣлью отдѣльнаго рабочаго является проникновеніе въ ряды мелкой буржуазіи (S. 277). Отъ буржуазнаго міра, отъ мыслителей и ученыхъ, вышедшихъ изъ верхнихъ, привилегированныхъ слоевъ общества, современный пролетаріатъ получилъ свою соціалистическую идеологію (S. 224 ff.). И отъ буржуазіи же верхніе слои рабочаго класса фатально воспринимаютъ всѣ пороки современной культуры. Вожди рабочихъ, вышедшіе изъ рабочей же среды, оказываются не лучше, а хуже интеллигентовъ, идейныхъ перебѣжчиковъ изъ высшихъ классовъ; первые еще легче поддаются угару самовластья и болѣе чувствительны къ соблазнамъ новой для нихъ обстановки (Ss. 284 — 302). Особенно поучителенъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ С. А., гдѣ и пролетаріатъ испыталъ на себѣ растлевающее вліяніе общаго духа алчности и продажности: большинство руководителей американскихъ рабочихъ союзовъ безстыдно эксплоатируютъ довѣріе и средства своихъ товарищей въ корыстныхъ цѣляхъ и многіе изъ нихъ запятнали себя настоящимъ взяточничествомъ (S. 300).

Существуютъ ли какія-нибудь средства для радикальнаго уничтоженія описанныхъ Михельсомъ золъ? Михельсъ

отвѣчаетъ, что онъ такихъ средствъ не знаетъ. Не можетъ помочь ни болѣе радикальное проведеніе демократическихъ формъ организаціи, напр., болѣе частое примѣненіе референдума, ни рецептъ опрощенія, рекомендуемый русскимъ народничествомъ, ни средства, предлагаемыя синдикалистами и анархистами. Михельса считали и считаютъ синдикалистомъ. И въ этой новой книгѣ его многое является повтореніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ идей, высказанныхъ впервые синдикалистами. Но Михельсъ не просто пошелъ *дальше* синдикалистовъ, онъ оторвался отъ самой почвы, на которой выросли всѣ вообще развѣтвленія соціализма, въ томъ числѣ и синдикализмъ. Михельсъ указываетъ, что синдикалисты правильно опредѣлили опасности, возникающія вслѣдствіе оторванности вождей отъ рабочихъ массъ въ *политическихъ* рабочихъ партіяхъ, но не поняли болѣе общаго значенія этихъ опасностей: они не поняли, что тѣ же опасности возникаютъ неизбѣжно при *всякой* формѣ рабочаго движенія, внутри всякой успѣшно развивающейся рабочей организаціи, въ томъ числѣ и организаціи синдикальной, хотя бы самаго революціоннаго направленія.

На основаніи всѣхъ своихъ разсужденій, на основаніи подробнаго анализа фактовъ рабочаго движенія Михельсъ приходитъ къ выводу, что демократія вообще и въ частности демократія пролетарская подчинена „желѣзному закону олигархіи". Олигархическія тенденціи составляютъ имманентную принадлежность демократіи; ихъ можно ослабить, но не уничтожить. Ихъ неизбѣжность вытекаетъ изъ техническихъ особенностей образованія соціальныхъ аггрегатовъ, изъ необходимости централизаціи и раздѣленія труда и изъ психологическихъ свойствъ человѣческой природы. Измѣнить человѣческую природу нельзя. Но можно повысить умственный уровень рабочихъ массъ, развить ихъ духовныя способности, внушить имъ духъ свободной критики. Поэтому главная надежда и главная работа въ борьбѣ съ олигархическими тенденціями рабочей демократіи лежитъ въ области соціальной педагогики (S. 390).

Не трудно распознать въ грустныхъ выводахъ Михельса знакомыя ноты. Вѣдь, въ сущности, это все тѣ же жалобы на кризисъ представительной системы и парламентаризма, вызвавшія цѣлую литературу въ „буржуазной" государственной наукѣ и политической публицистикѣ. Книга Михельса обозначаетъ, несомнѣнно, своего рода брешь въ той стѣнѣ, которою идеологи соціализма отгородились отъ „буржуазной" политической мысли. Соціалисты чувствовали себя въ безопасности отъ разлагающаго дыханія современнаго скепсиса, заслонившись своей вѣрой въ будущее соціалистическое устройство. Но эта вѣра возможна лишь постольку, поскольку держится общая предпосылка объ исцѣляющей силѣ внѣшнихъ соціальныхъ формъ. Михельсъ подрываетъ общую предпосылку, слѣдовательно подрываетъ, помимо своей воли, и вѣру въ соціализмъ. Въ зародышевыхъ клѣткахъ будущаго соціалистическаго общества онъ открываетъ тѣ самыя болѣзнотворныя начала, ради уничтоженія которыхъ только и задумано созданіе соціалистическаго общества. Въ лицѣ Михельса мысль соціалиста сдѣлала полный кругъ, и оказалась у того же разбитаго корыта, что и политическая мысль буржуазіи.

Ибо, конечно, ссылка на несовершенство человѣческой природы и призывъ къ педагогической работѣ—не что иное, какъ разбитое корыто. Не для того создавалась политическая наука, чтобы въ концѣ-концовъ раствориться въ антропологіи и педагогикѣ. Не для того творились новыя соціальныя формы, чтобы поставить немощную человѣческую природу передъ новыми испытаніями, а, наоборотъ, для того, чтобы облегчить ей борьбу, переложить часть бремени съ личности на учрежденія. Отсутствіе здо-

ровой вѣры въ новыя соціальныя формы, въ демократическія учрежденія, доставшіяся человѣчеству столь тяжелой цѣной, составляетъ одно изъ самыхъ печальныхъ явленій современной общественной культуры. И было бы больно думать, что та же участь ожидаетъ и новѣйшія соціальныя формы, съ такимъ энтузіазмомъ и вѣрою создаваемыя рабочими классами культурныхъ народовъ. Если бы рабочіе стали такъ же недовѣрчиво и индиферентно относиться къ своимъ профессіональнымъ союзамъ, партійнымъ организаціямъ и кооперативнымъ учрежденіямъ, какъ буржуазія относится къ парламентскому образу правленія, то еще темнѣе и холоднѣе стало бы на сценѣ человѣческой исторіи. Но такой будущій пролетарскій скепсисъ, возможность котораго просвѣчиваетъ въ книгѣ Михельса, былъ бы во всякомъ случаѣ лишь отраженіемъ скепсиса буржуазнаго. Если разрѣшится современный кризисъ либерализма, то тѣмъ самымъ будетъ рѣшена проблема демократіи и для рабочихъ классовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ излишними иллюзіи соціализма. И наоборотъ, если проблема демократіи не будетъ разрѣшена въ буржуазномъ обществѣ, то не поможетъ рабочимъ въ рѣшеніи этой проблемы и соціалистическая вѣра. Интересъ книги Михельса заключается именно въ томъ, что въ ней вскрывается родственная связь соціальной проблемы съ проблемой современнаго либерализма.

Корни пессимизма Михельса лежатъ, во-первыхъ, въ его представленіяхъ о сущности демократіи и, во-вторыхъ, въ его представленіяхъ о характерѣ современныхъ партійныхъ организацій. Идеалъ демократіи у Михельса носитъ такой же отвлеченный и абсолютный характеръ, какъ у Ж. Ж. Руссо. Подобно Руссо, и Михельсъ считаетъ, что всякое представительство интересовъ связано неизбѣжно съ нарушеніемъ принциповъ свободы и равенства (ss. 36 ff). Отсюда огульное опороченіе всякаго чиновничества, всякаго служилаго класса, отсюда готовность во всякомъ выдѣленіи правящаго меньшинства апріорно устанавливать признаки олигархіи. Съ другой стороны, классовый и боевой характеръ соціалистическихъ партій и въ особенности германской соціалъ-демократіи Михельсомъ принимается какъ нѣчто нормальное для демократической партійной организаціи вообще. Между тѣмъ въ дѣйствительности духъ исключительности и классовой вражды стоитъ въ противорѣчіи съ принципами демократическаго государства и съ характеромъ партійной борьбы за большинство. Поэтому тѣ многочисленныя отрицательныя явленія, которыя возникаютъ на почвѣ централизма, бюрократизаціи и почти военной дисциплины въ нѣмецкой соціалъ-демократіи, должны быть поставлены не на счетъ демократіи, а на счетъ духа классовой исключительности, которымъ пропитана данная партійная организація.

Два названные источника пессимизма Михельса — не случайнаго происхожденія. Они вполнѣ соотвѣтствуютъ двумъ источникамъ общаго пессимизма, широко распространеннаго въ наше время по отношенію къ современнымъ демократическимъ формамъ. Во-первыхъ, крушеніе старой теоріи народоправства, и прежде всего идей Руссо, и, во-вторыхъ, фактическое подавленіе свободной воли избирателя деспотизмомъ воинствующихъ партій — таковы, повидимому, главные факторы, приведшіе къ внутреннему кризису либеральныхъ и демократическихъ идей. Германская соціалъ-демократія, въ сущности, только довела до крайнихъ предѣловъ и примѣнила съ блестящимъ для себя успѣхомъ тѣ самыя антилиберальныя тенденціи, на которыя М. Я. Острогорскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о „демократіи и организаціи политическихъ партій“ указалъ какъ на органическій недостатокъ современной партійной системы вообще. Но Острогорскій не ограничивается ссылкой на

несовершенства человѣческой природы. Онъ доказываетъ возможность и необходимость созданія новой системы партійнаго соперничества, вполнѣ согласной съ духомъ истиннаго либерализма. Здѣсь, впрочемъ, не мѣсто вдаваться въ теорію партій, тѣмъ болѣе что Михельсъ, не отдѣляющій, какъ уже сказано, партійной организаціи отъ другихъ формъ рабочаго движенія, очень мало даетъ въ своей книгѣ, вопреки точному смыслу заглавія, для выясненія общаго теоретическаго вопроса о существѣ политическихъ партій.

Михельсъ смягчаетъ свой пессимизмъ призывомъ къ работѣ воспитанія народныхъ массъ. Призывъ прекрасный, противъ котораго ни съ чьей стороны нельзя ожидать возраженій. Но это все-таки не рѣшеніе *политической* проблемы, не выходъ изъ кризиса политическихъ и соціальныхъ идей. Современнымъ людямъ нужна обновленная вѣра въ учрежденія, — не въ фантастическія учрежденія „будущаго“ соціалистическаго строя, а въ улучшенныя и просвѣтленныя новымъ сознаніемъ либеральныя учрежденія, исторически выработанныя въ борьбѣ за свободу и равенство.

А. Рыкачевъ.

II. Литература и искусство.

1. Книги, читатели и писатели.

Передо мною цѣлая груда новыхъ книгъ. Можно бы выбрать изъ нихъ двѣ-три стоящія и поговорить обстоятельно. Такъ дѣлаетъ обыкновенно литературный критикъ, и это методъ правильный. Но мнѣ хочется сегодня отъ него отступить. Хочется думать не о читателяхъ моего отзыва, а о тѣхъ, для кого написаны и выпущены всѣ эти книги, о читателяхъ-публикѣ. Они часто исполнены добрыми намѣреніями, но разбраться не умѣютъ. Берутъ, думая, что хлѣбъ,—получаютъ камень. А отъ незамысловатаго хлѣба—но все-таки хлѣба—по незнанію отворачиваются. Этихъ безпомощныхъ читателей „безъ претензій“ больше, чѣмъ мы думаемъ. Нельзя же не взглянуть хоть разъ въ ихъ сторону.

Такимъ образомъ, сегодняшнюю замѣтку мою я намѣренно дѣлаю „рекомендательной“. Вотъ новая книга; я ее читалъ и знаю, стоитъ ли взять ее въ руки; знаю, что она можетъ дать, чего не можетъ. И только. Конечно, при всемъ желаніи я не могу сейчасъ упомянуть больше, чѣмъ о 18—20 авторахъ, но это уже нѣчто. Да если бы мы взяли пятьдесятъ, сто книгъ сегодняшняго дня,—онѣ распались бы на тѣ же три главныхъ категоріи: на печатную макулатуру, на писательство средне-низшее и, далѣе, на писательство средне-высшее,—середину хорошую.

„По платью встрѣчаютъ“. При самомъ небольшомъ вниманіи къ одеждѣ, къ внѣшности книги, можно сразу угадать, къ которому изъ трехъ разрядовъ она принадлежитъ. Бываютъ ошибки, но не часто. Понять цѣнность души человѣческой по внѣшнему облику не такъ легко, но физіономія книги,—у насъ, въ Россіи, по крайней мѣрѣ,—наивно и громко говоритъ о степени своей внутренней литературности. Обложка, бумага, украшеніе внизу, печать, размѣръ полей—все необыкновенно краснорѣчиво. Съ книгъ самыхъ низшихъ, о которыхъ и упоминать бы не стоило, если бы читатель умѣлъ тутъ разбираться, съ „послѣдняго класса“—я и начну.

Не о лубкѣ откровенномъ я говорю: нѣтъ,—это лубокъ, лѣзущій въ литературу и мнящій, что грязное платье его очень мило и совсѣмъ не грязно. Вотъ нѣкоторыя.

Т. Львовъ. Мать. Первая часть романа „Извѣчныя цѣпи“. — На об-

ложкѣ—лиловая скульптура изможденной женщины съ толстымъ ребенкомъ. Не открывайте книги. Тамъ недоумѣнная, полуграмотная какая-то исторія, похожая на бредъ женщины въ родильной горячкѣ.

Ю. Писарева. Улыбки и слезы. Сборн. разсказовъ и стихотвореній.—Заставочка и обложечка такія, что это новѣйшее варшавское произведеніе похоже скорѣе на дѣтище царевококшайской типографіи лѣтъ 20 тому назадъ. На первой страницѣ читаемъ:

Научи меня, Великое Начало,
Душу принести на жертву идеалу...

О. Александрова. Борьба жизни со смертью. Выпуски.—Читателю богатому, не знающему, куда деньги дѣвать, я бы рекомендовалъ накупить побольше этихъ брошюръ и жечь, не открывая. Лубокъ какой-то даже зловредный, граничащій съ патологіей; скучнѣйшее изъ помѣшательствъ.

Н. Поповъ. Лили. (Власть женщины.)—На обложкѣ розочки, гостинодворскій модернъ. Вся бумага—нѣжно-голубая. Лили—героиня—обольстительная и благородная падшая женщина. То-есть такой хотѣлъ ее, кажется, сдѣлать г. Поповъ, но все у него въ концѣ замутилось. Съ горечью, съ ужасомъ читаю я на этой книгѣ: „пятнадцатая тысяча". Пятнадцать тысячъ! Цѣлое населеніе города держало въ рукахъ „Лили" и питало души косноязычіемъ автора. Неужели пятнадцать тысячъ человѣкъ могло обмануться? На что пошли? На голубую бумагу? Кто искалъ „пикантности"—по дѣломъ обманулся. Но другіе? Для меня всетаки загадка—„успѣхъ" (читательскій) книгъ, подобныхъ „Лили". Я понимаю распространеніе лубка откровеннаго, вродѣ Арсеновъ Люпеновъ и Натъ Пинкертоновъ; онъ можетъ „интересовать". Главное же, неисцѣлимое, свойство лубка „подъ литературу" — абсолютная неинтересность. Обыкновенный читатель можетъ прощать плохой стиль, даже не замѣчать нелитературности книги, но мнѣ всегда казалось, что въ такомъ случаѣ онъ требуетъ „интересности", занимательности. Чѣмъ же прельстила „Лили" толпу въ 15 тысячъ? Чѣмъ прельщаютъ „Ключи счастья" г-жи Вербицкой? Они, эти „Ключи", столь же нелитературны и, главное, въ той же мѣрѣ незанимательны, какъ и Лили. Тутъ очевидное недоразумѣніе. А, можетъ быть, есть въ современномъ русскомъ „простомъ читателѣ" неизвѣстная черта,—для насъ, присяжныхъ литературныхъ судителей, неизвѣстная; а для читателей врядъ ли очень лестная.

Поднимемся, однако, ступенькой выше, перейдемъ отъ безграмотности къ полулитературности.

Не знаю только, можно ли книгу *А. Куркина* „Очерки новѣйшей бурсы" поставить въ разрядъ „полулитературныхъ". Слишкомъ первобытно неумѣло она написана, и какъ это жаль! Тема по существу интересная. А книгу смогутъ прочесть развѣ только однокашники А. Куркина. Прочтутъ и скажутъ: „Ага, вонъ что Алеша-то вспоминаетъ. И написалъ! Да, да, какъ же, было это у насъ!" Но помимо товарищей одного выпуска съ А. Куркинымъ, книга никому ничего не дастъ и не можетъ дать, развѣ внушить сожалѣніе къ автору, какъ къ доброму человѣку, занимающемуся явно не своимъ дѣломъ.

Валеріанъ Свѣтловъ. „Змѣя и чаша". (Изд. Маркса). Разсказы изъ „быта" военныхъ докторовъ.—Авторъ, кажется, „присяжный" писатель, и потому удивительно, что у него нѣтъ примитивнаго навыка. Языкъ мало гладкій, и утомляетъ сѣрая, сѣрая скука—признакъ неисцѣлимой бездарности. Напечатано убористо, но все же не рекомендую покупать эту книгу и на желѣзнодорожныхъ вокзалахъ: она не развлечетъ, а утомитъ.

Вяч. Артемьевъ. „Стѣны". (Изд. Гонгъ.)—Тоже разсказы изъ военнаго быта, въ иномъ нѣсколько родѣ, какъ

будто живѣе, но зато съ бо́льшими претензіями.

И. Данилинъ. „Разсказы". (Изд. Сытина.)—Книжка, въ сущности, совершенно невинная. Никакихъ, конечно, надеждъ, никакого интереса, но и зловреднаго ничего.

О. Снѣгина. „Разсказы".—Не очень затѣйливое женское рукодѣлье. Любовь, дѣти. Дѣтскія платьица часто удаются дамамъ. О любви г-жа Снѣгина пишетъ такъ: „Тайныя мечты жгли его въ часы одиночества, но мѣшалъ какой-то неясный страхъ..." и т. п. Очень обыкновенно,—до безобидности, если ничего не требовать.

Л. М. Гущинъ. „Новые разсказы". (К-во Антей.)—У всѣхъ этихъ современныхъ полу-литературностей—безплодная надежда на какую-то милую „картинку", именно картинку, безъ хвостика, безъ сюжета, безъ эпоса. А языкъ вродѣ: „Сегодня волшебная лунная ночь..." „Какъ ядовитая змѣя прокрадывается въ душу апатія..." Одинъ разсказъ называется: „Роза въ траурѣ".

Е. Курловъ. „Ира" и др. разсказы. Непріятные разсказы, не безъ позывовъ на декадентство пятнадцатилѣтней давности. Особенно непріятенъ первый разсказъ: волшебная Арина превращается въ Иру; и во время превращенія „чудные сѣрые глаза съ поволокой зажигались огнемъ, все лицо свѣтилось совершенно своеобразнымъ яркимъ свѣтомъ". Не занимательно.

Г. Завражный. „Въ народѣ".—Это симпатичная невинность. Похоже, что авторъ самъ изъ народа. Онъ—„сознательный", но при этомъ добродушенъ и оптимистиченъ. Ни языка, ни рисунка—нѣтъ, конечно, но нѣтъ и претензій; и за то спасибо.

Однако подымемся еще на одну ступеньку выше, перейдемъ къ хорошей серединѣ, къ хорошему второму сорту. Итти такъ, какъ я иду, т.-е. снизу вверхъ,—выгоднѣе и пріятнѣе. Послѣ какого-нибудь Львова радуешься и Снѣгиной, а послѣ Снѣгиной видишь достоинства Гусева-Оренбургскаго, видишь ясно всѣ его права на существованіе.

Гусевъ-Оренбургскій! Да неужели онъ — серьезный литературный писатель,—„хорошая середина"? Это зависитъ отъ точки зрѣнія. Подойти къ г. Оренбургскому съ литературной программой maximum—и отъ него ничего не останется. Но справедливо ли это? Нужно ли?

Нѣтъ, *Гусевъ-Оренбургскій*, да и не онъ только, а и г. *Шмелевъ*, и г. *Сургучевъ*, и г. *Коцюбинскій* (все изданные „Знаніемъ", въ скромно-приличныхъ, форменныхъ обложкахъ)—это настоящая середина, второй литературный сортъ, имѣющій право на читателя. Индивидуальныя особенности очень не рѣзко выражены у такихъ писателей. Описываютъ они, приблизительно, одну и ту же среду, у нихъ похожій, спокойно недурной языкъ (если и есть прорухи, то во всякомъ случаѣ въ тонкостяхъ, недоступныхъ для обыкновеннаго читателя),—а главное, что дѣлаетъ ихъ мало-различимыми,—это то, что они пишутъ подъ одинаковымъ угломъ зрѣнія, подъ знакомъ однообразной *воли*, переходящей иногда въ однообразную тенденцію. Середина—типична, но не индивидуальна. Гусевъ-Оренбургскій, можетъ быть, немного талантливѣе Шмелева; зато послѣдній нигдѣ не измѣняетъ себѣ, а у г. Оренбургскаго въ его очень недурныхъ разсказахъ изъ жизни современнаго духовенства есть неожиданные выпады въ „модернъ"; это нейдетъ къ мирному писателю, это безвкусно и производитъ такое впечатлѣніе, точно хорошіе, ясные люди вдругъ заболѣли мгновеннымъ умопомѣшательствомъ. Но есть разсказы и выдержанные.

Единая воля въ произведеніяхъ г.г. Шмелева, Сургучева, Г.-Оренбургскаго, Гольдебаева и другихъ—воля чаще добрая. И при наличности недурного языка и нѣкоторыхъ способностей нельзя не назвать эти книги хорошими, сред-

ними книгами для чтенія. Именно хорошій второй сортъ.

Однако, подниматься еще выше, еще на одну ступеньку—некуда. У насъ, по совѣсти, нѣтъ сейчасъ „литературы" хорошаго перваго сорта (литературы, а не отдѣльныхъ двухъ-трехъ писателей и поэтовъ). Есть цѣлая гирлянда авторовъ, рѣзко отличающихся по типу отъ упомянутыхъ, отъ „хорошаго второго сорта"; но я бы назвалъ эти, тоже очень типическія произведенія, „дурнымъ первымъ сортомъ".

Разны они—небо и земля! но, въ концѣ-концовъ, можетъ быть, равноцѣнны. Выборъ между хорошимъ вторымъ сортомъ и дурнымъ первымъ дѣлается по вкусу. Кому что больше нравится. Человѣка мечтательнаго, тонкаго, пустоватаго и слабовольнаго повлечетъ скорѣе въ „модернъ", къ Петру Кожевникову, скажемъ; напротивъ, читатель болѣе свѣжій, болѣе молодой и грубовато дѣйственный,—если онъ еще не успѣлъ отравиться купоросомъ Л. Андреевскихъ твореній—съ бо́льшимъ интересомъ станетъ читать Г. Оренбургскаго, въ крайнемъ случаѣ, даже Тана (хотя Танъ скучнѣе и плоше). Между прочимъ: литература перваго типа нужна болѣе для „читателя"; я увѣренъ, что Сургучевъ и Шмелевъ мало читаютъ другъ друга; литература типа второго очень интересуетъ самихъ ея творцовъ, каждый слѣдитъ за тѣмъ, что вышло изъ-подъ пера собрата, умѣетъ оцѣнить, умѣетъ выбранить. „Модернъ" живетъ самимъ собою.

Но посмотримъ ближе на этотъ „модернъ", на „дурной первый сортъ". Я не случайно назвалъ *Петра Кожевникова*. Его послѣдняя книга „разсказовъ" (изд. Шиповника) очень характерна для опредѣленій общихъ. Посмотрите, какія удивительныя у него описанія:

—„Была листва платановъ нѣжно-зелена и въ золотѣ, и каждый листъ какъ маленькая съ пальцами ладонь. А стволы стальные, какъ голое, тѣло, и, какъ голое тѣло, кое-гдѣ шелушились". Или: „...Вонъ вечерніе осокоря надъ розовою рѣчкою. Гаснутъ ихъ отраженія, но уходятъ жить въ иныхъ водахъ"... „...Весь день со стороны города летѣло что-то розовое: твои, весна, свѣтовыя райскія птицы"... Но не передашь въ короткой цитатѣ всю кружевную прелесть этихъ описаній. Если бы, однако, я сказалъ, что это цитаты не изъ Кожевникова, а изъ Б. Зайцева, мнѣ бы легко повѣрили. Такъ же, какъ приведи я пять строчекъ изъ Сургучева и скажи, что это Шмелевъ—никто не усомнится. Коротенькія цитаты, впрочемъ, еще ничего не доказываютъ. Строить на нихъ что-либо—дешевая задача. Но можно сдѣлать другой опытъ. Передо мной два новѣйшіе романа „модернъ": въ журналѣ „Новая жизнь" романъ *г. Чулкова*, „Домъ на пескѣ", и въ 14 альманахѣ „Шиповникъ" романъ *А. Толстого* „Двѣ жизни". И тамъ, и здѣсь—деревенская барышня, которая потомъ выходитъ замужъ. Безъ особаго труда можно составить цѣлую страницу или двѣ такъ, что никто не замѣтитъ, гдѣ кончится г. Чулковъ и начнется Толстой. При этомъ я еще беру двухъ такихъ неравныхъ писателей: Ал. Толстой природно-талантливъ, нутромъ талантливъ, а г. Чулковъ—лишь слово-переимчивъ, памятливъ и замѣтливъ; коренная его, собственная, пустота обнаруживается скоро. Неравноцѣнность этихъ двухъ писателей внѣ сомнѣнія,—а вотъ, есть же между ними какая-то общность, тотъ и другой прилежатъ объединяющему ихъ „модерну". Ни одного изъ воспитанниковъ „Знанія" къ Чулкову не приставишь.

Но связей между писателями „дурного перваго сорта" много и помимо стиля. Очень характерно, что у нихъ, въ отличіе отъ Гусевыхъ-Оренбургскихъ, нѣтъ никакой литературной *воли*, ни хорошей, ни плохой. Я отнюдь не употребляю слово „литературная воля" въ смыслѣ *тенденціи*. Нѣтъ, „безвольнымъ" писателемъ можно назвать того, кто болѣе „описатель", нежели писатель, кто

чувствуетъ,—пусть очень сильно и образно,—личность, человѣка, героя—такъ же, какъ всякую другую подробность окружающаго міра: какъ закатъ, озеро, городъ, дерево и т. д.—наравнѣ. „Герои“ у подобныхъ писателей естественно лишены воли, они ничего не могутъ „дѣлать“, съ ними только „дѣлается“.

Начало этому литературному без-волію, без-личности положилъ, конечно, Чеховъ. Онъ первый взглянулъ на человѣка издали, со стороны, съ той нѣжной и равнодушно-неподвижной грустью, съ какой, вѣроятно, тѣни умершихъ слѣдятъ за нашей муравьиной жизнью. Что милѣе, что важнѣе,—домъ съ мезониномъ, или живущая въ немъ Мисюсь? Равны, одинаковы для моего потусторонняго холода, для моей „вѣчной“ любви. Въ домъ съ мезониномъ, внутрь, мнѣ такъ же легко и такъ же ненужно входить, какъ въ душу Мисюсь. Я вижу ихъ, я описываю то, что вижу,—не довольно ли?

Въ Чеховѣ эта его описательная черта была не единственной, врядъ ли даже преобладающей; но писатели, о которыхъ сейчасъ говорю, несомнѣнно поставили такую без-человѣчность, безличность, а слѣдовательно и без-волiе—во главу угла. Они всѣ, какъ Петръ Кожевниковъ, описатели болѣе, чѣмъ писатели. Хорошо ли это, дурно ли—другой вопросъ, но оно такъ. Напрасно и Л. Андреевъ думаетъ, что у него есть „человѣкъ“ и что этотъ человѣкъ съ чѣмъ-то борется. Каждый „герой“ его—опять то же дерево, про которое авторъ неестественно выдумываетъ, что оно борется съ дровосѣками.

Гусевы-Оренбургскіе не желаютъ еще сойти на описательство, тянутся къ „герою“, къ человѣку,—тутъ ихъ отличіе отъ „модерна“, тутъ ихъ собственная правда. Что „воля“ эта нѣтъ-нѣтъ да и сорвется въ тенденцію, оскорбляя художественность—грѣхъ, конечно; но такой же грѣхъ дѣлаютъ и „современцы“, совершенно такой же: срываются въ свою тенденцію. А тенденція, идетъ ли она отъ воли, идетъ ли отъ безволія, будетъ ли она „лѣвой“, надоѣвшей, или „безпартійной“ (не менѣе надоѣвшей: искусство для искусства!),—одинаково портитъ художественность произведенія.

Издаютъ „описатели“ свои произведенія такъ же, какъ пишутъ: болѣе или менѣе красиво, культурно и мало индивидуально: схожія одежды—схожій стиль. Повторяю: всетаки они—дурной первый сортъ, и если подойти къ Петру Кожевникову или къ Борису Зайцеву съ литературной программой maximum—отъ нихъ такъ же мало останется, какъ и отъ Гусева-Оренбургскаго. Но справедливо ли это? И жаль, что къ нѣкоторымъ писателямъ насъ вынуждаютъ подходить именно съ программой maximum: вынуждаютъ безумія ихъ друзей, публики, собственное ихъ поведеніе. Таковъ, напримѣръ, Л. Андреевъ. Онъ, по существу, могъ бы быть недурной третьестепенный беллетристъ; но такъ неловко, такъ безразсудно потащили его на первое мѣсто, что онъ, упавъ, разбился на мелкіе куски.

Говоря о двухъ типичныхъ литературныхъ уклонахъ, о красивой без-вольности, без-личности, без-человѣчности и о менѣе красивой доброй волѣ, стремленіи къ героизму (оба уклона взяты, конечно, въ схемѣ, безъ переходностей и оттѣнковъ), я назвалъ эти явленія, при ихъ разности,—равноцѣнными. Въ самомъ дѣлѣ, какъ рѣшить, что лучше: хорошій ли второй сортъ, или дурной первый? Свѣжій ли кочанъ капусты, или тронувшійся персикъ? Капуста, при томъ, изъ неважныхъ; персикъ великолѣпный, но подгнилъ,—чуть-чуть. Среднее кушанье. Должно, однако, признать слѣдующее: если есть у насъ теперь нѣсколько писателей настоящаго перваго сорта, если есть у насъ такой романъ, какъ „Мелкій бѣсъ“ Ѳедора Сологуба, романъ отнюдь не без-человѣчный, без-вольный, притомъ совре-

менно-красивый и стильный,—то вѣдь авторъ его стоитъ гораздо ближе къ Ал. Толстымъ, къ Ремизовымъ и даже къ Петру Кожевникову, нежели къ тихой, доброй серединѣ Гусевыхъ-Оренбургскихъ. Увы, почему-то „воля“ послѣднихъ еще не дала намъ ни одного настоящаго писателя, нашего, сегодняшняго. Можетъ быть, дастъ? Посмотримъ...

Въ заключеніе, нѣсколько вынужденныхъ словъ о критикахъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ самымъ острымъ литературнымъ фельетонистомъ былъ нововременскій Буренинъ. Изъ сказки слова не выкинешь, надо это признать. Судьба его—печальная судьба непонятнаго неудачника. Кажется, онъ обладалъ поэтическими способностями, большимъ литературнымъ вкусомъ и пониманіемъ. Но почему-то осѣкся (еще въ незапамятныя времена), и навѣки озлобился. Всѣ свои способности онъ употребилъ на выработку яда, все литературное остроуміе—на высмѣиваніе, на грубый памфлетъ. Зная самъ, что писать иначе уже не можетъ, онъ того, надъ кѣмъ и надъ чѣмъ смѣяться запрещало ему внутреннее чутье,—не касался вовсе. Онъ замолкалъ. Такъ замолкъ о Чеховѣ, да и о нѣкоторыхъ другихъ. При первыхъ звукахъ перваго декадентства—онъ улавливалъ смѣшное и слабое въ молодыхъ голосахъ и указывалъ на него грубо, но вѣрно. Большая публика его никогда не любила и не читала, но для писателей онъ былъ „забавной полезностью“. Давно... Времена эти прошли. Вотъ уже лѣтъ десять, какъ Буренинъ потерялъ глаза и зубы. Онъ уже никого и ничего не различаетъ, имена и лица для него смѣшались въ одинъ хаосъ, котораго онъ безсильно испугался; онъ такъ „отсталъ“ отъ литературы, даже внѣшне, что вмѣсто прежнихъ остроумныхъ пародій царапаетъ что-то наивно-невѣжественное и къ дѣлу не относящееся. Онъ болѣе ни забавенъ, ни полезенъ. Злобная „критика“ его свелась окончательно къ двумъ словамъ: „жидъ“ и „баба“. Вся литература для него раздѣлилась на двѣ части: съ одной стороны, жиды, а съ другой—бабы. Тяжело, думаю, существовать съ такимъ убѣжденіемъ. Но не менѣе тяжело намъ,—смотрѣть на безславныя сѣдины талантливаго человѣка.

Буренинъ обрадовался, что и я непохвально отзываюсь о послѣднихъ произведеніяхъ Л. Андреева, Арцыбашева, Каменскаго, Дымова и др. Буренинъ непремѣнно похвалилъ бы меня за это, еслибъ умѣлъ хвалить. Но онъ только заявляетъ, что первый сказалъ „в“, и бранилъ „Л. Андреевыхъ, Сологубовъ, Бѣлыхъ и Брюсовыхъ“ тогда, когда „ихъ еще всѣ хвалили“. Вотъ примѣръ жалкаго, слѣпого смѣшенія именъ. Относительно Л. Андреева,—если бы г. Буренинъ удостоилъ просмотрѣть мои статьи въ „Новомъ Пути“ и затѣмъ въ „Вѣсахъ“ (годы 901—908), онъ бы зналъ, что мнѣніе мое о „современномъ идолѣ“ всегда было одинаково трезво и *крайне* невысоко. Что же касается другихъ писателей, сваленныхъ г. Буренинымъ въ кучу и которыхъ я, *будто бы*, тоже браню,—то пусть онъ не радуется напрасно: о нихъ свое „в“ онъ можетъ говорить одинъ. Я уже упомянулъ выше, какъ я смотрю на Сологуба и Ал. Толстого. О Вал. Брюсовѣ, Андреѣ Бѣломъ, Ремизовѣ, Блокѣ я неоднократно писалъ, стараясь, по мѣрѣ силъ, дать понять, какими я ихъ вижу. Г. Буренинъ не видитъ ничего. Это его дѣло. Но пусть онъ не ищетъ произвольно единомыслія со мною въ отношеніи къ „молодой литературѣ“. Нельзя же такъ высоко ставить Л. Андреева и Арцыбашева; воображать, что если о нихъ я думаю, какъ Буренинъ, то объ остальныхъ—само собой разумѣется...

А всетаки престарѣлый нововременскій сплетникъ, со всей своей злобой и беззубыми, однообразными бранными словами, все же онъ и литературнѣе и корректнѣе иныхъ нашихъ

честныхъ, „лѣвыхъ“, журнальныхъ обозрѣвателей. Вотъ, напримѣръ, г. Кранихфельдъ изъ „Современнаго Міра“. Художественныхъ мнѣній его я не знаю,—не могъ уловить. Такъ какъ они и читателямъ мало извѣстны, то думаю, что г. Кранихфельдъ просто не имѣетъ способностей ихъ ясно выражать. Но онъ способенъ на другое. Способенъ написать длинную статью — бесѣду съ „воображаемымъ“ Львомъ Толстымъ о литературѣ. Если рѣчи Л. Толстого сплошь выдуманы — это одно; если они составлены по его книгамъ и письмамъ—это другое, и, пожалуй, еще хуже. Не говоря о крайней степени безвкусія,—ловко ли вообще выискивать изъ Толстого слова и пригонять ихъ такъ, чтобы они соотвѣтствовали репликамъ г. Кранихфельда? Распорядившись съ Толстымъ, г. Кранихфельдъ въ концѣ вдругъ прибавляетъ: а вотъ г. Антонъ Крайній назвалъ Толстого „мухой“.

Привожу это какъ примѣръ способности критиковъ нѣкоторыхъ уважаемыхъ журналовъ къ передержкамъ и не только способности, но даже необъяснимой любви. Какая цѣль этой явной неправды? Вѣдь и г. Кранихфельдъ, и мои читатели знаютъ, что я писалъ не о Толстомъ, а о маленькой „рецензентской“ мухѣ, „попавшей въ литературныя сливки“ на чтеніи „Океана“ Л. Андреева. Муха, въ восторгѣ, перемѣшала свои слова съ „текстами“ „отъ Толстого“. Въ сущности — тоже пригнала строки Толстого къ своему настроенію по поводу „Океана“. Я не считаю Л. Толстого — „Писаніемъ“ и текстовъ не отмѣтилъ. Но, вѣроятно, не отмѣтилъ бы текста и въ томъ случаѣ, если бы, по поводу „Океана“, потрясенный рецензентъ сказалъ отъ настоящаго Писанія: „Тайна сія велика есть!“ Въ произвольномъ приложеніи текстъ остается на совѣсти рецензента. Неужели, случись текстъ насчетъ „тайны“ — г. Кранихфельдъ объявилъ бы, что я называю и апостола Павла—рецензентской мухой? Могъ бы объявить, съ тѣмъ же правомъ; а если бы оставилъ втуне—то лишь потому, что передержка насчетъ апостола Павла ему не показалась бы достаточно интересной.

Какъ жаль, что все наше характерное—столь мелко и скучно. Какъ жаль, что въ примѣръ литературному критику толстаго журнала нужно ставить озлобленнаго, полуслѣпого старца изъ Новаго Времени! Онъ нелѣпо обзываетъ всѣхъ жидами, гимназистами и т. д.—но это лишь мнѣніе; ни разу еще не пытался онъ завѣрить, что Арцыбашевъ, скажемъ, назвалъ Лермонтова Сашей Чернымъ; не выдавалъ этого за фактъ.

Если г. Кранихфельдъ издастъ свои „художественныя“ статьи отдѣльнымъ томомъ (не издалъ ли уже?) я буду рекомендовать читателю величайшую осторожность. Надо считаться съ болѣзненной склонностью къ мелкой неправдѣ. Хорошо, если неправды мелкія искупаются многими большими правдами. Но этого на свѣтѣ никогда не бываетъ. Закончу и я текстомъ,—словами, для подобнаго случая написанными: „вѣрный въ маломъ—и во многомъ вѣренъ, а невѣрный въ маломъ—невѣренъ и въ большомъ“

Антонъ Крайній.

2. Украинская литература въ 1910 г.

Тяжелыя внѣшнія условія, въ которыя поставлено въ Россіи украинское слово, не угашаютъ въ украинской литературѣ „духа живого“ и 1910 г., не отмѣченный въ ней событіями, дѣлающими эпоху, все же есть чѣмъ помянуть. Это не относится къ области современной украинской поэзіи, гдѣ попрежнему есть недурные стихотворцы и нѣтъ настоящаго поэта. Литературную работу неутомимаго *Ив. Франка* оборвала тажкая болѣзнь, другой поэтъ, отмѣченный печатью истиннаго поэтическаго дарованія, *Вл. Самійленко*, тоже

почти замолкъ въ послѣдніе годы и въ 1910 г. далъ лишь прекрасный переводъ съ испанскаго повѣсти Бласко Ибаньеса „La Battasa". Въ беллетристикѣ—*М. М. Коцюбинскій* далъ продолженіе лѣтъ семь тому назадъ начатыхъ очерковъ „деревенскихъ настроеній" подъ общимъ заглавіемъ „Fata-morgana". Продолженіе расширило рамки „очерковъ" до размѣровъ „хроники": Художественныя достоинства красочной кисти М. М. Коцюбинскаго достаточно опредѣлились и не измѣнили художнику, набросавшему широкую картину деревенской жизни и ея отраженій на судьбѣ одной крестьянской семьи. Все здѣсь такъ просто и выразительно: вѣчныя мечты о землѣ, возрождающіяся наперекоръ грустной обстановкѣ дѣйствительности, слухи о грядущемъ раздѣлѣ ея, будничныя радости и несчастья, хроническая нищета и вѣчно грозящій земледѣльцу голодъ, начинающееся броженіе, мирная забастовка, погромъ, самосудъ... Все изображено въ яркихъ образахъ, и даже тамъ, гдѣ воистину царятъ только „безуміе и ужасъ", читатель все же чувствуетъ „человѣка", заблудшаго, сбитаго съ толку надвинувшимися событіями, но прежде всего обездоленнаго, несчастнаго и страдающаго. Очерки г. Коцюбинскаго не забудутся и займутъ свое мѣсто въ ряду немногихъ истинныхъ художественныхъ созданій, посвященныхъ деревнѣ.

Яркій художественный талантъ болѣе молодого беллетриста *Вл. Винниченка* достигъ большой высоты въ появившемся въ 1910 г. III томѣ разсказовъ (всѣ разсказы, собранные въ этомъ томѣ, написаны раньше). Интересный, часто захватывающій житейскій матеріалъ бурнаго періода послѣднихъ лѣтъ обработанъ въ нихъ большимъ художникомъ и тонкимъ психологомъ. Въ цѣломъ этотъ III томъ разсказовъ Винниченка—яркая, талантливая книга.

Вновь написаны Винниченкомъ въ 1910 г. небольшой разсказъ „Чудний эпизодъ" и пьеса „Брехня" (Ложь). Разсказъ посвященъ все той же занимающей автора темѣ о внутреннемъ разладѣ въ человѣкѣ. „Въ каждомъ человѣкѣ есть красота и безобразіе. Въ разныхъ формахъ. Но есть... Должна быть",—говоритъ проститутка художнику, переживающему душевный кризисъ, послѣ того, какъ узналъ, что въ его возлюбленной „красота" тѣла уживается съ „безобразіемъ" души. Проститутка занимается скульптурой и въ фигурѣ вылѣпливаемой ею дочери порока, являющейся символомъ проституціи, стремится воплотить свою мысль. А художникъ спрашиваетъ: „А вы не пытались дать выраженіе этого соединенія красоты и безобразія такъ, чтобы въ прекрасныхъ внѣшнихъ формахъ выступали внутреннія уродства?" Мысли художника путаются, но онъ понялъ одно: „Я, дѣйствительно, понялъ, почему даже въ чистѣйшія мгновенія наслажденія красотой Наталіи мое сердце сжималось отъ печали, почему хотѣлось оплакивать кого-то или что-то горячими слезами и почему въ тѣхъ слезахъ были и нѣжность, и радость, и печаль, и безнадежность".

„Брехня" очень слаба по своей концепціи, какъ пьеса, но на всемъ протяженіи ея разсыпаны блестки, свидѣтельствующія о большомъ талантѣ, а напряженный тонъ всей вещи приковываетъ вниманіе къ поставленной проблемѣ. „О, людямъ совсѣмъ не нужны ни правда, ни ложь, имъ нужно счастье, понимаешь, счастье, покой. Если ложь можетъ это дать, слава лжи! Слава!" Такъ говоритъ героиня пьесы юношѣ поэту, котораго любитъ. „Осанну" лжи ей приходится защищать, ибо правда разрушитъ жизнь и счастье цѣлаго ряда людей, ей близкихъ, на что она не можетъ рѣшиться. Она вышла замужъ безъ любви, „изъ гордости, изъ абстрактной любви къ человѣчеству"; она знала, что Андрей (ея мужъ) талантливъ и хотѣла черезъ него дать человѣчеству „новыя цѣнности"—„ну, вотъ, какъ, скажемъ, революціонеры идутъ на смерть, на жертву за други своя". Когда откры-

ваются ея отношенія къ поэту, она, все ради той же спасающей „лжи“, выпиваетъ, будто по ошибкѣ, ціанистаго кали вмѣсто лавро-вишневыхъ капель, и умираетъ, оставляя всѣхъ счастливыми, своихъ родителей, людей простыхъ, немудреныхъ, мужа, который продолжаетъ вѣрить въ ея любовь, и своего возлюбленнаго, который убѣжденъ, что произошла несчастная ошибка... [1]).

И разсказъ, и пьеса напряженностью тона свидѣтельствуютъ о нѣкоторой неуравновѣшенности автора, мятущагося въ поискахъ душевной цѣльности и склоннаго иногда слишкомъ просто разрѣшать моральныя проблемы. Творчество Винниченка продолжаетъ оставаться стихійно-хаотическимъ, чему соотвѣтствуетъ и его недостаточно обработанный языкъ, изобилующій руссицизмами. Въ сравненіи съ ними спокойный, прозрачный стиль и прекрасный украинскій языкъ Коцюбинскаго являются образцами классическаго художественнаго стиля.

Тяжелы были въ 1910 г. утраты, понесенныя украинской литературой. Скончались: создатель украинскаго театра и драматургъ, маститый *М. Л. Кропивницкій*, заслуги котораго всѣмъ хорошо извѣстны; поэтъ, беллетристъ и драматургъ *Б. Д. Гринченко*, размѣръ чисто художественнаго таланта котораго былъ не великъ, но который все же оставилъ видный слѣдъ въ исторіи украинской культуры своими работами по этнографіи, составленіемъ украинско-русскаго 4-томнаго словаря, удостоеннаго Академіей наукъ Костомаровской преміи, и своими трудами по изданію для народа; и молодой публицистъ *В. Доманицкій*, редактировавшій послѣднія изданія „Кобзаря“ Шевченка.

„Кобзарь“ вышелъ въ 1910 г. въ новомъ изданіи (г. Яковенка), въ которомъ опять появились многоточія, отсутствовавшія въ послѣднемъ изданіи. Въ двухъ томахъ во второмъ (очень недорогомъ и изящномъ) изданіи вышли драмы и комедіи *г. Тобилевича* (Карпенка-Караго).

Мих. Могилянскій.

[1]) Въ 1910 г. сборники разсказовъ М. М. Коцюбинскаго вышли въ переводахъ на шведскій (проф. Alfred'a Iensen'a, Стокгольмъ), чешскій (Прага) и русскій языки (т. I, изд. т-ва „Знаніе“). Три лучшихъ разсказа Винниченка вышли въ русскомъ переводѣ въ дешевомъ изданіи „Универсальной библіотеки“.

3. Анри де Ренье.

Анри де Ренье избранъ во французскую академію на кресло Мельхіора де-Вогюэ. Въ этомъ наслѣдованіи нѣтъ исторической преемственности настолько же, какъ ея не было при избраніи Анатоля Франса, который, какъ извѣстно, заступилъ мѣсто Фердинанда Лессепса. Въ сущности, если бы академія заботилась о преемствѣ историческомъ, то А. де Ренье слѣдовало бы стать преемникомъ именно Анатоля Франса; не потому, чтобы онъ былъ его литературнымъ продолжателемъ (этого въ дѣйствительности нѣтъ; Анатоль Франсъ, кажется, даже не любитъ А. де Ренье, какъ художника), а потому, что Ренье для поколѣнія символистовъ является такимъ же характернымъ представителемъ чисто-латинскаго генія, внѣ всякихъ иныхъ культурныхъ примѣсей, какимъ А. Франсъ являлся для поколѣнія парнасцевъ. Такъ же, какъ и А. Франсъ среди парнасцевъ (напомнимъ, что онъ былъ редакторомъ сборниковъ „Парнаса“), А. де Ренье стоитъ на одномъ изъ первыхъ мѣстъ, но немного въ сторонѣ отъ своихъ сверстниковъ. Онъ не переживалъ всѣхъ крайностей отрицаній и утвержденій, которыя отличали героевъ первыхъ схватокъ за символизмъ. Будучи символистомъ, онъ всегда оставался „класси-

комъ" въ самомъ лучшемъ и жизненномъ значеніи этого слова. Онъ не дѣлалъ никогда невѣрныхъ шаговъ въ творчествѣ: произведенія его первой юности отмѣчены тою же зрѣлой уравновѣшенностью и ясной мудростью, какъ и страницы, написанныя теперь, въ эпоху полнаго расцвѣта его таланта. Это свойство опять-таки роднитъ Ренье съ Анатолемъ Франсомъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Ренье и Франсъ глубоко различны. А. Франсъ—великій художникъ мысли, въ своемъ утонченномъ скептицизмѣ достигшій интимнѣйшихъ оттѣнковъ лиризма; А. де Ренье совершенно чуждъ мысли; русскій читатель, не воспринявшій внутреннихъ ритмовъ латинской культуры, прочтя романы Ренье, будетъ смущенъ этимъ отсутствіемъ мысли: ни одного афоризма на всемъ пространствѣ его произведеній. А. де Ренье говоритъ только формами, образами и оттѣнками. Онъ никогда не подчеркиваетъ, нигдѣ не подписываетъ поясненія. Въ то время какъ А. Франсъ является великимъ сизелеромъ-чеканщикомъ афоризмовъ, Ренье—лирикъ дѣйствительности, настолько чуткій и стыдливый, что каждый прорывъ образа въ голую логическую формулу ему кажется безстыднымъ и антихудожественнымъ. Только кое-гдѣ въ стихахъ, только кое-гдѣ въ первой своей книгѣ прозы „La Canne de Jaspe" Ренье иногда приподымаетъ маску, вводя символы, которые наглядно символичны. Но онъ быстро отошелъ отъ наивнаго аллегорическаго символизма конца восьмидесятыхъ годовъ. Онъ видитъ реальности жизни настолько опрозраченными и тонкими, настолько чувствуетъ ихъ непрерывную измѣнчивость, что каждый закристаллизованный символъ кажется ему грубымъ и мертвымъ. Ренье не символистъ, онъ реалистъ, воспитанный въ школѣ символизма. Подъ каждымъ образомъ реальнаго міра для него таится символъ, но не выявленный. Его стиль хочется сравнить съ текучей водой, на поверхности которой ярко отражаются облака, деревья и синее небо, между тѣмъ какъ изъ глубины сквозятъ камни и травы, растущіе на днѣ, и глазъ воспринимаетъ и образъ внѣшняго міра, и образъ міра внутренняго одновременно и въ то же время не смѣшиваетъ ихъ никогда въ одно зрительное впечатлѣніе. Это уподобленіе вѣрно не только для поэзіи Ренье, но и для его романовъ: подъ формами современной жизни для него сквозитъ прошлое Франціи, подъ масками людей прошлыхъ столѣтій угадываются лица современныхъ людей; изъ глубины старыхъ парковъ выходятъ фавны и кентавры, грусть затаена на днѣ радости, за радостной чувственностью прячется меланхолія, и прелесть Ренье въ томъ, что онъ не раздѣляетъ и не смѣшиваетъ ихъ, а любитъ одинаково и съ любовью возсоздаетъ противорѣчія жизни, непримиренныя и непримиримыя, немного трагическія, немного смѣшныя и всегда радостныя.

Особая свѣтлая элегантность отмѣчаетъ каждую фразу, написанную А. де Ренье. Все въ немъ просто, ясно и прозрачно. Никакой сложности, никакой преднамѣренности. И это дѣлаетъ то, что Ренье навѣрно останется однимъ изъ самыхъ трудныхъ писателей для пониманія русскаго читателя. Я не думаю, что когда-нибудь его романы въ русскихъ переводахъ станутъ любимы русской публикой. Въ немъ есть та безъ заботная радость танца, которая неизбѣжно покажется нашему пониманію, воспитанному на произведеніяхъ, обремененныхъ наглядностью мыслей, поверхностной и безсодержательной. Никто изъ привязанныхъ къ нѣмецкимъ классикамъ не оцѣнитъ ни прекрасной чувственности его образовъ, ни чисто ронсаровского воспріятія античнаго міра. Намъ, славянамъ, такъ же, какъ и нѣмцамъ, вершины латинскаго генія доступны лишь до опредѣленной высоты: выше разрѣженность прозрачнаго воздуха не даетъ намъ возможности существовать. Въ то время какъ Анатоль

Франсъ находится еще цѣликомъ въ области нашего пониманія, Анри де Ренье нѣкоторыми пиками превышаетъ его.

Избраніе въ академію А. де Ренье вскорѣ послѣ избранія Барреса знаменуетъ моральную побѣду поколѣнія символистовъ. Для символистовъ она наступила раньше, чѣмъ для парасцевъ: когда изъ того поколѣнія первымъ былъ избранъ Эредіа—Парнаса уже давно не существовало, какъ группы. Между тѣмъ „символизмъ“ существуетъ и творчески, и жизненно.

Теперь послѣ избранія Ренье на очереди стоитъ, повидимому, Поль Аданъ.

Максимиліанъ Волошинъ.

4. Петербургскіе театры.

Мольеровскій „Донъ-Жуанъ“ въ Александринскомъ театрѣ. — Театръ Интермедіи.

На театральной выставкѣ въ Берлинѣ осенью 1910 года была устроена такъ называемая „Versuchsbühne“ съ цѣлью наглядно иллюстрировать различные этапы въ исторіи театра. Ставились тамъ, главнымъ образомъ, пьесы античнаго репертуара, причемъ прилагались всѣ старанія, чтобы какъ можно точнѣе возсоздать подлинную инсценировку античнаго театра. Проектировалось въ дальнѣйшемъ превратить этотъ временный театръ въ родъ постояннаго экспериментальнаго института для провѣрки новыхъ сценическихъ принциповъ, для ознакомленія съ принципами стараго театра.

Роль подобной „Versuchsbühne“ сыгралъ Александринскій театръ постановкой мольеровскаго „Донъ-Жуана“.

Съ какой бы стороны ни подойти къ этому спектаклю, онъ представляетъ собой одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи современнаго театра: такъ ярко сказалась въ немъ столь характерная для настоящаго момента преемственность ото всѣхъ боговъ, такъ своеобразно были извлечены послѣдніе выводы изъ цѣлаго ряда принциповъ, выдвинутыхъ театральной модой дня.

Спору нѣтъ — красивый, и нарядный спектакль, любовно взлелѣянный, вплоть до мельчайшихъ деталей художественно-красиво осуществленный замыселъ. Бездну остроумной выдумки разсыпалъ В. Мейерхольдъ; все свое изумительное мастерство проявилъ А. Головинъ въ изысканныхъ декоративныхъ полотнахъ, въ тонкой символикѣ красокъ и костюмовъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на все это художественное великолѣпіе, на непрерывную смѣну блестящихъ эфектовъ, трудно отрѣшиться отъ какого-то двойственнаго впечатлѣнія, заглушить въ себѣ все время пробивающійся сквозь любованіе холодокъ неудовлетворенности.

Разгорѣвшаяся по поводу спектакля полемика—лучшее доказательство тому, что здѣсь было затронуто нѣчто существенно важное. Что именно „Донъ-Жуанъ“ вызвалъ всѣ эти противорѣчивые толки, неудивительно; уже въ силу того, что два такихъ большихъ художника сцены, какъ Мейерхольдъ и Головинъ, такъ много вложили въ эту постановку, они, какъ-то незамѣтно для себя, выдвинули и съ равной интенсивностью оттѣнили самыя различныя тенденціи современной театральности. Не малое значеніе имѣло и то обстоятельство, что вся эта ультра-революціонная, по своему внѣшнему характеру, постановка, такъ рѣзко рвущая съ натуралистическимъ шаблономъ, имѣла мѣсто въ Александринскомъ театрѣ, упорно стоявшемъ до сихъ поръ на стражѣ сценическаго натурализма. Вѣдь въ этомъ своего рода офиціальная санкція условнаго театра, узаконеніе метода, считавшагося по сю пору только сомнительнымъ дерзновеніемъ смѣлыхъ новаторовъ.

Веселый, нарядный спектакль... Съ перваго момента, какъ поднялся занавѣсъ, вниманіе зрителей было все

время захвачено смѣной непрерывно чередующихся красивыхъ картинъ, оригинальныхъ положеній. Неожиданностью была уже первая картина. На сценѣ родъ театральнаго зала нѣсколько лубочнаго барокко со всей его немного кричащей пышностью,—красныя кулисы, пестро расписанныя золотомъ, ярко горящія бронзовыя люстры и канделябры, синія ширмочки съ виднѣющимися позади нихъ напудренными париками суфлеровъ, безшумно скользящіе по матово-голубому ковру лакеи-арапчонки въ красныхъ камзолахъ. Углубленіе для оркестра исчезло — взамѣнъ него пристроенный передній просценій, полукругомъ вдающійся въ передніе ряды креселъ. Весь спектакль прошелъ при незатемненномъ зрительномъ залѣ, ни разу не опускался тяжелый занавѣсъ и только мѣнялись въ глубинѣ сцены подвижныя заднія декораціи, скрытыя до поры до времени за занавѣсями, раздвигаемыми проворными арапчонками. И какъ достойное завершеніе этого эфектнаго спектакля—торжественно инсценированный выходъ въ концѣ всѣхъ участвующихъ, сгруппированныхъ съ тонкимъ соблюденіемъ красочной гармоніи.

Отнюдь не требуется особенныхъ познаній по исторіи театра, чтобы различить въ этой сенсаціонной на первый взглядъ новизнѣ цѣлый рядъ принциповъ добраго стараго времени, съ большой технической ловкостью комбинированныхъ à la moderne. Чего тутъ только не было! Немного Шекспира, немного Мольера, реминисценціи античнаго театра—пестрые лоскутья прошлаго—и въ упрощенной инсценировкѣ, „нейтральномъ просценіи“ и, въ декораціи, только „намекающей на мѣсто дѣйствія“,—примѣненіе новаго принципа, считающагося на Западѣ послѣднимъ словомъ сценической техники, чуть ли не панацеей противъ всѣхъ театральныхъ золъ.

Не все здѣсь было безусловно необходимо, не все безусловно красиво. Нѣсколько даже противорѣчила идеѣ *„нейтральнаго“* просценія эта нарочитая яркость кулисъ съ безпокойнымъ аккордомъ краснаго и сиреневаго и не всегда гармонично сочетались съ ней по современному изысканныя декораціи задняго фона: насыщенный ядовитой зеленью лѣсъ, полукруглыя очертанія уходящей въ даль деревенской улицы.

Не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе вопроса, поскольку это смѣшеніе стилей законно, допустимо само по себѣ. Единственнымъ критеріемъ является въ данномъ случаѣ убѣдительность, цѣльность драматическаго зрѣлища. Вѣдь цѣль подобной условно упрощенной инсценировки, весь смыслъ ея въ томъ, чтобы освободивъ драму отъ гнета натуралистической обстановки, дать возможность и актеру и режиссеру и декоратору проявить все свое свободное творчество, выявить основной духъ, скрытый ритмъ пьесы. Является такимъ образомъ возможность наново возсоздать словно дематеріализованное драматическое произведеніе. Въ этомъ и преимущества и слабыя стороны системы: словно педаль въ музыкѣ, дающая особую интенсивность и яркость мелодіи, но сугубо подчеркивающая малѣйшую фальшь.

Всѣ эти самые разнообразные пріемы—и наивности стараго театра, и утонченные рессурсы современной техники—были использованы Мейерхольдомъ, чтобы какъ можно больше сгустить впечатлѣніе ирреальности, создать нѣчто прямо противоположное иллюзорной сценѣ, создать стилизацію гротеска; и, всюду согласно подчеркивая то же самое на языкѣ красокъ, слѣдовалъ за нимъ Головинъ. Необходимость стилизаціи обусловливается въ данномъ случаѣ самымъ характеромъ пьесы, — полулегенды, полушаржа. Было бы величайшей фальшью ввести документальность бытовой картины, пафосъ мелодрамы въ произведеніе, гдѣ всѣ положенія, всѣ характеры зарисованы полуреальными тонами. Мольеръ боится пафоса, боится роли проповѣдника, улыбкой скептика маскируетъ свою тро-

вогу, каждый разъ какимъ-нибудь комическимъ выходомъ разрушаетъ драматизмъ положенія. На этой его особенности построенъ былъ весь замыселъ Мейерхольда. Большой мастеръ гротеска, онъ далъ въ этомъ направленіи цѣлый рядъ незабываемыхъ моментовъ и жестовъ, тонкихъ, остроумныхъ штриховъ. Но все время сгущая элементы комизма, Мейерхольдъ незамѣтно превратилъ всю пьесу въ веселую буфонаду. Казалось, что на потѣху себѣ въ пьяномъ веселіи карнавала разыгрываютъ актеры легенду о Донъ Жуанѣ, все время какъ бы подмигивая зрителю. А въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ пьесы попарно выбѣгали на сцену арапчонки, своей суетливостью, своимъ испугомъ еще болѣе обнажая фикцію. Подобной „красивостью", сугубымъ подчеркиваньемъ „игры въ театръ" создавалось новое насиліе надъ драмой, пожалуй не менѣе разрушающее художественную иллюзію, чѣмъ условности натуралистическаго театра, слишкомъ навязчиво выступали на сцену мейерхольдовскіе комментаріи къ Мольеру. Всѣ эти забавные Ulk'и вели къ постоянному срыву настроенія, къ *художественной неправдоподобности.* Такъ неубѣдителенъ былъ этотъ жеманный Донъ Жуанъ съ его балетными па и присѣданіями, и трудно было повѣрить, чтобы могли попасться на удочку его холодной лести даже наивныя поселянки Мольера.

Лучшимъ аргументомъ противъ подобнаго искаженія, лучшимъ показателемъ того, что можетъ дать Мейерхольдъ, было начало четвертаго акта. Тонъ веселой буффонады здѣсь какъ-то стушевался, и въ темно-синей глядящей въ окно ночи, и во внезапной серьезности Донъ Жуана нависла надвигающаяся жуть конца. Словно выросъ здѣсь Донъ-Жуанъ-Юрьевъ, проявивъ какую-то кошачью эластичность въ смѣнѣ настроеній и чувствъ. Весь интересъ сосредоточился на двухъ центральныхъ фигурахъ, и чисто драматическимъ путемъ, сопоставленіемъ грузной ограниченности Сганареля и изящнаго имморализма Донъ Жуана, выдѣлился одинъ изъ основныхъ мотивовъ пьесы. Блеснуло тревожное раздумье, все время пробивающееся сквозь ироническую усмѣшку скептика Мольера, и немного заслужилъ скрытую влюбленность автора истинный гранъ-сеньоръ въ повѣсничествѣ, надменный и отважный во имя своего остраго любопытства къ жизни, Донъ Жуанъ.

То былъ одинъ изъ немногихъ моментовъ, гдѣ декораціи и костюмы были только художественными аксессуарами игры. Вообще же, къ сожалѣнію, въ роли служебныхъ аксессуаровъ сплошь да рядомъ оказывались сами актеры, совершенно не сумѣвшіе найтись въ новой атмосферѣ и своими „бытовыми" нотками, слишкомъ повседневнымъ жестомъ вносившіе рѣзкій диссонансъ въ „стильную" инсценировку. Несравненъ былъ только одинъ Варламовъ, да вполнѣ стильную фигуру, почти до маріонеточной схематичности жеста, далъ Пьеро-Озаровскій. А между тѣмъ сколько богатыхъ возможностей открывалось здѣсь передъ актеромъ: ему не нужно было ходить и говорить „совсѣмъ какъ въ жизни", онъ могъ проявить болѣе свободную стилистику жеста и мимики, проявить, словомъ, подлинное чисто драматическое искусство!

Всѣ отмѣченныя выше особенности этой постановки и подчеркнутость контуровъ и стремленіе какъ можно больше сгустить впечатлѣніе въ сторону шаржа, дать острый, бьющій по нервамъ эфектъ,—явленіе далеко не случайное, присущее не только театру, но и всему современному искусству, литературѣ, живописи, графикѣ, даже музыкѣ. Въ области изобразительныхъ искусствъ мы могли бы подобрать не одну аналогію и этому увлеченію „старинными лоскутьями" и, введенію наивностей стараго искусства, какъ особыхъ стилистическихъ пріемовъ. Тутъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о

возвращеніи къ примитивной психологіи; наоборотъ, во всемъ этомъ жадномъ любопытствѣ къ примитивности сказывается скорѣе аристократическая пресыщенность, нуждающаяся въ контрастныхъ ощущеніяхъ, какъ въ острыхъ возбудительныхъ средствахъ. Какъ-то странно переплетаются въ искусствѣ нашихъ дней и сантиментальная влюбленность въ наивное, и „любовь и ужасъ искаженныхъ контуровъ“. Въ связи съ этими сложными настроеніями выработалась и своеобразная техника, идущая вплоть до парадокса въ своемъ исканіи острой экспрессивности. Новѣйшее декоративное движеніе стремится къ тому, чтобы выработать и для театра новыя выразительныя средства, подобныя тѣмъ, какія внесли въ современное искусство Бердсли и Т. Т. Гейне, Гогенъ и Тулузъ-Лотрекъ.

Казалось бы, что всѣ эти условія должны были подготовить самую благопріятную почву для развитія кабарэ. И странно, что въ то время какъ у насъ уже начинаетъ вырабатываться свой стиль въ каррикатурѣ (линейный юморъ „Сатирикона“), въ то время какъ пышно расцвѣли тонкія литературныя пародіи и шаржи, создалась цѣлая литература юмора, всѣ попытки выработать спеціальный стиль гротескъ на сценѣ не привели до сихъ поръ ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ.

Какъ будто какой-то фатумъ тяготѣетъ надъ всѣми петербургскими кабарэ. Первое предпріятіе подобнаго характера, „Зеленое Лукоморье“, задавшееся цѣлью дать художественное выраженіе смѣху и ужасу, просуществовало всего пару мѣсяцевъ. Литейный театръ, этотъ русскій Guignol (слѣдуя и въ этомъ примѣру иностранныхъ театровъ того же рода), сталъ искать матеріала для „ужасовъ“ въ хроникѣ происшествій, и о немъ, какъ о чисто художественномъ предпріятіи говорить не приходится. Что же касается „Кривого Зеркала“, то за исключеніемъ нашумѣвшей, ставшей почти классической *„Вампуки“* да пары тонкихъ литературныхъ пародій, въ немъ не создалось ничего, что могло бы быть поставлено на одинъ уровень хотя бы съ „Гримасами города“ Ре-Ми или со злостными ужимками Юнгера, этихъ ѣдкихъ рисовальщиковъ „Сатирикона“.

Особенно много надеждъ возлагалось на возникшій въ этомъ году, и уже прекратившійся, „Театръ Интермедіи“ во главѣ съ Кузминымъ, Сапуновымъ, Зноско-Боровскимъ и докторомъ Дапертутто. Дѣйствительно, съ внѣшней стороны этотъ кабарэ былъ безусловно художественъ, но къ сожалѣнію этой внѣшней художественностью все въ немъ и исчерпывалось. Не было въ немъ ни искрящагося, пусть даже циничнаго, веселья парижскихъ кабарэ, ни острой, подчасъ слишкомъ „литературной“, злободневности нѣмецкихъ. Весь онъ производилъ впечатлѣніе какой-то насквозь экзотической, тепличной затѣи. Все здѣсь было мило, изящно, но... незначительно—изящная causerie о чемъ-то далекомъ и чуждомъ, весь смыслъ которой—виртуозно разсказать о томъ, что никому въ сущности не интересно. „Обращенный принцъ“, Зноско-Боровскаго—родъ перифразы средне-вѣковыхъ рыцарскихъ романовъ, „Негритянская трагедія“ Гибшмана и Потемкина, вся соль которой въ плохомъ англійскомъ языкѣ, пустенькая пастораль Кузмина „Голландка Лиза“—все это только изящные riens въ изысканной рамкѣ красокъ, ничѣмъ не шокирующіе хорошаго вкуса, но и ничѣмъ абсолютно не захватывающіе. И даже ѣдкія красочныя композиціи Крымова и Арапова не въ состояніи были хоть нѣсколько приблизить къ намъ далекаго и устарѣвшаго Крылова.

Только въ „Шарфѣ Коломбины“, прелестной пантомимѣ Шницлера, были достигнуты новыя выразительныя средства исключительно мимической драмы, намѣчены новыя перспективы сценическаго искусства. Это именно пантоми-

ма—нѣчто среднее между балетомъ и драмой — располагающая, за исключеніемъ словъ, всѣми рессурсами драмы, плюсъ стилизованный жестъ, плюсъ стилизованная пластика танца. Исполнители этой пьесы настолько овладѣли этими способами выраженія, такъ естественно претворили въ жесты всѣ выражаемыя обыкновенно словами эмоціи, что совершенно забывалась крайняя условность жанра, — вымыселъ сталъ художественной правдой.

Декораціи этого маленькаго театра прямо прелестны; съ точки зрѣнія рисунка, соотвѣтствія красокъ и формъ, умѣнія выявить въ красочномъ аккордѣ доминирующее настроеніе пьесы—не оставляютъ желать лучшаго. Фантастическія красныя деревья на фонѣ небывалаго неба, громоздкія фигуры игрушечныхъ лошадей, даже бутафорскіе аксессуары „Обращеннаго принца“, какъ нельзя лучше подходили къ милой неправдоподобности romans d'aventure, вносили подлинность дѣтской игры. А изысканныя сценическія картины Сапунова къ „Шарфу Коломбины“ могли сами по себѣ доставить законченное эстетическое наслажденіе. Но, повторяемъ, все это только внѣшняя рамка, слишкомъ обдуманная, слишкомъ затѣйливая, чтобы въ ней могла проявиться непосредственная импровизація, создаться непринужденаго веселье; здѣсь нѣтъ главнаго, нѣтъ неожиданности, нѣтъ смѣха.

Помимо этого, чрезмѣрная изысканность внѣшнихъ пріемовъ идетъ вразрѣзъ съ основной тенденціей кабарэ, по самому существу своему стремящагося къ грубости, къ нѣкоторой простонародности даже. Отсюда и этотъ характеръ забавы для немногихъ, эта исключительность и далекость отъ жизни нашего кабарэ.

Приходится ли въ концѣ-концовъ особенно сожалѣть о томъ, что именно живописно декоративная сторона обрѣла такое значеніе въ театрѣ, видѣть въ этомъ прямой путь къ гибели драматическаго искусства? Вѣдь живопись значительно больше отвѣчаетъ требованіямъ современнаго вкуса, чѣмъ выдохшійся натурализмъ сцены, обладаетъ всѣми данными для того, чтобы дать въ краскахъ и линіяхъ должный аккомпанементъ драматическому дѣйствію, выявить сущность пьесы. И тѣмъ самымъ она намѣчаетъ тотъ путь, которымъ должно итти и драматическое искусство, чтобы найти свой „стиль“ игры, свои специфическія формы выраженія.

Нынѣшняя живопись мало-по-малу отрѣшается отъ жаднаго любопытства къ чужому далекому и, обогативъ свою технику всѣми рессурсами нашего эклектическаго вѣка, находитъ совершенно новый, болѣе углубленный подходъ къ реальной современности. Надо надѣяться, что и театръ, найдя „свои“ вполнѣ современныя формы, скоро стряхнетъ съ себя и пикантныя наивности старины и чрезмѣрное щегольство внѣшней „красивостью эфектовъ“, какъ безстильные аксессуары, слишкомъ оттѣсняющіе *внутреннее* въ угоду *внѣшнему*.

А если даже исканія формы и принимаютъ подчасъ нѣсколько парадоксальный характеръ, приводятъ къ чрезмѣрной, подчасъ даже карикатурной утрировкѣ, то и это—обычное явленіе тамъ, гдѣ старыя формы превратились въ безразличныя клише, не воспринимаются больше современной чувствительностью. **М. Симоновичъ.**

5. Изъ петербургской музыкальной жизни.

Одно изъ крупнѣйшихъ событій текущаго музыкальнаго сезона — двадцатипятилѣтній юбилей музыкальнаго дѣла, основаннаго Митрофаномъ Петровичемъ Бѣляевымъ, дѣла,—за которое русская музыка, а слѣдовательно, и музыка вообще обязана ему вѣчной благодарностью. Въ лѣтописяхъ русскаго искусства можно, кажется, найти еще только одинъ примѣръ подобнаго крупнаго пожертвованія на дѣло искусства. Это Третьяковская галлерея въ Москвѣ. Но покровительство искусству у

Бѣляева было еще шире, еще разностороннѣе, а самая организація дѣла, по цѣлесообразности разработки всѣхъ деталей его, положительно безпримѣрна.

Исторія новѣйшей русской музыки неразрывно связана съ дѣломъ Бѣляева.

Если колыбелью новой русской музыки была тѣсная квартирка и вообще среда Балакирева, то салонъ М. П. Бѣляева служилъ центромъ для русской музыки, когда она вошла уже въ возрастъ. Роли этихъ дѣятелей были многоразличны. Балакиревъ, самъ крупный музыкальный творческій талантъ, былъ отцомъ наставникомъ. Бѣляевъ — музыкантъ-любитель, скрипачъ, былъ организаторомъ широкой арены для русскихъ музыкантовъ, арены, которую началъ, но не успѣлъ создать Балакиревъ, по многимъ причинамъ личнаго и въ особенности общественнаго характера, а главное за неимѣніемъ денежныхъ средствъ. У Бѣляева была горячая любовь къ русской музыкѣ, глубокая вѣра въ творческія силы ея тогдашнихъ представителей, съ которыми его свела судьба, выдающійся умъ, большая практическая опытность коммерсанта и громадныя денежныя средства, т.-е. какъ разъ тѣ данныя, въ которыхъ русская музыка тогда болѣе всего нуждалась.

При возникновеніи Бѣляевскаго кружка связующимъ звеномъ между Балакиревскимъ и новымъ кружкомъ послужило второе поколѣніе русскихъ музыкантовъ — ученики Римскаго-Корсакова: А. К. Лядовъ, съ которымъ М. П. Бѣляевъ познакомился, какъ съ дирижеромъ оркестра музыкальнаго кружка любителей, собиравшихся въ гостиницѣ „Демутъ“ на Мойкѣ,— въ этомъ оркестрѣ М. П. Бѣляевъ участвовалъ съ 1880 г.,— и А. К. Глазуновъ, молодой гимназистъ-реалистъ, выступившій тогда только что на композиторское поприще съ первой симфоніей въ концертѣ Безплатной Музыкальной Школы (17 марта 1882 г.) и познакомившійся съ Бѣляевымъ черезъ Лядова. Сочиненія Глазунова, произведшія на Бѣляева сильное впечатлѣніе, и послужили толчкомъ къ основанію музыкальнаго дѣла. 27 марта 1884 г. Бѣляевъ устроилъ въ залѣ С.-Петербургскаго училища св. Петра оркестровую „репетицію сочиненій А. К. Глазунова“, на которой присутствовалъ образовавшійся кружокъ музыкантовъ и ихъ знакомые: только приглашенныя лица. Это и послужило началомъ дѣла издательскаго и концертнаго.

Въ 1885 г. 20 іюня Бѣляевъ основалъ въ Лейпцигѣ музыкальное издательство для печатанія исключительно русскихъ музыкальныхъ сочиненій, а 23 ноября того же года состоялся первый „Русскій симфоническій концертъ“. Нѣсколько позже, въ 1891 г., были основаны и „Русскіе квартетные вечера“. Ни равнодушіе публики къ концертамъ, происходившимъ долгое время при пустой залѣ, ни нападки и высмѣиванія ретроградной печати не остановили дѣла. Оно быстро росло и развивалось. Композиторы могли свободно отдаваться своему творчеству, зная, что ихъ произведенія будутъ изданы и исполнены, и вѣря, что кругъ ихъ поборниковъ будетъ постепенно расширяться, въ чемъ они и не ошиблись. И тѣ тріумфы, которые русская музыка одерживаетъ теперь за границей, тріумфы, обязанные тому же Бѣляеву, если не прямо, то косвенно,— служатъ краснорѣчивѣйшимъ отвѣтомъ на всяческія враждебности по адресу „Новой русской музыкальной школы“.

Прочно поставивъ дѣло при своей жизни, горячо полюбивъ его и его главныхъ дѣятелей — Н. А. Римскаго-Корсакова, А. К. Лядова и А. К. Глазунова, составлявшихъ „музыкальную комиссію“, безъ которой не издавалось и не исполнялось ни одно произведеніе, Бѣляевъ пожелалъ навсегда обезпечить существованіе основанныхъ имъ учрежденій для культивированія родного искусства. Послѣ своей смерти 28 декабря 1903 г. онъ завѣщалъ полуторамилліонное состояніе, предусмотрительно

обезпечивъ его неприкосновенность; распредѣлилъ его на отдѣльные капиталы, назначивъ каждый изъ нихъ на опредѣленныя музыкальныя надобности. Для того же, чтобы обезпечить какъ сохраненіе самаго направленія основаннаго имъ дѣла, такъ и правильность расходованія суммъ, онъ учредилъ „Попечительный Совѣтъ для поощренія русскихъ композиторовъ и музыкантовъ", избравъ въ первый составъ Совѣта Римскаго-Корсакова, Лядова и Глазунова и обязавъ каждаго изъ нихъ указать себѣ замѣстителя на случай болѣзни, продолжительнаго отсутствія, выхода изъ Совѣта или смерти. Совѣтъ, находящійся въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и обязанный представлять ему ежегодно отчеты, руководится во всемъ уставомъ, составленнымъ учредителемъ.

Нынѣшній Совѣтъ — Н. В. Арцыбушевъ, А. К. Глазуновъ и А. К. Лядовъ — къ двадцатипятилѣтнему юбилею выпустилъ брошюру подъ заглавіемъ „М. П. Бѣляевъ и основанное имъ музыкальное дѣло". Въ ней даны краткія свѣдѣнія о личности М. П. Бѣляева, возникновеніи основанныхъ имъ музыкальныхъ учрежденій, а также и о томъ, какъ распредѣляются завѣщанныя Бѣляевымъ средства. Изъ нея мы узнаемъ, что изъ перваго основного неприкосновеннаго капитала въ 545 тыс. руб. предназначается: на издательство 275 тыс. руб., на симфоническіе концерты и квартетныя вечера 150 тыс. руб., на выдачу композиторамъ ежегодно такъ называемыхъ Глинкинскихъ премій — 75 тыс. руб., на выдачу ежегодныхъ премій по конкурсамъ на квартетную музыку — 15 тыс. руб., и, наконецъ, на расходы по дѣлопроизводству Попечительнаго Совѣта 30 тыс. руб. Отдѣльный капиталъ (выяснившійся пока въ суммѣ 104.800 руб.) назначенъ на вспоможеніе нуждающимся русскимъ музыкантамъ. Остальныя средства заключаются въ домѣ стоимостью до 700 тыс. руб., доходы съ котораго поступаютъ на увеличеніе вышепоименованныхъ капиталовъ пропорціонально ихъ размѣрамъ, и въ особомъ капиталѣ въ 160 тыс. руб., проценты съ котораго составляютъ пожизненную собственность трехъ близкихъ лицъ завѣщателя и который, по смерти ихъ, долженъ быть присоединенъ къ основнымъ капиталамъ пропорціонально ихъ размѣрамъ. Кромѣ того, Бѣляевъ оставилъ особый капиталъ въ 30 тыс. руб., проценты съ котораго идутъ на поддержку С.-Петербургскаго Общества Камерной музыки.

Я не буду утомлять вниманія читателя деталями порядка приращенія капиталовъ и расходованія суммъ. Скажу только, что этотъ порядокъ строго опредѣленъ и обезпечиваетъ непрерывное развитіе дѣла по всѣмъ отдѣламъ его, такъ какъ сами капиталы должны непрерывно увеличиваться, причемъ и самое увеличеніе ихъ ограничено извѣстными правилами. Не ограниченъ только ростъ капиталовъ издательскаго и вспоможенія, на приращеніе которыхъ поступаютъ и всѣ остатки послѣ достиженія остальными капиталами ихъ предѣльныхъ размѣровъ (см. стр. 21 назв. брошюры).

Такимъ образомъ дѣло Бѣляева не умретъ никогда. И этимъ дѣломъ матеріальная сторона для развитія русской музыки можетъ считаться обезпеченной навсегда. Кстати замѣтить здѣсь, что опредѣленіе „русскій" въ завѣщаніи Бѣляева относится не къ національности, а къ подданству.

Издательская и концертная дѣятельность учрежденій Бѣляева за 25 лѣтъ принесла ощутительные плоды. За это время фирма „М. П. Бѣляевъ въ Лейпцигѣ" издала 735 новыхъ музыкальныхъ произведеній 47-ми русскихъ композиторовъ и 2166 номеровъ различныхъ переложеній этихъ произведеній, извлеченій изъ нихъ и отдѣльныхъ партій ихъ. Изъ сочиненій большая доля приходится на симфоническія (118), фортепіанныя (241) и вокальныя (228),

не считая изданныхъ въ полномъ видѣ (партитуры, партіи и пр.) 11-ти оперъ.

Русскихъ симфоническихъ концертовъ за четверть вѣка ихъ существованія было дано 93, причемъ исполнено 680 произведеній, большинство впервые, 48-ми русскихъ композиторовъ.

Русскихъ квартетныхъ вечеровъ было дано за двадцать лѣтъ (съ 1891 г.)—18 и въ нихъ исполнено 61 сочиненіе 20-ти авторовъ.

Таковы цифры, краснорѣчиво говорящія о процвѣтаніи дѣла съ внѣшней стороны. **Григорій Тимофеевъ.**

III. Философское движеніе.

1. Борьба за „міровоззрѣніе“ въ нѣмецкой философіи.

Гегель замѣтилъ какъ-то, что нѣтъ зрѣлища болѣе страннаго, чѣмъ образованный народъ, не имѣющій собственной метафизики. Съ тѣхъ поръ прошелъ долгій рядъ десятилѣтій, въ продолженіе которыхъ весь образованный Западъ—и въ томъ числѣ „народъ мыслителей“, породившій Гегеля—жилъ безъ метафизики и даже отрицалъ нужду въ ней. Правда, дѣло не обходилось безъ суррогатовъ метафизики, вродѣ матеріализма, дарвинизма, соціализма, которые, выступая подъ личиной строгой научности, въ скрытой формѣ и вопреки своимъ сознательнымъ замысламъ давали удовлетвореніе „метафизической потребности“. Но всѣ они страдали именно этимъ противорѣчіемъ между мнимо-научной формой и стыдливо скрытымъ метафизическимъ содержаніемъ; и потому положительная научная мысль, отъ имени которой они выступали и суду которой, слѣдовательно, подлежали, не замедлила вскрыть ихъ несостоятельность, какъ научныхъ построеній. Наука дорожила своей независимостью отъ метафизическихъ предпосылокъ, находила удовлетвореніе въ непритязательномъ изслѣдованіи деталей жизненной картины и даже не пыталась связывать эти детали въ цѣльный и осмысленный образъ; и сама философія, зараженная этимъ настроеніемъ, отвергала, какъ ненужные и невозможные, всѣ общіе вопросы и отвѣты о сущности и смыслѣ жизни и ограничивала свою задачу изслѣдованіемъ путей и предѣловъ научной мысли. Образованное общество не только жило безъ метафизики и религіи, безъ исканія основъ цѣльнаго міровоззрѣнія и жизнепониманія, но и гордилось, какъ высшимъ плодомъ зрѣлой культуры, этимъ умѣніемъ обходиться безъ великихъ идейныхъ тревогъ и запросовъ. Это духовное благоразуміе и благополучіе было впервые нарушено мятежнымъ крикомъ Ницше, который самой страстностью своего протеста противъ религіозно-метафизическаго умонастроенія достигъ прежде всего того, что широкимъ кругамъ общества вновь уяснилась неискоренимость и тревожная острота общихъ проблемъ религіи и метафизики. Съ того времени намѣчается и все болѣе назрѣваетъ поворотъ въ духовной культурѣ Запада, порывъ къ углубленію и расширенію идейныхъ основъ жизни. Отчасти подъ вліяніемъ этого новаго теченія, отчасти же въ свою очередь вліяя на него, въ послѣднее десятилѣтіе совершается рядъ крупнѣйшихъ измѣненій въ научномъ міровоззрѣніи: постиженіе условности и произвольности механистическихъ схемъ въ физико-химической наукѣ, крушеніе дарвинизма и возрожденіе витализма въ наукахъ объ органической природѣ, разочарованіе въ физіологической и ассоціаціонной психологіи (въ „психологіи безъ души“), сознаніе независимости наукъ о духовной и общественной жизни отъ точекъ зрѣнія и методовъ естествознанія. Всѣ эти движенія влекутъ къ признанію, по чисто научнымъ соображеніямъ, несостоятельности стараго натуралистическаго міровоззрѣнія. Съ своей стороны нѣмецкая философія, начавъ съ

возстановленія и школьной систематизаціи философіи Канта, невольно, неизбѣжнымъ ходомъ мыслей была доведена до великихъ общихъ проблемъ, которыя лежатъ въ основѣ послѣкантовской идеалистической метафизики. Эти многообразныя движенія еще не слились отчетливо въ одно русло и не опознали своей конечной цѣли; скорѣе современное состояніе характеризуется тревожнымъ недоумѣніемъ, безсильнымъ колебаніемъ между старымъ, которое уже не можетъ вполнѣ удовлетворять, и новымъ, которое и манитъ, и вмѣстѣ пугаетъ своей необычностью.

Это состояніе философской и научной мысли въ Германіи весьма характерно выразилось въ недавно опубликованномъ философскомъ сборникѣ *Міровоззрѣніе.* [1]) Двадцать нѣмецкихъ ученыхъ—философовъ, богослововъ и философствующихъ представителей спеціальныхъ наукъ—соединились, чтобы дать отвѣтъ на вопросъ о „міровоззрѣніи“, о возможности и путяхъ общаго духовнаго синтеза, о современномъ состояніи и перспективахъ цѣльнаго философскаго и религіознаго жизнепониманія. Не только по темѣ, но и по характеру эта книга во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ вышедшій восемь лѣтъ тому назадъ въ Россіи сборникъ „Проблемы идеализма“: тотъ же замыселъ—обратить вниманіе общества на неистребимые религіозно-метафизическіе запросы,—и та же неувѣренность и робость въ осуществленіи замысла, та же неясность и безформенность положительныхъ указаній. Конечно, имѣются и существенныя различія между русскимъ и нѣмецкимъ призывомъ, обусловленныя прежде всего культурно-историческими различіями. Русская мысль никогда не страдала избыткомъ отвлеченности и научности и отсутствіемъ общихъ построеній; поэтому „Проблемы идеализма“ должны были призывать не къ „міровоззрѣнію“ вообще, а къ замѣнѣ стараго односторонняго міровоззрѣнія болѣе углубленнымъ и полнымъ, тогда какъ нѣмецкіе мыслители борются прежде всего съ притязаніями спеціальныхъ наукъ и защищаютъ идею единства міросозерцанія. Съ этимъ тѣсно связано и то, что въ странѣ долгой и богатой культуры всякіе „перевороты“—духовные, какъ и общественные—совершаются гораздо труднѣе, и новыя идеи гораздо тѣснѣе прикрѣплены къ традиціямъ прошлаго, тогда какъ у насъ, за отсутствіемъ прочныхъ традицій, новое осуществляется легче и болѣе радикально, но зато и менѣе основательно; поэтому нѣмецкіе проповѣдники новыхъ идеаловъ, съ одной стороны, чувствуютъ себя болѣе связанными и, съ другой стороны, строятъ свои идеалы на болѣе прочномъ фундаментѣ.

Самое интересное въ книгѣ о „міровоззрѣніи“ есть именно ея замыселъ, а не его выполненіе. И этотъ замыселъ увлекательно и талантливо изложенъ въ вступительной статьѣ Фришэйзенъ-Келера. „Послѣ долгой эпохи сознательнаго отреченія и отказа отъ метафизическихъ и религіозныхъ проблемъ—говорится тамъ—мы рѣшаемся вновь приблизиться къ вопросамъ, къ которымъ все же тяготѣетъ сердце и которые всегда занимали человѣчество и его глубочайшихъ мыслителей“. Хотя, по мнѣнію автора, умозрѣнія, чаровавшія міръ въ началѣ 19-го вѣка, осуждены навсегда, и хотя мы не можемъ отказаться отъ плодовъ детальной научной работы, но все же „ни скептическое настроеніе французскихъ просвѣтителей, ни агностицизмъ англійскихъ позитивистовъ и нѣмецкихъ критицистовъ не можетъ дать длительнаго удовлетворенія“. Авторъ не скрываетъ

[1]) *Weltanschauung. Philosophie und Religion* in Darstellungen von Dilthey, Groethuysen, Misch, Ioel, Spranger, Wiesner, Driesch, Adickes, Schwarz, Keyserling, Natorp, Simmel, Wobbermin, Deussen, Güttler, Bonus, Wille, Troeltsch, Kaftan, Frischeisen-Köhler.—Berlin, 1910. Reichl u. C°.

тѣхъ огромныхъ трудностей, которыя стоятъ на пути стремленія къ метафизическому міровоззрѣнію. Съ одной стороны, господствующая теорія познанія, въ обѣихъ своихъ формахъ, позитивистической и критической, воспрещаетъ выходъ за предѣлы опыта и доказываетъ произвольность метафизическихъ построеній. Съ другой стороны, спеціальныя науки не только фактически раздроблены и далеки другъ отъ друга, но и всѣ категоріи, методы, точки зрѣнія, которыми онѣ пользуются, настолько разнородны, что представляется немыслимымъ объединить ихъ выводы въ одну цѣльную картину. Обѣимъ этимъ трудностямъ, однако, противостоятъ признаки, свидѣтельствующіе о законности и необходимости метафизическихъ проблемъ и ихъ рѣшеній. Въ отношеніи теоріи познанія все болѣе уясняется, что этотъ судья метафизики самъ всегда повиненъ въ томъ дѣйствіи, которое онъ такъ безпощадно осуждаетъ. Теорія познанія, эта „наука безъ предпосылокъ“, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается необходимо обоснованной на метафизическихъ предпосылкахъ объ отношеніи между я и не-я, субъектомъ и объектомъ, сознаніемъ и бытіемъ. И точно такъ же оказывается, что спеціальныя науки неизбѣжно приводятъ къ метафизическимъ гипотезамъ и что ученія ихъ, которыя носятъ, повидимому, частичный и эмпирическій характеръ, въ конечномъ счетѣ ведутъ къ общему метафизическому міровоззрѣнію: такъ, современные психологическіе споры о природѣ сознанія или объ отношеніи между физическимъ и психическимъ, борьба мнѣній и школъ въ біологическихъ наукахъ, философскія проблемы современнаго обществовѣдѣнія, въ сущности, уже вращаются въ плоскости метафизики; и какъ бы трудно ни было объединеніе всего научнаго движенія въ единую систему, оно всегда само собой намѣчается въ сопредѣльныхъ областяхъ различныхъ наукъ. Но дальнѣйшая и самая великая трудность состоитъ въ томъ, что намѣчающееся единство научно-философскаго міровоззрѣнія должно быть въ свою очередь примирено съ совсѣмъ иной духовной стихіей—съ религіознымъ сознаніемъ. Здѣсь авторъ, съ одной стороны, подчеркиваетъ необходимыя точки соприкосновенія между тѣмъ и другимъ—неизбѣжность метафизическихъ элементовъ въ религіи, какъ и участіе религіозныхъ интересовъ въ метафизическомъ міровоззрѣніи,—и, съ другой стороны, отмѣчаетъ невозможность полнаго ихъ растворенія и сліянія между собой. Эта проблема сознательно оставляется авторомъ безъ отвѣта, и вступительная статья заканчивается указаніемъ на важность разработки вопроса объ отношеніи между философіей и религіей,—вопроса, которому по существу посвященъ весь сборникъ.

Рѣшающее значеніе для міровоззрѣнія именно этой проблемы выражено внѣшнимъ образомъ въ сборникѣ тѣмъ, что статьи въ немъ распредѣлены по этимъ двумъ плоскостямъ духовной жизни и культуры: сборникъ раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ одна посвящена философіи, другая—религіи. Въ философскомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ статью *Дильтея* „Типы міровоззрѣній и ихъ развитіе въ метафизическихъ системахъ“—разсужденіе, богатое широкими горизонтами и проницательными обобщеніями, какъ все, что пишетъ этотъ замѣчательный мыслитель. Уяснивъ природу и источники той цѣлостной духовной реакціи личности на жизнь, которая образуетъ сущность „міровоззрѣнія“, Дильтей прослѣживаетъ сперва три возможныхъ формы міровоззрѣнія—религіозное, поэтическое и метафизическое міровоззрѣніе—и отмѣчаетъ особенности каждой изъ этихъ формъ; затѣмъ, въ предѣлахъ метафизическаго міровоззрѣнія, онъ сводитъ все многообразіе системъ къ тремъ типическимъ точкамъ зрѣнія, которыя обозначаетъ, какъ

„натурализмъ“, „идеализмъ свободы“ и „объективный идеализмъ“; эти три міровоззрѣнія различаются тѣмъ, что въ первомъ основной метафизической категоріей служитъ понятіе *природы*—какъ стихіи, противоположной свободному и разумному началу; во второмъ, напротивъ, такой категоріей служитъ понятіе свободной духовности также въ ея противоположности природѣ, тогда какъ третье объединяетъ оба начала допущеніемъ объективно-космическихъ корней духовности. Симпатіи автора склоняются къ этому третьему типу міровоззрѣнія, глубочайшимъ поэтическимъ представителемъ котораго онъ справедливо признаетъ Гете.

Въ философскомъ отдѣлѣ сборника слѣдуетъ далѣе отмѣтить интересную статью Эдуарда *Шпрангера* „Фантазія и міровоззрѣніе“, уясняющую роль интуиціи и воображенія въ познаніи и особенно подчеркивающую значеніе интуиціи въ обществовѣдѣніи; въ основѣ всякаго постиженія духовныхъ реальностей лежитъ, по справедливому указанію автора, не отвлеченный анализъ, а живое „пониманіе“, т.-е. воспроизведеніе черезъ творческое воображеніе цѣлостныхъ духовныхъ явленій. Справедливая оцѣнка интуиціи въ научномъ познаніи должна, конечно, сблизить науку съ иными формами духовной интуиціи и содѣйствуетъ открытію путей для цѣльнаго міровоззрѣнія.—Любопытна также статья гейдельбергскаго біолога, извѣстнаго виталиста Ганса *Дриша*: „О значеніи философіи природы для этики“: идея подчиненія частей цѣлому и цѣлесообразной ихъ дѣятельности въ интересахъ послѣдняго—идея, образующая, согласно Дришу, основную категорію познанія органической природы—можетъ также, по его мнѣнію, служить обоснованіемъ этики. Въ этомъ разсужденіи особенный интересъ представляютъ не частныя соображенія, во многихъ отношеніяхъ спорныя, а общая мысль о возможности идейной связи между естествознаніемъ и положительнымъ этическимъ міровоззрѣніемъ.—Опроверженію старой, натуралистической связи между естествознаніемъ и міровоззрѣніемъ, приводящей къ философскому нигилизму, посвящена статья вѣнскаго ботаника *Визнера* „Естествознаніе и міровоззрѣніе“, убѣдительно вскрывающая научную несостоятельность современной ублюдочной формы матеріализма—„монизма“ Геккеля. Такую же задачу въ отношеніи натуралистической психологіи преслѣдуетъ мастерская статья гейдельбергскаго психолога *Шварца* „Вопросъ о душѣ“; компетентный авторъ показываетъ, сколь тщетными оказались всѣ попытки ассоціаціонной и физіологической психологій обойтись безъ „души“, т.-е. безъ единства и активности сознанія, и какъ трезвыя данныя современной экспериментальной психологіи вновь требуютъ признанія „души“ въ качествѣ единаго и творческаго носителя психическихъ процессовъ.—Общій вопросъ о возможности и судьбахъ метафизики ставится въ статьѣ кантіанца *Адикеса* „Будущность метафизики“. Къ сожалѣнію, эта основная проблема сборника освѣщена въ указанной статьѣ тускло, и ея обсужденіе не даетъ никакихъ положительныхъ выводовъ; это и неизбѣжно въ силу двойственной точки зрѣнія автора, которая отрицаетъ возможность обоснованной метафизики, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжность метафизики, какъ субъективнаго „міровоззрѣнія“. При такой позиціи рѣшеніе вопроса, какая форма метафизики можетъ разсчитывать на успѣхъ въ будущемъ, становится и неубѣдительнымъ, и неинтереснымъ.

Минуя рядъ другихъ статей философскаго отдѣла, обратимся къ отдѣлу, посвященному религіи. Въ общемъ онъ гораздо слабѣе перваго. Въ немъ интересны и основательны почти только статьи авторовъ, уже исходящихъ изъ рѣшительнаго признанія религіи и обсуждающихъ болѣе частныя проблемы философіи религіи. Такова статья *Воб-*

бермина „Психологія и критика религіознаго опыта“, дающая сжатую оцѣнку главныхъ современныхъ направленій въ философіи религіи, и статья *Трельча* „Церковь въ современной жизни“, содержащая мѣткую характеристику отношенія современнаго нѣмецкаго общества къ церкви. Большинство статей этого отдѣла посвящено, напротивъ, принципіальной оцѣнкѣ религіи въ ея отношеніи къ наукѣ и философіи; здѣсь, въ статьяхъ *Дейссена*, *Кафтана* и нѣк. др., можно найти немало дѣльныхъ указаній и соображеній, но въ общемъ всѣ онѣ написаны сухо, безъ подлинной даровитости и живого отношенія къ темѣ и явственно обнаруживаютъ какое-то безсиліе и безплодіе мысли передъ проблемой религіи. Единственная горячо написанная работа—статья Бруно *Вилле* (извѣстнаго публициста, автора „Философіи освобожденія чистыми средствами“) „Проблема спасенія“—проводитъ мысль, что религіозное „спасеніе“ должно быть личнымъ актомъ каждаго человѣка, и страннымъ образомъ категорически обусловливаетъ возможность этого акта отрицаніемъ исторической реальности Христа. Изъ другихъ работъ стоитъ остановиться только на статьяхъ *Наторпа* и *Зиммеля*—не потому, чтобы онѣ давали что-либо положительное, а потому, что онѣ ярче всего отражаютъ указанное безсиліе передъ религіозной проблемой господствующаго въ Германіи философскаго направленія—именно неокантіанства въ разныхъ его формахъ. Представитель кантіанства „марбургской школы“, Наторпъ, написалъ діалогъ, вопросительно озаглавленный „Религія?“ Нельзя безъ улыбки читать этотъ полубеллетристическій опытъ ученаго и сильнаго въ отвлеченностяхъ, но сухого и узкаго мыслителя. Два друга — одинъ изъ нихъ высказываетъ идеи автора—бесѣдуютъ о смыслѣ жизни. Собесѣдникъ автора—пессимистъ и нигилистъ—въ мрачныхъ краскахъ описываетъ все современное состояніе духовной культуры, не видитъ изъ него исхода и не имѣетъ вѣры во что-либо вѣчное, что можно было бы противопоставить плачевному состоянію эмпирической дѣйствительности. Авторъ убѣждаетъ своего друга возвыситься до той точки зрѣнія (въ ней не трудно отгадать систему „марбургской“ или „когеновской“ философіи), по которой сама мысль и ея свободное творчество есть вѣчная и абсолютная основа бытія; но пессимистическій другъ не безъ основанія замѣчаетъ, что это искусственное и вычурное отвлеченное построеніе не можетъ смирить его живой скорби. Тогда бесѣда внезапно принимаетъ новый, драматическій оборотъ: авторъ напоминаетъ своему другу о близкой имъ обоимъ дѣвушкѣ, которая радостно отдала свою жизнь за любовь, и намекаетъ, что въ этомъ образѣ воплотилось умонастроеніе, тождественное съ развитою ранѣе философіей. Эти указанія производятъ огромное впечатлѣніе на собесѣдника автора и сразу исцѣляютъ его отъ пессимизма; къ сожалѣнію, читатель не въ силахъ раздѣлить это впечатлѣніе и остается въ недоумѣніи. Въ этой діалогической формѣ автору не удалось не только обосновать, но даже и сколько-нибудь вразумительно выразить ту идею религіи безъ Бога или „религіи въ предѣлахъ человѣчности“, которую онъ довольно безуспѣшно развиваетъ въ своихъ научныхъ работахъ.

Тонкій и жизненно-умный мыслитель *Зиммель*, конечно, далекъ въ своихъ разсужденіяхъ отъ педантической безвкусицы лирико-риторическаго изліянія Наторпа. Но и онъ въ статьѣ „О религіозномъ положеніи“ высказываетъ соображенія, по существу тождественныя съ идеями Наторпа и свидѣтельствующія о такомъ полномъ непониманіи самой проблемы религіи, которое прямо поражаетъ въ этомъ проницательномъ и психологически-чуткомъ мыслителѣ. Зиммель исходитъ изъ характеристики трагическаго положенія современнаго „образованнаго“ человѣка въ

отношеніи религіи: современный человѣкъ давно уже отвергъ плоскую философію „просвѣтительства“ и понимаетъ огромную психологическую и историческую силу религіи; съ другой стороны, однако, онъ убѣжденъ, что выйти за предѣлы міра опыта столь же невозможно, какъ „выскочить изъ своей собственной кожи“. Если оставить въ сторонѣ людей, кокетничающихъ съ религіей и не имѣющихъ мужества ни къ подлинной вѣрѣ, ни къ невѣрію, то тревожное состояніе современнаго человѣка опредѣляется тѣмъ, „что его интеллектуальная совѣсть не позволяетъ ему признавать реальность объектовъ вѣры, и въ то же время онъ видитъ, какъ выдающіеся и геніальные умы утверждаютъ эту реальность, какъ нѣчто абсолютно безспорное. Поэтому онъ долженъ испытывать жуткое чувство, какъ будто онъ лишенъ органа, съ помощью котораго другіе воспринимаютъ реальность тамъ, гдѣ для него ничего нѣтъ и ничего не можетъ быть“. Но сколь мѣтко это описаніе отношенія современнаго человѣка (не „всякаго“, впрочемъ, какъ склоненъ думать Зиммель) къ религіи, столь же страненъ и несостоятеленъ предлагаемый Зиммелемъ выходъ изъ него. А именно, онъ указываетъ, что въ основѣ религіозныхъ представленій и вѣры въ трансцендентное лежитъ нѣчто иное, образующее подлинное начало религіи—религіозная стихія или религіозное настроеніе личности; этотъ психологическій корень религіи есть фактъ, который нельзя не признавать и которымъ слѣдуетъ дорожить даже при полномъ отказѣ отъ той его проекціи въ трансцендентный міръ, которая образуетъ конкретное содержаніе религіозной вѣры. Получается нѣчто, весьма похожее на фейербахово антропологическое истолкованіе (и развѣнчаніе) религіи; сознавая эту близость, Зиммель однако указываетъ, что обнаруженіе психологической основы религіи можетъ также вести и къ обратному заключенію — къ признанію религіозно-метафизической природы души, какъ носителя и основы этой высшей духовной стихіи. Словомъ, по мысли Зиммеля, пониманіе религіи, какъ душевной жизни—внѣ всякаго отношенія къ ея обычному трансцендентному объекту—есть не разрушеніе, а, напротивъ, спасеніе религіи и утвержденіе ея въ новой формѣ, соотвѣтствующей современному міровоззрѣнію. Нельзя не признать, что въ этомъ разсужденіи затрагивается дѣйствительно больной и острый вопросъ современнаго религіознаго сознанія—вопросъ объ эволюціи религіозной вѣры въ связи съ утонченіемъ и усложненіемъ личности и съ неизбѣжнымъ крушеніемъ нѣкоторыхъ теоретическихъ представленій, исторически сросшихся съ старыми формами вѣры. Но само рѣшеніе Зиммеля настолько наивно и психологически грубо, что звучитъ почти насмѣшкой надъ всей проблемой. Вѣдь достаточно прямо поставить вопросъ: „что, собственно, означаетъ религіозное настроеніе?“, чтобы уяснить себѣ, что внѣ мистическаго осознанія или воспріятія трансцендентной реальности нѣтъ ничего, что заслуживало бы наименованія религіозности,—что, слѣдовательно, религія безъ объекта столь же немыслима, какъ, напр., любовь безъ объекта. Такимъ образомъ, либо современный человѣкъ дѣйствительно лишенъ „органа“ для воспріятія трансцендентнаго — и тогда ни о какомъ религіозномъ настроеніи не можетъ быть и рѣчи, либо же онъ еще способенъ къ религіи, и тогда онъ долженъ вновь научиться жить въ трансцендентномъ, какъ бы ни отличалось современное истолкованіе трансцендентнаго отъ традиціонныхъ религіозныхъ доктринъ. Въ лучшемъ случаѣ религіозное настроеніе безъ опредѣленнаго объекта — какъ и аналогичное „настроеніе любви“ безъ объекта — можетъ быть настроеніемъ тоски и томленія по невѣдомой реальности, т.-е. состояніемъ переходнымъ, требующимъ разрѣшенія, а отнюдь не

прочной и длительной основой новой формы религіи. Совершенно справедливо сотоварищъ Зиммеля по сборнику, Трельчъ, видитъ въ этой теоріи религіи только призывъ къ новому утонченному „настроенію эстетовъ и литераторовъ“— въ конечномъ счетѣ, можно сказать, то самое легкомысленное кокетничаніе пустымъ словомъ „религія“, отъ котораго отгораживается самъ Зиммель.

Зиммель слишкомъ крупный и сильный мыслитель, чтобы впасть въ такое грубое недомысліе случайно или по бездарности. Его въ корнѣ несостоятельное отношеніе къ религіозной проблемѣ потому и интересно, что оно обусловлено глубокими культурно-философскими основаніями. Зиммель характеренъ тѣмъ, что, какъ цѣльная и даровитая натура, онъ органически впиталъ въ себя отвлеченный релятивизмъ кантіанства и претворилъ его въ живую и всеобъемлющую стихію души. Сознаніе, что все на свѣтѣ есть только „настроеніе“, субъективное переживаніе, есть его единственное подлинное и непоколебимое убѣжденіе. Это философское умонастроеніе создаетъ странную двойственность его облика, какъ мыслителя: съ одной стороны, оно даетъ ему широту и многосторонность мысли, умѣніе вдумываться во всѣ точки зрѣнія и улавливать ихъ относительную цѣнность; съ другой стороны, оно же дѣлаетъ его слѣпымъ и изумительно узкимъ въ отношеніи всего, что по самой своей природѣ выходитъ за предѣлы релятивизма и спептицизма. И надо, къ сожалѣнію, констатировать, что съ годами послѣдняя черта начинаетъ явно преобладать надъ первой, такъ что Зиммель все болѣе превращается, такъ сказать, въ узкаго фанатика безграничной широты, въ догматическаго проповѣдника условности всѣхъ догматовъ и ученій. Это очень характерно сказалось въ его новой работѣ—въ книжкѣ „Основныя проблемы философіи“ [1]). Зиммель даетъ здѣсь обзоръ основныхъ мотивовъ философскаго творчества, которые порождаютъ нѣкоторыя типическія постановки и рѣшенія философскихъ проблемъ. По существу это есть — какъ и слѣдовало ожидать — не столько обсужденіе самихъ философскихъ проблемъ, сколько психологическій анализъ ихъ пробужденія въ сознаніи. Такая тема могла бы быть, конечно, чрезвычайно благодарной, если бы она была либо вполнѣ отдѣлена отъ объективной философской оцѣнки системъ, либо соединялась съ безпристрастнымъ и дѣйствительно широкимъ пониманіемъ ихъ объективнаго значенія. Однако у Зиммеля психологическій разборъ философскихъ мотивовъ сливается съ объективной расцѣнкой значенія философскихъ системъ, и въ силу этого получается въ высшей степени субъективный и односторонній обзоръ общечеловѣческаго содержанія философскаго творчества съ точки зрѣнія кантіанскаго релятивизма. Поэтому сужденія, напр., о всей античной философіи, которая насквозь проникнута реализмомъ и объективизмомъ, или оцѣнка системы Спинозы, въ которой также категорія бытія имѣетъ главенствующее значеніе, или оцѣнка философіи Гегеля, въ которой духъ мыслится въ строго объективной, а не психологической формѣ — даютъ, можно сказать, совершенно искаженное представленіе объ этихъ философскихъ построеніяхъ. Нѣкоторыя общія точки зрѣнія Канта, несостоятельность или, по крайней мѣрѣ, условность которыхъ давно уже выяснена, безъ колебаній примѣняются Зиммелемъ при оцѣнкѣ системъ, исходящихъ изъ прямо противоположныхъ позиціи Канта точекъ зрѣнія. Конечно, и въ этой книгѣ, какъ всюду у Зиммеля, можно найти не мало остроумныхъ и мѣткихъ мыслей, но въ общемъ она оставляетъ впечатлѣніе упадка крупнаго философскаго дарованія, замкнувшагося въ догматѣ универсальнаго релятивизма.

Эта односторонность міровоззрѣнія

[1]) „Die Hauptprobleme der Philosophie“. Sammlung Göschen. Leipzig, 1911.

Зиммеля лишь въ особенно выпуклой формѣ отражаетъ общую односторонность преобладающихъ направленій современной нѣмецкой философіи, опирающихся на субъективный идеализмъ Канта. Новое движеніе идей, симптомомъ котораго является сборникъ „Міровоззрѣніе“ и которое тяготѣетъ къ возрожденію религіозно-метафизическаго жизнепониманія, очевидно, требуетъ еще глубокаго и коренного пересмотра господствующихъ посылокъ философской мысли.

С. Франкъ.

2. Джованни Вайлати.

Письмо изъ Италіи. [1])

Даже въ Россіи имя Джованни Вайлати не должно быть совершенно неизвѣстнымъ; во всякомъ случаѣ, это имя заслуживаетъ того въ наше время, когда такъ много говорятъ и судятъ о прагматизмѣ. Джованни Вайлати можетъ считаться наравнѣ съ Пирсомъ, Махомъ, Шиллеромъ и Джэмсомъ основателемъ теченія мысли, носящаго это названіе. Можетъ быть, Вайлати среди всѣхъ прагматистовъ далъ своимъ мыслямъ наиболѣе строгое обоснованіе и самое богатое развитіе. Кромѣ того, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уже послѣ пятнадцатилѣтней философской дѣятельности, Вайлати принялъ ближайшее участіе въ извѣстномъ флорентійскомъ журналѣ *Leonardo*, который издавался между 1903 и 1907 г. и сыгралъ видную роль въ культурной жизни Италіи.

Д. Вайлати скончался въ Римѣ 14 мая 1909 г., всего сорока шести лѣтъ отъ роду, и теперь благодаря стараніямъ друзей появилось собраніе его сочиненій въ одномъ довольно значительномъ по размѣрамъ томѣ. [2])

Умственный обликъ этого человѣка и его труда не могъ бы найти лучшаго выраженія, нежели то, которое далъ ему одинъ изъ его друзей, назвавшій его, какъ Тейфельсдрёка Карлейля, „профессоромъ всѣхъ наукъ вообще“. Изслѣдованія въ области логики и политической экономіи, математика и соціологія, антропологія преступниковъ, изслѣдованія по медіумизму, исторія наукъ и исторія философіи, психологія языка и теорія познанія,—все это и еще многое иное мы находимъ на страницахъ „Сочиненій“ Вайлати. Одна и та же „*forma mentis*“ созидаетъ и освѣщаетъ всю эту массу вопросовъ, и этимъ объясняется, какимъ образомъ разнообразіе предметовъ нигдѣ не нарушаетъ единства стиля.

„Всѣ сочиненія Вайлати,—замѣтили справедливо издатели тома,—тѣсно связаны между собою, и подъ кажущимся разнообразіемъ темъ скрывается основное единство мысли. Каждое сочиненіе содержитъ въ себѣ намеки, ссылки и отступленія, переносящіе насъ въ другія, часто совершенно разнородныя области мысли. Одной изъ характерныхъ особенностей Вайлати была именно его склонность открывать сродство между явленіями, которыя кажутся совершенно отличными одно отъ другого, и пользоваться одними изъ нихъ для уясненія другихъ. Примѣрами этой склонности могутъ служить изслѣдованія Вайлати о дедуктивномъ методѣ во всѣхъ его различныхъ примѣненіяхъ; о значеніи *слова* въ самыхъ далекихъ другъ отъ друга областяхъ; объ отношеніяхъ между прагматизмомъ и математической логикой; между экономіей и нравственностью; между различными формами обмѣна мыслями, начиная отъ музыки и кончая алгеброй“.

Сочиненія, которыя Вайлати посвятилъ исключительно вопросамъ филосо-

---

[1]) Переводъ съ итальянской рукописи, написанной для *Русской Мысли*. *Ред.*

[2]) *Giovanni Vailati.* Scritti. Firenze. Seeber, 1910. Uno volume di pp. LXVI+976. (Можно получать черезъ издательство I. A. Barth, Лейпцигъ.)

фіи и метода, суть слѣдующія: „О важности изслѣдованій по исторіи науки“ (1897 г.), „Дедуктивный методъ, какъ орудіе изслѣдованія“ (1898 г.), „Нѣсколько замѣчаній относительно роли слова въ исторіи науки и культуры“ (1899 г.).

Здѣсь не мѣсто излагать подробно и тѣмъ болѣе критиковать философскіе взгляды Вайлати; мы можемъ лишь намѣтить основныя черты его философскихъ воззрѣній. Такими мы считаемъ: 1) Стремленіе Вайлати отдѣлять сущность философскихъ вопросовъ отъ ихъ словеснаго выраженія, т.-е. подвергать критикѣ самую формулировку философскихъ проблемъ, съ цѣлью установить, находится или нѣтъ подъ формулою истинная проблема. Это стремленіе, естественно связанное съ недовѣріемъ ко всѣмъ метафизическимъ построеніямъ, сближаетъ Вайлати съ тѣмъ, кто опредѣлилъ метафизику, какъ „*l'art de s'égarer avec méthode*“. 2) Удовлетвореніе аристотелевой логикой, откуда вытекаетъ попытка Вайлати возстановить въ организмѣ логики равновѣсіе, нарушенное Бэкономъ и его явно выраженнымъ предпочтеніемъ индуктивному методу. Согласно съ этой тенденціей, Вайлати выдвигаетъ на первый планъ дедукцію и старается развить тѣ техническіе пріемы, основаніемъ которыхъ является дедуктивная логика (логическое вычисленіе, математическая логика и т. п.). 3) Рѣзко выраженное сочувствіе эмпирической традиціи англійской философіи, въ связи съ не менѣе опредѣленной антипатіей по отношенію къ традиціи нѣмецкой философіи, особенно начиная съ Канта (за исключеніемъ Лейбница и Шопенгауэра.)

Первая изъ указанныхъ нами чертъ особенно ясно выражена въ послѣднемъ изъ названныхъ нами сочиненій, извѣстномъ болѣе подъ сокращеннымъ заглавіемъ „Questioni di Parola“. Вотъ основныя мысли этого трактата. Слова,—утверждаетъ Вайлати,—которыми люди въ извѣстный моментъ обозначаютъ опредѣленную реальность (предметы или процессы) и въ которыхъ выражена та или иная проблема, занимающая умы, постепенно мѣняютъ свое значеніе. Хотя фонетически они остаются тѣми же самыми, они перестаютъ относиться къ той же самой реальности, получаютъ значеніе новое. Подобно тому, какъ существуетъ морфологическая эволюція словъ, сохраняющихъ неизмѣннымъ свое значеніе,—существуетъ эволюція значеній словъ, сохраняющихъ неизмѣннымъ свое произношеніе. Отсюда слѣдуетъ, что если дѣло касается какой-нибудь научной, а тѣмъ болѣе философской проблемы, всегда необходимо предварительно и тщательно опредѣлить термины. Къ сожалѣнію, по небрежности или по неопытности писатели очень часто пренебрегаютъ этимъ,—и изъ этого вытекаютъ странныя недоразумѣнія и невѣроятныя логическія галлюцинаціи, которыя спутываютъ и задерживаютъ прогрессъ познанія.

Иногда слово сохраняетъ свое прежнее значеніе, хотя оно же употребляется для обозначенія новаго понятія, и это измѣняетъ самое значеніе той проблемы, для формулировки которой его употребили; иногда слова, которыя пережили свое значеніе, сохраняютъ въ живыхъ тѣ проблемы, которыя раньше имѣли смыслъ, теперь же смысла не имѣютъ, и т. д. Эти недоразумѣнія, эти логическія галлюцинаціи, которыми мы обязаны словамъ, могутъ быть изучаемы и перечислены. Стремленіе обличить всѣ эти „идолы“ руководило въ значительной степени всей дѣятельностью Вайлати. Онъ проникаетъ въ самую глубь философскихъ теорій и научныхъ гипотезъ, и, пользуясь своею способностью сопоставлять изслѣдованія и разсужденія, относящіяся къ самымъ разнороднымъ предметамъ, онъ собираетъ обширную жатву безсмыслицъ и искаженій, составляющихъ изрядную часть такъ называемой „науки“.

Можно было бы предположить, что подобный складъ мыслей принадлежитъ

человѣку, вполнѣ погруженному въ философскій скептицизмъ. Но Вайлати ни въ какомъ случаѣ не скептикъ: онъ мыслитъ и остается философомъ, согласно съ изреченіемъ Паскаля: *se mocquer de la philosophie c'est vraiment philosopher.* Напротивъ, истинная и положительная философія достигается лишь тѣмъ человѣкомъ, которому удалось пройти сквозь туманъ пустой философіи, пройти съ открытыми глазами, не принимая тѣни за дѣйствительность.

Исторія науки имѣетъ двойное значеніе: она разоблачаетъ призрачныя проблемы, показывая намъ ихъ генезисъ; и она отмѣчаетъ истинный прогрессъ человѣческаго познанія, разрушая тѣмъ *idola* мысли и укрѣпляя вѣру въ свою дѣятельность. Она заставляетъ умъ сознать, какими методами она достигла своихъ успѣховъ и какія опасности угрожаютъ ей на ея пути, и этимъ ускоряетъ и облегчаетъ въ значительной степени свое собственное развитіе. Вайлати утверждаетъ, что прогрессъ науки до сихъ поръ никогда еще не противорѣчилъ логикѣ Аристотеля. То, что иногда казалось противорѣчіемъ, въ сущности было лишь временной задержкой или дальнѣйшимъ развитіемъ.

Нѣсколько своихъ лучшихъ страницъ Вайлати посвятилъ доказательству этого тезиса и развитію дедуктивной логики. Въ одномъ мѣстѣ онъ попытался даже объяснить всю систему Платона, какъ энергичное утвержденіе того, что примѣненіе дедуктивнаго метода вполнѣ законно при открытіи законовъ, которыхъ наблюденіе и индукція не могутъ намъ разоблачить. Нужно идеализировать и упростить міръ, чтобы понять его; но когда онъ понятъ въ цѣломъ, открывается возможность проникнуть во всѣ его извилины.

Идеи Вайлати въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходны съ идеями, которыя за послѣднее время преобладали въ томъ философскомъ теченіи, которое мы называемъ прагматизмомъ. Поэтому не удивительно, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, начиная приблизительно со своего сближенія съ редакціей *Leonardo*, Вайлати примкнулъ къ этому движенію, но, посвящая свою дѣятельность обсужденію и распространенію теоріи прагматизма, онъ оставался въ сущности тѣмъ, чѣмъ уже былъ давно. Методическое правило прагматизма, которое выражаетъ его сущность, было формулировано Вайлати въ слѣдующихъ словахъ: „*Единственное средство опредѣлить и уяснить смыслъ какого-либо утвержденія состоитъ въ указаніи тѣхъ частныхъ опытовъ, которые мы желаемъ имъ утверждать и которые произойдутъ или произошли бы, если были бы даны извѣстныя условія*". Какъ видно, эта формула требуетъ, главнымъ образомъ, чтобы проблемы, прежде чѣмъ быть принятыми во вниманіе, были уяснены; для того же, чтобы уяснить ихъ, нужно разложить ихъ на ихъ элементы, т.-е. проанализировать ихъ содержаніе. Руководясь подобнымъ критеріемъ, Вайлати подробно развилъ теорію прагматизма, и его имени подобаетъ стоять рядомъ съ именемъ Пирса, какъ основателя и идеолога всего теченія.

Мы должны здѣсь отмѣтить, хотя бы мелькомъ, радикальную разницу, существующую между прагматизмомъ *Peirce-Vailati* и прагматизмомъ *James-Schiller*: первый разрѣшается въ вышеуказанномъ методическомъ правилѣ; второй заключаетъ въ себѣ критику понятія истины; эту критику мы можемъ болѣе или менѣе прямымъ путемъ свести къ Канту, несмотря на всѣ остроумныя насмѣшки, которыми Джемсъ любилъ осыпать кенигсбергскаго мыслителя. Вайлати, наоборотъ, былъ рѣшительнымъ противникомъ кантіанства. Повидимому, онъ раздѣлялъ во всемъ мнѣніе Франца Брентано, утверждавшаго, что европейская философія послѣ Лейбница впала въ періодъ полнаго упадка, въ чемъ, главнымъ образомъ, повиненъ Кантъ и его послѣдователи.

Не одни лишь прагматисты могутъ

цѣнить Джованни Вайлати и признавать значеніе его работъ: каждый изъ насъ въ правѣ и долженъ преклониться предъ энергіей и оригинальностью мысли этого философа, если только наши сужденія не стѣснены узкими рамками нашихъ личныхъ убѣжденій.

Джованни Амендола.

IV. Школа и воспитаніе.

1. Идея вспомогательной школы въ современной педагогической жизни.

Стоитъ произнести слова „вспомогательная школа“, и у большинства промелькнетъ мысль, что рѣчь идетъ о заведеніяхъ для идіотовъ или рѣзко дефективныхъ и недоразвитыхъ дѣтей... Въ силу привычной ассоціаціи въ умѣ пронесутся заведенія для отсталыхъ и слабоумныхъ дѣтей, придутъ на память отчеты разныхъ пріютовъ, гдѣ воспитатель торжествуетъ, что въ результатѣ упорнаго годового труда его питомецъ научился застегивать пуговицу и сдѣлался опрятнымъ. Передъ мысленнымъ взоромъ нестройной толпой пройдутъ ряды несчастныхъ дѣтей, столь обиженныхъ природой, съ печатью рѣзкаго вырожденія и физическаго уродства... Но совсѣмъ не эти ассоціаціи должны возникнуть у того, кто хоть отчасти знакомъ съ природой вспомогательной школы: здѣсь жизнь, живая настоящая жизнь, тамъ пріютъ и призрѣніе... Здѣсь идея цѣлесообразности, тамъ состраданья и жалости; здѣсь вѣрный успѣхъ и лучшія надежды, тамъ ничтожный прогрессъ и терпѣливое самопожертвованіе... Здѣсь лица дѣтей не носятъ той рѣзкой печати и часто полны живого интереса, что крайне рѣдко можно видѣть у настоящихъ имбециловъ... Чтобъ стало совсѣмъ яснымъ, о какихъ дѣтяхъ идетъ рѣчь, зайдемте въ любой классъ нашей школы, когда дѣти въ полномъ составѣ... Въ переполненномъ классѣ слишкомъ 50 мальчугановъ, и на первый взглядъ какъ будто всѣ одинаковы, всѣ охотно отвѣчаютъ на обычные вопросы, всѣ заинтересованы вашимъ приходомъ, то сидятъ чинно, то бѣгаютъ, то играютъ, то что-то списываютъ съ доски... Но спросимъ учительницу и послушаемъ, что она скажетъ намъ о своихъ дѣтяхъ, и невеселыя часто будутъ ея рѣчи... Если она искренна и вамъ довѣряетъ, то я знаю, что она скажетъ. Только три четверти изъ общей массы удовлетворяютъ ее въ ея трудной работѣ, и тутъ же укажетъ она и тѣхъ дѣтей въ отдѣльности, которыя почти не поддаются ея педагогическому воздѣйствію, составляютъ естественный тормозъ для успѣшной работы цѣлаго класса и часто отравляютъ ея лучшія минуты, столь рѣдкія въ повседневной жизни нашей школьной учительницы. Однихъ она назоветъ тупицами, другихъ рѣзко безпокойными, третьихъ неисправимо-лѣнивыми, четвертыхъ нервными и д. т. Почти каждому знакома эта обычная, столь употребительная квалификація и классификація нашихъ школьниковъ. Найдутся даже и такія дѣти, обликъ которыхъ для учительницы остается совершенно неяснымъ и разобраться въ которыхъ она зачастую безсильна. Для большинства этихъ дѣтей обычная классная работа совершенно безплодна, угнаться за классомъ они не въ силахъ, а заниматься съ каждымъ въ отдѣльности, само собой понятно, учительница не можетъ — вѣдь интересы большинства на первомъ планѣ, и въ такихъ случаяхъ тѣ дѣти не только замѣтно отстаютъ, но съ каждымъ днемъ все больше и больше теряютъ интересъ

къ какому бы то ни было ученью. Непосильная и непонятная работа непріятна для каждаго изъ насъ, но мы, здоровые и развитые люди, часто миримся съ ней, понимая ея неизбѣжность въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отдавая ясный отчетъ въ тѣхъ отдаленныхъ результатахъ, что послѣдуютъ въ грядущемъ. Для слабаго же ребенка все это недоступно, онъ живетъ лишь настоящимъ, идея будущаго почти не дѣйствуетъ въ его дѣтскомъ мозгу, и тогда такая непосильная работа вызываетъ неизбѣжно одно лишь непріятное чувство, одно большое раздраженіе съ вполнѣ естественной защитной реакціей — уклониться отъ того, что создаетъ это чувство: дитя начинаетъ избѣгать работы, бояться ея, какъ мы боимся и избѣгаемъ того, что бьетъ наши нервы. Теперь понятно, что лѣность, хроническое отлыниваніе отъ классной работы подъ какимъ бы то ни было предлогомъ (въ уборную, къ доктору, напиться воды и т. д.) въ большинствѣ случаевъ есть защитная реакція противъ непріятнаго раздраженія и сплошь и рядомъ культивируется самой школой. Причины лѣности крайне разнообразны, и каждый случай пониженнаго интереса дѣтей къ классной работѣ долженъ быть тщательно изученъ и обслѣдованъ педагогомъ, причемъ школьный врачъ долженъ быть неизбѣжнымъ и умѣлымъ консультантомъ: лѣность, какъ біологическое явленіе, имѣетъ право на научную разработку. Продолжать держать такихъ дѣтей въ нормальной школѣ — это педагогическая ошибка, отъ которой въ одинаковой мѣрѣ страдаютъ и тѣ слабыя дѣти и остальной классъ, а также и учительница. Для этихъ дѣтей, требующихъ большей индивидуализаціи, необходимы спеціальныя классы съ соотвѣтствующими пріемами обученія. Въ этой новой обстановкѣ дѣти оживаютъ, развиваются, догоняютъ своихъ болѣе счастливыхъ сверстниковъ, зачастую, какъ показываетъ опытъ западныхъ странъ, потомъ опять переходятъ въ нормальную школу для ея благополучнаго завершенія. Во всякомъ случаѣ они здѣсь достигаютъ своего максимальнаго развитія, какого никогда не въ состояніи была бы дать имъ обычная школа. Выбранныя изъ разныхъ школъ, такія дѣти составляютъ умѣло подобранные небольшіе классы отъ 16 до 20 человѣкъ въ каждомъ, небольшія самостоятельныя школы и отъ этого неизбѣжно выигрываетъ общество, получая изъ нихъ вполнѣ работоспособныхъ и пригодныхъ къ здоровой соціальной жизни сочленовъ. За границей практическая педагогическая мысль уже давно поняла всю выгоду такого уклада школьной жизни, и идея вспомогательной школы тамъ въ полномъ ходу. Въ одной Пруссіи въ настоящій моментъ насчитывается 91 школа съ 233 классами для 4728 дѣтей; интересующагося читателя мы отсылаемъ къ только что переведенной на русскій языкъ книгѣ Б. Меннеля „Школы для умственно-отсталыхъ дѣтей“, тамъ онъ найдетъ много цѣнныхъ разъясненій. Существуетъ также на Западѣ цѣлый рядъ ассоціацій и журналовъ, спеціально изучающихъ и проводящихъ въ жизнь идеи о вспомогательной школѣ. У насъ въ Россіи это теченіе педагогической мысли уже сдѣлало свое начало: въ Москвѣ училищная комиссія создала нѣсколько такихъ школъ, и надо думать, что ея починъ не останется одинокимъ. Въ Петербургѣ въ городской комиссіи по народному образованію также подымался вопросъ о подобныхъ школахъ, но пока чего-либо фактическаго въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ. Для Петербурга съ его слишкомъ сорокатысячной арміей школьниковъ это большое упущеніе, прямо непростительная небрежность.

Д-ръ А. В. Владимірскій.

2. Книги для дѣтей и юношества.

Когда стоишь передъ витриной съ дѣтскими книгами, всегда испытываешь какое-то странное раздвоенное впечатлѣніе.

Съ одной стороны, знаешь, что огромная часть всего выставленнаго въ такой витринѣ ничего общаго ни съ поэзіей, ни съ правдой жизни не имѣетъ, что въ большинствѣ случаевъ это фабрикація суррогатовъ, замѣняющихъ духовную пищу нашимъ дѣтямъ.

Но, съ другой стороны, вспоминая, какъ самъ умѣлъ въ дѣтскіе годы чудесно извлекать изъ такихъ суррогатовъ и поэзію и правду, нужную для дѣтской души, смягчаешься и мѣняешь критерій въ надеждѣ на чудо претворенія камней въ хлѣбъ и воды въ вино, чудо, какое самъ творилъ въ дѣтствѣ надъ разсказами Франца Гофмана или m-me Сегюръ.

Среди дѣтскихъ книгъ, выставленныхъ въ витринахъ книжныхъ магазиновъ, прежде всего брасаются въ глаза своимъ именинникомъ видомъ *девріеновскія* изданія. Обложки, бумага, рисунки, шрифтъ въ девріеновскихъ книгахъ давно создали имъ репутацію нарядnаго праздничнаго подарка, доступнаго, впрочемъ, лишь богатымъ дѣтямъ, такъ какъ большинство изданій Девріена, отличаются слишкомъ высокой—даже для ихъ элегантной внѣшности—цѣной.

Ни этому издательству, ни какому другому не пришла въ голову попытка издать дешево, но въ красивой обложкѣ, съ художественно исполненными рисунками въ краскахъ доступныя дѣтямъ произведенія классической литературы, какъ это сдѣлалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ С. Мамонтовъ съ пушкинскими сказками. Онъ издалъ въ форматѣ тетради для рисованія „Сказку о царѣ Салтанѣ“ съ веселыми, сказочно стилизованными рисунками; и стоила она не то 20, не то 25 коп. (теперь это изданіе, кажется, все разошлось).

Значеніе внѣшности дѣтской книги недостаточно понято русскимъ книжнымъ рынкомъ. Въ Англіи, въ Германіи совершенно невозможны были бы такого вида дѣтскія книги, какія мы часто видимъ въ рукахъ у нашихъ дѣтей. Такія книги тамъ просто не нашли бы покупателя. У насъ же въ огромномъ большинствѣ читающей публики уровень эстетическаго развитія такъ невысокъ, что самая безвкусная по внѣшности книга на нашемъ книжномъ рынкѣ можетъ разсчитывать на сбытъ, особенно если она дешева.

Тѣмъ ревностнѣе слѣдовало бы книгоиздательствамъ, которыя озабочены вопросомъ о внутреннемъ качествѣ своихъ изданій, отнестись къ эстетической сторонѣ дѣтской книги.

При этомъ, конечно, издательства должны были бы выработать себѣ другой критерій красоты, чѣмъ обиліе позолоты и кричаще пестрыхъ красокъ, что придаетъ книгѣ спесиво-роскошный видъ, скорѣе заглушающій, чѣмъ будящій въ ребенкѣ чувство прекраснаго.

Говоря о девріеновскихъ изданіяхъ, недаромъ прежде всего хочется упомянуть о ихъ внѣшности. Внутреннее достоинство книгъ далеко не всегда гарантировано этой фирмой. На-ряду съ такой прелестной книгой, какъ изданный имъ два года тому назадъ „Волшебный колобокъ“ (или точнѣе „За волшебнымъ колобкомъ“) *М. Пришвина*, на-ряду съ институтски-чувствительными, но милыми сердцамъ двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ романами *Е. Кондрашовой* и *В. Желиховской* и съ цѣлымъ рядомъ солидно составленныхъ путешествій (Пржевальскаго, Юнкера по Африкѣ и др.) не рѣдкость встрѣтить здѣсь имена ремесленниковъ въ области дѣтской литературы. Къ этому типу принадлежитъ недавно вышедшая въ свѣтъ книга *княжны Волконской* „Учебный годъ Марикки Болховской“.

Воспоминанія школьной жизни, вѣроятно, автобіографическаго характера, въ этой книжкѣ изложены тускло и бѣдно. Авторъ не разбирается въ томъ, что важно и что второстепенно и что ужъ настолько третье степенно, что могло бы и совсѣмъ не фигурировать въ разсказѣ. Развертывается лента дѣтскихъ проказъ и другихъ школьныхъ событій, заканчивающихся нравоучительнымъ аккордомъ: „въ душу дѣвочки начальница заронила доброе сѣмя".

Меньше нравоучительности, больше жизненной правды въ разсказѣ „Перекати-поле" *Е. Родича*. Въ описаніи быта, въ разговорномъ простонародномъ языкѣ авторъ достигаетъ временами вполнѣ литературнаго впечатлѣнія. Но всѣ три разсказа этой книжки подходятъ лишь для старшаго возраста, собственно говоря, для такого, въ какомъ даже по гимназической программѣ требуется знакомство съ русскими и иностранными классиками и примѣнительно къ которому такъ называемыя книги для юношества должны бы свестись къ путешествіямъ, къ историческому роману, если бы таковой существовалъ въ литературной, а не въ ремесленной формѣ, и къ популярнымъ сочиненіямъ въ разныхъ отрасляхъ науки.

Историческій романъ „За крестъ Господень" *Михаила Эрзина* приличенъ. И это уже—похвала, такъ какъ именно въ этой области, за весьма немногими исключеніями, гремитъ „громъ побѣды раздавайся" и царствуетъ далеко не научное отношеніе къ краскамъ эпохи и особенно къ психологіи историческихъ лицъ. Языкъ книги тяжеловатъ, изложеніе нѣсколько сухо, но и то и другое опять-таки вполнѣ прилично, и 13—14-лѣтній человѣкъ, интересующійся исторіей, одолѣетъ эту книгу не безъ пользы для себя.

Недурная книжка *М. А. Круковскаго* — „Родная жизнь". Въ ней семь разсказовъ, гдѣ главное дѣйствующее лицо — дикая сѣверная природа. Чувствуется связь автора съ нею, видно знаніе быта суровыхъ окраинъ Россіи. Нѣтъ надоѣдливаго разжевыванія, излишней популяризаціи; мѣстами даже есть поэтическое освѣщеніе природы, какъ, напримѣръ, въ разсказѣ „Въ странѣ Хадъ" (хадъ—пурга); въ разсказахъ есть нѣсколько интересныхъ и живо описанныхъ приключеній въ борьбѣ человѣка съ природой.

„Сказанія древней Японіи" (Нихоно-Мукаси-Бокаси) *Садзанами Сандзина*, переведенныя съ японскаго В. Мендринымъ, представляютъ, конечно, крупный этнографическій и литературный интересъ. Но невольно задумаешься передъ тѣмъ, дать ли эту книгу въ руки именно дѣтямъ. Нѣтъ почти ни одного сказанія въ ней безъ яркихъ и въ то же время поразительно спокойно изложенныхъ сценъ невѣроятной жестокости, вѣроломства, зависти и мщенія: „проломилъ грудь", „раздробилъ черепъ", „сварилъ супъ изъ старухи"— такіе образы на каждомъ шагу.

Что касается до книгъ, предназначенныхъ для самаго младшаго возраста, то въ этомъ издательствѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ, художественная сторона разсказовъ въ полномъ пренебреженіи. Въ книгѣ *Д. Л. Иванова* „Зайка-глазунъ" на великолѣпной бумагѣ, въ обложкѣ многообѣщающаго вида — почему-то такія убогія по содержанію книги „для малютокъ" всегда хотятъ импонировать величиной — содержаніе такъ изумительно скудно и разсказъ ведется такимъ суконнымъ языкомъ, что не знаешь, чему тутъ дивиться: авторской ли дерзости, или родительской непритязательности.

Въ этомъ отношеніи нельзя не сказать спасибо скромнымъ, чаще всего мало замѣтнымъ по виду, книжкамъ издательства „Тропинки". Здѣсь никогда не бываетъ этого варварскаго, картаваго, выдуманнаго языка, какимъ не говоритъ ни одинъ ребенокъ и какимъ считаютъ нужнымъ писать для дѣтей профессіональные „дѣтскіе" писатели. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что

П. С. Соловьева пишетъ пьесу въ стихахъ для дѣтей („Царевна-земляника". „Новый годъ") не по той простой причинѣ, что не смѣетъ и мечтать о пьесѣ для взрослыхъ, какъ это бываетъ съ профессіональными поставщиками дѣтскихъ пьесъ, а лишь потому, что въ ея творчествѣ нашлось нѣчто созвучное съ душой ребенка, какъ это мы видимъ у Бальмонта, Блока, у Ремизова. Участіе настоящихъ „Божьею милостью" поэтовъ въ дѣтской литературѣ незамѣнимо-драгоцѣнно тѣмъ, что даетъ возможность душѣ ребенка соприкоснуться съ настоящимъ творчествомъ, а не съ тѣми грубыми, нерѣдко глубоко вредными суррогатами его, какими кормятъ дѣтей авторы-ремесленники. Не надо забывать, что зачастую такимъ авторомъ движутъ одни матеріальныя соображенія, когда онъ пишетъ сладко добродѣтельный разсказъ про сиротку и что вслѣдствіе этого каждое слово такого разсказа (а сколько ихъ, Боже мой, такихъ разсказовъ!) дышитъ лицемѣріемъ и ложью.

Изъ новыхъ книгъ „Тропинки" интересна „Жизнь Хитролиса" *П. С. Соловьевой*—талантливый варіантъ старофранцузскаго эпоса. Стихъ легкій, звучный. Издана книга изящно, въ красивой темной папкѣ подъ кожу, и недорого для своей внѣшности и для того матеріала, который въ ней заключается (2 рубля). Празднично-голубая обложка другой новой книги—„Овсянокъ" *Н. Манасеиной*, тисненныхъ серебромъ, дѣлаютъ изъ этихъ пяти разсказовъ недорогую (50 коп.) и въ то же время типически подарочную книгу. Разсказы написаны задушевно, въ мягкомъ и свѣтломъ колоритѣ.

„Пушкинскіе уголки" *Шведера* — хорошая книга по тому искренно-благоговѣйному отношенію къ памяти Пушкина, какимъ дышитъ въ ней каждая строчка.

„Исторія воздухоплаванія" Егорова для увлекающихся авіатикой малышей даетъ литературно изложенный и вполнѣ доступный дѣтскому пониманію матеріалъ по данному вопросу.

Въ изданіяхъ Саблина „Избранныя стихотворенія для дѣтей" (составилъ *Езерскій*) наводятъ на невольный вопросъ: зачѣмъ эта книга явилась на свѣтъ, разъ въ ней все тѣ же стихи и басни, какіе мы находимъ въ любой хрестоматіи; вдобавокъ они тамъ не заклеймены невыносимо уродливой виньеткой какую мы видимъ на обложкѣ этой книги.

Такое собраніе уже много разъ печатавшихся вещей имѣетъ лишь тогда значеніе, когда это такъ или иначе является изданіемъ „исправленнымъ и дополненнымъ".

Такова, напр., чрезвычайно милая хрестоматія-малютка „Цвѣтничокъ", составленная *В. Спасскимъ* и *В. Стражевымъ*; шрифтъ крупный, четкій, рѣдкій именно въ хрестоматіяхъ, гдѣ онъ долженъ бы быть обязательнымъ; оригинальные рисунки, далекій отъ шаблона подборъ матеріала (включены въ чрезвычайно чуткомъ выборѣ Бальмонтъ, Брюсовъ, Ремизовъ), все это дѣлаетъ книгу цѣннымъ вкладомъ въ библіотеку 6—8-лѣтнихъ читателей.

Въ изданіяхъ „Посредника", какъ всегда—тамъ, гдѣ они даютъ переводныя вещи или перепечатки талантливыхъ русскихъ писателей—ихъ книги содержательны и интересны. Таковы, напр., „Горе стараго каторжника" *Пьера Лоти* и друг. разсказы въ книжкѣ подъ этимъ заглавіемъ. Оригинальные же разсказы, какъ „Моя новая мама" *А. Ульяновой*, какъ и разсказы *Горбунова-Посадова* и друг. излюбленныхъ этимъ издательствомъ писателей спеціально для народа и дѣтей, страдаютъ дидактизмомъ и слащавой чувствительностью.

Большая заслуга этого издательства передъ читающими массами—изданіе въ 5-копеечныхъ, въ трехкопеечныхъ и даже въ копеечныхъ книгахъ отдѣльныхъ вещей Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Гюго, Ожешко, Кононицк-

кой и многихъ другихъ авторовъ, которые достойны того, чтобы кто-нибудь озаботился о ихъ широкомъ распространеніи.

Изъ книгъ, написанныхъ къ юбилею освобожденія крестьянъ, нѣтъ ни одной, заслуживающей серьезнаго вниманія. Есть попытки такого юбилейнаго альманаха (составленнаго *Кл. Лукашевичъ*); тамъ есть отрывки изъ Гончарова, Аксакова, Фонвизина, стихотворенія — Некрасова, Никитина, Майкова, но въ этой книгѣ нѣтъ того, что объединило бы всѣ эти отрывки въ стройное цѣлое, въ картину русской дореформенной жизни, озаренную понятнымъ для ребенка свѣтомъ и дополненную понятнымъ объясненіемъ великаго значенія дня 19-го февраля. Преобладающимъ настроеніемъ книги, можетъ быть помимо воли автора, явился сантиментальный патріотизмъ, а вступительная, довольно большая статья, которую авторъ рекомендуетъ прочесть въ школахъ, хотя и торжественная по стилю, вышла вялой и скучной. Впрочемъ, такова ужъ судьба почти всѣхъ такихъ благонамѣренно-просвѣтительныхъ книгъ для дѣтей и народа.

Въ изд. журнала „Семья и школа“ заслуживаютъ вниманія переводы съ англійскаго *Рождественской*. Почему-то авторъ повѣстей не названъ. Заглавія ихъ „Энди“ и „Въ новую жизнь“. Повѣсти диккенсовскаго характера, съ тяжеловѣснымъ юморомъ, обстоятельно разсказанныя, съ четко обрисованной фабулой, со счастливымъ и поучительнымъ концомъ. Читаются легко, захватываютъ дѣтское вниманіе, можетъ быть, даже даютъ нѣчто этически-положительное, какой-то камешекъ вѣры въ солидные устои добродѣтели на землѣ.

Одесское издательство „Juventus“ выпустило среди другихъ книгъ обработаннаго для юношества *Лонгфелло* „Іуду Макавея“, многословнаго и слезливаго *Фруга*, страшный разсказъ *В. Никитина* „Вѣкъ прожить—не поле перейти“ изъ времени кантонистовъ, написанный сѣровато, но правдиво и просто.

Книгоиздательство „Школьная библіотека“ дало рядъ краткихъ біографій замѣчательныхъ людей—Гоголя, Тургенева, Ломоносова, Линкольна, Гааза и друг. Это интересный вкладъ въ дѣтскую литературу: среди авторовъ встрѣчаются такія имена, какъ, напр., А. А. Кизеветтеръ (біографія Ломоносова).

В. Малахіева-Мировичъ.

V. Естествознаніе.

Памяти Я. Г. фантъ Гоффа.

16 февраля 1911 г. скончался Яковъ Генрихъ фантъ Гоффъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся химиковъ второй половины XIX-го вѣка и первой половины XX-го. Онъ вышелъ изъ среды голландскаго народа, давшаго міру немало знаменитыхъ химиковъ и физиковъ.

Родился фантъ Гоффъ 30 августа 1852 года. Высшее образованіе получилъ сперва въ политехникумѣ, въ Дельфтѣ, затѣмъ въ Лейденскомъ университетѣ, гдѣ въ 1872 г. сдалъ кандидатскій экзаменъ. Затѣмъ занимался въ Боннѣ у Кекуле и въ Парижѣ у Вюртца. Степень доктора естественныхъ наукъ получилъ въ 1874 г. въ Утрехтскомъ университетѣ по представленіи диссертаціи: „Bijdrage tot de kennis van Cyaanazijnzuur en Malonzuur“. Преподавательскую дѣятельность фантъ Гоффъ началъ въ 1876 г. сперва, какъ доцентъ физики въ ветеринарной школѣ въ Утрехтѣ, затѣмъ въ 1877 г. онъ переходитъ лекторомъ химіи, а въ слѣдующемъ году профессоромъ химіи въ Амстердамскій университетъ, а въ 1894 году онъ по-

лучаетъ приглашеніе въ берлинскій университетъ и избирается членомъ берлинской академіи наукъ.

Научная дѣятельность ф. Гоффа, создавшая ему всемірную извѣстность, касается самыхъ разнообразныхъ отраслей химіи, въ которыхъ онъ открылъ новые горизонты и указалъ совершенно новые пути для изслѣдованій.

Вначалѣ онъ, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ ученика Вюртца и Кекуле, работаетъ въ области органической химіи. Въ томъ же году (1874), въ которомъ онъ защитилъ докторскую диссертацію, появилась на голландскомъ языкѣ небольшая по размѣрамъ (всего 11 страницъ), но глубокая по содержанію статья о строеніи органическихъ тѣлъ, которая въ слѣдующемъ году является уже въ нѣсколько расширенномъ видѣ, во французскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: La chimie dans l'espace.

Благодаря появившемуся черезъ два года нѣмецкому переводу: „Die Lagerung der Atome im Raume“ [1]), въ предисловіи къ которому извѣстный проф. Вислиценусъ горячо рекомендовалъ вниманію химиковъ идеи ф. Гоффа, новая наука „стереохимія“ получила быстрое развитіе, и имя ф. Гоффа пріобрѣло исключительную славу, основанную на поражающемъ числѣ значительныхъ и проложившихъ новые пути въ наукѣ работъ [2]), и въ предисловіи ко второму нѣмецкому изданію книги ф. Гоффа проф. Вислиценусъ (въ 1894 г.) могъ сказать слѣдующее:

„Былыя нападки на теоретическія основы воззрѣній фантъ Гоффа теперь окончательно умолкли. Тамъ, гдѣ онѣ возникаютъ вновь, онѣ относятся уже только къ самой исходной точкѣ теоріи, къ атомистическому представленію вообще, но никто уже не отрицаетъ, что ученіе о пространственномъ расположеніи атомовъ является дальнѣйшей ступенью, можетъ быть окончательной, послѣдовательнаго и неизбѣжнаго развитія химической атомистики. Въ большинствѣ случаевъ оппозиція направлена, иногда вполнѣ основательно, противъ частныхъ примѣненій этого ученія къ выясненію отдѣльныхъ, изученныхъ экспериментально, процессовъ и ихъ условій. Такимъ образомъ существенное содержаніе ученія о пространственномъ расположеніи атомовъ собственно не подвергается сомнѣнію. Ни съ какой стороны уже не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію и тотъ фактъ, что это ученіе не въ меньшей степени, чѣмъ всѣ другія научныя гипотезы, представило само свое внутреннее оправданіе. Уже теперь оно въ полной мѣрѣ осуществило то, что вообще только и можетъ быть осуществлено гипотезой; оно сумѣло органически связать съ основными химическими теоріями тѣ факты, которые, казалось, выходили за ихъ предѣлы, и дать для этихъ фактовъ простое, вытекающее изъ названныхъ теорій объясненіе; оно возбудило новыя проблемы и этимъ сильно подтолкнуло эмпирическое изслѣдованіе; и послужило причиной накопленія обильнаго фактическаго матеріала; оно указало путь къ нахожденію новыхъ методовъ наблюденія и такимъ образомъ сдѣлало возможнымъ свою собственную экспериментальную провѣрку; оно, наконецъ, явилось поводомъ для новаго, полнаго глубокаго значенія, движенія, въ извѣстномъ смыслѣ даже новой эры въ нашей наукѣ“.

Чтобы оцѣнить значеніе стереохиміи для дальнѣйшихъ успѣховъ химіи, достаточно указать, что извѣстный нѣмецкій химикъ Эмиль Фишеръ, прославившійся синтезомъ сахаристыхъ веществъ, для разъясненія строенія этихъ

---

[1]) Впослѣдствіи эта книга вышла въ нѣсколькихъ (трехъ) изданіяхъ на нѣмецкомъ языкѣ, французскомъ, англійскомъ, и, наконецъ, въ 1911 году на русскомъ языкѣ (см. ниже).

[2]) Интересно отмѣтить, что новыя идеи ф. Гоффа, встрѣтили не сочувствіе, а насмѣшки со стороны извѣстнаго химика Кольбе.

тѣлъ долженъ былъ прибѣгнуть къ стереохимической теоріи.

Спустя три года послѣ появленія La chimie dans l'espace ф. Гоффъ (1878) выпускаетъ въ свѣтъ двухтомное сочиненіе: Ansichten über die organische Chemie.

Въ немъ онъ обращаетъ вниманіе на вопросъ, дотолѣ мало разрабатываемый въ органической химіи. Онъ указываетъ на то, что въ органической химіи изучались явленія главнымъ образомъ съ качественной стороны, т.-е. изучалось, какія тѣла образуются при тѣхъ или другихъ реакціяхъ, но не разсматривалось теченіе реакцій во времени, и уже въ этомъ сочиненіи фантъ Гоффъ выводитъ основныя уравненія химической кинетики и химическаго равновѣсія на основаніи закона дѣйствія массъ.

Результаты основательной разработки этихъ вопросовъ затѣмъ были изложены ф. Гоффомъ въ 1884 г. въ Etudes de dynamique chimique,—трудѣ, составившемъ эпоху въ исторіи ученія о химическомъ сродствѣ. Въ этомъ трудѣ ф. Гоффъ показалъ другую сторону своего ума и таланта: для вывода законовъ химической механики онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ гипотетическимъ представленіямъ о внутреннемъ строеніи тѣлъ, а пользуются такими незыблемыми основами, какими являются первый и второй законъ термодинамики. Etudes de dynamique chimique, подобно La chimie dans l'espace, не сразу обратили на себя вниманіе, но глубокое ихъ значеніе выяснялось все болѣе и болѣе съ развитіемъ химической механики.

Изслѣдованія въ области химической механики привели ф. Гоффа къ открытію закона осмотическаго давленія растворовъ, извѣстнаго подъ именемъ закона ф. Гоффа.

Въ послѣдней главѣ вышеупомянутаго труда, озаглавленной: L'Affinite ф. Гоффъ задается вопросомъ, что можетъ служить мѣрой величины сродства, обнаруживаемаго между двумя тѣлами, и для рѣшенія этого вопроса обращается къ измѣренію того притяженія, какое оказываетъ соляной растворъ въ водѣ, или, иными словами, того сродства, какое имѣетъ соляной растворъ къ водѣ. Фантъ Гоффъ выводитъ формулу, которая позволяетъ вычислять величину работы, производимой силой химическаго сродства.

Для вывода этой формулы онъ обращается къ наблюденіямъ Пфеффера надъ осмотическимъ давленіемъ растворовъ и на основаніи этихъ наблюденій выводитъ величину той работы, которая производится при разжиженіи раствора.

Такимъ образомъ, до нѣкоторой степени метафизическое понятіе „сродство“ онъ замѣняетъ болѣе конкретнымъ и легко доступнымъ измѣренію представленіемъ: „работа“, и это послужило залогомъ успѣха дальнѣйшихъ изслѣдованій въ области ученія о растворахъ.

Въ 1887 г. въ статьѣ, помѣщенной въ только что основанномъ имъ вмѣстѣ съ В. Оствальдомъ журналѣ, Zeitschrift für Physikalische Chemie, и озаглавленной: „Die Rolle des osmotischen Druckes in der Analogie zwischen Losungen und Gasen“, ф. Гоффъ доказываетъ, что всѣ тѣ законы, которые извѣстны для газовъ (законъ Бойля, Гей Люссака), приложимы для разведенныхъ растворовъ, а, слѣдовательно, законъ Авогадро, справедливый для газовъ, будетъ справедливъ и для вещества въ разведенныхъ растворахъ, хотя формулировка законовъ будетъ нѣсколько иная: такъ, законъ Бойля-Маріотта будетъ выраженъ слѣдующимъ образомъ: осмотическое давленіе пропорціонально концентраціи. Законъ Авогадро для разведенныхъ растворовъ долженъ быть формулированъ такъ: осмотическія давленія, производимыя различными растворенными веществами, одинаковы, когда количества ихъ въ равныхъ объемахъ раствора относятся, какъ молекулярные вѣса. Но замѣчательнымъ

фактомъ въ этой аналогіи между газовымъ состояніемъ тѣла и состояніемъ тѣла въ разведенныхъ растворахъ является то, что *осмотическое давленіе равно тому давленію, которое имѣло бы данное тѣло, если бы оно находилось въ газообразномъ состояніи и занимало бы тотъ же объемъ, какъ и растворъ, въ которомъ оно находится.*

Таковъ знаменитый законъ ф. Гоффа.

Открывъ этотъ законъ, онъ показалъ, что съ величиной осмотическаго давленія тѣсно связаны такія величины, какъ упругость пара растворовъ, температура ихъ кипѣнія и замерзанія, причемъ математическое соотношеніе между этими величинами выводится на основаніи законовъ термодинамики, а не какихъ-либо гипотетическихъ представленій.

Работы ф. Гоффа произвели крупный переворотъ въ ученіи о растворахъ, и, какъ всегда бываетъ при всякихъ переворотахъ, возгорѣлась борьба между приверженцами старыхъ и новыхъ воззрѣній: дѣло въ томъ, что ф. Гоффъ въ своей статьѣ указалъ на ту аналогію, которая существуетъ между осмотическимъ давленіемъ и давленіемъ въ газахъ, такъ какъ механизмъ явленія какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одинаковъ: какъ въ газахъ давленіе на стѣнку сосуда происходитъ вслѣдствіе ударовъ молекулъ, такъ и въ растворахъ осмотическое давленіе происходитъ отъ ударовъ растореннаго тѣла о „полупроницаемую“ стѣнку. Такъ какъ растворитель свободно проникаетъ черезъ стѣнку, то онъ и не производитъ давленія.

Многіе изъ ученыхъ, увлекшись этой аналогіей, начали отрицать вообще всякое химическое воздѣйствіе при образованіи растворовъ и стали разсматривать послѣднее, какъ актъ чисто физическій: подобно тому, какъ газы диффундируютъ въ пустое пространство, какъ только оно имъ будетъ предоставлено, такъ и растворитель является только средой, въ которую можетъ диффундировать растворяемое тѣло. Такое воззрѣніе, конечно, не могло быть встрѣчено безъ возраженій, и хотя самъ ф. Гоффъ не отрицалъ существованія химическаго сродства между растворителемъ и растворенным тѣломъ, но нападки направлялись и противъ него.

Но вскорѣ отношенія къ новой теоріи измѣнилось: стало яснымъ, что сущность теоріи растворовъ ф. Гоффа заключается не въ тѣхъ гипотетическихъ представленіяхъ о строеніи растворовъ, а въ той обобщающей зависимости, которая существуетъ между столь разнообразными величинами, какъ осмотическое давленіе, съ одной стороны, и упругость пара, температура замерзанія и кипѣнія растворовъ—съ другой.

Перейдя въ Берлинъ, ф. Гоффъ занялся новымъ вопросомъ, съ перваго взгляда далекимъ отъ его теоретическихъ изслѣдованій и носящимъ какъ бы техническій характеръ: онъ принимается за изслѣдованіе Стассфуртскихъ солей. И въ этомъ изслѣдованіи онъ проложилъ новые пути: благодаря его многолѣтнимъ трудамъ совмѣстно со многими его сотрудниками и учениками разрѣшены многіе теоретическіе вопросы о порядкѣ выдѣленія солей изъ растворовъ, а также разъяснено много вопросовъ не только химіи и химической технологіи, но и геологіи. Результаты этихъ трудовъ собраны имъ въ его сочиненіи: Zur Bildung der ozeanischen Salzablagerungen (2 части).

Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ работы ф. Гоффа были отмѣчены печатью крупнаго таланта, пролагающаго новые пути, подмѣчающаго то, что ускользаетъ отъ вниманія другихъ, и производящаго переворотъ въ наукѣ.

Первенствующее значеніе работъ ф. Гоффа было признано въ 1901 г. когда ему первому изъ химиковъ была присуждена Нобелевская премія *за открытіе законовъ химической механики и осмотическаго давленія въ растворахъ.*

Въ заключеніе укажемъ работы ф. Гоффа, переведенныя на русскій языкъ:

„Химическое равновѣсіе въ системахъ газовъ и разведенныхъ растворовъ". Пер. подъ редакціей А. Н. Щукарева. Москва, 1902.

„Зависимости между физическими и химическими свойствами и составомъ" (изъ лекцій по теоретической и физической химіи). Переводъ И. Жукова, подъ редакціей В. А. Кистяковскаго. Спб., 1903.

„Восемь лекцій по физической химіи, читанныя по приглашенію университета Чикаго". Переводъ Е. Браудло. Подъ редакціей проф. П. Вальдена. Рига, 1903.

„Расположеніе атомовъ въ пространствѣ". Авторизованный переводъ Бориса Беркенгейма. Подъ редакціей проф. Н. Д. Зелинскаго, Москва, 1911.

Ив. Каблуковъ.

VI. Некрологъ.

И. А. Зубковъ.—Мамонтовъ.—А. А. Бекманъ.—С. С. Лопухинъ.—Н. Г. Мотовиловъ.—А. В. Добіашъ.—І. Е. Фриде.—Н. Н. Шиповъ.—Г. И. Кристи.—П. И. Житецкій.—В. П. Овсянниковъ.—С. Х. Арутюновъ.—П. Ф. Якубовичъ.—А. В. Вержбиловичъ.—І. И. Лагузенъ.—А. Е. Россикова.—Л. Г. Богаевскій.—Бржезинскій.—Налковскій.—Д. А. Хвольсонъ.—А. Фогацаро.—М. фонъ-Шрейнеръ.—Ф. Гаазе.—Даллеръ.—С. Симичъ.—У. М. Ванъ-Беммеленъ.—А. Віерантони.—А. Луце.—Б. Петеръ.—К. Гросгеймъ.

Зубковъ, Иванъ Алексѣевичъ († въ февралѣ 1911 г.). Членъ первой Государственной Думы, принадлежавшій къ партіи к.-д. Земскій дѣятель Нижегородской губерніи, бывшій предсѣдатель балахнинской земской управы. Послѣ роспуска первой Государственной Думы вернулся къ земской дѣятельности, но новый губернаторъ уже не утвердилъ его въ должности предсѣдателя уѣздной управы. Въ отвѣтъ на это губернское земское собраніе избрало Зубкова огромнымъ большинствомъ въ члены губернской земской управы и послѣ долгихъ проволочекъ губернаторъ, въ концѣ-концовъ, вынужденъ былъ утвердить его въ этой должности.

Мамонтовъ († въ февралѣ 1911 г.). Студентъ военно-медицинской академіи, сынъ гофмейстера, получившій образованіе въ пажескомъ корпусѣ. Поѣхалъ вмѣстѣ съ отрядомъ студентовъ-медиковъ въ Манчжурію для борьбы съ чумой. Работалъ въ чумномъ баракѣ, гдѣ вскорѣ заразился чумой и черезъ два дня скончался.

Бекманъ, А. А. († въ февралѣ 1911 г.). Членъ спб. судебной палаты, выдающійся практическій юристъ.

Лопухинъ, С. С. († въ февралѣ 1911 г.). Сенаторъ уголовнаго кассаціоннаго департамента. Практическій юристъ. Молодымъ человѣкомъ участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ.

Мотовиловъ, Н. Г. († въ февралѣ 1911 г.). Товарищъ оберъ-прокурора прав. сената. Выдающійся практическій юристъ.

Добіашъ, А. В. († въ мартѣ 1911 г., 64 лѣтъ). Бывшій профессоръ и инспекторъ нѣжинскаго историко-филологическаго института, по происхожденію и образованію чехъ. Готовился стать католическимъ патеромъ, но увлекся Россіей, русскимъ языкомъ, литературой и религіей, перешелъ въ православіе и уѣхалъ въ Россію, гдѣ прожилъ больше 30 лѣтъ. Вернувшись снова на родину, взялся за преподаваніе русскаго языка и сдѣлался ревностнымъ проводникомъ и проповѣдникомъ русской культуры. По спеціальности филологъ-классикъ, Добіашъ оставилъ нѣсколько ученыхъ трудовъ: „Синтаксисъ Аполлонія Дискола", „Изслѣдованіе въ области греческаго мѣстоименія", „Переводы діалоговъ Платона".

Фриде, Іосифъ Евгеньевичъ († въ мартѣ с. г.). Присяжный повѣренный. Написалъ много статей по юридическимъ вопросамъ. Послѣдніе годы состоялъ отвѣтственнымъ редакторомъ журнала *Право*.

Шиповъ, Николай Николаевичъ (род. въ 1846 г., † въ мартѣ с. г.). Членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ. Управлялъ Уральскою областью въ качествѣ военнаго губернатора, а въ 1899 г. былъ назначенъ помощникомъ финляндскаго генералъ-губернатора, гдѣ былъ сотрудникомъ Н. И. Бобрикова. Писалъ въ газетахъ статьи по военнымъ вопросамъ.

Кристи, Г. И. († въ мартѣ с. г.). Сенаторъ. Окончилъ московскій университетъ. Будучи студентомъ, участвовалъ въ качествѣ вольноопредѣляющагося въ русско-турецкой войнѣ. Въ бытность московскимъ губернаторомъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ великаго князя Сергѣя Александровича.

Житецкій, Павелъ Игнатьевичъ (род. въ 1836 г., † въ мартѣ 1911 г.). Членъ-корреспондентъ академіи наукъ, выдающійся изслѣдователь украинской литературы и словесности. Воспитывался въ полтавской семинаріи, откуда былъ отправленъ въ кіевскую духовную академію, но черезъ три года оставилъ ее и перешелъ въ университетъ, по окончаніи котораго былъ одно время учителемъ, затѣмъ въ качествѣ приватъ-доцента читалъ въ Петербургѣ лекціи по исторіи русскаго языка. Оставилъ рядъ ученыхъ трудовъ: „Описаніе пересойницкаго евангелія“, „Очеркъ звуковой исторіи малороссійскаго нарѣчія“, „Очеркъ литер. исторіи малор. нарѣчія въ XVII вѣкѣ“, „Мысли о народныхъ малор. думахъ“, „Очерки по исторіи поэзіи“, „Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малор. литературы XVIII в.“, „О переводахъ Евангелія на малороссійскій языкъ“ и мн. др.

Овсянниковъ, В. П. (род. въ 1862 г., † въ мартѣ 1911 г.). Художникъ, много работавшій въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, какъ рисовальщикъ-иллюстраторъ, подражавшій Каразину. Выставлялъ картины, посвященныя преимущественно старой Москвѣ и обнаруживавшія большое знаніе исторіи. Послѣдніе годы, вслѣдствіе паралича правой руки, Овсянниковъ писалъ картины лѣвой рукой.

Арутюновъ, С. Х. († въ мартѣ 1911 г.). Основатель газеты *Приазовскій Край* (въ 1890 г.), редакторомъ которой состоялъ до самой смерти.

Якубовичъ, Петръ Филипповичъ (род. въ 1860 г., † въ мартѣ 1911 г.). Извѣстный писатель, постоянный сотрудникъ и членъ редакціи *Русскаго Богатства*. Началъ свою литературную дѣятельность очень рано и 18-ти лѣтъ уже печаталъ свои стихотворенія въ толстыхъ журналахъ: *Дѣло, Слово, Отечественныя Записки, Вѣстникъ Европы* и др. Въ 80-хъ годахъ онъ примкнулъ къ революціонному движенію, былъ арестованъ, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость (гдѣ просидѣлъ три года) и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими приговоренъ къ смертной казни. Черезъ три недѣли по произнесеніи приговора конфирмація замѣнила ему смертную казнь восемнадцатью годами каторги. Сначала онъ отбывалъ наказаніе на Карѣ, а потомъ въ акатуйской каторжной тюрьмѣ. Три года работалъ въ рудникахъ. Рядъ манифестовъ сократилъ ему срокъ наказанія, и онъ былъ отправленъ на поселеніе въ Курганъ. Въ 1887 г. былъ изданъ небольшой сборникъ его стихотвореній подъ псевдонимомъ *Рамшева*, а въ 1895 г. онъ началъ сотрудничать въ *Русскомъ Богатствѣ*, гдѣ печатались его извѣстные очерки жизни на каторгѣ, подъ заглавіемъ „Въ мірѣ отверженныхъ“ и за подписью *Л. Мельшинъ*. Кромѣ этихъ очерковъ, сразу обратившихъ на себя вниманіе читающей публики и составившихъ ему имя, печаталъ въ этомъ же журналѣ свои стихи, подъ иниціалами: *П. Я.* и критическія статьи, подъ псевдонимомъ *П. Ф. Гри-*

невичъ. Послѣднія отмѣчены тенденціозностью, въ особенности по отношенію къ поэтамъ, не принадлежащимъ къ некрасовской школѣ. Такой же тенденціозный характеръ носитъ и хрестоматія, составленная покойнымъ, „Русская Муза“. Стихотворенія *Я.*, собранныя въ двухъ томахъ, выдержали уже нѣсколько изданій. Отдѣльно были изданы также разсказы „Пасынки жизни“ и критическія статьи подъ заглавіемъ „Очерки русской поэзіи“.

Вержбиловичъ, Александръ Валеріановичъ (род. въ 1849 г., † въ мартѣ 1911 г.). Выдающійся віолончелистъ, ученикъ К. Ю. Давыдова. Музыкальное образованіе получилъ въ петербургской консерваторіи. Былъ солистомъ въ оркестрѣ русской оперы и профессоромъ консерваторіи.

Лагузенъ, Іосифъ Ивановичъ († въ февралѣ 1911 г.). Профессоръ горнаго института, занимавшій каѳедру палеонтологіи около 30 лѣтъ. Съ 1900 г. по 1902 г. состоялъ директоромъ института.

Россикова, А. Е. († въ февралѣ 1911 г., 49 лѣтъ). Писательница. Она была первою изъ окончившихъ высшіе женскіе курсы, которой было разрѣшено преподавать русскій и церковно-славянскій языкъ въ старшихъ классахъ гимназіи. Преподавала во владикавказской жен. гимн. Написала рядъ этнографическихъ и географическихъ очерковъ и изслѣдованій Кавказа и Туркестана, напечатанныхъ въ запискахъ кавказскаго отдѣленія русскаго географическаго общества, въ журналѣ *Научное Обозрѣніе* и др. Сотрудничала въ газетѣ *Сынъ Отечества*.

Богаевскій, Леонидъ Григорьевичъ († въ мартѣ 1911 г.). Профессоръ технологическаго института, деканъ химическаго отдѣленія; получилъ образованіе въ артиллерійскомъ училищѣ и былъ на военной службѣ. По окончаніи турецкой кампаніи поступилъ въ технологическій институтъ. Оставилъ послѣ себя нѣсколько цѣнныхъ ученыхъ трудовъ по своей спеціальности.

Бржезинскій († въ мартѣ 1911 г.). Польскій народникъ, замѣчательный популяризаторъ, посвятившій всю свою жизнь и дѣятельность на созданіе научно-популярной литературы и распространеніе ея среди польскаго крестьянства.

Налковскій († въ мартѣ 1911 г.). По спеціальности географъ. Польскій общественный дѣятель и публицистъ.

Хвольсонъ, Даніилъ Абрамовичъ († въ мартѣ 1911 г., на 98-мъ году). Выдающійся оріенталистъ и семитологъ. Происходилъ изъ бѣдной еврейской семьи, религіозное образованіе получилъ въ хедерѣ и до 18-ти лѣтъ не зналъ ни одного языка, кромѣ еврейскаго, но 30-ти лѣтъ уже получилъ степень доктора философіи въ лейпцигскомъ университетѣ. Съ 1855 г. занималъ каѳедру еврейской, сирійской и халдейской словесности на восточномъ факультетѣ спб. университета. Въ 1908 г. избранъ почетнымъ членомъ академіи наукъ. Многочисленные и разнообразные научные труды покойнаго относятся къ области семитическихъ литературъ и исторической науки. Онъ перевелъ на русскій языкъ много ветхозавѣтныхъ книгъ. Общественное вниманіе возбудило его изслѣдованіе: „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ“.

Фогаццаро, Антоніо (род. въ 1842 г., † въ мартѣ 1911 г.). Итальянскій поэтъ и романистъ, не принадлежавшій ни къ какой школѣ и шедшій совершенно самобытными путями. Лучшими его романами считаются „Piccolo mondo antico“ и „Piccolo mondo moderno“. Первый относится къ времени борьбы за объединеніе Италіи, второй же, появившійся въ 1900 г., изображаетъ въ критическомъ освѣщеніи развитіе современной Италіи. Какъ человѣкъ искренно вѣрующій, Фогаццаро съ особенною любовью останавливался въ своихъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеніяхъ на философскихъ, этическихъ и религіозныхъ проблемахъ и въ послѣдніе два года

написалъ два романа, опредѣлившіе его своеобразное отношеніе къ вопросамъ религіи. Первый романъ „Il Santo“ (Святой) навлекъ гнѣвъ Ватикана и попалъ въ индексъ. Его второй и послѣдній романъ „Leila“ послужилъ какъ бы отвѣтомъ на обвиненія въ невѣріи со стороны куріи.

Фонъ-Шрейнеръ, Морицъ († въ мартѣ 1911 г.). Бывшій вождь либеральной партіи въ Штиріи, участвовавшій въ движеніи 1848 года и всю жизнь горячо боровшійся съ реакціонными стремленіями.

Гаазе, Фридрихъ († въ мартѣ 1911 г.). Извѣстный нѣмецкій актеръ, игралъ во всѣхъ большихъ городахъ Германіи, въ Прагѣ и въ Петербургѣ и два раза объѣзжалъ Америку. Умеръ 84-хъ лѣтъ.

Даллеръ (род. въ 1835 г., † въ мартѣ 1911 г.). Прелатъ, вождь баварскаго „центра“ и основатель католическаго крестьянскаго ферейна. Былъ профессоромъ церковной исторіи и церковнаго права въ лицеѣ въ Фрейзингѣ. Считался въ баварскомъ ландтагѣ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ экономическихъ вопросовъ и бюджета и принималъ участіе во всѣхъ финансовыхъ комиссіяхъ.

Симичъ, Света († въ мартѣ 1911 г., 48 лѣтъ). Бывшій сербскій посланникъ въ Болгаріи, занимавшій видное мѣсто среди сербскихъ политиковъ какъ знатокъ національныхъ вопросовъ въ старой Сербіи и Македоніи. Горячій приверженецъ идеи сербо-болгарскаго единенія.

Ванъ-Беммеленъ, У. М. († въ мартѣ 1911 г., на 81 году). Профессоръ химіи въ Лейденѣ, прозванный Несторомъ голландскихъ химиковъ. Извѣстенъ своими изслѣдованіями въ области сельскохозяйственной химіи и коллоидовъ.

Віерантони, Аугусто (род. въ 1840 г., † въ мартѣ 1911 г.). Итальянскій сенаторъ, участвовавшій въ 1860 г. въ борьбѣ за объединеніе Италіи. Былъ профессоромъ юридическаго факультета въ моденскомъ университетѣ; въ 1866 г. промѣнялъ профессорскую каѳедру на артиллерійскую службу и принялъ участіе въ войнѣ противъ Австріи. Его статьи о смертной казни обратили на себя всеобщее вниманіе; въ 1869 г. появилась его исторія международнаго права въ Италіи (Storia del diritto internazionale in Italia), а затѣмъ черезъ два года замѣчательный трудъ объ итальянскомъ конституціонномъ правѣ (Trattato di diritto constituzionale). Въ 1879 г. ординарный профессоръ римскаго университета и членъ палаты депутатовъ. Очень часто выступалъ защитникомъ въ политическихъ процессахъ и въ 1900 и 1903 гг. былъ представителемъ Италіи на конференціи мира въ Гаагѣ. Постояннымъ членомъ международнаго третейскаго суда до самой смерти.

Луце, Августъ (*Lucae*) († въ мартѣ 1911 г., 75 лѣтъ). Бывшій директоръ берлинской ушной клиники, стяжавшій извѣстность своими работами по физіологіи слуха. Для изслѣдованій въ этой области ему сослужило большую службу его собственное музыкальное дарованіе.

Петеръ, Бруно († въ мартѣ 1911 г.). Профессоръ астрономіи въ Лейпцигѣ.

Гросгеймъ, Карлъ († въ февралѣ 1911 г., 70 лѣтъ). Президентъ академіи художествъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей нѣмецкой архитектуры. Былъ основателемъ въ Берлинѣ архитектурно-художественной мастерской. Имъ же были выстроены: книжная биржа въ Лейпцигѣ, зданіе музыкальной академіи въ Шарлотенбургѣ, зданіе имперскаго военнаго суда въ Берлинѣ и др., а также была произведена реставрація „военнаго зала“ въ ратушѣ города Любека.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Апрѣль 1911 года.

Содержаніе: I. **Книги:** Исторія литературы и литературная критика.—Исторія.—Политическая экономія и статистика.—Философія.—Соціологія.—Правовѣдѣніе.—Публицистика.—Педагогика и народное образованіе.—Естествознаніе. II. **Книжныя новости.** III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе марта 1911 г.**

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Карлъ Федернъ. Данте и его время.—Сказанія о бѣднякѣ Христовѣ. Книга о Францискѣ Ассизскомъ.

Карлъ Федернъ. **Данте и его время.** Перев. В. М. Спасской, подъ ред. М. Н. Розанова. Изд. И. Д. Сытина. М., 1911 г. Стр. XII + 284. Ц. 3 р. 75 к.

Книга К. Федерна, въ оригиналѣ впервые появившаяся въ 1899 г., пользуется на родинѣ заслуженной извѣстностью и переведена уже на англійскій и итальянскій языки. Редакторъ русскаго перевода пользовался, между прочимъ, этими англійскимъ и итальянскимъ изданіями, въ которыя авторъ внесъ нѣкоторыя улучшенія и дополненія. При бѣдности русской литературы о Данте появленію работы К. Федерна можно, конечно, только радоваться.

Необходимо, однако, оговориться, что заглавіе книги обѣщаетъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ она даетъ въ дѣйствительности. Нѣтъ сомнѣнія, что исчерпать такую громадную тему, какъ „Данте и его время“, въ одномъ, небольшомъ томѣ, значительная часть котораго занята иллюстраціями, невозможно. Но авторъ еще усложнилъ свою задачу, обративъ преимущественное вниманіе именно на „время“ Данте и понимая подъ этой эпохой все вообще средневѣковье до конца XIII вѣка. Характеристикѣ среднихъ вѣковъ и посвящена вся первая, бо́льшая, часть книги въ 156 страницъ. Въ этой части, по необходимости весьма бѣгло, авторъ разсматриваетъ „паденіе античнаго міра“, „политическіе и нравственные идеалы“ среднихъ вѣковъ, средневѣковое міросозерцаніе, науку и литературу и весь общій ходъ историческихъ событій за тринадцать столѣтій. Естественно, что изложеніе этихъ главъ отличается крайней сжатостью и что авторъ принужденъ высказывать свои сужденія аподиктически, не развивая и не доказывая ихъ. Въ результатѣ онъ сообщаетъ много такого, что не имѣетъ прямого отношенія къ Данте, но, разумѣется, не даетъ все же полной картины и характеристики среднихъ вѣковъ.

По отношенію къ біографіи самого Данте авторъ занимаетъ мѣсто среди крайнихъ скептиковъ. Такъ, напр., онъ отказывается принимать на вѣру извѣстія, сообщаемыя Боккачо, неоднократно называя его „пустымъ болтуномъ“. Отвергаетъ онъ и принятый традиціей день рожденія Данте (8 мая 1265 г.), его традиціонную генеалогію и т. д. Недостатокъ же біографическихъ данныхъ авторъ щедро пополняетъ своими домыслами и психологическими догадками. Такъ, напр., отвергая всѣ историческія данныя о Беатриче, онъ, однако, признаетъ ея реальное существованіе, исключительно на основаніи того впечатлѣнія, какое производятъ на него произведенія Данте. На основаніи такихъ же, чисто-субъективныхъ, соображеній онъ отвергаетъ замужество Беатриче, о кототоромъ опредѣленно свидѣтельствуетъ Боккачо. Къ прямымъ недостаткамъ книги мы относимъ склонность автора къ обширнымъ разсужденіямъ на отвлеченныя темы, весьма слабо связанныя съ основной темой книги: о нравственности, о правахъ плоти, о задачахъ поэзіи и т. п. Анализъ произведеній Данте, и особенно „Божественной комедіи“, сдѣланъ К. Федерномъ слишкомъ бѣгло, и въ этомъ отношеніи его книга даетъ гораздо меньше, чѣмъ такая же популярная книга о Данте Скартаццини (имѣющаяся и въ русскомъ переводѣ. І. Скартаццини. Данте. Перев. подъ ред. Д. К. Петрова. Спб., 1905 г.). Вообще книги Федерна и Скартаццини во многомъ пополняютъ другъ друга.

Въ книгѣ Федерна много иллюстрацій, воспроизведенныхъ очень хорошо. Редакторъ русскаго изданія въ выборѣ иллюстрацій нѣсколько разошелся съ нѣмецкимъ оригиналомъ, поставивъ себѣ цѣлью дать только тѣ рисунки, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ самому Данте и къ его произведеніямъ (тогда какъ въ оригиналѣ многіе рисунки иллюстрируютъ *эпоху* Данте). Мы находимъ, однако, что при выборѣ рисунковъ излишне обширное мѣсто было отведено воспроизведеніямъ съ картинъ Данте-Габріеля Россетти, безспорно весьма замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи, но представляющихъ эпизоды изъ жизни Данте въ слишкомъ субъективномъ освѣщеніи.

Валерій Брюсовъ.

Сказанія о бѣднякѣ Христовѣ. Книга о Франциснѣ Ассизскомъ. Изд. А. П. Печковскаго. М., 1911 г. Стр. 108. Ц. 1 р.

Объявленіе издателя говоритъ, что ему хотѣлось дать книгу, которую съ равнымъ интересомъ могли бы читать „и большіе и малые“, и „отцы“ и „дѣти“. Редакторъ книги добавляетъ, что его задачей было „представить образъ Бѣдняка Христова не столько въ исторической точности, сколько въ поэтическо-нѣжномъ свѣтѣ легенды“. Ядро книги образуютъ „Цвѣточки“ (Fioretti)—средневѣковыя народныя легенды о Франциснѣ Ассизскомъ, къ которымъ прибавлено „житіе“ Франциска, написанное г. Сѣвернымъ, гимнъ Stabat Mater, въ переводѣ г. Эллиса, и переводъ одной новеллы Анатоля Франса.

Нѣтъ сомнѣнія, что издатель, болѣе или менѣе, достигъ поставленной себѣ цѣли. Дѣйствительно, отказавшись отъ поисковъ „исторической точности“, принявъ на вѣру наивные народные разсказы, онъ создалъ книгу, которая можетъ привлечь вниманіе и взрослаго и ребенка. Трогательный образъ Франциска и исторія его жизни даютъ достаточно много и для непосредственнаго дѣтскаго воображенія, и для читателя,

способнаго критиковать и анализировать. Но должно пожалѣть, что „Цвѣточки“ или переведены съ сокращеннаго оригинала, или сокращены въ переводѣ. Какъ извѣстно, сложенныя между 1250 и 1320 годами, эти легенды дошли до насъ въ двухъ обработкахъ, латинской и итальянской (итальянская считается болѣе старой). Та и другая заключаютъ въ себѣ 48 коротенькихъ главъ. Между тѣмъ въ книгѣ, изданной г. Печковскимъ, переведено только 16 главъ, причемъ пропущено не мало очень характерныхъ эпизодовъ изъ жизни Франциска. Таковы, напр., разсказъ „о братѣ Бернардѣ Квинтевальскомъ, первомъ товарищѣ Франциска“, „о наказаніи, которое возложилъ на себя Францискъ за дурное подозрѣніе“, и т. п. Въ этомъ отношеніи, приходится предпочесть другой русскій переводъ „Цвѣточковъ“, который былъ напечатанъ въ *Новомъ Пути* 1904 г., такъ какъ онъ передаетъ оригиналъ полностью.

Новелла Анатоля Франса, помѣщенная вмѣстѣ съ „Цвѣточками“, производитъ послѣ нихъ впечатлѣніе чего-то искусственнаго, особенно ея послѣдняя глава. Намъ кажется, что книга ничего не выиграла отъ ея помѣщенія. Сомнительно и отношеніе къ „Цвѣточкамъ“ извѣстнаго гимна Stabat Mater, хотя новый переводъ г. Эллиса имѣетъ то преимущество передъ старымъ переводомъ Жуковскаго, что сдѣланъ риѳмованными стихами. Житіе Франциска написано г. Сѣвернымъ достаточно просто и ясно. Переводъ самыхъ „Цвѣточковъ“ исполненъ вполнѣ хорошо.

Валерій Брюсовъ.

ИСТОРІЯ.

Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы. Изд. „Научнаго Слова“.—Освобожденіе крестьянъ. Сборникъ статей. Изд. „Жизни для всѣхъ“.—Крѣпостное право въ Россіи и реформа 19 февраля.—*Н. Карѣевъ.* Краткая исторія прошлаго столѣтія.

Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы. Изданіе „Научнаго Слова“. М., 1911 г. Стр. 342. Ц. 3 р.

Настоящій томъ, изданный чрезвычайно изящно и снабженный прекрасно выполненными портретами, заключаетъ въ себѣ рядъ жизнеописаній и характеристикъ главнѣйшихъ дѣятелей реформы 19 февраля 1861 года: императора Александра II, велик. князя Константина Николаевича, вел. княгини Елены Павловны, Кавелина, Ростовцева, Милютина, Самарина, кн. Черкасскаго и Соловьева. Вводный характеръ носятъ предпосланныя этой галлереѣ дѣятелей 19 февраля статья А. А. Корнилова объ основныхъ теченіяхъ правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы и статья Ю. В. Готье о наиболѣе крупномъ предшественникѣ дѣятелей 19 февраля—графѣ Киселевѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нынѣ уже прекратившійся журналъ *Вѣстникъ Самообразованія* издалъ подобную же галлерею дѣятелей реформы 1861 г.—Но въ томъ изданіи статьи были довольно кратки, притомъ же многія изъ нихъ къ настоящему времени устарѣли въ виду обнародованія съ тѣхъ поръ различныхъ новыхъ матеріаловъ.—Въ вышедшемъ къ юбилею реформы прекрасномъ многотомномъ изданіи И. Д. Сытина „Великая реформа“ также помѣщенъ рядъ характеристикъ дѣя-

телей реформы, но по общему плану названнаго изданія, объемлющаго собою всю исторію русскаго крестьянства съ древнѣйшихъ временъ, эти характеристики по необходимости составляютъ лишь одинъ изъ эпизодовъ всего повѣствованія. Напротивъ того, изданіе *Научнаго Слова* всецѣло посвящено ознакомленію читателей съ личностями участниковъ реформы, причемъ избраны лишь наиболѣе крупные и видные изъ этихъ участниковъ, но зато каждому изъ нихъ отведена обстоятельная, монографически разработанная статья. Авторы всѣхъ статей использовали, помимо ранѣе извѣстнаго матеріала, не мало новыхъ, недавно обнародованныхъ данныхъ, освѣжающихъ и расширяющихъ наши свѣдѣнія о дѣятеляхъ освободительной эпохи. Въ особенности это надо сказать о статьяхъ М. К. Любавскаго о вел. кн. Константинѣ Николаевичѣ, Ю. В. Готье о Киселевѣ, С. В. Бахрушина о вел. кн. Еленѣ Павловнѣ. Помимо художественныхъ, но краткихъ характеристикъ А. Ф. Кони и воспоминаній Оболенскаго, о Еленѣ Павловнѣ въ нашей литературѣ не было написано ничего законченнаго. Статья С. В. Бахрушина даетъ очень полный и притомъ изящно выполненный подборъ данныхъ объ этой недюжинной женщинѣ, по крупицамъ разсѣянныхъ въ различныхъ изданіяхъ, мемуарахъ и письмахъ. Обстоятельную статью о Ростовцевѣ далъ М. М. Богословскій: сверхъ подробнаго очерка дѣятельности Ростовцева по крестьянской реформѣ, авторъ остановился и на предшествующей его службѣ, преимущественно по завѣдыванію военно-учебными заведеніями. Въ этой части статьи, быть можетъ, слѣдовало бы оттѣнить болѣе рельефно присущія Ростовцеву традиціонныя черты николаевскаго служаки на-ряду съ нѣкоторыми данными къ болѣе широкому пониманію государственной дѣятельности. Въ статьѣ В. Н. Бочкарева о Юріи Самаринѣ хорошо прослѣжено, какъ вліяли на дѣятельность послѣдняго по крестьянской реформѣ отчасти его славянофильскія воззрѣнія, отчасти его принадлежность къ помѣщикамъ именного степного Поволжья. Сжатая статья о кн. Черкасскомъ принадлежитъ кн. Трубецкой—автору извѣстной спеціальной монографіи о Черкасскомъ. Г. Богоявленскій далъ характеристику Я. Соловьева, широко воспользовавшись мемуарами послѣдняго. Статья о Н. А. Милютинѣ и вводная статья объ императорѣ Александрѣ II принадлежатъ пишущему эти строки. Отчетливую и весьма интересную характеристику общественно-политическаго міровоззрѣнія Кавелина далъ Б. И. Сыромятниковъ, искусно оттѣнившій и видную положительную роль, сыгранную Кавелинымъ въ теоретической разработкѣ крестьянскаго вопроса, и тѣ односторонніе увлеченія его теоріей гармоніи общественныхъ интересовъ, отъ которыхъ Кавелинъ впослѣдствіи самъ отказался печатно со свойственной ему искренностью и прямотой. Думаемъ, что разсмотрѣнный томъ не долженъ быть обойденъ никѣмъ изъ интересующихся эпохой 60-хъ годовъ минувшаго вѣка и, въ частности, крестьянской реформой.

А. Кизеветтеръ.

Освобожденіе крестьянъ. Сборникъ статей. Изданіе „Жизни для всѣхъ“. Спб., 1911 г. Стр. 330. Ц. 85 к.

Сборникъ, изданный „Жизнью для всѣхъ“, производитъ очень пріятное впечатлѣніе серьезностью вошедшихъ въ него статей. Всѣ статьи очень содержательны и въ то же время изложены вполнѣ доступнымъ

для неспеціалистовъ языкомъ. Двѣ первыя статьи посвящены исторіи борьбы съ крѣпостнымъ правомъ въ теченіе XVIII и первой половины XIX ст.—г-жа Игнатовичъ разсказываетъ о томъ, какъ реагировала на свое положеніе сама крѣпостная масса. Въ статьѣ приведенъ довольно обильный подборъ фактовъ по исторіи крестьянскихъ побѣговъ, нападеній крестьянъ на помѣщиковъ въ разнообразныхъ формахъ и, наконецъ, массовыхъ крестьянскихъ волненій по отдѣльнымъ мѣстностямъ Россіи. Группируя эти факты, авторъ наглядно показываетъ, какъ послѣдовательно сгущалась гроза народнаго возмущенія къ срединѣ XIX столѣтія. Г. Евгеніевъ излагаетъ борьбу съ крѣпостничествомъ въ русской художественной литературѣ за то же время. Цѣнность статьи заключается въ томъ, что авторъ не ограничивается разсмотрѣніемъ произведеній корифеевъ нашей литературы, но спускается и въ среду второстепенныхъ писателей. Мы думаемъ, что автору слѣдовало бы даже еще болѣе расширить свои наблюденія въ этой области, не пренебрегая литературными издѣліями самыхъ посредственныхъ беллетристовъ, для того чтобы во всемъ объемѣ прослѣдить, насколько критика крѣпостного права входила тогда въ ежедневный, будничный, если можно такъ выразиться, обиходъ беллетристической литературы. Въ pendant къ статьѣ г. Евгеніева слѣдовало бы для всесторонности обзора дать въ сборникѣ статью и о теоретической разработкѣ крестьянскаго вопроса въ тогдашней литературѣ: вѣдь на крѣпостное право ополчались тогда не только поэты и беллетристы, но и ученые экономисты и государствовѣды. Къ сожалѣнію, по этой части въ сборникѣ оставленъ пробѣлъ. Исторія самой реформы 19 февраля изложена опытнымъ и компетентнымъ перомъ А. А. Корнилова.—Г. В. В. далъ анализъ разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Положеніи 19 февраля, показавъ всю неудовлетворительность постановки этой важнѣйшей стороны реформы; А. С. Посниковъ въ краткой статьѣ очертилъ многочисленные дефекты въ правовомъ положеніи пореформеннаго крестьянства. Въ заключеніе сборника М. Слобожанинъ далъ очеркъ земской реформы въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ. Внѣшность сборника довольно сѣрая, что объясняется, конечно, невысокой цѣной его, но содержаніе статей съ лихвой возмѣщаетъ отсутствіе парадной одежды у этого симпатичнаго изданія.

А. Кизеветтеръ.

Крѣпостное право въ Россіи и реформа 19 февраля. Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Изданіе И. Д. Сытина. М., 1911 г. Стр. 399. Ц. 1 р. 10 к.

Въ составъ этой книги вошло 19 статей различныхъ авторовъ. Совокупность всѣхъ статей объемлетъ исторію русскаго крестьянства отъ эпохи закрѣпощенія владѣльческихъ крестьянъ до нашихъ дней. Двѣ статьи посвящены до-Петровской эпохѣ, пять статей—различнымъ моментамъ XVIII столѣтія, семь статей первой половинѣ XIX ст., три статьи—реформѣ 19 февраля 1861 г. и двѣ статьи—положенію пореформенной деревни. Объ этой коллективной работѣ надлежитъ отозваться съ большой похвалой. Всѣ статьи изложены простымъ и яснымъ языкомъ, и каждая изъ нихъ точно и отчетливо очерчиваетъ тотъ или иной моментъ, ту или иную сторону въ исторической жизни русской деревни. Конечно, возможны отдѣльныя замѣчанія. Въ статьѣ о секретныхъ ко-

митетахъ при Николаѣ I напрасно опущено изложеніе записки Сперанскаго о планѣ разработки крестьянскаго вопроса, представленной въ комитетъ 1826 г. Вѣдь въ этой запискѣ—ключъ ко всему дальнѣйшему ходу правительственныхъ работъ по этому вопросу при Николаѣ I. Въ статьѣ о киселевскомъ управленіи министерствомъ государственныхъ имуществъ совсѣмъ затушевана оборотная сторона блестящей медали его дѣятельности—ея бюрократическій характеръ. Слишкомъ уже сжата статья о губернскимъ комитетахъ. Но все это—частности. Въ общемъ настоящая книга—прекрасный образецъ той настоящей популяризаціи науки, въ которой научность содержанія и доступность изложенія должны гармонически сочетаться другъ съ другомъ. Книга можетъ пригодиться широкимъ слоямъ такъ называемой „большой публики".

А. Кизеветтеръ.

Н. Карѣевъ. Краткая исторія прошлаго столѣтія. Обзоръ главныхъ политическихъ событій въ Европѣ, преимущественно западной, между 1800 и 1900 гг. Спб., 1911 г. Стр. 288. Ц. 75 к.

Эта книга составилась изъ переработки матеріала, легшаго въ основу послѣднихъ трехъ томовъ „Исторіи Западной Европы въ Новое Время" того же автора. Она предназначена для самообразованія и даже, какъ самъ авторъ говоритъ, является только фундаментомъ, „на которомъ еще будетъ строиться зданіе историческаго самообразованія". Раздѣливъ всю исторію прошлаго столѣтія на семь отдѣльныхъ эпохъ, Н. И. Карѣевъ сумѣлъ и въ бѣглыхъ очеркахъ дать довольно полную характеристику важнѣйшихъ событій главныхъ европейскихъ странъ, событій, охваченныхъ рамками даннаго историческаго періода. Главы эти идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Наполеоновская эпоха, 2) Времена Священнаго союза, 3) Тридцатые и сороковые годы, 4) Революція 1848 г. и реакція пятидесятыхъ годовъ, 5) Оживленіе политической жизни въ шестидесятыхъ годахъ, 6) Эпоха преобладанія Германіи, 7) Эпоха начала міровой политики. Такимъ образомъ, оставляя совершенно систему строго-хронологическаго изложенія, какъ это часто дѣлается въ учебникахъ и въ пособіяхъ для самообразованія, Н. И. Карѣевъ въ этой книгѣ прибѣгъ къ своему обычному методу изображенія историческаго процесса въ видѣ самостоятельныхъ, но преемственно связанныхъ другъ съ другомъ эпохъ. Такой способъ изложенія ведетъ къ устраненію всего малозначительнаго въ исторіи, что составляетъ ея мертвый грузъ, и къ обобщенію лишь того, что является важнѣйшимъ, связующимъ звеномъ исторической эволюціи. На первомъ планѣ у автора выдвинута политическая исторія, ибо „знакомство съ политической исторіей есть необходимый фундаментъ для каждаго желающаго знать исторію, хотя бы, какъ это многіе теперь принимаютъ, фундаментомъ самой исторической жизни, была, въ сущности, „экономика", а не „политика" (стр. 3).

Въ предисловіи къ своей книгѣ, озаглавленномъ: „О первомъ ознакомленіи съ исторіей XIX вѣка", Н. И. Карѣевъ высказываетъ, въ общихъ чертахъ, свой взглядъ на исторію. Онъ не раздѣляетъ „теоріи великихъ людей, которые будто бы одни дѣлаютъ исторію", но и не склоненъ совершенно свести на нѣтъ роль личности въ исторіи. Однако исторія не должна быть сведена „на сумму біографій", она прежде всего должна быть характеристикой событій, причемъ историкъ дол-

женъ изображать *общій ходъ* историческаго процесса, „въ которомъ событія играютъ роль своего рода вѣхъ“.

Книга Н. И. Карѣева даетъ больше, чѣмъ это кажется по ея заглавію. Это не только общій взглядъ на исторію прошлаго столѣтія, не только первый камень въ фундаментѣ историческаго знанія, но и полезный и во всѣхъ отношеніяхъ удобный справочникъ для лицъ, уже обладающихъ достаточнымъ запасомъ знаній по исторіи XIX вѣка. Такое значеніе книга Н. И. Карѣева пріобрѣтаетъ благодаря спеціальнымъ приложеніямъ, помѣщеннымъ на послѣднихъ 24-хъ страницахъ, а именно: 1) Синхронистическая таблица царствованій въ главныхъ странахъ въ XIX в.; 2) Генеалогическая таблица; 3) Хронологія событій съ конца XVIII до начала XX вѣка; 4) Списокъ общихъ сочиненій по исторіи XIX в. и 5) Алфавитный указатель (именной и предметный).

Н. Борецкій-Бергфельдъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

С. Закъ. Статистическій ежегодникъ соціально-политическихъ таблицъ всѣхъ странъ міра. Годъ III.—*Л. Н. Литошенко.* Снабженіе Москвы и другихъ большихъ городовъ молокомъ.—Труды экспедиціи по изслѣдованію земель Печорскаго края Вологодской губерніи. Т. I и II.—*Giuseppe Prato.* Il protezionismo operaio. L'esclusione del lavoro straniero.

С. Закъ. **Статистическій ежегодникъ соціально-политическихъ таблицъ всѣхъ странъ міра. Годъ третій 1909—1910. Книгоиздательство „Сотрудничество“. М., 1910 г. Стр. XVIII+279. Ц. 1 р. 50 к.**

„Статистическій ежегодникъ“ содержитъ данныя по статистикѣ населенія, народнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, по государственному устройству и т. п. всѣхъ странъ міра и составленъ главнымъ образомъ на основаніи офиціальныхъ статистическихъ ежегодниковъ соотвѣтствующихъ странъ и нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ справочныхъ изданій. Принимая во вниманіе полное почти отсутствіе на русскомъ языкѣ какихъ-либо изданій подобнаго рода, появленіе настоящаго сборника слѣдовало бы привѣтствовать, если бы не обиліе недостатковъ, въ значительной мѣрѣ его обезцѣнивающихъ. Главный его недостатокъ на нашъ взглядъ—это стремленіе составителя его „объять необъятное“, стремленіе, въ результатѣ котораго по нѣкоторымъ отдѣламъ сборникъ ограничивается совершенно безсодержательными замѣчаніями (иногда даже просто невѣрными), которымъ во всякомъ случаѣ не мѣсто въ *статистическомъ* изданіи. Напримѣръ, въ отдѣлѣ „организація промышленниковъ“ о Россіи говорится только слѣдующее: „Синдикатъ и картели охватываютъ почти всю фабрично-заводскую и горно-заводскую промышленность. Изъ трестовъ извѣстенъ металлургическій южной Россіи“. Изъ профессіональныхъ же организацій предпринимателей указываются только двѣ, далеко не самыя важныя и извѣстныя. Вообще наименьшую цѣнность въ сборникѣ представляютъ общія введенія, предпосланныя каждому отдѣлу, и комментаріи къ таблицамъ. Ограничимся однимъ примѣромъ. Въ введеніи къ отдѣлу XXI (союзы и товарищества) говорится, напримѣръ, слѣдующее: „Другія предпринимательскія организаціи (профессіональныя. В. Г.) имѣютъ въ виду защиту интересовъ буржуазіи, какъ класса, противъ наступленія противо-

положнаго ему класса современнаго общества, класса трудовыхъ интересовъ" (стр. 236). Это, конечно, совершенно невѣрно, ибо дѣятельность *профессіональныхъ* организацій предпринимателей отнюдь не исчерпывается борьбой съ требованіями рабочаго класса. Врядъ ли также читатель, мало знакомый съ государственнымъ правомъ, пойметъ разницу между государственнымъ строемъ Австро-Венгріи и германской имперіи, когда ему говорятъ, что первая представляетъ собою „соединенную конституціонную имперію" (стр. 37), а вторая „союзную конституціонную имперію" (стр. 40). Попадаются, наконецъ, необъяснимые и непростительные пропуски. Такъ, въ отдѣлѣ о помощи рабочимъ при болѣзни (стр. 223) почему-то Россія совершенно пропущена, несмотря на то, что по этому вопросу имѣются довольно свѣжія статистическія данныя. На стр. 251 приведены статистическія свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ въ *Голландіи*, а на слѣдующей страницѣ тѣ же свѣдѣнія для *Нидерландовъ* (хотя и за другой годъ)!

Мы далеко не исчерпали замѣченныхъ нами ошибокъ и пропусковъ въ текстѣ и составѣ сборника. Но размѣры приложеннаго къ книгѣ списка опечатокъ (занимающаго 6 страницъ!) заставляютъ относиться также съ сугубой осторожностью и къ цифровому матеріалу при пользованіи сборникомъ. Повторяемъ, однако, при условіи устраненія всѣхъ этихъ недостатковъ въ будущихъ изданіяхъ „Справочникъ" можетъ заполнить важный пробѣлъ въ нашей справочной статистической литературѣ.

В. Гефдингъ.

Л. Н. Литошенко. **Снабженіе Москвы и другихъ большихъ городовъ молокомъ. Труды семинарія по политической экономіи при московскомъ университетѣ. Вып. III. М., 1910 г. Стр. XII+395. Ц. 1 р. 25 к.**

Авторъ настоящей книги изслѣдуетъ, главнымъ образомъ, снабженіе молокомъ Москвы; что же касается другихъ странъ и городовъ, то онъ останавливается преимущественно на ихъ санитарномъ законодательствѣ въ отношеніи молока и санитарныхъ мѣропріятіяхъ муниципальныхъ органовъ. По подсчету г. Литошенка, количество потребляемаго населеніемъ Москвы молока составляетъ около $3^1/_2$ милл. ведеръ въ годъ; на голову населенія это составляетъ $2^1/_2$ ведра въ годъ—цифра незначительная по сравненію съ потребленіемъ многихъ западно-европейскихъ городовъ. Это общее количество молока получается изъ трехъ источниковъ: во-первыхъ, гужевой подвозъ изъ подмосковныхъ деревень даетъ около 825 тыс. ведеръ или 24,5% общаго количества, во-вторыхъ, городскія коровы даютъ около 1,170 тыс. вед. или 34,8% и, наконецъ, наибольшее значеніе въ снабженіи Москвы молокомъ уже теперь имѣетъ подвозъ по желѣзнымъ дорогамъ, дающій 1,371 тыс. ведеръ или 40,7% (стр. 60). Выяснивъ относительную роль каждаго изъ этихъ источниковъ снабженія (гл. I), авторъ переходитъ къ подробному изученію отдѣльныхъ источниковъ. Глава II посвящена подгороднымъ молочнымъ и производству молока въ чертѣ города. Роль этого источника, по крайней мѣрѣ, относительная и съ теченіемъ времени и ростомъ населенія уменьшается. То же нужно сказать относительно молока, подвозимаго гужомъ (гл. III), которое тоже сокращается подъ давленіемъ молока, привозимаго изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей по желѣзной дорогѣ. Въ III главѣ авторъ даетъ интересный обзоръ положенія подмосковнаго крестьянскаго

молочнаго хозяйства (стр. 114—132) и условій сбыта крестьянскаго молока. Непосредственный сбытъ молока самими производителями играетъ меньшую роль, чѣмъ сбытъ при посредствѣ скупщиковъ—„черезъ скупщиковъ проходитъ, по всей вѣроятности, бо́льшая часть крестьянскаго молока, доставляемаго въ Москву“ (стр. 138). При этомъ любопытно, что только благодаря скупщикамъ втягиваются въ молочное хозяйство такіе слои крестьянства, которые безъ нихъ не могли бы сбывать своего молока. „Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ господствуютъ скупщики, сбытъ молока становится возможнымъ и для однокоровныхъ крестьянъ“ (стр. 138). Такимъ образомъ, скупщики въ извѣстной мѣрѣ содѣйствуютъ „демократизаціи“ крестьянскаго молочнаго хозяйства, но вмѣстѣ съ тѣмъ практикуемыя ими злоупотребленія, эксплуатація и закабаленіе ими крестьянъ подготавливаютъ реакцію противъ нихъ и переходъ къ кооперативнымъ формамъ сбыта молока.

Автору книги пришлось затратить массу энергіи и труда на добываніе матеріала путемъ личныхъ опросовъ, посѣщеній, осмотровъ и т. п. въ виду полнаго почти отсутствія какихъ-либо литературныхъ матеріаловъ. Мы можемъ только пожелать самаго широкаго распространенія этой книги и не только среди спеціалистовъ-экономистовъ и гигіенистовъ, которые въ одинаковой степени найдутъ въ ней много интереснаго, но и среди болѣе широкихъ круговъ „потребителей молока“.

В. Гефдингъ.

Труды экспедиціи по изслѣдованію земель Печорскаго края Вологодской губерніи. Изд. подъ редакціей П. И. Соколова. Томъ I. Устьсысольскій уѣздъ. Районъ сысольскаго и южной части устьсысольскаго лѣсничества. 329 стр. текста, 55 фотографич. снимковъ и 1 схемат. почвен. карта. Спб., 1909 г. Томъ II. Устьсысольскій уѣздъ. Районъ устьсысольскаго и части вычегодскаго лѣсничествъ. 526 стр. текста, 75 фотограф. снимковъ, 7 схематич. плановъ (чертежей) и 1 схематич. почвен. карта.

Названные два тома „Трудовъ“ есть результатъ работъ экспедиціи, снаряженной главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія для изслѣдованія земель Печорскаго края. Мысль о снаряженіи этой экспедиціи возникла въ связи съ вопросомъ о разработкѣ нефтеносныхъ земель въ бассейнѣ р. Ухты, притока р. Печоры, но въ концѣ-концовъ передъ экспедиціей была поставлена совершенно иная цѣль, и она занялась изслѣдованіемъ земель обширнаго Печорскаго края съ точки зрѣнія пригодности ихъ для колонизаціи. Хотя работы экспедиціи продолжались всего два лѣта 1908 и 1909 гг. и хотя она далеко не изслѣдовала всего того, что должна была изслѣдовать, а до ухтенскихъ нефтеносныхъ земель даже и не добралась, всетаки работу ея нельзя не признать весьма полезной.

Мы не можемъ раздѣлять оптимизма участниковъ „Трудовъ“ и, главнымъ образомъ, ихъ редактора П. И. Соколова относительно колонизаціоннаго будущаго изслѣдованныхъ ими земель, но съ однимъ результатомъ ихъ работъ нельзя не согласиться: мы слишкомъ мало знакомы еще съ нашимъ отечествомъ, и то, что на основаніи имѣющихся скудныхъ свѣдѣній склонны считать мертвымъ тѣломъ, лишь безполезно увеличивающимъ размѣры нашего и безъ того слишкомъ обширнаго отечества, при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается потенціально, по крайней мѣрѣ, весьма цѣннымъ его придаткомъ. Такова изслѣдованная

экспедиціей П. И. Соколова часть Печорскаго края, таковы же, вѣроятно, и другія еще неизслѣдованныя части нашего Европейскаго Сѣвера. При всѣхъ своихъ недостаткахъ „Труды экспедиціи“ написаны объективно и сообщаютъ весьма интересныя и важныя свѣдѣнія о Европейскомъ Сѣверѣ Россіи.

Содержаніе „Трудовъ“ въ общемъ раздѣляется на введеніе и заключеніе и 5 главъ: I—историко-статистико-экономическій очеркъ, II—геологія и почвы, III—ботаническій очеркъ, IV—пути сообщенія и V—климатическій очеркъ. Цѣннымъ дополненіемъ къ тексту „Трудовъ“ нужно признать обильные фотографическіе снимки, весьма наглядно изображающіе, такъ сказать, физіономію края. Они даютъ возможность очень живо представить себѣ изслѣдованный экспедиціей край.

А. Бабковъ.

Giuseppe Prato. Il protezionismo operaio. L'esclusione del lavoro straniero. (Studi del Laboratorio di Economia politica „S. Cognetti de Martiis“ della R. Università e del Regio Politecnico di Torino.) Torino, Società Tipografico-Editrice Nazionale, 1910, pag. 236. Цѣна 5 лиръ.

Настоящая работа, разсматривающая одинъ изъ кардинальныхъ вопросовъ рабочей политики, можетъ быть разбита на двѣ части. Въ первой авторъ кратко и съ большимъ знаніемъ вопроса излагаетъ исторію законодательствъ культурныхъ странъ Европы, Азіи, Австраліи и Америки относительно иммиграціи. Прато показываетъ, въ силу какихъ историческихъ и экономическихъ соображеній притокъ рабочихъ рукъ, охотно поощряемый въ XVIII и началѣ XIX столѣтій, во второй половинѣ прошлаго вѣка сталъ затрудняться постепенно въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Австраліи и т. д. Что процессъ этотъ имѣлъ мѣсто всюду, авторъ иллюстрируетъ на рядѣ примѣровъ. Въ этой части своей работы Прато даетъ прекрасную сводку законодательствъ всѣхъ странъ въ отношеніи иммигрирующихъ туда рабочихъ.

Вторая часть работы (главы 5 и 6), въ которой авторъ говоритъ о „характерѣ и экономическихъ послѣдствіяхъ трудового протекціонизма“ и о „предѣлахъ вмѣшательства государства въ иммиграціонный вопросъ“, страдаетъ крупными недостатками. Авторъ правильно констатируетъ, что „демографическій протекціонизмъ“ идетъ рука объ руку съ протекціонизмомъ торговымъ. Правильно указываетъ Прато, что рабочія аристократіи всѣхъ индустріальныхъ странъ теперь желаютъ оградить себя отъ иммигрантовъ, какъ въ первой половинѣ XIX ст. рабочіе хотѣли не допустить машинъ въ промышленность.

Но Прато не остановился на *причинахъ* этой борьбы „аристократовъ“ труда (квалифицированныхъ рабочихъ) съ „плебеями“, сводящейся въ концѣ-концовъ къ желанію первыхъ нормировать цѣны на рабочія руки. Умолчалъ Прато и о томъ, что цѣны на трудъ колеблются въ зависимости отъ дороговизны жизни, слѣдовательно, протекціонизму торговому *долженъ* сопутствовать протекціонизмъ демографическій; ergo, борьба съ иммиграціей—явленіе, не зависящее отъ капризовъ законодателя и туземныхъ рабочихъ, а естественный продуктъ всей экономической жизни данныхъ странъ.

Вотъ почему утвержденіе Прато, что „трудовой протекціонизмъ“ явленіе характерное для странъ „невѣжественныхъ въ экономиче-

скихъ доктринахъ", представляется несообразнымъ и свидѣтельствуетъ о фритредерскомъ доктринерствѣ автора. Сводя роль государства къ нулю, авторъ побиваетъ самого себя: можно было бы показать, что прославляемые имъ успѣхи эмигрантовъ въ странахъ Южной Америки объясняются не равнодушіемъ государства, а напротивъ того, его вмѣшательствомъ, энергично поощрявшимъ морально и матеріально вселеніе „плебеевъ" труда.

Несмотря на этотъ крупный недостатокъ, доктринерство, въ которомъ обнаруживается слабость соціологической мысли, работа Прато заслуживаетъ вниманія всѣхъ лицъ, интересующихся иммиграціоннымъ вопросомъ и проблемой „трудового протекціонизма".

П. Я. Рыссъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Марсель Эберъ. Прагматизмъ, изслѣдованіе его различныхъ формъ.—*Л. М. Лопатинъ.* Философскія характеристики и рѣчи.—*Dr. Emil Lask.* Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre.

Марсель Эберъ. **Прагматизмъ, изслѣдованіе его различныхъ формъ. Пер. съ 2-го франц. изд. З. А. Введенской, подъ ред. М. А. Лихарева, съ предисловіемъ проф. А. И. Введенскаго. Спб., 1911 г. Стр. 140. Ц. 85 к.**

Небольшая книжка брюссельскаго профессора Марселя Эбера о прагматизмѣ, не отличаясь особой оригинальностью и глубиной, все же даетъ правильное изложеніе и иногда удачную критику этого новѣйшаго философскаго движенія. Ея нельзя рекомендовать для первоначальнаго ознакомленія съ прагматизмомъ; она скорѣе предполагаетъ уже знакомство съ нимъ, такъ какъ изложеніе его у Эбера отчасти слишкомъ конспективно, отчасти же касается деталей и отдѣльныхъ спорныхъ пунктовъ. Главная цѣнность книжки состоитъ въ изложеніи многообразныхъ формъ прагматизма, во многихъ отношеніяхъ не совпадающихъ между собой. Эберъ посвящаетъ отдѣльныя главы ученіямъ Пирса, Джемса, Шиллера, предшественникамъ прагматизма, и разнымъ (преимущественно французскимъ) формамъ религіознаго прагматизма (пропущена только родственная прагматизму логическая теорія Дьюи). Обиліе цитатъ и сопоставленій мнѣній разныхъ представителей ученія, до нѣкоторой степени затемняя изложеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ обогащаетъ оцѣнку живымъ конкретнымъ матеріаломъ. Интересно, напр., сужденіе представителя крайняго итальянскаго прагматизма, Прецполини: „ученый есть лжецъ, полезный для общества; лжецъ же есть ученый, полезный для отдѣльной личности",—сужденіе, свидѣтельствующее о томъ, къ чему можетъ провести прямолинейно продуманный прагматизмъ. Вполнѣ справедливо Эберъ отграничиваетъ религіозную гносеологію французскаго модернизма (Леруа и др.) и интуитивизмъ Бергсона отъ англо-американскаго прагматизма. Любопытны указанія на прагматическіе мотивы у Руссо, Шатобріана, Ницше, Ричля. Критика Эбера не особенно глубока: онъ не противопоставляетъ гносеологіи прагматизма какой-либо самостоятельной и продуманной гносеологической теоріи и ограничивается лишь уясненіемъ односторонности и бѣдности гносеологіи прагматизма. Признавая, вмѣстѣ съ прагматизмомъ, гносеологическую цѣнность

практической стороны знанія, онъ подчеркиваетъ, что эта сторона не можетъ исчерпывать природы „истины“ или знанія и что на-ряду съ ней мы должны признавать самодовлѣющую теоретическую цѣнность знанія. Конечно, въ такомъ рѣшеніи вопроса обойдена основная и принципіальная проблема, въ острой постановкѣ которой состоитъ заслуга прагматизма: проблема смысла понятія „истина“. Тѣмъ не менѣе даже предварительныя и элементарныя соображенія Эбера съ полной очевидностью показываютъ, что критерій прагматизма либо явно противорѣчитъ объективной природѣ знанія, либо же—при попыткѣ охватить также теоретическій смыслъ истины—становится расплывчатымъ и многозначнымъ. Такая именно расплывчатость мыслей присуща приложенному къ книгѣ Эбера возраженію на нее Джемса. Основной скептическій и нигилистическій мотивъ прагматизма, прикрываемый, но не устраняемый неясностью его терминовъ, совершенно правильно уясненъ Эберомъ.

С. Франкъ.

Л. М. Лопатинъ. **Философскія характеристики и рѣчи. Книгоиздательство „Путь“. М., 1911 г. 393 стр. Ц. 3 р.**

Цѣннымъ философскимъ статьямъ проф. Л. М. Лопатина угрожала опасность затеряться для широкой публики на страницахъ журнала *Вопросовъ Философіи и Психологіи*. Книгоиздательство „Путь“ изданіемъ сборника этихъ статей, посвященныхъ характеристикѣ западно-европейскихъ и русскихъ мыслителей, оказало серьезную услугу нашему философскому просвѣщенію.

Исторіи западно-европейской философіи посвящены статьи: Декартъ какъ основатель новаго философскаго и научнаго міросозерцанія, Лейбницъ, ученіе Канта о познаніи, нравственное ученіе Шопенгауэра. Въ изложеніи міросозерцаній названныхъ философовъ проф. Лопатинъ проявляетъ удивительную способность ярко и крайне удачно вырисовывать основной мотивъ міросозерцанія даннаго мыслителя и затѣмъ, исходя отсюда, освѣщать и дѣлать понятными всѣ переходы и подробности его мысли. Читая статьи проф. Лопатина, видишь, какъ глубоко вдумывается онъ именно въ отдѣльныя философскія ученія съ тѣмъ, чтобы получить отвѣтъ на вопросъ, на какихъ основахъ строилась современная мысль и крѣпки ли эти основы. И полученный отвѣтъ гласитъ: нѣтъ, не крѣпки, основныя предпосылки современной философской мысли насъ далѣе удовлетворять не могутъ.

Въ этомъ отношеніи знаменательна въ сборникѣ блестяще написанная статья: „Настоящее и будущее философіи“. Перебравъ современныя философскія направленія, проф. Лопатинъ приходитъ къ выводу: „въ философіи создалась тепличная и затхлая атмосфера условныхъ аксіомъ, искусственныхъ школьныхъ проблемъ и запретныхъ вопросовъ“; лишь прагматизмъ привлекаетъ къ себѣ симпатіи автора. Конечный выводъ таковъ: „философія должна пересмотрѣть свой умственный багажъ, должна бросить все лишнее и ненужное и въ неисчерпаемомъ богатствѣ и многообразіи дѣйствительности искать живого примиренія своихъ теоретическихъ запросовъ и нравственныхъ чаяній“.

Второй циклъ статей относится къ русской философіи. Какъ правильно сказано въ предисловіи издателей, эти статьи легко можно объеди-

нить заглавіемъ: Московскіе идеалисты второй половины XIX столѣтія. Онѣ представляютъ большую цѣнность для будущаго историка судебъ русской философіи, ибо рисуютъ подробную картину цѣлаго философскаго направленія, включая сюда и второстепенныхъ представителей его. Затѣмъ онѣ важны и въ принципіальномъ отношеніи: авторъ стремится въ нихъ показать, что̀ цѣннаго и новаго вноситъ это направленіе въ оскудѣвающую сокровищницу европейской мысли.

Въ общемъ философская цѣнность сборника внѣ сомнѣнія. Остается только пожелать, чтобы поскорѣе были собраны и тѣ статьи Л. М. Лопатина, въ которыхъ онъ излагаетъ и обосновываетъ *свое* собственное философское міросозерцаніе. *П. Блонскій.*

Dr. Emil Lask. **Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre. Eine Studie über den Herrchaftsbereich der logischen Form. Tübingen. Verlag von J. C. B. Mohr. 1911. VIII+276.**

Непосредственная задача, которую поставилъ себѣ Ласкъ, заключается въ расширеніи ученія о логическихъ формахъ въ трансцендентальномъ смыслѣ ученіемъ о тѣхъ категоріяхъ, въ которыхъ мыслятся и эти формы, какъ объектъ теоретическаго знанія. Такъ какъ философія, какъ наука о нечувственныхъ содержаніяхъ нашего мышленія, поскольку она не становится метафизикой, имѣетъ своимъ предметомъ познаніе конститутивно-формальныхъ элементовъ нашего знанія, то этотъ новый рядъ логическихъ категорій, на который Ласкъ обращаетъ вниманіе, и долженъ стать предметомъ *логики философіи.*—Во главѣ этой пренебреженной до сихъ поръ области логическаго изслѣдованія, какъ справедливо показываетъ авторъ, стоитъ формальная категорія значимости, которою опредѣляется мѣсто нахожденія всѣхъ логическихъ формъ вообще (напр., бытія, причинности и т. д.), между прочимъ и ея самой, какъ специфической категоріи. Эта сфера значимости и подчинена всѣмъ непримѣнимымъ къ реальному бытію логическимъ отношеніямъ, которыя выступаютъ здѣсь въ своемъ конститутивномъ значеніи, т.-е. какъ условія мышленія того специфическаго содержанія, къ которому они относятся. Поэтому, напр., примѣненіе отношенія основанія къ слѣдствію и обусловлено переходомъ къ сферѣ значимостей, и при этомъ исключительно характеромъ этой сферы, а не конкретнымъ ея содержаніемъ, т.-е. независимо отъ того, имѣется ли въ виду значимость теоретическая, или какая-нибудь иная, напр., эстетическая. Изъ этого послѣдняго обстоятельства и слѣдуетъ, что ограниченіе значимости лишь той областью нечувственнаго, къ которой относятся логическія формы, объясняется не только тѣмъ, что для теоретическаго познанія матеріальныхъ элементовъ нечувственнаго (напр., добра, красоты), какъ они сами по себѣ, у насъ нѣтъ соотвѣтственныхъ категорій,—если отвлечься, конечно, отъ возможности метафизики, но, главнымъ образомъ, и тѣмъ, что сфера значимости и всѣ связанныя съ ней логическія отношенія независимы отъ какихъ бы то ни было вносимыхъ въ нее конкретныхъ моментовъ. Такимъ образомъ, выдѣленіемъ вопроса о значимости въ особую вѣтвь ученія о категоріяхъ косвенно достигается освобожденіе формальной идеи значимости отъ тѣхъ матеріальныхъ моментовъ, которые превращаютъ ее въ конкретную идею *цѣнности.* Въ этомъ косвенномъ результатѣ мы и усматриваемъ особенное

значеніе изслѣдованія Ласка, которое имѣетъ поэтому въ извѣстной степени характеръ попытки систематически осуществить созрѣвшую въ лагерѣ трансцендентализма подъ вліяніемъ внутренней критики мысль объ отдѣленіи идеи значимости отъ идеи цѣнности.

Въ связи съ основной своей задачей Ласкъ намѣчаетъ еще цѣлый рядъ мыслей и ученій, которыхъ мы не можемъ здѣсь ближе коснуться. Укажемъ лишь, что рядомъ съ возникающей у него проблемой заполненія общихъ логическихъ формъ содержаніемъ, которое должно вести къ ихъ дальнѣйшей дифференціаціи, наиболѣе заслуживающимъ вниманія является еще отдѣленіе конститутивныхъ формъ философскаго знанія отъ общихъ рефлективныхъ категорій, т.-е. категорій формальной логики, имѣющихъ свой источникъ въ противопоставленіи субъекта объекту. Самъ авторъ признаетъ, однако, что изложеніе этихъ мыслей носитъ у него пока характеръ предварительный, а потому и слишкомъ общій. Дѣйствительно, это обстоятельство въ связи съ своеобразіемъ терминологіи и языка,—иногда поразительно мѣткаго и яркаго,—лишаетъ книгу желанной прозрачности и даже нѣсколько затрудняетъ читателю уясненіе ея руководящей мысли.

Вен. Гинцбергъ.

СОЦІОЛОГІЯ.

Emil Hammacher. Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus.—*І. П. Миллеръ.* Половая мораль и освобожденіе женщины.

Emil Hammacher. **Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus. Unter Berücksichtigung seiner Fortbildung und des Sozialismus überhaupt. Leipzig, 1909.** (Duncker u. Humblot.) **Ss. XI+730.** (Э. Гаммахеръ. **Философско-экономическая система марксизма.**)

Авторъ, какъ и многіе его предшественники, усматриваетъ въ марксизмѣ своеобразный синтезъ философскихъ идей Гегеля и Фейербаха, теорій французскаго соціализма и ученій англійскихъ экономистовъ. При изложеніи и критикѣ матеріалистическаго пониманія исторіи Г. пользуется удобной схемой: онъ различаетъ соціальную статику и соціальную динамику, относя къ первой общее ученіе о взаимной связи между экономическимъ базисомъ и идеологическими надстройками, а ко второй—ученіе о формахъ измѣненія экономическаго базиса со всѣми надстройками. Въ соціальной статикѣ Г. находитъ у Маркса и Энгельса два основныхъ, отчасти противорѣчащихъ другъ другу теченія мысли: ученіе объ идеологіи, какъ объ обманчивомъ отраженіи матеріальныхъ процессовъ въ людскихъ головахъ („эмпиристическое обоснованіе“), и ученіе объ идеологіи, какъ о порожденіи классовыхъ экономическихъ интересовъ („психологическое обоснованіе“). Оба ученія, послѣ подробной критики, авторомъ рѣшительно отвергаются. Въ соціальной динамикѣ съ особенной ясностью обнаруживается сила вліянія гегелевскихъ идей въ системѣ марксизма. Г. доказываетъ, что „діалектическій методъ“—вовсе не случайная примѣсь въ марксизмѣ, а наоборотъ занимаетъ въ немъ очень важное мѣсто, и хотя находится въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ матеріализмомъ Маркса и Энгельса, но, съ другой стороны, до извѣстной степени какъ бы гармонируетъ съ некритической, догматической позиціей обоихъ основоположни-

ковъ марксизма въ области теоріи познанія (см. особ. Ss. 395, 502, 504, 515 ff.). Заслуживаютъ вниманія замѣчанія Г. по адресу „соціализирующихъ кантіанцевъ и кантіанствующихъ соціалистовъ". Г. соглашается, что между Марксомъ и Кантомъ существуетъ извѣстное родство. Но это—родство отдаленное, получившееся лишь благодаря общему родству соціализма съ либерализмомъ. Въ этикѣ Канта, по мнѣнію Г., содержится элементъ, нарушающій ея строго формальный характеръ и являющійся отраженіемъ міросозерцанія просвѣщеннаго либерализма, этотъ элементъ—идея равенства. Неокантіанцевъ Г. упрекаетъ въ томъ, что они упустили изъ вида связь кантовской этики съ либерализмомъ, а „кантіанствующимъ соціалистамъ", кромѣ того, ставитъ еще въ упрекъ, что они почему-то принимаютъ на вѣру, оставляя безъ всякихъ доказательствъ, произвольное предположеніе, будто соціалистическій строй можетъ обезпечить осуществленіе равенства. Свою собственную формулу общественнаго идеала Г. основываетъ на принципѣ культуры, въ пониманіи котораго онъ примыкаетъ къ Риккерту. Съ точки зрѣнія полученнаго такимъ образомъ соціальнаго идеала Г. осуждаетъ какъ соціализмъ, такъ и капитализмъ въ чистомъ видѣ. Наиболѣе желательнымъ и вѣроятнымъ Г. считаетъ дальнѣйшее усиленіе соціалистическихъ началъ,—но безъ уничтоженія частной собственности и частной предпріимчивости вообще,—въ современной хозяйственной системѣ, уже теперь представляющей смѣсь началъ капиталистическихъ съ соціалистическими.

А. Рыкачевъ.

І. П. Миллеръ. (Авторъ моей системы.) Половая мораль и освобожденіе женщины. Съ приложеніемъ статьи Фореля „Половой вопросъ и медицина". Изданіе не указано. Перев. подъ редакціей А. С. Балавинскаго (съ какого языка не указано). Стр. 314. М., 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

Книга І. Миллера затрагиваетъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ не принято, неловко говорить именно потому, что они касаются всегда интимныхъ отношеній, не имѣющихъ никакого отношенія къ обществу. Какъ не принято, напримѣръ, занимать общество разговорами о самомъ себѣ, какъ бы это ни было интересно для самого говорящаго, какъ не принято говорить о вкусовыхъ наслажденіяхъ, объ ощущеніяхъ при выигрышахъ, такъ неловко распространяться о половыхъ переживаніямъ. Авторъ совершенно не считается съ этими установившимися привычками и говоритъ о личныхъ переживаніяхъ и отношеніяхъ мужчины и женщины такъ свободно и съ такими подробностями, что читателю неловко дѣлается не только читать, но и просто держать книгу на своемъ столѣ.

Авторъ, впрочемъ, мало вообще стѣсняется. О себѣ онъ чрезвычайно высокаго мнѣнія: „Я надѣюсь, найдутся люди,—говоритъ онъ,—которые повѣрятъ въ правильность моихъ взглядовъ. *Доказательствъ* же для нихъ у меня *нехватаетъ*, какъ и у всѣхъ другихъ лицъ, *формулировавшихъ нравственныя заповѣди*" (стр. 16).

Освобожденіе женщины авторъ видитъ въ томъ, чтобы она въ самой ранней молодости, до выхода замужъ, знала и умѣла примѣнять всѣ предохранительныя средства противъ дѣторожденія. Тогда, по его мнѣнію, браки могутъ заключаться въ совсѣмъ молодомъ возрастѣ; половое воздержаніе авторъ считаетъ ни къ чему не ведущимъ и потому безполезнымъ. При этомъ онъ полагаетъ, что производить дѣтей можно

только съ 30-лѣтняго возраста, то-есть когда мужчина добьется уже средствъ, необходимыхъ для прокормленія своей семьи. Иное рѣшеніе вопроса и не приходитъ въ голову автору.

Языкъ книжки вульгаренъ; помимо восхищенія самимъ собою, авторъ постоянно употребляетъ выраженія вродѣ: „педагоги ходятъ вокругъ да около (полового вопроса), какъ кошки вокругъ блюдца съ горячей кашей“ (стр. 64).

Имя автора „Моей системы“ создало въ Даніи и создастъ, вѣроятно, у насъ большой спросъ на его настоящую книгу, но идея его не нова, а разработка ея не отличается ни оригинальностью, ни глубиной.

Л. Френкель-Полтавцева.

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Дж. Стифенъ. Очеркъ доказательственнаго права.

Дж. Стифенъ. **Очеркъ доказательственнаго права. Переводъ съ 8-го англійскаго изданія съ вступительными статьями П. И. Люблинскаго. Спб., 1910 г. CXVIII + 155 стр.**

Составители судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, мотивируя необходимость отмѣны формальной теоріи доказательствъ, поясняли, что отсутствіе въ законахъ постановленій объ оцѣнкѣ доказательствъ не должно означать отсутствія всякой теоріи доказательствъ. Они ссылались при этомъ въ особенности на примѣръ Англіи, гдѣ судейское убѣжденіе основывается „не на простомъ и личномъ каждаго изъ судящихъ взглядѣ на то или другое доказательство, а на строгомъ обсужденіи онаго по указаніямъ науки и юриспруденціи, выработавшихъ самую теорію доказательствъ“, и выражали надежду, что „также точно будетъ и у насъ, потому что юридическое образованіе видимо распространяется, а судебная практика успѣла уже, кажется, утвердиться на прочныхъ основаніяхъ, вслѣдствіе чего съ отмѣною законной теоріи доказательства придетъ въ помощь судьѣ и наука и юриспруденція“.

Съ тѣхъ поръ прошло почти полвѣка, и съ грустью приходится констатировать, что надежды эти не оправдались. Напутственное слово предсѣдателя, на которое составители уставовъ возлагали столь большія надежды, за немногими исключеніями, не только не является проводникомъ научныхъ знаній при оцѣнкѣ доказательствъ, но нерѣдко противорѣчитъ и элементарному требованію безпристрастія въ изложеніи обстоятельствъ дѣла. Литературы же по доказательственному праву у насъ почти не существуетъ, да и имѣющіяся работы значительно устарѣли, какъ основанныя на старой англійской литературѣ, между тѣмъ какъ само англійское law of evidence, являющееся прототипомъ всякаго доказательственнаго права, находится и понынѣ въ состояніи живого и непрерывнаго развитія.

Поэтому изданіе на русскомъ языкѣ Digest of the law of evidence Стифена должно быть поставлено г. Люблинскому въ несомнѣнную заслугу. Сдѣланный имъ выборъ удаченъ. Книга Стифена, по правильному указанію г. Люблинскаго, въ очень сжатой формѣ систематизированныхъ правовыхъ положеній передаетъ догму англійскаго доказательственнаго права и въ этомъ отношеніи выгодно отличается

отъ пространныхъ и крайне казуистическихъ руководствъ Тейлора, Финсона и др. Рядомъ со Стифеномъ могла бы итти рѣчь еще о Бестѣ, книга котораго представляетъ, на нашъ взглядъ, существенныя преимущества для ознакомленія съ юридическимъ ученіемъ о доказательствѣ въ виду того, что въ отличіе отъ Стифена у Беста излагаются и общія теоретическія основы ученія о доказательствѣ. Но г. Люблинскій и въ этомъ отношеніи заполнилъ очеркъ Стифена собственнымъ своимъ вступленіемъ, разросшимся почти до половины всей книги. Въ этихъ вступительныхъ статьяхъ — ясныхъ, содержательныхъ и вполнѣ отражающихъ современное состояніе науки—г. Люблинскій устанавливаетъ предметъ и значеніе ученія о доказательствахъ, выясняетъ основныя понятія теоріи доказательствъ вообще и характерныя особенности, присущія именно судебнымъ доказательствамъ, и, наконецъ, даетъ очеркъ исторіи англійскаго доказательственнаго права.

Е. Кулишеръ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

А. А. Николаевъ. Хлѣба и свѣта! Матеріальный и духовный бюджетъ трудовой интеллигенціи у насъ и за границей.—Теоретическіе и практическіе вопросы еврейской жизни.

А. А. Николаевъ. **Хлѣба и свѣта! Матеріальный и духовный бюджетъ трудовой интеллигенціи у насъ и за границей (по даннымъ анкеты „Вѣстника Знанія“). Подъ редакціей В. В. Битнера. Съ діаграммами и рисунками. Спб., 1910 г. Издательство „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера). Стр. 87. Ц. 60 к.**

Авторъ обработалъ результаты двухъ анкетъ, предпринятыхъ редакціей *Вѣстника Знанія* въ средѣ подписчиковъ этого журнала: о духовныхъ запросахъ читателей и о бюджетахъ. Не очень богатый, но все же интересный матеріалъ, полученный редакціей, является довольно характернымъ для тѣхъ общественныхъ слоевъ, изъ которыхъ пополняются ряды подписчиковъ всякаго рода дешевыхъ изданій по „самообразованію“, „народныхъ университетовъ“ и т. д. Въ числѣ 624 корреспондентовъ, отвѣтившихъ на анкету „о духовныхъ запросахъ“, преобладаютъ народные учителя, конторщики, служащіе и чиновники низшихъ ранговъ, учащіеся, образованные рабочіе, крестьяне, приказчики,— все народъ трудовой и бѣдный, съ бюджетами (по профессіональнымъ группамъ) отъ 363 р. до 708 р. въ годъ. Грустное впечатлѣніе производитъ контрастъ между удивительной тягой къ книжному знанію, наблюдаемому въ этихъ общественныхъ слояхъ, едва затронутыхъ просвѣщеніемъ, и жалкими условіями ихъ матеріальнаго быта. Но не одни матеріальныя условія печальны. Нельзя признать вполнѣ здоровой и ту духовную атмосферу, въ которую погружаетъ алчущихъ знанія имѣющаяся на рынкѣ литература по „самообразованію“. Старая тенденція, столь крѣпко утвердившаяся въ русскомъ обществѣ,—смотрѣть на книгу, какъ на какое-то боевое средство для завлеченія массъ подъ знамя той или другой соціально-политической программы,—эта тенденція мститъ за себя недобрыми плодами на нивѣ просвѣщенія. Она порождаетъ, съ одной стороны, полу-презрительное отношеніе къ подлинной, серьезной, академической наукѣ, а съ другой—суевѣрное представленіе о „само-

образованіи", какъ о какомъ-то чудодѣйственномъ суррогатѣ моральнаго совершенствованія и политическаго воспитанія. А. А. Николаевъ, между прочимъ, приводитъ, сопровождая особой похвалой, подробный отвѣтъ одного крестьянина-самоучки, „безпартійнаго интернаціонала", какъ онъ самъ себя называетъ (стр. 51—53): въ этомъ отвѣтѣ совершенно ясно выступаетъ непріятное самодовольство и очень опредѣленное, прочно сложившееся предубѣжденіе противъ научной традиціи и научной культуры, противъ профессоровъ и ученыхъ, противъ традиціонной школьной системы обученія. Общій тонъ книжки А. А. Николаева, какъ мнѣ кажется, скорѣе способенъ поощрить, чѣмъ ослабить этотъ нежелательный духъ самодовольства и верхоглядства, столь часто наблюдаемый, по понятнымъ причинамъ, среди людей, наскоро нахватавшихся безсистемныхъ знаній. Вступительныя разсужденія А. А. Николаева по вопросу о томъ, что такое интеллигенція, сводятся къ общему тезису: „интеллигенція—цвѣтъ человѣчества во всѣ эпохи, во всѣхъ странахъ" (стр. 15), а дальше корреспонденты, отвѣтившіе на анкету,—подписчики *Вѣстника Знанія*—все время разсматриваются, какъ самые подлинные представители „трудовой и демократической интеллигенціи". То-есть, подписчики *Вѣстника Знанія*—цвѣтъ человѣчества?...

Къ внѣшнимъ недостаткамъ книжки слѣдуетъ отнести то, что въ ней не приведенъ подлинный текстъ анкетныхъ вопросовъ.

А. Рыкачевъ.

Теоретическіе и практическіе вопросы еврейской жизни. Приложеніе къ журналу „Еврейскій Міръ". Спб., 1911 г. Стр. 250. Ц. 1 р. 50 к.

Первый сборникъ „Еврейскаго Міра" былъ посвященъ беллетристикѣ, настоящій, второй, сборникъ „предоставленъ обсужденію различныхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ жизни еврейскаго народа, жизни его экономической, политической и духовной"... Въ рамкахъ библіографической замѣтки невозможно критически разобраться въ разнообразныхъ статьяхъ 16-ти авторовъ,—о вопросахъ, ими поставленныхъ, можно только упомянуть, да и то о важнѣйшихъ.

Сборникъ открывается рѣчью марбургскаго профессора Германа Когена „о значеніи еврейства въ религіозномъ прогрессѣ человѣчества" (на V конгрессѣ свободнаго христіанства и религіознаго прогресса) и критической статьей о немъ Давида Койгена. [1]) Въ четырехъ статьяхъ обсуждается проблема еврейскаго націонализма. Сопоставленіе воззрѣній ихъ авторовъ, исходящихъ отъ различныхъ, нерѣдко исключающихъ другъ друга предпосылокъ, представляетъ большой интересъ, но и нѣкоторую трудность.

Полемизируя съ „націонализмомъ", „націоналистическими теченіями" въ еврействѣ, оперируя терминами „нація", „національность", „національный", „народный", „націоналистическій", авторы часто разумѣютъ подъ ними различныя понятія. Для облегченія спора В. Медемъ предлагаетъ изъ многочисленныхъ опредѣленій „націи" вмѣсто перечисленія признаковъ выдѣлить общій множитель, извѣстный минимумъ общепризнаннаго—культурную общность (Kulturgemeinschaft) (стр. 91). На этомъ

---

[1]) Ср. изложеніе рѣчи Когена въ замѣткѣ С. О. Марголина—*Русская Мысль*, мартъ.

всѣ, молъ, сойдутся. А что такое культурная общность, культура? В. Медемъ, констатируя, что различныя группы западнаго еврейства проникаются *чужой культурой*, приходитъ къ выводу, что „всемірное еврейство стало фикціей“ (стр. 101), „и если нельзя *еще* въ наше время говорить о нѣсколькихъ еврейскихъ націяхъ, то нельзя *уже* говорить о единой еврейской націи“ (стр. 97), а г. Бикерманъ говоритъ, что „никогда еще въ разсѣяніи единство еврейскаго народа не выражалось столь ярко, столь дѣйственно, какъ въ наши дни, когда въ общеніи и взаимодѣйствіи живутъ евреи разныхъ концовъ свѣта“. Очевидно, онъ „культурную общность“ понимаетъ шире Медема. Г. Бикерманъ исходитъ изъ *существованія* еврейской націи, какъ таковой, и видитъ еврейское культурное творчество во всѣхъ еврейскихъ дѣлахъ: „въ борьбѣ за свободу, въ эмиграціи, въ экономическомъ строительствѣ, въ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности“ (стр. 146); а вотъ г. Перельманъ по-третьему понимаетъ культуру и упрекаетъ г. Бикермана за смѣшеніе культуры съ цивилизаціей (стр. 167) и т. д... Разномысліе по всѣмъ почти пунктамъ. Нѣсколько особнякомъ стоитъ С. О. Марголинъ. Въ его статьѣ еврейская нація характеризуется, какъ коллективность, проникнутая универсалистическими тенденціями, причемъ еврейская универсальность должна быть направлена на претвореніе, синтезъ прежней еврейской культуры съ современною дѣйствительностью.

Упомянутыя наиболѣе интересныя статьи четырехъ разномыслящихъ авторовъ свидѣтельствуютъ о той работѣ мысли, которая нынѣ происходитъ внутри еврейства. Борьба за свободныя возможности сопровождается поисками ихъ смысла и содержанія.

Экономическій отдѣлъ представленъ значительно бѣднѣе статьями: 1) И. Эфрена—объ еврейской экономической политикѣ, 2) Л. Зака—о кооперативномъ сбытѣ ремесленныхъ издѣлій, 3) А. Котика—о бѣлостокской ткацкой промышленности. Первая, мало оригинальная статья, довольно удачно формулируетъ задачи еврейской экономической политики. Между прочимъ пріятно видѣть въ ней ссылку на малооцѣненные до сихъ поръ статьи С. О. Марголина (въ *Восходѣ*, за 1904 г.) „Объ еврейскихъ ремеслахъ“. Л. Закъ хорошо разработалъ маленькій, но интересный матеріалъ о 5-ти складахъ; описательная статья г. Котика не даетъ ни картины развитія, ни перспективы. Еще заслуживаетъ вниманія статья Г. Ляндау объ еврейской думской политикѣ, вызвавшая полемику автора съ Винаверомъ.

Я. Букшпанъ.

ПЕДАГОГИКА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Библіотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Подъ ред. Горбунова-Посадова. I. *Е. Симонъ.* Школа и хлѣбъ. II. *П. Б.* Вопль учащихся дѣтей. — *А. М. Обуховъ.* Ближайшіе практическіе вопросы народнаго образованія въ Россіи.

Библіотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Выпускъ XLIX. 1) Е. Симонъ. **Школа и хлѣбъ. Съ нѣмецкаго перевела О. Кайданова.** 2) П. Б. (по Джону Спарго). **Вопль учащихся дѣтей. Стр. 40. М., 1911 г. Ц. 25 к.**

За послѣднее время во всѣхъ культурныхъ странахъ развивается

сильное общественное движеніе, задающееся цѣлью обезпечить элементарныя блага просвѣщенія всему подрастающему поколѣнію. Казалось бы, тамъ, гдѣ начальное образованіе сдѣлано обязательнымъ, безплатнымъ и общедоступнымъ, эта цѣль уже достигнута. Но опытъ показалъ ошибочность подобнаго предположенія. Оказалось, что истощенныя и живущія впроголодь дѣти бѣдноты не въ состояніи воспринимать ученіе и выносятъ изъ школы послѣ семилѣтняго пребыванія въ ней скудные и быстро улетучивающіеся обрывки знаній. Съ цѣлью предотвратить это нежелательное явленіе и обезпечить просвѣтительное вліяніе школы на всѣхъ ея питомцевъ друзья просвѣщенія и стремятся къ организаціи правильнаго питанія голодающихъ школьниковъ. Горячими и популярными сторонниками этого движенія являются въ Германіи—Елена Симонъ и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—Джонъ Спарго, съ произведеніями которыхъ и знакомитъ насъ вышеупомянутая брошюра. Произведеніе Е. Симонъ переведено полностью, очерки же американскаго писателя—въ краткомъ изложеніи.

Появленіе разсматриваемой книжки можно только привѣтствовать. Недочеты въ питаніи школьниковъ, по справедливому замѣчанію переводчицы, даютъ себя знать въ Россіи гораздо больше, чѣмъ на Западѣ. Поэтому ознакомленіе съ тѣмъ, какъ пытаются устранить эти недочеты въ культурныхъ странахъ, является для насъ, русскихъ, весьма полезнымъ. Небольшая книжка написана крайне просто, популярно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всесторонне выясняетъ затронутый вопросъ. Въ книжкѣ приводятся многочисленныя данныя относительно питанія школьниковъ, обстоятельно доказывается необходимость улучшенія условій питанія и, наконецъ, разсказывается, какъ осуществляется эта задача въ Западной Европѣ. Жаль только, что редакція не дополнила книжки Е. Симонъ новѣйшими данными, собранными въ Германіи центральнымъ бюро народнаго благосостоянія и опубликованными въ его трудахъ („Die Ernährungsverhältnisse der Volksschulkinder“. Berlin, 1909). Но и въ настоящемъ своемъ видѣ книжка Е. Симонъ заслуживаетъ вниманія русской публики.

А. Горбуновъ.

А. М. Обуховъ. **Ближайшіе практическіе вопросы народнаго образованія въ Россіи. М., 1910 г. Стр. 206. Ц. 1 р.**

Несмотря на такое заглавіе, авторъ начинаетъ очень издалека. Первыя 46 страницъ книги посвящены борьбѣ за существованіе въ мірѣ животныхъ и человѣка, и нельзя сказать, чтобы сужденія автора въ этой области были всегда основательны и отвѣчали научному пониманію вопроса. Такъ, онъ полемизируетъ съ представленіемъ о борьбѣ за существованіе какъ о непосредственномъ физическомъ состязаніи или, какъ выражается авторъ, „грызнѣ“ двухъ животныхъ, тогда какъ такого представленія не существуетъ ни у кого сколько-нибудь знакомаго съ постановкой этого вопроса въ наукѣ, да и не можетъ быть уже потому, что борьба за существованіе, на которой, какъ извѣстно, построена дарвиновская теорія эволюціи, одинаково распространена какъ на животныя, такъ и на растительныя формы. Иногда даже справедливыя сужденія автора до нѣкоторой степени затемняются внесеніемъ въ нихъ этой идеи о борьбѣ за существованіе. Наприм., говоря далѣе о томъ, что при учрежденіи новыхъ учебныхъ заведеній обыкновенно, прежде

всего, ставится вопросъ объ ихъ правахъ, и возражая противъ такой постановки учебнаго дѣла, авторъ какъ будто не замѣчаетъ того, что вѣдь при нашемъ государственномъ и общественномъ устройствѣ эти справедливо не нравящіяся ему права суть именно одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ въ борьбѣ за существованіе.

Гораздо интереснѣе и содержательнѣе та бо́льшая по объему и существенная часть книги, которая говоритъ дѣйствительно о ближайшихъ практическихъ вопросахъ народнаго образованія. Въ ней несомнѣнно есть многія мысли, заслуживающія самаго серьезнаго вниманія. Такъ, въ главѣ „Чѣмъ заниматься въ четырехлѣтней начальной школѣ?“ очень обстоятельно и, очевидно, съ близкимъ практическимъ знакомствомъ съ народною школой разсматривается насущный въ настоящее время вопросъ о народной школѣ съ четырехлѣтнимъ курсомъ, причемъ очень убѣдительно доказывается безплодность затраты дорогого времени на грамматику и орѳографію и возможность и важность введенія въ курсъ начальной школы исторіи, географіи и естественныхъ наукъ. Очень много такихъ же практическихъ свѣдѣній имѣется и въ главѣ о народной школѣ высшаго типа, гдѣ изложенъ подробный планъ такой школы. Въ общемъ можно сказать, что книга г. Обухова, несмотря на нѣкоторое излишнее, какъ намъ кажется, загроможденіе ея вышесказанными, мало связанными съ ея сущностью, теоретическими разсужденіями, представляетъ собою цѣнный и богатый личными практическими наблюденіями вкладъ въ литературу по вопросу о реформѣ народной школы.

В. Линдъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Гампсонъ Шеферъ. Парадоксы природы.—*Дж. Дж. Томсонъ.* Корпускулярная теорія вещества.—*Н. Кабановъ.* Очерки по физіологіи здороваго и больного человѣческаго организма.—Біологическій журналъ, издав. при Зоологическомъ отд. И. О. Л. Е. А. и Э.—*А. Э. Шиплей и Э. В. Мэнъ-Брайдъ.* Курсъ зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній.—*В. Н. Линдъ.* Практическое руководство къ опредѣленію звѣрей, водящихся въ Европейской Россіи.—*Р. Г. Франсэ.* Чувствуютъ ли растенія?

Гампсонъ Шеферъ. **Парадоксы природы. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 3 таблицами и съ 64 рисунками въ текстѣ. Изд. Mathesis. Одесса, 1910 г. Стр. 193. Ц. 1 р. 20 к.**

Мы настолько привыкли къ окружающимъ насъ явленіямъ природы, что проходимъ мимо, не обращая особеннаго вниманія на то, что, несомнѣнно, представляетъ необычное явленіе. Стоитъ намъ только встрѣтиться съ человѣкомъ, который смотритъ на окружающее съ другой точки зрѣнія, и мы тотчасъ же назовемъ его взгляды парадоксальными. Между тѣмъ въ такихъ парадоксахъ заключается много истины; „часто въ дѣтской игрѣ скрывался глубокій смыслъ“. Книга распадается на 4 части: механическіе парадоксы, посвященные вопросамъ движенія, жидкостямъ и газамъ; парадоксы изъ области физическаго состоянія тѣлъ, гдѣ разбираются вопросы, касающіеся замерзанія, таянія, испаренія, теплопроводности, магнетизма и т. п.; химическіе—соединенія и распаденія; и, наконецъ, біологическіе парадоксы, посвященные человѣческимъ ощущеніямъ. Книжка написана съ увлеченіемъ и предста-

вляетъ глубокій интересъ для каждаго, интересующагося окружающими его явленіями. Изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго.

А. Лѣтникъ.

Дж. Дж. Томсонъ, проф. университета въ Кэмбриджѣ. **Корпускулярная теорія вещества. Переводъ съ англійскаго І. Левинтова, подъ редакціей „Вѣстника Опытной Физики и Элементарной Математики". Изд. Mathesis. Одесса, 1910 г. Стр. VI+162. Ц. 1 р. 20 к.**

Открытія второй половины XIX и начала XX вѣка совершенно измѣнили наши взгляды на строеніе вещества; физическое ученіе послѣднихъ лѣтъ кладетъ въ основу вещества электричество, а атомомъ вещества является опредѣленное сочетаніе положительнаго и отрицательнаго электричества. Нельзя, конечно, утверждать, что новая теорія является прочнымъ фундаментомъ, навѣкъ нерушимымъ; „теорія, о которой идетъ рѣчь, отнюдь не представляетъ собой послѣдняго слова; она преслѣдуетъ болѣе физическую цѣль, нежели метафизическую" (стр. 1). Названіе свое эта новая теорія получила отъ чрезвычайно тонкихъ частичекъ отрицательнаго электричества, именуемыхъ корпускулами. Книга выясняетъ намъ происхожденіе массы корпускула, ея свойства и число корпускулъ въ атомѣ; трудъ проф. Дж. Дж. Томсона составился изъ ряда лекцій, прочитанныхъ имъ весной 1906 года въ „Royal Institution". Корпускулярная теорія вещества представляетъ собой научное изложеніе основъ новой теоріи; она написана однимъ изъ ея творцовъ и, несомнѣнно, займетъ подобающее ей мѣсто въ научной физической литературѣ.

А. Лѣтникъ.

Н. Кабановъ. **Очерки по физіологіи здороваго и больного человѣческаго организма. М., 1910 г. Стр. 489. Ц. 2 р. 40 к.**

Авторъ въ предисловіи выясняетъ свою задачу такимъ образомъ: „Книга эта предназначена не для медиковъ, а для самыхъ широкихъ слоевъ интеллигенціи. Страннымъ образомъ знакомство съ физіологіей больного организма не считается обыкновенно необходимымъ въ цѣляхъ образовательныхъ, въ цѣляхъ общаго развитія". Это совершенно справедливое замѣчаніе даетъ намъ ключъ къ объясненію того, дѣйствительно, страннаго обстоятельства, что въ нашемъ образованномъ обществѣ можно бываетъ очень часто встрѣтить совершенно неосновательныя представленія и даже прямо предразсудки относительно всего, что касается до болѣзненныхъ явленій въ человѣческомъ организмѣ, а изъ этихъ ложныхъ представленій вытекаютъ затѣмъ, конечно, и столь же неосновательныя сужденія о томъ, какъ слѣдуетъ практически относиться къ тѣмъ или инымъ болѣзненнымъ явленіямъ. Книга д-ра Кабанова написана вполнѣ понятно для всякаго неспеціалиста, знакомаго только съ основными данными естественныхъ наукъ. Авторъ обращаетъ особое вниманіе на значеніе, какое его книга можетъ имѣть для народнаго учителя. Болѣзненныя явленія разсматриваются въ ней съ общей точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія патологіи отдѣльныхъ болѣзней. Она начинается описаніемъ органической клѣтки, ея состава и функцій. Затѣмъ слѣдуютъ главы о воспаленіи, о физіологіи системъ отдѣльныхъ органовъ дыханія, пищеваренія и т. д. Книга является важнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей общеобразовательной естественно-научной литературы.

В. Линдъ

Біологическій журналъ, издаваемый при Зоологическомъ отдѣленіи Имп. О-ва любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи. Томъ I. М., 1910 г. Ц. 5 р.

Недавно закончился первый годъ изданія „Біологическаго журнала". За истекшій годъ редакція его помѣстила 38 статей, изъ которыхъ половина является оригинальными, а половина — обзорами и рецензіями изслѣдованій разныхъ ученыхъ въ области біологіи.

Журналъ имѣетъ цѣлью обслуживать интересы естествоиспытателей спеціалистовъ, а не популяризацію научныхъ знаній. Но при всемъ томъ на страницахъ его не рѣдки статьи, которыя прочтутся съ интересомъ и полнымъ пониманіемъ даже мало подготовленнымъ читателемъ.

Особенно важны для широкаго круга читателей статьи-сводки, какъ, напр., „Основы химіотерапіи"—Л. С. Розенталя и „Современное состояніе вопроса о наслѣдственности"—И. Озембловскаго и А. И. Гурвича — „Главныя теченія въ цитологіи за послѣднее десятилѣтіе". Подобныя статьи, написанныя спеціалистами, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія и благодарности всѣхъ, кто хочетъ слѣдить за колоссальными успѣхами современной науки. Безъ такихъ обзоровъ трудно быть въ курсѣ работы разныхъ отдѣловъ даже одной и той же науки спеціалистамъ-ученымъ, и тѣмъ болѣе это трудно лицамъ, стоящимъ далеко отъ научныхъ центровъ и научныхъ библіотекъ, — для нихъ это совершенно невозможно, въ особенности при незнакомствѣ съ иностранными языками. Введеніе такихъ обзоровъ составляетъ крупную заслугу „Біологическаго журнала".

Нельзя поэтому не пожелать ему всяческаго успѣха и самаго широкаго распространенія. *В. Муралевичъ.*

А. Э. Шиплей и Э. В. Мэнъ-Брайдъ. **Курсъ зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній. Перев. В. Н. Львова и М. А. Мензбира. М., 1911 г. Стр. 647. Ц. 3 р.**

Главное содержаніе книги состоитъ въ изложеніи систематики животныхъ; но эта систематика построена въ ней на вполнѣ научныхъ основаніяхъ; характеристика различныхъ отдѣловъ: типовъ, классовъ и т. д., основана не только на морфологическомъ сходствѣ и различіи, но на родственной близости, доказываемой эмбріологическими и палеонтологическими фактами.

Въ первой главѣ, представляющей собою сжатое, но содержательное введеніе, устанавливаются общія понятія о животномъ, о составляющей тѣло животнаго протоплазмѣ, о движеніи, ростѣ и размноженіи, о значеніи вида, наслѣдственности и измѣняемости, наконецъ, о классификаціи животныхъ формъ и теоріи происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора. Въ числѣ высказанныхъ здѣсь положеній однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ является отрицаніе значенія для зоологіи вопроса о сознаніи животныхъ. „Такъ какъ мы не можемъ,—говорятъ авторы,—судить о сознаніи тѣхъ существъ, съ которыми мы не можемъ говорить, зоологи довольствуются изученіемъ животныхъ, совершенно оставляя въ сторонѣ, обладаютъ они сознаніемъ или нѣтъ; для нихъ животныя представляютъ собою только тѣла, въ которыхъ происходятъ извѣстныя измѣненія, каковы ростъ, размноженіе, движенія и др.". Въ такой безусловной формѣ съ этимъ положеніемъ, представляющимъ

рѣзкій протестъ противъ дѣйствительно неосновательнаго, встрѣчающагося нерѣдко въ зоологіи антропоморфизма, едва ли можно вполнѣ согласиться. Слѣдуетъ еще отмѣтить одну особенность настоящаго руководства—это то, что несмотря на признаніе авторами эволюціонной теоріи и дарвинизма, они съ крайней осторожностью пользуются ими при построеніи своей классификаціи животнаго царства и не пытаются включить всѣхъ извѣстныхъ животныхъ въ одинъ или нѣсколько непрерывныхъ рядовъ, прогрессирующихъ въ опредѣленномъ направленіи. По ихъ мнѣнію, есть цѣлыя группы животныхъ, стоящихъ особняками. Такъ, дойдя по постепенно восходящей лѣстницѣ до высшихъ животныхъ: позвоночныхъ и, наконецъ, млекопитающихъ и человѣка, мы снова встрѣчаемся въ руководствѣ съ такими уединенно стоящими формами, какъ плоскіе и круглые черви, немертины и коловратки. Вообще руководство это отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ науки и переводъ его займетъ видное мѣсто въ русской зоологической литературѣ.

В. Линдъ.

В. Н. Линдъ. **Практическое руководство къ опредѣленію звѣрей, водящихся въ Европейской Россіи. Съ предисл. проф. Мензбира. Ккигоизд. „Наука". 110 стр. Съ 11 рис. М. Ц. 35 к.**

Каждый любитель природы съ большой признательностью и большимъ удовольствіемъ встрѣтитъ появленіе этой дѣльно составленной и всѣмъ доступной какъ по цѣнѣ, такъ и по изложенію книжки, заполняющей одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ пробѣловъ нашей популярно-научной литературы. Въ оригинальной системѣ, позволяющей занимающемуся быстро ознакомиться съ систематической группировкой нашихъ звѣрей, авторъ даетъ характерные діагнозы 140—150 видовъ нашихъ млекопитающихъ, и, такимъ образомъ, русскій читатель впервые получаетъ возможность увѣренно различать, наприм., тѣ 13 видовъ летучихъ мышей или 8 видовъ полевокъ и т. д., которые встрѣчаются въ предѣлахъ Европейской Россіи.

П. Кротковъ.

Р. Г. Франсэ. **Чувствуютъ ли растенія? Перев. съ нѣмецкаго. Подъ редакціей И. П. Бородина. Спб., 1910 г. Стр. 111. Ц. 60 к.**

Не довольствуясь той поэзіей, которая сама собой проявляется въ природѣ, авторъ пытается опоэтизировать природу, разсматривая ее подъ особымъ угломъ зрѣнія и наводя на нее особое освѣщеніе, при которомъ такія существа, какъ растенія, оказываются имѣющими душу, т.-е. нѣчто аналогическое тому, что подъ этимъ названіемъ обыкновенно разумѣется у высшихъ животныхъ и человѣка. Какъ на предшественниковъ своихъ, онъ ссылается на натурфилософовъ и Фехнера, а изъ еще гораздо болѣе раннихъ—на Эмпедокла. Затѣмъ, переходя къ существу вопроса, онъ описываетъ много дѣйствительно крайне интересныхъ фактовъ, указывающихъ на существованіе у растеній явленій раздражительности, въ извѣстной мѣрѣ напоминающихъ подобныя же явленія у животныхъ. Ничто однако не доказываетъ, чтобы эти раздраженія сопровождались и ощущеніями, какъ у животныхъ, и если авторъ приходитъ прямо къ такому заключенію, то тутъ, конечно, играетъ очень большую роль субъективная его склонность видѣть описываемыя имъ явленія въ особомъ таинственномъ освѣщеніи, которое ему гораздо больше нравится, чѣмъ простое, трезвое отношеніе

къ нимъ. Въ связи съ этимъ стоитъ его нелюбовь къ Линнею и „настоящимъ ботаникамъ“, которые будто бы „отдалили насъ отъ природы“. „Гдѣ появлялся этотъ „настоящій ботаникъ“, тамъ умиралъ смѣющійся лучъ, тамъ блекла вся роскошь цвѣтовъ; украшеніе и радость нашихъ полей превращались въ засушенные трупы растеній, которые „настоящій ботаникъ“ нагромождалъ въ фоліантахъ своихъ гербаріевъ, заботясь только о томъ, чтобы описать ихъ обезцвѣченныя, раздавленныя тѣла въ тысячахъ хитрыхъ латинскихъ діагнозахъ“. Этимъ ученымъ ботаникамъ авторъ противопоставляетъ дядю Михалія, стараго рыбака и пастуха, пятьдесятъ лѣтъ жившаго на лонѣ природы въ Дунайскихъ плавняхъ и будто бы знавшаго ихъ лучше всякаго естествоиспытателя. Но съ послѣднимъ едва ли можно согласиться.

В. Линдъ.

Книжныя новости.

(Вышедшія по 2-е марта 1911 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы: а) общія сочиненія; б) монографіи и матеріалы. § 6. Критика; библіографія.

§ 1а. **Аверченко, А.** Разсказы. Смерчъ. Желтая журналистика. Кое-что о близорукости. Василисы темныя. Подъ лучемъ здраваго смысла. Черные дни. Вып. III. Спб., 1911. Изд. М. Г. Корнфельда. 64 стр. Ц. 10 к.

— Разсказы (юмористическіе). Кн. 2. Зайчики на стѣнѣ. Спб. 1911. Изд. „Шиповникъ“, 4-е. 199 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Амфитеатровъ, А. Бабы и Дамы. Междусословныя пары. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“, 2-е, перераб. и доп. 408 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Брешко-Брешковскій. Тайна доктора Альберта. Романъ. („Библіотека ужаса“ въ 12 томахъ. Т. III). М., 1911. Изд. изд-ва „Сфинксъ“. 264 стр. Ц. 1 р.

Бродскій, Н. Л. Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. (Унив. б-ка, №№ 506—507). М., 1911. Изд. „Польза“. 190+2 нен. стр. Ц. 20 к.

Бурнакинъ, А. Морская поэма. М., 1911. Изд. В. П. Португалова. 19 стр. Ц. 25 к.

Вербицкая, А. „Наши ошибки“. Повѣсть въ двухъ частяхъ. М., 1911. Изд. автора, 4-е. 144 стр. Ц. 1 р. 10 к.

Врангель, Н. А., бар. Стихотвореніе. Спб., 1911. 130 стр.

Герцо-Виноградскій, П. Т. (Лоэнгринъ). „Именины“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Одесса, 1911. Изд. „Одесскія Новости“. 14 стр. Ц. 25 к.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Съ многочисленными приложеніями. Т. I. Бѣдные люди. Двойникъ. Господинъ Прохарчинъ. Романъ въ девяти письмахъ. 484 стр. и 1 портр. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Хозяйка. Ползунковъ. Слабое сердце. Чужая жена и мужъ подъ кроватью. Честный воръ. Елка и свадьба. Бѣдныя ночи. 377 стр. и 1 портр. Ц. 1 р. 50 к. Т. III. Неточка Незванова. Маленькій герой. Дядюшкинъ сонъ. Спб. 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. 497 стр. и 1 портр. Ц. 1 р. 50 к.

— Собраніе сочиненій. Униженные и оскорбленные. Романъ въ 4-хъ частяхъ съ прологомъ. Спб., 1911. Изд. 8-е т-ва „Просвѣщеніе“. 520 стр. Ц. 1 р. 50 к. Подростокъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Т. I. 413 стр. Ц. 2 р. за два тома. Т. II. 439 стр. Идіотъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Ч. I—II. 492 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Дубнова, С. Осенняя свирѣль. Стихи. Спб., 1911. 138 стр. Ц. 1 р.

Дубровъ, И. Въ сумеркахъ жизни. Стихотворенія и прозаическія миніатюры. М., 1911. 124 стр. Ц. 80 к.

Дымовъ, О. Веселая печаль. (Юмористическіе разсказы). Спб. Изд. изд-ва „Шиповникъ“. 210 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Елеонскій, С. Разсказы. Т. II. Спб., 1911. Изданіе т-ва „Общ. Польза“. 301+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ермиловъ, В. Е. Въ память 19 февраля. Воля. Сборникъ. Завѣты лучшихъ людей отъ Радищева до Льва Толстого. Разсказы, стихи, народныя пѣсни, воспоминанія, сцены, характеристики, изреченія, біогр. очерки. Съ пред. П. С. Когана. М., 1911. Изд. Н. Н. Клочкова. IX+275 стр. Ц. 1 р. 35 к.

Зайцевъ, Б. Разсказы. Кн. 3. Спб., 1911. Изд. „Шиповникъ“. 206 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Земля. Сборникъ шестой. Семенъ Юшкевичъ, „Miserere“. Н. Сацъ, музыка къ драмѣ „Miserere“. А. Кипенъ, Мга. Н. Крашенинниковъ. Жизнь Игнатія Ильича. А. Купринъ. Гранатовый браслетъ. М.

1911. Изд. Моск. Книгоизд. 281 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Зиловъ, Л. Стихотворенія. Кн. 2. 1911. Изд. к-ва „Метели". 79 стр. Ц. 70 к.

Измайловъ, В. „Духа не угашайте!" Драматическая исторія съ прологомъ и въ трехъ главахъ. Спб., 1911. 84 стр. Ц. 50 к.

К., Павелъ (Казановскій). Аккорды грусти и печали. Въ странѣ Сфинкса. Батумъ, 1910. 267+3 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Киснемскій, С. П. Въ чемъ наша сила. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1911. Изд. А. Е. Киснемской. 52 стр. Ц. 75 к.

Короленко, В. Исторія моего современника. I. Раннее дѣтство и годы ученія. Спб., 1911. Изд. ред. „Русскаго Богатства", 2-е. IV+461 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Кохановскій, В. Студентъ Ивановъ. Разсказъ. Спб., 1911. Изд. „Освобожденіе". 46 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Лившицъ, Б. Флейта Марсія. Первая книга стиховъ. Кіевъ, 1911. 80 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Лухмановъ, Д. А. „На сушѣ и въ морѣ". Стихотворенія. Маріуполь, 1911. 52 стр.

Льдовъ, К. Н. Безъ размѣра и созвучій. Поэма въ прозѣ. Спб., 1911. Изд. „Новое издательство". 143 стр. Ц. 1 р.

Макалинскій, Я. Стихотворенія. Смоленскъ, 1911. 194 стр. Ц. 1 р.

Мережковскій, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Христосъ и антихристъ. Трилогія. I. Смерть Боговъ. Юліанъ отступникъ. Спб., 1911. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. VI+336 стр. Ц. 18 р. за 15 т.

(Мзареуловъ) Реулло, Н. Пѣсни ранняго заката. Тифлисъ, 1910. 392 стр. Ц. 1 р.

Мирза, П. Стихотворенія. I. На Бакинскія темы. II. Лирика. Баку, 1910. Изд. автора. 60 стр. Ц. 40 к.

Муйжель, В. В. Собр. сочин. Т. I. 1) Мужичья смерть. 2) Бабья жизнь. 3) Аренда и 4) Въ кухнѣ. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 325 стр. Ц. 1 р.

Мятлевъ, В. П. „Кошмары". Стихотворенія. Т. VI. (1906—1909). Орелъ, 1911. 363+IV стр. Ц. 1 р.

Ольнемъ, О. Н. Безъ иллюзій. Разсказы. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 330 стр. Ц. 1 р.

Оссендовскій, А. М. Въ людской пыли. Повѣсть. Спб., 1911. 191 стр. Ц. 1 р.

Пагиревъ, Д. Д. Стихотворенія. Тифлисъ, 1911. 88 стр. Ц. 50 к.

Петрусевичъ, В. И. Плоды раздумья. Сборникъ литературно-художественный въ память 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. Спб., 1911. 270 стр. Съ 10 рис. Ц. 1 р.

Разумова, М. Подснѣжникъ. Сказка въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Казань, 1911. Изд. автора. 22 стр.

Розановъ, И. и Сидоровъ, Н. Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ (Унив. б-ка, № 508—9). М., 1911. Изд. „Польза". 207 стр. Ц. 20 к.

Русовъ, Н. Н. Отчій домъ. Романъ въ двухъ частяхъ. М., 1911. Изд. т-ва „Образованіе". 175 стр.

Садовскій, Б. Узоръ чугунный. Разсказы. М. 1911. Изд. к-ва „Альціона". 131+16 нен. стр. Ц. 1 р.

Саксаганская, А. Драматическія сочиненія. Томъ III. Спб., 1911. 163 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Салтыковъ, М. Е. Полное собраніе сочиненій. Т. XII. Пошехонская старина. Брусинъ. Спб., 1911. Изд. 5-е т-ва А. Ф. Маркса. 709 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Семеновъ, Вл. Расплата. Трилогія. III. Цѣна крови. Спб. 1911. Изд. 2-е, посм., т-ва М. О. Вольфъ. 182 стр. Ц. 1 р.

Семеновъ, М. И. (Полянскій). Загубленные. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Камышинъ, 1910. Изданіе автора. 80 стр. Ц. 1 р.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы. Т. V. Сумерки. Врагъ. Изъ жизни Макарки Брюхана. Сотскій. Егоръ Липатовъ. Старость. Игнатъ. М., 1911. Изд. „Посредника". 201 стр. Ц. 90 к.

Серафимовичъ, А. Дѣвушка за стѣной. Сцены обыденной жизни въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М., 1911. Изд. театр. библ. Вейхель. 47 стр.

Сивковъ, К. В. Крѣпостное право и русская изящная литература (1762—1861 гг.). М., 1911. 37 стр. Ц. 15 к.

Скадовскій, Л. Преступникъ. Драматическая поэма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Херсонъ, 1911. 49 стр.

Сосунцовъ, Е. Ѳ. Антихристъ. Поэма. Казань, 1911. Изд. автора, 2-е. 20 стр.

Суворинъ, А. С. Татьяна Рѣпина. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1911. Изд. 4-е испр. А. С. Суворина. 141 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Сѣверянинъ, И. Электрическіе стихи. Четвертая тетрадь третьяго тома. Брошюра тридцатая. Спб., 1911. 24 стр. Ц. 50 к.

Танъ, В. Г. Собраніе сочиненій. Т. VI. За океаномъ. Романъ. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 314 стр. Ц. 1 р.

Татищевъ, Л. Мелкіе разсказы и стихотворенія. Спб., 1911. 176+3 нен. стр.

Толстой, Л. Н., графъ. Сочиненія. Ч. I. Дѣтство, отрочество и юность. М., 1911. Изд. гр. Толстой, 12-е. 420+1 нен. стр.+1 портр. Ч. XIV.—673+2 стр. Ч. XV.—519 стр. Ч. XVI.—552 стр. Ч. XIX.—766 стр. Ч. XX. „Мысли и письма". 491+3 стр.

Тургеневъ, И. С. Неизданныя произведенія. (Сокровищница русской литературы. „Произведенія русск. писателей, не вошедшія въ собраніе ихъ сочиненій", № 1).

Казань, 1911. Изд. изд. „Молодыя силы“. 29 стр. Ц. 12 к.

Теффи, Н. А. Юмористическіе разсказы. Кн. 1. Спб., 1911. Изд. „Шиповникъ“ 4-е. 220 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Черный, С. Сатиры. Кн. 1. Спб., 1911. Изд. 2-е, „Шиповникъ“. 232 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чеховъ, А. Разсказы. Т. XII. Спб., 1911. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. 392 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 50 к.

Чириковъ, Е. Провинціальная комедія. М., 1911. Изд. московскаго книгоизд. 1+273+16 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Шамонинъ, В., свящ. Пѣсни сердца. Вып. I. Спб., 1911. 31 стр. Ц. 20 к.

Шапиръ, О. Собраніе сочиненій со вступ. статьей. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Т. II. Антиноды. На разныхъ языкахъ. Изъ семейной прозы. Спб., 1910. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. 506 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Шубинскій, С. Н. Историческіе очерки и разсказы. Спб., 1911. Изд. 6-е. А. С. Суворина. VI+712 стр. Съ 89 рис. Ц. 4 р.

Эллисъ. Stigmata. Книги стиховъ. М., 1911. Изд. „Мусагетъ“. 171 стр. Ц. 2 р.

Юшкевичъ, С. (Сочиненія). Т. VI. Похожденія Леона Дрея. Хаимка и Іоська. Ѣдутъ. Семья. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. 364 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ѳедоровъ, А. М. Земля. Романъ. М., 1911. Изд. Московск. книгоизд. 294+16 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Собраніе сочиненій. Судьба. Романъ. Т. III. М., 1911. Изд. Н. Н. Клочкова. 184 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 16. Аданъ, П. Самоотверженныя сердца. Романъ. Перев. Ю. Слонимской. (Полное собр. сочин. Т. III). М., 1911. Изд. книгоизд. „Сфинксъ“. 287 + 1 нен. стр. Ц. 1 р.

Бойеръ, І. Спасеніе въ любви. Романъ. Спб., 1911. 176 стр. Ц. 1 р.

Бомарше. Безумный день или женитьба Фигаро. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Перев. съ франц. И. С. Платона и И. Н. Худолеева. (Унив. б-ка, № 350). М., 1911. Изд. „Польза“. 128 стр. Ц. 10 к.

Ванъ-Лербергъ, Ш. Панъ. Сатирическая комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. Перев. съ франц. С. А. Полякова. М., 1911. Изд. к-ва „Польза“. 78 стр. Ц. 10 к.

Верхарнъ, Э. Зори. Вновь пересм. пер. съ франц. А. Воротникова и С. Шамбинаго. (Унив. б-ка № 64). М., 1911. Изд. книгоизд. „Польза“. 96 стр. Ц. 10 к.

Гамсунъ, К. Новь. Романъ. Перев. съ норвежскаго М. П. Благовѣщенскаго. (Унив. б-ка, № 341—344). М., 1911. Изд. к-ва „Польза“. 318+2 нен. стр. Ц. 40 к.

Гауптманъ, Г. Крысы. Перев. Р. К. (Пьеса). (Полное собр. сочин. Т. V. 1-й полутомъ). М., 1911. Изд. В. М. Саблина. 188 стр. Ц. 1 р.

Гейерстанъ, Г. афъ. Мать и сынъ. Романъ. Перев. съ шведскаго К. Б. (Полное собр. сочин. Т. VII). М., 1911. Изд. „Современ. пробл.“. 285 стр. Ц. 1 р.

Гонкуры, Э. и Ж. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Гонкуръ, Эдмондъ. Элиза (La fille Elisa). Романъ. Перев. съ франц. М. Бередниковой, со вступ. статьей В. Гофмана. М., 1911. Изд. книгоизд. „Сфинксъ“. 317 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Гординъ, Я. Сатана. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ. Перев. съ евр. Т. Гейликмана. (Унив. б-ка № 358). М., 1911. Изд. „Польза“. 92 стр. Ц. 10 к.

Запольская, Г. Панна Малишевская. (Метресса). Перев. Ѳеодоровича. Спб., 1911. 65 стр.

— То, о чемъ не говорятъ. Романъ. Ч. II. Перев. съ польск. Ар—скаго. (Собр. сочин. Т. II). М., 1911. Изд. А. В. Скворцовой. 240 стр. Ц. 1 р.

Зола, Э. Собраніе сочиненій. Ругонъ-Макары. Т. VI. Спб., 1911. Изд. т-ва Просвѣщенія. VII+510 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Зудерманъ, Г. Іоаннъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ съ прологомъ. Перев. съ нѣмец. П. Д. Городецкой, подъ ред. Л. М. Василевскаго. (Унив. б-ка № 77). М., 1911. Изд. 2-е книгоизд. „Польза“. 104 стр. Ц. 10 к.

Ибаньесъ, В. Б. Майскій цвѣточекъ. Романъ. Пер. съ испан. В. Кошевичъ. (Полное собр. сочин. Т. VIII). М., 1911. Изд. к-ва „Соврем. пробл.“. 259 стр. Ц. 1 р.

— Полное собраніе сочиненій. Т. VI. „Отбросы жизни“. Романъ. Пер. съ испанскаго А. Вольтера. М., 1910 (11). Изд. книгоизд. „Сфинксъ“. 396 стр. Ц. 1 р. 50 к. Т. IX. Тростникъ и грязь. Романъ. Пер. съ испанскаго А. Вольтера. 279 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Конопницкая, М. Мендель Гданскій, Франька дурачокъ, У истопника и др. Перев. съ польскаго М. Троповской. (Полное собр. соч. Т. II). М., 1911. Изд. к-ва „Соврем. пробл.“. 238+II нен. стр. Ц. 1 р.

Лондонъ, Д. Законъ жизни (Аляскинскіе разсказы). Пер. съ англ. М. А. Андреевой. (Собр. сочин. Т. II). М., 1911. Изд. Athenaeum. 302 стр. Ц. 1 р.

Мадоль. Дневникъ манекена. Перев. съ франц. В. Н. Классона. Спб., 1911. 175 стр. Ц. 1 р.

Маргеритъ, В. Барышни. Романъ. Спб., 1911. 311 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Мартовичъ, Л. Войтъ и другіе разсказы. Разр. авторомъ пер. съ украинскаго Ол. Назарьіва. (Унив. б-ка). М., 1911. Изд. „Польза“. 75 стр. Ц. 10 к.

Мезеруа, Р. Прелюбодѣи большого свѣта. Перев. съ франц. В. Н. Классона. Спб., 1911. 150 стр. Ц. 1 р.

Мидъ, г-жа. Дотъ и ея сокровища. Перев.

съ англ. Спб., 1911. 153 + 1 нен. стр. Ц. 25 к.

Мильтонъ, Д. Самсонъ. Драматическая поэма. Перев. въ стихахъ Н. А. Брянскаго. Спб., 1911. 57 стр. Ц. 60 к.

Михаэлисъ, К. Мамочка. Перев. съ датск. А. и И. Ганзенъ (Унив. б-ка № 345). М., 1911. Изд. „Польза". 89 стр.

— Женщина въ опасномъ возрастѣ. (Отрывки изъ дневника и письма). Перев. І. Вайсблита. Кіевъ, 1911. Изд. Южно-Рус. кн. Ф. А. Іогансона. 162 стр. Ц. 80 к.

— Опасный возрастъ. Дневникъ и письма. Перев. съ датскаго Р. М. Марковичъ. Спб., 1911. Изд. Спб. книжной экспедиціи. 164 стр. Ц. 60 к.

— Опасный возрастъ. Отрывки изъ дневника и письма. Перев. З. Н. Журавской. М., 1911. Изд. к-ва „Энергія". 174 стр. Ц. 85 к.

— (Собр. сочин. Т. І). Опасный возрастъ. Перев. съ датскаго подъ ред. и съ пред. Ф. Мускатблита. М., 1911. Изд. к-ва „Заря". 139 стр. Ц. 75 к.

Мопассанъ, Гюи де. Полное собран. сочинен. Т. ІІ. Домъ Телье и другіе разсказы. Перев. С. Городецкаго. Спб., 1911. Изд. „Шиповникъ". 178 стр. Ц. 1 р. Т. VII. Мадемуазель Фифи и др. разсказы. Пер. Ал. Чеботаревской. 156 стр. Ц. 1 р. Т. XVI. Монтъ-Оріоль. Романъ. Пер. Ал. Чеботаревской. 290 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Ожешко, Э. Полное собраніе сочин. въ восьми томахъ. Т. VIII. Перев. съ польск. Я. Я. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1910. Изд. Южно-Рус. книгоизд. Ф. А. Іогансона. 288 стр. Ц. 1 р.

Пшибышевскій, Ст. Пиръ жизни. Драма въ 4-хъ актахъ. Перев. съ польск. Я. Данилина. М., 1911. Изд. к-ва „Заря". 144 стр. Ц. 80 к.

— Пиръ жизни. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ польск. Евг. Троповскаго. Унив. б-ка. М., 1911. Изд. В. Антикъ и К°. 87 стр. Ц. 10 к.

Реймонтъ, В. Ст. Полное собр. сочин. Т. IV. Мечтатель. Романъ. Един. разрѣш. авт. Перев. съ польск. Е. Троповской. М., 1911. Изд. книгоизд-ва „Соврем. пробл.". 297 стр. Ц. 1 р.

Ренье-де (Анри). Первая вспышка. Пер. съ франц. Л. Перхуровой. Собр. сочин. Т. І. М., 1911. Изд. изд. „Оріонъ". 284 стр. Ц. 1 р.

— Первая страсть. Романъ. Перев. съ франц. Бр. Рунтъ. Съ пред. В. Брюсова. (Унив. б-ка № 346—348). М., 1911. Изд. „Польза". 269 стр. Ц. 30 к.

Серао, М. Собраніе сочиненій. Т. ІІ. „Прощай любовь!". Романъ. Перев. съ итальянск. В. А. Кошевичъ. М., 1911. Изд. к-ва „Атенеумъ". 311+4 нен. стр. Ц. 1 р.

Сетэлэ, Х. Дитя горя. Перев. съ финск. М. Благовѣщенской. (Унив. б-ка № 355). М., 1911. Изд. „Польза". 76 стр. Ц. 10 к.

Уэллсъ, Г. Д. Собраніе сочиненій. Т. XII. Привидѣніе. Перев. В. Засуличъ и Л. Экспера. Спб., 1911. Изд. „Шиповникъ". 178 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Франсъ, А. Христосъ съ океана и другіе. Перев. Н. Атласъ. М., 1911. Изд. „Народное издательство". 40 стр.

Фралье, Л. „Статисты жизни" (La figurante). Романъ. Перев. съ франц. Л. Н. М., 1911. Изд. А. Вербицкой. 114 стр. Ц. 50 к.

Шевченко, Т. Кобзарь. Въ переводѣ на русскій языкъ подъ ред. М. Славицкаго. Спб., 1911. XXVIII+252 стр. Ц. 90 к.

— Кобзарь въ переводѣ русскихъ писателей. М., 1911. Изд. Общ. люб. россійской слов. 136 стр.+1 портр. Ц. 1 р.

— Пѣсни. Подъ ред. В. В. Вересаева. Въ переводѣ Ив. Бѣлоусова, С. Дрожжина, Л. Мея, А. Плещеева, Ив. Сурикова и др. М., 1911. Изд. Моск. об-ва грамотности. IV+40 стр. Ц. 6 к.

Шенгерръ, К. Драмы жизни. Пер. В. Готвальдъ. М., 1911. Изд. „Народное издательство". 84+2 нен. стр.

Шницлеръ, А. Юный Медардъ. Перев. Ю. Спасскаго. М., 1911. Изд. книгоизд. „Соврем. пробл.". 316+4 стр. Ц. 1 р.

Шоу, Б. Ученикъ дьявола (Безбожникъ). Мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ. Перев. съ англ. С. И. Рапопортъ. (Унив. б-ка № 337). М. Изд. книгоизд. „Польза". 104 стр. Ц. 10 к.

Эверсъ, Гансъ-Гейнцъ. Ужасы. Необычайныя исторіи. Спб., 1911. Изд. изд. т-ва А. Ф. Маркса. 358 стр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 2. **Капланъ, М.** Дикдукъ сефатъ Еверъ, т.-е. Грамматика еврейскаго языка. Варшава, 1911. Изд. А. Гитлина, 3-е. 118+11 стр. Ц. 50 к.

Кипшидзе, І. Дополнительныя свѣдѣнія о Чанскомъ языкѣ. (Изъ лингвистической экскурсіи въ русскій Лазистанъ). Матеріалы по яфетическому языкознанію. III. Спб., 1911. 33 стр. Ц. 45 к.

Остроумовъ, Н. Этимологія сартовскаго языка. Для курсовъ при Ташкентскомъ отдѣл. Импер. о-ва востоковѣдѣнія. Ташкентъ, 1910. Изд. канцел. туркестанск. ген.-губ. 112 стр. Ц. 1 р.

§ 4. **Брандесъ, Г.** Собраніе сочиненій. Т. XVIII. Литературныя характеристики. (Англійскіе писатели). Вильямъ Шекспиръ. Ч. III. Перев. съ датскаго М. В. Лучицкаго. Спб., 1911. Изд. 2-е, испр. и доп., т-ва „Просвѣщеніе". VI+405 стр. Ц. 75 к.

Вѣтринскій, Ч. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Очеркъ жизни и дѣятельности. Съ прил. портрета и избранныхъ произведеній Шевченко въ пер. русскихъ по-

этовъ. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 80 стр. Ц. 15 к.

Русова, С. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Украинскій народный поэтъ. (Его жизнь и произведенія.) Кіевъ, 1911. Изд. книгоизд. „Сотрудникъ". 80 стр. Съ портр. и рис. Ц. 15 к.

§ 56. **Дюнькинъ, Н. И. и Новиковъ, А. И.** Подъ ред. В. Рябова. Майковъ, А. Н. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Спб., 1911. Изд. кн. маг. Ив. Загряжскаго. 37 стр. Ц. 30 к.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. академіи наукъ, 1910 г. Т. XV, кн. 3. Спб., 1910. Изд. Академіи наукъ. 432 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Содержаніе. Айналовъ, Д. В.—Очерки и замѣтки по исторіи древнерусскаго искусства. Степановъ, Н. В.—Замѣтки о статьѣ Кирика. Шляковъ, Н. В.—Служба преп. Кириллу. Васильевъ, Л. Л.—Буква Ѣ. Пиксзновъ, Н. К.—Памяти А. Н. Пыпина. Варнеке, Б. В.—Комедія М. И. Веревкина „Точь въ точь". Заболотскій, П. А.—Къ вопросу о русской струѣ въ литерат. сербскаго возрожденія. Мурзановъ, Н. А.—Къ біографіи В. А. Жуковскаго. Станкевичъ, А. И.—Нѣсколько варіантовъ къ стихотвореніямъ Кольцова.

Зайдманъ, М. Ѳ. М. Достоевскій въ западной литературѣ. (Характеристика творчества и личности писателя въ западной критической и научной литературѣ). Одесса, 1911. 127 стр. Ц. 1 р.

Малининъ, В. Н., проф. Десять словъ Златоструя XII в. Спб., 1911. Изд. Отд. рус. яз. и слов. акад. наукъ. 124 стр. Ц. 1 р.

Покровскій, В. И. Иванъ Андреевичъ Крыловъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М., 1911. Изд. 3-е, доп. 200 стр. Ц. 50 к.

Прилуко-Прилуцкій, Н. Г. Кориѳеи русскаго слова. Вып. I. Ломоносовъ. Жизнь и творчество. Спб., 1911. Изд. т-ва „Оросъ". 88 стр. Ц. 40 к.

Свенцицкій, В. Жизнь Ѳ. М. Достоевскаго. № 1. Свѣточи міра. М., 1911. Изд. нар. книгоизд. 77 стр. Ц. 7 к.

Шамбинаго, С. Трилогія романтизма. (Н. В. Гоголь.) М., 1911. Изд. книгоизд. „Польза". 158 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 6. **Давыдовъ, С.** Жизнь одинокой души (о Станиславѣ Пшибышевскомъ). М., 1911. 43 стр. Ц. 40 к.

Саводникъ, В. Ѳ. Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911. 211 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чуковскій, К. О Леонидѣ Андреевѣ. Спб., 1911. 87 стр. Ц. 50 к.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Бердяевъ, Ник.** Философія свободы. М., 1911. IV+280 стр. Ц. 2 р.

Бирюковъ, Е., свящ. Отвѣты на недоумѣнные вопросы вѣры, нравственности и обрядовъ христіанскихъ. Камышловъ, 1910. Изд. автора. 113 стр. Ц. 50 к.

Де-Ламетри. Человѣкъ—машина. Перев. В. Констанса. Философская б-ка. М. П. Семенова. Спб., 1911. 140 стр. Ц. 1 р.

Джемсъ, У. Вселенная съ плюралистической точки зрѣнія. Перев. съ англ. Б. Осипова и О. Румера. Подъ ред. прив.-доц. Г. Г. Шпетта. М., 1911. Изд. к-ва „Космосъ". VI+235 стр. Ц. 2 р.

Кожевниковъ, В. А. Исповѣдь атеиста. (По поводу книги Ле-Дантека „Атеизмъ".) М., 1911. Изд. рел.-философ. библ., 2-е. 32 стр. Ц. 20 к.

Ле-Дантекъ, Ф. Познаніе и сознаніе. Философія XX вѣка. Перев. съ франц. В. Базарова. Спб., 1911. Изд. Н. П. Карбасникова. V+234 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лодыженскій, М. В. Сверхсознаніе и пути къ его достиженію. Индусская Раджи-Іога и христіанское подвижничество. Опытъ изслѣдованія. Спб., 1911. VIII+399 стр. Ц. 2 р.

Максимъ, Г., преп. Сочиненія въ русскомъ переводѣ. Ч. I. Нравоучительныя сочиненія. Серг. Пос. 1910. Изд. Троицкой лавры. IV + 286 + III стр. Съ рис. Ц. 1 р. Ч. II. Догматико-полемическія его сочиненія. 332+II стр. Ц. 1 р.

Митрофанъ, еп. Міръ безъ Христа. Публичная лекція. Екатеринбургъ, 1911. Изд. 2-е. 34 стр. Ц. 10 к.

Никольскій, П. Безсмертіе человѣческой души. Тамбовъ, 1910. Изд. автора. 36 стр. Ц. 5 к.

— Бытіе Божіе. Тамбовъ, 1911. 36 стр. Ц. 5 к.

— Христіанская любовь. Тамбовъ, 1911. 54 стр. Ц. 6 к.

— Что требуется отъ человѣка для спасенія въ міру. Тамбовъ, 1910. Изд. автора. 36 стр. Ц. 5 к.

Новоселовъ, М. Изъ разговоровъ о войнѣ. М., 1911. Изд. рел.-философ. библ., 2-е. 12+4 нен. стр. Ц. 10 к.

Пантелеймонъ, іером. Поученія и слова. Лубны, 1910. 168 стр.

Суворовъ, Н., свящ. Утраченный идеалъ

(слово любви ко всѣмъ служителямъ церкви). Спб., 1911. 31 стр. Ц. 50 к.

Талмудъ, Мишна и Тосефта. Критическій переводъ Н. Переферковича. Т. IV. (Книга VII и VIII.) Спб., 1911. Изд. 2-е, испр. и дополн., П. П. Сойкина. V+648 стр. Ц. 3 р.

Ульяновъ, П. А. Письма и наброски по вопросамъ этики, психологіи и естествознанія. Варшава, 1910. 66 стр.

Ювачевъ, Ив. П. Тайны Царства Небеснаго. Ч. I. Спб., 1910. Изд. журн. „Отдыхъ Христіанина“. 295 стр. Съ 130 рис. Ц. 1 р. 50 к.

§ 2. **Виндельбандъ, В., проф.,** Исторія древней философіи. Авториз. перев. со 2-го нѣм. изданія (съ указаніемъ литературы на русскомъ языкѣ) М. М. Рубинштейна. М., 1911. XVI+397+2 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Галаховъ, І., прот. Николай Ивановичъ Пироговъ и его религіозно-философскіе взгляды. Томскъ, 1911. 18 стр.

§ 3. **Проданъ, И. С.** Отвѣтъ г. И. Лапшину на его рецензію учебника логики И. С. Продана. Спб., 1911. 20 стр.

§ 4. **Бинэ, А. и Симонъ, Т.** Развитіе интеллекта у дѣтей. Съ предисл. А. Н. Бернштейна. Перев. д-ра С. И. Зандеръ. М., 1911. Изд. В. М. Саблина. 4 нен.+162 стр. Ц. 75 к.

Дирофъ, А., проф. Психологія въ общедоступномъ изложеніи. Перев. подъ ред. и съ пред. прив.-доц. Н. Самсонова. М., 1911. Изд. книгоизд. „Космосъ“. VIII+142 стр. Ц. 1 р. 10 к.

П. К. Психологическія основы воспитанія солдата. (Очерки военной педагогики.) Цѣль военнаго воспитанія. Данныя психологіи. Средства и методъ воспитанія. Спб., 1911. Изд. В. Березовскаго, 2-е. 112 стр. Ц. 75 к.

§ 5. **Богословскій, Е.** Дорогое наслѣдіе—мысли Н. И. Пирогова о школѣ. (Читано въ бакинской маріинской женской гимназіи на годичномъ актѣ 28 ноября 1910 г.) Баку, 1910. Изд. автора. 16 стр. Ц. 10 к.

Бутовскій, А. Д. Вопросы школьной гигіены и физическаго воспитанія на международныхъ конгрессахъ въ 1910 г. Спб., 1911. 68 стр.

Герлахъ, А. Какъ преподавать дѣтямъ ариѳметику въ духѣ творческаго воспитанія. Съ нѣм. О. Забѣлло. Б-ка свободнаго воспитанія и образованія. Вып. I. М., 1911. 73 стр.

Ежегодникъ экспериментальн. педагогики. 1910 г. Подъ ред. А. П. Нечаева. Спб., 1911. 182+32 стр. Ц. 1 р.

Захаровъ, Д. А. Къ вопросу о свободномъ воспитаніи. Юрьевъ, 1910. 36 стр.

Зачиняевъ, А. Психологическая система обученія. Ореографическая пропись. Вып. II. Спб., 1911. Изд. изд-ва „Новая Школа“, 5-е. VIII+80 стр. Ц. 25 к.

Капустинъ, А. А., д-ръ. Дѣти и тайный порокъ и проблема полового воспитанія дѣтей и юношества. М., 1911. Изд. А. А. Паршина. 21+1 стр. Ц. 25 к.

Левитовъ, П. В. Наказаніе, какъ мѣра воспитательнаго воздѣйствія. (Отд. отт. изъ №№ 29 и 30 „Екатер. Епарх. Вѣдом.“ за 1910 годъ.) Екатеринославъ, 1910. 16 стр.

Лезанъ, К. А. Посвященіе въ тайны математики. Внѣпрограмный трудъ, предназначенный друзьямъ дѣтей. Перев. П. К. Шмулевича. Спб., 1911. Изд. П. К. Шмулевича. VII+203 стр. Ц. 75 к.

Либерманъ, Б. Н. Что необходимо знать родителямъ учащихся. Новгородъ, 1911. Изд. газ. „Старорусская Жизнь“. 31 стр. Ц. 10 к.

Мейманъ, Э., проф. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Ч. I. Умственное и физическое развитіе дѣтей. Перев. съ нѣм. Н. Д. Виноградова. М., 1910. Изд. т-ва „Міръ“, 2-е. XI+302 стр. Ц. 1 р.

Михаилъ, еп. Методика Закона Божія. (Б-ка „Старообрядческая Мысль“.) Подъ ред. В. Е. Макарова и И. В. Галкина. М., 1911. 97 стр. Ц. 50 к.

Монро, П., проф. Исторія педагогики. Ч. I. Древность и средніе вѣка. Перев. съ англ. М. В. Райхъ. Подъ ред. Н. Д. Виноградова. М., 1911. Изд. т-ва „Міръ“. XI+325 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Мэнель, Б. Школы для умственно-отсталыхъ дѣтей. Перев. врача М. Владимирскаго. Пред. докт.-мед. А. Л. Щеглова. Спб., 1911. Изд. „Посѣвъ“. XIX+212+IV стр. Ц. 1 р. 25 к.

Нечаевъ, А., проф. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Съ рис. въ текстѣ и съ присоединеніемъ указат. избранныхъ психолог. сочиненій. Спб., 1911. Изд. 4-е. 352 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Рождественъ, А. Ушинскій, національный русскій педагогъ. Казань, 1911. 15 стр.

Смирновъ, К. Курсъ педагогики. Ч. I. Педагогика и общая дидактика. М., 1911. Изд. К. Н. Тихомирова, 5-е. VII+166 стр. Ц. 70 к.

Тома, Ф., проф. Внушеніе и его роль въ дѣлѣ воспитанія. Перев. съ 4 франц. изд. Л. А. Бессель. Подъ ред. и съ пред. Н. А. Рубакина. М., 1911. Изд. книгоизд. К. Н. Тихомирова. VI+140+II стр. Ц. 70 к.

Фармаковскій, Вл. И. Методика правописанія, по воззрѣніямъ русскихъ педагоговъ и по ученію экспериментальной школы. Одесса, 1911. Изд. кн. маг. И. А. Розова, 2-е. 130 стр. Ц. 50 к.

Филиппъ, Ж. и Поль-Бонкуръ, Г. Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей. Основы воспи-

танія физическаго, умственнаго и нравственнаго. Перев. съ франц. д-ра И. А. Багашева. Подъ ред. В. Е. Игнатьева. М., 1910. Изд. книгоизд. Косинъ. X + 160 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чемберлэнъ, А. Ф., проф. Дитя. Очерки по эволюціи человѣка. Ч. I. Перев. съ англ. (Душевная жизнь дѣтей. Б-ка педагог. психологіи. Подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.) М., 1911. Изд. „Московскаго Книгоизд-ва". VIII + 303 стр. + 1 табл. Ц. 1 р. 50 к.

Шарпъ, Ф. Ч., проф. Успѣхъ въ жизни. Курсъ нравственнаго обученія старшаго класса сѣв.-ам. среднихъ учебныхъ заведеній. Перев. А. Ф. Мертваго. Спб., 1911. XXIII + 183 стр. Ц. 1 р. 50 к.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія: а) общія сочиненія и монографіи; б) біографіи, мемуары. § 3. Русская исторія: а) общія сочиненія; б) монографіи; в) біографіи, мемуары; г) матеріалы. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи. § 9. Справочныя изданія по исторіи.

§ 1. **Готье, Ю. В.** Десятни по Владиміру и Мещерѣ 1590—1615 гг. М., 1910. Изд. Имп. общ. истор. и древн. рос. при моск. универ. 39 стр.

Сташевскій, Е. Десятни Московскаго уѣзда, 7086 и 7094 гг. М., 1910. Изд. Об-ва ист. и древн. россійскихъ. 50 стр.

Стеблевъ, А. П. Очерки всемірной культуры. Вып. I. Египетъ. Ассиро-Вавилонія. Финикинія. Индія. Персія. Скиѳы. Китай. М., 1910. 106 стр. Ц. 55 к.

Титовъ, Ан. Святыни и древности Ростова-Великаго. М., 1911. 25 стр. Ц. 5 к.

Хомяковъ, М. М. Къ вопросу о краніологическомъ типѣ бессермянъ Вятской губерніи. Антропологическое изслѣдованіе. Матеріалы къ изученія Вятскаго края. Т. I. Вып. I. Казань, 1911. Изд. Кукарск. образов. об-ва. 12 стр.

§ 2а. **Лависсъ и Рамбо.** Исторія XIX вѣка (западная Европа и внѣевропейскія государства). Перв. съ франц. съ дополн. статьями профессоровъ: И. І. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Съ рис. и портретами. Томъ III. М., 1911. Изд. Бр. А. и И. Гранатъ и К°. 341 стр. Съ рис.

Мендринъ, В. М. Исторія Сіогуната въ Японіи. Пихонъ гайси. Сочиненіе Рай Дзіо Сисей. Въ XXII книгахъ. Перев. съ яп. съ прим. и коммент. Книга I. Тайра. Владивостокъ. 1910. 220 стр.

Пфлугъ-Гартунгъ. Всемірная Исторія. Отъ Вестфальскаго міра до паденія Наполеона I (1650—1815). Пер. съ доп. подъ ред. пр. Н. И. Карѣева и С. Г. Лозинскаго. Отдѣлъ русской исторіи — Н. П. Василенко. Спб., 1911. Изд. Брокгаузъ и Ефронъ. 479 стр. Съ 67 рис.

Сотерскій, А. Общедоступныя лекціи по исторіи западно-европейскаго средневѣковья. Сергіевъ Посадъ, 1910. Изд. Московск. дух. акад. II + 250 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Хирьяковъ, М. А. Во имя государственнаго единства (Изгнаніе евреевъ изъ Испаніи). Спб., 1911. Изд. книгоизд. „Разумъ". 60 стр. Ц. 15 к.

§ 3а. **Соловьевъ, С. М.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Кн. I. Т. I—V. Спб., 1911. Изд. 3-е тов. „Общ. Польза". XII + 1726 столб. + 2 табл. Ц. 15 р. за VII книгъ.

§ 3б. **Булановы, бр. Ив. и Ник.** 50-лѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Составлено по историческимъ даннымъ. Спб., 1911. Изд. А. А. Григорьева. 16 стр. Съ рис.

Васинъ, Н. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Сборникъ статей о крѣпостномъ правѣ отъ его начала до паденія. М., 1911. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 143 стр. Съ рис. Ц. 45 к.

Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Томъ IV. (Историческая комиссія учебнаго отдѣла о. р. т. з. Ред. А. К. Джевелегова, С. П. Мольгунова, В. И. Пичета.) М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 280 стр. Съ рис.

Веретенниковъ, В. И. Изъ исторіи тайной канцеляріи. 1731 — 1762 г. Очерки. Харьковъ, 1911. 120 стр.

Вороновъ, Л. Н. Крестьянская реформа. 19-го февраля 1861—1911 г. I. Крѣпостное право. II. Освобожденіе крестьянъ. III. Выкупъ надѣловъ. IV. Общинное землевладѣніе. V. Завершеніе реформы. М., 1911. Изд. ком. по орган. общеобр. чт. для раб. 115 стр. + 2 портр.

Вѣтринскій, Ч. Крѣпостное право и освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Общедоступный истор. очеркъ. Н.-Новгородъ, 1911. Изд. Об-ва распр. нач. образ. Нижегор. губ. 53 стр. + 6 портр. Ц. 5 к.

Гейсманъ, П. А. Столѣтіе военнаго министерства. Истор. очеркъ возникновенія и развитія въ Россіи генеральнаго штаба

въ 1825 — 1902 гг. Вып. II. Спб., 1911. Изд. воен. министерства. 414 стр. и 12 картъ. Томъ IV. Часть 2.

Герье, В. 1861 — 19-го февраля — 1910 14 іюня. Второе раскрѣпощеніе. Общія пренія по указу 9 ноября 1906 года въ Госуд. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ. Съ тестомъ указа 9 ноября 1906 и закона 14 іюня 1910. М., 1911. VIII+232 стр.

19 февраля 1861 — 1911. 1) А. В. Мезіеръ. Крѣпостное право въ Россіи и великій актъ 19 февраля. 2) Воспоминанія Авенаріуса, Арцимовича, Короленко, Крылова и др. 3) Разсказы и стих. о крѣпостномъ правѣ. Спб., 1911. Изд. т-ва „Общ. Польза. 96 ст. (въ 2 ст.). Съ рис. Ц. 10 к.

Дудинъ, В. О., Стеблевъ, А. П. и Толстовъ, А. С. 1861 года 19 февраля. Очеркъ исторіи крѣпостного права на Руси и отмѣна его. М., 1911. Изд. Н. А. Хорошкевича. 192 стр. съ портр. Ц. 60 к.

Е. Д. Возникновеніе и отмѣна крѣпостного права въ Россіи. 1861—1911. Кіевъ, 1911. Изд. Кіев. учебн. округа. 31 стр. Ц. 5 к.

Жерве, Н. П. Императоръ Александръ II и освобожденіе крестьянъ. 1861 г. 19 февраля 1911 г. Спб., 1911. Изд. Имп. русск. военно-историч. общества. 64 стр. Съ 20 рис.

Истинный обликъ Льва Толстого нравственный, религіозный и политическій (по сочиненіямъ и по личной жизни). Саратовъ, 1911. Изд. бр-ва св. Креста. 47 стр.

Исторія правительствующаго сената за двѣсти лѣтъ (1711—1911 гг.). Т. I—IV и V дополнительный. Спб., 1911. I) XI+665+ 29 рис. II) 806+26 рис. III) 712+рис. IV. 529+15 рис. V) 224 стр.+9 рис.

Кабановъ, К. А. Смута московскаго государства и Нижній-Новгородъ. Очеркъ. Н.-Новгородъ, 1911. 32 стр.

Карцовъ, Ю. и Военскій, К. Причины войны 1812 года. Спб., 1911. XIV+ 115 стр.

Князьковъ, С. А. 19 февраля 1861 года. М., 1911. Изд. К. И. Тихомирова. 47 стр. Съ портр. и рис. Ц. 10 к.

— Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ Россіи. Истор. очеркъ. Подъ ред. А. А. Кизиветтера. М., 1911. Изд. І. Кнебеля, 4-е. 102 стр. Ц. 30 к.

Ковалевскій, П. И., проф. Завоеваніе Кавказа Россіей. Историческіе очерки. Спб., 1911. 334 стр. Съ карт. и рис. Ц. 1 р. 50 к.

Колюбакинъ, Б. Прейсишъ-Эйлауская операція. Сраженіе у Прейсишъ-Эйлау (26 и 27 января 1807 года). Спб., 1911. 32 стр. и планъ.

Кречетовичъ, І. П., прот. Объявленіе воли въ гор. Саратовѣ и Саратовской губерніи (по даннымъ архива саратовской духовной консисторіи). Саратовъ, 1911. 24 стр. Съ портр. Ц. 5 к.

Ксеньинъ, В. В. Паденіе крѣпостного права. Юбилейное изданіе ко дню 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. М., 1911. 30 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Къ 300-лѣтнему юбилею царствованія дома Романовыхъ. (Историческій очеркъ.) Спб., 1911. Изд. Ф. И. Романовской. 91 стр. Съ портр. Ц. 25 к.

Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія. Литовско-русскій повѣтъ и его сеймикъ. Юрьевъ, 1910. XIII+624+192 стр. Ц. 5 р.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. Партизаны 1812 г. Рисунки П. Абрамова. М., 1911. Изд. книгонзд. „Заря“. 166 стр. Съ рис. Ц. 85 к.

Лященко, П. И. Послѣдній секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу. 3 января 1857 г.—16 фев. 1858 г. (По матеріаламъ архива Госуд. Совѣта.) Спб. 1911. 56 стр. Ц. 35 к.

Макарій (Гнѣвушевъ), архимандритъ. Крѣпостное право на Руси и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. (19 февраля 1861 г.—19 февраля 1911 г.). Спб., 1911. Изд. училищнаго при святѣйшемъ синодѣ совѣта. 59 стр. Съ 10 рис.

Мельниковъ, А. П. Къ трехсотлѣтію смутнаго времени. Н.-Новгородъ и Нижегородскій край. I. Истор. очеркъ Н.-Новгорода. II. Этнограф. очеркъ Нижегор. края. М., 1911. 177+1 стр. Съ рис.+2 карты. Ц. 80 к.

Михеевъ, С. Отечественная война 1812—1912. Бородинское сраженіе. М., 1911. 47 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Н. И. Пироговъ. Хирургъ, педагогъ и общественный дѣятель. Къ 100-лѣтію со дня рожденія Н. И. Пирогова 13 ноября 1910 г. Екатеринбургъ, 1911. Изд. уральск. мед. общ. и семейно-педагог. кружка. 66 стр. Ц. 25 к.

Нечаевъ, Н. П. Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ. Историческій очеркъ закрѣпощенія и освобожденія крестьянъ. Спб., 1911. 35 стр.

Озеянко-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Т. IX. Исторія русской интеллигенціи. Ч. III. 80-е годы и начало 90-хъ. Спб., 1911. Изд. т-ва „Общественная Польза“ и „Прометей“. 224 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Освобожденіе крестьянъ (19 февраля 1861 г.—19 февраля 1911 г.). Краткая записка объ историческомъ ходѣ и развитіи крестьянской реформы въ примѣненія ея во Владимірской губерніи. (Составлена непр. членомъ Владим. губ. присутствія А. А. Бурминымъ и земскимъ начальникомъ 1-го уч. Шуйскаго у. М. Г. Смирновымъ. Владиміръ, 1911. 26 стр.

Освобожденіе крестьянъ 19 февраля 1861 г. Спб., 1911. Изд. общества благотворенія въ память 19 февраля 1861 г. 32 стр. Съ портр. Ц. 10 к.

Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы. М., 1911. Изд. „Научнаго Слова". XXXII+342 стр. Съ портр. Ц. 3 р.

Перельманъ, М. А. Л. Н. Толстой. Краткій очеркъ жизни, ученія, творчества. М., 1911. Изд. т-ва „Эпоха". 23 стр. Съ портр. и рис. Ц. 15 к.

Петрусевичъ, В. И. По поводу празднованія 50-лѣтія освобожденія крестьянъ (Историческій очеркъ до-крѣпостного права). Спб. Изд. газеты „Русское Знамя". 25 стр. Ц. 5 к.

Пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ. 1861—1911. Очеркъ исторіи закрѣпощенія и освобожденія крестьянъ. Спб., 1911. Изд. т-ва „Копейка". 63 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Семеновъ-Тянъ-Шанскій, П. П. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 гг.). Т. I. На правахъ рукописи. Спб., 1911. XI+III+440 стр.

Семинъ, Ор. Великая годовщина. Аграрный вопросъ и крестьянская (крѣпостная) реформа на Кавказѣ. Историческій очеркъ. Кіевъ, 1911. Изд. т-ва „Вся Россія". 164+2 нен. стр. Ц. 70 к.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей рус. ист. просв. въ память Имп. Александра III. Кн. 15. Спб., 1911. XII+1 таб.+30 стр.+35 ст.+256 ст.+5 картъ.

Тарасовъ, Н. Г. и Гартвигъ, А. Д. Изъ исторіи русской культуры. Вѣче въ Новгородѣ. М., 1911. Изд. В. В. Думнова. 18 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Изъ исторіи русской культуры. Съѣздъ князей. М., 1911. Изд. В. В. Думнова. 15 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Изъ исторіи русской культуры. На пристани въ Новгородѣ. М., 1911. Изд. В. В. Думнова. 24 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Терентьевъ, М. А., ген.-лейт. Исторія завоеванія Средней Азіи. (Съ картами и планами.) 3 тома. Спб., 1906. 510+547+526 стр. и чер. и пл. 23, карт. 2.

1861—19 февраля—1911. Великая реформа. Сборникъ статей: А. П. Яковлева, В. Н. Семевскаго, В. Я. Уланова, В. Е. Чешихина-Вѣтринскаго. М., 1911. Изд. т-ва „Образованіе". 191+1 стр. съ портр. и рис.

Ухтубужскій, П. Отмѣна крѣпостного права. Спб., 1911. 62 стр. Ц. 15 к.

Шумахеръ, Ал. Великая крестьянская реформа при Царѣ-Освободителѣ. Спб., 1911. 34 стр. Съ портр. Ц. 20 к.

§ 3в. **Авчинниковъ, А. Г.** Два крестьянина-костромича: Иванъ Осиповичъ Сусанинъ и Осипъ Ивановичъ Комиссаровъ. Иллюстрированный очеркъ. Къ 50-тилѣтію освобожденія крестьянъ и 300-лѣтію царствованія дома Романовыхъ. Екатеринославъ, 1911. Изд. автора. 40 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Драке, Л. Л. Кадетскій бытъ 50-хъ годовъ. (Отрывочныя воспоминанія.) Спб., 1911. Изд. В. Березовскаго. 32 стр. Ц. 40 к.

Колюбакинъ, Б. М. 1812-й годъ. Воспоминанія офицера французскаго кирасирскаго № 2 полка о кампаніи 1812 года. Спб., 1911. 56 стр. Съ рис.

Пантелѣевъ, С. В. Изъ пережитаго въ шестидесятыхъ годахъ. Спб., 1911. 40 стр. Ц. 30 к.

Поповъ, П. (П. Княжнинъ). Шесть лѣтъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ. 1870—1875. Спб., 1911. 107 стр.

Пѣвницкій, В. Ѳ., проф. Мои воспоминанія. II. Студенческіе годы. 1851—1855 г. Кіевъ, 1911. 182 стр.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Вып. IV. Ред. Ѳ. А. Витберга. Спб., 1911. 25 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вып. V. Ред. Б. Б. Глинскаго. 23 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Чертковъ, В. О послѣднихъ дняхъ Льва Николаевича Толстого на ст. „Астапово". М., 1911. 31 стр. Ц. 10 к.

§ 3г. Вѣнокъ на могилу Сергѣя Андреевича Муромцева. М. MCMX. 263+1 стр. Съ рис.+6 лист. рис. и портр. Ц. 1 р. 50 к.

Грачевъ, В. К. Крѣпостное право и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. (Смоленскіе дворяне въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.) Историческая справка. (1861—1911 г. 19 февраля.) Смоленскъ, 1911. 44 стр.

Матеріалы по крѣпостному праву. Саратовская губернія. Въ память 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ. Саратовъ, 1911. Изд. Сарат. губ. ученой архив. комис. IX+23+196+29+46+16 стр.+1 портр. Ц. 1 р. 25 к.

Муравьевъ, М. В. Матеріалы по исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Новгородской губерніи. (1861—1911 г.) Новгородъ, 1911. 30 стр. Ц. 25 к.

Норцевъ, А. Н. Архивъ графовъ Канкриныхъ-Ламбертъ-Сухтеленъ. (Общій обзоръ документовъ.) Тамбовъ, 1910. 54 стр.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XIV. Первая половина: 1) Повѣсть о честномъ житіи царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича и всея Руси. 2) Новый лѣтописецъ. Спб., 1910. Изд. археограф. комиссіи. 1+154 стр. Ц. 2 р.

Попельницкій, А. Письмо депутата перваго призыва. (Къ исторіи участія дворянскихъ депутатовъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.) Съ отмѣтками Императора Александра II. Спб., 1911. 21 стр.

§ 4. **Бехтеревъ, В. М.,** академикъ. Софійскій съѣздъ и впечатлѣнія изъ Болгаріи. Спб., 1911. 24 стр.

Грюнфельде-Танненбергъ. 15-го іюля 1410 г. (Грюнвальденскій бой.) Юбилейный иллюстр. сборникъ статей членовъ Импер. русскаго военно-истор. об-ва. Кіевъ, 1910. Изд. Кіев. отд. русск. воен.-истор. об-ва. 76 стр.+16 лист. рис., картами и схем. Ц. 1 р.

Погодинъ, А. Л., проф. Лекціи по славянскимъ древностямъ. Харьковъ, 1910. 452 стр.

§ 5. **Бархатовъ, М. Е. и Функе, В. В.** Исторія русско-японской войны. Т. III и IV. Спб., 1907—8. 503—800+801—1,032 стр. Съ рис.

Витимскій, П. Въ сумракѣ ночи. Странички изъ недавняго прошлаго. Омскъ, 1911. 100 стр. Ц. 30 к.

Гусевъ, С. Я. Свѣжія раны. Воспоминанія корпусного контролера о русско-японской войнѣ. Спб., 1911. 230 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ниппонъ-Кай-Тай-Кай-сенъ. Великое сраженіе Японскаго моря (Цусимскій бой). Перев. съ яп. Вл. Семенова. Спб., 1911. Изд. 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. VII+56 стр. Ц. 60 к.

Орловъ. Шахе. Дѣйствія западнаго отряда ген. Бильдерлинга на рѣкѣ Шахе.— Мукденъ. Дѣйствіе 2-й арміи во время мукденскаго сраженія. Спб., 1911. Изд. топогр. и геодез. журнала. 87 стр. и 1 карта. Ц. 50 к.

§ 6. **Лейсманъ, Н. А.,** прот. Судьба православія въ Лифляндіи, съ 40-хъ до 80-хъ годовъ XIX столѣтія. Рига, 1910. Изд. Риж. Петро-Павловск. прав. брат. 12 стр. Ц. 30 к.

Функъ, Фр. Кс., проф. Исторія Христіанской Церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней. Въ русскомъ перев. съ значит. измѣн., дополн. и пред. проф. П. В. Гидулянова. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. VII+616 стр. Ц. 2 р. 50 к.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства; промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. **Коробковъ, В. А.** Основные законы прибыли. Саратовъ, 1911. Изд. автора. 86 стр. Ц. 40 к.

Мамадышскій, Н. Н. Уссинскій край. Подворно-экономическое изслѣдовіе поселеній р. Уссы, Печорскаго уѣзда въ 1909 г. Архангельскъ, 1911. 71 стр.

Пальчинскій, П. Л. Къ вопросу о ввозѣ донецкаго топлива въ Италію и Адріатику. Докладъ совѣта XXXV съѣзду горнопромышленниковъ юга Россіи. Харьковъ, 1910. 20 стр.

§ 2. Соляная промышленность южной Россіи въ 1909 г. Статистическое бюро совѣта отдѣла горнопромышленниковъ юга Россіи. Харьковъ, 1910. 12 стр.

Кауфманъ, А. А. Къ вопросу о выборочномъ изслѣдованіи. Спб., 1911. 26 стр.

§ 3. **Покровскій, И. П.,** членъ Госуд. Думы. Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія десять лѣтъ (1901—1910). Спб., 1911. Изд. „Жизнь и Знаніе". 118 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Соболевъ, А. Н., проф. Основы лѣсоохраненія въ Россіи. Докладъ всероссійскому съѣзду въ Спб. лѣсовладѣльцевъ и лѣсохозяевъ по обсужденію лѣсоохранительнаго закона. Спб., 1911. 23 стр.

Строгій, А. А. Истребленіе лѣсовъ въ Сибири и необходимость сибирскаго лѣсоохранительнаго закона. (Докладъ всероссійскому съѣзду лѣсовладѣльцевъ и лѣсохозяевъ въ Спб. для обсужденія лѣсоохранительнаго закона.) Спб., 1911. 23 стр.

§ 4. **Джабаръ, М. А.** Соціальныя задачи городовъ. Изд. тифлисск. гор. упр. Тифлисъ, 1911. 16 стр.

V. Соціализмъ и соціальная политика.

§ 1. Ученіе объ обществѣ (соціологія). § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ; анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; современное положеніе рабочаго класса; фабричное законодательство; страхованіе рабочихъ; забастовки и стачки; рабочіе и профессіональные союзы; кооперація. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы. § 5. Біографіи и воспоминанія.

§ 2. **Никольскій, П.** Соціализмъ и его несуществимость въ жизни. Тамбовъ, 1910. 53 стр. Ц. 6 к.

§ 3. **Гвоздевъ, С.** Записки фабричнаго инспектора. (Изъ наблюденій и практики въ періодъ 1894—1908 гг.) Изд. С. Доро-

ватовскаго и А. Чарушникова. М., 1911. 26 стр. Ц. 1 р.

Гибнеръ, Н. П. Система кооперации. М., 1911. 147 стр. Ц. 70 к.

Шеръ, В. В. Исторія профессіональнаго движенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ. Матеріалы къ исторіи профессіональнаго движенія въ Россіи. Вып. IV. М., 1911. Изд. книгоизд. „Наука“. XII+475 стр. Ц. 1 р. 25 к.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политическихъ ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

§ 3. **Засодимскій, П.** Деспотизмъ. Его принципы, примѣненіе ихъ и борьба за деспотизмъ. Спб., 1911. 113 стр. Ц. 60 к.

Ивановскій, В. В., проф. Учебникъ административнаго права. (Полицейское право. Право внутренняго управленія.) Казань, 1911. Изд. автора, 4-е исправ. и дополн. 506+X стр.

Кульжинскій, С. О реорганизаціи центральныхъ установленій министерства путей сообщенія по управленію желѣзными дорогами. (Высочайше учрежден. особая высшая комиссія для всесторон. изслѣдованія желѣзнод. дѣла въ Россіи.) Спб. 1911. 51 стр.+1 таб.

§ 4. **Владиміровъ, Л. Е., проф.** Advocatus Miles. Пособіе для уголовной защиты. Изд. фирмы „Законовѣдѣніе“. Спб., 1911. XIII+230 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пляніоль, М., проф. Курсъ французскаго гражданскаго права. Ч. I. Теорія объ обязательствахъ. Пер. съ франц. В. Ю. Гартмана. Петроковъ, 1911. 152 стр.

Полянскій, В. С. Безвѣстное отсутствіе и имущественныя его послѣдствія. М., 1911. 50 стр. Ц. 50 к.

Труды юридическаго общества при Императорскомъ спб. университетѣ, издав. подъ редакціей предсѣдателя гражд. отдѣленія общества М. М. Винавера, при ближайшемъ участіи В. Д. Кузьмина-Караваева и В. Д. Набокова. Т. II. (Второе полугодіе 1909 г.) Спб., 1911. IV+478 стр.

Цитовичъ, П. П. Гражданскій процессъ. Конспектъ лекцій. (Перепечатано съ 4-го изд. безъ измѣненій.) Кіевъ, 1910. 131+1 стр.

§ 6. **Асосковъ, К.** Разрѣшитель вопросовъ по нотаріальному и матеріальному праву. Въ 3-хъ частяхъ. Изд. 3-е, доп. Спб., 1911. 450 стр. Ц. 3 р.

Бенескриптовъ, А. Законъ о положеніи 6-го іюля 1910 г. о государ. налогѣ съ недвиж. имуществъ въ гор., пос. и мѣст., за искл. пос. губ. Ц. Польск. Спб., 1911. XII+280 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Исаченко, В. Л. Русское гражданское судопроизводство. Практическое руководство для студентовъ и начинающихъ юристовъ. Т. II, вып. II. Судопроизводство конкурсное. Спб., 1911. Изд. 3-е дополн. 391+638+VIII стр. Ц. 1 р. 75 к.

Мышъ, М. И. Уставъ о земскихъ повинностяхъ. (Сводъ Зак., т. IV.) Дополненіе по прод. 1908 и 1909 годовъ и послѣд. узаконеніямъ. Спб., 1911. 31 стр. Ц. 35 к.

Нюренбергъ, А. М. Положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ. М., 1911. Изд. юрид. книжн. маг. „Правовѣдѣніе“ И. К. Голубева. XV+452 стр.

Плетневъ, В. А. и Содовскій, Г. Г. Законъ о государственномъ налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, за исключеніемъ посадовъ губерній Царства Польскаго. (Законъ и Положеніе 6-го іюля 1910 г.) Съ прилож. инструкціи мин. финансовъ о порядкѣ опредѣленія и взиманія налога, примѣрныхъ бланковъ вѣдомостей и образцовъ заявленій и алфавит. предм. указателя. Спб., 1911. IX+120 стр. Ц. 1 р.

Ротенбергъ, Л. М. Полный сводъ рѣшеній гражд. кас. департ. прав. сен. (начиная съ 1866 г.), съ подр. предм. алфав. и постат. указат. За 1866 и 1867 гг. № 1 — 325. Полутомъ 1-й. 25 — 452 стр. За 1867 г. № 325 — 531 и за 1868 г. № 1—82. Полутомъ 2-й. Изд. 2-е. 453—808+128 стр. За 1868 г. № 83 — 368. Полутомъ 3-й. 129 — 608 стр. Изд. 2-е. Екатеринославъ, 1911.

— Полный сводъ рѣшеній уголов. кас. департ. прав. сен. (начиная съ 1866 г.), съ подр. предм. алфав. и постат. указ. За 1871 г. № 89 — 546. Полутомъ 13-й. 85 — 484 стр. За 1871 г. № 548 — 979. 485—884 стр. За 1871 г. № 969—1416. Полутомъ 15-й. 885—1284 стр. За 1871 г. № 1416—1838. Полутомъ 16. 1285—1684 стр. Екатеринославъ, 1910.

Шафиръ, М. П. Положеніе о взысканіяхъ по безспорнымъ дѣламъ казны. (Т. XVI, ч. 2, изд. 1910 г.) Съ разъяснен. по рѣшеніямъ гражд. кассац. и другихъ департ., а равно общихъ собраній правит. сената, съ прил. извлеченій изъ разныхъ томовъ Свода Законовъ. Спб., 1911. VII+184 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Шрамченко, М. П. и Ширковъ, В. П. Уставъ уголовнаго судопроизводства съ позднѣйшими узаконеніями, законод. мотивами, разъяснен. правит. сената и циркул. мин. юстиц. Спб., 1911. Изд. кн. маг. Н. К. Мартынова, 5-е испр. и доп. VIII+1264+LXXIII стр. Ц. 5 р.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Современное освободительное движеніе въ Россіи; біографіи и воспоминанія. § 3. Русскія политическія партіи; Государственная Дума. § 4. Народное образованіе. § 5. Церковь и сектантство. § 6. Національный и инородческій вопросы. § 7. Женскій вопросъ. § 8. Половой вопросъ. § 9. Армія и флотъ.

§ 1. **Бехтеревъ, В. М.,** проф. Вопросы нервно-психическаго здоровья въ населеніи Россіи. Спб., 1911. 26 стр.

Гладковъ, Б. И. Первопричина нашего атеизма. Спб., 1911. Изд. автора, 2-е, знач. доп. 24 стр. Ц. 10 к.

Глинка, Ѳ. К. Письма хуторянина къ своимъ членамъ третьей Госуд. Думы и Госуд. Совѣта. Письмо III. Глава II. Къ вопросу о программѣ финансированія нашей народной производительности и нашего творчества. Могилевъ, 1910. 34 стр.

Жиркевичъ, А. В. Открытое письмо къ сотрудникамъ газеты „Новое Время“—А. А. Столыпину и Н. А. Энгельгардту. Вильна, 1910. 29+2+1+3+2+2+4 стр. 1 листъ рис. Ц. 25 к.

Жуковскій, Ю. Г. Крестьянское дѣло и общественная иниціатива. Спб., 1911. 211 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ, И. Е. Корни японскихъ побѣдъ, или чѣмъ побѣдили насъ японцы. М., 1910. 35 стр. Ц. 25 к.

Казанскій, П. Е. Совѣщаніе профессоровъ въ декабрѣ 1910 г. (Докладъ въ академическомъ клубѣ въ Одессѣ.) Одесса, 1911. 53 стр.

Кожевниковъ, Г., проф. Проклятый вопросъ. (Къ современному положенію университета.) М., 1911. 16 стр.

Корвинъ-Милевскій, И.-К. О., графъ. Къ чему должно стремиться литовское дворянство. Спб., 1911. 47 стр.

Къ финляндскому вопросу. Письмо предсѣдателя Высочайше учрежденной комиссіи по систематизаціи финляндскихъ законовъ Н. Корево къ издателю газеты „Times“. Спб., 1911. 13 стр.

Лозинскій, Е. Левъ Толстой объ интеллигенціи и рабочемъ вопросѣ. Съ прил. двухъ неизд. писемъ Толстого къ автору. Спб., 1911. Изд. автора. 16 стр. Ц. 10 к.

Матеріалы по вопросу о введеніи суда съ присяжными засѣдателями въ Терской области и объ учрежденіи окружнаго суда въ городѣ Пятигорскѣ. (Въ память 45-лѣтія судебныхъ уставовъ императора Александра II.) Пятигорскъ, 1911. 51 стр.+1 карта.

Мейеръ, Ф., д-ръ. Несостоятельность закона о чертѣ осѣдлости евреевъ. Вильна 1910. 88 стр. Ц. 30 к.

Никольскій, П. Отечество. М., 1911. 54 стр. Ц. 6 к.

— Самоубійство. Тамбовъ, 1910. 54 стр. Ц. 6 к.

Никулинъ, В. В. Болѣзни школьнаго возраста. Обсужденіе данныхъ за 11 учебныхъ годовъ. М., 1911. 81 стр. Ц. 45 к.

Пасхаловъ, К. Погрѣшности обновленнаго 17-го октября 1905 года государственнаго строя и попытка ихъ устраненія. М., 1911. 70 стр.

Пиленко, Ал. Группа обновленія въ спб. городской думѣ въ 1910 году. Спб., 1911. 48 стр. Ц. 20 к.

С. С., кн. (Пироговъ). Осколки научно-публицистическіе. Ч. I. Тифлисъ, 1911. 178+63 стр. Ц. 1 р.

Сементковскій, Р. И. Современная Россія. Въ дни революціи. Спб., 1911. 221 стр. Ц. 1 р.

Сивачевъ, М. Прокрустово ложе. (Записки литературнаго Макара.) Книга I. (Собр. сочин. Т. I.) М., 1911. Изд. „Современ. Проблемы“. 236 стр. Ц. 1 р.

Туржимъ, Фр. Смута или миръ. Однообразіе или солидарность въ дѣлѣ единенія. Кіевъ, 1911. Изд. книгоизд. „Наше Прошлое“. 21 стр.

§ 4. **Кауфманъ, К. П., фонъ.** Начальное народное образованіе въ Туркестанскомъ краѣ. 1881 г. Спб., 1911. 15 стр.

Леоновъ, А. П. По поводу желательнаго направленія дѣятельности народной школы. Докладъ. Новочеркасскъ, 1911. 16 стр.

§ 5. **Варакинъ, Д. С.** Обзоръ вѣроученія странниковъ-бѣгуновъ. М., 1911. 53 стр.

Керенскій, В., проф. Римско-католическій модернизмъ. (Его происхожденіе, сущность и значеніе.) Харьковъ, 1911. 58 стр. Ц. 40 к.

Кунцевичъ, Л. З. Въ чемъ ложь баптизма? и отвѣтъ на „отзывъ“ баптиста Д. Мазаева. Харьковъ, 1910. 25 стр.

Новый Израиль. Матеріалы къ исторіи, и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Подъ ред. В. Бончъ-Бруевича. Вып. IV. Съ пред. и прим. В. Бончъ-

Бруевича. Спб., 1911. CXXXI+4 нен.+485 стр. Съ 33 рис. и автогр. Ц. 5 р.

Переферковичъ, К. Религіозные вопросы у современныхъ евреевъ въ Россіи. Разборъ „заключеній“ особаго съѣзда при раввинской комиссіи 1910 г. Спб., 1911. 80 стр. Ц. 50 к.

§ 6. **Ардашевъ, П. Н., проф.** Націонализмъ на Западѣ. Его историческое происхожденіе и главнѣйшіе моменты его развитія. Лекція, чит. въ кіевскомъ клубѣ русскихъ націоналистовъ 14-го окт. 1910 г. Кіевъ, 1911. Изд. кіев. клуба русск. націонал. 48 стр. Ц. 25 к.

Стельмашенко, М. А., свящ. Правда о русскихъ евреяхъ. (По научнымъ историческимъ даннымъ.) Кіевъ, 1911. Изд. 2-е. 23 стр.

§ 7. **Геймансъ, Г.** Психологія женщины. Спб., 1911. Изд. О. Богдановой. XII+248 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Мужчина и женщина. Ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое въ современной культурной жизни. Авториз. перев. съ нѣм., съ доп. Подъ ред. А. С. Догеля, Д. А. Клеменца и А. Н. Шабановой. Вып. II—III. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. 49—128 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вып. IV—V. 129—208 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Орловская, М. В. О женскомъ движеніи въ Россіи. Спб., 1911. 13 стр. Ц. 10 к.

§ 8. **Кетчеръ, Л. М., д-ръ.** Пробужденіе полового сознанія (половое созрѣваніе и его аномаліи). Психологическій и психіатрическій этюдъ. Перев. съ нѣм. Р. Певзнеръ. Подъ ред. д-ра А. Н. Бернштейна. (Вопросы педагогической психологіи подъ ред. А. Н. Бернштейна, В. Е. Игнатьева, М. П. Іогихесъ, Г. И. Россолимо и проф. Г. И. Челпанова. Вып. III.) М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. XVII+174 стр. Ц. 60 к.

Porosz, Moriz. Половая жизнь, ея физіологія и патологія. Перев. подъ ред. Н. А. Михайлова. Спб., 1911. Изд. т-ва „Новое въ медицинѣ“. 190 стр. Ц. 1 р. 75 к.

§ 9. **Исторія русской арміи и флота.** Вып. I. М., 1911. Изд. книгоизд. „Образованіе“. 191 стр.+18 лист. рис.

Михеевъ, С. Исторія русской арміи. Вып. IV. Переходная эпоха (1815—1856 гг.). М., 1911. Изд. С. Михеева и А. Казачкова. 72 стр. Ц. 60 к.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 2. **Мироновъ, А. М., проф.** Исторія христіанскаго искусства. Казань, 1911. 215 стр.

§ 3. **Янжулъ, И. И. Е. Цвѣтковъ.** (Основатель цвѣтковской картинной галлереи въ Москвѣ.) Спб., 1911. 17 стр. Съ портр.

§ 5. **Гофманъ, І.** Фортепіанная игра. Пер. съ англ. Э. Рашковской, подъ ред. проф. А. Ярошевскаго. М., 1910. 74 стр. Съ рис. Ц. 90 к.

Римскій-Корсаковъ, Н. А. Музыкальныя статьи и замѣтки (1869—1907). Со вступит. статьей М. Ф. Гнѣсина. Подъ редакц. Н. Римской-Корсаковой. Спб., 1911. 223 стр. Ц. 90 к.

§ 6. **Алконость.** Кн. I. Спб., 1911. Изд. передвижного театра Гайдебурова и Счарской. 194 стр. Съ 14 рис. Ц. 2 р. 25 к.

Перетцъ, В. Н. Новый трудъ по исторіи Украинскаго театра. Спб., 1911. 42 стр.

Сборникъ памяти В. Ф. Коммиссаржевской. Подъ ред. Евт. П. Карпова. Спб., 1911. 436 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Элементарная и высшая математика; механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, психологія, анатомія человѣка; гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ; біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ. § 10. Справочныя изданія по естественнымъ наукамъ.

§ 1. **Пфейфферъ, Г. В.** Представленіе областей особенныхъ точекъ алгебраическихъ поверхностей рядами, расположенными по цѣлымъ положительнымъ степенямъ двухъ параметровъ. (Разрѣженіе особенныхъ точекъ алгебраическихъ поверхностей.) Кіевъ, 1910. 134 стр.+15 табл. чертеж.

Савенкозъ, Е. С. Объ изученіи кривыхъ высшихъ порядковъ методомъ синтетической, проводящей Эвклидовой Геометріи. Вып. III. Спб., 1911. 101 стр.

§ 2. **Клейнъ, Г., проф.** Астрономическіе вечера. (Общедоступныя бесѣды.) Перев. съ нѣм. І. Л. Давыдова. Спб., 1911. Изд. т-ва Вятскаго, 2-е. 415 стр. Съ рис. и картою. Ц. 1 р. 25 к.

Фламмаріонъ, К. Земля. Популярно-научный очеркъ изъ книги „Живописная Астрономія". Пер. съ франц. Е. Танаевскій. Спб., 1911. Изданіе Вятскаго т-ва. 127 стр. Съ рис.

§ 3. **Бородовскій, В. А.** Поглощеніе баталучей радія. (Экспериментальное изслѣдованіе.) Юрьевъ, 1910. VI стр. Съ чертеж. Ц. 1 р. 50 к.

Браунъ, Ф. Мои работы по безпроволочной телеграфіи и по электрооптикѣ. Рѣчь, произнесенная при полученіи премія Нобеля въ Стокгольмѣ, 11 декабря 1909 г. Пер. съ рукоп. П. М. Мандельштама и Н. Д. Попалекси. Одесса, 1911. Изданіе книгоизд. Матезисъ. XXIV+92+8 нен. стр.+1 портр. Ц. 70 к.

Герце, В., проф. Физическая химія, какъ основаніе аналитической химіи. Перев. съ разрѣш. и съ доп. автора съ нѣм. Д. Д. Гарднера. Подъ ред. проф. А. А. Яковкина. Спб., 1911. Изд. К. Л. Риккера. VI+124 стр. Ц. 1 р.

Делоне, Н. Б. Введеніе въ современную теорію электричества и магнетизма. Ч. 1. Спб., 1911. Изд. Риккера. XII+204 стр. Съ 199 рис. Ц. 2 р.

Левитская, М. А. Всемірное тяготѣніе съ исторической точки зрѣнія. Спб., 1911. Изд. журн. „Вопросы физики". 49 стр.

Майзель, С. О. Стробоскопическія явленія. Сборникъ основныхъ работъ. Спб., 1911. VIII+149 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Оствальдъ, В. Аналитическая химія. Авториз. пер. съ нѣм. 5 изд. А. С. Комаровскаго. Съ пред. проф. П. И. Вальдена. Спб., 1911. Изд. книгоизд. „Образованіе". 300 стр. Ц. 1 р. 40 к.

§ 4. **Степановъ, П. И.** Геологическія изслѣдованія, произведенныя въ Грушевскомъ антрацитовомъ районѣ лѣтомъ 1909 г. Отд. оттискъ изъ т. XXIX Извѣстій геологич. комитета. Спб., 1910. 337—371 стр.+3 табл. Ц. 60 к.

Яковлевъ, Н. Геологическія изслѣдованія въ южномъ Тиманѣ въ 1894 и 1909 гг. Отд. оттискъ изъ т. XXIX Извѣстій геологическаго комитета. Спб., 1910. 373—389 стр.+1 карта. Ц. 30 к.

§ 5. **Богдановъ, М. Н., проф.** Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и разсказы, съ портр., біограф. очеркомъ и пред. П. Н. Вагнера. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. XIX+364 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

Ehrlich, Paul, проф. Біологическіе этюды. Перев. д-ра Е. С. Таль. Спб., 1910. Изд. т-ва „Новое въ медицинѣ". 145 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Емельяненко, П. Г. Къ вопросу о распредѣленіи флоры и фауны у Крымскихъ береговъ въ Черномъ морѣ. Кіевъ, 1911. Изд. кіев. о-ба люб. природы. 30 стр.

Поспѣловъ, В. Постъ-эмбріональное развитіе и имагинальная діапауза у чешуекрылыхъ. Кіевъ. 1910. II+III+163—140+1 нен. стр.+8 табл. рис.

Стуковъ, Г. А. Растительный міръ. Труды агинской экспедиціи. Вып. IV. Спб., 1910. Изд. читинское отдѣл. пріамурскаго отд. И. Р. Г. О. 80 стр.

§ 6. **Жукъ, В. Н.** Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Спб., 1910. Изд. В. Н. Губинскаго, 9-е юбилейное изд. XXIV+985 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

§ 7. Батумское побережье. „Русскіе тропики". Подъ ред. С. А. Анисимова. Сборникъ статей: Л. В. Вилькенскаго, М. Я. Фенстера, С. А. Анисимова, Ю. И. Дядюши, А. Н. Краснова и В. Н. Прянишникова. Батумъ, 1911. Изд. С. А. Анисимова. 192 стр. съ рис. +1 карта. Ц. 1 р. 20 к.

Елпатьевскій, С. Египетъ. Спб., 1911. Изд. т-во „Общественная польза". 213 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Караваева, Е. А. Бельгія. Географическій очеркъ. Спб., 1911. Изд. Вятскаго т-ва. 151 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Купчинскій, Ф. Новая Японія. Спб., 1911. Изданіе „Посѣвъ". 263 стр. Съ рисунк. Ц. 1 р. 25 к.

— Народы земли. Географическіе очерки жизни человѣка на землѣ. Подъ ред. Н. И. Березина. Т. III. Вып. LV—LVI. Спб., 1911. Изд. т-ва „Общественная польза". 97—144 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вып. LVII—LIX. 145—203+4 нен. стр. Съ рис.

Реклю, Э. Ручей и его исторія. Перев. Д. А. Коропчевскаго. М., 1911. Изд. к-ва К. И. Тихомирова, 3-е. 136 стр. Съ рисунк. Ц. 50 к.

Смирновъ, А. К. Швейцарія. Географическій очеркъ. Спб., 1911. 29 стр. Ц. 20 к.

Соколовъ, А. В. Лондонъ. (Географическая комиссія при учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. З.) М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 186+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Туманскій, А. Г. Арабскій языкъ и Кавказовѣдѣніе. Публичная лекція въ Тифлисскихъ высшихъ курсахъ по Кавказовѣдѣнію, чит. 6 ноября 1910 г. Тифлисъ, 1911. Изд. автора. 41 стр. Ц. 30 к.

§ 8. **Вальтеръ, Іог.** Исторія земли и жизни. Биб. естествознанія подъ ред. П. И. Броунова и В. А. Фаусека. Пер. съ нѣм.

Ф. Ю. Левинсона-Лессинга. Вып. III. Спб., 1911. Изд. „Брокгаузъ-Эфронъ“. 305—446 стр. Съ рис.

Планкъ, М., д-ръ. Отношеніе новѣйшей физики къ механическому міровоззрѣнію. Разрѣш. авторомъ перев. съ нѣм. Е. Г. Фейгельсона, подъ ред. С. О. Майзеля. Спб., 1911. Изд. книгоизд. „Физика“. 44 стр. Ц. 25 к.

Уоллэсъ, А. Р. Дарвинизмъ. Изложеніе теоріи естественнаго подбора и нѣкоторыхъ изъ ея приложеній. Перев. проф. М. А. Мензбира, съ прилож. его статьи „А. Уоллэсъ и его научное значеніе“. М., 1911. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ, 2-е. XXVI+577 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 40 к.

§ 9. **Голиковъ, В. И.** Методика естествовѣдѣнія въ главнѣйшихъ ея представителяхъ и истор. развитіи въ нашей общеобразовательной школѣ—средней и низшей. Съ прил. сборника „Вопросы преподаванія природовѣдѣнія“. Пособіе для учащихъ въ среднихъ, низшихъ и нач. школахъ. М., 1911. Изд. К. И. Тихомирова, 2-е. X+560 стр. Ц. 1 р. 80 к.

X. Книги для дѣтей.

Авенаріусъ, В. П. Сказка о пчелѣ мохнаткѣ. Разсказъ для дѣтей. М., 1911. Изд. А. Д. Ступина, 11-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Андерсенъ. Двѣ сказки. I. Сундукъ-самолетъ. II. Снѣжный болванъ. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина. 32 стр.

— Избранныя сказки. Четвертый сборникъ. Перев. подъ ред. М. Васильева. М., 1911. Изд. кн. склада М. В. Клюкина. 118 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Аѳанасьевъ, А. Н. Русскія дѣтскія сказки. Съ рис. Н. Н. Каразина. М., 1911. Изд. А. К. Залѣсской, 14-е. 304 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

Бажановъ, В. Б., прот. Правоучительныя повѣсти для дѣтей. Съ рис. Н. Осташева. Спб., 1911. Изд. 17-е, И. Л. Тузова. 107+1+20 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Вернъ, Ж. 80 тысячъ верстъ подъ водою. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Съ рис. Ріу и Невиля. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина. 388 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Гриммъ, Бр. Ваня и Маша. Сказка. (Б-ка сказокъ.) М., 1911. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Двѣнадцать братьевъ. Сказка. (Б-ка сказокъ.) М., 1911. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 15 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Дѣвушка безъ рукъ. Сказка. (Б-ка сказокъ.) М., 1911. Изд. М. В. Клюкина. 15 стр. Ц. 5 к.

— Нянины сказки. Избранныя сказки для дѣтей школьнаго возраста. М., 1911. Изд. М. В. Клюкина. 96 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

— Сказка про жаръ-птицу. (Б-ка сказокъ.) М., 1911. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 16 стр. Ц. 5 к.

Гринвудъ, Дж. Маленькій оборвышъ. „Книжка за книжкой“. Кн. 181. Спб., 1911. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 99 стр. Ц. 25 к.

Гринъ, Р., д-ръ. Начатки ботаники. Пер. съ англ. С. Г. Займовскаго. М., 1911. Изд. т-ва „Міръ“. 148 стр. Съ рис.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Малымъ ребятамъ разсказы и стихи. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей. № 213. М., 1911. 128 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вып. II. № 214. 128 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Диккенсъ, Ч. Давидъ Копперфильдъ. Иллюстрир. романы въ сокращ. перев. Л. Шелгуновой. Спб., 1911. Изд. П. В. Луковникова, 4-е. 94 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Добронравовъ, Н. Е. Про Медвѣдя Мишку и Косого Зайца. Два разсказа для дѣтей. М., 1911. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 56 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Доганович, А. Отзывчивыя сердца. Разсказы для дѣтей. М., 1911. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 79+1 нен. стр. Съ рис.

Дудоровъ, П. На волѣ и въ неволѣ (рогачъ). Разсказъ для дѣтей. М., 1911. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Дядя Ваня. Подарочекъ. Богато иллюстрированный сборникъ интересныхъ и полезныхъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1911. Изд. книгоиздател. „Самопомощь“. 54 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

— Загадка. Сказка для маленькихъ дѣтей. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 16 стр.+4 листа рис.

Инфантьевъ, П. Дѣти-сироты. Разсказъ изъ жизни остяковъ. Остяки. Очеркъ. (Земля и люди. Географ. б-ка. Жизнь народовъ Россіи. Спб., 1911. Изд. П. В. Луковникова. 36 стр. Съ 6 рис. Ц. 15 к.

— Злая Кереметь. Разсказъ изъ жизни чувашъ. „Земля и Люди“, № 9. Спб., 1911. Изд. Луковникова. 23 стр. Съ рис. Ц. 11 к.

— Мурманскіе зуйки. Разсказъ изъ жизни поморовъ. Мурманъ. Очеркъ. Спб., 1910. Изд. П. В. Луковникова. 39 стр. Съ рис. Ц. 16 к.

— Охотники за горбачами. Разсказъ изъ жизни бурятъ. Буряты. Очеркъ. Спб., 1911. Изд. П. В. Луковникова. 30 стр. Съ рис. Ц. 14 к.

— Полярный Робинзонъ. Разсказъ изъ жизни эскимосовъ. Эскимосы. Очеркъ.

Земля и люди. Географ. б-ка. Спб., 1911. Изд. книжн. маг. П. В. Луковникова. 51 стр. Съ 17 рис. Ц. 20 к.

— Сухая бѣда. Разсказъ изъ жизни вотяковъ. Вотяки. Очеркъ. (Земля и люди. Географ. б-ка. Жизнь народовъ Россіи.) Спб., 1911. Изд. П. В. Луковникова. 32 стр. Съ 5 рис. Ц. 14 к.

Клокова, М. Крѣпостное право и освобожденіе крестьянъ. Очеркъ. М., 1911. Изд. Школьной б-ки. 43+4 нен. стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Кругловъ, А. В. Разными дорогами. Повѣсть для дѣтей школьнаго возраста. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1911. Изд. М. В. Клюкина. 160 стр. Съ рис.

Ланская, М. О. Лучшій день въ году. Разсказъ для дѣтей. Спб., 1911. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 16 стр. Съ 7 рис.

Литвинцева, С. Ф. Маленькій русскій историкъ. Разсказы про былое. Для дѣтей. 2 тома. Золотая б-ка. Спб., 1911. Изд. т-ва М. О. Вольфа. 192+192+208+192+232 стр. Ц. 3 р.

Луисъ, П. Пѣсни Билитисъ. Перев. А. Л. Кондратьева. Спб., 1911. Изд. 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. 192 стр. Ц. 1 р.

Лункевичъ, В. Откуда взялись наши домашнія животныя и растенія. Спб., 1911. Изд. В. Яковенко. 56 стр. Съ 34 рис. Ц. 15 к.

Любовъ, П. Рождественскій подарокъ дѣтямъ. Владивостокъ, 1910. 63 стр. Ц. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Великій грѣшникъ. Разсказъ. Спб., 1911. Изд. Вятскаго тов. 80 стр. Ц. 15 к.

— Дорогой хлѣбъ науки. Современная русская литература, № 50. Спб., 1911. Изд. „Освобожденіе“. 56 стр. Ц. 10 к.

Мазль, П. Въ странѣ чудесъ. Путешествіе по Индіи. Перев. съ франц. Спб. 1911. Изд. книгоизд. „Всходы“, 3-е. 206 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Медвѣдевъ, Л. М. Разсказъ одной монеты. М., 1911. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 48 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Носиловъ, К. Д. Тоня Логай. Разсказъ изъ жизни самоѣдовъ. (Дешевая б-ка для семьи и школы.) М., 1911. Изд. ред. журн. „Юная Россія“. 29+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Оріонъ, М. (Пархоменко, М. Н.) Царь-Кедронъ. Рождественская сказка. Посадъ Азовъ, 1910. Изд. А. О. Фокина. 23 стр. Ц. 3 к.

Перго, Л. Отъ Гупиля до Марго. Разсказы животныхъ. Перев. съ франц. А. Ф. Гретманъ. М., 1911. Изд. „Сфинксъ“. 186 стр. Ц. 80 к.

— Отъ Гупиля до Марго. Разсказы изъ жизни животныхъ. Пер. Ж. бо д'Апль. М., Изд. книгоизд. „Заря“, 149+2 нен. стр. Ц. 60 к.

Пири, Р. Открытіе сѣвернаго полюса. Перев. съ англ. А. Д. Дмитріева. М., 1911. Изд. „Юной Россіи“. 164 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Покровскій, Н. Пѣвцы. Разсказы иностранныхъ и русскихъ писателей для дѣтей школьнаго возраста. Съ рис. С. В. Беклемишева. М., 1911. 72 стр. Ц. 40 к.

Полевой, П. Н. Избранникъ Божій. Историческая повѣсть начала XVII вѣка. Спб., 1911. Изд. А. Ф. Девріена, 2-е 161 стр. Съ 12 рис.

Принцъ-Красавецъ. Сказка для маленькихъ дѣтей. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 15 стр.+5 лист. рис.

Про собакъ. Разсказы для дѣтей. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 16 стр.+5 лист. рис.

Реморовъ, Н. И. Добрыя души. Разсказы и картинки изъ школьной жизни. Спб., 1911. Изд. кн. маг. „Вѣра и Знаніе“. 140+III стр. Ц. 50 к.

Рубанинъ, Н. А. Докторъ Гассанъ. Разсказъ о приключеніяхъ въ Алжирѣ и Сахарѣ. Спб., 1911. Изд. Вятскаго книгоизд. товарищества, 3-е. 117 стр. Съ 46 рис. Ц. 35 к.

Сальгари, Эм. Въ дебряхъ Атласа. Романъ. Съ рис. С. Амато. Перев. съ итальянск. А. Ф. Гретманъ. М. 1910 (11). 255 стр. Ц. 50 к.

— Охотница за скальпами. Повѣсть. Городъ прокаженнаго короля. Повѣсть. Съ рис. А. Дела-Вале. Перев. съ итальянскаго М. К. Первухина. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 255 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Сетонъ-Томпсонъ, Э. Разсказы изъ жизни животныхъ. Уличный пѣвецъ. Приключеніе воробья. Перев. съ англ. Спб., 1911. Изд. Луковникова. 38 стр. Съ рис. Ц. 13 к.

Сливицкій, А. Волчья дубрава. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. (Избранное чтеніе для юношества изъ изданій Л. Поливанова). М., 1911. Изд. 2-е. 137 стр.+15 лист. рис. Ц. 90 к.

Слѣпцова, М. Жилища и нравы птицъ. „Книжка за книжкой“. кн. 42. Спб., 1911. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 269 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Слѣпцовъ, А. Странствованія Марко Поло по Монголіи, по Китаю и Индіи. „Книжка за книжкой“. 108. Спб., 1911. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 79 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьевъ, Н. И. Разсказы о жизни императора Александра Благословеннаго и Отечественной войнѣ 1812 года. Спб., 1911. Изд. В. Березовскаго. 157 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

— Спесивица. Сказка для маленькихъ дѣтей. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 16 стр.+5 лист. рис.

Твэнъ, М. Юмористическіе разсказы. Въ пересказѣ Е. Н. Тихомировой. Съ рис. художника К. Фридберга. (Б-ка для семьи и школы). М., 1911. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Телешовъ, Н. Д. Разсказы и сказки для юныхъ читателей. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 170 стр. Съ 20 рис.

Томпсонъ-Сэтонъ, Э. Біографія Гризли и другіе разсказы. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 134 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

— Юные дикари. Жизнь и приключенія подростковъ въ канадскихъ лѣсахъ. Съ иллюстраціями автора. Перев. съ англійск. Л. А. Мурахиной-Аксеновой. М., 1911 (10). 349+II стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Умникъ Ваня. Сказки для маленькихъ дѣтей. М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 16 стр.+5 лист. рис.

Успенскіе, Ш. и И. Наши сказки. Книжка четвертая. М., 1911. 61 стр. Съ рис.

Флеровъ, Всеволодъ. Наглядные уроки письма. Прописи, картинки, задачи. Пособіе для учащихся, составленное согласно даннымъ современной психологіи. Книжка I. Первые шаги. Кіевъ, 1911. Изд. 3-е. 64 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Цебрикова, М. Мой отецъ. (Дешевая б-ка для семьи и школы). М., 1911. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 30 стр. Ц. 10 к.

Черскій, Л. Ф. Искорки. Разсказы и сказки для дѣтей. Съ рис. М. М. Михайлова и П. Литвиненко. М., 1911. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. 46 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Шевченко, Т. Г. Сборникъ избранныхъ стихотвореній съ біографіей поэта подъ ред. Д. И. Тихомирова. М., 1911. Изд. журн. „Юная Россія". 60 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§ 1. Богословская энциклопедія. Т. XI. Клавда—книги апокрифическія Новаго Завѣта. Подъ ред. Н. Н. Глубоковскаго. Общедост. богословск. б-ка. (Вып. XXV.) Спб., 1910. Изд. преемн. А. П. Лопухина. 470 (въ 2 столб.)+XI стр.

Военная энциклопедія. Подъ ред. В. Ѳ. Новицкаго и др. (Адмиралтействъ-Коллегія.—Алжирскіе пираты.) Вып. II. (Конецъ I тома.) Спб., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 161—320 стр. Съ рис. и портр.+22 листа рис.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Н. Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Книга II. М., 1911. Изд. т-ва „Міръ". 131—274 стр.+6+1 табл.

§ 2. Полный русско-татарскій словарь. Буквы А—Т. „Русча-татарча мукаммаль люгат". Казань, 1911. 544 стр.

Преображенскій, А. Этимологическій словарь русскаго языка. Вып. IV. М., 1911. 217—296 стр. Ц. 65 к.

§ 3. **Владиславлевъ, Н. В.** Что читать? Указатель систематическаго домашняго чтенія для учащихся. Съ пред. Н. Рубакина. Вып. II. М., 1911. Изд. „Наука". IV+91 стр. Ц. 40 к.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Ч. I. М., 1911. Изд. 4-е. XXV+217 стр. Ц. 1 р.

Чернышевскій, М. Н. О Чернышевскомъ. Библіографія 1854—1910. Спб., 1911. Изд. 2-е, испр. и значит. доп. 78 стр. Ц. 50 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» въ теченіе марта 1910 г.

Адамовичъ, С. Разложеніе алгебраическихъ выраженій на множители. Спб., 1911 г. Стр. 48. Ц. 40 к.

Андреевъ, Леонидъ. Океанъ. Трагедія въ 7-ми картинахъ. Изд. „Прометей". Спб., 1911 г. Стр. 142. Ц. 1 р. 25 к.

Анучинъ, В. Разсказы и сказанія. Кн. I. Спб., 1911 г. Стр. 161. Ц. 50 к.

Апраксинъ, А. Д. Пробужденіе. Романъ. Спб., 1911 г. Стр. 102.

Барановъ, В. О. Цѣнность жизни и основныя начала міропониманія. К-во „Посѣвъ". Спб., 1911 г. Стр. 61. Ц. 50 к.

Батумское побережье. Сборникъ статей подъ ред. С. А. Анисимова. Батумъ, 1911 г. Стр. 181. Ц. 1 р. 20 к.

Бернгардъ, Людвигъ. Борьба поляковъ за существованіе въ Пруссіи. Пер. съ нѣм. А. С. Изгоева. Съ предисловіемъ П. Б. Струве и вступительной статьей А. С. Изгоева. Изд. В. П. Рябушинскаго. М., 1911 г. Стр. XXIV+584. Ц. 2 р. 50 к.

Берманъ, Я. А. Сущность прагматизма. М., 1911 г. Стр. XII+240. Цѣна 1 р. 75 к.

Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. На морѣ и землѣ. Стр. 98. Ц. 55 коп. Подвижныя игры. Стр. 32. Ц. 18 к. За работу. Кн. IV. Ц. 12 к. *Н. Ульяновъ.* Человѣкъ-птица. Ц. 35 к. *Е. Вальтеръ.* Какъ рисовать кистью. Ц. 25 к. *Ч. Робертсъ.* Разсказы. Ц. 26 к. *О. Робертъ.* Какъ устроить камеру обскуру. Ц. 25 к. М., 1911 г.

Бинэ, А. и Симонъ, Т. Развитіе интеллекта у дѣтей. Пр. д-ра С. И. Зандера. Изд. В. М. Саблина. М., 1911 г. Стр. 162. Ц. 75 к.

Burchan, Georg. Спортъ и сердце. Изд. т-ва „Новое въ медицинѣ". Спб., 1910 г. Ц. 40 к.

Бѣлякова, Е. Дѣтство и юность императора Александра II. Изд. журнала „Свѣтлый Лучъ". Спб., 1911 г. Стр. 49.

Валишевскій, К. Собраніе сочиненій. Т. II. Царство женщинъ. Екатерина I. Анна, Елизавета. Пер. съ франц. А. Гретманъ. К-во „Сфинксъ". М., 1911 годъ. Стр. 442. Ц. 3 р.

Великая реформа. Подъ ред. А. К. Дживилегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичета. Т. V. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1911 г. Стр. 308.

Веригинъ, Н. Сборникъ примѣровъ и статей для диктанта и разбора. Пособіе для народныхъ училищъ и младшихъ классовъ средн. учебн. заведеній. Ярославль, 1911 г. Стр. 115. Ц. 50 к.

Верленъ, Поль. Записки вдовца. Пер. съ франц. С. Я. Рубановича, со вступ. статьей Вал. Брюсова. К-во „Альціона". М., 1911 г. Стр. XV+144. Ц. 1 р.

Виноградовъ, А. И. Мои стихи. Вятка, 1911 г. Стр. 50. Ц. 65 к.

Владиславлевъ, И. В. Что читать? Указатель системат. домашняго чтенія для учащихся. Вып. I. Стр. 56. Ц. 25 к. Вып. II. Стр. 91. Ц. 40 к. К-во „Наука". М., 1911 г.

Вопросы всеобщаго обученія. (Доклады на собраніяхъ моск. общества грамотности въ 1909—10 гг.). М., 1910 годъ. Стр. 60. Ц. 40 к.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Сборникъ статей Аничкова, Горнфельда, Овсянико-Куликовскаго, Райнова, Тіандера, Харціева и Лезина. Харьковъ, 1911 г. Стр. 432. Ц. 1 р. 75 к.

Гагенъ, В. Обязательное призрѣніе престарѣлыхъ въ Англіи и Франціи. Изд. журн. „Трудовая помощь". Спб., 1910 г. Стр. 56.

Гарди, Томасъ. Собраніе сочиненій. Т. II. Настоящая женщина. Ч. II. Пер. съ англ. Л. Никифорова. К-во „Соврем.

проблемы". М., 1911 г. Стр. 318. Цѣна 1 р. 25 к.

Гасселькусъ, П. А. Образовательныя путешествія по западной Европѣ. Спб., 1911 г. Стр. 195. Ц. 1 р. 20 к.

Гансонъ, Ола. Ангелъ-хранитель. Пер. О. Ф. Война. Изд. В. М. Саблина. М., 1911 г. Стр. 256. Ц. 50 к.

Гейерстамъ афъ-Густавъ. Собраніе сочиненій. Т. VII. Мать и сынъ. Романъ. К-во „Соврем. проблемы". М., 1911 г. Стр. 285. Ц. 1 р.

Гейзе, Павелъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Въ Раю. Перев. подъ ред. А. Ф. Гретманъ. Изд. П. Н. Клочкова. М., 1911 г. Стр. 431. Ц. 1 р. 25 к.

Геймансъ, Г. Психологія женщины. К-во О. Богдановой. Спб., 1911 годъ. Стр. 248. Ц. 1 р. 50 к.

Гуревичъ, Борисъ. Освобожденіе духа. Психоповолла. Кіевъ, 1911. Стр. 37. Ц. 30 к.

Давыдовъ, Сергѣй. Жизнь одинокой души. (О Ст. Пшибышевскомъ.) М., 1911 г. Стр. 43. Ц. 40 к.

Ле Дантекъ, Феликсъ. Познаніе и сознаніе. Перев. съ франц. В. Базарова. Изд. Н. П. Карбасникова. Спб., 1911 г. Стр. 234. Ц. 1 р. 50 к.

Дарофъ, Адольфъ, д-ръ. Психологія въ общедоступномъ изложеніи. Перев. съ нѣм. И. Самсонова. К-во „Космосъ". М., 1911 г. Стр. 142. Ц. 1 р. 10 к.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. На зарѣ крестьянской свободы. Публичныя чтенія. Кіевъ, 1911 г. Стр. 233. Ц. 1 р.

Додоновъ, В. А. Вербицкая и ея романы. К-во „Златоцвѣтъ". М., 1911 г. Стр. 80. Ц. 35 к.

Долгова, Ек. Флоренція и ея окрестности. М., 1911 г. Стр. 194. Ц. 1 р. 25 к.

Дровертъ, П. Подъ небомъ Якутскаго края. Стихотворенія. Томскъ, 1911 г. Стр. 37. Ц. 45 к.

Дымовъ, Осипъ. Веселая печаль. (Юмористическіе разсказы.) Изд. „Шиповникъ". Спб., 1911 г. Стр. 210. Цѣна 1 р. 25 к.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. 1909—1910 г. Кіевъ, 1911 г. Стр. 80+98+54+9.

Жизнепониманіе Льва Николаевича Толстого въ письмахъ его секретаря В. Ѳ. Булгакова. М., 1911 г. Стр. 48. Ц. 7 к.

Жизнь архимандрита Никодима Казанцева. Сергіевъ-Посадъ, 1910 г. Стр. 128. Ц. 60 к.

Жуковскій, Ю. Г. Крестьянское дѣло и общественная инициатива. Спб., 1911 г. Стр. 211. Ц. 1 р. 50 к.

Замотинъ, И. И. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы. Варшава, 1911 годъ. Стр. IV+474. Ц. 2 р.

Зайцевъ, Борисъ. Разсказы. Кн. III. Изд. „Шиповникъ". Спб., 1911 г. Стр. 205. Ц. 1 р. 25 к.

Ибаньесъ, Бланко. Полное собраніе сочиненій. Т. IX. Тростникъ и грязь. К-во „Сфинксъ". М., 1911 г. Стр. 279. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія русской литературы. Подъ редакціей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. XXII. Издан. т-ва „Міръ". М., 1911 г.

Историческая библіотека „Сфинкса". Мемуары графини Головиной. Съ предисловіемъ и примѣчаніями К. Валишевскаго. Перев. съ франц. К. Папудогло. М., 1911 г. Стр. 410. Ц. 2 р.

Историческій обзоръ дѣятельности Харьковскаго общества распростр. грамоты. 1869—1909 гг. М., 1911 г. Стр. 261.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. М. М. Ковалевскаго, Н. П. Ланге, Николая Морозова и В. М. Шимкевича. Кн. II. Изд. т-ва „Міръ". М., 1911 г.

Ілюстрована Шевченківська библіотека. №№ 1—24. Ц. отъ 2 до 15 к. Видания В. Яковенка. Спб., 1911 г.

Кабештовъ, И. И. Практическіе совѣты по свиноводству. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1911 г. Стр. VI+82. Ц. 70 к.

Казанскій, П. Е. Славянскій съѣздъ въ Софіи. (Отчетъ.) Одесса, 1910 годъ. Стр. 56.

Кауфманъ, А. А. Статистика. Лекціи. Изд. моск. общ. народн. университ. М., 1911 г. Стр. 210. Ц. 50 к.

Кѣтчеръ, Л. М., д-ръ мед. Пробужденіе полового сознанія. Пер. съ нѣм. подъ ред. д-ра А. Н. Бернштейна. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1911 г. Стр. XVII+174. Ц. 60 к.

Классики современной мысли. Изд. В. М. Саблина. Полн. собр. соч. *Влад. Реймонта.* Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. IV. Ц. 1 р. Полн. собр. соч. *Германа Банга.* Тт. III, IV, V по 1 руб. Полн. собр. соч. *Авг. Стриндберга.* Тт. XI и XII по 1 руб. Полн. собр. соч. *Окт. Мирбо.* Т. IX. Ц. 1 р. 50 к. Т. X. Ц. 1 р. Полн. собр. соч. *Генр. Манна.* Тт. I, III, IV по 1 руб. Полн. собр. соч. *Бернарда Шоу.* Тт. VIII и IX по 1 р. Т. X. Ц. 2 руб. Полн. собр. соч. *Кнута Гамсуна.* Тт. XIII и XIV по 1 р. Полн. собр. сочин. *Сельмы Лагерлёфъ.* Т. XII. Ц. 1 р. Полн. собр. соч. *Казиміра Тетмайера.* Т. X. Ц. 1 р. Полн. собр. соч. *Аргэ Гарборга.* Т. II. Ц. 1 р. 50 коп. Полн. собр. соч. *Пьера Лоти.* Т. XII. Ц. 1 р. Полн. собр. соч. *Іоганнеса Іенсена.* Т. IV. Ц. 1 р. Полн. собр. соч. *Клары Фибихъ.* Т. II. Ц. 1 руб. М., 1911 г.

Коваленко, Олекса. Срібні роси. Українське видавництво „Ранок". Кіевъ, 1910 г. Стр. 31. Ц. 15 к.

Кожановъ, Н. Н. Контрольные союзы молочныхъ хозяйствъ, ихъ организація и веденіе. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб., 1911 г. Стр. 63.

Конопницкая, Марія. Собраніе сочиненій. Т. II. Пер. съ польск. М. Троповской. К-во „Соврем. проблемы". М., 1911 г. Стр. 278. Ц. 1 р.

Корзуновъ, П. Т. Темы, планы и матеріалы для сочиненій. Ч. I. Описаніе и повѣствованіе. М., 1911 г. Стр. 192. Ц. 40 к.

Кончинскій, Тадеушъ. Серебристыя вершины. Драма. Спб., 1911 годъ. Стр. 170. Ц. 1 р.

Коробковъ, В. А. Основные законы прибыли. Саратовъ, 1911 годъ. Стр. 86. Ц. 40 к.

Кречетовъ, І. П., протоіерей. Объявленіе воли въ г. Саратовѣ и Саратовск. губ. Саратовъ, 1911 г. Стр. 24. Ц. 5 к.

Кудишъ, А. Стихотворенія. Спб., 1911 г. Стр. 153. Ц. 60 к.

Ледбитеръ, Ч. Краткій очеркъ теософіи. Пер. съ англ. Е. П. Калуга, 1911 г. Стр. 124. Ц. 50 к.

Ломакинъ, Николай. Разсказы (юмористическіе). Кн. II. 2-е изд. дополненное. М., 1911 г. Стр. 254. Ц. 1 р.

Лондонъ, Джекъ. Законъ жизни. (Аляскинскіе разсказы.) Пер. съ англ. Андреевой. К-во „Атенеумъ". М., 1911 г. Стр. 302. Ц. 1 р.

Луговой, А. Наши дни. Спб., 1911 г. Стр. 158. Ц. 80 к.

Марковичъ, Л. З., инж. Воздухоплаваніе, его прошлое и настоящее. Вып. I. К-во „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г. Стр. 64. Ц. 50 к.

Мамадышскій, Н. Н. Земство въ Арханг. губ. Ц. 20 к. Куда? Набросокъ. Ц. 10 к. Архангельскъ, 1911 г.

— Уссинскій край. Архангельскъ, 1910 г. Стр. 73.

Мильтонъ, Джонъ. Самсонъ. Драматическая поэма. Перев. въ стихахъ Н. Брянскаго. Спб., 1911 годъ. Стр. 57. Ц. 60 к.

Михаэлисъ, Каринъ. Опасный возрастъ. Пер. З. Н. Журавской. К-во „Энергія". М., 1911 г. Стр. 174. Ц. 85 к.

Михайловъ, А. В. Опытъ введенія въ изученіе русскаго литературнаго языка и письма. Варшава, 1911 годъ. Ц. 1 р. 60 к.

Мопассанъ, Гюи, де. Пьеръ и Жанъ. Романъ. Перев. О. Н. Черносвитовой. Изд. „Шиповникъ". Спб., 1911 г. Стр. 183. Ц. 1 р.

— Разсказы о животныхъ. Пер. съ франц. Е. Самойлова. Стр. 82. Ц. 15 к. Разсказы. Пер. А. Г. Каррикъ. Стр. 119. Ц. 20 к. К-во Б. М. Вольфа. Спб., 1911 г.

Мужчина и женщина. Ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое въ соврем. культурн. жизни. Пер. съ нѣм. съ дополн. Подъ ред. проф. А. С. Догеля, Д. А. Клеменца и А. Н. Шабановой. Вып. I. Ц. 50 к. К-во „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г.

Муйжель, В. В. Собраніе сочиненій. Т. I. К-во „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г. Стр. 325. Ц. 1 р.

Наша библіотека. *Розеггеръ.* Разсказы для дѣтей. Перев. съ нѣм. Е. Самуйленко. Стр. 80. Ц. 10 к. Родники. Сборникъ. Стр. 111. Ц. 15 к. *Розеггеръ.* Зимніе вечера. Пер. съ нѣм. Е. Самуйленко. Стр. 56. Ц. 10 к. К-во „Другъ". Спб., 1910 г.

— *Гюи-де-Мопассанъ.* Разсказы о животныхъ. Перев. Е. Самуйленко. Стр. 82. Ц. 15 к. *Гюи-де-Мопассанъ.* Разсказы изъ жизни крестьянъ. Пер. А. Г. Каррикъ. Стр. 119. Ц. 20 к. К-во „Другъ". Спб., 1911 г.

Найденовъ, С. Пьесы. Изд. т-ва „Знаніе". Спб., 1911 г. Стр. 223. Ц. 1 р.

Никитинъ, А. Ф. Способы и пріемы практическихъ наблюденій и изслѣдованій по гигіенѣ. Изд. Кл. Риккера. Спб., 1911 г. Стр. XII+556.

Новыя грамматическія упражненія. Подъ ред. Ив. Сахарова. Ч. II. Вып. I. Стр. 140. Ц. 40 к. Вып. IV. Стр. 98. Ц. 30 к. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1911 г.

Новый энциклопедическій словарь. Т. I. А—Алекс. Мих. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Эфронъ. Спб., 1911 годъ. Стр. 980.

Одинокій, Василій. Двадцатый вѣкъ. Стихотворенія. М., 1911 г. Стр. 88. Ц. 85 к.

Ольнемъ, О. Н. Безъ иллюзій. Разсказы. К-во „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г. Стр. 330. Ц. 1 р.

Освобожденіе крестьянъ. Сборникъ статей. Изд. журн. „Жизнь для всѣхъ". Спб., 1911 г. Стр. 330. Ц. 85 к.

Освобожденіе крестьянъ. Изд. журн. „Хуторянинъ". Полтава, 1911 г. Стр. 30. Ц. 10 к.

Отчетъ о состояніи крестьянскихъ обществ. учрежденій мелкаго кредита по даннымъ на 1-е января 1908 г. Спб., 1910 годъ. Стр. 169.

Отчетъ о состояніи ссудо-сберегательныхъ товариществъ, кредитныхъ товариществъ и земскихъ кассъ мелкаго кредита по даннымъ на 1-е января 1908 г. Спб., 1910 г. Стр. 103+141+7.

Отчетъ по мелкому кредиту за 1907 годъ. Спб., 1910 г. Стр. 116+31.

Плеханъ, И. С. Бюджетные законы.

Изд. кн. склада „Право“. Спб., 1911 г. Стр. 565. Ц. 3 р. 50 к.

Полевой, П. Н. Сочиненія. Т. I. На роковомъ просторѣ. Стр. 332. Ц. 1 руб. Т. II. Среди перелетовъ. Стр. 333. Ц. 1 р. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Спб., 1911 г.

Поляки и евреи. Матеріалы о польско-еврейскомъ вопросѣ. Изъ статей и заявленій Грабского, Дмовскаго, Дубровскаго, Жаботинскаго, И. Петрункевича и Свѣнтоховскаго. Одесса, 1911 г. Стр. 70. Ц. 25 к.

Порѣцкій, С. А. Друзья растеній. Б-ка И. Горбунова-Посадова. М., 1911 г. Стр. 143. Ц. 50 к.

Потапенко, И. Н. Сочиненія. Т. IX. Записки стараго студента. Разсказы. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1911 г. Стр. 575. Ц. 1 р. 50 к.

— Сочиненія. Т. VIII. Одинъ. Романъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1911 г. Стр. 497. Ц. 1 р. 50 к.

— Сочиненія. Т. X. Свѣтлый лучъ. Романъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1911 г. Стр. 545. Ц. 1 р. 50 к.

Реймонтъ, Владиславъ. Собраніе сочиненій. Т. IV. Мечтатель. Пер. съ польскаго Евг. Троповскаго. К-во „Современныя проблемы“. М., 1911 г. Стр. 297. Ц. 1 р.

Рейсбрукъ Удивительный. Одѣяніе духовнаго брака. Пер. М. Сизова. Изд. „Орфей“. К-во „Мусагетъ“. М., 1910 г. Стр. 272+VIII. Ц. 2 р.

Романовскій, В. Е. Государственныя учрежденія древней и новой Россіи. Изд. I. Кнебель. М., 1911 г. Стр. 452. Ц. 2 р.

— Руководство по русской исторіи. Ч. I. Стр. 413. Ч. II. Стр. 469. К-во К. И. Тихомірова. М., 1911 г. Ц. за 2 части 2 р. 50 к.

Садовской, Борисъ. Узоръ чугунный. Из-во „Альціона“. М., 1911 годъ. Стр. 132. Ц. 1 р.

Свѣтловъ, В. Я. Сочиненія. Т. II. Колхида. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Спб., 1911 г. Стр. 344.

Сивачевъ, Мих. Собраніе сочиненій. „Прокрустово ложе“. Т. I. Стр. 236. Ц. 1 р. Т. II. Стр. 248. Ц. 1 р. К-во „Современ. проблемы“. М., 1911 г.

Справочный словарь русскаго языка, указывающій правописаніе, ударепіе и грамат. свойства. Изд. А. Копельмана. Одесса, 1911 г. Ц. 80 к.

Статистическій ежегодникъ Тверской губ. 1909 годъ. Тверь, 1910 г. Стр. 216. Ц. 1 р.

Тургеневъ, И. С. Неизданная рукопись. К-во „Молодыя силы“. М., 1911 г. Стр. 38. Ц. 12 к.

Тэффи. Человѣкообразныя. Юмористическіе разсказы. Изд. „Шиповникъ“. Спб., 1911 г. Стр. 224. Ц. 1 р. 25 к.

Уайльдъ, Оскаръ. Царь жизни. К-во „Икаръ“. М., 1911 годъ. Стр. 54. Ц. 40 к.

Уитманъ, Уольтъ. Побѣги травы. Перев. съ анг. К. Д. Бальмонта. К-во „Скорпіонъ“. М., 1911 годъ. Стр. 217. Ц. 1 р. 90 к.

Указатель книгъ, журнальн. и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1908 г. Сост. А. Д. Педашенко. Изд. гл. упр. землеустр. и земледѣлія. Спб., 1911 г. Стр. 370.

Уоллэсъ, Альфредъ-Руссель. Дарвинизмъ. Пер. проф. М. А. Мензбира. Изд. 2-е, дополнен. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1911 годъ. Стр. XXVI+577. Ц. 2 р. 40 к.

Уфимскій земскій календарь на 1911 г. Изд. уфимск. губ. земства. Уфа, 1911 г. Стр. 175+IV. Ц. 40 к.

Уэллсъ, Герб.-Джорджъ. Собраніе сочиненій. Т. XII. Изд. „Шиповникъ“. Спб., 1911 г. Стр. 178. Ц. 1 р. 25 к.

Филиппъ, Жанъ и Бонкуръ, Поль. Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей. Перев. съ франц. И. А. Багашева. Подъ ред. В. Е. Игнатьева. К-во „Космосъ“. М., 1911 годъ. Стр. 160. Ц. 1 р. 25 к.

Фіорды. Сборникъ 6. Перев. А. и П. Ганзенъ. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Спб., 1911 г. Стр. 293. Ц. 1 р. 25 к.

— Сборникъ 7. Перев. А. и П. Ганзенъ. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Спб., 1911 г. Стр. 295. Ц. 1 р. 25 к.

Хвостовъ, В. М. Нравственная личность и общество. Очерки по этикѣ и соціологіи. Изд. Клочкова. М., 1911 г. Стр. VIII+230. Ц. 1 р. 35 к.

Христіансенъ, Б. Философія искусства. Перев. съ нѣм. Г. П. Федотова. Из-во „Шиповникъ“. Спб., 1911 годъ. Стр. 290. Ц. 1 р. 75 к.

Чертковъ, В. Г. Римскій мудрецъ Эпиктетъ. Изд. „Посредника“. М., 1911 г. Стр. 96. Ц. 15 к.

Чулковъ, Георгій. Сочиненія. Т. IV. Изд. „Шиповникъ“. Спб., 1911 г. Стр. 236. Ц. 1 р. 25 к.

Шевченко, Т. Кобзарь. 2-е видания. В. Яковенка. Спб., 1911 годъ. Стр. 598. Ц. 1 р. 10 к.

Шестовъ, Левъ. Великіе кануны. Изд. „Шиповникъ“. Спб., 1910 г. Стр. 315. Ц. 2 р.

— Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Изд. „Шиповникъ“. Спб., 1911 г. Стр. 285.

Шеръ, В. В. Исторія профессіональнаго движенія рабочихъ печатнаго дѣла. К-во „Наука“. М., 1911 г. Стр. 475. Ц. 1 р. 25 к.

Шницлеръ, Артуръ. Юный Медардъ. К-во „Современ. проблемы". М., 1911 г. Стр. 316. Ц. 1 р.

Шпицеръ, Семенъ. Повѣсти и разсказы. Т. II. Спб., 1911 годъ. Стр. 204. Ц. 1 р.

Шюрэ, Эдуардъ. Жрицы Изиды. Романъ. Пер. съ франц. К. Жихаревой. К-во „Сфинксъ". 1911 годъ. Стр. 273. Ц. 1 р. 25 к.

Эверсъ, Гансъ-Гейнцъ. Ужасы. Необычайныя исторіи. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Спб., 1911 г. Стр. 358. Цѣна 1 р. 50 к.

Эллисъ. Stigmata. Книга стиховъ. Из-во „Мусагетъ". М., 1911 годъ. Стр. 171. Ц. 2 р.

Эрлихъ, П. Біологическіе этюды. Изд. т-ва „Новое въ медицинѣ". Спб., 1911 г. Стр. 145. Ц. 1 р. 50 к.

Контора журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ"

(Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина)

принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 60 руб., а въ концѣ книги 40 руб.; за ½ страницы 30 и 20 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ таковое должно быть доставлено не позже 15 числа предыдущаго мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Критическаго обозрѣнія.

I. Книги.

Стр.

Исторія литературы и литературная критика: *Карлъ Федернъ.* Данте и его время.—Сказанія о бѣднякѣ Христовѣ. Книга о Францискѣ Ассизскомъ 141

Исторія: Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы. Изд. *Научнаго Слова.*—Освобожденіе крестьянъ. Сборникъ статей. Изд. *Жизни для всѣхъ.*—Крѣпостное право въ Россіи и реформа 19 февраля.—*Н. Карѣевъ.* Краткая исторія прошлаго столѣтія 143

Политическая экономія и статистика: *С. Закъ.* Статистическій ежегодникъ соціально-политическихъ таблицъ всѣхъ странъ міра. Годъ III.—*Л. Н. Литошенко.* Снабженіе Москвы и другихъ большихъ городовъ молокомъ.—Труды экспедиціи по изслѣдованію земель Печорскаго края, Вологодской губерніи. Т. I и II.—*Giuseppe Prato.* Il protezionismo operaio. L'esclusione dei lavoro straniero 147

Философія: *Марсель Эберъ.* Прагматизмъ, изслѣдованіе его различныхъ формъ.—*Л. М. Лопатинъ.* Философскія характеристики и рѣчи.—*Dr. Emil Lask.* Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre 151

Соціологія: *Emil Hammacher.* Das philosophish-ökonomische System des Marxismus.—*І. П. Миллеръ.* Половая мораль и освобожденіе женщины . . 154

Правовѣдѣніе: *Дж. Стифенъ.* Очеркъ доказательственнаго права . . 156

Публицистика: *А. А. Николаевъ.* Хлѣба и свѣта! Матеріальный и духовный бюджетъ трудовой интеллигенціи у насъ и за границей.—Теоретическіе и практическіе вопросы еврейской жизни 157

Педагогика и народное образованіе: Библіотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Подъ ред. Горбунова-Посадова. I. *Е. Симонъ.* Школа и хлѣбъ. II. *П. Б.* Вопль учащихся дѣтей.—*А. М. Обуховъ.* Ближайшіе практическіе вопросы народнаго образованія въ Россіи. . . . 159

Естествознаніе: *Гампсонъ Шеферъ.* Парадоксы природы. *Дж. Дж. Томсонъ.* Корпускулярная теорія вещества.—*Н. Кабановъ.* Очерки по физіологіи здороваго и больного человѣческаго организма.—Біологическій журналъ, издав. при Зоологическомъ отд. И. О. Л. Е. А. и Э.—*А. Э. Шиплей и Э. В. Мэнъ-Брайдъ.* Курсъ зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній.—*В. Н. Линдъ.* Практическое руководство къ опредѣленію звѣрей, водящихся въ Европейской Россіи.—*Р. Г. Франсэ.* Чувствуютъ ли растенія? 161

II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе марта 1911 года.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

Отъ С.-Петербургскаго Литературнаго общества.

С.-Петербургское Литературное Общество поставило себѣ задачей собрать и разработать—въ связи съ подготовкой правительствомъ проекта новаго устава о печати, а также въ качествѣ историческаго матеріала переживаемой переходной эпохи—возможно больше фактическихъ данныхъ, освѣщающихъ *современное правовое положеніе періодической печати за періодъ времени послѣ манифеста 17 октября и временныхъ правилъ 24 ноября 1905 г.*

Съ этой цѣлью С.-Петербургскимъ Литературнымъ Обществомъ разосланъ редакціямъ выходящимъ въ настоящее время въ Россіи періодическихъ изданій прилагаемый вопросникъ, выработанный состоящей при Совѣтѣ Общества Комиссіей о правовомъ положеніи печати, съ просьбой, обращенной къ редакціямъ, доставить возможно болѣе полныя свѣдѣнія по всѣмъ его пунктамъ.

Но, кромѣ того, С.-Петербургское Литературное Общество было бы весьма благодарно за *сообщеніе согласно вопроснику свѣдѣній, относящихся и до другихъ, уже прекратившихъ свое существованіе, періодическихъ изданій.*

Просьба адресовать отвѣты секретарю Комиссіи о правовомъ положеніи печати *гр. П. М. Толстому, Петербургъ, Большая Дворянская, 23, кв. 9,* и писать (по параграфамъ вопросника) *на писчей бумагѣ обыкновеннаго формата по одной сторонѣ страницы* съ точнымъ указаніемъ въ заголовкѣ того изданія, о которомъ сообщаются свѣдѣнія, и того промежутка времени, за который сообщаются свѣдѣнія.

ВОПРОСНИКЪ

о правовомъ положеніи періодической печати

послѣ манифеста 17 окт. и врем. правилъ 24 ноября 1905 г.

А. Административныя распоряженія вообще.

I. § 1. Извѣстны ли вамъ случаи несоблюденія *явочнаго порядка выдачи свидѣтельствъ* на право выпуска въ свѣтъ новаго періодическаго изданія или на право измѣненія условій выпуска въ свѣтъ прежняго періодическаго изданія, какъ-то: случаи отказовъ (и на какомъ основаніи) въ выдачѣ свидѣтельствъ лицамъ, удовлетворяющимъ формальнымъ условіямъ, установленнымъ врем. прав.-24 ноября 1905 года? Или случаи задержекъ (и на какомъ основаніи) въ выдачѣ свидѣтельствъ сверхъ установленныхъ сроковъ?

II. § 2. Предъявлялись ли вашей редакціи требованія что-либо *не печатать* въ вашемъ органѣ и что именно? Въ какой формѣ (устной или письменной), съ ссылкой ли на опредѣленныя и какія именно статьи

закона, съ отобраніемъ ли отъ васъ соотвѣтствующей подписки, съ указаніемъ ли на возможныя послѣдствія неисполненія означенныхъ требованій и т. п.?

§ 3. Предъявлялись ли вашей редакціи требованія представлять на *предварительный просмотръ*, до выпуска въ свѣтъ очередного нумера вашего органа, тотъ или другой газетный матеріалъ и какой именно? Или не входила ли ваша редакція, ради практическихъ соображеній, сама въ *соглашеніе* на счетъ возстановленія, въ той или иной формѣ и въ какой именно, прежняго порядка представленія всего газетнаго матеріала *на предварительную цензуру?*

§ 4. Случалось ли въ вашей практикѣ, что редакторъ или кто-либо другой изъ лицъ, близко стоящихъ къ вашему органу, приглашался явиться (и являлся ли) къ мѣстному начальству (и къ какому именно) для получанія тѣхъ или другихъ указаній насчетъ вашего органа (и какихъ именно)?

III. § 5. Были ли случаи *пріостановленія* вашего органа (и на какой срокъ) на основаніи чрезвычайной охраны или военнаго положенія?

§ 6. Были ли случаи, и какіе именно, *закрытія*, на основаніи исключительнаго положенія, *типографіи*, печатающей вашъ органъ, въ качествѣ мѣры, направленной противъ вашего органа? Или случаи предупрежденія о закрытіи типографіи?

§ 7. Принимались ли мѣры, и какія именно, противъ *выхода въ свѣтъ* вашего органа *во время лишенія редактора свободы* въ виду отсутствія собственноручной редакторской подписи на выпускаемыхъ нумерахъ?

IV. § 8. Были ли случаи, и какіе именно, примѣненія другихъ административныхъ мѣръ, на основаніи исключительнаго положенія, къ редактору, или издателю, или сотрудникамъ, или корреспондентамъ вашего органа въ связи съ газетной работой въ вашемъ органѣ, какъ-то: случаи *высылокъ* изъ предѣловъ губ. (или градонач.), *арестовъ, обысковъ, выемокъ* и т. п.? Или случаи предупрежденія о принятіи такихъ мѣръ?

§ 9. Были ли случаи, и какіе именно, примѣненія такихъ формъ *воздѣйствія* на вашъ органъ, какъ: воспрещеніе тѣмъ или другимъ лицамъ или учрежденіямъ выписывать вашъ органъ или давать свѣдѣнія вашему органу? Воспрещеніе розничной продажи (разносчиками или въ кіоскахъ) нумеровъ вашего органа, безпрепятственно выпущенныхъ въ свѣтъ въ мѣстѣ его печатанія, въ другихъ городахъ или районахъ его распространенія? Препятствія или задержки въ выдачѣ разрѣшеній на печатаніе объявленій въ вашемъ органѣ? Требованія, обращенныя къ редакціи вашего органа, раскрыть псевдонимы авторовъ статей или сообщеній и т. п.?

Б. Примѣненіе обязательныхъ постановленій.

V. § 10. Были ли вообще изданы въ вашей губерніи (или градонач.), *когда* именно *въ первый разъ и какого содержанія* обяз. постановленія противъ оглашенія и публичнаго распространенія извѣстныхъ статей, сообщеній и т. п.? Издавались ли еще, когда именно и какого содержанія какія-либо *дополнительныя* обяз. постановленія на этотъ счетъ? Или *новыя* обяз. постановленія взамѣнъ первоначально изданныхъ?

Весьма желательно получить полныя копіи обяз. постановленій.

§ 11. Дѣйствуютъ ли обяз. постановленія противъ печати *до сихъ*

поръ? Или дѣйствіе ихъ *прекратилось* и когда именно? Въ частности, если усил. охрана была снята въ вашей губерніи (градонач.), но за губернаторомъ (градонач.) сохранены полномочія по изданію обяз. постановленій, то было ли *продолжено* (и о томъ объявлено) дѣйствіе обяз. постановленій противъ печати?

VI. § 12. *Сколько было случаевъ наложенія взысканій* за нарушеніе обяз. постановленій и *какихъ именно взысканій:* въ альтернативной формѣ штрафа (и въ какомъ размѣрѣ) *или* ареста (и на какой срокъ)? въ формѣ ареста „*безъ замѣны штрафомъ*“ (и на какой срокъ)?

§ 13. Въ тѣхъ случаяхъ, когда взысканіе назначалось въ формѣ штрафа или ареста (при несостоятельности) и въ виду невнесенія штрафа примѣнялся арестъ, всегда ли допускалось *освобожденіе отъ дальнѣйшаго отбыванія ареста* послѣ внесенія штрафа и по какому расчету?

§ 14. Были ли случаи, и какіе именно, *отмѣны* или *смягченія* или *измѣненія* разъ наложеннаго взысканія? По непосредственному ли распоряженію губернатора (или градоначальника), или во исполненіе распоряженія высшей власти и какой именно? По жалобѣ или безъ жалобы? Носило ли смягченіе или отмѣна взысканія индивидуальный характеръ или характеръ общаго прощенія (и по какому случаю)?

§ 15. Подвергался ли вашъ органъ взысканіямъ *только въ лицѣ редактора,* подписавшаго инкриминируемый нумеръ, или также въ лицѣ запасныхъ редакторовъ, или издателей, или авторовъ и др.?

§ 16. Каковъ *общій итогъ наказаній,* понесенныхъ вашимъ органомъ за нарушеніе обяз. постановленій—сумма *всѣхъ* штрафовъ, наложенныхъ на вашъ органъ? внесенныхъ вашей редакціей? и продолжительность *всѣхъ* наказаній лишеніемъ свободы, назначенныхъ къ отбытію? отбытыхъ?

§ 17. Въ какомъ помѣщеніи, при какихъ уловіяхъ приходилось *отбывать арестъ?*

VII. § 18. За какія именно *статьи или сообщенія* (оригинальныя или перепечатки) вашъ органъ подвергался взысканіямъ и *за нарушеніе какихъ* именно пунктовъ обяз. постановленій?

Весьма желательно получить экземпляры соотвѣтствующихъ нумеровъ или копіи инкриминируемыхъ статей и сообщеній, а также копіи распоряженій о наложеніи взысканій съ ихъ мотивировкой.

§ 19. Въ частности, налагались ли взысканія преимущественно за освѣщеніе мѣстной жизни или политики центральнаго правительства?

§ 20. Случалось ли, что взысканія назначались *спустя* болѣе или менѣе значительный *промежутокъ времени* (и какой именно) послѣ напечатанія инкриминируемыхъ статей или сообщеній?

VIII. § 21. Были ли вами вообще *обжалованы* какія-либо распоряженія администраціи, касавшіяся вашего органа и какія именно? Кому? Съ какимъ результатомъ?

IX. § 22. Кому принадлежитъ въ вашемъ городѣ *надзоръ за печатью* (комитету или инспектору по дѣламъ печати, особо командированному лицу, вице-губернатору) и кто фактически его осуществляетъ?

В. Отвѣтственность передъ судомъ.

X. § 23. *Сколько* было *случаевъ конфискаціи* отдѣльныхъ нумеровъ вашего органа: по распоряженію администраціи? по непосредственному опредѣленію суда въ распорядительномъ засѣданіи?

§ 24. Сколько разъ конфискаціи *отмѣнялись* судомъ безъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія?

§ 25. Были ли случаи, и какіе именно, *пріостановленія* вашего органа судомъ въ распорядительномъ засѣданіи *до* судебнаго разбирательства при утвержденіи конфискаціи или при опредѣленіи о конфискаціи?

§ 26. Были ли случаи, и какіе именно, когда судъ при отсутствіи основанія къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія постановилъ приговоръ объ *уничтоженіи конфискованнаго нумера* вашего органа?

XI. § 27. *Сколько* было случаевъ *возбужденія уголовнаго преслѣдованія* противъ вашего органа и за нарушеніе *какихъ статей карательнаго закона* и сколько изъ нихъ (и какіе) кончились: *прекращеніемъ* уголовнаго преслѣдованія до судебнаго разбирательства? вступленіемъ въ законную силу *оправдательныхъ* судебныхъ приговоровъ? *обвинительныхъ* судебныхъ приговоровъ съ осужденіемъ по какимъ статьямъ карательнаго закона—при первомъ же судебномъ разбирательствѣ? или послѣ второго или третьяго судебнаго разбирательства и въ такомъ случаѣ послѣ какого или какихъ первоначальныхъ приговоровъ?

§ 28. Были ли случаи привлеченія къ судебной отвѣтственности, кромѣ отвѣтственнаго редактора, *другихъ лицъ:* какихъ именно (фактическаго редактора, издателя, автора) и съ какимъ въ отношеніи ихъ окончаніемъ процесса?

XII. § 29. Къ *какому наказанію* присуждалъ каждый вступившій въ законную силу обвинительный приговоръ и *по какой статьѣ карательнаго закона?*

§ 30. Въ частности, случалось ли, что обвинительные приговоры, вступившіе въ законную силу, сопровождались опредѣленіемъ суда о *пріостановкѣ* вашего органа? Или о запрещеніи онаго *навсегда?* Или о *запрещеніи редактору или издателю* принимать на себя въ теченіе извѣстнаго срока званіе редактора или издателя періодическаго изданія?

§ 31. Каковъ *общій итогъ наказаній,* къ которымъ былъ *присужденъ* вашъ органъ вступившими въ законную силу судебными приговорами—продолжительность *всѣхъ* наказаній лишеніемъ свободы и суммы *всѣхъ* штрафовъ? Въ томъ числѣ, какова продолжительность *всѣхъ отбытыхъ* наказаній лишеніемъ свободы и сумма *всѣхъ внесенныхъ* штрафовъ, за поглощеніемъ болѣе легкихъ наказаній болѣе тяжкими, по принципу совокупности наказаній?

XIII. § 32. *Напечатаніе какихъ именно статей или сообщеній* инкриминировалось вашему органу и *за нарушеніе какихъ статей карательнаго закона?*

Весьма желательно получить соотвѣтствующіе нумера вашего органа или копіи инкриминируемыхъ статей и сообщеній, а также копіи обвинительныхъ актовъ и судебныхъ приговоровъ, съ указаніемъ, за напечатаніе какихъ статей и сообщеній: 1) Были постановлены обвинительные приговоры, вступившіе въ законную силу? 2) Были постановлены обвинительные приговоры, отмѣненные затѣмъ въ апелляціонномъ порядкѣ или послѣ кассаціи? 3) Были составлены обвинительные акты или постановленія о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности, по которымъ уголовное преслѣдованіе было прекращено до судебнаго разбирательства? 4) Была произведена конфискація нумеровъ, отмѣненная потомъ су-

домъ въ распорядительномъ засѣданіи безъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія?

XIV. § 33. Какая *мѣра пресѣченія* примѣнялась къ обвиняемому (подписка о неотлучкѣ, отдача на поруки, взятіе залога, домашній арестъ, взятіе подъ стражу)?

§ 34. Были ли случаи какихъ-либо *стѣсненій защиты* при судебномъ разбирательствѣ по дѣламъ, возбужденнымъ противъ вашего органа, и въ чемъ они выражались (отказы въ вызовѣ свидѣтелей и т. п.)?

§ 35. Были ли случаи *закрытія дверей засѣданія суда* при судебномъ разбирательствѣ и на какомъ основаніи?

XV. § 36. Не имѣется ли въ вашей практикѣ *еще какихъ-либо фактовъ*, относящихся къ современному правовому положенію періодической печати?

§ 37. *Реагировалъ* ли какъ-нибудь *кругъ* вашихъ *читателей* на кары, постигшія вашъ органъ?

§ 38. Не имѣется ли у васъ, на основаніи вашего опыта, какихъ-либо *общихъ соображеній* о современномъ правовомъ положеніи періодической печати послѣ манифеста 17 окт. и врем. прав. 24 ноября 1905 г.? Въ частности, о вліяніи современнаго правового положенія печати на редакціонную сторону газетнаго (журальнаго) дѣла? на издательскую его сторону? на матеріальныя условія сотрудничества въ періодической печати? на уровень литературныхъ нравовъ и т. п.?

Сергіевскія минеральныя воды.

СИЛЬНѢЙШІЕ СѢРНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Сезонъ 1911 года: съ 10-го мая по 20-е августа.

Ванны: сѣрныя, с.-соленыя, с.-сосновыя, с.-содовыя, грязевыя—натуральныя и разводныя.

Кумысъ. Казенный ресторанъ. Библіотека. Читальня. Столичный оркестръ. Концерты. Танцовальные вечера. Спектакли. Паркъ. Обширная дубовая роща, на горѣ купальни. Катаніе въ лодкахъ по р. Сургутъ. Путеводитель 30 коп. въ конторѣ управленія водъ.

Почтово-тел. отд. „Сѣрноводскъ Самарскій“.

Врачи по всѣмъ спеціальностямъ.

БРИЛЛІАНТЫ, СЕРЕБРО, ЗОЛОТО.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Братья МАРКОВЫ.

Москва, Ильинка, 15. Тел. 41—25.

ВЫБОРЪ
сервизнаго и столоваго серебра.
ХРУСТАЛЬ.
ЧАСЫ
лучшихъ фабрикъ.

Починка и заводка съ ручательствомъ.

ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ ГОСТЕЙ:

ПОЛНАЯ КНИГА

РАСКРЫТІЕ ТАЙНЪ ВОЛШЕБСТВА.

Состав. проф. Малиненко по сочин. ілмъ знаменитыхъ френологовъ, хиромантовъ и гипнотизеровъ. Содержитъ 50 разн. рис. и болѣе 300 разн. фактическихъ опытовъ, легко исполнимыхъ, какъ-то: вызываніе духовъ, призраковъ, умершихъ изъ загробной жизни. Угадывать чужія мысли. Усыпить и подчинить своей волѣ извѣстное лицо. Избавить человѣка отъ чрезмѣрнаго куренія и пьянства. Узнать—по складу головы, по чертамъ лица, по линіямъ на рукахъ — характеръ, способности, наклонности, здоровье, болѣзнь, счастье или несчастье человѣка. Узнать у совершенно незнакомаго человѣка, сколько въ карманѣ денегъ. Снять съ человѣка нижнюю рубашку, не трогая верхняго платья. Молоко превратить въ кровь. Воду въ вино. Сдѣлать красное вино бѣлымъ или бѣлое краснымъ. Сжечь нитку и, растеревъ между ладонями показать ее вновь цѣлой. И много другихъ волшебныхъ секретовъ, карточныхъ и другихъ фокусовъ помѣщено въ этой книгѣ.

Книга стоитъ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к., съ наложеннымъ плат. 1 р. 85 к.

Въ премію прилагаются безплатно волшебно-фокусныя карты.

Книжный магазинъ А. С. Балашова.

Адресъ: Москва, Трубная ул., д. № 13.

Книгоиздательское Товарищество „ДѢЛО“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
НОВОЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНІЕ
„ВЕЛИКАЯ РОССІЯ“
ПОДЪ ОБЩИМЪ РУКОВОДСТВОМЪ
профессора Д. Н. АНУЧИНА.

Ближайшее участіе принимаютъ: прив.-доц. Н. В. Богоявленскій, А. А. Борзовъ, прив.-доц. М. П. Головачевъ, И. Н. Бороздинъ, прив.-доц. С. Г. Григорьевъ, Б. П. фонъ-Дитмаръ, прив.-доц. Б. М. Житковъ, Ф. С. Красильниковъ, С. А. Королевъ, прив.-доц. А. А. Круберъ, прив.-доц. А. И. Колмогоровъ, В. П. Налимовъ, С. В. Покровскій, В. Ф. Піотровскій, Л. Д. Синицкій, Д. И. Тимковскій, Д. Т. Яновичъ и др.

Настоящее изданіе будетъ представлять изъ себя рядъ очерковъ по отдѣльнымъ областямъ Россіи, которые въ цѣломъ дадутъ полное, всестороннее описаніе современной Россіи и ея населенія.

„Великая Россія“ будетъ состоять изъ 12 томовъ, которые будутъ заключать въ общей сложности около 3,500 страницъ большого формата.

Изданіе будетъ напечатано на плотной, спеціально изготовленной бумагѣ, красивымъ четкимъ штрифтомъ и будетъ богато иллюстрировано художественно выполненными снимками, видами, типами и сценами изъ жизни различныхъ народностей Россіи.

Все изданіе будетъ содержать въ себѣ около 1,200 такихъ иллюстрацій. Каждый томъ будетъ заключенъ въ плотную обложку, художественно исполненную въ краскахъ.

Цѣна изданія:

За 12 томовъ—25 руб. съ доставкой ВЪ МОСКВѢ. (Пересылка въ другіе города Россіи за счетъ подписчика.)

Условія подписки:

При подпискѣ—2 р. 50 к., при полученіи перваго тома—2 р. 50 к., при полученіи каждаго изъ 10 послѣдующихъ томовъ—по 2 р. Послѣдній томъ высылается безплатно.

Изданіе будетъ выходить въ теченіе года по 1 тому въ мѣсяцъ. Первый томъ выйдетъ въ началѣ мая 1911 г.

Подписка принимается въ Конторѣ издательства и черезъ спеціальныхъ агентовъ.

Главная Контора Издательскаго Товарищества „ДѢЛО“

МОСКВА, Тверская, Козицкій пер., 2.

Телефонъ 291-65.

Подробный проспектъ высылается безплатно.

ПОЛНОЕ ОТСУТСТВІЕ ВРЕДНЫХЪ ПРИМѢСЕЙ.

МЫЛО НЕСТОР

НЕВСКАГО СТЕАРИНОВАГО ТОВАРИЩЕСТВА.

ПОЛНОЕ ОТСУТСТВІЕ ВРЕДНЫХЪ ПРИМѢСЕЙ.

Продается вездѣ. Въ случаѣ затрудненія въ полученіи обращаться въ Депо Товарищества, МОСКВА, Б. Лубянка, д. Страх. Общ. Россія.

ПОЛНОЕ ОТСУТСТВІЕ ВРЕДНЫХЪ ПРИМѢСЕЙ.

ПОЛНОЕ ОТСУТСТВІЕ ВРЕДНЫХЪ ПРИМѢСЕЙ.

ПОЛНОЕ ОТСУТСТВІЕ ВРЕДНЫХЪ ПРИМѢСЕЙ.

СТОЛОВАЯ ВОДА

Идеальный МИНЕРАЛЬНЫЙ освѣжающій прекраснаго вкуса напитокъ

„КАЛИНКИНЪ“